

РУССКОЙ АРХИВЪ

1876.

ИЗДАВАЕМЫЙ

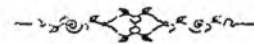
5.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Письмо изъ Нишъ въ Петербургъ отъ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго къ князю Потемкину. 1774. (Сообщено Г. Н. Александровымъ). Стр. 5.
2. Пугачевщина: Письма графа П. И. Панина къ брату его графу Никитѣ Ивановичу и письма князя Потемкина къ графу П. И. Панину. Съ предисловіемъ издателя. (Сообщено княгинею М. А. Мещерскою). Стр. 7.
3. Графъ и графиня Сѣверные въ Нидерландахъ. Статья г-на Гашара и донесеніе Екатерины II-й А. Н. Маркова, съ предисловіемъ Л. Н. Майкова. Стр. 45.
4. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе А. Н. Попова. Глава IV. (Магазинщица Оберъ-Шальме.—Намѣреніе Наполеона идти на Петербургъ.—Возвращеніе его въ Кремлевскій дворецъ.—Комиссія о поджигателяхъ.—Отъзвы Бернадота.—Донесеніе Ивашкина.—Письма графа Ростопчина къ Государю.—Кто смегъ Москву?) Стр. 53.
5. Вѣсти изъ Россіи въ Англію, въ царствованіе Павла Петровича. Письма графа Ѳ. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову. (Дѣятельность графа Ростопчина при Павлѣ.—Князь Безбородко.—Кочубей.—Принцъ Конде.—Князь Лопухинъ). Стр. 81.
6. Жуковскій въ Парижѣ. Статья князя П. А. Вяземскаго (съ выдержками изъ Записокъ Жуковскаго). Стр. 91.
7. Изъ воспоминаній объ А. С. Хомяковѣ. А. В. Рачинскаго. Стр. 101.
8. Еще о дневникѣ Храповицкаго: письмо къ издателю Русскаго Архива, Н. П. Барсукову. Стр. 104.

(См. на оборотъ, объявленіе о Русскомъ Архивѣ прежнихъ годовъ).

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРИБЪЛИЖЕННЫХЪ ВОР., Д. ШИЛОВЫЙ.

1876.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать слѣдующія книги Русскаго Архива прежнихъ годовъ.

Главнѣйшія статьи въ нихъ здѣсь исчисляются.

1872 ГОДЪ. *Книга первая.* (Воспоминанія Ѡ. П. Дубляновскаго.—Записка графа Нессельрода о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира.—Минивъ и Пожарскій, статьи И. Е. Забѣлина.—Воспоминанія А. Н. Аванасьева.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и пр.). Цѣна 4 рубля.

1872 ГОДЪ. *Книга вторая* (Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ.—Письма Поздѣева.—Письма графа С. Р. Воронцова къ графу Ѡ. В. Ростопчину.—Выдержки изъ старой записной книжки.—Письма М. А. Волковой къ В. И. Данской, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за десять лѣтъ и пр.). Цѣна 3 рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга первая* (Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о Франціи, князя Куракина, 1810 г.—Письма Жуковскаго о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича.—Письмо жениха-Пушкина къ его тецѣ.—Политическія записки Ѡ. И. Тютчева.—Записки графа П. Х. Граббе.—Записки Н. И. Греча.—Записки графа І. И. Ростовцева.—Записки И. П. Сахарова.—Записки И. А. Шестакова). Цѣна 4 рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга вторая* (Записки Фокерода о Петрѣ Великомъ.—Бумаги П. А. Демидова.—Е. И. Нелидова.—Донесенія изъ Франціи графа А. И. Маркова.—Записки о 1812 годѣ, П. А. Тучкова.—Записки Фотія.—Записки А. Я. Стороженьки.—Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Россія и Германія, статья Ѡ. И. Тютчева.—Замѣчанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича на сочиненіе г-на Берга о Польскихъ заговорахъ.—Выдержки изъ старой записной книжки). Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. *Книга первая.* Осьмнадцать писемъ В. А. Жуковскаго къ императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ (1826 — 1839) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—

(См. на слѣд. страницѣ обертки).

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

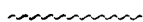
(1876).

2.

РУССКОЙ ЭРМИИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

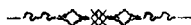
Петромъ Бартеповымъ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

(1876).

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И Н., У ПРЕЧЕСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1876.

Русскій Архивъ издается двѣнадцатью выпусками въ годъ. Четыре выпуска составляютъ отдѣльную книгу съ особымъ счетомъ страницъ и азбучнымъ указателемъ.

ПИСЬМО ГРАФА АЛЕКСѢЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ОРЛОВА ЧЕСМЕНСКАГО КЪ КНЯЗЮ ПОТЕМКИНУ.

Изъ Пизы въ С.-Петербургъ въ 1774 году.

Милостивый государь мой Григорій Александровичъ ¹⁾.

Имѣлъ удовольствіе два письма, чрезъ курьеровъ, отъ васъ получить, одно Іюля отъ 29-го, а другое Августа отъ 12-го чисель, за что васъ низжайше благодарю. Поздравляю съ выгоднымъ и полезнымъ миромъ, такъ какъ соотчича и вѣрнаго слугу всемилостивѣйшей нашей Государыни. Тождь и всѣхъ съ онымъ поздравляю, кто честно думаетъ и кто вѣрно объ ономъ старался. Теперь поздравляю васъ я персонально съ чиномъ генераль-аншефа и со всѣми врученными вамъ легкими командами. Желая, чтобъ вы и впредь навсегда милость государскую носили.

Такъ какъ вы писали, что ея величеству угодно было писать самой ко мнѣ, я и получилъ милостивѣйшія повелѣнія и наставленія. Прошу васъ мое рабское и всеусерднѣйшее почтеніе повергнуть къ священнымъ стопамъ всемилостивѣйшей нашей Государыни. Чтò жъ принадлежитъ до вѣренныхъ мнѣ здѣсь командъ, то я всѣ мои силы и возможности употреблю, какъ возможно, чтобъ оныя благополучно возвратились въ свое Отечество, о чемъ отъ меня въ Архипелагъ уже и писано, съ подтвержденіями. И на первой случай назначены порты, въ которые имъ можно входить, поправляться и всѣмъ нужнымъ исправляться; тождь и нужда онаго потребовала, чтобы въ здѣшнихъ гаваняхъ держать карантинъ. Зная жъ всегда вашу ко мнѣ любовь, въ такомъ случаѣ не могу вамъ о себѣ много добраго сказать; и никто столько нерадъ миру, какъ я: потому-что болѣзненные во мнѣ припадки совсѣмъ мое тѣло разрушили и всю силу отняли такъ, что я едва ль нахожу въ себѣ способность какую-нибудь службу впредь нести, потому что недѣлю кажусь быть здоровъ, а двѣ и три недѣли меня разные припадки угнетаютъ, и особливо во внутренности множество обструкціевъ чувствую, хотя и всѣ способы противу онова употребляю приниманіемъ лекарствъ и черезъ день вѣжу въ бани. Только со всѣмъ онымъ почти облегченія никакого себѣ не чувствую, а единая только надежда впредь Божеское спасеніе и милость государская. Я жъ остаюсь вашъ, государя моего, покорный и вѣрный слуга

Графъ Алексѣй Орловъ.

1774-го года Сентября 25.

Изъ Пизы.

P. S. Чтò вы пишете о полку Преображенскомъ, что вы объ немъ ваше попеченіе имѣете и постараетесь упущенное возставить, о томъ

¹⁾ Въ то время, когда писано это письмо, Потемкинъ еще не имѣлъ титуловъ: Россійское графство онъ получилъ въ слѣдующемъ (1775) году.

я нимало не сумнѣваюсь; и осталось мнѣ только радоваться, что я товарища хорошаго и попечительнаго имѣю. И я во всеѣ полную надежду на васъ имѣю и желаю вамъ всякаго счастья и благополучія. Нижайше благодарствую, что вы общаете меня увѣдомлять, какъ о посольствѣ ²⁾, такъ и о прочихъ дѣлахъ. Что жъ вы пишете о Пугачевѣ, что посланной казакъ Перфильевъ съ товарищи своими общался его выдать и съ сообщниками первоначальными его, я бы чрезвычайно обрадованъ былъ, еслибъ оной злодѣй былъ искорененъ какимъ бы нибудъ образомъ. А лучше бъ желалъ, если бъ оной въ живѣ былъ пойманъ и, какъ возможно, продолжительную и примѣрную казнь надъ нимъ сдѣлать должно. Я все еще подозрѣваю и причины имѣю подозрѣвать, не Французы ли этой шуткѣ причина. Я, въ бытность мою въ Петербургѣ, осмѣлился докладывать; но мнѣ не вѣрили. А вотъ теперъ еще стали и насъ пробовать о вѣрности, о чемъ я и въ теперешнемъ случаѣ ея величеству доносилъ ³⁾. И такъ, буде бы оной злодѣй пойманъ былъ, не дурно бы было распросить его о всѣхъ обстоятельствахъ, и нѣтъ ли при немъ кого изъ чужестранныхъ? А какъ вы на мѣстѣ, то можете лучше дѣло знать и по оному поступать. Я только то знаю, что для нашего Отечества великіе недоброхоты Французы.

(Изъ дѣлъ князя Потемкина, оп. 194. св. 32, изъ № 3).

Примѣчаніе. Письмо это важно потому, что касается той эпохи царствованія императрицы Екатерины II, когда она наиболѣе была озабочена вѣшними и внутренними дѣлами государства. Графы Орловы, сослуживъ для нея важную службу во время восшествія ея на престолъ и въ началѣ ея царствованія, сходили со сцены, и съ первыхъ мѣсяцевъ 1774 года во главѣ дѣлъ является князь Потемкинъ. Между тѣмъ отзывъ графа Орлова, что въ бунтѣ злодѣя Пугачева есть важная доля происковъ Французскаго двора, также заслуживаетъ вниманія.

Григорій Александровъ.

*

Объ отношеніяхъ братьевъ Орловыхъ къ Потемкину племянникъ и биографъ послѣдняго, графъ А. Н. Самойловъ, передаетъ между прочимъ слѣдующее. Лишившись одного глаза, Потемкинъ долго не показывался ко двору и въ обществѣ. Ходили слухи, будто онъ привидывается больнымъ и нарочно носить на глазу повязку. Графы Григорій и Алексѣй Орловы вызвались предъ Государыней сѣздить къ нему. Орловы вошли къ Потемкину въ спальню невзначай и разными дверьми. „Теска (сказалъ ему графъ Григорій Григорьевичъ), Государыня приказала мнѣ глазъ твой посмотреть“. Потемкинъ сталъ отпѣкиваться. Тогда могучій Алексѣй Орловъ зашелъ сзади, схватилъ Потемкина поперекъ и держалъ, пока Григорій Орловъ снималъ повязку и удостовѣрялся, что на глазу дѣйствительное бѣльмо. „Ну, теска, мнѣ не такъ про тебя говорили, и всѣ сказывали, что ты проказничаешь. Изволь одѣться: Государыня приказала привезти тебя къ себѣ“ (Р. Архивъ 1867, стр. 603). П. Б.

²⁾ Т. е. о пересылкѣ съ Турціею послами.

³⁾ На что тутъ намекается, намъ пока неизвѣстно.

ПУГАЧЕВЩИНА.

Нижеслѣдующія письма и бумаги (историческая важность ихъ, кажется, не требуетъ поясненія) сохранились въ подлинникахъ, въ семейномъ архивѣ княгини Маріи Александровны Мещерской, родной правнучки графа П. И. Панина, оказавшаго Россіи величайшую услугу укрощеніемъ Пугачевщины. Услуга эта могла подвергаться сомнѣнію лишь въ сочиненіяхъ поверхностныхъ, какова на примѣръ книжка „Графы Панины“ (1863), П. С. Лебедева, случайно встрѣтившаго важныя историческія бумаги, которыя онъ истолковалъ по первому впечатлѣнію, не имѣя возможности оцѣнить ихъ въ настоящемъ ихъ смыслѣ, такъ какъ тогда разработка Екатерининскаго вѣка еще только начиналась. Упоминаемъ о книжкѣ Лебедева, потому что она довольно распространена; но не одинъ онъ считалъ и изображалъ графовъ Паниныхъ своекорыстными честолюбцами, которые будто становились Екатериной и Потемкину поперекъ дороги и возбуждали противъ нихъ великаго князя Павла Петровича: такое мнѣніе выражено во многихъ иностранныхъ сочиненіяхъ. Нареканія эти опровергаются окончательными письмами, которыя мы теперь печатаемъ, и въ особенности письмомъ Потемкина къ графу П. И. Панину. Сыновья Петровскаго генерала, дѣятели Елисаветинскаго времени, братья Панины конечно могли относиться къ Екатерининскому царствованію наблюдательно и не примыкали къ числу восторженныхъ ея поклонниковъ. Графъ Никита Ивановичъ содѣйствовалъ возведенію Екатерины на престолъ, но полагалъ, что она будетъ править Россіею до совершеннолѣтія *своего сына*. Приверженность графа Никиты Ивановича къ его царственному воспитанику нельзя зачислять ему въ вину. Графъ Петръ Ивановичъ, бывшій правитель Пруссіи и генералъ-губернаторъ Кенигсбергскій, могъ считать себя недостаточно награжденнымъ за взятіе Бендеръ и, живучи въ отставкѣ, въ словоохотливой Москвѣ, могъ увлекаться пылкостью своего характера и гласно выражать неудовольствіе противъ правительства и противъ разныхъ злоупотребленій, которыхъ и въ Екатерининское время было немало. Государственныя заслуги и чистота побужденій давали ему возможность открыто заявлять свои сужденія; онъ спорилъ съ Екатериною въ Сенатскихъ засѣданіяхъ и вообще былъ извѣстенъ благородною независимостью мнѣній. Но какъ скоро являлась нужда государственная, оба брата Панины, забывали личныя неудовольствія и служили Государыня *въ правдою*.

Въ разгаръ Пугачевщины, лѣтомъ 1774 года, 53-лѣтній герой Кунерсдорфской баталіи (въ которую Фридрихъ Великій съ отчаянія думалъ лишитъ себя жизни) и недавній (1770) покоритель Бендеръ, графъ П. И. Панинъ, съ многочисленнымъ семействомъ своимъ, проживалъ на покоѣ въ Москвѣ, на Мясницкой, въ домѣ своемъ (нынѣ принадлежащемъ г. Бутенюпу). Москвою правилъ младшій сподвижникъ его по Семилѣтней войнѣ, другъ графовъ Орловыхъ, князь М. Н. Волконскій. Императрица приказывала ему наблюдать за графомъ Панинымъ: очевидно, на нее дѣйствовали его рѣзкіе отзывы. Графъ Панинъ отдѣлывалъ себѣ дачу Михалково близъ Петровскаго-Разумовскаго и отстраивалъ въ ней подобию *Бендерской* вѣрности. Клевета и услужливая сплетня не щадили прямодушнаго генерала. Какая-то Наталья Пассекова (дальняя родственница его супруги) посылала о немъ тайные доносы въ Петербургъ и дошла до того, что увѣряла, будто Московскій мятежъ 1771 года произошелъ по наущенію графа Панина. Екатерина съ презрѣніемъ отвергла эту

клевету; тѣмъ не менѣе ея письма къ Московскому главнокомандующему свидѣтельствуютъ, что сужденія графа Петра Ивановича, которыя конечно отзывались въ многочисленномъ кругу тѣсно съ нимъ связанныхъ родственныхъ семействъ, князей Куракиныхъ, Лобановыхъ-Ростовскихъ, Репниныхъ и пр., тревожили ее. Къ чести князя Волконскаго надо сказать, что въ донесеніяхъ своихъ онъ старался успокоивать Государыню (Осмнадцатый Вѣкъ, кн. 1-я). Тѣмъ временемъ положеніе первопрестольной столицы, „сего обширнаго селенія“, было ужасно: Москва только что начинала оправляться послѣ бунта и моровой язвы, и теперь ей грозила участь Казани, взятой и сожженной Пугачевымъ. Московская чернь еще съ весны толковала о скоромъ прибытіи государя Петра Ѳедоровича. 22 Юля, Екатерина, въ собраніи Государственного Совѣта, „объявила свое намѣреніе самой ѣхать для спасенія Москвы и внутренности Имперіи, требуя и настоя съ великимъ жаромъ, чтобы члены Совѣта сказали ей каждый о томъ свое мнѣніе“. „Безмолвіе между нами было великое (писалъ объ этомъ засѣданіи графъ Н. И. Панинъ своему брату въ Москву). Я тутъ увидѣлъ до самой крайности безмолвное духовъ порабощеніе. Наконецъ Государыня ко мнѣ одному обратилась и съ большимъ вынужденіемъ требовала, чтобы я ей сказалъ, хорошо или дурно она сіе сдѣлаетъ. Мой отвѣтъ былъ, что не только не хорошо, но и бѣдственно въ разсужденіи цѣлости всей Имперіи; что когда она такимъ образомъ займется непосредственно волнованіемъ одной столь презрительной черни, тогда начнется неизбѣжно разрушеніе и погибель всей Россійской Монархіи, и что не можетъ быть истиннаго сына Отечества, который бы хотѣлъ дожить до сего злослукчательнаго пункта. Ея Величество тутъ съ чувствительнымъ движеніемъ доказывала, какую пользу произвести можетъ ея повсюду присутствіе и весьма противъ меня подкрѣпляема была новымъ нашимъ фаворитомъ (т. е. Потемкинымъ). Старый *) (князь Г. Г. Орловъ) съ презрительною индифферентностью все слушалъ, ничего не говорилъ и извинялся, что онъ не очень здоровъ, худо спалъ и для того никакихъ идей не имѣетъ. Окликанные дураки Разумовскій и Голицынъ твердымъ молчаніемъ отдѣлались. Скарредный Чернышовъ (графъ Иванъ?) трепеталъ между фаворитами, въ полслова раза два вымолвилъ, что самой ей ѣхать вредно, и спѣшилъ записывать только имена тѣхъ полковъ, которымъ къ Москвѣ маршировать вновь повелѣно. Вице-канцлеръ (кн. А. М. Голицынъ) одинъ по своей способности мои разсужденія открыто подкрѣплялъ. Забылъ было сказать о дуракѣ Вяземскомъ. Ему полюбились манифесты и Казанскихъ дворянъ вооруженія, и потому представлялъ только, чтобы и то и другое на Москвѣ сдѣлано было. Ты легко, мой любезный другъ, изъ сего познаешь, какъ мой духъ распаленъ былъ. Совѣтъ кончился тѣмъ, чтобы обождать Румянцова курьера съ заключеніемъ мира, котораго однакоже такъ скоро заключить конечно не можно. Между тѣмъ я рѣшился на слѣдующій поступокъ. Послѣ обѣда взялъ новаго фаворита особенно и, облича дерзость его мыслей, которой ни лѣта, ни практика ему не могутъ дозволить и повторяя резоны мною сказанные, угрожающіе разрушеніемъ Имперіи, объявилъ ему, что на отвращеніе сего я рѣшился ѣхать противъ Пугачева или отвѣтствовать за тебя, мой любезный другъ, что ты, при всей своей дряхлости, возьмешь на себя спасать Отечество, хотя бы то надобно было тебя на носилкахъ нести, если только Государыня того желаетъ, или же она никого лучше тебя избрать не можетъ, и чтобы онъ пошелъ съ симъ моимъ объявленіемъ

*) Т. е. прежній фаворитъ; лѣтами онъ еще былъ не старъ.

ниемъ къ Ея Величеству. Я скоро потомъ вошелъ самъ къ ней и тоже самое пересказалъ. Излишне будетъ подробно описывать всѣ тѣ разговоры, которые при томъ происходили, а довольно только сказать, что Государыня, будучи весьма растрогана симъ моимъ поступкомъ, божилась предомной, что она никогда не умаляла своей къ тебѣ довѣренности, что она совершенно увѣрена, что никто лучше тебя Отечества не спасетъ, что она съ прискорбіемъ тебя отъ службы отпустила, что она не отважилась тебя призвать къ настоящему дѣлу по тому одному, что ты уже вышелъ изъ службы, и что наконецъ съ чувствительною радостію теперь слышитъ мое обнадеживаніе, что ты не отречешься въ семъ бѣдственномъ случаѣ еще служить ей и Отечеству. Вотъ, мой любезный другъ, каковымъ образомъ жребій твой рѣшился“. (Сборн. Имп. Р. Истор. Общества, VI, 74—76).

Племянникъ Потемкина, графъ А. Н. Самойловъ передаетъ это событіе нѣсколько въ иномъ видѣ. По его словамъ, Потемкинъ, „яко безпристрастный патріотъ, ходатайствовалъ у Императрицы о препорученіи истребленія мятежа извѣстному мужу, отличному по заслугамъ и твердости духа, графу П. И. Панину. Но чтобы и Монархия не вынуждена была вызовомъ его на служеніе Отечеству, то Григорій Александровичъ, соглася графа Никиту Ивановича Панина писать о томъ къ его брату, отправилъ съ тѣмъ нарочнаго чиновника и съ своимъ словеснымъ препорученіемъ и убѣжденіемъ, чтобы онъ, яко ревностный сынъ Отечества, просилъ Государыню всеподданнѣйшимъ отзывомъ о желаніи его служить и быть полезнымъ государству“ (Р. Арх. 1867, стр. 1022). Упоминаемый здѣсь чиновникъ, отправленный къ Потемкину въ Москву изъ Петергофа, и былъ самъ графъ А. И. Самойловъ. По своему тогдашнему положенію онъ не могъ знать это дѣло во всей точности, и слѣдов. разсказъ графа Н. И. Панина не подлежитъ сомнѣнію; а что Потемкинъ долженъ былъ уговаривать Государыню, чтобы она преодолѣла свои чувства относительно графа П. И. Панина, о томъ свидѣлствуетъ ея записка къ Потемкину: „Господинъ графъ Панинъ изъ брата своего позволить дѣлать властителя съ безпредѣльною властью въ лучшей части Имперіи. Если я сіе подпишу, то сама нималѣйше не сбережена, но предъ всѣмъ свѣтомъ перваго врага и мнѣ персональнаго оскорбителя, побоясь Пугачева, выше всѣхъ смертныхъ въ Имперіи хвалю и возвышаю“. (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общ. XIII, 420). И однако 29 Іюля 1774 г. Екатеринѣ пришлось подписать почти неограниченное полномочіе графу П. И. Панину и передать въ его распоряженіе цѣлый обширный край Россіи; въ сравненіи съ Бибиковымъ, онъ получилъ меньшую власть только въ томъ отношеніи, что Секретная Коммисія была выдѣлена изъ подъ вѣдѣнія главнокомандующаго и поручена родственнику и однофамильцу Потемкина *).

Державинъ не даромъ назвалъ Екатерину Фелицею, т. е. удачливою. Какъ и у многихъ великихъ людей, въ дѣйствіяхъ Екатерины мы видимъ, что счастливый случай и удача шли на встрѣчу ея душевной твердости и тонкимъ предначертаніямъ. Назначеніе графа Панина въ данномъ случаѣ было самое счастливое: еще живучи въ отставкѣ, графъ Панинъ вооружалъ своихъ дворовыхъ людей и намѣревался идти съ ними на встрѣчу Пугачевскимъ шайкамъ, въ случаѣ ихъ приближенія къ Москвѣ. Вельможи обращались къ нему за совѣтомъ, какъ имъ быть и спрашивали, что онъ намѣренъ дѣлать. — „Умереть!“ отвѣчалъ имъ израненный от-

*) См. напечатанныя Я. К. Гротомъ бумаги Панина въ Зап. Акад. Н., т. III, № 4, стр. 8.

ставной генераль. Понятно, что такой человекъ, получивъ власть, тотчасъ же оживилъ умы и положилъ конецъ колебаніямъ и сомнѣніямъ.

Читатели познакомятся теперь съ этимъ достопамятнымъ человекомъ въ его откровенныхъ письмахъ къ старшему и почитаемому брату. Русскіе люди прошлаго и нынѣшняго вѣка, принимаясь за перо, нерѣдко становились на риторическія ходули; но въ данномъ случаѣ сущность дѣлъ и отношеній явственно выступаетъ изъ-за фразъ и широковыщательныхъ разглагольствій.

П. Б.

І. Письма графа П. И. Панина къ брату его графу Никитѣ Ивановичу.

1.

Москва, 1774 года Іюля 21 дня.

Отъ графа Федора Алексѣевича Апраксина ¹⁾ письмо по его меня просьбѣ симъ препровождаю къ вамъ, милостивый мой другъ и любезный братецъ. Желая сердечно, чтобъ нашло оно васъ въ добромъ здоровьѣ и въ наилучшихъ удовольствіяхъ послѣдствіемъ полученнаго столь славнаго и полезнаго мира. Не надобно только, драгоценный другъ, погрузиться по оному и по пораженію подъ Казанью Пугачева въ радости и веселія до тѣхъ поръ, чтобъ изъ памяти хотя на одинъ часъ выпустить, что сей злодѣй еще не истребленъ, что онъ по многимъ подобнымъ пораженіямъ все возстановляется, что отъ руки его мучительно умерщвляются дѣды и братія наши и что кровь согражданъ нашихъ не престаеетъ невинно проливаться. А всего хуже, что духи отъ упоеннаго яду не только не вытрезвляются, но еще сильнѣе уповаются и размножаются.

2.

Москва, 1774 года Іюля 23 дня.

Послѣ какъ я сочинилъ на прошедшей почтѣ письмо къ вамъ, мой милостивый другъ и драгоценный братецъ, лишь сѣлъ за обѣдъ, то пришла ко мнѣ лихорадка и такъ жестоко меня била близъ часа, какъ я оной во всю жизнь свою никогда не имѣлъ; потомъ до другаго дни продолжился великій жаръ съ ломомъ въ головѣ и волнованіемъ во всемъ во мнѣ летучей подагры. Со вчерашняго утра и по теперешнее не имѣю я въ себѣ другаго какъ великую слабость и нѣсколько тѣхъ же волнованій; но, чтобы иногда лихорадка мнѣ послѣ полудни не попрепятствовала, то я теперь же изготовилъ къ препровожденію въ милостивое ваше покровительство возвращающагося отсель нашего внука князь Александра Ивановича Лобанова ²⁾. Непристойно мнѣ вмѣщать мое у васъ за него заступленіе, по тому самому кровному и въ васъ съ нимъ какъ во мнѣ обязательству, кое не можетъ, кажется, въ доб-

¹⁾ 1733—1789. Родственникъ графовъ Паниныхъ черезъ князей Куракиныхъ.

²⁾ Т. е. внучатнаго племянника. Князь А. И. Лобановъ-Ростовскій род. въ 1754, ум. 1830 г.

родѣтельной душѣ и само о немъ столько же какъ во мнѣ предстательства не дѣлать: то я представляю вамъ, драгоценный другъ, одно только сіе. Неужели то непременно надобно, по особливому долгу челоуѣчества и добродѣтели, чтобы самыя ближніе къ вамъ, а паче когда они еще въ точной вашей командѣ, не только другихъ не превосходили, но съ ними не равнялись и отъ всѣхъ тѣхъ отставали, кто только самую какую нибудь дальностію прилѣплены къ людямъ знатныхъ степеней? Ежели это такъ, то нельзя не сказать, чтобъ жребій нашъ не былъ всѣхъ несчастіе: потому что время никогда не стоить, но съ нимъ лѣта проходятъ и вѣкъ у всякаго сокращается, и по моему примѣчанію, въ теперешнемъ состояніи сего внука нашего была бь лучшая къ нему милость и обрадованіе нашей сестры, если бы онъ могъ быть помѣщенъ въ гвардію. Я прошу только того вашего, милостивый другъ, о немъ вниманія, что оба тѣ изъ нихъ напи внучата, кои были подъ моимъ начальствомъ и не перешли подъ ваше, далеко уже его теперь превзошли, а онъ подъ вами остается все тѣмъ же, чѣмъ отъ меня выступилъ, когда между тѣмъ и солдатскія дѣти по канцеляріямъ нижнихъ генераловъ не только до капитанскихъ, но и до штабъ-офицерскихъ чиновъ многіе достигли. Сіе не можетъ мать его не огорчать, а слезы оной не уязвлять обремененной уже старостію сестры нашей ³⁾.

Для любопытнаго прочтенія вашего, драгоценный другъ, включаю я здѣсь полученныя мною вчерась изъ Казани два письма. Изъ нихъ увидите вы, какъ злодѣй при всякихъ его пораженіяхъ не ужасается тотчасъ опять самъ на побѣдителей нападать и находить способы весьма скоростижно силу свою умножать (а онъ уже теперь перешелъ Волгу на нашъ берегъ), и какъ шурина мой Петръ Алексѣевичъ ⁴⁾ резервъ въ замокъ ввелъ, а не по веревкѣ черезъ стѣну встацилъ, какъ здѣсь проѣзжіи курьеръ разгласилъ.

3.

Москва, 1774 года Іюля дня.

Вручитель сего представитъ вамъ, милостивый мой другъ и любезный братецъ, чрезъ Ивана Демидовича посланныхъ съ нимъ изъ

³⁾ Княгиня Александры Ивановны Куракиной (1711—1786), дочь которой кн. Екатерина Александровна (1735—1802) была за мужемъ за княземъ Ив. Ив. Лобановымъ-Ростовскимъ (ум. 1791). Княгиня Александра Ивановна была на много лѣтъ старше обоихъ своихъ братьевъ. По мужу своему, родному племяннику царицы Евдокіи Ѳеодоровны, она принадлежала къ самой родовитой знати того времени. Эта почтенная вдова (проживавшая въ нынѣ полуразрушенномъ домѣ въ глубинѣ огромнаго двора, на нижней Лубянской площади, противъ извѣстнаго дома Шипова и въ виду повостроящагося Музея) была средоточіемъ безчисленной родни. Родство и кумовство конечно давали нерѣдко поводъ къ злоупотребленіямъ; но въ тоже время тѣсныя семейныя и родовыя связи представляли собою великую общественную и обязательную силу, въ нашъ вѣкъ, подобно многимъ нравственнымъ силамъ прошлаго времени, совершенно ослабленную.

⁴⁾ Татищевъ, извѣстный Мартинистъ, родной братъ первой супруги графа П. И. Панина.

Москвы двухъ жеребцовъ: темногнѣдаго, полученнаго мною съ завода графа Алексѣя Григорьевича, и свѣтлогнѣдаго, родившагося на томъ нашемъ Орловскомъ заводѣ, который теперь переводится къ вамъ въ Вяземскія вотчины. Да приказано жъ ему, слѣдующи чрезъ оныя вотчины, принять и привести къ вамъ вороночалаго тамошняго жеребца, о которомъ вы мнѣ прежде приказывали. Желаю сердечно, чтобъ Орловскаго заводу жеребецъ, которому только нынѣ четыре года, показался передъ вашими глазами столько, сколько онъ мнѣ съ здѣшними конскими охотниками показался быть достоинъ ѣздить вамъ на немъ самимъ. Можетъ быть и я, также какъ другіе, по самолюбію ослѣпился; но мнѣ бажется, какъ и здѣшніе знатоки утверждали, что за диковинку въ Россіи выродилась такъ во всѣхъ статьяхъ Аглицкая лошадь.

4.

Москва, 1774 года Августа дня.

Милостивый мой другъ и любезный братецъ. Изъ многого уже я примѣчалъ, а сегодня полученное мною съ нашими внучатами ваше откровеніе ⁵⁾ утвердило меня во всей точности, что жребій службы обоихъ насъ непремѣнно преположилъ воздавать нашей истинной непорочности, безпредѣльной вѣрности къ Государямъ и Отечеству, усерднѣйшему рвенію о ихъ цѣлости и безвредности, самыми наитруднѣйшими и опаснѣйшими насъ обремененіями. Вижу я и чувствую во всемъ пространствѣ, какое критическое положеніе въ стеченіи разныхъ обстоятельствъ теперь обоихъ насъ поставило; больше всего въ томъ меня поражаетъ ваше тяжкое онаго восчувствованіе. Пожалуйте, драгоценный другъ, мужайтесь и крѣпитесь къ сохраненію единственно своего здоровья. О братъ своемъ иною не заключайте, что онъ всего ужасается только издали, а при настояннн самыхъ и величайшихъ угрозеній, никогда не допустить себя отвратить отъ единожды принятыхъ и до смерти сохраняемыхъ своихъ правилъ, чтобы соблюсти всегда истинную свою вѣрность къ Государю, непреминовенное усердіе къ Отечеству и неповрежденіе собственной чести и репутаціи, оставляя впрочемъ съ собою быть, что Вышнему Промыслу угодно. При сихъ единственно правилахъ буду я способствоватьъ преподаанными вашими въ ономъ письмѣ мнѣ совѣтами, вслѣдствіе которыхъ вы найдете желаемое вами, въ приложеніяхъ у сего, съ моимъ на оное отвѣтомъ. Сверхъ того имѣю я съ вами, любезный другъ, о слѣдующемъ еще побесѣдовать, для чего и отправилъ сіе къ вамъ съ внукомъ нашимъ, княземъ Лобановымъ, который охотно взялся сдѣлать еще сію скоропостижную къ вамъ и обратно переѣздку, давъ ему при томъ и реляцію къ Ея Величеству по моему теперь настоящему ⁶⁾ служенію. Изъ того приложенія вы сами, мой другъ, усмотрите, что нѣтъ ни малѣйшаго отношенія на мою волю остав-

⁵⁾ Это письмо есть отвѣтъ на приведенное выше письмо графа Никиты Ивановича. ⁶⁾ Т. е. которое настоятъ, предстоить.

лять князя Щербатова ⁷⁾, какъ и многого прочаго Совѣмъ онъ того въ себѣ не имѣеть, въ чемъ Григорій Александровичъ ⁸⁾ вамъ на него ссылался.

Пожалуй, любезный другъ, паче всего разрѣшите меня съ симъ вручителемъ, черезъ кого можно по теперешнимъ обстоятельствамъ и какимъ образомъ удобнѣе мнѣ бы посылать свои реляціи. Я до сѣхъ поръ такъ поступалъ, что настоящую одну реляцію, адресовавъ въ собственные руки, во особливомъ пакетѣ препроводилъ къ вашему наставленію, чрезъ кого оную подать; на свое-ручное первое письмо, послѣдуемое письмомъ ко мнѣ отъ Григорья Александровича, отвѣтствовалъ письмомъ же, препровождаемымъ въ его пакетѣ для поднесенія, кое включено было подъ вашимъ адресомъ; а на полученное съ стафетою, на кое вы въ послѣднемъ ссылаетесь, отвѣтствовалъ письмомъ же на нарочномъ стафетѣ въ собственные руки ⁹⁾.

Прилагаю я при семъ проектъ сочиненному мною для обнаруженія извѣщанію противу злодѣя Пугачева. Составлялъ я его какъ мнѣ лучшая моя мысль предсказывала такимъ слогомъ, какъ бы могло внятнѣе быть послѣдней черни, на озлобленіе его во оной и на отвращеніе ея отъ него, предполагая издать его печатнымъ въ трехъ врученныхъ мнѣ губерніяхъ, и по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ войски мнѣ порученныя сего злодѣя преслѣдуютъ.

Пожалуй, любезнѣйшій другъ, возврати его мнѣ какъ можно поспѣшнѣй съ симъ же вручителемъ, котораго можете независимо отъ другихъ отправить какъ нашего внука, присланнаго отъ меня для нѣкоторыхъ закупокъ (а по тому случаю и дана ему была реляція), препроводя оное сочиненіе вашими перемѣнами или утвержденіемъ, по собственному вашему внимательному разсмотрѣнію.

Не сомнѣваюсь я никакъ, чтобъ могло повстрѣчаться какое затрудненіе во взятіи мнѣ съ собой отсель медика и аптеки съ лекаремъ. А какъ здѣсь находящійся подъ вѣдомствомъ Медицинской Канцеляріи докторъ Герасмусъ, изъ особливаго усердія, собственно волею на то ко мнѣ представился, естли вы только находящагося теперь въ Петербургѣ доктора Аша (зависящаго своимъ дѣломъ, какъ онъ сказываетъ, отъ васъ единаго) поспѣшно разрѣшите отъ онаго и отпустите въ Москву, дабы онъ Герасмусъ могъ ему здѣшнихъ своихъ пациентовъ до возвращенія своего вручить.

Извлеките себя, дорогой другъ, изъ безпокойства о любезной моей Марьѣ Родіоновнѣ ¹⁰⁾: ея истинное добродѣтельное ко всему

⁷⁾ Князя *Θ. Θ. Щербатова*, неудачливаго предводителя войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Пугачева. По смерти Бибикова онъ былъ назначенъ предводительствовать только временно, безъ большихъ полномочій. ⁸⁾ Потемкинъ. ⁹⁾ Вся эта переписка обнаружена покойнымъ графомъ *В. Н. Панинымъ* въ Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, въ томѣ VI-мъ, а упоминаемое ниже извѣщаніе, напоминающее намъ мѣры графа *Муравьева* 1863 года, напечатано въ академич. изданіи сочиненій *Державина*, V, 288. ¹⁰⁾ Урожденная *Вейдель*, вторая супруга графа *П. И. Панина*.

расположеніе и самоё себя прежде еще вашего письма поставило въ то, что она, примѣтивъ изъ первой депеши тожь самое что вы, отложила поѣздку свою въ Петербургъ до лучшаго времени. А намѣреніе ко оному было наше съ ней общее, въ разсужденіи какъ той пристойности, чтобъ принести благодареніе за избраніе меня, быть очевидицею всего противъ меня поведенія, пользоваться съ вами свиданіемъ, представить вамъ нашихъ дѣтей, привить большому оспу и разрѣшиться съ лучшею безопасностію отъ своей заченшейся беременності. Но теперь я хотя и на заочность, однакожь со всѣмъ тѣмъ поручаю ее въ ваше дружеское попеченіе, ничѣмъ нераздѣльно какъ себя собственно и съ тѣмъ, что и она сама прилѣплена къ вамъ душою и сердцемъ не меньше какъ я.

5.

Москва, 1774 года Августа 3 дня.

Напоследокъ, драгоцѣнный мой другъ и милостивый братецъ, все обыкновенное, по нашему общему съ вами въ службѣ жребію, со мной совершилось. Я вчерась предъ полуднемъ получилъ чрезъ господина гвардіи капитана Лунина всѣ извѣстныя вамъ, частію имянныя повелѣнія, препорученія и снабженія. Не имѣю я нужды воображать и представлять вашему, дорогой другъ, проницанію и кажется мнѣ необходимому сочувствію всего того со мною, чѣмъ я теперь сталъ быть объятъ и какому бремени и жребію подвергнулись остатки дней живота моего, обремененные увѣчною дряхлостію и наступающею уже старостію. Я безмолвственно отвращаю мои глаза отъ всего прочаго кромѣ единственныхъ: чести и вѣрности къ Отечеству и къ Государынѣ, повелѣвающихъ слѣдовать долгу истинной службы, поручая свой жребій во власть Всевышняго на излеченіе ранъ страждущаго Отечества. Изъ копій здѣсь включенныхъ, какъ съ реляціи къ подношенію вашему симъ препровожденной, такъ съ письма къ доставленію Григорію Александровичу и со включеннаго въ него къ Ея Величеству, равнымъ образомъ и съ указу даннаго въ Военную Коллегію и въ Сенатъ равнаго содержанія о возложенной на меня сей экспедиціи, усмотрите вы, любезной другъ, во всемъ пространствѣ все настоящее существо моего вступленія къ распоряженіямъ, и образъ обращеннаго вниманія на важность порученнаго мнѣ дѣла и на предписаніе о моемъ вступленіи во отправленіе сей только комиссіи. Пришелъ жребій, дорогой другъ, всему тому безмолвственно преклониться; но вопіетъ челоуѣчество о незамолчаніи предъ вами для полезнаго и безъ упущенія времени употребленія въ мою пользу о слѣдующемъ:

1-е. Расторженную почти по половинѣ всего государства столь важную экспедицію, очень непонятно какъ возможно съ надобною поспѣшностію въ потребную связь привести, не имѣя кругъ себя ни штатныхъ людей, а и полную мочь такую, противу которой собственноручное противорѣчіе ознаменовано. Слѣдовательно и остается пользоваться ею въ набраніи необходимо потреб-

ныхъ орудій въ тѣхъ только врученныхъ мнѣ губерніяхъ, въ которыхъ ихъ нѣтъ, не имѣя къ тому нигдѣ, кромѣ какъ развѣ на самомъ краю производимыхъ теперь злодѣйскихъ поисковъ, никакого соединеннаго корпуса, ниже и такого прикрытія, за которымъ бы по утвержденнымъ позиціямъ возможно было главному военачальнику доѣхать и туды между чернью, зараженною духомъ во всемъ способствовать и все предавать бунтовщикамъ. Нѣтъ мнѣ никакихъ средствъ выѣхать отсель прежде, пока разосланные съ повелѣніями моими во всѣ мѣста вчерась же курьеры ко мнѣ возвратятся и дадутъ мнѣ привезенными извѣстіями настоящее спознаніе о избраніи удобнѣйшаго мнѣ мѣста къ всеобщему распоряженію и ополченію противу главныхъ силъ и самоличности государственнаго врага, и пока же не прибудетъ сюда столько полковъ, изъ которыхъ бы возможно было мнѣ взятымъ удѣленіемъ не обнажить сего города отъ поиску злодѣйскаго и внутренней въ черни разглашающейся къ тому готовности. Да и сверхъ всего того изъ отставнаго бытія надобно мнѣ все передѣлать и приготовить къ полевому содѣйствію и ко оставленію жены и дѣтей на отлучное пребываніе. Ко всему тому пожаловано мнѣ пять тысячъ, да на канцелярскіе и чрезвычайные расходы токмо столько же ¹¹⁾. Но на послѣднее, кажется, востребуется несравненно болѣе. Не предписано мнѣ и о столовыхъ деньгахъ, какъ я уже въ прежней службѣ три раза получалъ со отправленіемъ всегда моего служенія со особливою пользою и съ споспѣшествованіемъ къ славѣ Ея Величества; то неужли-то, при теперешнемъ меня избраніи къ столь трудному и важному государственному служенію, лишать и сего вспоможенія, безъ котораго всеконечно брать вашъ принужденъ будетъ умножить и ввергнуть въ долги приготовляющійся къ сиротству свой домъ и дѣтей, неудобъ имъ сносимые? Съ нетерпѣніемъ остается ожиданіе мое тщетнымъ обѣщаннаго отъ васъ дополненія на мое первое отправленное чрезъ васъ къ Ея Величеству письмо и къ вамъ собственно внушеніе. Счастливъ я буду, еслии оно хотя чѣмъ нибудь облегчитъ мое теперешнее внутреннее себя заниманіе.

2-е. Припадки извѣстные вамъ моихъ увѣчныхъ болѣзней, всякій разъ угрожающихъ смертію безъ помощи надежныхъ медиковъ и лекарствъ, при неимѣніи которыхъ и не можетъ мнѣ о себѣ ничто лучшее предвозвѣщаться какъ второй томъ покойнаго Александра Ильича ко ознаменованію случившагося тому мѣста подобнаго Бугульмѣ. Къ предупрежденію чего исходатайствуйте вашимъ возможнымъ предстательствомъ, чтобъ я могъ безъ предосужденія взять отсель при себѣ доктора, штабъ-лекаря и аптеку. Когда вамъ, любезной другъ, случай представился вовлечь брата вашего въ сіе положеніе, то не пощадите возможности и трудовъ вашихъ исходатайствовать и доставить ему всѣ необходимо-потребныя вспоможенія и снабженія.

¹¹⁾ *Зап. Ак. Наукъ*, т. III, № 4, стр. 7.

6.

Москва, 1774 года Августа 10 дня.

Препровождаю съ нашимъ князь Степаномъ Борисовичемъ ¹²⁾ настоящую мою реляцію къ вашему, милостивый мой другъ и дорогой братецъ, наставленію, чрезъ кого и какимъ образомъ ее доставить ему до собственныхъ рукъ, какъ я до сихъ поръ еще ни въ наставленіи объ томъ, ни на что другое, по моимъ къ вамъ письмамъ не имѣю ничего въ полученіи послѣ доставленнаго мнѣ съ Лобановымъ вашего письма.

Ему жъ поручилъ я подъ руководствомъ вашимъ доставить и отправленное мое письмо Григорью Александровичу, со вложеннымъ поздравительнымъ Ея Величеству о мирѣ, о торжествѣ котораго вчерась ужъ здѣсь получено высочайшее ея повелѣніе, и въ отвѣтъ весьма короткаго, полученнаго мною отъ него въ 9 день сего мѣсяца, а писаннаго еще 2-го числа.

Настоящія мои реляціи не могу ужъ я себѣ представлять, чтобъ проходили вашего свѣдѣнія, хотя по конференціи; въ томъ заключеніи о теперешнемъ существѣ настоящаго моего дѣла я отношусь къ вамъ на сію послѣднюю.

Князь Степана Борисовича избралъ я къ сей посылкѣ въ семь намѣреніи, что не предвижу ни пользы, ни чести, ни выгоды войти ему до мнѣ въ прежнее при своемъ генеральѣ званіе, къ такому на меня возложенному дѣлу, кое при самомъ начатіи обращается въ сыскную разбойникамъ экспедицію. И если бы ему необходимо ѣхать со мной было надобно, то не иначе какъ развѣ на своемъ иждивеніи по собственному усердію и желанію молодому офицеру научиться всему тому, что можетъ по военному ремеслу случаться. Но гораздо бѣ полезнѣе и удобнѣе для него я поставлялъ вступить ему теперь генеральсь-адъютантомъ къ князь Николаю Васильевичу ¹³⁾, или по послѣдней мѣрѣ, когда сей употребленъ будетъ въ посольство, быть употреблену же къ оному посольству.

Князя Лобанова я полагаю взять къ себѣ въ должность флигель-адъютанта, для того, что сіе можетъ ему доставить скорѣе капитанскій чинъ и настоящее мѣсто дворянину службы. Пожалуйте, драгоценный другъ, скажите мнѣ скорѣй ваше объ нихъ обоихъ преположеніе; я на случай, если князь Степану Борисовичу не премѣнно при мнѣ быть надобно, сдѣлаю распоряженіе такое, чтобъ онъ въ то мѣсто ко мнѣ поѣхалъ, которое я установлю главнымъ моимъ плацъ-дармомъ ко отправленію моего служенія.

7.

Москва, 1774 года Августа 13 дня.

Вчерась по утру получилъ я чрезъ капитана гвардіи Галахова собственноручнымъ отъ Ея Величества предписаніемъ по нынѣш-

¹²⁾ Куракинымъ, тоже ввучатнымъ племянникомъ графа Панина.

¹³⁾ Репнину, женатому на ввучатной племянницѣ графа Панина, княжнѣ Натальѣ Александровнѣ Куракиной.

нему моему служенію новую экспедицію, къ произведенію которой онъ капитанъ и употребленъ ¹⁴⁾. Не сомнѣваюсь я, чтобъ вы, милостивый мой другъ и дорогой братецъ, не получили хоть по отбытіи его объ оной свѣдѣнія. Меня крайне оскорбляетъ, что такіа отправления минуютъ и того, чтобъ вы мнѣ съ ними сказывали хоть о своемъ состояніи. Прошедшую ночь принужденъ я сему капитану, весьма строптиво отправленному, дѣлать отъ себя отправление, хотя въ тожь время Марья Родіоновна обливалась слезами, а мое сердце терзалось чувствіемъ умирающаго меньшаго сына моего, который хотя еще насъ себя и не лишилъ, но, кажется, что больше борется съ смертію, нежели подаетъ надежды ко оживленію. Нельзя однакожь мнѣ было освободить себя и отъ того, чтобъ сего нарочнаго вручителя не экспедировать сегодня жъ съ реляціею до собственныхъ Ея Величества рукъ, какъ для увѣдомленія по той господина Галахова экспедиціи, такъ и по существу настоящаго и отъ разныхъ мѣстъ сообщеннаго положенія, требующаго отъсюду поспѣшной моей помощи, а происходимаго не только изъ дѣйствій самаго государственнаго злодѣя, но и изъ посѣяннаго имъ чрезъ оглашенія прельщаемаго яда во всей нашей черни.

По послѣдней мѣрѣ не сомнѣваюсь я, чтобъ настоящія мои реляціи съ ихъ приложеніями могли проходить вашего, любезный другъ, свѣдѣнія, хоть по конференціи ¹⁵⁾, для того и по сей послѣдней я отношусь вамъ на нее собственно.

Безпокоитъ меня, между прочимъ и то, что я по моей обыкновенной чистосердечной предъ Государемъ откровенности не послѣдую другимъ въ томъ, чтобъ не наноситъ неудовольствія неприятными и огорчительными приношеніями. Я въ томъ почитаю, дорогой другъ, сущую измѣну и нанесеніе величайшей Отечеству вредности, дабы сокровеніемъ настоящихъ приключеній отдалять отъ тѣхъ способій, которыхъ настоящее отвращеніе государственнаго вреда всегда требуетъ. Кажется теперь и по возложенному на меня дѣлу открывается, подобно какъ и въ несчастное язвою пораженіе, что скрытіемъ и утаеніемъ того, что въ самое себя объявленіе требуетъ скоростныхъ и самыхъ строгихъ способій къ пресѣченію, распространили до столь чувствительнѣйшей степени, которая еще гораздо больше окажется, когда о всемъ изъ того нынѣ происходимомъ настоящія освѣдомленія соберутся. Пожалуй, драгоценный другъ, сколько возможно охраняй отъ клеветниковъ и злоторкователей противу меня. Въ сей чистосердечной откровенности утверждаю, что я никакими лжами и утаеніями съ пользою служить не могу.

¹⁴⁾ Говорится объ извѣстномъ обманномъ предложеніи казака Трифонова выдать Пугачева. Все это дѣло велось черезъ князя Орлова. Екатерина ухватилась за предложеніе Трифонова съ горячностью, чтобы дѣйствовать мимо графовъ Паниныхъ.

¹⁵⁾ Конференціею графъ Панинъ зоветъ (по старой памяти Елисаветинскаго времени) тогдашній Государственный Совѣтъ, одно изъ засѣданій котораго описано его братомъ (см. выше, стр. 8).

Съ величайшимъ смущеніемъ не дождусь я еще и теперь никакой отъ тебя отповѣди, ниже и никакого извѣстія не токмо на отправление мое съ нашимъ Лобановымъ, ниже и на курьера, прежде его отправленнаго. Прекрайне буду я оскорбленъ, естли вы меня въ томъ же недоумѣніи допустите выѣхать и отсель, что всеконечно въ концѣ сей недѣли я сдѣлать долженъ.

8.

Москва, 1774 года Августа 15 дня.

Прискорбное мое предугаданіе, вижу, милостивый другъ и любезный братецъ, со мною совсѣмъ сбывается, что я отсель выѣзжаю безъ полученія отповѣди ни на что, не только отъ двора, ниже и отъ васъ собственно, хотя уже бы могли два курьера, отъ меня къ вамъ посланные, по теперешній часъ ко мнѣ возвратиться. Сіе я пишу сегодня ввечеру, чтобы бюро свое совсѣмъ закрыть, а самому завтра на разсвѣтѣ выѣхать. Естли вы, мой дорогой другъ, отпускаете меня съ такою безъизвѣстностію, частію и по собственной вашей медленности или нераченію, то согрѣшаете непростительно. Кромѣ того я теперь расстаюсь съ прелюбезнѣйшею женою, прилѣпленною ко мнѣ всею душою и истинною добродѣтелию. Она чувствуетъ, что отпускаетъ меня къ преодолѣнію того, на что бы составъ человѣческій, и неразрушенный такими увѣчными болѣзнями съ приближеніемъ старости, могъ бы быть недостаточенъ, остается беременною во окруженіи дѣтей въ младенческомъ состояніи ¹⁶⁾. Меньшой изъ нихъ нашъ сынъ припадкомъ младенческимъ четвертые уже сутки какъ борется между животомъ и смертію. Она горестное свое поражение раздѣляетъ на то и на другое. Нельзя, любезный другъ, и мнѣ сего не чувствовать наисильнѣйшимъ образомъ, присовокупляя еще страждущую сестру нашу отчаяніемъ по приближеніи къ концу своего вѣка больше со мной не видѣться. Со всѣмъ тѣмъ я съ свѣтомъ вдругъ завтра отсель ѣду, посвящая себя въ служеніе своему Отечеству, какъ бы то къмъ развращаемо ни было. Въ сихъ сильнѣйшихъ моихъ чувствіяхъ и разныхъ воображеніяхъ я мысленно объемяю твою шею. Говорю прости, любезнѣйшій другъ, еще на дальнѣйшее отстояніе. Тебѣ въ прирѣніе поручаю я на всякой случай дѣтей моихъ; будь имъ вмѣсто меня отцомъ, а въ Марьѣ Родіоновнѣ вручаю вамъ себя самого. Всѣ къ ней отъ васъ дѣянія принимать я буду мнѣ собственными; она всеконечно того достойна и оное заслуживаетъ не по единому совершенно добродѣтельному ко мнѣ прилѣпленію, но по самой искреннѣйшей привязанности и преданности къ вамъ, любезный другъ, собственно, и по расположенію души своей въ правилахъ самой истинной добродѣтели и чести. Я увѣренъ, когда бы случай пришелъ вамъ съ нею ближе и подолѣ быть, то бы вы всеконечно отдали ей справедливость и обратили бы къ ней всю драго-

¹⁶⁾ У графа П. И. Панина, отъ двухъ браковъ, было 22 человѣка дѣтей, изъ коихъ только двое выросли: графъ Никита Петровичъ, родившійся въ 1771 г. въ Харьковѣ, и Софья Петровна Тутолмина.

цѣнность души вашей. Сего я отъ васъ, любезный другъ, и испрашиваю къ ней всѣмъ моимъ братствомъ и дружбою.

Со вручителемъ сего отправилъ я къ наставленію и вамъ врученію послѣднюю изъ здѣшняго мѣста мою реляцію со многими приложеніями къ точному означенію всей картины моего нынѣшняго дѣла и государственнаго приключенія ¹⁷⁾. Пространство оныхъ обнадеживаетъ меня тѣмъ паче, что не можетъ оно миновать просмотра въ конференціи. Я для того на нихъ къ вамъ только ссылаюсь. А включаю здѣсь единственно копію съ письма отъ меня, съ нимъ же отправленнаго къ Григорію Александровичу. Всѣмъ своимъ курьерамъ даю я прогоны съ возвратомъ, въ томъ намѣреніи, чтобъ вамъ, дорогой другъ, была удобность при замедленіи дворскаго отвѣта возвращать нѣкоторыхъ изъ нихъ и съ едиными вашими меня увѣдомленіями. Инако же буду я, повидимому, погруженъ въ невѣдѣніе не только на мои приношенія, но и о состояніи вашемъ, что конечно предускорить положить меня въ гробъ и въ чемъ вы противу обличенія совѣсти вашей никогда оправдаться не можете. А потому я сего жестокаго жребія отъ васъ себѣ ожидать и не позволяю. Какъ не подоспѣлъ отвѣтъ вашъ, милостивый мой братъ, на сообщенный къ вамъ прожектъ моему изданію! А въ другомъ мѣстѣ кромѣ здѣшняго мнѣ уже бы не было гдѣ напечатать, для того я оный въ той точности, какъ къ вамъ посылалъ, здѣсь уже напечаталъ и, переѣхавъ Оку, буду его повсемѣстно издавать ¹⁸⁾.

9.

1774 года Августа 25 дня, село Ухолово, лежащее на половинѣ дороги между Переславля Рязанскаго и Шацка.

Послѣ отправленнаго послѣднимъ къ вамъ, милостивый мой другъ и драгоценный братецъ, теперь работая безперерывно двои сутки собственною диктатурою въ разныя мѣста и по разнообразнымъ дѣламъ, получилъ первой случай съ возвращающимся курьеромъ къ князь Михаилу Никитичу ¹⁹⁾ послать мою депешу ко двору чрезъ его сіятельство, писанную отъ сего жъ числа и заслуживающую вашего министерскаго вниманія. Если вы ее къ прочтенію своему испросить можете, то я, на оную сославшись, не имѣю уже ни силы, ни времени иного вамъ, драгоценный другъ, сказать кромѣ: я здоровъ. Духъ брата твоего, утвердись совершенно, никогда не упадетъ ни отъ чего подъ тѣмъ, что на него возлагаетъ сущая вѣрность къ владѣющей Государынѣ и къ Отечеству. Мерзитъ онъ все совершенно, слыша скарденое оному низложеніе и въ другихъ, а часть, что и въ нихъ главная причина тому нечистота души и похищенное погруженіе себя чрезъ роскоши и великолѣпія въ долги, совсѣмъ погубляющіе ихъ при лишеніи себя руки протекціи. Братъ

¹⁷⁾ Сборникъ Имп. Ист. Общ., т. VI, стр. 104.

¹⁸⁾ Напечатанъ въ сочиненіяхъ Державина, изд. Грота, т. V, стр. 288.

¹⁹⁾ Волконскому, Московскому главнокомандующему.

твой ни тому, ни другому никогда не былъ и не будетъ причастенъ; положить ему животъ въ законномъ служеніи своей Государынѣ и Отечеству—лучшее его, особливо при приближеніи старости, есть услажденіе. Еслибъ ты, любезный другъ, могъ видѣть теперь стеченіе отсюда собратій нашихъ къ твоему брату, оживотворившихся его приближеніемъ и признающихъ возвращеніе своей жизни отъ его руки, то бѣ извѣстная мнѣ душа твоя особливо еще признала, что недостойны мы по нашимъ жребіямъ иначе жить какъ только съ бодрствующимъ духомъ, а и умирать уже съ сладостію.

Любезныя ваши письма послѣднія я имѣю два сего мѣсяца отъ 15 и 19 чиселъ; за нихъ я васъ съ мысленнымъ душевнымъ объятіемъ благодарю наичувствительнѣйше. Скажите пожалуйста Денису Ивановичу ²⁰⁾, что я и его послѣдними имѣю въ полученіи отъ 12 и 19 чиселъ. По первому все мнѣ возможное къ сдѣланію изыскивать лучшей удобности не премину, а отвѣтствовать на нихъ оставляю до перваго отъ меня курьера.

10.

1774 году Августа 28 дня. Шацкъ.

Препровождая симъ въ собственныя руки Ея Величества мою реляцію, ссылаюсь вамъ, милостивый мой другъ и дорогой братецъ, на оную, естли можете къ прочтенію испросить, на письмо мое къ Григорію Александровичу и на здѣсь вложенное къ Денису Ивановичу, также и на копии подъ литерами А. Б. В. и съ полученныхъ мною послѣднихъ рапортовъ съ приложеннымъ допросомъ отъ полковника Михельсона и съ сообщенія Воронежскаго губернатора. Надѣюсь, все оно проицанію вашему, любезный другъ, покажетъ во всей точности картину и моего въ вышней степени критическаго теперь положенія, и существо нашихъ малодушныхъ отдаленныхъ начальниковъ. Когда уже за двумя рѣками Медвѣдицею и Хопромъ коменданты трепещутъ въ крѣпостяхъ отъ отнятія у нихъ казаками и крестьянами оныхъ, когда губернаторы по тому рассылаютъ только дено и ночью курьеровъ, чтобъ полевые генералы съ пѣхотою одного полку поспѣвали чрезъ 400 верстъ такихъ комендантовъ избавлять, когда такъ называемыя полевыя команды съ осмью пушками отдають себя казакамъ и крестьянамъ въ полонъ, и когда на вѣрность нашихъ Донцовъ нельзя полагаться и на послѣдокъ когда же въ здѣшнемъ краю и на Дону столько токмо хлѣба, что развѣ злодѣямъ яко передовымъ доставится на пропитаніе, а издали куда везти и гдѣ магазейны заготовлять, еще положить нельзя: то подумайте сами, чѣмъ душа брата вашего должна быть теперь наполнена! Благодарю Вышнему Существо, что только духъ его не упадаетъ и здорovie сносно.

²⁰⁾ Фонъ-Визину.—Къ сожалѣнію, его переписка за это время съ графомъ Панинымъ не сохранилась.

11.

1774 году Августа 30 дня. Шацкъ.

Ночесь полученный рапортъ отъ полковника Михельсона, что по приближеніи его къ злодѣю, начавшему свое покушеніе на Царицынъ, побѣжалъ онъ тотъ моментъ внизъ по Волгѣ къ Астрахани, препроводилъ я съ сегодняшнею реляціею ко всемилостивѣйшей Государынѣ, о врученіи которой прошу васъ, милостивый другъ и драгоценный братецъ, дать наставленія подателю сего. Я, сославшись на оную и на отправленное къ вамъ мое со вчерашнимъ курьеромъ письмо, то только скажу, что теперь отсель выѣзжаю.

Письмо къ князю А. Б. Куракину.

1774 году Августа 30 дня. Шацкъ.

Хотя по отнимаемому у меня времени теперешнимъ неотлагаемымъ моимъ служеніемъ не успѣлъ я еще на послѣднее ваше, любезный князь Александръ Борисовичъ, письмо ничего сказать; но надѣюсь, что настоящій мой тѣмъ отвѣтъ, что въ тожь время приказалъ Ивану Григорьевичу переслать требуемую вами 1000, не меньше пріятель вамъ онаго быть могъ и не меньше служить ко удостовѣренію, что никакое обремененіе не пресѣкаетъ моего усерднаго попеченія о вашихъ, любезный другъ, дѣлахъ, и что оному еще пріятнѣе будетъ получать мнѣ въ дальнѣйшемъ теперь отсутствіи любезную вашу переписку, потому что я всеконечно есмь и во всякомъ мѣстѣ непремѣнно пребуду вашъ, мой драгоценный другъ, и проч.

12.

Керенскъ. 1774 Сентября дня.

Нѣсколько часовъ послѣ отправленнаго письма моего къ вамъ, милостивый другъ и дорогой братецъ, въ препровожденіе маіора со извѣстіемъ о доскональномъ разбитіи злодѣя Пугачева, почувствовалъ я подагрической припадокъ въ лѣвомъ вертлугѣ наиживѣйшимъ образомъ, а распространившись оный и на всѣ кишки держалъ меня до самаго почти вечера того дни при самыхъ дверяхъ гроба. Способомъ лекарствъ и напослѣдокъ возвратился я опять къ моему служенію и теперь къ первому съ вами, любезный другъ, симъ бесѣдованію.

Два ваши письма имѣю я послѣдними пущенныя минувшаго мѣсяца, одно отъ 22-го, а другое безъ числа, но съ нарочно отъ васъ отправленнымъ. За нихъ, драгоценный другъ, а еще больше за ваши утѣшительныя къ моей Марьѣ Родіоновнѣ, о которыхъ она мнѣ съ великою радостію отозвалась, благодарю я васъ вседушевно.

Съ офицерами моими, отъ васъ возвратившимися, Змѣевымъ и Хорриннымъ, Ея Величество своеручнымъ ко мнѣ письмомъ, между прочими благоугодными отзывами по моему служенію, напослѣдокъ

весьма милосердо изволила меня обнадеживать своею высочайшею милостию по моимъ заслугамъ не только мнѣ, но и дому моему.

30,000 рублей въ золотѣ переслано ко мнѣ на чрезвычайные расходы.

О протчихъ, какъ Григорій Александровичъ отозвался, изволите усмотрѣть изъ вложеннаго здѣсь его письма.

Всякаго патриотическій духъ не могъ не поразиться наичувствительнѣйше свѣдѣніемъ о опасной болѣзни столь заслуженнаго мужа графа Румянцова, особливо еще при такой большой нуждѣ въ его государству окончательномъ служеніи; но что до Крыма касается, то думаю я, что князь Долгоруковъ развелся безъ всякаго мирнаго разрыву, потому что послѣднимъ ко мнѣ письмомъ извѣстилъ онъ о такихъ изъ войска своего сюда отрядахъ, каковыхъ бы ему безъ онаго сдѣлать никакъ было нельзя.

Радуюсь я сердечно, что назначенное отбытіе двора съ Москву съ 15 будущаго Декабря подаетъ мнѣ пріятную надежду съ вами тамъ, любезный другъ, свидѣться; потому что, кажется, теперь, по разбитіи главныхъ силъ бунтовщика и почти всѣхъ уже здѣшнихъ шаекъ, могу я преположительно основывать себя на зимнюю позицію въ Синбирскѣ, какъ въ срединѣ мѣстъ, требующихъ моего повсемѣстнаго обозрѣнія и вспоможенія, откуда, естли только подагра не воспрепятствуетъ, безъ сомнѣнія можно будетъ въ Москвѣ зимой мнѣ побывать. Дай Богъ только, чтобъ сіе благополучно сбылось.

13.

1774 года Сентября 2 дня. Керенскъ.

Спѣша теперь отправленіемъ ко двору сего вручителя со увѣдомленіемъ, что злодѣй Пугачевъ на голову побить и что доставлена мнѣ надежда ожидать его всякую минуту къ себѣ либо живымъ, либо мертвымъ, не хочу оставить безъ увѣдомленія о томъ и васъ, милостивый мой другъ и драгоценный братецъ. А время не позволяетъ ничѣмъ другимъ къ вамъ распространяться кромѣ моего вседушевнаго благодаренія за любезное ваше письмо, полученное съ Змѣевымъ, за преположеніе ваше, много меня одолжающее, о еженедѣльномъ ко мнѣ по пятницамъ отправленіи, которому я во всемъ по волѣ вашей и соотвѣтствовать буду, и за присланныя два сѣдла. Да забылъ было еще сказать, что и въ здѣшней окрестности разбита однимъ моимъ отрядомъ одна бунтовщицья шайка, до 600 человекъ состоящая, убить ея самъ предводитель болѣе нежели со 100 человеками и отнято у нихъ 13 пушекъ, набранныхъ сею скопившеюся шайкою по всѣмъ здѣшнимъ городамъ и помѣщичьимъ домамъ, кои они раззорили.

14.

1774 года Сентября 10 дня, изъ монастыря Казанскія Богоматери при Нижнемъ Ломовѣ.

Между послѣдне-отправленнаго моего письма къ вамъ, милостивой мой другъ и драгоценный братецъ, 6-го числа нынѣшняго мѣ-

сяца, не имѣю я еще отъ васъ въ полученіи требующаго новаго отвѣта, а въ томъ положеніи скажу вамъ только сіе.

Здоровье мое теперь въ обыкновенномъ своемъ состояніи; я вчерашній только день сюда перенесся, отъ середины самаго пущаго въ здѣшнемъ краю произведенія по всей окрестности бунтовщичьихъ злодѣяній, на которой задержаться былъ принужденъ цѣлую недѣлю для того, что отъ Ея Величества мнѣ самымъ первымъ предметомъ предписано, чтобъ впередъ угроженіе отъ бунтовщиковъ Москвѣ мѣста совсѣмъ не имѣло, то дабы изъ той середины ихъ сборища пресѣчь мнѣ всю возможность скопившимся уже было въ окрестности оной многочисленнымъ бунтовщичьимъ шайкамъ покуситься опять въ задѣ войскъ на Москву.

Моими отрядами оныхъ въ то пребываніе разбито шесть, а во всѣхъ въ нихъ, безъ увеличенія сказать можно, было коли не болѣе, то конечно не менѣе 8000 человекъ, которые, подвигаясь весьма жилыми мѣстами до Москвы, конечно бы возросли до ужаснаго числа, и раздулись бы искры, положенныя во всей тамошней черни.

Сколь же оныя шайки были дерзновенны и до какого безстрашія духи здѣшной черни возведены, изволите изъ сего заключить.

Шайка бунтовщиковъ, собравшаяся и похитившая городъ Наровчатъ, разбита моимъ отрядомъ въ сорока только верстахъ отъ того мѣста моего пребыванія, гдѣ предъ глазами ихъ сообщниковъ многимъ смертныя казни и тѣлесныя наказанія, сводимымъ изъ разныхъ мѣстъ, производимы были, и когда я изъ того города потомъ ужъ выѣхалъ, то холопъ барской, видѣвшій всѣ тѣ ужасы, не отворотился однакожь, будучи посланъ отъ своего помѣщика въ деревню, напасть на первострѣтившагося дворянина съ ножомъ и въ томъ пойманный ко мнѣ на дорогѣ представленъ. Со всѣмъ тѣмъ однакожь теперь ободряюсь, любезный мой другъ, доброю надеждою желаемый конецъ тому сдѣлать, по тѣмъ начавшимся опытамъ, что зачали уже и изъ отдаленныхъ тѣхъ селеній, до которыхъ мои употребляемыя средства достигли, присылать съ повинными и съ пойманными собственно собою зачинщиками и подсыльными къ ихъ возмущенію, поставляя въ знакъ заслуженной своей отъ Ея Величества казни по моимъ повелѣніямъ при своихъ селеніяхъ висѣлицы, глаголи ²¹⁾ и колесы на казнь себя собственно, если они впередъ дерзнуть нарушить въ чемъ нибудь подданническое свое законной Государынѣ повиновеніе, начальствамъ и собственнымъ владѣльцамъ. Да и перворазносимый въ черни слухъ, что братъ дядьки Цесаревича ѣдетъ съ войскомъ встрѣчать Петра Третьяго, нынѣ уже перемѣнился въ тотъ, что когда дядьки Цесаревича братъ ѣдетъ противъ, казнить и наказываетъ вѣрующихъ въ Петра Третьяго, то конечно это не онъ, а совершенно измѣненный и самозванецъ Пугачевъ.

²¹⁾ Длинный шесть съ перекладною въ верхнемъ концѣ, для повѣшанія, имѣющей видъ буквы Г.

Какія о семъ государственномъ врагѣ послѣднія получилъ я свѣденія, оное изволишь увидѣть, любезный другъ, изъ вложенныхъ трехъ копій съ рапортовъ. Другой объявившійся было Петръ Третій въ Воронежской губерніи, дворцовый крестьянинъ, уже пойманъ и по повелѣнію моему оставленъ прикованнымъ къ стѣнѣ, будучи присланъ отъ команды, въ Тамбовской канцеляріи. О немъ я и о прочемъ многомъ любопытномъ препроводилъ сегодня двѣ реляціи Ея Величеству при письмѣ къ Григорію Александровичу, какъ и послѣднее отъ Государыни своеручное письмо получилъ я препровожденное отъ него же. Пріятно бѣ мнѣ было, естлибъ оныя могли вы испросить къ вашему прочтенію.

Отсель завтра я выступя пойду чрезъ Пензу прямо къ рѣкѣ Волгѣ, направляю себя ко оной для ближайшаго полученія мнѣ откритія, куда обратиться по обстоятельствамъ гонящихъ моихъ изо всѣхъ мѣстъ войскъ врага Пугачева по степи за оною рѣкою. Дай Богъ, чтобы онъ въ тѣже сѣти, кажется уже неизбѣжныя, попалъ, какъ означенный ему подражатель.

15.

Пенза, 1774 году Сентября 14 дня.

Препровождая симъ словеснаго и ближняго ко мнѣ Петра Михайловича Лунина, увѣдомителя васъ, милостивой мой другъ и драгоценный братецъ, ссылаюсь на него о всемъ моемъ теперешнемъ состояніи и положеніи купно съ тою реляціею, которую онъ везетъ и коя заслуживаетъ любопытства на испрашиваніе и ваше ея прочтеніе.

16.

1774 году Сентября 22. Пенза.

Получа вечеръ отъ васъ, милостивой мой другъ и драгоценный братецъ, третьяго, возвращаю симъ втораго, и какъ въ день торжества высочайшей коронаціи Ея Величества, то поутру и спѣшу въ церковь, зачѣмъ и принужденъ мою любезную съ вами бесѣду по всей возможности сократить.

Поздравляю васъ, сердечной другъ, какъ съ сегодняшнимъ днемъ коронаціи, такъ и со вчерашнимъ вашего тезоименитства; желаю душевно, чтобъ вы оные провождали до самой поздней древности во всякомъ удовольствіи. Благодарствую попремногу за ваше дружеское письмо отъ 13-го числа нынѣшняго мѣсяца, вечеръ со онымъ полученное. Что и до сихъ поръ я ничего еще ко двору не отправилъ въ подтвержденіе принесеннаго мною чрезъ князя Лобанова, въ томъ не сомнѣвайтесь, потому что время еще не доставало мнѣ онаго и самому получить: для того что пойма злодѣя произошла на степи за триста верстъ отъ Яика, куда онаго предателя повезли и куда, по полученному о томъ извѣстію, князь Голицынъ хотя и послѣшилъ, но степью и безъ перемѣны на изнуренныхъ лошадяхъ, а и оттуда съ такъ весьма дальняго разстоянія и почти половину все степью жъ на неперемѣнныхъ ло-

шадяхъ, и ко мнѣ сюда другой вѣдомости по сегодняшній день подоспѣть никакъ еще было нельзя. Кромѣ жъ и поимки сего язвительнѣйшаго и опаснѣйшаго врага Отечества нашего, извольте, любезной другъ, съ вѣроятностію утверждать, что братъ вашъ, всѣ уже воуженные сего злодѣя въ государствѣ бунты до того пресѣкъ и утушилъ, что развѣ маленькія искры кое-гдѣ дыматся, да и тѣ весьма скоро перестанутъ не только воспламеняться, но и куриться. Съ сей стороны я весьма уже спокоенъ и надеженъ; но во вновь возложенномъ на меня попеченіи о прокормленіи здѣшняго края народа, совсѣмъ противно: потому, слыхалъ ли кто, что уже и въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, яко въ первомъ получившемъ съ поля жатву, покупать народъ здѣсь принужденъ къ своему пропитанію полынѣ до сорока алтынъ, а дубовые желудки до полутора рублей четверть? Вотъ, дорогой другъ, плоды роскоши и возвышенныхъ доходовъ, что и въ первой мѣсяцъ неурожая, въ самыхъ хлѣбородныхъ мѣстахъ, почти нѣтъ ни у кого запаснаго хлѣба ²²⁾. Я васъ благовременно предваряю, а скоро и ко двору писать буду, чтобъ назначенныя войски на зимнія квартиры оставить лучше прозимовать въ Польшѣ и въ Бѣлой Россіи. Мнѣ уже конечно не только умноженіе воинскихъ силъ будетъ ненадобно, но я послалъ поворотить назадъ слѣдующія ко мнѣ отъ Смоленска пѣхотныя во семь ротъ.

Весьма, драгоценный другъ, печальны обстоятельства Крымскія; Боже помощи вамъ оныя сколько возможно преобразить въ лучшее для Имперіи нашей состояніе и славу.

Огорчила жъ меня пребезмѣрно смерть сына нашего князя Николая Васильевича ²³⁾. Не знаю, за что Промыслъ Вышній столь немилосердъ нынѣ къ нашему Отечеству, что кто не рассказами, а вещью служитъ Отечеству и охраняетъ его отъ бѣдственныхъ насыланій, тѣхъ поражаетъ Онъ наичувствительнѣйшими разными и такими ударами, что удивительно какъ ихъ человѣчество сноситъ.

Ожидаю я маіора Дуве со удивленіемъ, какъ потому, что такого немолодаго мужика столь скоро возвращаютъ на вторичное весьма трудное перенесеніе курьерской поѣздки на такъ дальнюю и по великой распутицѣ дорогу, а не меньше того и потому, что мнѣ ужъ примѣчается о пріѣздѣ его принятіе весьма обыкновенное и не сходствуетъ нимало съ тѣмъ какъ бы кто пришедши, сказалъ, что сильнѣйшій государства непріятель, потрясшій престоломъ, разбитъ предъ вратами резиденціи и вся угрожающая опасность опровергнута. Ко оному, кажется мнѣ, весьма близка привезется имъ вѣдомость, потому что случай ея пресѣкъ совсѣмъ начатое уже пере-

²²⁾ По этому поводу графъ Панинъ испросилъ у Государыни денегъ, устроилъ на нихъ казенные хлѣбные амбары и строго запретилъ возвышать назначенную цѣну, пригласивъ кромѣ того имущихъ людей уступать свои избытки по сходной цѣнѣ. Муку велѣно было продавать на правомъ берегу Волги по 2 р. 70 к., а на лѣвомъ по 1 р. 80 к. (См. Словарь Бantyша-Каменскаго).

²³⁾ Репнина. Это былъ единственный его законный сынъ.

хождение къ злодѣю не только станицами и командами казаковъ, но ротами артиллерійскихъ и батальонами гарнизонныхъ служителей; да и снялись съ шеи веревки, такъ сказать, почти со всего Россійскаго дворянства. Я конечно не ошибаясь скажу, что онаго теперь ужъ погублено руками своихъ подданныхъ больше числомъ, нежели пало ихъ въ обѣ послѣднія войны ²⁴⁾. Видно, любезный другъ, что отъ Творца вселенной только надобно ожидать на все то правосуднаго возрѣнія. Пребывай съ Богомъ!

17.

Изъ Саранска, 27 Сентября 1774.

Вечоръ сюда пріѣхавъ, сегодняшній день и весь вечеръ былъ я загруженъ дѣлами и письмами, милостивой мой другъ и драгоценный братецъ, и собираюсь еще до свѣту отсель на почтовыхъ выѣхать въ Синбирскъ; но какъ между тѣмъ пріѣхалъ вашъ четвертый отправленный, то я и не хочу упустить, чтобъ третьяго отсель еще не возвратитъ къ вамъ и симъ приступаю къ отвѣту на полученное со онымъ ваше, любезный другъ, письмо, пущенное отъ 19-го числа нынѣшняго мѣсяца. Но прежде того скажу: окованный злодѣй Пугачевъ уже на здѣшной сторонѣ рѣки Волги, и я надѣюсь черезъ два дни получить его въ свои руки.

Всѣ внутреннія его бунтовщицьи шайки досконально истреблены, и осталось только управиться мнѣ съ Киргизъ-Кайсаками и Башкирцами, кои однакожъ уже начинаютъ противъ прежняго гораздо усмиряться. Но больше всего смущаетъ меня теперь одно пропитаніе, возложенное на меня, здѣшняго края, къ чему предстоятъ трудности превеликія.

О отысканіи дѣвки Анны Александровны урожденной Паниной, а по замужству Бахметевой, оказавшей толикую вѣрность къ своей госпожѣ, я сегодня жъ съ случившимися курьерами писалъ какъ равномѣрно и по письму графини Марьи Александровны далъ повелѣніе шефу Пензенскаго уланскаго корпуса, который теперь того города уже и воевою, чтобъ онъ все требуемое лучшимъ образомъ исполнилъ. Ей буду я отвѣтствовать изъ Синбирска.

Никогда я, любезный другъ, вашихъ присланныхъ ни одного не задерживалъ и задерживать не буду долѣе, какъ другой на его мѣсто пріѣдетъ, какъ и теперь не осталось у меня никого кромѣ сегодня пріѣхавшаго, а изъ первыхъ два отправлены уже прежде, а третій съ симъ.

18.

Синбирскъ, 1774 году Октября 1 дни.

Сегодня, милостивой мой другъ и драгоценный братецъ, достигнулъ я здѣшняго города. Въ тожъ время пришелъ въ мои руки адской извергъ Пугачовъ. Отвѣдалъ онъ отъ распаленной на его зло-

²⁴⁾ Т. е. въ Семилѣтнюю и Турецкую?

дѣянiя моей крови нѣсколько пощечинъ, а борода, которою онъ Россiйское государство жаловалъ, довольнаго дранья ²⁵⁾. Онъ принужденъ былъ пасть предъ всѣмъ народомъ скованный на колѣни и велегласно на мои вопросы извѣщать и признаваться во всемъ своемъ злодѣянiи. Я теперь, спѣша принести мое увѣдомленiе Ея Величеству, нѣсколько замедлившееся по моему сюда проѣзду, не имѣю времени, ни силы уже, работавши въ ономъ и другомъ цѣлыя половину дни и ночи, а прiѣхавъ съ дороги, какъ только возблагодарить васъ, драгоценный другъ, за послѣднее ваше письмо, отъ 17 минувшаго мѣсяца мною полученное. Деревни графа Шувалова я до письма еще вашего возвратилъ въ прежнее повиновенiе и принудилъ снести растащенные собственными его крестьянами деньги и хлѣбъ; но онъ бы пожаловалъ не прогнѣвался, что попу его отрубилъ голову, у нѣсколькихъ сдѣлалъ поменьше ушей и почесалъ у многихъ спины, а при деревнѣ поставилъ всѣ прiуготовленiя для смертной казни, что я со всѣми тѣми дѣлаю, которые сопричащались измѣнническому бунтованiю. Пребывай съ Богомъ! Мнѣ пора спать.

19.

1774 года Октября 9 дня. Сибирскъ.

За послѣднее ваше письмо, драгоценный другъ и любезный братецъ, благодарю я васъ покорно. Радуюсь сердечно, что счастливой успѣхъ моихъ подвиговъ произвелъ у васъ хотя радость, естли не иное что; а могъ бы я считать, что по послѣдней мѣрѣ хотя вамъ, коли не мнѣ, тотчасъ будетъ объявлено благоволенiе за мои сколь ни маловажные труды, но такiе, въ которые ѣхалъ всякой столько страшился, что носилъ надѣтую на себя отъ измѣнника петлю, нежели отваживался идти противъ него и попускаться въ средину собственныхъ своихъ возмутителей и предателей. Но оставя сiе, вы, мой другъ, до сѣхъ (поръ) еще ничего не сказали, понравилась ли вамъ пересланная мною съ заводу Московскаго лошадь столько, сколько она мнѣ показала въ сравненiи съ лошадыю, съ нею же отправленною изъ весьма славнаго Ор-

²⁵⁾ Объ этомъ же и почти въ тѣхъ же выраженiяхъ писалъ графъ Панинъ въ Москву къ князю М. Н. Волконскому. Проводомъ къ такому обращенiю была дерзость Пугачова. Когда онъ былъ приведенъ въ первый разъ къ графу, то на вопросъ: какъ онъ смѣлъ поднять оружье *противъ него*, отвѣчалъ: „что дѣлать, ваше сiятельство, когда ужъ воевалъ противу Государыни!“ (Записки Державина, изд. Я. К. Грота, стр. 515). Жизнь графа Панина въ Сибирскѣ довольно подробно описана Державиннымъ. „Графъ вышелъ изъ кабинета въ прiемную галлерей, гдѣ уже было нѣсколько штабъ и оберъ-офицеровъ. Онъ былъ въ сѣрватомъ атласномъ, широкомъ шлафроктѣ, во Французскомъ большомъ колпакѣ, перевязанномъ розовыми лентами“ (тамъ же, стр. 515 и 516). Также одѣвался по утрамъ и князь Кутузовъ въ 1812 г. (см. Записки Шишкова, Берляское изданiе). Читатели Записокъ Державина помнятъ, какъ въ обращенiи съ Державиннымъ выразился надменнiй, пылкiй и въ тоже время чрезвычайно благородный и великодушный нравъ графа Панина.

ловыхъ завода. Пожалуйте, мнѣ объ ней скажите ваше заключеніе и можетъ ли она быть достойна подѣ собственное ваше сѣдло?

Сегодня отправилъ я ко врученію Ея Величеству съ симъ подателемъ сдѣланные распросы злодѣю Пугачеву, при чемъ вручителя господина полковника Юрья Богдановича Бибикова препоручалъ я въ монаршее призрѣніе съ напоминаніемъ прежнихъ и съ засвидѣтельствомъ подѣ моимъ начальствомъ новыхъ его заслугъ. Пожалуй, милостивый другъ, помогите ему, если въ чемъ можете, а ему уже и обѣщанія были.

Григорья Александровича предварилъ я съ нимъ же копіею на портретѣ съ злодѣва оригинала; если вы любопытны его харю поскорѣй спознать, то можете его тамъ увидѣть. Но надобно и въ злодѣйствѣ дать ему ту справедливость, что духъ имѣетъ онъ бодрый, которой бы могъ быть весьма полезенъ, если бы обращаемъ былъ не во зло, а въ добро.

Услаждаю и я себя, мой любезный другъ, радостнымъ и скорымъ васъ объятіемъ, если что особенное въ томъ не попрепятствуетъ. Я скоро буду просить и дозволенія о пріѣздѣ въ Москву къ прибытію туды двора.

20.

Сибирскъ. 1774 года Октября дня.

Между симъ и послѣднимъ моимъ письмомъ, отправленнымъ къ вамъ, милостивый мой другъ и дорогой братецъ, получилъ я ваши два любезныя письма, пущенныя, первое прошедшаго мѣсяца 30-го, а послѣднее нынѣшняго отъ 3-го чиселъ. На нихъ, къ моему душевному васъ за оныя возблагодаренію, не имѣю ничего теперь другаго присовокупить, кромѣ, что радуюсь я тому, что хотя и вамъ достаточное удовольствіе за мою услугу оказали, когда я собственно до сихъ поръ онаго еще не имѣю и никогда за ваши столь много весьма важныя оказанныя не имѣлъ же. Не знаю, любезный другъ, какихъ еще вы ожидаете отъ меня внутреннихъ устройствъ? Мнѣ кажется, для которыхъ неустройствъ я отправился, то оныя всѣ въ свое прежнее теченіе приведены тѣмъ, что бунтовщицы скопича, сколь они ни многочисленны были, всѣ безъ изыятія разбиты и низложены, бунтовщикъ пойманъ, возмущенное въ черни неповиновеніе законной власти приведено повсюду, конечно, въ то безмолвственное повиновеніе, что уже повсюду пріемлются по прежнему рассылаемые съ повелѣніями ободренные рассыльщики со всякимъ подобострастіемъ и послушаніемъ; канцелярское и ихъ служителей многоможіе, во мздоимствахъ и въ пригибаніи всѣхъ дѣлъ отъ истинны къ случаямъ сильныхъ, воспріяло жъ прежнюю свою силу и теченіе. Но чтобъ сіе брату вашему передѣлывать, то надобно всему оному напередъ перемѣниться не въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ съ казначеями и управителями, но въ ихъ источникахъ, до которыхъ можно напередъ самому десять разъ шею сломить, не исправя въ томъ ничего. Въ разсужденіи сего, пожалуйста уже и перестаньте предполагать меня къ тому способ-

нымъ орудіемъ; но приготовляйтесь не помѣшкавъ помогать мнѣ къ возвращенію въ то мое послѣднее состояніе, въ коемъ я и теперь еще существенно состою и изъ коего бралъ я на рамена свои то единое бремя, которое, Богу благодареніе, самымъ дѣйствомъ уже и исполнилъ.

Теперь всякій день трепещетъ душа моя, чувствуя въ себѣ всегдашнія подагрическія движенія, чтобъ здѣсь оними не только не повергнуться въ мучительное страданіе, но и не лечь бы въ гробъ. Затѣмъ пребывайте съ Богомъ!

21.

Сибирскъ. Октября 27 дня 1774 г.

Симъ не распространяюсь я ни о чемъ другомъ, кромѣ что очень трудно или совсѣмъ нельзя сдѣлать тому совершенной порядокъ въ пользу другаго и другихъ, кому собственно ни порядка, ни справедливости не изъявляется. По вложенной запискѣ вашей о Пензенскомъ подъячемъ велѣлъ я выправиться, и что можетъ мнѣ быть непредосудительно, то сдѣлаю съ нимъ всеконечно. Впрочемъ, ссылаюсь я и прошу внимательнаго вашего выслушанія въ письмѣ моемъ къ вамъ, сегодня жъ писанномъ къ Денису Ивановичу и приложеніи ко оному.

22.

Сибирскъ. Ноября 4 дня 1774.

По вашимъ, милостивый мой другъ и драгоценный братецъ, такимъ коротенькимъ письмамъ, какое я и вчера съ васъ получилъ и какое не вмѣщается въ мои чувства, чтобъ могло имѣть мѣсто въ истинныхъ дружескихъ одного къ другому чувствіяхъ, при такомъ положеніи, какое вамъ обо мнѣ извѣстно, долженъ бы и я возбранить себѣ отнять изъ вашихъ другихъ пріятнѣйшихъ обращеній время на прочтеніе отъ меня какъ развѣ только двухъ строкъ. Однакожъ, любезный другъ, простите мнѣ оное теперь хотя за то одно, что оно можетъ быть будетъ послѣднее и, безъ негодованія прочтя копію, вложенную здѣсь, съ нынѣ отправленной моею реляціи, войдите хотя въ то чувство, что и заводитель всей коммерціи Киргизской и Оренбургской Неплюевъ задолженъ тамъ былъ вмѣсто ссылки. Бѣглець и скаредъ Волковъ ²⁶⁾, отъ эшафота вами сохраненный, равно и Адауровъ, въ ссылку посланный же ²⁷⁾, не допустили задлить себя тамъ. Собственная сестра наша получила тамъ свой гробъ ²⁸⁾. Представленная моя служба на пресѣченіе люющейсы

²⁶⁾ Извѣстный Дм. Вас. Волковъ, генераль-губернаторъ Оренбургскій, дѣйствительно находился въ бѣгахъ въ царствованіе Елисаветы Петровны, что не помѣшало ему быть тогда же секретаремъ Конференціи; но какое въ дѣлѣ Волкова принималъ участіе графъ Н. И. Панинъ, намъ покажетъ неизвѣстно.

²⁷⁾ Василій Евдок. Адауровъ, попечитель Московскаго университета при Екатеринѣ, былъ вѣкогда сосланъ въ Казань по дѣлу канцлера Бестужева.

²⁸⁾ Анна Ивановна (1717—1745), супруга Оренбургскаго губернатора И. И. Неплюева, сестра графовъ Паниныхъ.

крови всего роду нашихъ дворянъ и ко извлеченію ихъ, въ коемъ числѣ и вы сами находитесь, изъ подъ сентенціи заключенной на истребленіе всѣхъ ихъ злодѣемъ съ Россійскою чернью и къ возвращенію нашей законной Обладательницѣ возгласенія въ церквахъ, изъятой тѣмъ же государственнымъ злодѣемъ чуть не повсемѣстно во всѣхъ здѣшнихъ трехъ губерніяхъ, въ чемъ мнѣ хотя ничто другое, а единое счастье предуспѣло: то почему жъ бы могъ я справедливо избранъ быть на замѣну Неплюева, Ададунова и Волкова, къ положенію себя съ равною безвредностію своей сестры въ гробъ? И что же бы могло меня удобнымъ сдѣлать быть обращену въ провіантмейстеры для покупки хлѣба тому народу, котораго первой нашъ съ вами злодѣй уже дѣйствительно ввергъ своимъ нераченіемъ не только въ голодную, но и претерпѣваемую отъ наготы смерть ²⁹⁾? Развѣ для того, чтобъ и оно не радѣніе погруженныхъ въ сластолюбіе и праздность людей получило удобный видъ, къ возвлеченію на меня предъ государствомъ въ томъ вины? Неужли то, любезный другъ, и сіи всѣ соображенія не произведутъ въ васъ прямо дружескихъ ко мнѣ воображеній и чувствъ, съ тѣми, ежели можно, а не съ такою холодностію, съ какою маленькія свои по мнѣ писмецы изволите отправлять? Прошу я по оной моей реляціи вашего вспоможенія и меня съ первымъ курьеромъ увѣдомленія, особливо развѣдавъ все удобъвозможными средствами, что можетъ воспослѣдовать по моему просительному письму о дозволеніи пріѣхать въ Москву, отправленному съ предъидущимъ курьеромъ. Не огорчайтесь, любезный другъ, отъ словъ огорченнаго сердца. Вспомните себя самого, когда вы подавали о себѣ собственно письмо къ Петру Третьему ³⁰⁾. Затѣмъ пребывайте съ Богомъ! Я съ послѣдней минуты жизни, естли хотя оная неминуема мнѣ будетъ опредѣлена и въ здѣшнемъ краю, то пребуду всегда неотмѣнно и сердцемъ и душою.

23.

Сибирскъ. 1774 году Ноября 5 дня.

Изъ совокупившихся двухъ при мнѣ почталіоновъ одного съ симъ къ вамъ, милостивый мой другъ и дорогой братецъ, возвращаю. Теперь, по недавнему моему къ вамъ пространному отправленію съ послѣднимъ ко двору курьеромъ, не имѣю ничего по моему служенію, кромѣ какъ о себѣ собственно сказать. Вчера съ я точно такъ, какъ было въ Керенскѣ, чуть не умеръ, съ тою одною розницею, что боль зачалась въ правомъ, а не лѣвомъ вертлугѣ и, обуявши всю внутреннюю наимучительнѣйшимъ образомъ, не держала больше какъ часа два; послѣ осталась и теперь продолжается слабость съ такимъ во всемъ корпусѣ чувствіемъ, какъ будто верхомъ почту скакалъ, а боли подагрическія мечутся изъ одного мѣста въ другое. Я не знаю, любезнѣйшій другъ, какіе то новые припадки со

²⁹⁾ Рѣчь идетъ конечно о генераль-прокурорѣ князѣ Вяземскомъ.

³⁰⁾ Обстоятельство въ жизни графа Н. И. Панина доселѣ неизвѣстное.

мною начали дѣлаться; но примѣчаю, что естли они хоть сутки внутреннюю мою такъ поддержать, то пережить будетъ нельзя. Зачинаеіе оба раза ихъ было весьма странное: напередъ восчувствую больше нежели обыкновенно въ другіе дни подагрическія летучія переходенія изъ одного мѣста въ другое; послѣ того вдругъ сдѣлается боль въ вертлугѣ и во мгновеніе ока какъ тамъ увеличится, такъ и обойметъ всю внутреннюю до несносности. Въ то время пресѣкутся обыкновенныя боли подагрическія во всѣхъ мѣстахъ такъ, какъ будто ихъ никогда не бывало; но сколь скоро внутреннее страданіе совсѣмъ минетъ, то опять оныя и зачнутъ летать во всемъ корпусѣ изъ одного мѣста въ другое. Изъ чего, кажется, любезный другъ, инога заключить нельзя, что самыя подагрическіе соки тогда падаютъ на внутренность мою. Изъ того можете вы себѣ и представить, сколь далеко прекращеніе жизни твоего брата, особливо при движеніяхъ, приводящихъ не только подагрическія и душевныя, но и всей крови волнованія до самой вышней степени.

Все сіе, кажется, довольно представить вамъ, любезный другъ, сколь къ великому меня одолженію можетъ послужить вспомошествованіе на высвобожденіе меня въ прежнюю мою уединенную и покойную жизнь и сколь я онымъ долженъ собственно своему человѣчеству и невиннымъ женѣ и дѣтямъ.

24.

Сибирскъ. 1774 году Ноября 10 дня.

Возвращая съ симъ послѣдняго у меня остававшагося изъ почталіоновъ вашихъ, мой милостивый другъ и дорогой братецъ, не имѣю себѣ никакой отповѣди еще на отправленіе мое ко двору и съ полковникомъ господиномъ Бибиковымъ; не имѣя жъ и отъ васъ, любезный другъ, на что бъ я уже не отвѣтствовалъ, не имѣю теперь я отъ себя вамъ другаго сказать кромѣ, что братъ твой третьяго дни въ ночь новымъ третьимъ и такъ уже скорымъ послѣ втораго припадкомъ чуть было не умеръ. Зачался онъ въ седьмомъ часу ввечеру, а уступать сталъ въ осьмомъ по утру, мучивъ всю внутреннюю мою до самой послѣдней несносности. Я не знаю, дорогой другъ, чему такіе припадки мнѣ приписывать, но ощущаю, что конечно не на долго меня съ ними станеть, и не наслѣдствовалъ ли я оныя отъ нашего отца. Вспомни, мой другъ, какую онъ жизнь велъ, и можетъ ли она быть сообразна съ теперешнимъ моимъ положеніемъ. Богу благодареніе, отъ вчерашняго утра по сѣхъ поръ не чувствую я тѣхъ мучительныхъ болей, но однакожъ они, отзываясь повсемѣстно въ моемъ корпусѣ, отзываются нѣкогда и во внутренности моей, а слабость въ себѣ имѣю гораздо немалую.

25.

Сибирскъ. 1774 году Ноября 15 дня.

Вмѣсто обыкновеннаго почталіона получилъ я съ гвардіи сержантомъ Ермолаевымъ любезное письмо ваше, милостивой мой другъ

и дорогой братецъ, пущенное отъ 1-го числа нынѣшняго мѣсяца съ приложенною при немъ выпискою изъ Коллегіи вашей о Киргизъ-Кайсакахъ. Я, не имѣя теперь при себѣ отъ васъ кромѣ онаго сержанта присланнаго, не имѣя же ни нужды, ни пристойности дворъ утруждать столь часто какъ прежде курьерами, потому особливо, что я отъ него не имѣю никакого себѣ предложенія съ самаго доставленія увѣдомленія ему о полученіи въ здѣшнемъ городѣ уже пойманнаго злодѣя, посылаю сіе, любезной другъ, чрезъ Москву при отправляющихся колодникахъ для доставленія оттуда къ вамъ со обыкновенною почтою.

Благодарствую васъ, сердешной другъ, вседушевно за оное ваше письмо. Прости пожалуй огорченному сердцу проскочившія изъ него противу желанія своего слова; душевно бы я желалъ быть такъ нечувствителенъ и терпѣливъ, какъ вы меня научаете; но, признаюсь, гдѣ дѣло идетъ до чести и презрѣнія меня, тутъ я оныхъ имѣть никакъ не могу. Да нельзя вамъ и самимъ предо мною скрыться, чтобъ вы собственно сами въ таковыхъ приключеніяхъ не были мнѣ же подобны. Да и быть тому инако нельзя, потому что мы, конечно, безъ сомнѣнія, произошли изъ одной крови; розница между нами во ономъ только та, какъ и во всякомъ недостаточномъ человѣчествѣ, что постороннее приключеніе, особливо въ дальнемъ и долговременномъ отсутствіи, гораздо меньше производить чувства и движенія, нежели въ собственномъ своемъ. Да и въ томъ, любезнѣйшій другъ, нѣкоторая жъ розница, что ваши дѣла и приключенія кабинетны, въ спокойной и выгодной, хотя и для одного тѣлеснаго состоянія, жизни, но мои всегда предъ глазами нѣсколькихъ тысячъ людей, и со всегдашнимъ изнуреніемъ сколько душевнымъ, столь еще сугубѣе и тѣлеснымъ. И въ послѣднемъ сверхъ всего того не имѣю я ни одной минуты въ жизни, чтобъ не чувствовалъ безвыходной боли, единственно только съ переменною по мѣстамъ, больше или меньше меня поражающей и убивающей. Такимъ образомъ, драгоценный другъ, могутъ, кажется, истинныя въ васъ ко мнѣ братство и дружба простить меня въ нетерпѣливости по нынѣшнему моему положенію.

Выписку отъ васъ приложенную я въ то же время прочелъ, о которой вы мнѣ въ письмѣ хотя и сказали, что посылаете для единого моего свѣдѣнія, но тутъ же приобщенная изъ Коллегіи вашей такъ называемая цыдула извѣщаетъ меня, что Коллегія остановилась дать свои резолюціи Киргизъ-Кайсацкому хану и Оренбургскому губернатору за тѣмъ будто, что между вступленіемъ въ нее отъ губернатора о ихъ положеніи порученъ моему начальству сей край, то дабы не разойтись съ средствами, мною предпринимаемыми; слѣдовательно не только гдѣ въ другихъ правительствахъ, но и въ самой вашей Коллегіи уже слагается на мою шею всей здѣшней, столь обширной, страны всякія тѣ дѣла и приключенія, которыми кто изъ оныхъ себя либо обременять не хочетъ, либо по ненадежности въ успѣхѣ ищетъ отвѣтъ свой на другаго сложить. Правительствующій Сенатъ и всѣ прочія Коллегіи ко мнѣ также

все оному подобное перекруживаютъ, не представляя никто себѣ, что я не состою ни въ государственномъ штатѣ, ни штабовъ, ни канцелярій для управленія такой обширности не имѣю, и никто ни откуда, кому что во бдѣннн по государственной службѣ препоручено, не доставлялъ мнѣ еще никакихъ изъ своихъ архивъ свѣдѣнн; а у меня только самыхъ бездѣлицъ не достаетъ, то есть, что я совсѣмъ ничего не знаю: съ какимъ намѣреніемъ, что на тѣхъ отдаленныхъ границахъ и во вновь населяемыхъ мѣстахъ учреждаемо было, чѣмъ границы ихъ охранялись, какія происшествія были отъ прилежащихъ къ нимъ сосѣднихъ народовъ въ обыкновенное государственное теченіе; а наконецъ и все оное ни самаго малѣйшаго сопряженія не имѣетъ съ тѣмъ государственнымъ бунтомъ, на служеніе противъ котораго я себя представилъ и которой мною совсѣмъ пресѣченъ, со всемилостивѣйшимъ отъ Ея Величества обнадеживаніемъ имѣтъ въ памяти мою въ томъ службу. Слѣдовательно, любезной другъ, безъ особливаго меня наказанія, развѣ по неизвѣстному мнѣ собственно какому либо преступленію, кажется, нѣтъ другой справедливости, какъ ожидать на мою просьбу всемилостивѣйшаго дозволенія мнѣ прибыть въ Москву, а потомъ возвратиться въ прежнее мое уволенное уже отъ службы положеніе. Но я, какъ выше сказалъ, не только на мое объ ономъ прошеніе, но и ни на что другое отповѣди на мои привошенія еще не получалъ. Пожалуй, драгоцѣнный другъ, употребите всю вашу прилежность ко исходатайствованію мнѣ означеннаго дозволенія, тѣмъ наипаче, что теперешнее мое состояніе здоровья изъ послѣднихъ моихъ писемъ особливо вамъ извѣстно, и я всякую минуту трепещу, ожидая лечь неподвижно въ постелю; при чемъ до отчаянности устрашаютъ бывшія мои внутри боли, кои я теперь по временамъ въ томъ мѣстѣ праваго вертлуга по нѣскольку чувствую, изъ котораго оныя разливались на всю внутренность мою.

26.

Сибирскъ, Ноября 18 дня 1774.

Препровождаю въ милость и покровительство ваше, любезный мой другъ и драгоцѣнный братецъ, вручителя сего Польскаго региментаря господина Пулавскаго. Онъ, будучи въ Казанѣ плѣннымъ, когда оной городъ злодѣями посѣщаемъ былъ, сражался въ защищеніи его, и по засвидѣтельствованіи ко двору отличной его при томъ храбрости Павломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ, велѣно было ему объявить чинъ нашей службы прапорщика; но то его не застало за отлучкою при детаашаментѣ полковника Михельсона, въ слѣдъ за злодѣями, при которомъ онъ во всѣхъ со оными сраженіяхъ засвидѣтельствованъ господиномъ Михельсономъ въ отличной храбрости. Возвратясь оттуда, въ бытность при мнѣ, оказалъ похвальное во всемъ поведеніе и испросилъ отъ меня препровожденія къ стопамъ той великой Монархини, въ служеніе которой имѣлъ онъ счастье сражаться и отъ которой объявлено ему озна-

ченное монаршее благоволеніе. Къ тому намѣренію я спрепроводилъ его особливимъ письмомъ къ Григорію Александровичу. Отъ васъ, драгоцѣнный другъ, испрашиваю привѣтливаго ему себѣ пріему и въ возможномъ вспомошествованіи сообразнаго и съ regimentарскимъ чиномъ и съ его родомъ, нынѣ особливо въ обществѣ Польскомъ вошедшемъ въ отмѣнное почтеніе.

27.

Сибирскъ, Ноября 19 дня 1774.

Сколько бъ я, драгоцѣнный другъ, ни напрягалъ моихъ силъ не брать ничего на сердце свое, такъ какъ вы мнѣ совѣтуете; но того уже мнѣ сдѣлать по врожденнымъ моимъ и укоренившимся свойствамъ никакъ невозможно, какъ и не могутъ же воображенія мои послѣдовать вашимъ тѣмъ заключеніямъ, что замолчаніе противу меня, на всѣ безъ изыятія послѣ полученнаго извѣстія о дѣйствительномъ полученіи въ мои руки злодѣя и промедленіе отвѣтомъ на мой отпускъ происходятъ не отъ одного общаго во всѣхъ вѣщахъ пренебреженія, но конечно съ какими либо другими особливими преположеніями. Я по твоему совѣту останусь еще на нѣсколько дней въ терпѣливомъ ожиданіи дозволенія къ ѣздѣ моей въ Москву; но если того не получу, то пришлю формальное прошеніе о увольненіи меня въ прежде свободное состояніе, пожалованное уже мнѣ за первыя мои службы. Если бы вы, милостивый другъ, всѣ тѣ мои реляціи и письма читали, которыя во все послѣдованіе были отъ меня отправлены, то сами бъ признали, что нельзя не дать мѣста движенію по онымъ во всякой душѣ, которая не имѣетъ особливыхъ въ себѣ противу меня прегражденій. По прежнему вашему письму и съ просьбы господъ Васильчиковыхъ извѣстный подьячій произведенъ мною секретаремъ въ Пензу.

28.

1774 Ноября 28 дня. Сибирскъ.

Благодарю особливо за изреченія, изъявившія мнѣ непотушенную еще моимъ долговременнымъ отсутствіемъ и, можетъ быть, врожденною нетерпѣливостію, приверженность дружеской и братской вашей ко мнѣ души. Моя собственно уязвила себя наичувствительнѣйшимъ пораженіемъ въ томъ, что нетерпѣливыми своими противу васъ, любезный другъ, изреченіями нанесла вамъ умноженіе оскорбительнаго всегда и безъ того частаго вашего пораженія. Прости, драгоцѣнный другъ, оное моей врожденной совѣмъ несходной съ вашею нетерпѣливости. Я съ всею душою радъ послѣдовать въ томъ вашему примѣру; но сіе уже совѣмъ не въ моей волѣ, и если бъ я былъ въ томъ инаковъ, то не могъ бы я быть конечно тѣмъ, что я есмь, и нельзя бъ мнѣ было никакъ попускаться въ то, во что нетерпѣливость моя къ общему служенію меня вовлекала и въ чемъ я теперь чрезъ оную себя нахожу. Если бъ я, мой любезный другъ, былъ терпѣливѣе, то конечно былъ бы и сохраннѣе въ моемъ здоровьѣ и удержнѣе отъ тѣхъ ощутильныхъ бесплод-

ныхъ поверженій себя во опасность жизни и въ бѣдственныя отъ онаго вовлеченія дому моего. Но что жъ, драгоцѣнный другъ, дѣлать? Надобно уже оканчивать свой жребій по врожденнымъ свойствамъ, съ тѣмъ однакожъ сладчайшимъ моимъ утѣшеніемъ, что слѣдствіями оныхъ я ежели не еспоспѣшествовалъ, то никогда конечно не повреждалъ славы носимаго едино съ вами имени и единокровія. Да и будетъ мое до послѣдняго издыханія стараніе, чтобъ сохранить его въ цѣлости по всей моей возможности.

Преподанное ваше въ ономъ письмѣ, любезный другъ, утѣшительное обнадеживаніе о непрепятственномъ слѣдованіи дозволенія къ моему въ Москву прїѣзду и ко оказательствамъ противу заслугъ мною предвѣдѣннымъ, поставило меня въ нѣкоторое ласкательное и терпѣливое онаго ожиданіе; но прости, любезнѣйшій другъ, что, по многимъ уже случившимся практическимъ опытамъ, не могу я совсѣмъ извлечь себя изъ подозрительнаго безпокойства, чтобъ и въ томъ, также какъ и во многомъ другомъ прежде, не были мы усыпляемы единственно притворными обласканіями. Что жъ дѣлать? Повинуюсь вашему дружескому совѣту и стану онаго еще нѣсколько дней съ терпѣливостію ожидать. Вогу благодареніе, теперь я въ обыкновенномъ здоровья моего состояніи. Здѣшнія дѣла, отъ стороны всѣхъ безъ изыятія бунтовщичьихъ народовъ, меня оставляютъ совсѣмъ покойно; но отъ стороны голоду людямъ и скоту угрожаюсь отъ времени до времени все болѣе. Вамъ, любезный другъ, надобно знать и чувствовать во всемъ пространствѣ, что нутренность нашего безсчастнаго Отечества не только въ трехъ губерніяхъ, мнѣ порученныхъ, но и въ прилежащихъ къ нимъ—Воронежской, Вѣлгородской, Слободской и во всей Украинѣ отъ сего приключенія возвѣщаетъ ужасъ, подымлющій волосы у всякаго благомыслящаго сына Отечества. Надобно полагать, конечно, что счастливы будутъ, когда до новаго урожая хлѣба двѣ трети имперіи, а всякой помѣщикъ, имѣющій въ семъ краю свои деревни, хотя половину только доходовъ получить могутъ; слѣдовательно, другъ сердечный, все помышленіе должно обращено быть единственно на сокращеніе обходимыхъ расходовъ. Боже, не накажи насъ, чтобъ и въ будущій годъ могъ сдѣлаться еще хлѣбный неурожай; а и безъ онаго уже сіе неизбѣжно, что во многихъ уѣздахъ людямъ будетъ знатной уронъ отъ голоду и что въ здѣшнемъ краю большая половина оржанныхъ полей не посѣяна, а на яровыя сѣмянъ доставать не будетъ. За симъ пребывайте съ Богомъ. Тотъ часъ почтѣ я теперь за наисчастливейшій, въ которой могу, действительно васъ обнявъ, подтвердить, не только словами, но и самымъ дѣломъ, что я всегда всѣмъ сердцемъ и душою вѣрный подданный владѣющей Государынѣ, усердный сынъ Отечества и вашъ вездѣ непремѣнно.

29.

Сибирскъ, Декабря 1 дня 1774 года.

Симъ препровождаю къ вамъ, милостивый мой другъ и драгоцѣнный братецъ, господина оберъ-квартирмистра Германа, яко весьма

3*

достойнаго и знающаго офицера, а ко мнѣ особливо привязаннаго человѣка. Пожалуйте, примите его ласково и будьте ему покровителемъ.

30.

Сибирскъ, Декабря 5 дня 1774 г.

Сего вручителя отправилъ я съ отвѣтною реляціею на послѣднее полученное отъ Ея Величества всемилостивѣйшее письмо съ весьма достаточнымъ и довѣреннымъ разрѣшеніемъ всѣхъ и подробностей изъ моихъ принесеній, съ присовокупленіемъ благоволительнаго указа ко мнѣ собственно и ко всему подчиненному мнѣ войску, коего, естли не видали вы, милостивый мой другъ и дорогой братецъ, включаю я здѣсь копію. Дальное съ вами, мой любезный другъ, бесѣдованіе оставляю до скорого съ вами свиданія, къ которому имѣя уже дозволеніе, собираюсь выѣхать отсель, естли буду все въ такомъ здоровья состояніи какъ теперь, послѣ 15-го числа нынѣшняго мѣсяца. Боже допусти меня безпрепятственно въ ваши дружескія объятія.

Прости мнѣ, любезный другъ, что въ сегодняшнемъ моемъ письмѣ къ Григорію Александровичу помѣстилъ я и ваше имя въ общую мою съ нимъ издѣвку такими словами: „меня уже удивляетъ до крайности, какимъ образомъ васъ и брата моего внутренность ваша не попрекаетъ и не стыдитъ, что при Монархинѣ, толикими трудами себя обременяющей, въ дѣлѣ служенія, мнѣ порученнаго, вы находите средства сокращаться въ перепискѣ со мною такими предѣлами, кои составляютъ старинную нашу пословицу, *что и комаръ носу не замочитъ*; сіе оставлялъ я моему малолетнему изустному переговору при свиданіи съ вами, всемилостивѣйше мнѣ теперь отъ Ея Величества дозволенномъ“. Употребилъ я имя ваше, любезный другъ, конечно не по существу моего истиннаго о васъ въ томъ заключенія, но чтобы нѣсколько издѣвочную пилюлю побзолотить. Васъ о томъ предваряю къ случаю изготовленія себя на разговоръ объ оной матеріи.

31.

Сибирскъ, Декабря 12 дня 1774 г.

Благодарствую васъ, милостивый другъ и дорогой братецъ, за послѣднее ваше любезное мнѣ письмо, полученное съ почталіономъ отъ 30-го минувшаго мѣсяца. Теперь, возвращая прибывшаго предъ нимъ съ отправленнымъ сегодня моимъ ко двору курьеромъ съ тѣми вѣдомостями и съ краткими изъ оныхъ сочиненіями, которыхъ отъ меня требовали по запискѣ о лютѣйшихъ въ государствѣ злодѣянїяхъ Пугачева и о касательностяхъ до освященій церковныхъ, скажу вамъ только: Богу благодареніе! Я въ обыкновенномъ здоровья моего состояніи. Естли что особенное не воспрепятствуетъ, то надѣюсь выѣхать отсель къ Москвѣ 17-го числа нынѣшняго мѣсяца. Вы какъ мнѣ не сказали о назначеніи дни къ выѣзду двора, ни о вашемъ намѣреніи предъ онымъ ли, или послѣ выѣзду свой полагаете, то теперь я и не знаю, кто изъ насъ кого въ Москвѣ

предварить. Ласкаюсь однимъ только тѣмъ, что скоро достигну до моего искренне дружескаго васъ объятія.

Оскорбило меня крайне извѣстіе о несчастливомъ приключеніи жалости достойному нашему князю Кантемиру, тѣмъ еще сугубѣе, что беспокоюсь крайне по беременности моей жены, что можетъ случиться при толикомъ ея огорченіи, какъ по любви своего брата, такъ болѣе имѣя передъ глазами своими его мать, къ которой она очень привязана и которая чуть только вышла изъ опасной болѣзни, живучи въ ея домѣ *). Богу только свѣдущу, что можетъ отъ онаго произойти съ толико несчастною матерью. Вотъ, дорогой другъ, плоды сильныхъ напряженій въ нынѣшнихъ молодыхъ людяхъ къ скоропостижному достиженію до счастья и необузданности во всѣхъ своихъ замышленіяхъ и похотѣніяхъ. Покажи сіе отъ меня нашему Куракину, что я совѣтую ему особливо утрашиться таковымъ примѣромъ.

32.

Москва, 30 Декабря 1774.

Что пріѣхалъ я въ Москву въ день Рождества Христова, о томъ надѣюсь вы, любезный другъ и милостивый братецъ, уже извѣщены по моему требованію чрезъ почту, того же дни, господиномъ здѣшнимъ почтъ-директоромъ. Я, продолжаясь въ изнеможеніи отъ дороги и своихъ припадковъ, сегодня только отправилъ включенное къ Григорію Александровичу съ нарочною штафетою, содержаніе котораго, такъ какъ и все мое теперешнее положеніе, изволите вы, мой любезный другъ, усмотрѣть изъ пріобщенной здѣсь съ онаго копіи, къ чему я совокупаю только сіе.

Пожалуйте, вложенное письмо доставьте вѣрно къ Григорію Александровичу, а и сами по содержанію онаго сдѣлайте способное употребленіе противу того, что я не нашелся отъ болѣзни въ состояніи быть въ зачавшемся сегодня здѣсь государственномъ собраніи по дѣлу злодѣя Пугачева.

Въ поспѣшности моей, съ тягчайшимъ преодоленіемъ всякихъ наивеличайшихъ трудностей по моимъ увѣчнымъ болѣзненнымъ припадкамъ, было между главными побужденіями, чтобъ не потерять ни одной минуты въ самомъ скорѣйшемъ васъ, любезный другъ, моемъ братскомъ объятіи по столь долговременной нашей разлукѣ, сопряженной, по разнообразнымъ поразительнымъ обстоятельствамъ, со истребленіемъ нашихъ жизненныхъ силъ и съ приближеніемъ не чрезъ долгое время разлучиться и навсегда. Но теперь нашелъ себя совсѣмъ тѣмъ ожидать еще моего съ вами толь вождѣленнаго свиданія, по видимому не меньше какъ развѣ чрезъ мѣсяць; слѣдовательно на то только, что естли мое положеніе не перемѣнится, что въ самое свиданіе наше надобно мнѣ уже будетъ собираться и опять къ разлученію, Богу свѣдущу уже на сколько.

*) Это былъ полковникъ князь Дмитрій Константиновичъ (1749—1820), по матери своей (Софья Богдановна, урожденной Пассекъ) двоюродный братъ графини М. Р. Паниной. Въ чемъ состоялъ его проступокъ, доселѣ не разгласено. О немъ см. въ Запискахъ В. В. Пассека въ Р. Архивѣ 1863.

33.

Москва, 28 Января 1775 года.

Смущенъ будучи послѣдними извѣстіями, что вы, мой милостивый другъ и дорогой братецъ, за болѣзненнымъ головы вашей припадкомъ отмѣнили намѣреніе въ назначенный день выѣхать изъ Петербурга, беспокоюсь теперь крайне вѣдать о вашемъ состояніи, и для того вручителя сего вѣдущаго въ Петербургъ просиль отдать въ руки ваши сіе письмо. Васъ же прошу, извѣстите меня хотя съ нарочною штафетою какъ о вашемъ здоровьѣ, такъ и къ которому времени вы въ Москву пріѣздъ свой полагаете. А что до меня собственно, то я, выѣхавъ для встрѣчи Ея Величества въ соборъ, простудился и теперь не выѣзжаю, въ разсужденіи припадковъ моихъ, изъ дому. Марья же Родіоновна моя и дѣти, равно и сестрица наша, благодаря Бога здоровы.

II. Письма князя Г. А. Потемкина къ графу П. И. Панину.

1.

Получено 2 Августа (1774) въ 11 часовъ въ Москвѣ.

„Сіятельныйшій графъ, милостивый государь.

Въ проѣздъ мой чрезъ Москву слышалъ я отъ вашего сіятельства, что вы желали бѣ охотно принять команду войскъ, отряженныхъ противъ бунтовщика и государственнаго злодѣя Пугачова. По смерти общаго нашего пріятели, Александра Ильича, обстоятельства тамошнихъ дѣлъ и съ успѣхами, столь худы сдѣлались, что уже однимъ оружіемъ кончить не надежно; а нуженъ мужъ, испытанный въ искусствѣ и ревности, могущій возстановить порядокъ, обратитъ каждаго къ своей должности и, словомъ, вложить душу въ разстроенный народъ.

Сии качества, соединенныя въ особѣ вашей, подали мнѣ поводъ, при нонѣшнихъ обстоятельствахъ, открыть Ея Величеству желаніе ваше, въ чемъ подтвердилъ предъ Ея Величествомъ его сіятельство братецъ вашъ. Я благонадеженъ, что ваше сіятельство сей мой поступокъ вмѣните въ пріятную для себя услугу. Я опустил-ся на сіе еще больше тѣмъ, что мнѣ извѣстна безпредѣльная ваша вѣрность къ Монархинѣ. Господинъ капитанъ гвардіи Лунинъ, съ которымъ посланы къ вамъ указы, желаетъ быть при васъ; будьте къ нему милостивы. Ежели братъ мой генераль-маіоръ Потемкинъ освободится отъ порученныхъ ему комиссій, то покорно прошу взять его въ дежурные генералы. Вы конечно будете имъ довольны, милостивый государь. Ежели я найдусь къ чему ни есть вамъ потребенъ, не щадите меня: я всякое ваше приказаніе съ охотою исполню. Не нарядилъ я къ вамъ гвардіи офицеровъ, не зная, нужны ли. Ежели вы оныхъ желаете, то прошу мнѣ объявить. Я съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію вашего сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Г. Потемкинъ.

Юля 29 (1774). Петергофъ.

Р. S. Ея сіятельству милостивой государынѣ графинѣ Марьѣ Родіоновнѣ приношу мое почтеніе“.

2.

Получено Марта 3 дня 1775 года.

Какъ господинъ генераль-маіоръ Волковъ опредѣленъ къ командованію всѣхъ въ начальствѣ моемъ состоящихъ, поселенныхъ гусарскихъ и пикинерныхъ полковъ и состоитъ нынѣ съ нѣкоторыми изъ нихъ въ предводительствѣ вашего сіятельства, то я за должность поставляю, во первыхъ симъ рекомендовать его въ милостивое вашего сіятельства покровительство, какъ усерднѣйшаго и испытаннаго мною въ храбрости и службѣ генерала, оказаніемъ къ которому вашего благоволенія обяжете ваше сіятельство истиннымъ признаніемъ самого меня, съ симъ же совокупно рекомендую и полки поселенные; во вторыхъ покорнѣйше прошу вашего къ начальникамъ детаментовъ предложенія, чтобъ отряженные предъ симъ къ сторонѣ Оренбурга Бахмутскаго гусарскаго полку съ премьерь-маіоромъ Штеричемъ эскадроны, гдѣ бы оныя по обстоятельствамъ тамошнихъ дѣлъ деташированными ни находились, о всемъ до службы и благосостоянія ихъ касающемся представляли къ нему. Сію употребляемую просьбу заключу я тѣмъ неисходнымъ изъ души моея къ вамъ почитаніемъ и преданностію, съ коими и проч.

Октября 2 дня 1774-го года. С.-Петербургъ.

3.

„Препровождаю у сего къ вамъ Ея Величества письма. При томъ имѣю честь донести, что прибывшіе отъ васъ съ извѣстіемъ всемилостивѣйше пожалованы: господинъ Луинъ полковникомъ, князь Лобановъ въ гвардію капитаномъ-поручикомъ, а Ларіоновъ армейскимъ капитаномъ. Мы всѣ наполнены радостью, что злодѣй дошелъ до конца. Покорнѣйше прошу сдѣлать мнѣ чувствительную милость неоставленіемъ моихъ поселенныхъ полковъ и чтобъ они были въ командѣ у генераль-маіора Волкова. Я съ отличнымъ почтеніемъ и проч.“

4 Октября (1774. Спб.).

4.

Обращенные изъ Смоленска разныхъ полковъ восемь ротъ, для многихъ весьма нужныхъ причинъ, должны служить неминуемо расположены быть въ Москвѣ. Въ разсужденіи чего, ваше сіятельство покорнѣйше прошу, естли они въ недалъномъ разстояніи отъ Москвы нынѣ расположены, то обратите ихъ туда, употребля въ мѣсто ихъ весь остатокъ Нарвскаго пѣхотнаго полку, находящійся въ Москвѣ. Симъ способомъ обоюдная послѣдуетъ польза, какъ для Нарвскаго полку соединеніемъ всего онаго вмѣстѣ, такъ и для тѣхъ остальныхъ ротъ, что удобнѣе и скорѣе къ полкамъ своимъ соединятся; не меньше оныя нужны въ Москвѣ и для того, что многія изъ нихъ въ формирующійся драгунскій полкъ упо-

треблены будутъ. Симъ же употребляю покорную мою къ вашему сіятельству просьбу о увѣдомленіи меня, какіе именно полки изъ числа предводительствуемыхъ вами войскъ назначивать изволите къ пребыванію управляемаго вашимъ сіятельствомъ края и въ какихъ точно мѣстахъ, дабы тѣмъ способнѣе можно было обратить излишнія за симъ расположеніемъ полки и опредѣлить мѣста къ ихъ пребыванію. Сіе оканчиваю я препорученіемъ себя и проч.

Октября 19 дня 1774 года.

Получено 31-го Октября 1774-го.

5.

При семъ имѣю честь препроводить на всѣ вашего сіятельства къ Ея Императорскому Величеству донесенія высочайшія ея повелѣнія, содержаніе и пространство которыхъ, а особливо, что Ея Величество въ сочиненіи всѣхъ ихъ на черно сама трудиться изволила, достаточны ко изъясненію вашему сіятельству причины такъ долгаго оныхъ на донесеніи ваши промедленія. При чемъ, ваше сіятельство покорно прошу о доставленіи мнѣ свѣдѣнія, какіе именно полки изъ состоящихъ въ предводительствѣ вашемъ на операціи противъ Киргизовъ и Башкиръ и къ пребыванію въ томъ краю полагаютъ изволите, дабы излишнія за тѣмъ войски, какъ для выгоды въ продовольствіи ихъ, такъ и для того, чтобъ не обнажить совсѣмъ здѣшняго края, можно было обратить внутрь государства.

Ноября 20-го дня 1774 года.

6.

Я не могу довольно рекомендовать въ милостивое вашего сіятельства покровительство господина генералъ-маіора Волкова и всѣхъ состоящихъ въ предводительствѣ вашемъ команды моя поселенныхъ въ Новороссійской губерніи войскъ, которыя по новости ихъ заведенія чрезъ всю минувшую войну отъ домовъ своихъ будучи удалены и необычайными походами изнурены, дома же ихъ отъ Запорожцевъ немалое разореніе получили. Удостоите ихъ, милостивый государь, правосуднаго вашего уваженія и подайте имъ возможную къ возстановленію ихъ въ желаемое состояніе руку помощи, во всегдашнее признаніе не только ихъ, но и того, который съ душевнымъ къ вамъ почитаніемъ и проч.

Ноября 20 дня 1774 года.

7.

Получено 19 Декабря 1774, отвѣствовано 30.

Ея Императорскому Величеству благоугодно было пикинерныхъ полковъ штабъ и оберъ-офицеровъ, за оказанную ими во время минувшей войны Отечеству службу, удостоить сравненіемъ въ чинахъ съ армейскими, во исполненіе чего Государственная Военная Коллегія и предоставила сей разборъ учинить мнѣ. А какъ изъ числа оныхъ находятся подъ предводительствомъ вашего сіятельства, въ командѣ господина генерала-маіора Волкова, два пикинер-

ные полка, то препровождая при семъ къ нему ордеръ, ваше сіятельство покорно прошу, по содержанию онаго, позволить ему, собравъ послужные о всѣхъ штабъ и оберъ офицерахъ списки, представить ко мнѣ.

Декабря 2 дня 1774 года.

8.

По словесному моему съ вашимъ сіятельствомъ условію, отправилъ я Бахмутскаго гусарскаго полку господина преміеръ-маіора Штерича въ Новороссійскую губернію для выбора, въ учреждаемой при дворѣ Ея Императорскаго Величества гусарскій эскадронъ, ста тридцати человекъ гусаръ, покорнѣйше прося ваше сіятельство, чтобъ, во время сего отсутствія его отъ эскадроновъ, препоручить оные находящемуся при нихъ того полку секундъ-маіору.

Февраля 24 дня 1775 года.

9.

Получено 28 Февраля (1775), писано тогожъ числа.

На почтеннѣйшее вашего сіятельства отъ 25-го числа сего мѣсяца письмо симъ въ отвѣтъ служу, что какъ въ скорѣйшемъ соединеніи учрежденныхъ изъ легкихъ полевыхъ командъ баталіоновъ высочайшая Ея Императорскаго Величества состоитъ воля, сколько въ разсужденіи многаго числа излишнихъ по штату тѣхъ командъ унтеръ-штабныхъ чиновъ, болѣе къ отягощенію, нежели къ пользѣ служащихъ, такъ напротивъ того и для сбереженія самой казны, изъ которой до шестидесяти тысячъ излишняго противъ нынѣ полагаемыхъ баталіоновъ ежегодно выходитъ,—то и поставлю себя долгомъ ваше сіятельство покорнѣйше просить, чтобъ о ускореніи таковымъ двухъ легкихъ полевыхъ командъ въ одинъ баталіонъ соединеніемъ, также составленіемъ драгунскихъ эскадроновъ и егерскаго баталіона ввѣренной начальству вашему части генералитету изволили отъ себя сдѣлать предписаніе, съ тѣмъ, что есть ли бы до открытія будущей кампаніи соединить ихъ удобства не было, то по крайней мѣрѣ, расчисливъ всѣ чины по сему новому положенію и исключая изъ оныхъ излишнихъ противъ баталіоннаго числа, опредѣлить ихъ въ другіе полки.

Что принадлежитъ до произвожденія сверхъ-комплектнымъ штабъ и оберъ-офицерамъ жалованья, то на оное послѣдовала высочайшая Ея Величества воля, согласно съ учиненнымъ отъ вашего сіятельства къ высочайшему ея лицу представленіемъ.

Февраля 28 дня 1775 года.

10.

Получено 6 Марта 1775 г.

На почтеннѣйшія вашего сіятельства письма минувшаго мѣсяца отъ 15 и 28 чиселъ, о награжденіи отличившихся мужествомъ и усердіемъ во время злодѣйскаго бунта разныхъ чиновъ, въ отвѣтъ служить честь имѣю, что я, по особливой моей къ вашему сіятель-

ству преданности, принимая всегда съ отмѣннымъ уваженіемъ таковыя одобренія въ соотвѣтственность желанія вашего о исходатайствованіи имъ справедливаго награжденія, не премину приложить своего старанія.

Марта 4-го дня 1775 года.

11.

Получено того же числа.

Ея Императорское Величество высочайше указать мнѣ соизволила сообщить къ вашему сіятельству высочайшую ея волю, чтобы сдѣланный отрядъ войскъ противъ Киргизцевъ чрезъ нарочно отправленнаго отъ васъ удержать и въ случаѣ, если бы тотъ посланный съ повелѣніемъ симъ прїѣздомъ своимъ до начатія поиска ускорить не могъ, то по крайней мѣрѣ приказать, не продолжая далѣе поисковъ своихъ, возвратиться въ свои мѣста и находиться для загражденія границы до особливаго вашего на то повелѣнія. Я, по искренней моей къ вашему сіятельству преданности, долженъ открыть мысль мою, что такъ слабый detaшментъ, употребленный въ сіе важное дѣло, не токмо содѣйствіемъ своимъ по толь обширнымъ мѣстамъ желаемаго намѣренія достигнуть не можетъ, но, и обезсиляся безплодными поисками, затруднить тѣмъ самымъ на будущее время настоящія въ томъ предпріятія; а особливо, что произведеніе сего въ дѣйство требуетъ прибавленія большаго числа конныхъ и свѣжихъ войскъ, потому что сумнѣваюсь я, чтобы тамошняя конница весьма трудными своими движеніями не была изнурена.

Марта 6 дня 1775 года.

12.

Получено Марта 9, писано того же числа.

Имѣя надобность до господина премьерь-маіора Шевича, находящагося въ Бахмутскомъ гусарскомъ полку подъ предводительствомъ вашего сіятельства, симъ покорнѣйше прошу приказать съ возможнымъ поспѣшеніемъ слѣдовать ему въ Москву и явиться у меня.

Марта 9 дня 1775 года.

13.

Въ сходственность прежняго моего вашему сіятельству донесенія имѣю честь почтеннѣйше увѣдомить, что изъ рекомендованныхъ отъ вашего сіятельства войска Донскаго полковниковъ, Луковкина о награжденіи чиномъ армейскаго подполковника, представлено отъ меня съ прописаніемъ его долговременной и похвальной службы въ Государственную Военную Коллегію; прочимъ же тремъ, Янову, Вуколову и Лоцилину, по содержанию высочайше подтвержденнаго минувшаго Февраля 15 дня о войскѣ Донскомъ штату, въ сравненіе прежде пожалованнымъ таковымъ же полковникамъ за ихъ ревностную и усердную службу, объявилъ я чины премьерь-маіорскіе. О Еловайскомъ же уповательно ваше сіятельство извѣстны, что онъ, по имянному Ея Императорскаго Величества указу, пожало-

ванъ полковникомъ и войска Донскаго наказнымъ атаманомъ. Что же касается до прочихъ онаго войска чиновъ, удостоенныхъ за усердную и вѣрную свою службу справедливаго вашего одобрения, на сіе вашему сіятельству почтеннѣйше объявляю, что всѣмъ имъ пожалованы будутъ, такъ какъ и прежде, золотыя сабли.

Марта 23 дня 1775 года.

Получено 24 числа.

14.

На почтеннѣйшее вашего сіятельства ко мнѣ писаніе симъ покорнѣйше отвѣтствовать честь имѣю, что ко вспомошествованію Вольскому войску въ претерпѣнномъ онимъ отъ Калмыкъ разореніи не оставляю я употребить всѣ тѣ способы, какіе только лучшими и полезнѣйшими признаю; чтожъ касается до представленныхъ отъ вашего сіятельства къ награжденію разныхъ чиновъ, то всѣмъ имъ, а особливо капитану Ейбоженкову, яко удостоившемуся отличнымъ усердіемъ своимъ и ревностію отмѣннаго вашего сіятельства благоволенія, не премину я стараться о исходатайствованіи имъ воздаянія, какаго вѣрная служба ихъ и отличныя каждаго особо заслуги, запечатлѣнныя высокимъ вашего сіятельства одобреніемъ, достойны.

Марта 24 дня 1775 года.

Получено того же числа.

15.

Получено Мая 4 дня 1775 года.

Имѣвъ счастье докладывать Ея Императорскому Величеству по письму вашего сіятельства и подносить къ высочайшему ея прочтенію заготовленныя отъ васъ господину генералу-поручику Суворову о Оренбургской экспедиціи пограничныхъ иновѣрческихъ дѣлъ резолюціи, которыя Ея Императорское Величество соизволила найдти достаточными.

Мая 1-го дня 1775 года.

16.

Получено 6 Мая 1775 года.

Имѣвъ честь изъяснить, по письму вашего сіятельства, мысль мою о господинѣ генералъ-маіорѣ Чорбѣ, что не имѣетъ онъ ни малѣйшей причины жаловаться на судьбу свою, всегда ему благодѣтельствовавшую, дополняю къ тому, что по вступившему въ Коллегію о взысканіи съ него въ Харьковской гусарскій полкъ за разныя утраченныя и негодныя къ употребленію вещи, въ томъ числѣ за удержанныя полковыя серебрянныя литавры и трубы, также взятыя имъ отъ командированнаго изъ полку для подряду вещей поручика Вородаевского девять сотъ шестьдесятъ три рубля съ копѣйками, а всей суммы подлежащей ко взысканію 11,693 рубли 32 копѣйки, не оставитъ Коллегія по поданному отъ него объясненію сдѣлать справедливое разсмотрѣніе и, какъ онъ состоитъ уволеннымъ уже отъ службы, то и дозволить ему ѣхать въ деревню его или куда онъ самъ пожелаетъ.

Мая 5-го дня 1775 года.

17.

Получено 29-го къ вечеру.

Покойнаго генералъ-маіора Краснощокова жена, присланнымъ ко мнѣ письмомъ, усиленно проситъ объ отпускѣ къ ней сына ея полковника Краснощокова, прописывая, что по совершенной ея старости и болѣзнямъ, находясь при концѣ жизни своей, опасается, чтобъ оставшее имѣніе за отсутствіемъ его не было растащено.

А какъ онъ состоитъ въ командѣ вашего сіятельства, то покорнѣйше прошу для отправленія его въ Черкасскъ приказать ему явиться у меня; къ командованію же полкомъ его имѣетъ предстать къ вамъ онаго же войска полковникъ Исаевъ.

Мая 24 дня 1775 года.

Село Братовщино.

18.

Получено 13-го того же мѣсяца.

Состоящій при Царицынской линіи войска Донскаго атаманъ Перфиловъ рапортуетъ ко мнѣ, что прошлаго 1774-го за Ноябрь, Декабрь и сего 775-го годовъ за Генварь, Февраль, Мартъ и за половину Апрѣля мѣсяцевъ, за неимѣніемъ въ Царицынскихъ магазинахъ овса, его старшинскимъ и казачьимъ лошадямъ фуража въ производствѣ не было. Почему казаки и принуждены покупать овесъ на свои собственныя деньги; а у иныхъ, по неимуществу, отъ безкормицы и частыхъ почтовыхъ разгоновъ, лошади пришедъ въ худобу пали, которыя покупая на мѣсто оныхъ большею частію въ долгъ, доведены до такого убожества, что не только поправить свое состояніе, но и долговъ отплатить сдѣлались уже не въ силахъ. А потому означенный атаманъ Перфиловъ и проситъ о выдачѣ въ Царицынѣ какъ ему, такъ и командѣ за показанное время по такимъ цѣнамъ, какія по справкѣ въ прошедшую зиму тамъ были, оныхъ фуражныхъ денегъ учинить разсмотрѣніе. Я, находя сіе представленіе весьма нужнымъ, потому паче, что видя совершенный чрезъ то неполученіе фуража ихъ недостатокъ и разореніе, за нужно почелъ о семъ ходатайствовать у вашего сіятельства, яко главнаго тѣхъ мѣстъ начальника, покорнѣйше прося о дачѣ въ томъ кому слѣдуетъ вашего повелѣнія.

Іюня 9 дня 1775 года.

ГРАФЪ И ГРАФИНЯ СЪВЕРНЫЕ ВЪ НИДЕРЛАНДАХЪ.

Въ Русскомъ Архивѣ было уже помѣщено нѣсколько извѣстій, относящихся къ путешествію по Европѣ, совершенному великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и великою княгинею Маріей Феодоровною въ 1781 — 1782 гг. Читатели въ особенности припомнятъ рассказъ о пребываніи высокихъ путешественниковъ въ Венеціи, переданный авторомъ „Записной книжки“ на основаніи неизданныхъ записокъ графини Хотекъ, бывшей свидѣтельницею пышной встрѣчи Русскихъ гостей въ столицѣ Адриатики (Р. Арх. 1873 г., 1968—1976). Теперь мы помѣщаемъ извѣстія о пребываніи великаго князя Павла и его супруги въ Нидерландахъ. Рассказъ о поѣздкѣ ихъ по Австрійскимъ Нидерландамъ есть переводъ статьи знатока Бельгійскихъ архивовъ, члена Бельгійской академіи наукъ, Гашара, помѣщенной въ Бюллетенѣ этой академіи за 1872 годъ ¹⁾: въ этомъ году Бельгійская академія праздновала свой столѣтній юбилей, и это обстоятельство, подавшее поводъ къ составленію исторіи академіи, побудило г. Гашара написать нижеприводимую статью. Свѣдѣнія же о пребываніи графа и графини Съверныхъ въ Голландіи изложены въ донесеніи А. И. Моркова, занимавшего должность посланника Русскаго посольства при Генеральныхъ Штатахъ.

Составляя свою статью, г. Гашаръ, повидимому, не былъ знакомъ съ любопытными записками подруги дѣтства великой княгини—баронессы Оберкирхъ, которая сопровождала Марію Феодоровну въ путешествіи по Нидерландамъ и оставила нѣсколько замѣтокъ объ этомъ времени въ своихъ мемуарахъ ²⁾. Но, при переводѣ статьи г. Гашара не оказалось надобности пополнять ее изъ дневника г-жи Оберкирхъ, такъ какъ въ Русскомъ Архивѣ 1869 г. (517—526) уже былъ помѣщенъ въ извлеченіи важнѣйшій изъ ея рассказовъ объ одномъ эпизодѣ, относящемся до пребыванія графа и графини Съверныхъ въ Брюсселѣ. Въ заключеніи замѣтимъ, что счетъ дней означенъ г. Гашаромъ по новому стилю.

Л. Майковъ.

I. Въ Австрійскихъ Нидерландахъ.

Три государя могущественной Россіи посѣтили въ разное время Бельгію: Петръ Великій въ 1717 г., Павелъ I, будучи еще великимъ княземъ, въ 1782 году и Александръ I въ 1815. Я намѣренъ въ послѣдствіи рассказать подробно посѣщеніе Петра Великаго; я собралъ для этой цѣли многочисленные матеріалы. Если же я предпосылаю этому повѣствованію извѣстіе о путешествіи Павла I, то по той именно причинѣ, что съ этимъ послѣднимъ связывается событіе, замѣчательное въ исторіи нашей (Бельгійской) академіи и заслуживающее воспоминанія въ то время, когда мы готовимся праздновать столѣтній юбилей этого учрежденія.

¹⁾ Bulletins de l'Académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique. XLl-me année. 2-me serie, t. XXXIII, 131—141.

²⁾ Mémoires de la baronne d'Oberkirch sur la Cour de Louis XVI et la société française avant 1789, publiés par le comte de Montbrison. Paris 1853. 2 vol.

30-го Сентября 1781 года великаго князя цесаревичъ, единственный сынъ Петра III и Екатерины II и его супруга, великая княгиня Марія Θεодоровна рожденная принцесса Виртембергская, выѣхали изъ императорской резиденціи—Царскаго Села въ путешествіе, въ теченіе котораго они предполагали посѣтить, подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ, нѣкоторую часть Европы. Прежде всего они посѣтили Вѣну и пробывли здѣсь довольно долго ¹⁾. 4-го Января 1782 года они покинули эту столицу и отправились въ Италію. Они провели нѣкоторое время въ Венеціи, Неаполѣ, Римѣ, Флоренціи, Миланѣ и Туринѣ. 18-го Мая они прибыли въ Парижъ и провели здѣсь цѣлый мѣсяцъ. Великій князь желалъ видѣть Брестъ, какъ главный морской арсеналъ Франціи. По осмотрѣ его, графъ и графиня Сѣверные отправились въ Нидерланды.

Во всѣхъ посѣщенныхъ ими странахъ, графъ и графиня привлекали къ себѣ общее сочувствіе, возбуждаемое не только ихъ высокимъ положеніемъ, но и качествами, имъ свойственными. Павелъ, при большомъ умѣ, обладалъ способностью вѣрно постигать идеи и быстро охватывать всѣ стороны предмета и различныя обстоятельства ²⁾. Великая княгиня была прекрасна собою и обладала разнообразными познаніями: она занималась живописью и музыкой; въ Вѣнѣ, при посѣщеніи императорскаго фарфороваго завода, она набросала на чашкѣ рисунокъ и наложила на него краски, возбудивъ тѣмъ удивленіе всѣхъ присутствовавшихъ ³⁾. Съ этими разнообразными талантами Марія Θεодоровна соединяла любезность и самую привлекательную кротость; болѣе же всего уваженіе и сочувствіе къ ней внушалось ея привязанностью къ супругу ⁴⁾. При томъ, и графъ, и графиня очень желали многое видѣть, многому научиться и вмѣстѣ съ тѣмъ произвести на всѣхъ самое лучшее впечатлѣніе ⁵⁾.

„Путешествіе великаго князя и великой княгини“, писалъ Іосифъ II къ своему брату Леопольду, — „событіе весьма замѣчательное. Для пользы государства, для всякаго, кто думаетъ о благѣ Отечества, коему онъ обязанъ своимъ благосостояніемъ, вовсе не безразлично, чтобы ихъ императорскія высочества были довольны всѣми тѣми выраженіями дружбы, какія они встрѣтятъ повсюду, гдѣ есть представители нашей фамиліи или ея родственники, дабы общее единеніе всей фамиліи въ своихъ убѣжде-

¹⁾ Въ числѣ подробностей пребыванія графа и графини Сѣверныхъ въ Вѣнѣ отмѣтимъ одну, заслуживающую упоминанія по своей необыкновенности. Совѣтникъ фонъ-Кемпеленъ, Венгерецъ по происхожденію, изобрѣлъ автомата, который игралъ въ шахматы; 7-го Декабря великая княгиня пожелала сыграть партію съ этимъ автоматомъ. Неизвѣстно однако, кто выигралъ. (*L'Esprit des Gazettes*, t. IV, p. 203).

²⁾ Такъ именно выражается, говоря о немъ великій герцогъ Леопольдъ въ письмѣ, отъ 5-го Іюня 1782-года, къ своему брату Іосифу II (*Joseph und Leopold von Toscana, ihr Briefwechsel von 1781 bis 1790*, кавалера *фонъ-Арнета*. Wien, 1872, т. I, стр. 116).

³⁾ *Esprit des Gazettes*, т. IV, стр. 191.

⁴⁾ Въ вышеупомянутомъ письмѣ Леопольдъ отдаетъ справедливость прекраснымъ свойствамъ великой княгини. Герцогъ Саксенъ-Тешенскій, познакомившись съ нею въ Брюсселѣ, отзывается о ней столь-же благопріятно (*Maria-Christina, Erzherzogin von Oesterreich*, соч. *Адольфа Вольфа*, т. I, стр. 200).

⁵⁾ Записка Іосифа II, посланная великому герцогу Леопольду 12-го Января 1782 (*Joseph und Leopold* и пр., т. I, стр. 333).

нихъ относительно ихъ и всей Россіи не оставило въ нихъ нисколько сомнѣнія о прочности и постоянствѣ нашихъ чувствъ къ нимъ, какъ въ настоящее время, такъ и въ будущее“⁶⁾.

Согласно съ такимъ взглядомъ, Іосифъ, во время пребыванія графа и графини Сѣверныхъ въ Вѣнѣ, не пренебрегъ ничѣмъ, чтобы быть приятнымъ. По примѣру императора, и королева Каролина въ Неаполѣ, великій герцогъ Леопольдъ въ Тосканѣ, эрцгерцогъ Фердинандъ въ Миланѣ, Марія-Антуанетта въ Версали, старались всячески угодить имъ. Знаменитые путешественники должны были ожидать того же вниманія, той же предупредительности въ отношеніи къ нимъ и въ Нидерландахъ, которыми управляли сестра королевы Французской и Неаполитанской—эрцгерцогиня Марія-Христина, совмѣстно съ своимъ супругомъ, герцогомъ Саксенъ-Тешенскимъ Альбрехтомъ.

Графъ и графиня Сѣверные должны были прибыть въ Нидерланды чрезъ Дюнкирхенъ и Фюрнъ. Едва эрцгерцогиня и герцогъ Альбрехтъ получили извѣстіе о приближеніи ихъ къ границамъ, какъ переѣхали для встрѣчи гостей въ Остенде, въ сопровожденіи графа фонъ-Штаренберга, полномочнаго министра императора. Городъ Остенде, и хотя и много выигравшій въ теченіе Американской войны, далеко не представлялъ въ то время тѣхъ удобствъ, которыми обладаетъ нынѣ; тамъ было всего два порядочныя гостиницы: la Conciergerie de la maison de ville и la Cour impériale. Та и другая были заняты для Русскихъ гостей и ихъ свиты; эрцгерцогиня и ея супругъ помѣстились въ домѣ, занимаемомъ комендантомъ, графомъ Риндемаулемъ. Въ Остенде не было хорошей воды для питья: ее привезли изъ Виннендаля. Приняты были мѣры, чтобы проѣздъ великаго князя и княгини не встрѣтилъ никакого препятствія или замедленія. Такъ какъ станціи между Фюрномъ и Брюсселемъ не были снабжены достаточнымъ количествомъ лошадей⁷⁾, то всѣ мѣстныя земскія и городскія управленія, по пути слѣдованія высокихъ путешественниковъ, были обязаны пополнить недостающее число. Фюрнское начальство распорядилось исправленіемъ дороги, по которой слѣдовало проѣзжать, въ предѣлахъ его округа⁷⁾.

8-го Іюля 1782 года графъ и графиня Сѣверные переѣхали границу Нидерландовъ; въ Фюрнѣ ихъ встрѣтилъ графъ фонъ-Штаренбергъ и привѣтствовалъ отъ имени эрцгерцогини и ея супруга. Къ вечеру они прибыли въ Остенде и помѣстились въ гостиницѣ la Conciergerie. Едва вошли они въ отведенные для нихъ апартаменты, какъ эрцгерцогиня Марія-Христина и герцогъ Альбрехтъ посѣтили ихъ.

Свита графа и графини состояла изъ 60 человекъ, между которыми находились князь А. Б. Куракинъ, племянникъ графа Панина (сопровождавшій ихъ по личной преданности и пользовавшійся полнымъ ихъ довѣріемъ), графъ Н. И. Салтыковъ, генералъ-адъютантъ императрицы, князь Н. Б. Юсуповъ, великій любитель древностей, искусствъ и художествъ, и полковникъ Х. Бенкендорфъ.

9-го числа графъ и графиня Сѣверные отдали визитъ эрцгерцогинѣ и герцогу Альбрехту. Затѣмъ они отправились всѣ вмѣстѣ на платформу,

⁶⁾ Joseph und Leopold von Toscana, и пр., т. I, стр. 332.

⁷⁾ Для поѣзда великаго князя съ супругою требовалось 500 лошадей.—Въ день ихъ прибытія въ Парижъ, 18-го Мая, почтовое движеніе для другихъ путешественниковъ было приостановлено.

⁸⁾ Свѣдѣнія изъ королевскихъ архивовъ.

съ которой открывался видъ на море, на портъ, на маякъ и на работы по расширенію гавани. Затѣмъ они отправились въ шлюбахъ на Шликенскія шлюзы. Здѣсь ожидали ихъ суда для переѣзда въ Гентъ. По прибытіи въ главный городъ Фландріи, они посѣтили театръ. На слѣдующій день они осматривали соборъ и исправительное заведеніе.

Послѣ обѣда они выѣхали въ Брюссель. Для нихъ было приготовлено помѣщеніе въ дворцѣ; но высокіе путешественники не принимали подобныхъ приглашеній ни въ одной изъ посѣщенныхъ ими странъ; поэтому и въ Брюссель они помѣстились въ гостинницѣ Belle-Vue.

Послѣ того какъ они расположились тамъ, эрцгерцогиня и ея супругъ, возвратившіеся изъ Гента одновременно съ ними, заѣхали за ними, чтобы отправиться вмѣстѣ въ театръ⁹⁾. Распространившееся въ публикѣ извѣстіе, что высокіе гости почтять спектакль своимъ присутствіемъ, привлекло въ театръ значительное количество зрителей; при вступленіи ихъ въ королевскую ложу, публика встрѣтила ихъ продолжительными восклицаніями.

11-го числа Марія-Христина и герцогъ Альбрехтъ, въ сопровожденіи графа Штаремберга, возили высокіхъ гостей въ соборъ св. Гудулы, въ женскій монастырь, богадѣльню Béguinage и на одну изъ важнѣйшихъ кружевныхъ фабрикъ. Въ соборѣ кардиналъ Франкенбергъ, архіепископъ Мехельнскій, встрѣтилъ ихъ во главѣ своего капитула. Въ тотъ же день осмотрѣнъ былъ монетный дворъ. Выслушавъ объясненіе всего процесса монетнаго дѣла и по выбитіи многихъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, высокіе путешественники подошли къ медальному чекану, и здѣсь старшій граверъ Теодоръ ванъ-Беркель выбилъ передъ ними и представилъ имъ медаль, приготовленную въ честь ихъ¹⁰⁾. По осмотрѣ монетнаго двора, великій князь съ великою княгиней и эрцгерцогиня съ супругомъ отправились на катанье. Тогда любимымъ гульбищемъ Брюссельцевъ была Зеленая Аллея (Allée Verte), нынѣ совсѣмъ забытая; на этотъ разъ она имѣла блестящій видъ по множеству и богатству собравшихся экипажей. Вечеромъ во дворцѣ былъ приемъ, балъ и ужинъ.

Знакомство съ лицами, отличавшимися въ разныхъ странахъ по своимъ познаніямъ, составляло предметъ особаго любопытства для графа и графини Съверныхъ. Они выразили желаніе присутствовать въ засѣданіи Императорско-королевской академіи наукъ и словесности, которая, будучи учреждена всего за десять лѣтъ передъ тѣмъ, успѣла однако приобрести себѣ уваженіе ученой Европы. Было однако вакаціонное время; но академія была созвана въ чрезвычайное собраніе. Зданіе это нахо-

⁹⁾ Въ упомянутой выше запискѣ, Іосифъ писалъ своему брату: „Великій князь не танцуетъ; великая княгиня танцуетъ, но безъ особеннаго увлеченія; поэтому балы интересуютъ ихъ лишь какъ удобный случай для того, чтобы видѣть дворянство. Музыка, повидимому, доставляетъ удовольствіе ихъ императорскимъ высочествамъ; а равно и хорошій спектакль, особенно если оный не слишкомъ длиненъ и не затягивается до поздняго времени“.

¹⁰⁾ Вотъ описаніе этой медали:

На одной сторонѣ, обращенное вправо, грудное изображеніе великаго князя и великой княгини. Кругомъ надпись: PAUL. PETROW. ET MAR. FEDOROWNA MAGNI RUTHEN. DUCES. На оборотѣ: Т. V. В. (Theodore Van-Berckel). На оборотѣ: инструменты наукъ и искусствъ, атрибуты торговли и военнаго дѣла, рогъ изобилія и пр. Надпись въ трехъ строкахъ: BRUXELLIS. MENSE JUL. MDCCLXXXII. Диаметръ медали: 40 миллиметровъ.

дилось въ улицѣ Изабеллы и было разрушено въ началѣ нынѣшняго столѣтія, чтобы дать мѣсто площадкѣ; тамъ стоитъ нынѣ статуя генерала Беллиара. Въ зданіи этомъ находилась и королевская бібліотека, которую Марія Терезія открыла для общаго пользованія; въ той самой залѣ, гдѣ помѣщались книги, происходили и засѣданія академіи. 12-го Іюля графъ и графиня, вмѣстѣ съ эрцгерцогинею и ея супругомъ, отправились въ академію; при выходѣ изъ кареты ихъ встрѣтилъ графъ фонъ-Штарембергъ, протекторъ академіи, и ея президентъ де-Крумпиенъ, канцлеръ Брабанта, во главѣ всѣхъ членовъ. Послѣ того какъ великій князь и великая княгиня заняли мѣста въ залѣ засѣданій, непремѣнный секретарь академіи ¹¹⁾ обратился къ нимъ со слѣдующею рѣчью:

„Въ то время какъ славнѣйшія страны Европы изъявляли чрезвычайное удовольствіе по случаю присутствія двухъ путешествующихъ особъ, кои подъ скромнымъ прозвищемъ сокрыли свое высокое имя и подъ простою внѣшностью удивительныя дарованія, Нидерланды питали живѣйшее желаніе пріобщиться всеобщей радости. Нынѣ желанія эти исполнились, и Брюссель можетъ присовокупить свои клики къ восторгамъ Вѣны, Рима и Парижа.

„Когда мы, трудящіеся подъ покровительствомъ просвѣщеннаго государя и его довѣренныхъ намѣстниковъ для преуспѣянія словесности и наукъ, увѣдомились, что ваши высочества удостоиваютъ сія послѣднія своимъ милостивымъ воззрѣніемъ, что вы изволите посвящать имъ минуты вашего драгоценнаго досуга, что вы обогащаете чертоги ваши обширными книгохранилищами и роскошными собраніями, въ коихъ натура и художества являютъ свои чудеса, сердца наши открылись для радости, и мы прославили время, въ кое живемъ: въ сей день, когда ваши высочества изволите отстранять блескъ, окружающій ваши августѣйшія главы, да прійдете въ наше собраніе, ни единый отъ насъ, вдохновленный вашимъ присутствіемъ, не можетъ не возчувствовать, того мужества и того жара, кои ваши высочества одни и способны вселить.

„Могущественный монархъ, и чтѣ болѣе сего, великій мужъ, коего слава будетъ жить въ равнинахъ Бельгійскихъ столь же долгое время, какъ и въ предѣлахъ его обширной имперіи, создалъ впервые особый родъ соревнованія, дотогѣ невѣдомый государямъ. Онъ благоволилъ возсѣсть на ряду съ учеными мужами, поучался и трудился вкупѣ съ ними и поучалъ ихъ въ свой чередъ. Нѣкоторая знаменитая академія хранитъ плоды его генія. Наша академія въ то время еще не существовала; но, видя присутствующими здѣсь толь славныхъ друзей науки, особъ толь великихъ и любезныхъ толикому числу народовъ, она не имѣетъ нужды питать сожалѣніе. Она сохранить въ сердцѣ своемъ многоцѣнный даръ сего посѣщенія и, исполненная удивленія и благодарности, занесетъ въ скрижали свои тотъ почетъ, коего нынѣ удостоена.“

Президентъ представилъ высокимъ гостямъ три тома записокъ академіи, вышедшихъ до тѣхъ поръ; казначей поднесъ имъ жетоны, которые раздавались членамъ академіи; жетоны эти были милостиво приняты какъ графомъ и графинею Сѣверными, такъ и эрцгерцогинею и ея супругомъ.

Три новые мемуара были внесены въ это засѣданіе: первый—Дерошемъ, подъ заглавіемъ: „Dissertation sur l'état militaire dans les Pays-Bas sous le gouvernement des ducs et des comtes, depuis l'année 1100

¹¹⁾ Іоаннъ Де-Рошъ (Des Roches), занявшій эту должность въ 1776 году, послѣ Жерара.

jusqu'au règne de la maison d'Autriche, vers la fin du quinzième siècle“ (Разсужденіе о положеніи военнаго дѣла въ Нидерландахъ подѣ управленіемъ герцоговъ и графовъ, съ 1100 г. до воцаренія Австрійскаго дома въ концѣ XV в.); второй—аббатомъ Манномъ (Mann), подѣ заглавіемъ: „Vue générale des derniers progrès des sciences académiques et de ce que reste à faire pour les amener de plus en plus vers leur perfection“ (Общій очеркъ новѣйшихъ успѣховъ наукъ и того что еще остается сдѣлать для ихъ полнаго совершенства); и третій—маркизомъ де Шателеромъ (de Chasteler): „Réflexions sur les troubles des Pays-Bas sous le gouvernement de Marguerite de Parme“ (Разсужденія о волненіяхъ въ Нидерландахъ во время управленія Маргариты Пармской). По указанію графини Сѣверной ¹²⁾, г. де Крумпиненъ прочелъ второй изъ названныхъ мемуаровъ. Затѣмъ, по закрытіи засѣданія, великій князь и великая княгиня разсматривали драгоцѣннѣйшія рукописи библіотеки ¹³⁾. Остальная часть утра была посвящена осмотру каретныхъ мастерскихъ знаменитаго фабриканта Симонса. Затѣмъ, по призыву предшествовавшаго дня, при дворѣ былъ большой обѣдъ, послѣ котораго эрцгерцогиня и ея супругъ отвезли своихъ гостей въ театръ. Вечеръ заключился прогулкою въ воксалъ, садъ котораго былъ иллюминированъ.

13 Юля гости оставили Брюссель. Эрцгерцогиня и ея супругъ проводили ихъ до Антверпена и тамъ показали имъ главныя церкви, академію живописи, художественныя собранія многихъ частныхъ лицъ, портъ и замѣчательнѣйшія зданія. 14-го Марія-Христина и Альбрехтъ простились съ великимъ княземъ и великою княгинею, которые отправились въ Голландію.

По поводу пребыванія великаго князя Павла Петровича въ Брюссель, историкъ Марія-Христины, Адамъ Вольфъ, сообщаетъ одну странную подробность: онъ приводитъ письмо принца Альбрехта, въ которомъ сказано, что великій князь питалъ увѣренность, что ему грозитъ со временемъ отравленіе ¹⁴⁾.

Въ Голландіи графъ и графиня Сѣверные не преминули посѣтить Саардамъ, гдѣ Петръ Великій, въ 1697 году, учился кораблестроенію. Они желали видѣть тѣ два элинга, на которыхъ основатель могущества Россіи работалъ простымъ плотникомъ, и домъ, въ которомъ онъ жилъ: въ этомъ домѣ жилъ тогда внукъ того хозяина, который отдавалъ его въ наймы царю. Великій князь и великая княгиня осмотрѣли домъ въ подробности и, покидая его, оказали скромному поселянину знаки своей щедрости.

Изъ Генеральныхъ Штатовъ великій князь и великая княгиня отправились, черезъ Мастрихтъ, въ Спа, гдѣ эрцгерцогиня Марія-Христина и принцъ Альбрехтъ снова встрѣтились съ ними. Здѣсь также хранились

¹²⁾ Такъ сказано въ *Gazette des Pays-Bas*, 18-го Юля 1782 года. По журналу засѣданія и по протоколу совѣщаній академіи, чтеніе мемуара аббата Манна было „потребовано ихъ королевскими высочествами“, то есть, эрцгерцогинею и ея супругомъ. Эти два извѣстія не такъ разногласятъ между собою, какъ кажется съ перваго взгляда: согласно условіямъ приличій, эрцгерцогиня и ея супругъ не могли не спросить мнѣнія своихъ высокихъ гостей на счетъ выбора чтенія.

¹³⁾ *Mémoires de l'Académie*, t. IV, journal des séances, p. XLIII.

¹⁴⁾ *Er hatt immer die Idee, dass er einmal vergiftet wird...* Maria-Christina, Erzherzogin von Oesterreich, I, стр. 200.

воспоминанія о пребываніи Петра Великаго: въ 1717 г. этотъ государь пилъ воды Геронстерскаго ключа, которыя принесли ему большую пользу; великій князь и великая княгиня съ живѣйшимъ любопытствомъ прочли надпись съ гербомъ царя, напоминавшую объ этомъ событіи. Множество принцевъ, принцессъ и знатныхъ особъ находились въ это время въ Спа, а потому и празднества, данныя здѣсь по поводу прибытія Русскихъ гостей, были очень блестящи.

Проведя два дня ¹⁵⁾ въ этомъ прелестномъ городѣ, графъ и графиня Сѣверные направились въ Германію. Изъ Франкфурта они проѣхали черезъ Страсбургъ въ Монбельяръ, гдѣ ихъ ожидало Виртембергское герцогское семейство. Въ Сентябрь они посѣтили Штутгартъ. Затѣмъ они останавливались на нѣкоторое время въ столицѣ Австріи. Наконецъ, 1-го Декабря они возвратились въ Петербургъ. Путешествіе ихъ продолжалось 14 мѣсяцевъ.

II.

Въ Голландіи.

Донесеніе А. И. Маркова.

Всемиловѣйшая Государыня.

Въ бытность ихъ императорскихъ высочествъ въ Бриселѣ, Генеральныя Статы учинили имъ чрезъ пребывающаго тамо своего посланника барона Гопа формальное приглашеніе посѣтить ихъ области, а принцъ и принцесса Оранжскіе таковое-жъ съ своей стороны учинили приглашеніе письмами, съ нарочно туда отправленнымъ двора ихъ камергеромъ графомъ Гейденомъ. Слѣдуя предпринятому намѣренію, ихъ императорскія высочества оставили Брисель въ прошлую субботу, то есть 2 (13) сего мѣсяца и прибыли того-жъ дня въ Антверпенъ, гдѣ имѣли свой ночлегъ. На другой день, отобѣдавъ вмѣстѣ съ ихъ королевскими высочествами эрцъ-герцогинею Австрійскою и принцомъ Саксъ-Тешенскимъ, которые ихъ до помянутаго мѣста препроводили, отправиться изволили въ путь и того-жъ вечера прибыли въ Мордеку, гдѣ, съвѣ на высланныя отъ здѣшняго адмиралтейства яхты, прибыли сюда водою въ семь часовъ пополудни, останавливаясь дорогою въ Роттердамъ и Дельфтъ для осмотра примѣчательнаго въ сихъ двухъ мѣстахъ. Въ первомъ изъ оныхъ встрѣчены были ихъ свѣтлостями статъ-гальтеромъ и его супругою, кои намѣрены были ѣхать до самаго Мордека, но по точному желанію ихъ императорскихъ высочествъ отъ онаго воздержались. Спустя часъ по прибытіи, ихъ императорскія высочества изволили поѣхать въ домъ статъ-гальтера, куда собрались пребывающіе здѣсь иностранныя министры и знатнѣйшіе чины придворныя, которые имѣли честь быть имъ представлены. Потомъ былъ концертъ и ужинъ. Вчера по утру ихъ императорскія высочества въ провожденіи принца и принцессы Оранжскихъ изволили осматривать кабинетъ натуральной исторіи и живописи и другія достойныя любопытства вещи. Обѣдать изволили у статъ-гальтера вмѣстѣ съ главными чинами правительства, а изъ иностранныхъ министровъ кро-

¹⁵⁾ 22-е и 23-е Іюля.

мѣ насъ двухъ никого не находилось. По полудни въ 6-ть часовъ были въ спектаклѣ, а вечеръ препроводили опять у статъ-гальтера, гдѣ былъ великолѣпный ужинъ въ построенныхъ залахъ въ лѣсу, иллюминированномъ разными огнями; послѣ ужина былъ балъ, чѣмъ и заключилось все сіе празднество. Сего дня въ восемь часовъ по утру, ихъ императорскія высочества изволили отправиться сухимъ путемъ черезъ Лейденъ и Гарлемъ въ Амстердамъ. Правительство сего послѣдняго города поручило особенно своему пансіонеру просить ихъ императорскихъ высочествъ о посѣщеніи онаго. Словомъ, всемилостивѣйшая государыня, вездѣ и во всемъ соблюдены были почтеніе и отличности, должныя сану сихъ знаменитыхъ путешественниковъ и совершенно соотвѣтствующія величеству и славѣ всеавгустѣйшей ихъ матери и приносимымъ ей столь справедливо отъ всѣхъ народовъ любви и благоговѣнію.

Наканунѣ отъѣзда ихъ императорскія высочества изволили вручить чрезвычайному посланнику князю Голицыну слѣдующія при семъ два письма для доставленія вашему императорскому величеству. Онъ-же, отправивъ въ слѣдъ за ихъ высочествами, возложилъ на меня исполненіе сего долга.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ
Аркадій Морковъ *).

Гага, 6 (17) Іюля 1782 года.

Получено 23 Іюля 1782.

(Сообщено покойнымъ княземъ М. А. Оболенскимъ, племянникомъ графа А. И. Моркова).

*) Въ Голландіи тогда находилось два Русскихъ посланника: князь Д. А. Голицынъ и товарищъ его А. И. Морковъ.

ФРАНЦУЗЫ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1812 ГОДУ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Императоръ Наполеонъ провелъ тревожную ночь въ Петровскомъ подъѣздномъ дворцѣ. На другой день утромъ онъ долго и молча смотрѣлъ изъ окна на разстилавшійся передъ нимъ пожаръ. „Это предвѣщаетъ намъ великія бѣдствія“, произнесъ онъ наконецъ ¹⁾. „Императоръ былъ доволенъ, занявъ Москву, говоритъ одинъ изъ бывшихъ тогда при немъ секретарей; но конечно онъ не скрывалъ отъ себя, чего не доставало для полнаго его торжества: въ это время Бернадотъ долженъ бы былъ уже занять Петербургъ, а Турки Крымъ“ ²⁾.

Таковы именно были первоначальныя предположенія Наполеона; но его собственная неудачная политика въ отношеніи къ Швеціи и Турціи разстроила эти планы. О мирѣ, заключенномъ Россіею съ Портою въ Букарештѣ и о союзѣ съ Швеціею Наполеонъ узналъ уже находясь въ Россіи. Занятіемъ Москвы онъ еще надѣялся достигнуть своей цѣли, хотя и не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ предполагалъ и желалъ, и заключить съ нею миръ, поразивъ ужасомъ ее и ея Императора. Но пожаръ Москвы, совершенно для него неожиданный, спуталъ всѣ его расчеты и предположенія. Въ рѣчи своей, при открытіи Законодательнаго Собранія, въ началѣ 1813 г., вызывая Францію на новыя чрезвычайныя пожертвованія для продолженія войны, онъ увѣрялъ, что въ Россіи ему пришлось восторжествовать надъ всѣми затрудненіями, и „даже пожаръ Москвы, въ четыре дня уничтожившій труды и издержки 40 поколѣній, нисколько не измѣнилъ благопріятнаго положенія дѣлъ“ ³⁾; но въ самой Москвѣ и потомъ на островѣ Св. Елены онъ думалъ иначе. „Нельзя было предвидѣть возможность сожженія Москвы“, говорилъ онъ, оправдывая этимъ неудачу похода, который считалъ онъ болѣе обдуманнѣмъ, рассчитаннымъ и соображеннымъ изъ всѣхъ своихъ походовъ ⁴⁾.

Могъ-ли Наполеонъ не понять значенія Московскаго пожара, когда его поняла вся Европа, лишь только узнала о немъ? Поняла и Франція. „Невозможно (доносилъ ему въ это время Фиеве изъ Парижа) описать того изумленія и ужаса, которые произвела въ Парижѣ вѣсть о пожарѣ Москвы. Давно уже народы позабыли о войнѣ, доводимой до крайности. Нашему времени суждено все исчер-

1) C.-te Segur, Hist. de Napoléon et de la grande armée, ч. II, гл. VII, стр. 59.

2) В. Fain, Manuscrit de 1812, ч. II, стр. 55.

3) Рѣчь 13 Февраля 1813 г. (и. ст.) у Тьера, Hist. de l'Empire, кн. XXIX.

4) Montholon, Mémoires etc. въ Bibliothèque militaire, изд. 1840, стр. 405.—Las-Cases, Mémorial de S-te Hélène, т. II, стр. 142—145.

пать, все довести до крайности, и это событіе безъ сомнѣнія нанесетъ сильный ударъ высокому идеалу воинской славы. Какъ наши предки возставали противъ религіознаго фанатизма, такъ наши потомки будутъ возставать противъ фанатизма военнаго; по крайней мѣрѣ въ настоящее время кончено всякое увлеченіе. Время, прошедшее съ тѣхъ поръ какъ бюллетень принесъ эту вѣсть, до сихъ поръ не ослабило силы произведеннаго впечатлѣнія. Это такое событіе, котораго послѣдствія неисчислимы, и чѣмъ болѣе въ него вдумываешься, тѣмъ болѣе открываются новые виды. Послѣ чувства состраданія къ жителямъ этого несчастнаго города, первая мысль была о нашей арміи, вдругъ потерявшей всѣ средства, которыя она надѣялась тамъ найти. Собранная воедино, она не можетъ въ этомъ климатѣ воспользоваться спокойствіемъ въ промежутокъ времени между двумя кампаніями. Извѣстія, полученныя послѣ этого бюллетеня, нѣсколько ослабили опасенія. Намъ даютъ надежду, что Французскія войска найдутъ достаточно средствъ для того, чтобы безъ особенныхъ лишеній дожидаться новой кампаніи. Если-бы сбылась эта надежда! Теперъ уже не имѣетъ никакого значенія то обстоятельство, что эта война окупаетъ сама себя; теперъ дѣло не въ деньгахъ: затронуты слишкомъ важные вопросы, и всякій бюллетень, изъ котораго узнали-бы, что наши солдаты въ теплѣ, одѣты и сыты, произвелъ бы гораздо больше впечатлѣнія на всѣхъ, нежели извѣстія о побѣдахъ... Съ особеннымъ удовольствіемъ всѣ обратили вниманіе на полуправительственную газетную статью, въ которой за пожаръ Москвы не обвиняютъ императора Александра. Это объяснили тѣмъ, что императоръ не потерялъ еще надежды на миръ. Разрушеніе столицы еще можетъ быть приписано порыву народа, который рѣшился скорѣе погибнуть, чѣмъ подчиниться игу побѣдителя. Это чувство, нѣкогда общее всѣмъ свободнымъ народамъ, выразившееся теперъ во всей силѣ въ странѣ мало образованной, приводитъ въ изумленіе. Если-бы Москва была сожжена по приказанію императора Александра, то онъ могъ бы оправдать себя передъ исторіею, дѣйствуя послѣдовательно и не входя ни въ какіе переговоры о мирѣ. Въ такомъ случаѣ онъ станетъ высоко въ памяти потомковъ. Въ противномъ случаѣ, если онъ согласится на миръ, то и теперъ, и въ послѣдствіи, какъ передъ своими подданными, такъ и передъ Европою, онъ остался бы зажигателемъ. Благоразумное устраненіе его участія въ этомъ событіи свидѣтельствуетъ, что еще не утрачена надежда на миръ, но оно еще не ручается за то, доживемъ ли мы до него⁵⁾?

Со вступленіемъ въ Кремль, т. е. съ 3 Сентября и во все пребываніе въ Петровскомъ дворцѣ Наполеонъ не далъ ни одного приказанія, не продиктовалъ ни одного военнаго предписанія. Очевидно,

⁵⁾ Correspondance et relations de I. Fiévée avec Bonaparte, Paris 1837, т. III, стр. 239—246. Письмо XC, Октябрь 1812. Фьева, въ продолженіи многихъ лѣтъ, начиная съ консульства, былъ корреспондентомъ Наполеона и сообщалъ ему свѣдѣнія о направленіи общественнаго мнѣнія.

онъ такъ былъ пораженъ неожиданнымъ для него событіемъ, что недоумѣвалъ, чтò дѣлать и на чтò рѣшиться. Такое состояніе духа и выражалось въ его тогдашнихъ дѣйствіяхъ.

Въ слѣдъ за Наполеономъ и его свитою выступили изъ Москвы гонимыя пожаромъ войска. Вокругъ Петровскаго дворца устроились бивуаки корпуса Итальянскаго короля. Туда, вслѣдъ за войсками, подъ ихъ охрану, сбѣжалась и большая часть иностранцевъ, особенно Французовъ и даже нѣкоторые изъ Русскихъ. Въ этомъ числѣ находилась и г-жа Оберъ-Шальме, владѣтельница модной тогдашней гостинницы и богатаго магазина различныхъ предметовъ роскоши. (Мужъ ея былъ посланъ въ числѣ другихъ гр. Ростопчинымъ на баркѣ въ Казань). Магазинъ Оберъ-Шальме ⁶⁾ служилъ сборнымъ мѣстомъ для всего высшаго и богатаго Московскаго общества, привлекаемаго туда роскошными товарами. На другой день пребыванія въ Петровскомъ дворцѣ, узнавъ, что г-жа Оберъ-Шальме находится также на бивуакахъ, Наполеонъ, въ шесть часовъ утра, вызвалъ ее къ себѣ. вмѣстѣ съ присланнымъ за нею адъютантомъ она отправилась во дворецъ, въ чемъ была, на первыхъ попавшихся дрожкахъ. У дворцоваго подъѣзда ее встрѣтилъ Мортъе, герцогъ Тревизскій, предложилъ ей руку, довелъ до большой залы и впустилъ туда. Императоръ Наполеонъ ожидалъ ее, стоя въ амбразурѣ окна. Лишь только она вошла, онъ обратился къ ней съ слѣдующими словами: „Вы очень несчастливы, какъ я слышалъ; вы потерпѣли значительныя потери?“—„Да, государь, отвѣчала она, мое состояніе, простиравшееся до 600 тысячъ рублей, погибло въ этой катастрофѣ, и я должна болѣе 300 тысячъ. Позвольте мнѣ надѣяться, что вы защитите меня отъ преслѣдованія моихъ кредиторовъ“. Успокоивъ ее милостивыми обѣщаніями, онъ перевелъ разговоръ на другой предметъ. Онъ сталъ спрашивать ее о настроеніи умовъ въ Россіи, о способахъ управленія, которое онъ намѣревался устроить въ Москвѣ, выражая желаніе, чтобы оно наиболѣе соответствовало правамъ жителей. Между прочимъ онъ спросилъ ее: „Чтò вы думаете о предположеніи освободить Русскихъ крѣпостныхъ людей? — „Если ваше величество позволите мнѣ откровенно выразить мое мнѣніе въ отношеніи къ этому предмету, отвѣчала Оберъ-Шальме, то я смѣю замѣтить, что можетъ быть одна треть изъ нихъ пойметъ это благодѣяніе; двѣ другія не поймутъ даже, о чемъ имъ говорятъ“. — „Но рѣчи и примѣръ первыхъ увлекутъ за собою и остальныхъ“, возразилъ Наполеонъ. „Ваше величество можете ошибиться, продолжала Француженка: здѣсь не то, чтò въ полуденной Европѣ. Русскій недовѣрчивъ, его трудно расшевелить. Дворяне не замедлятъ воспользоваться минутою колебанія, и эти новыя идеи будутъ представлены какъ безбожныя и нечестивыя. Увлечь ими чрезвычайно будетъ трудно, даже невозможно“ ⁷⁾.

⁶⁾ Помѣщался между Тверской и Большой Дмитровкой, въ Глянищенскомъ переулкѣ, въ домѣ нынѣ принадлежащемъ г-ну Обидану.

⁷⁾ Chev. d'Yzarn, Relation etc. стр. 14—15; Arm. Domergues, La Russie pendant les guerres de l'empire, т. II, стр. 73—75. Черновыя письма къ

Выслушавъ такое разсужденіе, Наполеонъ понюхалъ табаку, что служило признакомъ неудовольствія; но, отпуская г-жу Оберъ, благосклонно общалъ ей свое покровительство.

Взглядъ Наполеона на женщинъ, совершенно сходный со взглядомъ на нихъ Мусульманскихъ народовъ, извѣстенъ, и онъ не скрывалъ его. Совѣтоваться съ женщинами, хотя бы умными и образованными, было совершенно противно его нраву. Онъ не совѣтовался ни съ кѣмъ, особенно въ то время, когда достигъ до крайней степени величія. „Усиліе достигнуть Москвы истощило всѣ его воинскіе способы, говоритъ одинъ изъ его спутниковъ, очевидецъ происшествій. Москва составляла послѣдній предѣлъ его предположеній, цѣль всѣхъ его стремленій, и Москва исчезаетъ! Что предпринять? Въ это-то время такому рѣшительному (décisif) генію пришлось колебаться. Онъ, который въ 1805 году вдругъ и окончательно покинулъ всѣ приготовленія у Булоня для высадки въ Англію, стоившія столькихъ издержекъ, покинулъ для того, чтобы неожиданно истребить Австрійскія войска, обозначивъ напередъ, поименно всѣ переходы войскъ въ Ульмской кампаніи до самаго Мюнхена, точно такъ какъ они были потомъ приведены въ исполненіе; этотъ человекъ, который годъ спустя, диктовалъ въ Парижѣ съ тою же непогрѣшимостью всѣ переходы войскъ до Берлина, опредѣлялъ напередъ день своего вступленія въ столицу и назначалъ туда своего губернатора,—онъ былъ теперь смущенъ и нерѣшителенъ. Никогда онъ никому не сообщалъ о своихъ самыхъ смѣлыхъ предположеніяхъ; его министры, самые приближенные, узнавали о нихъ только въ видѣ предписаній о приведеніи ихъ въ исполненіе. И вотъ онъ вынужденъ совѣтываться, испытывать нравственныя и физическія силы его окружающихъ“.

Изъ всевозможныхъ предположеній о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ конечно только одно могло соответствовать его гордынѣ, это идти впередъ, продолжать наступательныя дѣйствія: всѣ другія показались бы отступленіемъ, неудачею всего похода и поколебали бы обаяніе, которое внушалъ его военный геній. На разложенныхъ въ его кабинетѣ картахъ Россіи, онъ со всею подробностью размѣтилъ булавками съ разноцвѣтными головками походъ на Петербургъ. Онъ продиктовалъ уже первоначальныя приказанія и сообщилъ нѣкоторымъ изъ маршаловъ о своихъ намѣреніяхъ. Это сообщеніе поразило ихъ; одинъ только молодой вице-король Итальянскій сочувствовалъ мысли своего вѣтчима, всѣ другіе были противъ нея. Этотъ новый походъ, все болѣе и болѣе удалявшій ихъ отъ Франціи, представлялся имъ новымъ рядомъ утомительныхъ трудовъ и превратностей. „Идти снова впередъ на Сѣверъ, предаваясь на волю случая, идти на встрѣчу зимѣ, которая и такъ не замедлитъ наступить, тогда какъ намъ нуженъ миръ, во чтобы то ни стало, хотя бы пришлось его просить на колѣняхъ“.

Наполеону г-жи Оберъ-Шальме храчятся въ ученое Архивъ Главнаго Штаба. Въ нихъ она проситъ его о покровительствѣ по имуществу и объ опредѣленіи сыновей ея въ Лицей.

начальники Наполеона; но, говоритъ одинъ изъ его тогдашнихъ секретарей, „никто изъ особаго уваженія не рѣшался это выразить ему самому“. Они говорили ему, что для войскъ необходимъ покой, что необходимо время для излеченія раненыхъ или отравленія ихъ въ Смоленскъ, что Москва подъ пепломъ своихъ развалинъ еще представляетъ достаточно средствъ для продовольствія на нѣкоторое время, а уцѣлѣвшій отъ огня Кремль и многіе дома—для помѣщенія. Надо попытаться переговоровъ о мирѣ и если бы они не удались, то отступать во всякомъ случаѣ на Югъ, чтобы истребить боевые и продовольственные запасы въ Калугѣ и Тулѣ.

Мысль о заключеніи мира составляла цѣль Наполеона, и занятіемъ Москвы онъ надѣялся достигнуть этой именно цѣли, какъ постоянно достигалъ ея, занимая столицы другихъ Европейскихъ государствъ. Въ порывѣ негодованія на Русскихъ за то, что не дождался торжественной встрѣчи съ ключами города, что нашелъ Москву оставленную жителями, онъ ожесточился и сосредоточилъ свою злобу на личности гр. Ростопчина, котораго осыпалъ ругательствами. Онъ отдалъ приказъ грабить столицу и создалъ планъ похода на Петербургъ. Походъ этотъ, при нѣсколько хладнокровномъ соображеніи, конечно представлялся совершенно невозможнымъ въ виду способовъ, которыми могъ располагать въ это время Наполеонъ и которые хорошо были извѣстны его маршаламъ. Его войска, достигнувъ Москвы, истратили большую часть боевыхъ запасовъ; новые обозы изъ Смоленска еще не подошли; запасовъ продовольствія, фуража и одежды давно не существовало, и его войска вошли голодные въ столицу. Нужно было много времени для приведенія ихъ въ такое положеніе, чтобы они могли двинуться въ новый, продолжительный походъ. Возможно-ли было оставить въ тылу всю Русскую армію, очистивъ Москву и уведя съ собою всѣ войска? Числительная сила войскъ была ли такова, чтобы можно было раздѣлить ихъ и оставить сильный арьергардъ для удержанія за собою Москвы? Наполеонъ не могъ не знать положеніе своихъ войскъ. Онъ зналъ его не хуже своихъ маршаловъ, хотя можетъ быть и не предвидѣлъ еще, какое разрушительное дѣйствіе произведетъ на нихъ, какъ въ военномъ, такъ и нравственномъ отношеніи, дозволенный грабежъ столицы. Окружавшимъ его боевымъ сотрудникамъ, предлагавшимъ войти въ мирные переговоры, въ которыхъ они видѣли единственное средство спасенія, онъ отвѣчалъ: „Вы полагаете однакоже, что тѣ, которые рѣшились сжечь Москву, могутъ заключить миръ черезъ нѣсколько дней послѣ этаго? Если тѣ, на которыхъ упадетъ обвиненіе за это событіе, имѣютъ силу въ кабинетѣ Александра, то всѣ ваши надежды останутся тщетными... Впрочемъ надо, чтобы выяснились обстоятельства“. „Онъ уступилъ совѣтамъ своихъ боевыхъ товарищей“, замѣчаютъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ его современники-очевидцы. Онъ уступилъ роковой силѣ совершившихся событій (прибавимъ мы), не отказываясь отъ своихъ предположеній, но отсрочивая ихъ исполненіе до тѣхъ поръ, пока не выяснятся обстоятельства

неожиданныя и потому *неясныя* для него, или лучше сказать поразительную *ясность* которыхъ онъ желалъ не только скрыть отъ другихъ, но даже отъ самаго себя ⁸⁾).

Бивуаки Французскихъ войскъ, окружавшіе Петровскій дворецъ, занимали значительное вокругъ него пространство и простирались до Тверскихъ воротъ. Кромѣ корпуса Итальянскаго вице-короля, тамъ находилась и часть гвардіи, выведенная изъ города, и толпилось множество несчастныхъ обитателей Москвы, по преимуществу иностранцевъ и особенно Французовъ. Послѣ очереди для грабежа, назначенной для каждаго корпуса войскъ, солдаты продолжали грабежъ тайно, уходя изъ лагеря, преимущественно по ночамъ. Сухая и ясная погода благоприятствовала пребыванію подъ открытымъ небомъ, хотя прохлада Сентябрьскихъ ночей и давала себя чувствовать непривычнымъ къ Московскому климату иностранцамъ. Но съ 5-го Сентября пошелъ сильный дождь, продолжавшійся два дня. Онъ укротилъ силу пожаровъ, но умножилъ неудобства бивуачной жизни.

Наполеонъ рѣшился возвратиться въ Кремль. По дорогѣ, между бивуаками и по улицамъ Московскимъ, онъ въ первый разъ увидалъ, въ какомъ положеніи находятся его войска. „Никогда не забудется то странное зрѣлище, какое представлялъ лагерь вокругъ Петровскаго дворца, говоритъ современникъ-очевидецъ. Тамъ, въ Англійскомъ саду, находились разные штабы, входившіе въ составъ главной квартиры; генералы помѣщались въ зданіи фабрикъ, лошади стояли въ аллеяхъ. Непрерывно солдаты возвращались съ грабежа изъ Москвы и продавали награбленныя вещи. Къ довершенію странности, они были одѣты въ разнообразныя платья, какія только находили“ ⁹⁾. Другой свидѣтель, описывая этотъ вѣздъ Наполеона въ опустошенную Москву, говоритъ: „Лагерь былъ расположенъ на поляхъ, покрытыхъ липкою и холодною грязью; повсюду горѣли большіе костры, въ которыхъ огонь поддерживался мебелью

⁸⁾ V. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 93—97; C.-te Segur, Hist. de Napoléon etc. т. II., стр. 60—63. Тьеръ говоритъ: „Ce projet est rapporté, mais entièrement défiguré dans le récit de m-r Fain. Il est rapporté à une date qui ne peut être la véritable, car m-r Fain prétend que l'empereur le conçut et l'arrêta au château de Petrowskoe, où il séjourna pendant l'incendie de Moscou du 16 au 19 Septembre. Or, il existe dans les archives et dans la correspondance de Napoléon un exposé de ce plan divisé en titres et articles, comme un projet de loi. Ce document porte la date d'Octobre, sans désignation du jour. (Hist. de l'Empire, кн. XXVI)“⁴. Конечно тотъ планъ, на который указываетъ знаменитый историкъ, выработанъ гораздо послѣ пребыванія Наполеона въ Петровскомъ дворцѣ; но онъ выражалъ свое намѣреніе идти на Петербургъ еще тамъ, о чемъ свидѣтельствуется не одинъ Fain, но и Сегюръ. Этотъ планъ доказываетъ только, что эта мысль занимала долго Наполеона, и весьма понятно почему. Если нельзя дѣйствовать наступательно, то надо было отступать. Ничто такъ не было противно Наполеону, по свидѣтельству самаго г. Тьера, какъ мысль объ отступленіи.

⁹⁾ Duc de Fezensac, Souvenir etc., стр. 265.

изъ краснаго дерева, оконными рамами и позолоченными дверьми изъ богатыхъ домовъ. Вокругъ огней, на постилкахъ изъ мокрой соломы, прикрытыхъ утлыми навѣсами изъ нѣсколькихъ досокъ, толпились солдаты; а офицеры, покрытые грязью и закоптѣлые отъ дыма, сидѣли на креслахъ или лежали на роскошныхъ, покрытыхъ шелковыми матеріями, диванахъ. Ноги у нихъ были закутаны кашемировыми шальями, дорогими Сибирскими мѣхами и Персидскими золотыми матеріями. На серебряныхъ блюдахъ они ѣли какую-то черную похлебку, пересыпанную золою, кровавую и полужаренную конину. Странная смѣсь обилія и недостатка, богатства и грязи, роскоши и бѣдности¹⁰⁾.

Подвигаясь далѣе, поѣздъ Наполеона встрѣчалъ толпы солдатъ, обремененныхъ добычею или гнавшихъ передъ собою, какъ вьючныхъ животныхъ, Русскихъ людей, которые едва не падали подъ тяжестью ноши. Городъ представлялъ новое поражающее зрѣлище. Кое-гдѣ виднѣлись уцѣлѣвшія зданія, но повсюду груды обгорѣлыхъ дымившихся развалинъ. Обломки стѣнъ, столбовъ и печныхъ трубъ указывали направленіе бывшихъ улицъ. По этимъ развалинамъ скитались ограбленные жители, едва разными отрепками прикрывая наготу и отыскивая пищи, а ихъ грабители отыскивая добычи. „Императоръ увидаль, что все его войско разсѣялось по городу“, говоритъ графъ Сегюръ, находившійся въ его свитѣ. Движеніе его поѣзда на каждомъ шагу впередъ затрудняли толпы мародеровъ или возвращавшихся съ добычею, или шедшихъ на новый грабежъ, толпы солдатъ собравшихся у отверстій погребовъ, у дверей домовъ и церквей, пощаженныхъ огнемъ. Трудно было пробираться по улицамъ, по которымъ были разбросаны обгорѣлые обломки зданій, всевозможная мебель и домашняя утварь, выброшенная изъ домовъ или оставленная грабителями, которые захватывали все, что попадалось подъ руки, но потомъ бросали, находя другую болѣе цѣнную добычу. „При вѣздѣ Наполеона, говоритъ Русскій свидѣтель (плѣнный, находившійся въ его свитѣ въ качествѣ путеvodителя), многіе изъ жителей Московскихъ, испившихъ всю чашу бѣдствій отъ нашествія на нихъ иноплемениковъ, увидавъ издали многочисленную свиту, убѣгали прочь. Другіе посмѣлѣе отваживались украдкою выглядывать изъ обвалившихся стѣнъ. Наконецъ, въ одномъ переулкѣ близъ Охотнаго ряду, одѣтая въ лохмотья толпа мѣщанъ, человекъ въ 40, на которыхъ отъ страха, голода и холода едва осталось подобіе человѣческое, выждавъ приближеніе свиты къ переулку, падаетъ среди грязи на колѣни, простираетъ къ иноплемениному государю руки, вопіетъ о претерпѣнномъ ими грабежѣ и конечномъ раззореніи и проситъ пощады и хлѣба! Но сей жестокій человекъ, поворотивъ лошадь свою вправо, не удостоилъ ихъ своего взгляда; но только приказалъ одному изъ сопровождавшихъ его узнать, о чемъ они просятъ“¹¹⁾. Приказаніе это получилъ одинъ изъ его переводчиковъ

¹⁰⁾ С.-te Segur, Hist. de Napoléon etc. т. II, стр. 63—64.

¹¹⁾ Корбелецкій, Краткое повѣствованіе и пр., стр. 37—38.

Делорнъ. Подъѣхавъ къ толпѣ, онъ вскрикнулъ: „А, г. Бестужевъ, въ какомъ положеніи я васъ вижу!“—„Такова судьба войны“, отвѣчалъ ему Бестужевъ, ограбленный почти до нага вмѣстѣ съ своимъ семействомъ. „Гдѣ же ваша жена, ваши дѣти?“ спрашивалъ Делорнъ. „Вы ихъ видите“, указывая на нихъ, отвѣчалъ Бестужевъ. „Жена въ рубищѣ, а дѣти босы, рассказываетъ онъ въ своихъ запискахъ“. „О Боже!“ воскликнулъ Делорнъ, и на его глазахъ показались слезы. Изъ многихъ, окружавшихъ насъ онъ приказалъ одному полковнику штаба князя Невшательскаго, фонъ Зейленъ-Нивельту, именемъ императора, взять меня подъ свое покровительство. Полковникъ избралъ домъ для жительства на Петровкѣ, близъ монастыря, бывший князя Одоевскаго, а нынѣ Дурновой¹²⁾.

Наполеонъ осматривалъ хладнокровно, а иногда и съ восторгомъ поля сраженій, послѣ одержанныхъ имъ побѣдъ, покрытыя тысячами убитыхъ и раненыхъ; но едвали онъ испытывалъ тѣже чувства, когда смотрѣлъ на сожженную и ограбленную Москву и ея обитателей. Если не Русскіе, въ числѣ которыхъ онъ подозрѣвалъ поджигателей, то во всякомъ случаѣ иностранцы и преимущественно Французы не могли не возбудить въ немъ участія къ ужасному положенію, въ которомъ они находились. Дѣйствительно, по вѣздѣ въ Москву, онъ поручилъ устроить и обезпечить ихъ существованіе особому чиновнику¹³⁾, который и помѣстилъ многихъ изъ нихъ въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ домовъ у Красныхъ воротъ и снабжалъ продовольствіемъ. Другіе были помѣщены въ домѣ Медицинской Академіи, недалеко отъ нея въ домѣ Давыдова; иные нашли пріютъ въ церкви св. Людовика и въ домѣ гр. Разумовскаго, на Гороховомъ полѣ, гдѣ помѣщался Мюратъ. Въ то же время имъ предложили должности въ канцеляріяхъ войскъ, съ хорошимъ жалованьемъ.—Что касается до Русскихъ, то первымъ распоряженіемъ Наполеона было учрежденіе военного суда надъ поджигателями.

Съ первыхъ двухъ дней по вступленіи непріятелей въ Москву, между ними уже разнеслась молва о томъ, что Русскіе намѣрены сжечь столицу. Ихъ же соплеменники, обитатели Москвы, утраченные ожиданіемъ такого бѣдствія, сообщали имъ объ этомъ. Усилившіеся пожары, на третій день вступленія, заставили ихъ придать вѣру такимъ сообщеніямъ, справедливость которыхъ подтверждалась для нихъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что они не нашли пожарныхъ трубъ и узнали, что трубы вывезены по распоряженію гр. Ростопчина. Всѣ лица, принадлежавшія къ великой арміи Наполеона и записавшія свои воспоминанія объ этомъ походѣ, увѣряютъ, что многіе изъ зажигателей были пойманы на самомъ мѣстѣ преступленія, по взгляду Французовъ. На другой день послѣ занятія

¹²⁾ Чтенія въ и. Москов. обществѣ исторіи и древн. 1859, кн. 2, отд. V, стр. 171—172.

¹³⁾ Это былъ *auditeur du conseil d'état* Busch (Fain, *Manuscrit*, т. II, стр. 98—99; Surrugues, *Lettres*, стр. 22; Chev. d'Yzarn, *Relation etc.* стр. 27—28).

Москвы Французами, когда войска, окружавшія городъ, начали вступать въ него, нѣкоторые изъ офицеровъ корпуса вице-короля Итальянскаго, входившаго въ Тверскую заставу, проникли до Кремля. Въ это время уже горѣлъ Гостинный дворъ, и солдаты его грабили. На ихъ вопросы о пожарѣ гвардейскіе солдаты отвѣчали: „Вчера мы вошли въ Москву, а сегодня утромъ начался пожаръ. Сначала мы принялись тушить его, предполагая, что онъ произошелъ вслѣдствіе неосторожности нашихъ бивуаковъ; но теперь мы отказались отъ этого, потому что узнали, что губернаторъ, оставляя городъ, велѣлъ его жечь и, чтобы лишить насъ возможности тушить пожары, велѣлъ вывезти изъ города всѣ пожарныя трубы“¹⁴⁾. Наполеонъ въ это время также приписывалъ пожаръ случайностямъ. Но и до него дошли слухи о томъ, что Русскіе намѣреваются сжечь городъ. Эти слухи страшно раздражили непріятельскихъ солдатъ: пожаръ вырывалъ у нихъ изъ рукъ добычу и квартиры, на которыя они рассчитывали, и они безпощадно убивали всякаго, кого подозрѣвали въ поджогѣ. Стоило много трудовъ, говорить одинъ Французъ, свидѣтель происшествій, спасти Русскихъ отъ солдатской ярости¹⁵⁾.

Этихъ-то мнимыхъ, а вмѣстѣ съ ними быть можетъ и дѣйствительныхъ, поджигателей судила коммисія, составленная, по приказу Бертье, подъ предсѣдательствомъ генерала Лауера, главнаго судьи арміи (*grand prévot de l'armée*). Сентября 12 (24)-го коммисія уже объявила и напечатала пофранцузски и порусски свой приговоръ отъ имени императора и короля (*au nom de l'empereur et roi*). Въ этомъ приговорѣ, составленномъ съ явнымъ желаніемъ показать, что при этомъ дѣлѣ были соблюдены всѣ обряды правосудія, пространно изложено, что пожаръ Москвы былъ дѣломъ преднамѣреннымъ, и подсудимые исполнили только приказанія Московскаго генераль-губернатора. За тѣмъ повторяется сказаніе, сочиненное напуганнымъ воображеніемъ Московскихъ Французовъ и другихъ иностранцевъ. „Коммиссія убѣдилась, что Русское правительство, предчувствуя конечно опасность войны, въ которую вступило и невозможность воспрепятствовать Французской арміи занять Москву, уже три мѣсяца тому назадъ рѣшилось употребить для своей защиты чрезвычайныя средства пожара и разрушенія, отвергаемыя образованными народами. Съ этою цѣлю оно воспользовалось предложеніями одного доктора Шмидта, Англичанина, называвшагося Нѣмцемъ, механика и машиниста по ремеслу. Вызванный въ Россію, онъ пріѣхалъ въ первыхъ числахъ прошлаго Мая мѣсяца и, послѣ нѣсколькихъ тайныхъ переговоровъ съ представителями власти, былъ помѣщенъ въ домъ Воронцова, въ шести верстахъ отъ города по Калужской дорогѣ, куда отправленъ былъ отрядъ изъ 160 человекъ пѣхоты и 12-ти драгуновъ съ тою цѣлю, чтобы охранять таинственныя дѣянія Шмидта и преграждать доступъ къ нему любопытнымъ. Всѣмъ извѣстно, что

¹⁵⁾ В. Fain, Manuscrit, т. II, стр. 89.

¹⁴⁾ Labaume, Relation de la campagne de 1812, т. V, стр. 198.

онъ строилъ воздушный шаръ огромныхъ размѣровъ, въ которомъ предполагалось помѣстить разрушительную машину (*une machine exterminatrice*) и которымъ, по его увѣренію, онъ могъ управлять какъ угодно. Недѣли за двѣ до вступленія Французской арміи въ Москву, въ село Воронцово было послано семь большихъ бочекъ пороху съ фейерверками, которые работали по указаніямъ доктора Шмидта. Но доказано, что приготовленіе шара было только выдумкою, и въ Воронцовѣ занимались исключительно приготовленіемъ зажигательныхъ снарядовъ и машинъ, и всѣ издержки на эти приготовления оплачивало Русское правительство¹⁶. За тѣмъ слѣдуютъ обвиненія противъ гр. Ростопчина, который заявлялъ еще прежде самъ Наполеонъ въ бюллетеняхъ великой арміи (16). Послѣ сраженія при Бородинѣ, говорится въ бюллетенѣ, гр. Ростопчинъ рѣшился сжечь столицу. Съ этою цѣлю онъ велѣлъ выпустить около 800 преступниковъ изъ острога и ямы съ тѣмъ, чтобы они подожгли городъ черезъ 24 часа послѣ вступленія въ него Французовъ. Чтобы руководить ихъ дѣйствіями, многіе офицеры и военные чины получили приказаніе переодѣтыми оставаться въ Москвѣ; а чтобы лишить всѣхъ способовъ противодѣйствовать пожару, гр. Ростопчинъ приказалъ вывезти изъ города, въ самый день вступленія Французовъ, пожарныя трубы всѣхъ двадцати частей столицы съ ихъ принадлежностями. „Зажигательные снаряды всякаго рода, какъ разложенные въ разныхъ домахъ, такъ и найденные у поджигателей, не оставляютъ *никакого сомнѣнія* (сказано въ приговорѣ), что сожженіе было дѣломъ преднамѣреннымъ и заранѣе приготовленнымъ“, и для бѣльшаго еще удостовѣренія въ этомъ приводится слѣдующій отрывокъ изъ одной афишки самаго гр. Ростопчина: „Вооружитесь чѣмъ ни попало, особенно вилами, которые особенно пригодны противъ Французовъ, потому что они не тяжелѣ соломеннаго снопа; если же не побѣдимъ ихъ, то *сожжемъ ихъ въ Москвѣ*, коль скоро они осмѣлятся войти въ нее“. Дѣйствительно, въ одномъ изъ своихъ объявленій (30 Августа) графъ Ростопчинъ говорилъ, что противъ Французовъ „всего лучше вилы-тройчатки, Французъ не тяжелѣ снопа ржаного“; но послѣднихъ строкъ приведенной въ приговорѣ выписки не находится ни въ одной изъ Ростопчинскихъ афишъ. Вѣроятно, судной комиссіи это объявленіе было доставлено во Французскомъ переводѣ съ прибавкою, не существующею въ подлинникѣ.

Первоначально произведено было слѣдствіе, допрошены всѣ подсудимые, свидѣтели, осмотрѣны всѣ поджигательные снаряды, и составленъ обвинительный актъ. Въ засѣданіи комиссіи были прочитаны всѣ относящіяся къ слѣдствію обвиненія и оправданія виновныхъ. Потомъ предсѣдатель велѣлъ караульнымъ ввести подсудимыхъ, „которые были введены безъ стражи и оковъ“ (*libres et sans fers*), говорить приговоръ. Объявивъ имъ, въ чемъ они обви-

¹⁶) Бюллетени отъ 17 и 20 Сентября, а приговоръ комиссіи состоялся 24 Сент. н. ст.

няются и выслушавъ по одиночкѣ заявленія и доказательства свидѣтелей и самихъ обвиняемыхъ, предъявивъ имъ вещественныя доказательства поджоговъ, отобранныя у нихъ самихъ и найденныя въ домахъ и выслушавъ обвинительный актъ съ заключеніями, предсѣдатель спросилъ подсудимыхъ, не могутъ ли они что прибавить въ свою защиту и, послѣ отрицательнаго съ ихъ стороны отвѣта, велѣлъ удалить ихъ. Всѣ обряды были соблюдены; но изъ приговора не видно только, были ли у подсудимыхъ защитники и что говорили сами подсудимые въ свое оправданіе. Коммисія даже и не объявила имъ своего приговора, по которому 10 человекъ были приговорены къ смерти, а 16 къ тюремному заключенію въ Москвѣ. Дочь помощника квартальнаго надзирателя, котораго семейство пріютилось въ Страстномъ монастырѣ, въ то время десятилѣтняя дѣвочка, рассказывала въ послѣдствіи: „Однажды видѣла я, какъ народъ сбѣгался на площадь, и Французовъ много нашло. Я стою и смотрю. Чтожъ, это они злодѣи притащили нашихъ вѣшать; зажигателей видишь поймали. Какіе зажигатели! Одно-то я узнала: изъ Корсаковского дома дворовый, старикъ слѣпой. Сбыточно ли было ему поджигать? Ужъ одна нога въ гробу! А хватали кто подъ руку попался и кричали, что зажигатели. Какъ накинули имъ веревки на шею, взмолились они сердечные. Многіе изъ нашихъ даже заплакали, а у злодѣевъ не дрогнула рука. Повѣсили ихъ, а которыхъ разстрѣляли, вишь для примѣру, чтобы другіе на нихъ казнились. Я все смотрѣла и не смѣла отъ страха пошевеливаться, ни духъ перевести“¹⁷⁾. По свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ, и въ послѣдствіи разстрѣливали многихъ, и конечно безъ суда¹⁸⁾. Озлобленные за пожаръ Москвы Французы каждаго военного подозрѣвали въ поджигательствѣ и даже носившихъ бороду считали переодѣтыми казаками. Одинъ изъ ихъ офицеровъ рассказываетъ, что много Русскихъ солдатъ бродило по улицамъ. „Я собралъ до 50 человекъ и отвелъ въ штабъ. Генераль, которому я доносилъ объ этомъ, сказалъ мнѣ, что я могъ бы ихъ разстрѣлять и что онъ позволяетъ такъ поступать въ послѣдствіи. Но я не злоупотреблялъ его довѣріемъ. Не трудно понять, какими несчастіями и безпорядками сопровождалось наше пребываніе въ Москвѣ. Каждый офицеръ, каждый солдатъ могъ бы много рассказать примѣровъ. Одинъ офицеръ нашелъ Русскаго, скрывавшагося въ развалинахъ; онъ объяснилъ ему знаками, что готовъ ему покровительствовать и взялъ его съ собою. Но ему поспѣшно надо было куда-то отнести приказъ. Встрѣтивъ другаго офицера, который шелъ впереди своего взвода, онъ передалъ ему Русскаго, говоря: „Я вамъ поручаю его“ (je vous recommande monsieur). Этотъ офицеръ, не понявъ въ чемъ дѣло, принялъ его за зажигателя и велѣлъ разстрѣлять¹⁹⁾.

¹⁷⁾ Г-жи Толычевой, Разказы очевидцевъ, стр. 53; Русск. Вѣстникъ 1872, Ноябрь, стр. 269.

¹⁸⁾ В. В...ch, Hist. de la destruction de Moscou, стр. 99—100.

¹⁹⁾ D. Fezensac, Souvenirs etc., стр. 268. Онъ былъ въ это время полко-

Кто сжегъ Москву? Французы-ли, вторгнувшіеся въ столицу, или сами Русскіе? Стоить въ этомъ вопросѣ слово Москва замѣнить названіемъ любой изъ Европейскихъ столицъ, чтобы изумиться передъ странностью такого вопроса. Такое явленіе, какъ сожженіе столицы, средоточія народной жизни, съ существованіемъ которой тѣсно соединены самыя важныя стороны жизни самаго народа, не можетъ совершиться тайкомъ и подать поводъ къ такому вопросу въ исторіи новѣйшаго времени. Между тѣмъ этотъ вопросъ возбужденъ и считается даже неокончательно разрѣшеннымъ. Поэтому невозможно его обойти; но прежде нежели приступить къ его разрѣшенію, необходимо разъяснить, какимъ образомъ могъ возникнуть подобный вопросъ.

Мысль о томъ, что гр. Ростопчинъ былъ главнымъ виновникомъ сожженія Москвы пустилъ въ ходъ Наполеонъ, постоянно въ своихъ произведеніяхъ искажавшій современную ему исторію. Еще прежде тѣхъ обвиненій, которыя выражены въ протоколѣ слѣдственной и судной комиссіи, осудившей Московскихъ зажигателей, онъ выражалъ тѣже обвиненія въ своихъ бюллетеняхъ и за тѣмъ повторялъ ихъ въ послѣдствіи, осыпая всевозможною бранью гр. Ростопчина, называя его то Геростратомъ, то Маратомъ. Пожаръ Москвы былъ однимъ изъ роковыхъ событій въ судьбѣ Наполеона. За нимъ послѣдовали его бѣгство изъ Россіи, гибель великой арміи и рядъ другихъ происшествій, окончившихся разрушеніемъ построеннаго имъ политическаго зданія Европы и ссылкой его самаго. Конечно этотъ пожаръ возбудилъ всеобщее вниманіе Европы; имя графа Ростопчина получило громкую извѣстность повсюду, и особенно въ Англіи его произносили съ восторгомъ. Громкая Европейская извѣстность льстила самолюбію гр. Ростопчина, и онъ десять лѣтъ хранилъ упорное молчаніе, не выражая согласія съ обвиненіемъ, но и не отрицая его справедливости. Это молчаніе укрѣпило такое мнѣніе въ общемъ сознаніи Европы, которая определила въ этомъ случаѣ мнѣніе Россіи. Даже Французы считали подвигъ гр. Ростопчина внушеннымъ пламенною любовью къ Отечеству, хотя и варварскимъ по ихъ мнѣнію, но высокимъ и оправданнымъ происшествіями того времени, когда дѣло шло о спасеніи Отечества. Но въ то время, когда въ слѣдъ за вѣстью о вступленіи Французовъ въ Москву разнеслась другая о пожарѣ, уничтожившемъ древнюю столицу, по всей Россіи естественно пробѣжала мысль, что Французы сожгли Москву. Этому вѣрили всѣ, до самаго императора, кромѣ тѣхъ однакоже, которые оставались въ Москвѣ и находились въ Тарутинскомъ лагерѣ. Раздраженный этимъ государь писалъ къ наслѣдному Шведскому принцу про Наполеона, что „онъ не нашелъ никакихъ сокровищъ въ Москвѣ, которыми надѣялся воспользоваться, ни мира, который надѣялся предписать, и велѣлъ сжечь эту прекрасную столицу, представ-

вымъ командиромъ въ корпусѣ маршала Нея. Le Cointe de Laveau, Moscou avant et après l'incendie, стр. 126.

ляющую теперь груды пепла и развалинъ“ 20). Слухи объ оставленіи Москвы и пожарахъ въ ней уже дошли до Стокгольма, когда Бернадотъ получилъ письмо Государя. „Это происшествіе, отвѣчалъ онъ, прискорбно не только для вашего величества, но и для вашихъ союзниковъ и друзей; поэтому вы можете быть увѣрены, какое я принимаю въ немъ участіе. Императоръ Наполеонъ, приказавъ сжечь Москву, совершилъ варварскій поступокъ, вслѣдствіе котораго съ ужасомъ отвернутся отъ него современники и который покроетъ его позоромъ въ глазахъ потомковъ. Съ военной точки зрѣнія онъ ничего не выигралъ, а съ точки зрѣнія нравственности и политики, онъ только далъ понять, до какого иступленія можетъ доходить его характеръ. Такое приказаніе, отданное хладнокровно, показываетъ, что онъ понялъ всю опасность своего положенія, рассчитывалъ сильно подѣйствовать на Русскій народъ и принудить ваше величество къ заключенію мира“ 21). Бывшій маршалъ императора Наполеона очень хорошо зналъ его личныя свойства и полагалъ, что онъ способенъ доходить до всякаго иступленія. Это и оправдалось въ послѣдствіи, когда, по отступленіи изъ Москвы, Наполеонъ поручилъ маршалу Мортье взорвать Кремль и сжечь всѣ оставшіяся послѣ пожара зданія. Но именно потому, что этотъ поступокъ, по замѣчанію Бернадота, въ военномъ отношеніи не доставлялъ никакихъ выгодъ, Наполеонъ не поддался бы увлеченію, какъ человекъ, обладавшій вмѣстѣ съ тѣмъ способностью холоднаго расчета и не терявшій этой способности особенно въ положеніяхъ опасныхъ. Передъ вступленіемъ въ Москву, онъ запретилъ грабежъ своимъ войскамъ и не отмѣнилъ этаго запрещенія, убѣдившись даже, что она оставлена жителями. Если вѣрить словамъ, сказаннымъ Мюратомъ генералу Милорадовичу, онъ не предполагалъ даже облагать Москву военною контрибуціею. Ему нуженъ былъ миръ, который только и могъ вывести его изъ затруднительнаго положенія, которое безъ сомнѣнія онъ понималъ. Чѣмъ великодушнѣе онъ поступилъ бы съ древнею столицею Русскаго народа, тѣмъ съ большею надеждою онъ могъ бы на него рассчитывать. Наконецъ ему необходимо было обезпечить, хотя на первое время, продовольствіе для голодавшихъ его войскъ, дать имъ возможность отдохнуть отъ изнурительнаго похода и привести ихъ въ порядокъ, усталыхъ и обносившихся. Поэтому, когда по утру послѣ первой ночи, проведенной въ Кремлевскомъ дворцѣ, ему сказали о пожарахъ, онъ приписывалъ ихъ неблагоразумію солдатъ; но, припомнивъ доходившіе уже до него слухи, что Русскіе намѣревались сжечь Москву, онъ пришелъ въ ужасъ. Убѣдившись въ этомъ, онъ задумалъ походъ на Петербургъ; но, отказываясь отъ этаго намѣренія по совѣту своихъ боевыхъ сотрудниковъ, предъявлявшихъ ему невозможность дальнѣйшихъ походовъ и требовавшихъ заключенія мира, онъ от-

20) Письмо 19 Сент. 1812 г.

21) Письмо изъ Стокгольма 10 Окт. в. ст. 1812 г.

вѣчалъ: „Вы полагаете, что люди, способные сжечь Москву, могутъ черезъ нѣсколько дней вступить въ мирные переговоры?“ Могъ ли онъ рѣшиться на такую мѣру, которая, по его мнѣнію, отдаляла и, можетъ быть, совершенно устраняла возможность заключить миръ? Если императоръ Наполеонъ не давалъ и не могъ давать приказанія сжечь Москву, то еще менѣе могло быть побудительныхъ причинъ къ такому поступку со стороны его войскъ. Конечно отъ ихъ неосторожности могли произойти мѣстные пожары; но съ ними легко бы справилось многочисленное войско, особенно если бы пожарныя трубы не были вывезены изъ Москвы. Если же невозможно допустить предположенія, что Французы сожгли Москву; то самъ собою выходитъ отвѣтъ на вопросъ о томъ, кто ее сжегъ, и остается только опредѣлить, какая доля участія въ этомъ событіи принадлежитъ графу Ростопчину?

Послѣ извѣстія о потерѣ Смоленска, гр. Ростопчинъ писалъ къ кн. Багратіону: „Я не могу себѣ представить, чтобы непріятель могъ придти въ Москву. Когда бы случилось, чтобы вы отступили къ Вязьмѣ, тогда я примусь за отправленіе всѣхъ государственныхъ вещей и дамъ на волю каждаго убираться, а народъ здѣшній, по вѣрности къ Государю и любви къ Отечеству, рѣшительно умретъ у стѣнъ Московскихъ. А если Богъ ему поможетъ въ его благомъ предпріятіи, то, слѣдуя Русскому правилу: не доставайся злодѣю!—обратить городъ въ пепель. Наполеонъ получить, вмѣсто добычи, мѣсто гдѣ была столица. О семъ не дурно и ему дать знать, чтобы онъ не считалъ на милліоны и магазейны хлѣба: ибо онъ найдетъ угли и золу“. Князь Багратіонъ читалъ нѣколькимъ лицамъ письмо гр. Ростопчина, и объ его намѣреніи сжечь Москву ходили слухи въ главной квартирѣ нашихъ войскъ. За нѣсколько дней до Бородинской битвы, Д. В. Давыдовъ слышалъ, какъ кн. Багратіонъ читалъ такое письмо Ланскимъ и такъ передаетъ его содержаніе: „Я полагаю, что вы будете драться прежде, нежели отдадите столицу. Если вы будете побиты и пойдете къ Москвѣ, я выйду къ вамъ на подпору съ 100,000 вооруженныхъ жителей; и если тогда неудача, то злодѣямъ вмѣсто Москвы одинъ пепель достанется“ ²²⁾. Обѣщавъ князю Кутузову привести въ подкрѣпленіе войскамъ до 80 тысячъ вольныхъ дружинъ, сверхъ составляемаго правительствомъ народнаго ополченія, онъ въ письмахъ къ кн. Багратіону увеличиваетъ ихъ число до 100,000 и опредѣляетъ, что они составятся изъ Московскихъ жителей.

Еще въ то время, когда наши войска, отступая отъ Смоленска, пришли къ Вязьмѣ, 15 Августа, по свидѣтельству очевидца, когда у кн. Багратіона собралось много офицеровъ первой арміи, которые просили перевести ихъ къ нему во вторую, во время разговора о современныхъ обстоятельствахъ, зашла рѣчь и о возможности оставленія Москвы. Кн. Багратіонъ сказалъ: „Я не думаю, что Французы войдутъ въ Москву; но знаю навѣрное, что если слу-

²²⁾ Сочиненія Д. В. Давыдова, ч. I, стр. 8.

чится это несчастіе, то они найдутъ пепель и развалины столицы²³⁾. Если кн. Багратионъ читалъ письмо гр. Ростопчина нѣкоторымъ лицамъ, то конечно оно было извѣстно и самому главнокомандующему. Извѣстіе о ста тысячахъ вооруженныхъ добровольныхъ ратниковъ подтверждало ему только то, что прежде писалъ ему самому гр. Ростопчинъ; но рѣшимость его сжечь Москву передъ вступленіемъ въ нее непріятели, конечно, должна была внушить кн. Кутузову важныя опасенія: Русскія войска могли оказаться въ такомъ положеніи, что за ними бы находился непріятель, слѣдовавшій по пятамъ, а впереди горѣвшая столица. Одного этаго обстоятельства было бы уже достаточно для того, чтобы объяснить, почему передъ совѣтомъ въ Филяхъ, за нѣсколько часовъ до оставленія Москвы, кн. Кутузовъ говорилъ, какъ увѣряетъ гр. Ростопчинъ, что не оставитъ Москву безъ боя²⁴⁾. Ту же мысль о сожженіи Москвы и тогда же гр. Ростопчинъ выразилъ принцу Евгенію Виртембергскому, прибавивъ, что онъ подаетъ этотъ совѣтъ, какъ частный человекъ, а не какъ Московскій генераль-губернаторъ²⁵⁾. А. П. Ермолову онъ выражалъ удивленіе, за чѣмъ кн. Кутузовъ усиливается удерживать Москву и прибавилъ: „Если и безъ сраженія вы оставите Москву, то увидите ее за собою пылающею“²⁶⁾. Онъ считалъ себя полновластнымъ властителемъ Москвы, забывая о законѣ, что въ лицѣ главнокомандующаго выражается верховная власть въ военное время, въ тѣхъ губерніяхъ и сосѣднихъ съ ними, которыя служатъ поприщемъ военныхъ дѣйствій.

До полученія записки кн. Кутузова, въ которой тотъ объявлялъ объ оставленіи Москвы, гр. Ростопчинъ „1 Сентября, въ 9 часовъ пополудни (какъ доносилъ исправлявшему должность министра полиціи Вязмитинову Московскій оберъ-полиціймейстеръ Ивашкинъ) далъ приказаніе изготовить всю полицейскую команду съ одними пожарными трубами къ выступленію въ походъ, по первому повелѣнію“. Послѣ полученія записки отъ кн. Кутузова, онъ „въ 11 часовъ вечера (продолжаетъ Ивашкинъ) приказать мнѣ изволилъ, чтобы отправиться всѣмъ непременно 2-го числа по полуночи въ 3 часа изъ столицы въ городъ Владиміръ, перебивъ въ теченіи то-

²³⁾ Кн. Н. Б. Голицынъ, состоявшій въ штабѣ кн. Багратиона. Русс. Инвалидъ, 1846 г. № 270 и его-же *Souvenirs et impressions d'un officier russe, pendant les campagnes de 1812, 1813 et 1814*, СПб. 1849, стр. 10.

²⁴⁾ Въ 1814 г. Апр. 28-го, гр. Ростопчинъ писалъ гр. С. Р. Воронцову: *On me paye d'ingratitude, parce que Koutousow a insinué, après avoir abandonné la ville de Moscou pendant la nuit, que c'était à cause de moi et que je lui avais promis 300,000 combattans, tandis qu'il n'a pas voulu employer les 119,000 h. de la milice que j'avais formée aux environs de Moscou et qui pouvaient rejoindre l'armée avant même la bataille de Borodino.* (Архивъ кн. Воронцова, кн. VIII, стр. 319). Извѣстно, что Московскія дружины дѣйствовали при Бородинѣ.

²⁵⁾ *Helldorff, aus dem Leben des Pr. Eugen v. Württemberg*, ч. II, стр. 59.

²⁶⁾ Записки А. П. Ермолова, ч. I, стр. 209.

го времени всѣ бочки съ простымъ виномъ, на баркахъ и въ питейныхъ домахъ находящіяся²⁷⁾. Въ тоже время гр. Ростопчинъ призвалъ полицейскаго чиновника Вороненку, который пользовался его довѣріемъ, „въ 5 часовъ по полуночи, и поручилъ ему отправиться на винный и мытный дворы, въ комиссаріатъ и на запоздавшія выходомъ казенныя и частныя барки у Краснаго Холма и Симонова монастыря и, въ случаѣ внезапнаго вступленія непріятельскихъ войскъ, стараться истреблять все огнемъ, что мною и было исполняемо въ разныхъ мѣстахъ по мѣрѣ возможности, въ виду непріятели, до 10 часовъ вечера; а въ 11-мъ часу изъ Замоскворѣчья, переплывась верхомъ вплавь рѣку ниже Данилова монастыря, около двухъ часовъ пополуночи я соединился съ нашимъ архіергардомъ“, говоритъ Вороненко²⁸⁾.

Приведенныя свидѣтельства доказываютъ, что графъ Ростопчинъ не только желалъ лучше сжечь Москву, нежели отдать ее въ руки врагамъ, но и принималъ участіе въ пожарахъ, начавшихся послѣ вступленія Французовъ. Приказаніе, отданное Вороненкѣ, и вывозъ пожарныхъ трубъ объ этомъ свидѣлствуютъ. „Я велѣлъ выпроводить изъ города двѣ тысячи сто человекъ пожарной команды (писалъ онъ впоследствии) и 96 трубъ, наканунѣ входа непріятели въ Москву. Былъ также корпусъ офицеровъ, опредѣленный на службу при пожарныхъ командахъ, и я не счелъ приличнымъ оставлять ихъ для услугъ Наполеона, удаливъ уже изъ города всѣ гражданскіе и военные чины“²⁹⁾. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и пожарныя команды съ офицерами слѣдовало вывести изъ столицы, но не пожарныя трубы, которыя и по цѣнности, какъ казенное имущество, не представляли важности; а можно бы спасти что нибудь поважнѣе, напр. оставшіеся въ Москвѣ трофеи нашихъ прежнихъ войскъ. Цѣль, съ которою вывезены трубы, очевидна. Графъ Ростопчинъ принималъ участіе въ пожарахъ; но не въ той однако же мѣрѣ, какъ обвиняетъ его приговоръ Французской судной ком-

²⁷⁾ Рапортъ ген. майора Ивашина изъ Владиміра 27 Сент. 1812 г. Вольцогенъ рассказываетъ: „Около 11 часовъ Барклай пробѣжалъ съ свитой (въ которой находился и разскачикъ) Рогожскую заставу. Гр. Ростопчинъ присоединился къ намъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Коломенской дороги мы замѣтили толпу солдатъ, сопровождавшихъ обозъ. Когда обозъ приблизился, я увидалъ, что это были пожарныя трубы. Удивленный я спросилъ Ростопчина, зачѣмъ ихъ вывезли? „На это я имѣю свои причины; впрочемъ я ничего не взялъ изъ Москвы, кромѣ лошади, на которой ѣду и одежды, которая на мнѣ, отвѣчалъ онъ“. Нельзя не усомниться въ этомъ показаніи Вольцогена, какъ и во многихъ другихъ его свидѣтельствахъ. Въ тотъ часъ, на который онъ указываетъ, гр. Ростопчинъ еще находился въ Москвѣ, и поѣзда трубъ по Владимірской дорогѣ нельзя было видѣть съ Рязанской, если бы даже онъ выѣхалъ изъ Москвы и позднѣе 3-хъ часовъ утра, какъ распорядился гр. Ростопчинъ. Можетъ быть, Вольцогенъ имѣлъ подобный разговоръ съ нимъ; но едва ли видѣлъ, какъ увозили трубы. V. Volzogen, Mémoires, стр. 156.

²⁸⁾ Показаніе его 1836 г. Іюня 7-го.

²⁹⁾ Правда о пожарѣ Москвы, въ изд. Смирдина, стр. 211 и 265.

миссіи надъ зажигателями. На чемъ этотъ приговоръ основанъ? На признаніяхъ подсудимыхъ и показаніяхъ свидѣтелей, но ни тѣхъ, ни другихъ не находится въ приговорѣ; между тѣмъ совершенно такія же обвиненія противъ гр. Ростопчина сохранились въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ Французовъ и другихъ иностранцевъ, находившихся въ то время въ Москвѣ и бывшихъ свидѣтелями-очевидцами пожаровъ. Гр. Ростопчинъ, говорятъ они, тайно подготавлилъ разрушительные снаряды для поджоговъ на особой фабрикѣ, выпуская слухъ, что тамъ готовятъ воздушный шаръ для гибели непріятеля. Наканунѣ вступленія Французовъ въ Москву онъ выпустилъ изъ острога преступниковъ, обѣщавъ имъ полное прощеніе, но съ тѣмъ однакоже, чтобы они зажгли въ разныхъ мѣстахъ городъ, когда вступятъ въ него непріатели. Онъ роздалъ имъ зажигательные снаряды, каждому далъ особую марку, по которой они могли узнавать одинъ другаго и поручилъ ихъ руководству въ этомъ дѣлѣ полицейскихъ чиновниковъ. „Спокойно они ходили по улицамъ, говоритъ одинъ изъ этихъ иностранцевъ, между Французскими солдатами, скрывая подъ кафтанами зажигательныя ракеты и горшки, наполненные воспламеняющимся составомъ. Встрѣчалось ли имъ открытое окно или они полагали, что ихъ никто не замѣтитъ, они подбрасывали эти горшки. Горшокъ разбивался отъ паденія, по соприкосновеніи съ воздухомъ находившагося въ этихъ горшкахъ состава, и огонь съ быстротою охватывалъ окружающіе предметы. Они повсюду, гдѣ возможно, подбрасывали эти горшки, и дѣйствіе ихъ на дома, большею частію деревянные, было ужасно. Ловко обманывая бдительность непріателей, эти зажигатели тайно запасались ими въ томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ готовили. Съ острожниками соперничали въ смѣлости и ловкости полицейскіе солдаты, свободно ходившіе повсюду, переодѣтые въ крестьянское платье. Иногда эти зажигательные снаряды падали съ верху на дома, пущенные по воздуху, иногда съ колоколенъ и башенъ. Одни утверждаютъ, что о замыслѣ сжечь столицу графъ Ростопчинъ никому не говорилъ, кромѣ одного близкаго семейства; другіе напротивъ рассказываютъ, что слухи давно ходили о рѣшеніи общемъ лицъ высшаго сословія“³⁰⁾.

Эти сказанія послужили главнымъ основаніемъ для приговора судной комиссіи надъ поджигателями. Но строгая бдительность полиціи гр. Ростопчина надъ Французами, Московскими обывателями, публичныя наказанія нѣкоторыхъ изъ нихъ, ссылка на баркѣ въ Казань 43 человекъ, возбудили въ нихъ такой страхъ, что они были увѣрены, что лишь только прекратится дѣятельность правительства въ городѣ, они сдѣлаются жертвами народной ненависти,

³⁰⁾ Arm. Domergues, La Russie pendant les guerres de l'empire, т. II, гл. XIV и XV; M-me Fusil, L'incendie de Moscou, стр. 10 и др.; Ab. Surugues, Lettres etc. стр. 16; Le Cointe de Laveau, Moscou avant et après l'incendie, стр. 114 и др.; В. В... ch, Hist. de la destruction de Moscou, стр. 66—70; Labaume, Relation de la campagne de Russie, стр. 186 и слѣд.

возбужденной гр. Ростопчинимъ. Передъ вступленіемъ непріятеля въ Москву ихъ волновали тѣже самыя чувства, какія волновали Русскихъ обывателей Москвы, послѣ выхода изъ ней Наполеона, пока еще оставались Французы въ Кремлѣ: они были увѣрены, что ихъ всѣхъ перебьютъ. Подъ вліяніемъ такихъ чувствъ естественно могли составиться фантастическія сказанія о пожарѣ Москвы. Безъ сомнѣнія, сказанія эти отличаются такимъ свойствомъ; но подобныя сказанія образуются и на почвѣ дѣйствительности и могутъ заключать въ себѣ долю правды. Конечно гр. Ростопчинъ не заготовлялъ зажигательныхъ снарядовъ для сожженія Москвы; но шаръ, приготовленный Леппихомъ, долженъ былъ съ воздушной высоты бросать разрушительные снаряды на непріятельскія войска. Вѣроятно они приготовлялись также и очень легко могли попасть въ послѣдствіи въ руки поджигателей. Острожники, не смотря на положительныя увѣренія гр. Ростопчина, который дѣйствительно распорядился объ ихъ удаленіи изъ Москвы, не всѣ были удалены, и часть осталась въ Москвѣ; они были выпущены на свободу или вышли сами изъ тюремъ, которыхъ никто не охранялъ. Не представлялось никакой нужды составлять изъ нихъ особую шайку, давать каждому условныя знаки. Опытные преступники между собою сами составили бы шайку и конечно приняли бы участіе въ поджогахъ, хотя исключительно изъ корыстныхъ цѣлей. Но справедливо замѣчаетъ графъ Ростопчинъ: „Для чего было устраивать фабрику зажигательныхъ веществъ? Солома, сѣно были бы гораздо удобнѣе для зажигателей, чѣмъ фейерверки, съ которыми обходиться слѣдовало съ осторожностью, которые трудно было скрыть, а еще труднѣе дѣйствовать, людямъ къ тому непривычнымъ“³¹⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что такой фабрики, на которой приготовлялись бы разрушительныя снаряды для сожженія Москвы, никогда не существовало и что не было нужды въ нихъ для этой цѣли. Но у Леппиха они приготовлялись для другой, неудавшейся цѣли, и поджигатели могли ими воспользоваться. Вопросъ заключается лишь въ томъ, случайно ли они попались подъ руки или кто нибудь указалъ на нихъ?

Въ 1822 году кн. Н. Б. Голицынъ находился въ Парижѣ и часто посѣщалъ графа Ростопчина. Онъ старался узнать подробности о пожарѣ Москвы и часто заводилъ объ этомъ рѣчь; графъ Ростопчинъ каждый разъ отклонялъ разговоръ и переходилъ къ другимъ предметамъ. Но однажды онъ разговорился по поводу воздушнаго шара Леппиха. „Что касается до этого шара, то это глупость, говорилъ онъ, которая могла занимать только тѣхъ, которые способны вѣрить во все чудесное. Но приготовленіе этаго, какъ говорили, разрушительнаго шара (*ballon destructeur*) доставило бы мнѣ средство возобновить, но въ большихъ размѣрахъ, во время сраженія подъ Москвою то, что было въ Сарагоссѣ. Мысль о томъ, что ее сдадутъ безъ выстрѣла никогда не приходила мнѣ въ голову.

³¹⁾ Правда о пожарѣ Москвы, стр. 206 и 261.

Я не считаю себя хорошимъ тактикомъ; но мой долгъ состоялъ въ томъ, чтобы похоронить себя подъ развалинами столицы и превратить ее въ разрушительный адъ для Французскихъ войскъ. Мнѣ удалось возбудить духъ Московскаго народонаселенія; съ нимъ я многое бы сдѣлалъ, если бы мнѣ дали возможность дѣйствовать. Въ такомъ случаѣ, съ факеломъ въ одной рукѣ и съ мечемъ въ другой, во главѣ моего преданнаго народонаселенія, я показалъ бы, что Русскіе умѣютъ защищать свои очаги (*ses foyers*). Это дѣйствіе было бы ужаснѣе, нежели воздушное путешествіе. Если бы я думалъ о немъ, то справедливо могли бы полагать, что мой мозгъ не въ порядкѣ³²⁾.

Десять лѣтъ послѣ совершившихся событій гр. Ростопчинъ говорилъ о своемъ намѣреніи защищать Москву отъ Французовъ, точно также какъ говорилъ въ 1812 году и съ тѣмъ же мечтательнымъ увлеченіемъ. Что касается до изобрѣтенія Леппиха, то онъ дѣйствительно разочаровался въ немъ, не за долго впрочемъ до оставленія Москвы; но съ помощію какого-же Московскаго народонаселенія онъ думалъ защищать столицу, не собравъ и не приготовивъ тѣхъ 100 или 80 тысячъ защитниковъ, о которыхъ онъ съ такою рѣшительностію писалъ кн. Кутузову и кн. Багратиону? Онъ дѣйствительно намѣревался сжечь столицу до вступленія въ нее непріятели, какъ еще въ Августѣ мѣсяцѣ писалъ кн. Багратиону и какъ потомъ объяснялъ самому императору въ донесеніяхъ, писанныхъ въ Сентябрѣ. „Я въ отчаяніи, писалъ онъ, что кн. Кутузовъ измѣннически поступилъ со мною (*qu'il ait agi en traître vis-à-vis de moi*); потому что, не имѣя способовъ защитить городъ, я долженъ бы его сжечь, чтобы лишить Бонапарта славы взять его, ограбить и потомъ предать пламени. Я бы отнялъ у Французовъ плодъ ихъ похода. Я бы заставилъ ихъ убѣдиться, что они лишились всякихъ сокровищъ и показалъ бы имъ, съ какимъ народомъ они имѣютъ дѣло³³⁾. Ровно черезъ мѣсяцъ онъ пишетъ императору, увѣдомляя его объ оставленіи Москвы Наполеономъ и повторяя свои упреки Кутузову: „Онъ писалъ мнѣ до 30 Августа и говорилъ, что будетъ драться. 1-го Сентября, когда я увидался съ нимъ, онъ повторилъ мнѣ тоже самое, прибавляя: я и въ улицахъ буду драться. Я оставилъ его въ часъ, а въ 8 ч. вечера онъ прислалъ мнѣ пресловутое письмо, въ которомъ просилъ проводниковъ черезъ городъ, увѣдомляя, что оставляетъ его съ крайнимъ сожалѣніемъ. Если бы онъ мнѣ объявилъ объ этомъ за два дня, я бы его сжегъ, выгнавъ напередъ жителей, и возмущеніе въ войскахъ Наполеона было бы послѣдствіемъ при видѣ объятаго пламенемъ города, который обѣщанъ былъ имъ въ добычу. Съ этою цѣлю я ничего не вывозилъ изъ моихъ двухъ домовъ, чтобы имѣть право сказать потомъ, что я рѣшился на гораздо большія пожерт-

³²⁾ Русскій Инвалидъ 1846 г. № 270.

³³⁾ Письмо 13-го Сентября 1812 г. Пахра, въ 35 верстахъ отъ Москвы, на старой Калужской дорогѣ.

вованія, нежели другія лица. Москва погубила Бонапарта; но ея сдача есть пятно, а тогда это было бы славнымъ дѣломъ³⁴⁾.

Графъ Ростопчинъ могъ привести свое намѣреніе въ дѣло и сжечь столицу, еслибъ дѣйствительно за два дня увѣдомилъ его князь Кутузовъ, что защищать ее не будетъ; но по этому-то онъ его и не увѣдомилъ. Когда онъ получилъ его записку, обозы нашей арміи уже начинали проходить чрезъ Москву, и въ слѣдъ за нею почти весь слѣдующій день продолжалось ихъ движеніе; а въ слѣдъ за арміей, даже смѣшиваясь съ нашимъ арьергардомъ, входили неприятельскія войска. Въ это время конечно уже не было времени жечь Москву. „Лечь подъ ея развалинами, защищая ее во главѣ вѣрнаго ему Московскаго народонаселенія“, гр. Ростопчинъ не могъ, потому что не подготовилъ защитниковъ столицы. Не успѣвъ привести въ исполненіе этаго предположенія, въ послѣдствіи, когда только что начались пожары, онъ писалъ Государю: „2-го Сентября ночью начался пожаръ лавокъ и хлѣбныхъ магазиновъ, находившихся у стѣнъ Кремля. Французы или Русскіе воры произвели этотъ пожаръ; но я болѣе склоненъ вѣрить тому, что ихъ подожгли сами ихъ сторожа, побуждаемые Русскимъ правиломъ: не доставайся врагу. 3-го утромъ огонь показался во многихъ мѣстахъ и, раздуваемый сильнымъ вѣтромъ, усиливался и свирѣпствовалъ въ продолженіи 48 часовъ“³⁵⁾. Въ это время графъ Ростопчинъ очень хорошо зналъ, кто жжетъ Москву; потому что по его порученію Вороненко поджигалъ склады и магазины *во многихъ мѣстахъ*, какъ онъ свидѣтельствуеетъ самъ. Хотя въ послѣдствіи, во время своего пребыванія въ Москвѣ, онъ говорилъ и даже печаталъ въ Русскомъ Вѣстникѣ, что сожгли Москву Французы³⁶⁾; но эти заявленія возможно бы объяснить тѣмъ, что онъ не желалъ противорѣчить общему мнѣнію, распространенному въ то время въ Россіи, что Французы сожгли Москву, и думалъ отклонить упреки тѣхъ изъ Московскихъ обывателей, которые потеряли все свое имущество и въ этомъ обвиняли его. Но туже самую мысль онъ выражалъ въ частной перепискѣ, не предназначавшейся для оглашенія, въ перепискѣ съ гр. С. Р. Воронцовымъ, находившимся въ Лондонѣ. Поручая вниманію гр. Ростопчина одного Англійскаго капитана, отправлявшагося въ Россію въ началѣ 1813 года, гр. Воронцовъ писалъ ему: „Онъ ѣдетъ, чтобы вблизи посмотрѣть на народъ, который превзошелъ всѣ современные и прежніе народы сво-

³⁴⁾ Письмо 13 Октября 1812 г. изъ Владиміра.

³⁵⁾ Письмо 8-го Сентября 1812 г., деревня Кутузово, въ 34 верстахъ отъ Москвы на Тульской дорогѣ.

³⁶⁾ Русс. Вѣстникъ 1813 г. № 5, стр. 65—75, письмо гр. Ростопчина къ С. Н. Глинкѣ. Это мнѣніе и самимъ издателемъ повторялось во многихъ статьяхъ и во всѣхъ журналахъ того времени. Русс. Вѣсти. 1813 г. № 1, стр. 7—15, № 3, стр. 6—19, № 4, стр. 65—74, № 5, стр. 15—26, 1814 г. кн. 10, стр. 8; Сѣверн. Почта 1812 г. №№, 69, 76; Сынъ Отечества 1812 г. № 1, стр. 1—17, № 12 стр. 253—258. Ср. Русскіе и Наполеонъ Бонапарте М. 1813, стр. 71 и слѣд. Пораженіе Французовъ на Сѣверѣ, М. 1814, ч. 1. стр. 88—95.

имъ великодушiемъ, доблестью, постоянствомъ и любовiю къ Отечеству. Къ кому лучше могу направить его, какъ не къ тому, кто былъ главною причиною, вызвавшею эти доблести? Они существовали въ душѣ народа, какъ огонь существуетъ во всякомъ веществѣ и особенно въ селитрѣ, углѣ и сѣрѣ; но въ ихъ соединенiи онъ оставался бы на всегда, если бы прикосновенiе искры не вызвало его могучаго проявленiя. Вы были этою благотворною искрою, возбудивъ возвышенный характеръ моихъ дорогихъ соотечественниковъ, Русскихъ по крови, говорящихъ однимъ языкомъ и исповѣдывающихъ одну вѣру. Я ни съ кѣмъ не могу васъ сравнить кромѣ кн. Пожарскаго, но вашъ подвигъ былъ еще труднѣе“. Графъ Ростовчинъ, отвѣчая на это письмо, писалъ: „Наполеонъ предалъ городъ пламени для того, чтобы имѣть предлогъ допустить свои войска ограбить его“ и, отклоняя отъ себя похвалы гр. Воронцова, говоритъ далѣе: „Вы хвалите мою любовь къ Отечеству; но сколько же лицъ, которыя превзошли меня! Крестьяне, которые сами жгли свои избы; отецъ приведшiй ко мнѣ двухъ сыновей и отдававшiй ихъ на защиту Отечества; старуха, приведшая ко мнѣ двухъ сыновей и внука и говорившая имъ: „да будете вы прокляты, если не истребите злодѣевъ“; одинъ слуга, выстрѣлившiй въ Мюрата на Арбатѣ, полагая, что это Бонапартъ и убившiй какого-то полковника; крестьянка, которая зажгла домъ въ той мысли, что тамъ ночуетъ это чудовище. Двое послѣднихъ заплатились жизнью за свою преданность. Вотъ герои! Позавидуемъ имъ и будемъ считать себя счастливыми, что принадлежимъ къ ихъ соотечественникамъ. Я вознагражденъ уже тѣмъ, что имѣлъ счастье исполнить мой долгъ“³⁷⁾.

Но всѣ эти свѣдѣнiя хранились въ тайникахъ нашихъ архивовъ и только въ недавнее время начали мало по малу появляться на свѣтъ; между тѣмъ извѣстiя, пущенныя въ ходъ бюллетенями Наполеона, подтверждаемыя разказами всѣхъ возвратившихся на родину чиновъ его великой армiи и особенно Французами, бывшими Московскими обывателями, укоренились въ общественномъ мнѣнiи Европы. Имя гр. Ростовчина неразрывно соединилось съ великою жертвою, принесенною Русскимъ народомъ для спасенiя Отечества, съ пожаромъ древней столицы. Его имя, не безъ нѣкотораго ужаса, внушаемаго величiемъ жертвы, но и съ уваженiемъ, произошло повсюду и особенно въ Англии, заматарѣлой въ ненависти къ Наполеону, на судьбу котораго это событiе имѣло роковое влiянiе. Переселившись за границу въ 1815 году и видя повсюду и особенно въ Парижѣ (гдѣ прожилъ около семи лѣтъ), что его имя соединяется постоянно съ пожаромъ Москвы, онъ упорно молчалъ, когда заходила о томъ рѣчь и переводилъ разговоръ на другiе предметы, своимъ молчанiемъ подкрѣпляя укоренившееся мнѣнiе. Д. П. Бутурлинъ, приготовляя къ изданiю исторiю войны 1812 г.

³⁷⁾ Письмо гр. Воронцова 7-го Марта 1813 г. изъ Лондона. Отвѣтъ гр. Ростовчина 28 Апр. 1813 изъ Москвы. Архивъ Кн. Воронцова, т. VIII, стр. 316, 517.

и приписывая пожаръ Москвы, распоряженіямъ правительства и графа Ростопчина, посылалъ свою рукопись къ нему въ Парижъ и просилъ дополнить ее. „Но графъ, говоритъ Бутурлинъ, кажется, еще не спѣшилъ сказать *свою правду* и возвратилъ мнѣ мою записку безъ всякихъ замѣчаній“³⁸). Такимъ образомъ и между Русскими и иностранными писателями этотъ вопросъ считался рѣшеннымъ и не возбуждалъ споровъ. Графъ Ростопчинъ, быть можетъ дѣйствительно или увлекаясь тою славою, которою онъ пользовался въ чужихъ краяхъ именно вслѣдствіе того, что его имя соединяли съ пожаромъ столицы или, что вѣроятнѣе, не желая возбуждать литературныхъ споровъ, въ которыхъ былъ бы вынужденъ и самъ принять участіе, не только не рѣшался сказать послѣдняго слова о своемъ участіи въ этомъ происшествіи, но даже поддерживалъ, по видимому, общее мнѣніе. Когда въ Англійскихъ журналахъ въ 1822 году появилось извѣстіе, что Серъ Робертъ Вильсонъ былъ въ 1812 году въ Москвѣ и „помогалъ графу Ростопчину привести въ исполненіе задуманное имъ намѣреніе сжечь столицу“, онъ немедленно помѣстилъ опроверженіе. „Я увидалъ въ первый разъ Вильсона въ главной квартирѣ на р. Пахрѣ, слѣдовательно ему поздно было и бесполезно помогать мнѣ“³⁹). Но иногда случалось графу Ростопчину, въ увлеченіи разговора, выражать о томъ свое мнѣніе. Въ 1817 г. въ Баденѣ, гдѣ онъ пользовался водами (по разсказу Фарнгагена-фонъ-Ензе, который тамъ познакомился съ нимъ), однажды вечеромъ у Тетенборна, онъ началъ насмѣхаться надъ тѣми, которые воображаютъ, что возможно сжечь огромный городъ, какъ на театральной сценѣ сгараютъ Персеполисы отъ руки Таисы. „Я поджогъ духъ народа, говорилъ онъ, и этимъ страшнымъ огнемъ легко зажечь множество факеловъ“. За тѣмъ онъ объяснилъ, какія принималъ мѣры, какъ генераль-губернаторъ: велѣлъ вывезти пожарныя трубы, открылъ тюрьмы и вообще распоряжался съ тою цѣлю, чтобы Французамъ оставить не городъ, наполненный всѣми средствами для существованія, а мѣсто залустьнія, и наконецъ рѣшительный примѣръ, который онъ далъ самъ, когда сжегъ свой домъ въ подмосковной деревнѣ. „Онъ послѣдовательно излагалъ свои взгляды, говоритъ Фарнгагенъ, побудительныя причины своихъ дѣйствій, свои ощущенія и признавался, что въ то время онъ вовсе не обращалъ вниманія на цѣну имуществъ, когда погибало Отечество“⁴⁰). Въ семейной перепискѣ съ дочерью, въ одномъ изъ писемъ 1816 г., онъ говоритъ: „Но всего смѣшнѣе, что моя такъ называемая знаменитость основана на Московскомъ пожарѣ, событіи, которое я подготовилъ, но вовсе не приводилъ въ исполненіе (*événement que j'ai préparé, mais que j'ai été bien loin d'effectuer*),

³⁸) Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812. Paris, 1824, т. 1, стр. 369 и слѣд.

³⁹) British Monitor 7 Октября 1822 г.

⁴⁰) Varnhagen v. Ense, Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften, 2 B. Leipzig, 1842, стр. 171 и слѣд.

и никто не говоритъ ни слова ни о томъ, что народонаселеніе Москвы постоянно сохраняло спокойствіе, ни о героизмѣ народа⁴¹⁾.

Если сопоставить всѣ эти показанія съ тѣми, которыя гр. Ростопчинъ изложилъ въ своемъ сочиненіи, изданномъ въ Парижѣ въ 1823 году „Правда о Московскомъ пожарѣ“, то нельзя не замѣтить, что сочиненіе это весьма близко къ правдѣ. Между тѣмъ лишь только появилось оно въ печати, то удивило не только Русскихъ, но даже иностранцевъ, и никого не убѣдило: въ Парижскихъ повременныхъ изданіяхъ появились о немъ отзывы, въ которыхъ выразилось это удивленіе. „Общее мнѣніе не только во Франціи, но и повсюду (говорилось въ нихъ) приписывало сожженіе Москвы гр. Ростопчину, по приказанію правительства. И какъ могли мы въ этомъ усумниться? Всѣ наши бюллетени это говорили,—свидѣтельство весьма полновѣсное; всѣ рассказы объ этомъ времени постоянно повторяли тоже самое; никогда ошибка не была болѣе извинительна. Но вотъ наконецъ появилась Правда о Московскомъ пожарѣ. По милости этой книжки, одною ложью будетъ менѣе въ исторіи“. Гр. Ростопчинъ увѣряетъ, что пожаръ Москвы не былъ его дѣломъ, что онъ не задумалъ его и не приготовилъ. Мы должны этому вѣрить, его свидѣтельство не можетъ быть заподозрѣно. Всѣмъ извѣстно, какія были послѣдствія этого достопамятнаго происшествія и какое оно имѣло вліяніе на судьбы Европы. Самые просвѣщенные умы считали его не только главнѣйшею причиною спасенія Россіи, но и паденія Наполеона. Въ заревѣ Московскаго пожара уже видѣлась св. Елена... Гр. Ростопчинъ вѣрно замѣчаетъ, что нельзя бы не гордиться по справедливости такимъ подвигомъ; но въ тоже время нельзя и не согласиться съ нимъ, что, объявляя намъ истину о пожарѣ Москвы, онъ разрушилъ до основанія свою славу и, говоря его словами, отказался отъ лучшей роли въ событіяхъ того времени. Многіе другіе, находясь въ такомъ положеніи, не поспѣшили бы просвѣтить общее мнѣніе, столь положительно утвердившееся, и охотно пользовались бы честью, которую съ такимъ безкорыстіемъ отклоняетъ отъ себя гр. Ростопчинъ, который, „никогда не присвоивая себѣ чужихъ правъ“, не хочетъ, чтобы продолжали указывать на него: вотъ кто сжегъ Москву и спасъ свое Отечество. Эта слава ему не принадлежитъ; онъ отдаетъ ее тѣмъ, которые съ болѣшимъ правомъ могутъ ею пользоваться. Но общее любопытство не удовлетворено: хотятъ, и это желаніе очень естественно, знать, кто же сжегъ Москву? Не гр. Ростопчинъ, мы въ этомъ совершенно убѣждены. Но кто же!“ Естественно отклоняя мысль, что Москву могъ сжечь Наполеонъ и тѣмъ погубить самого себя, сочинитель статьи выбираетъ нѣсколько показаній изъ сочиненія самаго гр. Ростопчина, которыя приводятъ его къ тому заключенію, что сами Русскіе сожгли свою столицу⁴²⁾. Маркизь Шамбре, по поводу сочиненія котораго гр. Ростопчинъ издалъ свою Правду,

⁴¹⁾ Гр. Сегюръ, *Vie du e-te Rostopschine*, Paris, 1871, стр. 240.

⁴²⁾ *Gazette de France*, 1823 г., №. 125, lundi 5 Мая.

немедленно отвѣчалъ, опровергая его доводы и приводя рассказы свидѣтелей-очевидцевъ о поджигателяхъ, которые говорили, что имъ *вельно* было поджигать⁴³⁾. Изданы были вновь письма аббата Сюрюга, которыя прежде появились въ немногихъ экземплярахъ. Д. П. Бутурлинъ оставилъ безъ измѣненія и во второмъ изданіи своего сочиненія прежнія соображенія о пожарѣ Москвы, но прибавилъ къ нимъ слѣдующее примѣчаніе. „То что написано мною о Московскомъ пожарѣ было сообщаемо сочинителемъ гр. Ростопчину, которому онъ для просмотра послалъ записку, послужившую основаніемъ для его сочиненія. Но, кажется, графъ не спѣшилъ высказаться, потому что онъ возвратилъ эту записку безъ всякихъ замѣчаній. Послѣ этаго какъ же можно было предвидить, что, спустя 10 лѣтъ, онъ совершенно иначе представитъ дѣло и обнарудуетъ свою Правду? Странно было бы не повѣрить великодушной, хотя и запоздалой, искренности человѣка, который самъ сходитъ съ высоты историческаго дѣятели, чтобы скрыться въ толпѣ; но положительныя однакоже свидѣтельства не даютъ сочинителю возможности сомнѣваться, что пожаръ Московскій былъ приготовленъ и исполненъ Русскими правительственными лицами. Поэтому, чтобы примирить разныя мнѣнія, остается только предположить, что въ числѣ подчиненныхъ графа Ростопчина были въ это время люди съ сильнымъ характеромъ, которые дѣйствовали на свой страхъ. Оставаясь при этомъ мнѣніи, сочинитель не счелъ нужнымъ исправлять текстъ своего сочиненія, потому что происшествіе въ немъ рассказано вѣрно; но считаетъ лишь нужнымъ предварить читателя, чтобы похвалы гр. Ростопчину, выраженные имъ неправильно, они отнесли къ этимъ лицамъ“⁴⁴⁾.

Такимъ образомъ до сихъ поръ вопросъ былъ поставленъ такъ: или Французы сожгли Москву по *повелѣнію* Наполеона, или Русскіе по *распоряженію* своего правительства. Намъ кажется, что такая ложная постановка вопроса единственно и затрудняетъ его рѣшеніе и возбуждаетъ различныя мнѣнія, которыхъ примирить между собою нельзя. Французскій критикъ книжки гр. Ростопчина о пожарѣ Москвы, котораго мнѣнія мы привели выше, весьма справедливо замѣчаетъ: „Гр. Ростопчинъ удивляется, что его имя повторялось въ бюллетеняхъ, какъ необходимая принадлежность Московскаго пожара, какъ припѣвъ о Мальборугѣ въ извѣстной пѣснѣ. Это составляетъ новое доказательство невинности Наполеона въ происшествіи, не соотвѣтствовавшемъ его видамъ; но почему же ему нужно было избрать жертвою своего гнѣва именно графа Ростопчина, который, кажется, не очень доволенъ этимъ предпочтеніемъ? Причину весьма легко угадать: графъ Ростопчинъ былъ Московскимъ генералъ-губернаторомъ, его имя по необходимости должно было представиться прежде всѣхъ; всякій другой,

⁴³⁾ Réponse à la brochure de m-r le c-te Rostopschine intitulée: La vérité sur l'incendie de Moscou (M. de Chambray) Paris. 1823 г.

⁴⁴⁾ Hist. militaire etc. т. I, гл. V, стр. 368—369.

кто бы ни былъ на этомъ мѣстѣ, вмѣсто графа, удостоился бы той же чести⁴. Дѣйствительно графа Ростопчину и нельзя было бы удивляться, что его имя въ общемъ мнѣніи Европы связалось неразрывно съ пожаромъ Москвы на основаніи *ложнаго* предположенія, будто Москва была сожжена по *распоряженію* правительства. При этомъ предположеніи естественно, что лицо гр. Ростопчина должно было выдвинуться впередъ. Едва ли нужно доказывать, что такого распоряженія не было, и гр. Ростопчинъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ лично, а не какъ представитель правительства. Но графъ Ростопчинъ въ своей Правдѣ отказывается и отъ этого. Онъ не упоминаетъ о своемъ приказаніи, данномъ Вороненкѣ, отрицаетъ существованіе разрывныхъ снарядовъ, присутствіе колодниковъ въ Москвѣ, увѣряетъ, что частные пожары въ Москвѣ, въ которыхъ могли быть виновны столько же Русскіе, какъ и Французы, не могли распространиться на весь городъ по причинѣ множества садовъ, пустырей и бульваровъ и такую мѣру, какъ сожженіе Москвы, считаетъ ужасною, жестокою и неблагоразумною. Распространеніе пожаровъ онъ приписываетъ единственно случайному обстоятельству, т. е. необыкновенно сильному вѣтру. „Дурно сдѣлають, если мнѣ не повѣрятъ, потому что я отказываюсь отъ прекраснѣйшей роли этой эпохи и самъ разрушаю зданіе моей знаменитости; но я рѣшаюсь говорить правду, которая одна должна руководить исторіею“.

Много разъ приводя рассказы гр. Ростопчина изъ его записокъ о 1812 годѣ, мы указывали, что онъ приписывалъ себѣ такія мнѣнія и взгляды, которыхъ онъ не имѣлъ во время совершившихся событий и которыя могли образоваться у него гораздо послѣ. Тѣмъ же свойствомъ отличается и его Правда. Онъ говоритъ, на примѣръ, что должно бы остановить его въ предположеніи сжечь Москву важное соображеніе, „а именно: чтобы тѣмъ не заставить Наполеона принудить къ сраженію князя Кутузова послѣ оставленія Москвы, потому что всѣ выгоды такого сраженія были на сторонѣ Французовъ, имѣвшихъ двойное число воиновъ въ сравненіи съ Русскимъ войскомъ, которое было обременено ранеными и частію народонаселенія, вышедшаго изъ Москвы“. Такъ могъ думать князь Кутузовъ въ то время; а не графъ Ростопчинъ, который упрекалъ его именно за то, что онъ не дѣйствуетъ наступательно на непріятеля, упрекалъ не только въ письмахъ, которыя онъ писалъ въ то время къ частнымъ и правительственнымъ лицамъ, но и передъ Государемъ, считая силы непріятеля незначительными и разстроенными. Его Правда была дѣйствительно правдою, но только для него одного, способнаго поддаваться увлеченію настоящаго до такой степени, что все прошлое или исчезало изъ его воспоминаній, или принимало совершенно иной характеръ ⁴⁵⁾.

Но кто же сжегъ Москву?

Первые пожары произведены были полицейскимъ чиновникомъ Вороненкою, исполнявшимъ приказанія гр. Ростопчина, который, вѣ-

⁴⁵⁾ Правда и пр. стр. 201--203, 208, 254.

роятно для облегченія совершить опасное (почти въ виду непріятеля) предпріятіе, указаль ему на разрывные снаряды, приготовленные Леппихомъ для воздушнаго шара. Вороненко исполниль приказаніе по мѣрѣ возможности, оставаясь въ Москвѣ до 8 часовъ вечера, т. е. до того времени, когда не только ее заняли непріятельскія войска, но ихъ авангардъ уже расположился за Рогожскою заставою. Князь Кутузовъ, извѣстясь, что не успѣли спасти отъ непріятеля комиссаріатскія барки, которыя шли позади барокъ съ артилерійскими запасами, по мелководью и тяжести груза остановившимися у Москвы, велѣлъ ихъ сжечь и потопить ⁴⁶⁾. Это порученіе съ успѣхомъ исполнено было капитаномъ артиллеріи Фигнеромъ ⁴⁷⁾. Еще до вступленія въ Москву непріятеля, говоритъ гр. Ростопчинъ, „въ разговорахъ съ купцами, мастеровыми и людьми изъ простаго народа, мнѣ приходилось слышать слѣдующее выраженіе, когда они съ грустью заявляли опасеніе, что Москва можетъ достаться въ руки непріятеля: лучше ее сжечь! Во время моего пребыванія въ главной квартирѣ кн. Кутузова, я видѣлъ многихъ Москвичей, спасшихся изъ столицы послѣ пожара, которые хвалились тѣмъ, что сами сожгли свои дома“ ⁴⁸⁾. Это послѣднее показаніе подтверждаютъ и другіе свидѣтели-очевидцы. „Бывшіе въ Тарутинскомъ лагерѣ конечно помнятъ, точно также какъ и я помню, говоритъ И. П. Липранди, что Московскіе выходцы рассказывали, какъ они сами и другіе Москвичи поджигали свои дома и лавки передъ тѣмъ, чтобы уйти изъ ней“ ⁴⁹⁾. Полковникъ Кроссаръ, находившійся въ Тарутинскомъ лагерѣ, рассказываетъ, что на другой день послѣ оставленія Москвы, нѣсколько нашихъ офицеровъ обѣдали у графа Строгонова, и князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ часто выражалъ сожалѣніе, что не пришла ему въ голову въ-время слѣдующая мысль: „Я сожалѣю только объ одномъ, что при выходѣ изъ Москвы мы сами не подожгли нашихъ домовъ“ ⁵⁰⁾. По возвращеніи въ Москву въ Октябрѣ 1812 года, графъ Ростопчинъ собралъ нѣкоторые свѣдѣнія о пожарѣ. Вотъ что между прочимъ онъ говоритъ:

„Въ Москвѣ есть цѣлая улица съ каретными лавками, въ которой живутъ одни только каретники. Когда армія Наполеона вошла

⁴⁶⁾ Мнѣніе Госуд. Совѣта 7-го Мая 1817 г. п. 4. Комиссаріатскія вещи, вывезенныя на 1700 подводяхъ, были спасены; но изъ „числа полученныхъ комиссаріатомъ барокъ (23-хъ), шедшія впереди артилерійскихъ три барки спасены и находившіяся въ нихъ вещи сданы въ армію; прочія же барки, слѣдовавшія позади артилерійскихъ и задержанныя пмч, копѣ по сей причинѣ не было никакой возможности спасти отъ непріятеля, по повелѣнію покойнаго генералъ-фельдмаршала кн. Кутузова Смоленскаго, сожжены и потоплены“.

⁴⁷⁾ Записки артилериста, т. I, стр. 172—175, 206—209.

⁴⁸⁾ Правда о пожарѣ Москвы, стр. 212—213.

⁴⁹⁾ Война 1812 г. замѣчанія на сочиненіе г. Богдановича, 1869 г., 2-го отдѣла, стр. 167 и его же: нѣкоторыя замѣчанія о гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 г. СПб. 1855, стр. 167—192.

⁵⁰⁾ Mémoires militaires et histor. m. IV, гл. 44, стр. 370.

въ городъ, то многіе генералы и офицеры бросились въ этотъ кварталъ и, обошедши всѣ лавки онаго, выбрали себѣ кареты и замѣтили ихъ своими именами. Хозяева, по общему между собою согласію, не желая снабдить каретами непріятеля, зажгли всѣ свои лавки. Одинъ купецъ, ушедшій съ своимъ семействомъ въ Ярославль, оставилъ домъ на попеченіе племянника. По возвращеніи полиціи въ Москву, этотъ племянникъ пришелъ объявить ему, что семнадцать мертвыхъ тѣлъ находятся въ погребѣ его дяди, и вотъ какъ онъ рассказывалъ объ этомъ. На другой день по входѣ непріятеля въ городъ, четыре солдата пришли къ нему; осмотря домъ и не найдя ничего что могли-бы съ собой унести, они сошли въ погребъ и нашли тамъ сотню бутылокъ вина и, давши разумѣть знаками племяннику купца, чтобъ онъ ихъ поберегъ, возвратясь опять ввечеру, въ сопровожденіи тринадцати другихъ солдатъ, зажгли свѣчу, принялись пить и потомъ уснули. Молодой Русскій купецъ, видя ихъ погруженныхъ въ пьяный сонъ, вздумалъ ихъ умертвить. Онъ заперъ погребъ, завалилъ его камнями и убѣжалъ на улицу. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, размысливъ хорошенько, что эти семнадцать человекъ могли бы какимъ нибудь образомъ освободиться изъ своего заточенія, встрѣтиться съ нимъ и его убить, онъ рѣшился зажечь домъ, что и исполнилъ посредствомъ соломы. Два человекъ, одинъ дворникъ г. Муравьева, а другой купецъ, были схвачены при зажиганіи своихъ домовъ и разстрѣляны⁵¹⁾. Италіанецъ граверъ, проживавшій въ это время въ Москвѣ, рассказываетъ, что идя, по Басманной къ Ильинскимъ воротамъ, „увидалъ, какъ изъ дома кн. Куракина вышелъ управляющій съ четырьмя лакеями, которые палками гнали передъ собою пьянаго человекъ въ бѣломъ армякѣ. Онъ держалъ въ рукѣ шапку полицейскаго и радостно кричалъ: „какъ хорошо горить!“ Люди кн. Куракина объяснили, что онъ только что поджегъ домъ, и они ведутъ его къ Французамъ, которыхъ и встрѣтили у горѣвшаго дома кн. Трубецкаго. Французскіе солдаты не медленно его разстрѣляли⁵²⁾.

Молодой 16 лѣтній мальчикъ, изъ духовнаго семейства, рассказывалъ: „Между нашими, т. е. оставшимися въ Москвѣ Русскими, распространился слухъ, что полицейскіе, переодѣтые въ зипуны, ходятъ по улицамъ и поджигаютъ“. „Страшно было, рассказываетъ остававшаяся въ Москвѣ въ то время молодая дѣвушка изъ купеческаго семейства: наши жгли Москву“. „Какъ начались пожары, говоритъ крѣпостной человекъ г. Соймонова, остававшійся въ домѣ своего помѣщика, такой страхъ насъ пробралъ! Говорили, что свои

51) Правда о пожарѣ Москвы, стр. 213 - 215.

52) Воспоминанія Вандрамини. Венеціанецъ Vandramini жилъ въ домѣ кн. М. П. Голицына, во флигелѣ, выходящемъ на Старую Басманную и гравировалъ картины его галлерей. О немъ упоминаетъ г-жа Фюзиль, нашедшая у него пріютъ. Его воспоминанія напечатаны въ Economiste Belge 1864, а переводъ въ Русскомъ Иввалидѣ того же года №№ 28, 29, 30 и 31.

жгутъ Москву, чтобы Бонапарта изъ нея выгнать. Правда или нѣтъ, того я не знаю; но что нашъ домъ подожгли, то это вѣрно⁵³).

Послѣ изложенныхъ свидѣтельствъ возможенъ ли вопросъ о томъ, кто сжегъ Москву? Тотъ, кто имѣлъ на это право, тотъ кто жегъ, начиная съ Смоленска, всѣ свои города, села и деревни и даже поспѣвавшій въ полѣ хлѣбъ, лишь только проходили Русскія войска и приближался непріятель, — Русскій народъ въ лицѣ всѣхъ сословій и состояній, не исключая и лицъ облеченныхъ правительственною властію, въ числѣ которыхъ былъ и графъ Ростопчинъ. „Москва, изъ своего пепла возставшая, говоритъ одинъ изъ боевыхъ дѣятелей 1812 г., прекрасная, богатая, новою вѣчною славою великой жертвы озаренная, конечно всегда будетъ помнить вмѣстѣ съ цѣлою Россіей свои дни скорби и запустѣнія, но помнить съ тѣмъ, чтобы гордиться ими: ибо пожаръ ея, надъ головой вторгнувшася въ нее врага зажженный, если былъ дѣломъ *немногихъ*, то былъ мыслию *всѣхъ*. И съ нею вмѣстѣ обращались въ прахъ и всѣ надежды завоевателя на миръ и на побѣду“⁵⁴).

Выпроважденные на баркѣ изъ Москвы Ростопчинимъ Французы мирно плыли во время пожаровъ Московскихъ уже по Окѣ и находились недалеко отъ Касимова. Нѣсколько дней сряду ихъ поражало огромное зарево. Имъ не приходило на мысль что означаетъ это необыкновенное явленіе; но оно было въ той сторонѣ, гдѣ по ихъ предположенію должны находится воюющія арміи, и забота объ оставленныхъ въ Москвѣ семействахъ возбуждала ихъ любопытство узнать его значеніе. Они часто причаливали къ берегу для прогулокъ и для приобрѣтенія припасовъ продовольствія. При первомъ причалѣ, они увидали мужика, который шелъ по направленію къ нимъ и громко пѣлъ пѣсню. „Мы поспѣшили, говоритъ одинъ изъ этихъ невольныхъ плователей, распросить его что значило это огненное небо, на которое мы съ безпокойствомъ смотрѣли нѣсколько дней сряду. „Это зарево, отвѣчалъ онъ имъ съ насмѣшливымъ добродушіемъ, указывая пальцемъ на Сѣверъ; это зарево показываетъ уваженіе Русскихъ къ вашему Наполеону и Французскимъ войскамъ, которыя хотятъ зимовать въ Москвѣ; теперь становится уже холодно, и вотъ они затопили дома“⁵⁵).

„Простой мужикъ такъ говорилъ, восклицаетъ Французъ. Какой предметъ для размышлений!“

⁵³) Г. Толычевой, Разказы очевидцевъ о 1812 г., стр. 60, 92, 103.

⁵⁴) Графъ П. Х. Граббе, изъ Памятныхъ Записокъ отечеств. войны, стр 85; Записки А. П. Ермолова, ч. 1, стр. 215.

⁵⁵) Arm. Domergues, la Russie etc. т. 1, стр. 309—310.

ВѢСТИ ИЗЪ РОССІИ ВЪ АНГЛІЮ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА.

Письма графа Ѳ. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову *).

1.

Спб. 10 Ноября 1796.

Нынѣшнее утро я припадалъ къ стопамъ Государя, благодаря его за то, что онъ васъ пожаловалъ полнымъ генераломъ ¹⁾. Онъ самъ сказалъ мнѣ, что это пожалованіе совсѣмъ вскружило мнѣ голову. Онъ знаетъ все, чѣмъ я вамъ обязанъ. Онъ уважаетъ васъ. Ему очень пріятно, что онъ выразилъ вамъ свою благосклонность. О, благодѣтель мой, какъ я былъ счастливъ, какъ я и теперь счастливъ! Слеза, пролитая мною на эту бумагу, да изгладитъ изъ вашей памяти огорченія, которыя были причинены вамъ несправедливостью ²⁾.

Милости и благодѣянія; пламенное желаніе быть любиму. Зубовъ оставленъ при всѣхъ своихъ мѣстахъ. Брату его Николаю пожа-

*) См. 1-ю книгу Р. Архива 1876 года, гдѣ помѣщены письма того же лица, въ царствованіе Екатерины II-й и общее предисловіе къ нимъ. П. Б.

¹⁾ Императоръ Павелъ первоначально былъ благорасположенъ къ графу С. Р. Воронцову потому уже, что сей послѣдній нѣкогда служилъ сподвижникомъ фельд-маршала графа Румянцова и заявлялъ особенное уваженіе къ его доблестямъ, не смотря на то, что Задунайскій герой находился въ полу-опалѣ; у Павла же Петровица, до вступленія его на престолъ, бывали тайныя пересылки съ графомъ Румянцовымъ (См. Разказы Кутлубицкаго въ Р. Архивѣ 1866, стр. 1307). Кромѣ того, Государю и тогдашнимъ дѣтелямъ было извѣстно, какъ самостоятельно держалъ себя нашъ Лондонскій посолъ относительно послѣдняго фаворита князя Зубова. Словоохотливый графъ Ростопчинъ, будучи ежедневнымъ собесѣдникомъ и докладчикомъ, конечно не скрывалъ своей преданности къ Воронцову, которую онъ возымѣлъ со времени своего пребыванія въ Англїи. Напомнимъ читателю, что Автобіографическая Записка гр. Воронцова съ разсказомъ о томъ, какъ онъ пострадалъ за приверженность къ Петру III-му, тогда еще не была получена гр. Ростопчинымъ.—Заслуги сего послѣдняго въ царствованіе Павла еще не оцѣнены и нѣрѣдко подвергаются голословному осужденію. Несомнѣнно однако, что графъ Ростопчинъ служилъ неутомимо и приверженъ былъ къ Государю неуклонно. Онъ оставался, за исключеніемъ весьма короткаго промежутка, главнымъ, часто негласнымъ, дѣтелемъ цѣлые 50 мѣсяцевъ этого чрезвычайнаго царствованія, и только съ его высылкою въ Москву дѣла приняли невозможный ходъ. Всѣ пружины правительственной машины сдѣлались ему коротко знакомы, и этимъ если не оправдываются, то объясняются многія черты его послѣдующей дѣятельности и въ 1812 году. П. Б.

²⁾ Эти обстоятельства будутъ разъяснены въ одной изъ книгъ Архива Князя Воронцова. П. Б.

лованъ Андреевскій орденъ. Заботливость, вниманіе. Графъ Николай Салтыковъ и князь Репнинъ—фельдмаршалы, вице-канцлеръ назначенъ канцлеромъ, графъ Безбородко возведенъ въ первый классъ съ званіемъ фельдмаршала. Этотъ годъ не будетъ рекрутовъ. Уничтожатъ хлѣбную подать ³⁾. Прощайте. Напишите мнѣ поскорѣе и изложите подробнѣе ваши мысли. Сообщите ваши намѣренія и чего вы желаете.

Бумаги Маркова опечатаны. Государь хочетъ разсмотрѣть сношенія со Швеціею. Онъ уже сказалъ, что любитъ военное дѣло, но войну ненавидитъ. Да утвердитъ его Богъ въ этихъ намѣреніяхъ!

2.

25 Февраля 1797 г. Спб.

Сегодня я получилъ ваше письмо и тетрадь, которой я ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Не сѣмью какъ выразить вамъ мою признательность за этотъ чрезвычайный знакъ вашей довѣренности. Графа Безбородки сегодня не было у Государя; поэтому я ѣздилъ къ нему освѣдомиться касательно содержанія вашего письма. Я прежде ничего не зналъ, что у васъ отнято имѣніе и былъ изумленъ неправдою и всевлстіемъ князя Потемкина, передъ которымъ имѣли законъ и честность. Надо надѣяться, что царствованіе нашего великаго Государя заставитъ позабыть о несправедливостяхъ предыдущаго царствованія. Мнѣ кажется, что коронація представитъ къ тому удобный случай, такъ что я почти увѣренъ въ успѣхѣ, тѣмъ болѣе, что графъ Безбородко расположенъ оказать вамъ услугу. Я поспѣшу сообщить вамъ эту добрую вѣсть и нетерпѣливо жду дня, когда въ числѣ многихъ благодѣяній наиболѣе заслуженное будетъ оказано моему благодѣтелю.

1-е Марта Дворъ переѣзжаетъ въ Павловское и останется тамъ дней на десять. Государя сопровождаютъ ⁴⁾ немногіе. Онъ сдѣлалъ мнѣ честь, приказавъ, чтобъ я съ графомъ Безбородкою ѣхалъ съ нимъ, и даже въ одной съ нимъ каретѣ. Вы меня огорчаете, говоря, что у меня не достанетъ времени для того, чтобы писать къ вамъ. Если бы у меня не было минуты свободной въ теченіи дня, то я лучше не стану спать, а не лишу себя этого наслажденія. У меня много дѣла, потому что на моихъ рукахъ вся воинская часть. Я долженъ разсылать всѣ приказы Государя ⁵⁾ и получаю всѣ рапорты для представленія и прочтенія ему. Зная по опыту, какъ ма-

³⁾ Въ послѣдній годъ Екатерининскаго царствованія устроены были по всей Россіи склады хлѣба со взиманіемъ податей натурою, что повело къ великимъ неустройствамъ и злоупотребленіямъ, живая картина которыхъ начертана А. Т. Болотовымъ въ его книгѣ: „Памятникъ претекшихъ временъ“, изд. П. С. Киселева. М 1875.

⁴⁾ Т. е. въ Москву, на коронацію.

П. Б.

⁵⁾ Тетрадь съ этими приказами, рассылаемыми ежедневно во всѣ концы Россіи, писанная во многихъ случаяхъ графомъ Ростопчиннымъ, будетъ издана въ Р. Архивѣ.

П. Б.

до можно имѣть довѣрія къ секретарямъ, я дѣлаю все самъ, а секретари только переписываютъ и держатъ въ порядкѣ книги. Я измѣнилъ образъ жизни: обѣдаю всегда дома, ухожу въ 4 часа и возвращаюсь въ 9. Разобравъ бумаги къ слѣдующему дню, въ 10 часовъ ложусь спать. Встаю въ 5½ часовъ, а въ 6¼ я уже у Государя, при которомъ остаюсь почти до часу по полудни, занимаясь разсылкою приказовъ и чтеніемъ всего поступающаго по военной части. Бываютъ минуты, когда мнѣ тяжело не видать жены и прекраснаго моего малютку; но долгъ прежде всего, и лучшая для меня награда въ томъ, что труды мои угодны Государю.

Жена моя останется здѣсь. Она займется устройствомъ дома, и потомъ весною привѣтетъ оспу ребенку. Ей пришлось бы совершить путешествіе въ Москву и обратно одной; а въ Москвѣ, при моихъ занятіяхъ, мнѣ приходилось бы видѣть ее лишь урывками. У нея тамъ нѣтъ знакомыхъ, а по отбытіи Императора она должна бы была ѣхать назадъ. Его Величество предполагаетъ 2-го Мая отправиться въ Казань, а оттуда въ Пензу, Рязань, Тулу, Калугу и черезъ Смоленскъ возвратиться въ Петербургъ. Двое великихъ князей должны сопровождать его, а остальные члены царскаго семейства будутъ дожидаться его въ Павловскѣ.

Вы меня спрашивали о презрѣнномъ Эстергази. Онъ у себя въ деревнѣ. Нѣкоторые изъ его земель возвращены прежнему владѣльцу, ограбленнымъ возмутительнѣйшимъ образомъ. Эстергази получилъ за то другія земли, и даже въ бѣльшемъ количествѣ. Ему вѣдно не показываться въ Петербургъ. Онъ написалъ къ Государю письмо, въ которомъ говорится о тяжбѣ и о томъ, что онъ возлагаетъ надежду на Государя. Его Величество приказалъ мнѣ сдѣлать на этомъ письмѣ нижеслѣдующую помѣтку и скрѣпилъ ее своею подписью: „Тяжба должна вестись обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ; а что касается до моей милости, то ея лишаются посредствомъ дурнаго образа дѣйствій“.

Я былъ увѣренъ, что вы огорчитесь кончиною великаго полководца ⁶⁾. Императоръ приказалъ, чтобы вся армія носила по немъ трауръ въ теченіи трехъ дней. Вы знаете, что графъ Суворовъ вынудилъ Государя, неприличіями и странными письмами, которыя онъ къ нему писалъ, дать ему отставку. Все спокойно внутри страны; злоумышленники между крестьянами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уступили увѣщаніямъ, въ другихъ силѣ. Виною глупость губернаторовъ, которые заставляли крестьянъ присягать на вѣрность, чего не слѣдуетъ дѣлать.

Возмите на себя порученіе, очень для меня важное. Васъ такъ знаютъ въ Англіи. Постарайтесь достать къ веснѣ двухъ хорошихъ лошадей и отправьте ихъ въ Петербургъ. Денегъ не жалѣйте. Если лошади будутъ хороши, я ихъ представлю Государю и отошлю къ вамъ деньги, какъ только вы напишете.

⁶⁾ Графа Румянцева.

Кончаю письмо, потому что уже полночь, а мнѣ хочется еще до выѣзда изъ дому прочесть вашу исторію ⁷⁾. Чтеніе ея требуетъ тишины и ночнаго спокойствія. И такъ я еще побуду съ вами и узнаю много мнѣ неизвѣстнаго.

Чувствую всю цѣну вашей довѣренности и горжусь ею.

3.

9 Апрѣля 1797 г. Москва ⁸⁾.

Я не стану повторять вамъ того, что князь Безбородко навѣрное уже сказалъ вамъ по случаю милостей, полученныхъ вами. Желательно, чтобъ Императоръ, исправляя ошибки своей матери, награждалъ васъ за оказанныя ей услуги. Я, къ сожалѣнію, чрезвычайно занятъ дѣлами въ настоящую минуту и не имѣю досуга пространно бесѣдовать съ вами. Не знаю, извѣстно-ли вамъ, что на васъ имѣютъ виды для воспитанія великаго князя Николая и что васъ, по прошествіи четырехъ или пяти лѣтъ, ожидаетъ эта трудная задача. Я смертельно скучаю, привыкши жить вмѣстѣ съ женою и видѣть моего маленькаго сына. Тоска меня гнететъ въ немногія свободныя минуты, которыя остаются мнѣ въ теченіи дня и которыя я провожу у себя въ комнатѣ.

Я прочелъ это письмо, которое вы называете длиннымъ, и желалъ бы списать оное своею рукою, дабы передать потомъ моему сыну и внушить ему благоговѣніе къ вашимъ добродѣтелямъ. Я оставилъ это письмо Рожерсону ⁹⁾ для доставленія вамъ по вѣрной оказіи. Привыкши говорить съ вами вполне откровенно, я не скрою отъ васъ, что князь Безбородко сдѣлалъ большія неловкости. По проискамъ негодяевъ, его окружающихъ, онъ выхлопоталъ чинъ тайнаго совѣтника нѣкоему мерзавцу **, своему управляющему, да великолѣпное имѣніе въ 850 душъ и орденъ Св. Екатерины своей любовницѣ госпожѣ Л***, распутной женщинѣ; а мужъ ея получилъ орденъ Св. Александра Невскаго. Вообще, всѣ эти великіе господа ведутъ себя дурно. Можно быть эгоистомъ, но не должно огорчать людей, которые, по чувству ли чести или по глупости, поступали какъ добрые простяки относительно тѣхъ, кому считали себя обязанными. Легко забыть непріятное положеніе, но не слѣдуетъ его возобновлять. Наконецъ, позабыли о 5 и 6 числа Ноября мѣсяца прошлаго года; имѣютъ великодушнаго и милосердаго Императора вмѣсто неумолимаго судьи, и сочли глупцами тѣхъ, кто служилъ ему вѣр-

⁷⁾ Т. е. Автобіографическую Записку, напечатанную въ первой книгѣ Р. Архива сего года. П. Б.

⁸⁾ Писано на четвертый день послѣ коронаціи. Графъ Воронцовъ получилъ между прочимъ обширныя помѣстья въ Финляндіи, доставшіяся потомъ его дочери, леди Пемброкъ. П. Б.

⁹⁾ Извѣстный докторъ Рожерсонъ былъ другомъ братьевъ графовъ Воронцовыхъ. Здѣсь говорится о той же Автобіографической Запискѣ, писанной своеручно и возвращенной назадъ въ Лондонъ. П. Б.

но, когда всё прочіе, въ ослѣпленіи, удалялись отъ него или оказывали ему неуваженіе ¹⁰⁾.

4.

3 Юня 1797, Сарское Село.

Императоръ возвратился 27-го, и я очень нездоровъ. Вотъ уже пѣлая недѣля какъ я страдаю желчною лихорадкою и очень слабъ. Князь Безбородко тоже сильно хвораетъ запущенною простудою. Благодаря Бога, я вмѣстѣ съ женою и сыномъ. Не могу болѣе писать, ибо у меня кружится голова. Прощайте.

5.

18 Юня 1797 г. Павловскъ.

Конечно, въ теченіи 32 лѣтъ, т. е. съ минуты моего рожденія, никогда еще я не испытывалъ четверти часа такого мучительнаго ожиданія, какъ третьяго дня, до окончанія чтенія вашей депеши, въ которой вы извѣщаете о замедленіи прибытія нашего флота ¹¹⁾.

Вы послѣдовали благородному движенію, вы предались ему достойнымъ образомъ, вашъ поступокъ былъ одобренъ. Благомыслящіе Англичане должны поклоняться вамъ. Но со всѣмъ тѣмъ меня охватила такая дрожь и такой страхъ, что я вамъ описать не могу. Я знаю, что Императоръ желаетъ прекратить всякое сообщеніе съ зачумленными революціей, и въ этомъ отношеніи вашъ поступокъ могъ показаться ему рискованнымъ и даже слишкомъ смѣлымъ. Благодареніе Богу, на это дѣло взглянули такъ, какъ слѣдовало. Вамъ воздана была должная похвала. Кавалеръ Витвортъ приходилъ сегодня благодарить за помощь, оказанную вами Англии. Выраженіе его благодарности, очень естественной, было принято милостиво, и я, вмѣстѣ со всѣми любящими васъ, радуюсь неосновательности нашихъ опасеній.

Я совершенно выздоровѣлъ, но еще слабъ. Моя жена живетъ въ Сарскомъ Селѣ, гдѣ у нея прекрасное помѣщеніе. Я приѣзжаю сюда ежедневно въ 6 часовъ утра и остаюсь до 6 часовъ вечера. Потомъ удаляюсь къ себѣ и провожу остатокъ дня съ женою и нашимъ маленькимъ сыномъ, который начинаетъ много говорить и очень меня любитъ. Гвардія почти вся возвратилась изъ Москвы, и по одному батальону отъ каждаго полка квартируетъ здѣсь для карауловъ. Въ Петровъ день будетъ здѣсь большое празднество, послѣ котораго уѣдутъ въ Петергофъ, а 5-го числа изъ Кроншта-

¹⁰⁾ Здѣсь, что ни слово, то намекъ, весьма ясный читавшему Записку графа Ростопчина о первыхъ дняхъ царствованія Павла, напечатанную въ VIII книгѣ Архива Князя Воронцова. П. Б.

¹¹⁾ Въ Русскомъ Архивѣ 1875 (кн. I-я) напечатано нѣсколько записочекъ императора Павла къ адмиралу Макарову, начальнику эскадры, находившейся въ Англии. Бывши при Екатеринѣ генералъ-адмираломъ только по имени, Павелъ, по воцареніи, горячо принялся за морскую часть. Это увлеченіе простыло вслѣдствіе недоконченнаго плаванія къ Ревелю на фрегатѣ Масонскаго названія „Эммануиль“. Подробности см. въ Запискахъ адмирала Шишкова. П. Б.

та отправятся моремъ въ Ревель. Полагаютъ, что эта поѣздка продлится двѣ недѣли. Императоръ очень доволенъ своимъ путешествіемъ. Новоприсоединенная Польша представляетъ прекраснѣйшую страну. Правда, крестьяне всегда останутся въ бѣдности отъ угнетенія заимодавцами, которые заставляютъ ихъ работать вмѣсто уплаты, и отъ Жидовъ, которые вовлекаютъ ихъ въ неоплатные расходы и поятъ въ долгъ. Горожане, за исключеніемъ Вильны и деревень, нисколько не пострадали отъ войны и бывшаго грабежа. Дворяне очень довольны, что подвластны Русскому правительству, ибо Прусскій король притѣсняетъ ихъ соотечественниковъ возмутительнымъ образомъ, и своими поборами доказываетъ имъ, что они его подданные.

Войска еще не обмундированы по новому образцу, но уже обучены, и очень хорошо, если принять во вниманіе краткость времени. Изъ нашихъ людей все можно сдѣлать, и нѣтъ надобности говорить вамъ объ этомъ.

Князь Р*** — великій покровитель Польскаго люда; но какъ этотъ сѣверный Танкредъ сдѣлался низкимъ льстецомъ, то онъ лобызаетъ прахъ передъ всѣми, у кого предполагаетъ власть или вліяніе. Вы уже знаете, что Кочубей назначенъ членомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, а Тамара получить его мѣсто въ Константинополѣ. Это назначеніе, по мнѣнію кн. Безбородки, приблизитъ Кочубея къ Императору и дастъ ему возможность сдѣлаться лично извѣстнымъ, отчего онъ много выиграетъ. Князь Безбородко все боленъ и остается въ городѣ для леченія. У него рожа на ногѣ, и онъ не можетъ ходить. Я завтра поѣду въ городъ и намѣренъ повидаться съ нимъ, чтобъ переговорить о нашихъ опасеніяхъ, все по поводу вашей депеши. Императоръ здоровъ и дѣлаетъ большія прогулки, когда это дозволяютъ погода и дѣла. Жаль, что ему не даетъ покоя..., которая выѣшивается въ дѣла, суетится, сплетничаетъ, окружаетъ себя Нѣмцами и дозволяетъ негодьямъ ее обманывать. На дняхъ она выхлопотала г-ну Шуазель-Гуффе двѣ тысячи душъ за то, что онъ поднесъ ей нѣсколько рисунковъ и наговорилъ приторныхъ любезностей. Она, для бѣльшей увѣренности въ успѣхѣхъ, вступила въ союзъ съ г-жею Нелидовою, которую справедливо ненавидѣла, и которая сдѣлалась ея близкимъ другомъ съ 6-го Ноября прошлаго года. Насъ трое или четверо, нетерпимыхъ этими особами: ибо мы служимъ одному только Императору; а этого не любятъ и не хотятъ. Онѣ желали-бы устранить князя Безбородку и замѣнить его княземъ Александромъ К..., глупцомъ и пьяницей, поставить во главѣ всего военнаго вѣдомства князя Репнина, и управлять всѣмъ черезъ своихъ приверженцевъ. Таковъ замыселъ князя К... (Алексѣя), величайшаго негодяя, грабителя, который все путаетъ и всего проситъ, съ невозмутимою наглостью. Отъ этого у него развилась жолчь, но это ни къ чему не ведетъ кромѣ барышей для докторовъ.

6.

12 Ноября 1797 г. С.Петербургъ.

Я два раза пытался писать къ вамъ, но почта создана не для меня. Мое перо похоже на тѣхъ лошадей, которыя, закусивъ удила, мчатся впередъ, готовыя сломать себѣ шею. Вотъ ѣдетъ одинъ изъ моихъ егерей, вотъ и письмо. Фигаро говоритъ: Небо покровительствуетъ невинности; а я скажу—благодарности.

Императоръ возвратился въ городъ 6-го числа. Онъ съ сожалѣніемъ покинулъ Гатчино: эта мѣстность очень украшена имъ, и дѣйствительно великолѣпна. Но осеннее время и дурная погода заставили вспомнить о Петербургѣ. На другой день обѣдали и ночевали въ Сарскомъ Селѣ, куда Его Величество отправится въ началѣ Апрѣля, ибо Императрица должна разрѣшиться отъ бремени ¹²⁾ въ концѣ Февраля. Здѣшній дворецъ омеблированъ очень роскошно, но не счумѣли согласовать подробности обстановки. Императоръ занимаетъ комнаты покойной Императрицы. Онъ имѣетъ обѣденный столъ на 12 приборовъ съ главными (чуть не сказалъ великими) лицами двора, выходитъ въ 7 часовъ вечера, иногда позже, и ужинаетъ съ своимъ семействомъ и довольно многочисленнымъ обществомъ. Еженедѣльно будутъ два спектакля, и по одному концерту и балу.—Нельзя себѣ представить, не выдавши, чѣмъ сдѣлалась наша пѣхота, въ теченіи одного года. Я видѣлъ ¹³⁾ ту, которая стоила столькихъ трудовъ покойному Прусскому королю, и увѣряю васъ, что она уступила бы нашей. Не могу сказать того же о кавалеріи: вы знаете, какъ трудно нашимъ сдѣлаться хорошими всадниками. Императоръ, для утвержденія штатовъ арміи и, въ особенности, расходовъ на ея содержаніе, назначилъ комиссію, которая собирается у великаго Князя Александра, подъ его предсѣдательствомъ. Она состоитъ изъ генераловъ Ламба, Вязмитинова, Буксгевдена, Кушелева (моряка), генераль-прокурора и государственнаго казначея барона Васильева. Хотя Императоръ опредѣлилъ 20 милліоновъ на содержаніе арміи, но придется прибавить еще 10 милліоновъ.

Князь Безбородко продолжаетъ пользоваться большимъ значеніемъ и старается, по обыкновенію своему, какъ можно менѣе заниматься дѣлами. Если онъ не перестанетъ собирать картины, то его галерея, черезъ нѣсколько лѣтъ, будетъ одною изъ богатѣйшихъ въ Европѣ; ибо она уже стоитъ ему около 250.000 рублей и содержитъ нѣсколько образцовыхъ произведеній. Вице-канцлеръ ¹⁴⁾ расплывается въ любезностяхъ и ведетъ реестръ благодарственнымъ отзывамъ и хвалебнымъ заявленіямъ, присылаемымъ ему со всѣхъ сторонъ Нѣмецкими учеными и студентами. Братъ его хочетъ все

¹²⁾ Великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, родившимся 28 Генваря 1798 года. П. Б.

¹³⁾ Во время путешествія по Пруссіи въ 1786 году. П. Б.

¹⁴⁾ Т. е. князь А-ъ Б. Куракинъ, воспитанникъ Лейденскаго университета. П. Б.

дѣлать одинъ, или покрайней мѣрѣ казаться такимъ. Кочубей долженъ пріѣхать въ Мартѣ мѣсяцѣ. У него маленькій тайный врагъ въ лицѣ г-на Обрѣзкова, бывшаго секретаремъ князя Безбородки, а нынѣ состоящаго при Императорѣ. Это маленькое существо боится, что Кочубей вытѣснитъ его, и хлопочетъ о его помѣщеніи гдѣ-нибудь еще до пріѣзда сюда. — Мы ожидаемъ принца Конде. Его сынъ пріѣдетъ весною, а внукъ начальствуетъ корпусомъ, который расположится въ нашихъ новыхъ областяхъ вдоль Днѣстра. Наилучшее для насъ пріобрѣтеніе въ этомъ корпусѣ, это инженерные офицеры и хирурги; что касается прочихъ, то они—круглыя невѣжды, которые, вмѣсто того чтобъ быть учениками, корчатъ изъ себя учителей. — Король Польскій окружаетъ себя подобіемъ двора, даетъ цаловать руку бывшимъ подданнымъ и подписываетъ заемныя письма заднимъ числомъ, отъ прошлаго года, для того, чтобъ Императоръ заплатилъ по нимъ. Нѣкто Воотъ, Голландецъ, главный прикащикъ Гопа, скупаютъ всѣ эти заемныя письма и сдѣлаетъ выгодное для себя дѣло. Онъ пользуется особеннымъ покровительствомъ Императрицы, черезъ посредство Николаи, котораго этотъ Воотъ плѣнилъ любезностями, краснбайствомъ, обѣдами и проч. Николаи, поэтъ и добрый малый, выдержалъ бы напоръ; но Николаи, дѣйствительный статскій совѣтникъ, кавалеръ Святыя Анны первой степени, поддался искушенію. Притомъ, онъ не Русскій, а даже между нами такъ мало людей, любящихъ свое Отечество и Государя, который осыпалъ и осыпаетъ насъ милостями. Меня огорчаютъ, меня дѣлаютъ несчастнымъ всѣ эти неблагодарные, а теперъ почти только однихъ такихъ и можно видѣть. За то я никуда не хожу. Остаюсь во дворцѣ съ 6 часовъ утра, работая съ Императоромъ, или одинъ, а въ полдень возвращаюсь къ себѣ, и болѣе уже не выхожу, кромѣ случаевъ прибытія курьера, или присылки отъ Е. И. В. — Ему льстятъ, но его не любятъ. У него миліоны подданныхъ, а преданныхъ ему людей мало. Дай Богъ, чтобъ ему не понадобились ихъ усердіе и кровь ихъ.

Наши фельдмаршалы заняты различно: князь Репнинъ освѣдомляется, кто въ милости при дворѣ, кто въ опалѣ; Каменскій колотитъ офицеровъ и кусаетъ солдатъ; Салтыковъ, президентъ, размышляетъ, выйдти ли ему въ отставку; другой Салтыковъ барышничаетъ лошадьми въ Кіевѣ; графъ Пушкинъ—ничего не дѣлаетъ.

7.

14 Января 1798 г. С.Петербургъ.

Новаго ничего нѣтъ, кромѣ истинно-французскаго примѣра неблагодарности со стороны принца Конде. Ему, для начала, дали 20.000 рубл. на серебро, домъ графа Чернышева и дачу на Петергофской дорогѣ; назначили ему съ семействомъ 70.000 р. ежегоднаго содержанія, и этотъ человекъ имѣлъ наглость спросить Императора, не будетъ-ли ему еще чего, и не забываютъ-ли, что онъ Бурбонъ. Съ нимъ обращаются невнимательно; но какъ это своего рода проходимецъ, герой и Французъ, то какъ-нибудь справится. Его величество король, повелитель его, скоро пріѣдетъ на жительство въ Митаву, гдѣ ему назначено пребываніе.

8.

22 Декабря 1798 г. С.Пбургъ.

Ожидаю съ нетерпѣніемъ отъѣзда курьера и приблизительно рассчитываю время, когда вы можете получить добрыя вѣсти, которыя онъ везетъ. Я нисколько не сомнѣваюсь, что Лондонскій дворъ поспѣшитъ принять условія, на которыхъ Императоръ такъ чистосердечно приглашаетъ его къ участию въ войнѣ противъ проклятаго племени. Сколько можно полагаться на расположеніе Европейскаго двора, Берлинскій, повидимому, вступаетъ искренно въ союзъ, и я думаю, что это очень благоразумно со стороны Прусскаго короля, владѣнія котораго въ сильной мѣрѣ подверглись нравственному зачумленію; а война, имѣющая столь важную цѣль, можетъ произвести только добро, либо доставленіемъ выгодъ странѣ, либо занимая собою умы. Надѣюсь, что все это уладится. Но главное и труднѣйшее, это Вѣнскій дворъ. Никогда между частными лицами не бывало такой недобросовѣстности, никогда не терялось столько времени въ недоумѣніи. Я склоненъ вѣрить, что, вопреки собственнымъ выгодамъ, не смотря на предполагаемый бракъ эрцгерцога-палатина съ великою княжною Александрою, они согласятся заключить отдѣльный миръ съ Франціею, лишь бы имъ предоставлены были нѣкоторыя льготы. Впрочемъ, мы съ возвращеніемъ курьера узнаемъ ихъ рѣшительную волю и намѣренія; ибо графу Разумовскому предписано, изложивъ Австрійскому министерству виды Императора, потребовать точнаго отвѣта для сообщенія, а въ случаѣ отказа дать почувствовать, что могутъ обойтись и безъ нихъ. Эта великая политическая наука не представляетъ ничего лестнаго для человѣческаго сердца и ума. При нашемъ дворѣ поступаютъ такъ честно, даже слишкомъ, а наши союзники только хитрятъ и стараются тормозить все, что можно бы сдѣлать для блага Европы и даже человѣческаго рода.

Командиромъ дѣйствующаго корпуса будетъ князь Сергѣй Голицынъ ¹⁴⁾, который и поступилъ недавно вновь на службу. Дождутся отвѣта Берлинскаго двора и свѣдѣній о принятыхъ вами мѣрахъ, дабы выступить, смотря по обстоятельствамъ, куда укажутъ надобность и польза дѣла.

Князь Безбородко уѣхалъ вчера въ Москву. Онъ предполагаетъ пробыть тамъ до 20 Января. Это его конекъ, и вы знаете, какъ онъ пристрастенъ къ мелочамъ ¹⁵⁾. Г. Кочубей управляетъ Коллегіей въ его отсутствіи. Такъ какъ Безбородкѣ болѣе нечего желать и лѣнь имъ овладѣваетъ, то, для благовиднаго предлога, онъ прикидывается недовольнымъ, говоря, что пришлетъ изъ Москвы письмо съ просьбою объ отставкѣ или подастъ такую просьбу по возвращеніи сюда. Не думаю, чтобъ его намѣреніе было окончательнымъ, ибо одно управленіе почтою составляетъ статью, недозволяющую

¹⁴⁾ Князь Сергѣй Федоровичъ. См. ниже, на стр. 145, въ его бумагахъ.

¹⁵⁾ Князь Безбородко отстроивалъ себѣ домъ въ Москвѣ, нынѣшнее Техническое Училище въ Нѣмецкой Слободѣ. П. Б.

помышлять объ оставленіи службы, когда нельзя дать отчета въ миллионяхъ. Ему хотѣлось бы, чтобъ Императоръ либо не принялъ его просьбы, либо вновь призвалъ его, торжественно, по минованіи нѣкотораго времени. Но какъ въ просвѣщенной публикѣ всему находятъ причину, то все это мнимое неудовольствіе кн. Безбородки взвалили на меня, приписывая мнѣ виды на должность вице-канцлера, канцлера, и проч. Я имѣлъ объ этомъ продолжительный разговоръ съ Кочубеемъ; ибо насколько я равнодушенъ къ толкамъ публики, настолько дорожу мнѣніемъ людей, которыхъ уважаю. Я не могъ говорить Кочубею ни о поведеніи, ни о странныхъ поступкахъ его дяди (я уважаю его родственныя чувства), но я распространился о себѣ, и мое оправданіе ограничивается двумя пунктами. Я не намѣренъ быть вице-канцлеромъ, ибо не желаю этого мѣста и не столь безразсуденъ, чтобъ домогаться главнаго завѣдыванія дѣлами, когда едва только ознакомился съ ними. Время и послѣдствія лучше всего покажутъ, думаю ли я то, что говорю. Я служу Императору съ неутомимымъ усердіемъ по долгу чести, воодушевляясь вѣрностью моей присягѣ и благодарностью за его милости. Онъ мой Государь, а я родился его подданнымъ. Предоставляю времени, исторіи и врагамъ его произнести надъ нимъ судъ; но я удерживаю за собою право давать самому себѣ отчетъ въ моемъ поведеніи, и поэтому обдумываю малѣйшіе свои поступки.

Вотъ знакъ благоволенія, оказанный Императоромъ. Посылаю вамъ списокъ командоровъ, произведенныхъ вчера съ совершеніемъ блестящаго обряда. Не могу достаточно нахвалиться поведеніемъ генераль-прокурора Лопухина. Этотъ человѣкъ не знаетъ ни чванства, ни тщеславія, и притомъ такъ несчастливъ въ своемъ семействѣ! Какое жалкое положеніе для отца! Его жена—бездѣльница послѣдняго разряда. Она не обнаруживаетъ никакого желанія копить, но пользуется всѣмъ, по мѣрѣ силъ. Мнимый другъ г-на Лопухина, князь Гавріиль Гагаринъ, никакъ не можетъ добиться того, чтобъ быть порядочнымъ человѣкомъ, и презрѣніе, заслуженное его прежнимъ поведеніемъ, имѣетъ вліяніе на малѣйшія обстоятельства, касающіяся его особы.

Гр. Сергѣй ¹⁶⁾ поссорился съ гр. Завадовскимъ по поводу облигацій Банка князя Куракина. Онъ не привыкъ видѣть, чтобы съ публикой обращались, какъ со сволочью и злоупотребляли именемъ Императора. Онъ спрашивалъ этихъ господъ: „Что мнѣ дѣлать съ этою толпою, которая нахлынетъ, требуя отъ меня ассигнацій, какъ вы объявили на всю Россію?“ Ему отвѣчали: „Вамъ остается только ихъ прогнать“.

(Продолженіе будетъ).

¹⁶⁾ Т. е. графъ С. П. Румянцовъ.

ЖУКОВСКІЙ ВЪ ПАРИЖѢ.

1827 годъ. Май. Іюнь.

I.

Жуковскій не долго былъ въ Парижѣ: всего, кажется, недѣль шесть. Не за веселіемъ туда онъ ѣздилъ и не на радость туда пріѣхалъ. Ему нужно было тамъ ознакомиться съ книжными хранилищами, съ нѣкоторыми учеными и учебными учреждениями и закупить книги и другія спеціальныя пособия, для предстоящихъ ему педагогическихъ занятій. Онъ былъ уже хорошо образованъ, умъ его былъ обогащенъ свѣдѣніями; но онъ хотѣлъ еще практически доучиться, чтобы правильно, добросовѣстно и съ полною пользою руководствовать ученіемъ, которое возложено было на отвѣтственность его. Собственные труды его, въ это такъ сказать приготовительное время, изумительны. Сколько написалъ онъ, сколько начерталъ плановъ, картъ, конспектовъ, таблицъ историческихъ, географическихъ, хронологическихъ! Бывало, придешь къ нему въ Петербургъ: онъ за книгою и дѣлаетъ выписки, съ карандашемъ, кистью или циркулемъ, и чертитъ, и малюетъ историко-географическія картины, и такъ далѣе. Подвигъ, терпѣніе и усидчивость по истинѣ, не нашего времени, а Бенедиктинскіе. Онъ наработалъ столько, что изъ всѣхъ работъ его можно составить обширный педагогическій архивъ. Въ эти годы, вся поэзія его, вся поэзія жизни сосредоточилась, углубилась въ эти таблицы. Не даромъ-же онъ когда-то сказалъ:

„Поэзія есть добродѣтель!“

Сама жизнь его была вполнѣ выраженіемъ этого стиха. Зиму 1826 года провелъ онъ, по болѣзни, въ Дрезденѣ. Съ нимъ были братья Тургеневы Александръ и Сергѣй. Сей послѣдній страдалъ уже душевною болѣзнию, развившейся въ немъ отъ скорби, въ слѣдствіе несчастной участи, постигшей брата его, Николая. Всѣ трое, въ Маѣ 1827 года, отправились въ Парижъ, гдѣ Сергѣй вскорѣ и умеръ.

Связь Жуковскаго съ семействомъ Тургеневымъ заключена была еще въ ранней молодости. Безпечно и счастливо прожили они годы ея. Все, казалось, благопріятствовало имъ: успѣхи шли къ нимъ на встрѣчу, и они были достойны этихъ успѣховъ. Вдругъ разразилась гроза. Въ глазахъ Жуковскаго опалила и сшибла она трехъ братьевъ, трехъ друзей его. Одинъ осужденъ законами и въ изгнаніи. Другой умираетъ пораженный скорбью, но почти бессо-

знательною жертвою этой скорби. Третій, Александръ, нѣжно любящій братьевъ своихъ, хоронитъ одного и, по обстоятельствамъ служебнымъ и политическимъ, не можетъ ѣхать на свиданіе съ оставшимся братомъ, который, сверхъ горести утраты, могъ себѣ еще попрекать, что онъ былъ невольною причиною смерти любимаго брата. Жуковский остается одинъ сострадателемъ, опорой и охраною несчастныхъ друзей своихъ.

Въ письмахъ своихъ къ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ онъ живо и подробно описываетъ тяжкое положеніе свое. Онъ не скрываетъ близкихъ и глубокихъ связей, соединяющихъ его съ Тургеневыми. И должно замѣтить: дѣлаетъ онъ это не спустя нѣскольکو лѣтъ, а такъ сказать по горячимъ слѣдамъ, въ такое время, когда непріятныя впечатлѣнія 14-го Декабря и обстоятельствъ съ ними связанныхъ могли быть еще живѣе. И все это пишетъ онъ не стѣсняясь, ничего не утаивая, а просто отъ избытка сердца, и потому что онъ знаетъ свойства и душу той, къ которой онъ пишетъ. Вообще переписка Жуковского съ Императрицею и Государемъ, когда время позволить ей явиться въ свѣтъ, внесетъ богатый кладъ, если не въ официальные, то въ личные и нравственные лѣтописи наши. „Нѣсть бо тайно еже не явится“. Когда придетъ пора этому явленію, и то что пока еще почти современно перейдетъ въ область исторической давности, официальный Жуковский не постыдитъ Жуковского-поэта. Душа его осталась чиста и въ томъ, и въ другомъ званіи. Пока можно сказать утвердительно, что никто не имѣлъ повода жаловаться на него, а что многимъ сдѣлалъ онъ много добра. Разумѣется, въ новомъ положеніи своемъ Жуковский могъ изрѣдка имѣть и темныя минуты. Но когда-же и гдѣ и съ кѣмъ бывають вѣчно ясные дни? Особенно, такія минуты могли падать на долю Жуковского въ средѣ, въ которую нечаянно былъ онъ вдвинутъ судьбою. Впрочемъ не все тутъ было дѣломъ судьбы, или случайности. Призваніемъ своимъ на новую дорогу Жуковский обязанъ былъ первоначально себѣ, то есть личнымъ своимъ нравственнымъ заслугамъ, дружбѣ и уваженію къ нему Карамзина и полному довѣрію Царскаго семейства къ Карамзину. Какъ-бы то ни было, онъ долго, если не всегда, оставался новичкомъ въ средѣ, опредѣлившей ему мѣсто при себѣ. Онъ вовсе не былъ честолюбивъ, въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Онъ и при дворѣ все еще былъ „Бѣлева мирный житель“. Отъ него все еще пахло, чтобы не сказать благоухало, сельскою элегіей, которою началъ онъ свое поэтическое поприще. Но со всѣмъ тѣмъ, онъ былъ щекотливъ, иногда мнительнъ: онъ былъ цвѣтокъ „не тронь меня“; онъ иногда приходилъ въ смущеніе отъ малѣйшаго дуновенія, которое казалось ему неблагоприятнымъ, именно потому, что онъ не родился въ той средѣ, которая окружала и обнимала его, и что онъ былъ въ ней пришлый и такъ сказать чужеземецъ. Онъ, для охраненія личнаго достоинства своего, бывалъ до раздражительности чувствителенъ, взыскателенъ, можетъ быть, иногда и не кстати. Переписка его, въ свое время, все это выскажетъ и обнаружитъ. Но между тѣмъ и докажетъ она, что всѣ эти *маленькія смущенія* были мимолетны. Искренняя,

глубокая преданность съ одной стороны, съ другой уваженіе и сочувствіе были примирительными средствами для скорого и полного возстановленія случайно или ошибочно разстроеннаго равновѣсія.

Мы выше уже сказали, что печальны и тяжки были впечатлѣнія, которыя встрѣтили Жуковскаго въ Парижѣ, въ этой всемірной столицѣ всѣхъ возможныхъ умственныхъ и житейскихъ развлеченій и приманокъ. Вотъ что писалъ онъ Императрицѣ:

Je passerai tout le mois de Juin à Paris; mais je sens que je ne profiterai pas autant de mon séjour, que je l'aurais pu faire avant notre malheur (т. е. смерти Тургенева). Говоря о собственномъ расположеніи своемъ въ эти дни грусти, онъ прибавляетъ: *c'est comme une maladie de langueur, qui empêche de prendre aucun intérêt à ce qui vous entoure* ¹⁾).

Между тѣмъ жизнь беретъ, или налагаетъ свое. Движеніе шумъ и блескъ жизни пробуждаютъ и развлекаютъ человѣка отъ горя. Онъ еще груститъ, но уже оглядывается, слышитъ и слушаетъ. Внѣшніе голоса отзываются въ немъ. Жуковский кое-что кое-кого видѣлъ въ Парижѣ: и видѣлъ хорошо и вѣрно. Не смотря на недолгое пребываніе, онъ понялъ или угадалъ Парижъ. Онъ познакомился со многими лицами, между прочими, съ Шатобрианомъ, съ Кювье, съ философъ и скромнымъ, но прекрасно-дѣятельнымъ филантропомъ Дежерандо. Но болѣе, кажется, сблизился онъ съ Гизо. Посредниками этого сближенія могли быть Александръ Тургеневъ и пріятельница Гизо, графиня Разумовская (иностранка). Впрочемъ самая личность Гизо была такова, что болѣе подходила къ Жуковскому, нежели многія другія извѣстности и знаменитости. Гизо былъ человѣкъ мысли, убѣжденія и труда: не рябилъ въ глаза блесками Французскаго убранства. Онъ былъ серьезенъ, степененъ, протестантъ вѣроисповѣданіемъ и всѣмъ своимъ умственнымъ и нравственнымъ складомъ. Первоначальное образованіе свое получилъ онъ въ Женевѣ. Землякъ его по городу Ниму, извѣстный булочникъ и замѣчательный и сочувственный поэтъ, Ребуль, говорилъ мнѣ: и по слогу Гизо видно, что онъ прошелъ чрезъ Женеву. Гизо былъ человѣкъ возвышенныхъ воззрѣній и стремленій, свѣтлой и строгой нравственности и религіозности. Среди суетливаго и лихорадочнаго Парижа, онъ былъ такое лицо, на которомъ могло остановиться и успокоиться вниманіе путешественника, особенно такого, какимъ былъ Жуковский. Какъ политикъ, какъ министръ, почти управляющій Франціею, онъ могъ ошибаться; онъ ставилъ принципы, не въ мѣру выше дѣйствительности, а человѣческая натура и слѣдовательно человѣческое общество такъ несовершенны, такого слабаго сложенія, что грубая дѣйствительность, *le fait accompli*, совершившееся событіе налагаютъ свою тяжелую и побѣдоносную руку на принципы, на всѣ логиче-

¹⁾ Т. е. я проведу весь Іюнь мѣсяцъ въ Парижѣ, но чувствую, что пребываніемъ своимъ я не воспользуюсь, какъ бы я это сдѣлалъ до нашего несчастья. Это въ родѣ расслабляющей болѣзни, которая не дозволяетъ принимать какое нибудь участіе въ томъ, что дѣлается вокругъ.

скіе расчеты ума и нравственные начала. Но проигравъ политическую игру, онъ за карты уже не принимался: онъ уединился въ своемъ достоинствѣ, въ своихъ литературныхъ трудахъ, въ своей семейной и тихой жизни. Не то что бойкій и богатый блестящими способностями соперникъ и противникъ его по министерской и политической дѣятельности: тотъ также проигрался, но, находчивый и особенно искательный, онъ однакоже не могъ найти себѣ достойное убѣжище въ самомъ себѣ. Вертлявый, легко мѣняющій убѣжденія свои, онъ снова началъ играть по маленькой, чтобы отыгратъся и кончилъ тѣмъ, что связался съ политическими шулерами и опять доигрался до новаго проигрыша, до новаго паденія. Другія видныя лица въ Парижѣ, также не могли особенно привлечь Жуковскаго. Шатобрианъ, не смотря на свои геніальныя дарованія, былъ-бы для него слишкомъ напыщенъ и постоянно въ представительной постановкѣ. Поэтъ Ламартинъ, тогда еще не политикъ, не рушитель старой Франціи и не рѣшитель новой, былъ какъ-то сухъ, холоденъ и чопоренъ. По крайней мѣрѣ таковымъ показался онъ мнѣ, когда позднѣе познакомился я съ нимъ. Малыя сношенія мои, также позднѣе, съ Гизо были однакоже достаточны, чтобы объяснить и оправдать въ глазахъ моихъ сочувствіе къ нему Жуковскаго.

II.

Мы сказали выше, что Жуковскій, хотя и мимоходомъ, но ясно и вѣрно разглядѣлъ Парижъ. Выберемъ нѣкоторыя отмѣтки изъ дневника его.

Камера депутатовъ. Равель, предсѣдатель, благородная, красивая наружность. Предсѣдательствуетъ съ большимъ достоинствомъ и отмѣннымъ навыкомъ. Засѣданіе было не весьма интересно. Взошелъ на кафедру Себастьяни. Онъ ужасно декламировалъ и декламируя горячился. Il parle en acteur. Отъ непривычки къ дебатамъ (преніямъ) Французы видятъ въ трибунѣ сцену, въ себѣ актеровъ, а въ посѣтителяхъ партеръ. Нѣтъ ничего столь мало убѣдительнаго, какъ пышное краснорѣчіе. Одна ясность, одно краснорѣчіе положительное и самобытное (l'éloquence des choses), одно вдохновеніе вспыхнувшее разомъ и неподготовленное, могутъ произвести дѣйствіе и, что называется, de l'effet. Тѣже недостатки, которые господствуютъ въ палатѣ депутатовъ, поражаютъ васъ и въ театрѣ. Съ другой стороны, казалось-бы, что Французы рождены для публичныхъ преній. Никто не ловитъ на лету такъ легко, какъ Французъ, каждую мысль, каждое слово. Я это часто замѣчаю на улицѣ. Спросишь прохожаго о чемъ нибудь: тотчасъ готовъ отвѣтъ, самый короткій, ясный и приличный. Les Français pourraient être très-éloquents, si le désir de produire de l'effet ne détruisait pas l'effet (Французы могли-бы быть очень краснорѣчивы, если бъ желаніе метить на *эффектъ* не убивало эффекта)⁴. Замѣчаніе остроумное и глубоко-вѣрное.

Далѣе: „Сей даръ быстрой понятливости и живой воспримчивости составляетъ главную принадлежность характера ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ недостатковъ. Натура, при этомъ, какъ будто

лишила ихъ потребности углубляться въ предметы, потому что они такъ легко постигаютъ и схватываютъ ихъ. Надобно имѣть большой навыкъ слушать и удерживать въ памяти слышанное, чтобы съ пріятностью слѣдовать за дебатами. Я очень многого не слыхалъ, многого и не слушалъ, а смотрѣлъ на слушающихъ. Изъ министровъ были Виллель, Корбьеръ, Пэроне и Шаброль. На сторонѣ министровъ большинство. Но не смотря на то, во время засѣданій, имъ вѣрѣе достаётся: въ глаза судятъ ихъ безъ пощады. Эти часы должны быть для нихъ тяжелы; но, кажется, они къ этой пытке уже привыкли“.

„Не смотря на свой Гасконскій выговоръ, Виллель говоритъ пріятно, ибо просто, и рѣдко позволяетъ себѣ фразы. Его антагонистъ (Гидъ-де Невиль) горячился какъ ребенокъ“.

„Бенжаменъ Констанъ напоминаетъ Фридриха *). Прекрасный профиль, худоцавъ, нѣсколько неуклюжъ, говоритъ безъ претензіи, но хорошо, ибо также не дѣлаетъ фразъ“.

„Былъ у Дежерандо. Онъ живетъ въ глухомъ переулкѣ. Горница, въ которой мы были, весьма небольшая; стѣны покрыты рисунками видовъ изъ Италіи. Есть и картины, между коими особенно замѣтны Волхвы и Святое Семейство Перужію“. (Жуковский былъ страстный любитель и хорошій знатокъ живописи. Эта любовь встрѣчается и сильно отзывается въ поэзіи его: живописное выраженіе его всегда вѣрно и превосходно). „На столѣ стоитъ прекрасный бюстъ хозяина, работы Кановы, и бронзовой Наполеона, также Кановы. Дежерандо, лице добраго философа. Нѣсколько разсѣянъ и задумчивъ, привлекательной внѣшности. Онъ повелъ насъ въ школу глухо-нѣмыхъ. Пробыли въ ней слишкомъ короткое время: съ охотою Тургенева (Александра) торопиться нельзя ничего видѣть и слышать. Вотъ въ какомъ порядкѣ устроиваются отношенія между наставниками и воспитанниками. Начальныя основанія: языкъ движеній и соединеніе понятій съ письменными знаками. Сами воспитанники выдумываютъ свои знаки. Понятія о временахъ: знакъ рукою впередъ—будущее; знакъ рукою предъ собою—настоящее; знакъ рукою за себя—прошедшее. Въ высшихъ классахъ сами воспитанники помогаютъ учителямъ и служатъ монитерами. Но, что меня наиболѣе поразило, то была дѣвушка глухо-нѣмая отъ рожденія и ослѣпшая на 13-мъ году. Теперь ей болѣе 13-ти лѣтъ. Въ этомъ состояніи полнаго *одиночества*, она не только сохранила первыя воспоминанія, но и приобрѣла новыя понятія. Она счастлива внутреннею жизнью, которая вся религіозная. Правда, она окружена такими людьми, которые могутъ съ нею выражаться посредствомъ осязанія и которымъ можетъ она знаками сообщать мысли свои и отвѣты. Дежерандо взялъ ее за руку. Она его узнала въ минуту и выразила знаками, положивъ руку на сердце, что это онъ. Спросили, любитъ-ли ее Дежерандо. Она отвѣчала утвер-

*) Т. е. живописца Фридриха, которому Жуковский цокровительствовалъ.

дительно и прибавила, что сама очень любить его. Я взялъ ее за руку. Спросили: Кто? Она отвѣчала, что не знаетъ. Знаками сказали, что я учитель Великаго Князя Наслѣдника Русскаго престола. Она поняла.—Спрашивается: что бы она была, есть-ли бы не пользовалась 13 лѣтъ зрѣніемъ? Теперь предметы имѣють для нея нѣкоторую форму; тогда эту форму сообщило-бы ей воображеніе. Они не были-бы сходны съ существеннымъ; но все каждый предметъ имѣлъ-бы свой отдѣльный, ясный знакъ, и все-бы могъ существовать языкъ для выраженія мысли, ощущенія: ибо языкъ есть выраженіе внутренней жизни и отношеній къ внѣшнему. Здѣсь торжествуетъ душа“.

„Былъ на лекціи Вильмена. Превосходно о Генриадѣ и Эпопеѣ. Ораторъ говорилъ о другихъ эпическихъ поэтахъ, представляя ихъ исторію и исторію ихъ генія: изобразилъ то чѣмъ Вольтеръ не былъ и то чѣмъ онъ былъ. Превосходное изображеніе Данте и Камюэнса. Сравненіе Вольтера съ Луканомъ (Латинскій поэтъ, авторъ поэмы: Фарзалия). Вильмень говоритъ: эпическая поэма есть выраженіе мысли всего народа, цѣлой эпохи и вмѣстѣ съ тѣмъ высшее твореніе великаго генія. Происхожденіе Генриады, не вѣкъ Генриха IV, а Вольтеровъ вѣкъ“.

„Поутру писалъ къ Императрицѣ. Обѣдалъ у Гизо.—Французы умѣють схватывать смѣшное и выражать его. Они этимъ наслаждаются. Мистификація есть важное дѣло для Француза, но онъ незлостно-насмѣшливъ (malicieux). У насъ десятой части нельзя того сдѣлать, что дѣлають здѣсь, не бывъ осмѣяннымъ“ (Разумѣется, Жуковскій говоритъ здѣсь не о нравственныхъ поступкахъ, а объ ежедневныхъ явленіяхъ жизни: chez nous on cherche à tourner en ridicule. Ici on est bienveillant: on n'attaque que la prétention). Вотъ также вѣрная и схваченная на лету замѣтка.

Парижъ самый гостепріимный, снисходительный городъ. Хозяева даютъ гостямъ полную волю жить какъ угодно и дѣлать что угодно. Не то что въ Англіи и особенно въ Лондонѣ. Парижъ издавна такое скопище иностранцевъ и завѣзжихъ, что онъ успѣлъ ко всѣмъ и ко всему приглядѣться. Послѣ Лондона, едва-ли не Петербургъ самый взыскательный и самовластительный городъ. Мы иностранцевъ любимъ и во многомъ подражаемъ имъ, простой народъ также къ нимъ привыкъ; но мы вообще готовы подсмѣивать ихъ, во всѣхъ обычаяхъ и поведеніяхъ, которые еще не успѣли у насъ обрусѣть и получить право гражданства. Французъ человекъ веселый; Русскій насмѣшливый. Французъ иногда осмѣиваетъ, но потому, что онъ смѣется; Русскій смѣется потому, что онъ осмѣиваетъ. Но пойдѣмъ опять въ слѣдъ за Жуковскимъ.

„Поутру въ засѣданіи полиціи исправительной (police correctionnelle). Дѣло студентовъ медицины. Предсѣдатель Дюфуръ. Вопросы неясные и сбивчивые. Тонъ грубый. Образъ распросовъ очень пристрастенъ. Неприличіе смѣшивать политическое съ полицейскимъ. Краснорѣчіе Французовъ всегда тенденціозно“.

Жуковскій въ Парижѣ усердно посѣщалъ театры. Онъ вообще любилъ театръ, а въ Парижѣ театръ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь способствуетъ изученію народа, нравовъ, обычаевъ, уровня умственныхъ и духовныхъ силъ и свойствъ современнаго общества. Сказано было, что литература выраженіе общества; это такъ, но не вполне и не всегда. Театръ скорѣе имѣетъ право присвоить себѣ это опредѣленіе. Литература говоритъ, драма дѣйствуетъ. Литература картина, театръ зеркало. Это особенно примѣняется къ Парижу. Въ старину, Расинъ гениально выразилъ царствованіе Людовика XIV-го съ пышностью его, рыцарствомъ, поклоненіемъ женщинъ, со всею его царедворческою обстановкою. Въ вѣкъ Вольтера драма была преимущественно философическая. Нынѣ Корнели, Расины, Мольеры не рождаются. Есть таланты въ обращеніи, но эти монеты до потомства не дойдутъ: онѣ не обратятся въ медали. Нѣтъ уже классическаго чекана, а романтическаго и не бывало. Драмы В. Гюго пародія на романтизмъ. Парижскій театръ нынѣ есть что-то въ родѣ *café chantant*. А между тѣмъ все Парижское народонаселеніе живетъ утромъ политическими журналами, а вечеромъ спектаклями. Одинъ изъ главныхъ представителей нынѣшняго театра, Дюма-сынъ, все вертится около женщинъ полусвѣта, или полумрака, и около седьмой заповѣди. И не такъ, какъ дѣлали старики добраго минувшаго времени, чтобы посмѣяться и поповѣсничать, а съ доктринерскою важностью, съ тенденціозностью, съ притязаніями на ученіе новой нравственности. Уморительно-скучно въ исполненіи: уморительно смѣшно въ преднамѣреніи.

Вотъ нѣкоторыя театральныя выдержки изъ дневника Жуковскаго. Кажется, чуть-ли не въ первый день приѣзда его былъ онъ во Французской оперѣ. „Давали *La prise de Corinthe*, оперу Россини. Музыка оперы прекрасная, но не новая: все слышанное въ другихъ операхъ его. Пѣніе Французовъ, послѣ Итальянцевъ, кажется крикомъ; въ ихъ пѣніи болѣе декламаціи: все что мелодія—крикъ. Но я слушалъ съ удовольствіемъ пѣвца Нурри. Въ игрѣ Французовъ вообще замѣтно желаніе производить эффектъ жестами и ихъ разнообразіемъ. У Нѣмцевъ иногда слишкомъ явное стараніе рисоваться, но игра ихъ вообще проще. Французы скрываютъ свое кокетство лучше, но за то они безпрестанно на сценѣ. Все картина“.

„Балетъ *Josonde*. Танцы прелестны, но болѣе всего апплодируютъ сильнымъ прыжкамъ“.

„Во Французскомъ театрѣ Адамъ и Зенобія (трагедія старика Кребиньона, переведенная у насъ, кажется, Висковатовымъ: „Висковатый предъ Кребиньономъ виноватый“, сказалъ во время оно В. Л. Пушкинъ). Трагедія теперь въ упадкѣ. Дюшенуа произвела надо мною непріятное впечатлѣніе. Она старуха. И не могу вообразить, чтобы когда нибудь могла быть великою актрисою“. (Мнѣніе Жуковскаго не соглашается здѣсь съ общимъ Парижскимъ и почти Европейскимъ мнѣніемъ. Дюшенуа не красива была собою, а между тѣмъ, по отзыву многихъ, соперничала съ красавицею Жоржъ, и въ нѣкоторыхъ роляхъ даже побѣждала ее. Жуков-

скій въ молодости былъ поклонникомъ актрисы Жоржъ, во время бытности ея въ Москвѣ. Можетъ быть, не хотѣлъ онъ и не могъ измѣнить своимъ прежнимъ впечатлѣніямъ и воспоминаніямъ). „Да въ трагедіяхъ Французскихъ нельзя быть актеромъ (то есть *дѣйствующимъ лицомъ*, хотѣлъ сказать Жуковскій). Все дѣло состоитъ въ декламациі стиховъ, а не въ изображеніи всего характера съ его *нюансами*, ибо такихъ характеровъ нѣтъ въ трагедіяхъ Французскихъ. Ихъ лица суть не что иное какъ представители какой нибудь страсти. Какъ въ басняхъ Левъ представляетъ мужество, Тигръ жестокость, Лисица хитрость, такъ на примѣръ Оросманъ, Ипполитъ, Орестъ представляютъ любовь въ разныхъ выраженіяхъ; но характеръ человѣка тутъ не видѣнъ. Отъ этого великое однообразіе въ піесахъ и въ игрѣ актеровъ. Актеръ долженъ много творить отъ себя, чтобы дать своей роли что нибудь человѣческое. Таковъ былъ одинъ Тальма. За трагедіей слѣдовала забавная комедія: *Le jeune mari*. Въ комедіи Французы не имѣютъ соперниковъ. Удивительный *ensemble*“.

Нельзя вниманію не остановиться на меткомъ и бѣглому, но глубоко обдуманномъ сужденіи о Французскомъ театрѣ вообще, и о Французской трагедіи въ особенности. Какъ жаль, что Жуковскій не имѣлъ времени или охоты посвятить себя трудамъ и работкѣ критики. Изъ него вышелъ-бы первый, чтобы не сказать единственный учитель нашъ въ этой важной отрасли литературы, которая безъ нея почти мертвый, или неоцѣненный капиталъ.

„Меропа. Засталъ послѣднюю сцену и не пожалѣлъ. M-lle Duchepois не говоритъ моему сердцу. Дебютантъ Varlé (кажется такъ, въ рукописи не хорошо разберешь) въ роли Эгиста—несносный крикунъ. За то и партеръ безъ вкуса. Аплодируютъ тому что надобно освистывать. Имена была какъ бѣшеная въ описаніи того, что происходило во храмѣ, что совершенно противно натурѣ. А партеръ все таки хлопаетъ, ибо каждый стихъ отдѣльно былъ выражень съ пышностью. Франція не имѣетъ трагедіи; она во гробѣ съ Тальмою: онъ одинъ оживлялъ пустоту и сухость напыщенныхъ Французскихъ трагедій“. О Тальмѣ Жуковскій говоритъ на основаніи общинъ отзывовъ и сужденій о превосходной и новыми понятіями обдуманной игрѣ этого актера. Застать его онъ уже не могъ: Тальма умеръ въ 1826 году.

Возвращаясь къ несочувственнымъ впечатлѣніямъ Жуковскаго, скажу и я, по воспоминаніямъ молодости, что игра актрисы Дюшенуа могла и не нравиться Жуковскому, особенно въ роли Меропы, потому что m-lle Georges была великолѣпна именно въ этой роли.

(Хотя и не совсѣмъ кстати, а не могу утерпѣть, не передать здѣсь одно преданіе. Одна Московская барыня, восхваляя Жоржъ, говорила, что особенно поражена она была вдохновеніемъ и величавостью ея, когда въ роли Федры сказала она:

Méropé est à vos pieds).

„Давали *La dame blanche*. Музыка Бюльдьѣ прелестная, но піеса глупая“.

„Театръ Федо. *L'amant jaloux*. Музыка Гретри. (Представленная въ первый разъ въ 1778 г.). Музыка еще не устарѣла“.

„Въ *Théâtre Français: Le Cid*. Почтенный старикъ Корнель. Простота и сила его стиховъ. Нѣтъ характера. Одни отрывки. Всѣ говорить поочереды. Многое прекрасно, часто не къ мѣсту. Послѣ комедія: *Les trois quartiers*. Простодушіе Жоржеты, благородная вѣжливость графини, пошлость негоціанта, безцеремонность банкира (*ton dégagé*), пошлость и плоскость выскочки (*parvenu*), гибкость прихлебателя (*la souplesse du parasite*), все было выражено въ совершенствѣ. Смотрѣть и слушать истинное наслажденіе“.

Этимъ заключимъ мы выдержки изъ Парижскаго дневника Жуковскаго. Разумѣется, видѣлъ онъ все что только достойно вниманія: бібліотеки, музеи, картинныя галлерей; тутъ онъ съ любовью смотритъ и записываетъ все, что видѣлъ — зданія, храмы, различныя учрежденія и проч. Дневникъ его не систематическій и не подробный. Часто отмѣтки его просто кольца, которые путешественникъ втыкаетъ въ землю, чтобы означить пройденный путь, если придется ему на него возвратиться, или заголовки, которыя записываетъ онъ для памяти, чтобы послѣ на досугѣ развить и пополнить. Можетъ статья, Жуковскій имѣлъ намѣреніе собрать когда нибудь замѣчанія и впечатлѣнія свои и составить изъ нихъ нѣчто цѣлое. Не рѣдко встрѣчаются у него отмѣтки такого рода: „у Свѣчиной: разговоръ о Пушкинѣ“. „Съ Гизо о Французскихъ мемуарахъ“. Тутъ-же: „Онъ вызвался помочь мнѣ въ пріисканіи и покупкѣ книгъ“. „Разговоръ о политическихъ партіяхъ: крайняя лѣвая сторона подъ предводительствомъ Лафайета, Лафита, Бенжаменъ-Констана. Крайняя правая сторона: аристократія согласна сохранить хартію, но съ измѣненіями. За республику большая часть стряпчихъ, адвокатовъ, врачей, особенно въ провинціи“.

Иногда ограничивается онъ именными списками. Напримѣръ:

„Обѣдъ у посла. Комната съ Жераровыми амурами (Gerard знаменитый Французскій живописецъ). Портретъ Государя Доу. Великолѣпный обѣдъ. Вилгель, Дамась, Корбьеръ, Клермонъ-Тоннеръ, Талейранъ; фельдмаршалъ Лористонъ, Папскій нунцій, весь дипломатическій корпусъ; изъ Русскихъ: Чичаговъ, Кологривовъ (братъ кн. Александра Николаевича Голицына), кн. Лобановъ (вѣроятно извѣстный нашъ бібліофилъ и собиратель разныхъ коллекцій), Дивовъ, князя Тюфякинъ, Долгоруковъ, графъ Потоцкій“.

Жуковскій не лѣнивъ былъ сочинять, но писать былъ лѣнивъ, напримѣръ письма. Работа, руководѣлье писанія были ему въ тягость. Съ начала велъ онъ дневникъ свой довольно охотно и горяче; но позднѣе этотъ трудъ потерялъ прелесть свою. Замѣтки его стали короче, а иногда и однословны. Это очень понятно. Кажется, надобно имѣть особенное сложеніе, физическое и нравственное, совершенно особую натуру, чтобы постоянно и акуратно вести свой дневникъ, изо дня въ день. Не каждый одаренъ свойствомъ пріятели Жуковскаго, Александра Тургенева: этотъ прилежно записывалъ каждый свой шагъ, каждую встрѣчу, каждое слово имъ слы-

шанное. Къ нему также примѣняется мѣткое слово Тютчева о другомъ нашемъ любознательномъ и методическомъ пріятелѣ: „Подумаешь, что господь Богъ поручилъ ему составить инвентарій мірозданія“. Въ журналахъ-фоліантахъ, оставленныхъ по себѣ Тургеневымъ, вѣроятно можно было-бы отыскать много поясненій и пополненій къ краткому дневнику Жуковского.

Выписываемъ еще одну замѣтку, которая не вошла въ рамы вышеприведенныхъ выдержекъ; но она, кажется довольно оригинальна.

„Палероляль есть нѣчто единственное въ своемъ родѣ. Это обращикъ всей Французской сивилизаціи, всего Французскаго характера. Взгляни на афиши и познакомишься съ главными нуждами и сношеніями жителей; взгляни на товары—получишь понятіе о промышленности; взгляни на встрѣчающихся женщинъ и получишь понятіе о нравственной физиономіи. Колонны Палероляля, оклеенныя афишами, могутъ познакомить съ Парижемъ. Удивительное искусство привлекать вниманіе размѣщеніемъ товаровъ и даже наклеюкою афишъ“.

Совершенно вѣрно и понынѣ. Французы мастера хозяйничать и устраиваться дома. Они, кажется, вѣтренны; но порядокъ у нихъ, часто ими разстроенный, снова и скоро восстанавливается, по крайней мѣрѣ въ вещественномъ, высшемъ отношеніи. Послѣ Іюльской революціи 30-го года, Пушкинъ говорилъ: „Странный народъ! Сегодня у нихъ революція, а завтра всѣ столоначальники уже на мѣстахъ, и административная машина въ полномъ ходу“.

Поговорка: товаръ лицомъ продается, выдумана у насъ, но обращается въ дѣйствительности у Французовъ. Въ торговлѣ примѣняется она у насъ только къ обману и къ надувательству; но вообще она мертвая буква. Мы и хорошее не умѣемъ приладить къ лицу. О худомъ и говорить нечего: мы не только не способны скрасить его, а еще угораздимся показать его хуже чѣмъ оно есть.

Быть въ Парижѣ, посѣщать маленькіе театры и не затвердить нѣсколько каламбуровъ, дѣло не сбыточное. Вотъ и ихъ занесъ нашъ путешественникъ въ свой дневникъ. Для соблюденія строгой точности и мы впишемъ ихъ въ свои выдержки.

Въ комедіи: Глухой или полная гостинница, актеръ спрашиваетъ:

Que font les vaches à Paris?
—Des vaudevilles (des veaux de ville).
Quel est l'animal le plus âgé?
—Le mouton, car il est l'ainé.
(laine, шерстистый)“.

Жуковский не пренебрегалъ этими глупостями. И самъ бывалъ въ нихъ искусникъ.

Теперь заключимъ переборку нашу выпискою, въ которой показывается не Парижскій Жуковский, а просто человекъ. Вся замѣтка не многословная, но знаменательная и характеристическая:

„Споръ съ Тургеневымъ и моя безсовѣстная вспыльчивость“.

За что былъ споръ, неизвѣстно; но по близкому знакомству съ обоими, готовъ я поручиться, что задирщикомъ былъ Тургеневъ. Жуковский, въ увлеченіи пренія, иногда горячился; но Тургеневъ, безъ прямой горячности въ спорѣ, позволялъ себѣ сознательно и умышленно быть иногда задорнымъ и колкимъ. Онъ, какъ будто, признавалъ эти выходки принадлежностями и обязанностями независимаго характера. Эта стычка между пріятелями не могла, разумѣется, оставить по себѣ злопамятные слѣды. Но покаяніе добраго и мягкосердаго Жуковского въ *безсовѣстной вспыльчивости* невольно напоминаетъ мнѣ басню Лафонтена, въ переводѣ Крылова: Моръ Звѣрей. Смиренный и совѣстливый Волъ кается:

„Изъ стога у попа я клокъ сѣнца стянулъ“.

Теперь придется и мнѣ сдѣлать предъ читателемъ маленькую исповѣдь, какъ для очистки своей совѣсти, такъ въ особенности для очистки Жуковского. Нѣкоторыя изъ бѣглыхъ замѣтокъ его писаны на Французскомъ языкѣ. Впрочемъ ихъ немного. Не знаю, какъ и почему, въ работѣ моей, переводилъ я ихъ иногда на бѣло порусски. Нечего и говорить, что я строго держался смысла подлинника; но, вѣроятно, выражалъ я этотъ подлинникъ не такъ, какъ-бы выразилъ его самъ Жуковский. Въ томъ нижайше каюсь.

Дневникъ Жуковского кое-гдѣ иллюстрированъ рисунками или набросками пера его: такъ, напримѣръ Théâtre Français и другіе очерки, которые трудно разобрать. Вообще Жуковский писалъ, хотя и некрасиво, но четко, когда прилагалъ къ тому стараніе; но про себя писалъ онъ часто до невозможности неразборчиво.

Князь Вяземскій.

Гомбургъ предъ высотами
Февраль 1876.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ А. С. ХОМЯКОВЪ.

По поводу напечатаннаго въ Русскомъ Архивѣ письма А. С. Хомякова къ графу Ростовцову объ отмиѣнѣ крѣпостнаго права въ Россіи (1876, I, 277—296), въ памяти моей возникла во всей своей цѣльности привлекательная и обаятельная личность Алексѣя Степановича, въ знаменательное для Россіи время послѣ Крымской войны, въ дни вѣнчанія на царство Государя, въ пору намѣчавшихся преобразованій, для которыхъ добрый и бодрый труженникъ внесъ въ область Русской мысли столько свѣтлыхъ лучей, но которыхъ осуществленія ему не судилъ Богъ дождать-ся (Хомяковъ умеръ 23 Сентября 1860).

Кто изъ насъ не помнитъ его оживленной бесѣды, его быстрыхъ, всегда мѣткихъ отзыовъ, его живаго, всегда, даже въ шуткѣ, осмысленнаго и властнаго слова; его малаго, умнаго лица, такъ свѣтло выглядывавша-

го изъ подъ спутанной прически, поверхъ коричневаго халата, часто открывавшагося при быстрыхъ движеніяхъ, сопровождавшихъ бойкую рѣчь; подвижность его чертъ, эту хорошую его улыбку и добро-смѣющіеся глаза.

Хорошъ онъ былъ въ Августѣ и Сентябрѣ 1856 г., когда звучала, звѣнѣла, дробилась и лилась его рѣчь въ маленькомъ кабинетѣ, въ обществѣ со всей Россіи собравшихся людей, легко дышавшихъ въ очищенномъ Крымскою грозой воздухѣ, вѣровавшихъ и убѣжденныхъ въ близости всего добра, осуществившагося въ двадцать протекшихъ съ того времени лѣтъ. Въ этотъ маленький кабинетъ Хомяковского дома на Собачьей площадкѣ приливалъ въ то время весь дѣловой умъ Русской земли. *Крылостники* и *Декабристы*, которыхъ Хомяковъ считалъ впрочемъ солидарными между собою; *Тотлебенъ*, съ рассказомъ о корпусномъ начальникѣ, нашедшемъ свою часть разстроенною послѣ войны, въ смыслѣ фронта, и увѣрявшемъ, что вотъ теперь-то начинается служба, и что онъ всѣхъ ихъ подтянетъ; князь *В. И. Васильчиковъ*...; *Н. В. Шеншинъ*, съ впечатлѣніями Финляндскихъ шкеръ и Севастополя и съ постоянной сердечной заботой кому нибудь оказать пользу; Графъ *А. К. Толстой*, съ повѣствованіемъ о неудачной просьбѣ оставить ему, при свитскихъ аксельбантахъ, ополченскій кафтанъ. Взрывъ хохота при рассказѣ милаго хозяина о томъ, какъ графъ *А. А. Закревскій* прислалъ отобрать отъ него подписку, чтобы онъ не являлся въ публику въ неприличномъ нарядѣ (ген. губернаторъ разумѣлъ отечественную одежду, которую такъ уважалъ, за ея климатическую пригодность, Алексѣй Степановичъ). Преосв. *Иннокентій* Херсонскій съ ясною и изящною рѣчью о необходимости разумныхъ дѣйствій по отношенію къ приднаицкимъ старообрядцамъ, при отходѣ отъ насъ всего Придуная.... Въ живописныхъ народныхъ одеждахъ послы отъ Болгарскихъ поселеній, стѣвившихъ столько пота и крови, а намъ столько заботъ и денегъ и оторванныхъ отъ Русскаго владѣнія вмѣстѣ съ приднаицкою Бессарабіей, вмѣстѣ съ крѣпостями, взятыми Суворовымъ, вмѣстѣ съ памятникомъ близъ Волканешти, воздвигнутымъ побѣдѣ графа Румянцева. *Кто-то* изъ Виленскихъ помѣщиковъ, увѣрявшій, что крестьянъ нужно освободить безъ земли, ибо безъ пролетаріата не разовьется въ Россіи сельское хозяйство, при чемъ онъ совершенно степенно доказывалъ, что мужику большой надѣлъ будетъ обременителенъ и что мужикъ долженъ непременно ѣсть хлѣбъ съ мякиною: ибо, при неимѣніи мяса, мякина совершенно его замѣнитъ, заключая въ себѣ достаточное количество фосфорина.

Я далеко убѣждалъ съ воспоминаніями, но они не безъ связи съ тѣмъ, что мнѣ особенно напомнило напечатанное въ Русскомъ Архивѣ письмо *А. С. Хомякова* объ отмѣнѣ крѣпостнаго права въ Россіи.

Шла зима 1857—1858 года. По всей Россіи уже разнесся благовѣсть Высочайшихъ рескриптовъ либеральнѣйшимъ Виленчукамъ, по поводу высказаннаго ими черезъ *В. И. Назимова* желанія освободить крестьянъ отъ подданства (и отъ земли). За Вильною высказался Петербургъ. Въ Москвѣ праздновались высочайшіе рескрипты. Помнится, время было ужасно похоже на Свѣтлое Воскресенье. Движеніе въ городѣ, и ѣзда, и разговоры были чрезвычайныя.

У *В. А. Кокорева* былъ данъ памятный обѣдъ, первый торжественный обѣдъ съ рѣчами. На этотъ обѣдъ повезъ меня Алексѣй Степановичъ и, познакомивъ съ хозяиномъ, сталъ (какъ теперь помню, возлѣ двери въ столовую) знакомить съ бывшимъ Декабристомъ *М. М. Нарышкинымъ*, только что возвратившимся изъ долгаго отсутствія.

Въ большомъ кабинетѣ, обращенномъ въ столовую, ярко освѣщенную, съ портретами, въ цвѣтахъ, Государя Императора и Государя Цесаревича, длинный, покоемъ, обѣденный столъ, сверкавшій серебромъ и хрусталемъ. Чуть ли не съ перваго кушанья Шампанское, задравія и рѣчи. Рѣчи М. П. Погодина, А. И. Кошелева, Ю. Э. Самарина, А. Н. Карамзина, самаго хозяина, и другихъ, и другихъ. На право отъ меня сидѣли князь Ю. А. Оболенскій, Алексѣй Ивановичъ Нарышкинъ и потомъ новый мой знакомый Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ, который, по часту, перегнувшись чрезъ раздѣлявшихъ насъ собесѣдниковъ, подъ шумъ говора, обращалъ ко мнѣ свою живописную рѣчь, полную воспоминаній объ обстоятельствахъ тридцатилѣтней жизни въ далекой ссылке, при чемъ онъ указывалъ на великую разницу въ общественныхъ условіяхъ тогда и теперь, и вспоминалъ съ грустію о умершихъ сожителяхъ, не дождавшихся зари наступающаго дня. И, при одномъ изъ самыхъ восторженныхъ задравій В. А. Кокорева, старецъ-Нарышкинъ протянулъ ко мнѣ, чрезъ сосѣдей насъ раздѣлявшихъ, свой бокалъ, приглашая выпить „въ память тѣхъ, которые были родителями мысли, нынѣ получающей право гражданства и готовой осуществиться“.—Полно, полно, дядюшка, остановилъ его Алексѣй Ивановичъ: вовсе не того хотѣли они тогда.—„Да и не могли додуматься до земельного надѣла (подхватилъ Алексѣй Степановичъ) люди, знакомые съ одною безземельною, *макинною* свободою, образцовъ коей они насмотрѣлись въ Конгресовкѣ и въ ея воспріемницѣ отъ латинства—Европѣ“.

Дня чрезъ два, утромъ, пришелъ я къ Алексѣю Степановичу и засталъ его лежащимъ.

„Я провелъ бессонную ночь (началъ онъ тотъ же часъ); думалъ, думалъ, и дошелъ почти до лихорадки. Все сочинялъ манифестъ, который бы я, на мѣстѣ верховной власти, издалъ по случаю освобожденія крестьянъ. Я началъ бы такъ: „Дворянство проситъ освободить крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ... Оно, понимаете, и не проситъ вовсе о томъ; но вотъ гдѣ проявляется польза и сила самодержавія. Верховная власть спасаетъ свое вѣрное дворянство отъ всякихъ случайностей и ставитъ его на ноги, ставитъ его высоко въ глазахъ его собственныхъ, и въ глазахъ всего земства“. И Хомяковъ принялся, съ цифрами и доводами, излагать весь планъ одновременнаго, безпереходнаго состоянія—ибо слово *переходъ* можетъ темныхъ людей ввести въ заблужденіе (пояснялъ онъ, шурясь въ усмѣшку),—планъ скорого и осторожнаго перевода всѣхъ крестьянъ изъ состоянія крѣпостнаго въ состояніе свободныхъ общинныхъ землевладѣльцевъ, съ удовлетвореніемъ помѣщика соотвѣтственно выкупною суммою. „И землевладѣніе, понимаете, да еще и общинное, необходимо, чтобы избавить крестьянъ отъ искушенія макинной свободы, а насъ всѣхъ отъ исключительно-грошовыхъ отношеній къ освобождаемому крестьянству“...

Я слушалъ, слушалъ и, вспомнивъ все огромное большинство „непросящихъ“, замѣтилъ: „А развѣ насъ не тревожитъ мысль о противодѣйствіяхъ, недовольствѣ, опасности“?..

—Противодѣйствіе? Недовольство?—И Хомяковъ всѣмъ лицомъ засмѣялся. „Случалось вамъ вѣрно въ хорошее Октябрьское утро назжать рысака? Вспомните: по гладкой, замерзшей полевой дорогѣ, сильно влача бѣговья дрожки, полный хомомъ несется красивый, гордый своимъ бѣгомъ рысакъ. Звонко, въ лады, безъ перебора, отбиваютъ его копыта по твердой почвѣ. Впереди, за канавою, на озими, скрипитъ зубами, жуя сочную зелень, стадо барановъ. Заслышавъ бѣгъ, все стадо поднимаетъ

и поворачиваетъ головы, продолжая жевать; выступаетъ передовой, и тоже жуя, и тоже испуганно глядя на приближающагося красавца, безознательно топаютъ ножкой; и все стадо, въ ладъ, принимается топать ножками. Уже рысакъ давно промчался, а бараны все еще глядятъ ему во слѣдъ, жуютъ, жмутся другъ къ другу, и все топаютъ, топаютъ... топаютъ"....

А. Рачинскій.

Москва, 18 Апрѣля 1876.

ЕЩЕ О ДНЕВНИКѢ ХРАПОВИЦКАГО.

Письмо къ издателю Русскаго Архива.

Благодарю васъ за отвѣдъ вашу о ДневникѢ Храповицкаго. Но позвольте высказать и разномысліе съ вами касательно того обстоятельства, что будто бы первый издатель, Свиньинъ, печаталъ Дневникъ съ *черновыхъ замѣтокъ Храповицкаго*. Нѣтъ, я вполне убѣжденъ, что Свиньинъ печаталъ по той же самой рукописи, по которой напечатано мое изданіе. Разница только въ томъ, что Свиньинъ не стѣснялся *исправлять* тѣ мѣста, которыя ему казались непонятными, отчего и произошли разнорѣчія съ моимъ изданіемъ. Что же касается до возможности существованія черновыхъ замѣтокъ, то это мы знали и „безъ трудолюбиваго изыскателя“, якобы достигшаго „весьма важнаго и несомнѣннаго вывода“. Но вѣдь эти черновыя замѣтки не дошли до насъ. Само собою разумѣется, еслибы я ихъ имѣлъ, то и сличилъ бы съ бѣловою рукописью. Засаривать же изданіе измышленіями Свиньина и послѣдующихъ переписчиковъ и такъ называемыхъ критиковъ, я счелъ неприличнымъ, хотя сличеніе съ двумя прежними изданіями мною сдѣлано и хранится въ моихъ бумагахъ. Самъ г-нъ Брикнеръ намъ наглядно показываетъ, какъ образуются варьянты въ копіяхъ противъ подлинника. Возьмемъ примѣръ изъ его послѣдней брошюры. Въ подлинникѣ стоитъ (подъ 29 Маемъ, 1789 г.) „*Готтисантъ*“; но историкъ Шведской войны находитъ это мѣсто несуществующимъ и съ важностью замѣчаетъ: „Въ изданіи г. Барсукова „*Готтисантъ*“, мѣсто, котораго не достаетъ въ объяснительномъ указателѣ и какъ, кажется, „*вообще въ Географіи*. Въ изданіи Свиньина и Геннади правильно *Готландъ*.“ Разумѣется, г. Барсуковъ, относящійся къ дѣлу изданія механически, опять станетъ оправдываться тѣмъ, что-де сдѣлать въ подлинникѣ такъ. „Но не слѣдуетъ ли въ подобныхъ случаяхъ *исправлять* такіе lapsus calami Храповицкаго?“ Что же оказывается? Въ очень распространенномъ Географическомъ Словарѣ Риттера (Leipzig, 1848) всякій можетъ найти это несуществующее въ Географіи мѣсто: *Gotska-Sandoë, schwedische Insel, bei Gottland, mit zwei kl. Orten*. Я. К. Гротъ написалъ мнѣ это мѣсто пошведски: *Gottsjosand; sjo* произносится какъ *ше*, и выдетъ „*Готтисантъ*“, какъ стоитъ въ моемъ изданіи. Вотъ вамъ и исправляй подлинникъ! Я уже не стану говорить о другихъ Брикнеровскихъ варьянтахъ, какъ напр. Колинскій караванъ, Бильярдная комната, банкиръ и пр.

Николай Барсуковъ.

7 Апрѣля 1876 Спб.

Пятьдесят писемъ *А. С. Пушкина* къ князю *П. А. Вяземскому* (1816—1831) съ новыми стихами *А. С. Пушкина*.—Записки *Мессельера* о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759.—Письма *лорда Мальмбюри* о Россіи въ царствованіе *Екатерины II*-й. Записки *князя Федора Николаевича Голицына*.—Записки *Хршонцевскаго* (1770 — 1820). Переводъ съ Польской рукописи.—Записки *Ильи Федоровича Тимковскаго*.—Изъ Записокъ *Николая Ивановича Лорера* (Декабристы на Кавказѣ).—Воспоминанія *графини А. Д. Блудовой*. 1831 годъ. Польскій мятежъ и первая холера.—Уроки исторіи: двѣ статьи *Д. И. Илювайскаго* (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя *В. О. Одоевскаго*.

1874 ГОДЪ. *Книга вторая.* Ковчина и духовное завѣщаніе графа *М. П. Бестужева-Рюмина*.—Два письма *Д. В. Волкова* къ *Г. Г. Орлову* о *Петрѣ Третьемъ*.—Секретные рескрипты *Екатерины Второй* князю *Потемкину*.—Предположенія *князя Потемкина* о Польскихъ дѣлахъ съ замѣтками *Екатерины Второй*.—Планъ *князя Потемкина* о наборѣ національныхъ войскъ въ Польшѣ съ замѣтками *Екатерины Второй*.—Канцлеръ князь *Безбородко* (Опытъ разработки матеріаловъ для его біографіи) *Н. И. Григоровича*.—Черта Русской политики въ послѣдніе дни XVIII вѣка. Письмо *императора Павла* къ *С. А. Колычову* и тайный наказъ о переговорахъ съ *Бонапартомъ*.—Два письма *графа Н. И. Панина* къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія *Александра Павловича*.—Два письма изъ Лондона отъ *графа С. Р. Воронцова* къ графу *Н. П. Панину* и къ императору *Александру*.—Изъ Записокъ *Н. И. Лорера* (Декабристы на Кавказѣ). Съ приложеніями стиховъ *А. С. Пушкина*, *князя А. И. Одоевскаго* и письма *А. О. фонъ-деръ Бригена* о Минихѣ въ Сибири.—Статья *И. В. Кирѣевскаго* о *Баратынскомъ* съ предисл. *Н. А. Елагина*.—Семь шуточныхъ стихотвореній *С. А. Соболевскаго*.—Незнанные стихи *О. И. Тютчева*.—Еще стихи *О. И. Тютчева* (Какъ ни бѣсилось злорѣчье).—*Федоръ Ивановичъ Тютчевъ*. Статья *И. С. Аксакова*. Съ гравированнымъ портретомъ *Тютчева*.

ПЕРЕСЫЛКА КАЖДОЙ КНИГИ ЗА ТРИ ФУНТА, СМОТРЯ ПО РАЗСТОЯНІЯМЪ.
ВЫПИСЫВАЮЩІЕ НЕ МЕНѢ ДВУХЪ КНИГЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ
ПРИЛАГАЮТЬ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1876 ГОДА
(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1876 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получить Русскій Архивъ въ 1876 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Лица, подписавшіяся на Русскій Архивъ въ книжномъ магазинѣ Базунова въ Петербургѣ, благоволятъ доставить въ Контору Русскаго Архива подписныя вѣтанціи вмѣстѣ съ своими адресами.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается исключительно въ Гостинномъ Дворѣ, въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя годовыя изданія Русскаго Архива 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 годовъ. Прежніе годы Русскаго Архива (1864—1870) можно получать въ С.-Петербургѣ, на Апраксиномъ дворѣ, у книгопродавца Ваганова.

Отдѣльныя тетради Русскаго Архива не продаются, но отдѣльные томы (въ каждомъ по четыре тетради) можно получать, платя по **три** рубля за каждый томъ.

Заграничные подписчики къ вышеозначенной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи **2** р. **50** к.

Контора Русскаго Архива отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку изданія городскимъ подписчикамъ и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Контору Русскаго Архива (Москва, Никитскій бульваръ, домъ Дюгамеля), съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ или станція.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается—**64** к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — **50** к., и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранныя — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Контору, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующей тетради изданія.

РУССКОЙ АРМИИ

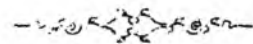
1876. 6.
ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеновымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Бумаги князя Сергія Федоровича Голицына (Письма и рескрипты Екатерины II-й, Павла и Александра I-го; письма Потемкинскихъ, Суворова, князя Прозоровскаго и др.). Стр. 129.
2. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе *А. И. Попова*. Глава V. (Успѣхи Наполеона прекратить грабѣжъ.—Французы не знаютъ, гдѣ Русская армія.—Опасеніе Наполеона.—Управленіе городомъ.—Д'Орперрь.—Скудость продовольствія.—Г. Н. Кольчугинъ.—Смотры войскъ въ Кремлѣ.—Маршалъ Викторъ.—Сень-Спръ и Макдональдъ.—Планъ отступленія.—Поляки-шіоаны.—Театральныя представленія.—Врѣхъ-провожденіе Наполеона.—Сужденія его о Петрѣ Великомъ.—Богослуженіе въ Московскихъ церквахъ). Стр. 161.
3. Выдержки изъ Старой Записной Книжки, начатой въ 1813 году (Нѣмцы въ Царицынѣ.—Воспоминанія о Палестинѣ.—Дельвигъ и планъ его повѣсти.—Затѣйливый помѣщикъ.—Крыловъ и Гейдичъ.—Искаженія Французской рѣчи.—П. И. Кутузовъ.—Заставы). Стр. 200.
4. Еще о кредитныхъ учрежденіяхъ Воспитательнаго Дома (Присяга овекуновъ.—Служба безъ жалованья.—Сохранная Казна передъ ея закрытіемъ). *Д. Д. Филимолова*. Стр. 219.
5. Нѣсколько словъ о Сперанскомъ. Изъ письма къ академику Гроту *Д. С. Протопопова*. Стр. 225.
6. По поводу воспоминаній Т. П. Насека. Замѣчанія *Д. Д. Гологвастова*. Стр. 231.
7. Черты изъ жизни А. С. Пушкина. Стр. 236.
8. Арестъ и ссылка поручика Богданова. Извлечено изъ подлиннаго дѣла *И. Якунина*. Стр. 237.

(См. на оборотѣ, о Русскомъ Ловлѣ прѣжнихъ годовъ).

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРѢЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1876.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать слѣдующія книги Русскаго Архива прежнихъ годовъ.

Главнѣйшія статьи въ нихъ здѣсь исчисляются.

1872 ГОДЪ. *Книга первая.* (Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго.—Записка графа Нессельрода о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира.—Мишпѣ и Пожарскій, статьи И. Е. Забѣлина.—Воспоминанія А. Н. Аванасьева. — Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и пр.). Цѣна **4** рубля.

1872 ГОДЪ. *Книга вторая* (Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ.—Письма Поздѣева. — Письма графа С. Р. Воронцова къ графу Ѳ. В. Ростовчину.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки.—Письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за десять лѣтъ и пр.). Цѣна **3** рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга первая* (Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о Франціи, князя Куракина, 1810 г.—Письма Жуковскаго о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича.—Письмо женхв-Пушкппа къ его тещѣ.—Политическія записки Ѳ. И. Тютчева.—Записки графа П. Х. Граббе.—Записки Н. И. Греча.—Записки графа І. П. Ростовцева.—Записки И. П. Сахарова. — Записки И. А. Шестакова). Цѣна **4** рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга вторая* (Записки Фокерода о Петрѣ Великомъ. — Бумаги П. А. Демидова. — Е. И. Нелидова. — Донесенія изъ Франціи графа А. И. Маркова. — Записки о 1812 годѣ, П. А. Тучкова. — Записки Фотія. — Записки А. Я. Стороженки.—Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Россія и Германія, статья Ѳ. И. Тютчева. — Замѣчанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича на сочиненіе г-на Берга о Польскихъ заговорахъ.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки). Цѣна **4** рубля.

1874 ГОДЪ. *Книга первая.* Осьмнадцать писемъ В. А. Жуковскаго къ Императрицѣ Александрѣ Феодоровѣ (1826 — 1839) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—

(См. на слѣд. страницѣ обертки).

БУМАГИ КНЯЗЯ СЕРГЪЯ ФЕОДОРОВИЧА ГОЛИЦЫНА.

Бумаги князя Сергѣя Феодоровича Голицына доставлены въ Русскій Архивъ роднымъ и старшимъ въ родѣ правнукомъ его, княземъ Григоріемъ Сергѣевичемъ Голицынымъ, нынѣ командиромъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка. Они сохранились въ переплетенныхъ тетрадахъ, приведенныя въ порядокъ еще въ 1810 году старшимъ сыномъ первого владѣльца ихъ, княземъ Григоріемъ Сергѣевичемъ Голицынымъ.

Читатели Русскаго Архива уже нѣсколько знакомы съ княземъ С. Ѳ. Голицынымъ по письмамъ къ нему графа Г. И. Чернышева, писаннымъ въ 1790 году, во время осады Измаила, и напечатаннымъ въ 1871 году нашего изданія. Князь Сергѣй Феодоровичъ, прямой правнукъ славнаго боярина, дядьки Петра Великаго, князя Бориса Алексѣевича, по происхожденію своему и по родственнымъ связямъ, принадлежалъ къ замѣтнѣйшимъ лицамъ Русскаго общества во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Онъ родился 20 Августа 1748 года отъ статскаго совѣтника, президента Ямской Канцеляріи, князя Феодора Сергѣевича (1714—1770) и графини Анны Григорьевны Чернышовой. Знатность старинная соединялась тутъ съ новою знатью, созданною переворотомъ Петровскаго преобразованія: Чернышovy, дѣти денщика Петра Великаго, при Елисаветѣ были людьми близкими къ царскому семейству, по связи матери ихъ (ур. Ржевской) съ преобразователемъ: въ потѣхахъ его она принимала видное участіе. Въ прошломъ столѣтіи, старой допетровской знати приходилось обновляться брачными союзами съ людьми новыми, которые поднялись по службѣ или по близости къ Петру Великому: Румянцовы и Чернышovy роднятся съ Голицыными, Суворовы съ Прозоровскими, Панины съ Куракиными, Олсуфевы съ Самтыковыми и пр.

Родство много тогда значило, а безпрестанныя войны подавали случай отличиться, воспитывая бодрость и молодечество въ боярскихъ правнукахъ. Къ этимъ преимуществамъ происхожденія въ князѣ С. Ѳ. Голицынѣ присоединялись прекрасныя личныя качества. Онъ былъ храбръ, добродушенъ, гостепріименъ, отличный товарищъ, добрый начальникъ. При Екатеринѣ, родной племянникъ графа Захара, президента Военной Коллегіи, быстро пошелъ по службѣ, и мы видимъ его премьеръ-майоромъ Преображенскаго полка, въ которомъ полковникомъ была сама Государыня. Когда графъ Чернышовъ сошелъ со сцены и отправился управлять Бѣлоруссіею, счастливая судьба дала князю С. Ѳ. Голицыну новаго еще болѣе сильнаго покровителя въ князѣ Потемкинѣ, на любимой племянницѣ котораго онъ женился (1778). Вторая Турецкая война проявила блестящія и самостоятельныя воинскія его дарованія: онъ главный участникъ Мачинской побѣды и главный подручникъ князя Репнина. Съ симъ послѣднимъ пришлось ему потомъ дѣйствовать въ Польшѣ, во время конвульсивныхъ движеній ея, кончившихся взятіемъ Праги. При Александрѣ Павловичѣ князь Голицынъ былъ генералъ-губернаторомъ Прибалтійскаго края. Во время народнаго ополченія 1806 года онъ завѣдывалъ цѣ-

лымъ округомъ; а въ 1809 году, во время междуумочной войны съ Австріей, былъ главнокомандующимъ. Внезапная кончина застигла его въ этомъ званіи, 10 Января 1810 года, въ Галиціи, въ городѣ Тарнополь. Похороненъ онъ рядомъ съ супругою своею Варварою Васильевною въ Саратовской губ., Балашевскаго уѣзда, въ селѣ Зубриловкѣ.

Историкъ, желающій ближе всмотрѣться въ то время, къ которому принадлежала дѣятельность князя С. О. Голицына, найдетъ въ нижеслѣдующихъ бумагахъ нѣкоторые любопытныя и характерныя черты. П. Б.

БУМАГИ ЕКАТЕРИНИНСКАГО ВРЕМЕНИ.

I.

Ея Императорское Величество, въ знакъ высочайшаго своего благоволенія къ трудамъ и подвигамъ вашимъ, во время осады и на штурмѣ Очаковскомъ оказаннымъ, всемилостивѣйше пожаловать вамъ соизволила шпагу золотую съ брилліантами, которую симъ имѣю честь препроводить къ вашему сіятельству съ желаніемъ новыхъ вамъ въ предстоящую кампанію успѣховъ и со увѣреніемъ объ отличномъ къ вамъ почтеніи, съ коимъ пребываетъ

вашего сіятельства
милостивый государь мой
покорнымъ слугою
„князь Потемкинъ-Таврическій“.

№ 327. 1 Маія 1789 года.

Его сія-ву князю Голицыну.

II.

Божіею милостію, мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая

Нашему генералу-порутчику князю Голицыну.

Усердная ваша служба и отличная храбрость, оказанная вами, когда вы по переходѣ со ввѣреннымъ вамъ корпусомъ за Дунай, разбили войска Турецкія, завладѣли и разбили назначаемое для стана визирскаго мѣсто Городчинъ, нанеши великій уронъ непріятелю, взявъ въ полонъ трехъ-бунчужнаго пашу со многими другими чиновниками и получа въ добычу пушки и знатное количество разныхъ воинскихъ снарядовъ; а сверхъ того сдѣлали храбрыя распоряженія, успѣхомъ увѣнчанныя, ко овладѣнію укрѣпленіемъ на острову предъ самымъ Браиловымъ всею бывшею тутъ артиллеріею и съ истребленіемъ войскъ, тамъ находившихся, учиняютъ васъ достойнымъ военнаго нашего ордена Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія, на основаніи установленія его. Мы васъ кавалеромъ сего ордена большаго креста втораго класса всемилостивѣйше пожаловали и, знаки его при семъ доставляя, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить установленнымъ порядкомъ. Удостоверены мы впрочемъ, что вы, получа сіе со стороны нашей

ободреніе, потщитесь продолженіемъ ревностной службы вашей вяще удостоиться монаршаго нашего благоволенія.

Въ Санктпетербургѣ. Апрѣля 3 дня 1791 года.

„Екатерина“.

Его сіятельству князю С. Ѳ. Голицыну

III.

Божіею милостію, мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая,

Нашему генералу-порутчику князю Голицыну.

Усердная ваша служба и труды, понесенные вами въ командованіи однимъ изъ отдѣленныхъ корпусовъ противу мятежниковъ Польскихъ, наипаче же въ очищеніи отъ нихъ Курляндіи и Самогичіи и въ возстановленіи тамъ спокойствія, обращаютъ на себя наше вниманіе и милость. Мы, желая изъяснить оныя предъ свѣтомъ, всемилостивѣйше пожаловали васъ кавалеромъ ордена нашего Равноапостольнаго князя Владимира большаго креста первой степени, котораго знаки при семъ доставляя, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить установленнымъ порядкомъ. Удостоверены мы совершенно, что вы, получа сіе со стороны нашей одобреніе, потщитесь продолженіемъ службы вашей вяще удостоиться монаршаго нашего благоволенія.

Въ Санктпетербургѣ Октября, 26-го дня 1794 года.

„Екатерина“.

„Графъ Александръ Самойловъ“

Письма графа П. С. Потемкина ¹⁾).

1.

Всякій случай, представляющій мнѣ способъ на изъясненіе вамъ моего усердія, есть для меня удовольствіе; а потому охотно исполняю я желаніе вашего сіятельства въ разсужденіи привоза на линію вина. Но какъ уже прежде подано было доношеніе на десять тысячъ ведръ, то не могъ я болѣе для васъ предложить какъ на двадцать тысячъ ведръ, о чемъ и въ Казенную Палату отъ меня предложеніе послано, на сей же годъ отъ шести до десяти тысячъ.

Письмо ваше къ Александру Николаевичу ²⁾ оставилъ я у себя, и какъ уповаю, что онъ къ 26 числу изъ Грузіи возвратится не замѣшкаетъ, уповаю, прибывъ сюда, и написать къ вамъ отвѣтъ и самъ въ Москву отправится.

Сожалѣю крайне, что письма княгини Варвары Васильевны ко мнѣ не прислано. Подноситель сего увѣрилъ меня, что она въ Москвѣ, а потому и я не писалъ къ ней. Увѣрьте пожалуста княгиню, что я съ чистосердечной дружбой и привязанностію къ ней всегда остаюсь.

¹⁾ Обычные начѣла и концы писемъ для краткости опускаются.

²⁾ Самойлову

Узнавши, что препоручила она здѣшнихъ овецъ достать, отдалъ я Ивану тридцать овецъ. Желаю, чтобъ съ моей руки заводъ умножился.

Лошадь, о коей ваше сіятельство пишете, хотя не по мнѣ, однакоже не остановлюсь и при наступленіи весны отправлю. Сказать однакожь правду, завидной нѣтъ.

19-го Октября 1784 года.

2.

Недавно только возвратился въ Екатериноградъ: шатался, такъ сказать, по линіи.

Объ отводѣ назначенныхъ дачъ не замедлю я предложить, какъ скоро господа сенаторы отѣдутъ изъ Саратова ¹⁾.

О капитанѣ Кернѣ представилъ въ Сенатъ, а между тѣмъ велѣлъ его допустить къ должности. Съ наибольшимъ признаніемъ видѣлъ я заключеніе письма вашего и увѣряю съ моей стороны о совершенной моей искренности. Мало тѣ меня знаютъ, кто заключаетъ обо мнѣ инако. Я пріятностію всегда поставляю себѣ вашу дружбу и могу удостовѣрить, что всегда оную сохраню къ вамъ.

20 Апрѣля 1787 года.

3.

Изъ Бендеръ получа сегодня курьера, извѣстился, что король Прусской съ Богемскимъ королемъ и Турками заключили миръ. Часть уступлена Галиціи обратно Польшѣ; съ Турками тѣжъ границы, кои были до войны. Объ насъ ничего не сказано, а королю Прусскому Польша ни Данцига, ни Торна не отдала.

Г-нъ Нассо ²⁾ надѣлалъ пропасть не только дурачествъ, но и вреда. Мы потеряли, какъ сказываютъ, добрую часть флотиліи, множество озицеровъ и нѣсколько тысячъ нижнихъ. Литта и Паленъ ему представляли, чтобъ не ходить; но онъ ихъ не послушалъ. Я прошу о семъ молчать, ибо и въ Бендерахъ только шепчутъ.

Князь ³⁾ выѣхалъ уповательно изъ Бендеръ 3-го числа. Онъ не очень былъ здоровъ. Ея Величество изволила прислать къ нему золотой дежене.

Сказавъ о Европейскихъ обстоятельствахъ, обращусь о своихъ. Посты отъ меня внизъ по Пруту поставлены, и послѣдніе въ Тульчѣ, въ 15 верстъ отъ Галаца. Вчерашнюю ночь непріятель на сей постъ дѣлалъ покушеніе, но ничего не сдѣлавъ уѣхалъ. Нужно узнать, откуда онъ пріѣзжалъ, о чемъ свѣдѣнія сего дня получить надѣюсь.

Оберъ-квартирмейстеръ, посланной отъ меня въ Галацъ, доноситъ, что между Тульчести и Галаца есть мѣсто весьма свободное къ

¹⁾ Т. е. графъ А. Р. Воронцовъ и Нарышкинъ.

²⁾ Т. е. принцъ Нассау.

³⁾ Т. е. князь Потемкинъ, двоюродный братъ пишущаго.

проѣзду изъ за Прута. Прикажите казакамъ въ Галацахъ, чтобъ они были осторожны, или бѣ на ночь изъ Галаца выѣзжали: ибо въ темную ночь могутъ быть отрѣзаны. Я надѣюсь, что вы примите отъ меня сіе въ цѣнѣ моей къ вамъ искренней привязанности.

5-го Августа 1790 года. Фальчи.

4.

Отправляя къ вашему сіятельству полкъ Витебской, на другой день перейду Прутъ. Ко мнѣ въ корпусъ на мѣсто двухъ полковъ отъ меня взятыхъ войдетъ Екатеринбургской егерской корпусъ; но гдѣ онъ, я еще не знаю.

По ордеру его свѣтлости вижу, что онъ отъѣзжаетъ на 10-ть дней, и въ отсутствіи его армія поручена князю Н. В. Репнину.

Изъ Петербурга имѣю извѣстіе, что г-нъ Нассо такъ чисто надурачился, что всѣ наши большія флотскія побѣды обратились въ ничто: потерялъ до 50 судовъ и до 5-ти тысячъ человекъ съ преимуществомъ штабъ и оберъ-офицеровъ; а что всего болѣе, всѣ великіе проекты на истребленіе флота Шведскаго тѣмъ уничтожились. На сухомъ пути Шведовъ на одномъ посту нѣсколько побити.

7-го Августа 1790 года. Фальчи.

5.

Я весьма доволенъ, что, будучи другъ друга ближе, чаще буду имѣть ваши увѣдомленія.

О здѣшнемъ сообщу, что послѣ сдѣланной демонстраціи Измаилу, непріятеля нигдѣ не видно; разъѣзды доходятъ за 8-мь верстъ отъ крѣпости и никого не встрѣчаютъ.

7-го числа овладѣли наши ретраншаментомъ при Килии, приступомъ. Дѣло было жарко; наши въ одной колоннѣ погорячились, подбѣжали близко къ крѣпости, встрѣчены картечами и замѣшались. Тутъ говорятъ, что оставили было пушку. Почтенной старикъ Иванъ Ивановичъ *) самъ кинулся удержать. Пушка удержана, но старикъ раненъ въ лѣвую титьку, и пуля прошла въ правую лопатку насквозь.

Бригадиръ Шереметевъ раненъ пулею въ ногу и картечью. Херсонскаго полку маіоръ убитъ. Уронъ нашъ состоитъ: убитыхъ 113 человекъ, раненыхъ 270 человекъ. Непріятельской уронъ весьма великъ. Теперь готовятъ батареи, брешъ-батарея заложена на осадныя пушки, отъ стѣны въ 80-ти саженьяхъ. Вотъ все, что я новаго знаю. И. В. Гудовичъ принялъ команду отъ Ивана Ивановича.

Прошу покорно увѣдомлять, что у васъ случится.

9-го Октября 1790. Лагерь при лиманѣ Ялпухъ.

6.

Письмо вашего сіятельства отъ вчерашняго числа я сей часъ имѣлъ удовольствіе получить и въ ту же минуту отправилъ къ М.

*) Меллеръ? П. Б.

Л. Кутузову письмо для доставленія съ нарочнымъ къ Василю Васильевичу ¹⁾. Я послалъ бы отъ себя нарочнаго, но какъ корпусъ мнѣ порученный послѣ завтра обратится къ Пруту, а отрядъ Кутузова обратится къ Килии, то коммуникація наша прервется.

Объ Килии ничего болѣе не слышно какъ только что брешь-батарея окончена 10-го числа и что суда Турецкія, кои намъ болѣе всего вредятъ, умножились; ожидаютъ нашей флотилии, но она еще не вошла.

Я писалъ уже къ вашему сіятельству, что старикъ Иванъ Ивановичъ жизнь свою кончилъ и тѣло его повезено въ Херсонъ. Бригадиръ Шереметевъ тяжело раненъ.

Александръ Николаевичъ ²⁾ въ тотъ день былъ главнѣйшею дѣйствующею особою; но, слава Богу, при mnogой опасности онъ остался цѣлъ.

14-го Октября 1790 года. Лагерь на Ялпухѣ.

7.

Не долго будучи въ сосѣдствѣ вашемъ, иду опять къ Ялпуху, имѣя повелѣніе отъ его свѣтлости дѣлать Измаилу демонстраціи и удерживать помощь къ Килии.

Вы, уповаю, уже извѣстны о преславной побѣдѣ, одержанной надъ Турками у Кубани при Невинномъ мысѣ, гдѣ генераль-майоръ Германъ разбилъ армію подъ начальствомъ сераскера Батанъбея, получа въ добычу весь его лагерь, болѣе 30 пушекъ, и самаго сераскера со всею его свитою взялъ въ плѣнъ. Я имѣю повелѣніе съ пушечной пальбою принести благодареніе Богу, что исполню по приходѣ къ Ялпуху.

Флотилія наша скоро войдетъ въ Дунай, и тогда рѣшительное будетъ съ Килиею. Графу Ивану Петровичу отдана армія Двинская въ начальство. Князь Юрій Владиміровичъ и баронъ Игельстромъ въ его командѣ, и они будутъ относиться къ его свѣтлости.

Уповаю также извѣстно вамъ, что Ея Величество пожаловала его свѣтлости большую дачу на Донцѣ.

Братъ мой Михаилъ Сергѣевичъ скоро будетъ.

18-го Октября 1790-го.

8.

Покорнѣйше благодарю за присланныя извѣстія. Кажется, что силы непріятельскія въ Измаилѣ увеличены, такъ какъ и число пушекъ. Третьяго дня вышелъ изъ Измаила изъ отпадшихъ Запорожцовъ на отрядъ М. Л. Кутузова и показалъ, что число всѣхъ на все менѣе 15 тысячъ и что тѣ, коихъ присылаютъ сверху, паки уходятъ.

Что Килия сдалась на капитуляцію, о томъ я ваше сіятельство увѣдомилъ. Изъ сообщенія моего увидите, что гарнизонъ Килий-

¹⁾ Энгельгардту.

²⁾ Графъ Самойловъ.

ской сегодня или завтра придетъ въ Измаилъ. Число онаго было болѣе двухъ тысячъ человекъ.

Флотилія наша близко Дуная, но какъ близко не знаю, а только мнѣ свѣдомо, что Головатый 20-го числа былъ въ Килии.

24-го Октября 1790 года.

9.

Благодарю покорно за письмо вашего сіятельства; ничего не могу сообщить кромѣ, что мы здѣсь въ совершенной неизвѣстности. Приѣзжающіе изъ Бендеръ сказываютъ, что его свѣтлость сегодня изъ Бендеръ въ Яссы отправится и будто князь Николай В. Репнинъ назначается къ Измаилу; но первое утверждаютъ, а о послѣднемъ говорятъ по слухамъ.

Изъ Килии увѣдомляютъ, что флотилія наша при устьѣ Дуная, гдѣ были на берегахъ построены непріятельскія двѣ батареи, одна о 7-ми и другая о 6-ти пушекъ; что подполковникъ Рибасъ посланъ былъ сдѣлать десантъ съ 600-ми и что онъ, раздѣливъ команду на двѣ колонны, одну въ командѣ М. Каховскаго и 2-ю въ командѣ М. Юрковскаго, обѣими батареями овладѣлъ.

Здѣсь непріятеля не видно. Партіи доѣзжаютъ за 5-ть верстъ къ Измаилу, никого не встрѣчаютъ.

1-го Ноября 1790.

10.

Что лодку взяли у Рени съ тремя Турками, то правда; но такая малость не стоила, чтобъ я съ нарочнымъ васъ увѣдомилъ.

Объ судахъ, кои прошли изъ Измаила мимо Галацъ, имѣлъ я третьяго дня увѣдомленіе, но въ рапортѣ мною полученномъ сказано было только 16 судовъ; я не могу приписать оное причинѣ отходу ихъ изъ Измаила, какъ и они, узнавъ, что наша флотилія въ устьѣ Дуная, благовременно отошли или за войскомъ отправлены. Здѣсь о флотиліи нашей, съ тѣхъ поръ какъ взяты сдѣланнымъ отъ насъ десантомъ двѣ Турецкія батареи въ устьѣ Дуная, ничего не слышно. Погода здѣсь довольно жестока и еслибъ не было камыша, много бъ было нужды.

Отъ стороны Измаила такъ тихо, какъ будто бъ въ немъ войска не было.

7-го Ноября 1790.

Р. С. Въ послѣднихъ извѣстіяхъ, которыя сообщилъ мнѣ графъ А. В. Суворовъ сказано: Турки въ Браиловъ, услыша, будто графъ Суворовъ наводитъ чрезъ Сереть мосты, такъ оробѣли, что тысяча человекъ янычаръ ушли за Дунай. Паша велѣлъ пробовать мины, которая подъ воротами, велѣлъ взорвать, но она никакого дѣйствія не сдѣлала и когда онъ инженера хотѣлъ повѣсить, сей нашелъ средство уйти за Дунай.

11.

Господинъ Ахматовъ имѣлъ подѣ Тулчей съ Турецкими судами дѣло: 13 судовъ прогнаты и ушли, семь сожжено, а четыре нами взяты въ добычу. Турки такъ симъ дѣломъ были испуганы, что крѣпость Тульчу кинули, все селеніе вокругъ оной зажгли и сами ушли въ горы, и послѣ сего крѣпость нашими занята.

Третьяго дня въ Измаилѣ слышна была большая ружейная стрѣльба, а по рапорту отъ Ренъ, видя, что 32 судна прошло вверхъ Дуная, заключаю, не было ли у нихъ бунта.

Что въ Бендерахъ веселятся, имѣютъ большую причину. Повсюду Богъ благословляетъ оружіе наше и ежели возьмемъ Измаилъ, (о чемъ теперь мыслить можно), то будетъ наипреславная кампанія.

Братъ мой еще не бывалъ. Говорятъ, что въ Россіи такая распутица, какой никогда не бывало.

Что Александръ Николаевичъ отпущенъ, о томъ и здѣсь слышно; а что войска отъ Киліи идутъ обратно, тутъ прибавлено. Повелѣніе было идти къ Бендерамъ Екатеринославскому гранадерскому и орденскому полкамъ, всѣмъ легкоконнымъ и осадной артилеріи; но послѣдняя, можетъ быть, обратится паки по случаю взятія Тульчи.

10-го Ноября 1790-го.

12.

Покорнѣйшую приношу благодарность за увѣдомленіе о дѣлѣ при Галацахъ, которое весьма хорошо.

Вчера была жестокая пушечная пальба къ сторонѣ Исакчи. Посланной отъ меня на берегъ Дуная донесъ, что къ вечеру строеніе около Исакчи горѣло, а сегодня слышно четыре удара, и уповательно, что она подорвана.

Братъ мой въ Бендеры пріѣхалъ, а Татьяна Васильевна еще осталась въ Елизаветъ-градѣ.

14-го Ноября 1790 году.

Р. S. Секретно до меня дошло свѣдѣніе, что Осипъ М. Рибасъ представилъ его свѣтлости, чтобъ ему зимовать не въ Киліи, а въ устьѣ Дуная, и при томъ даютъ знать заключеніе, что отъ его свѣтлости будетъ повелѣніе флотиліи бомбардировать Измаилъ, а также должно думать, что и насъ подвинуть къ Измаилу.

13.

Спѣшу увѣдомить ваше сіятельство, что флотилія наша, одержавъ надъ непріателемъ побѣду, Исакчей овладѣла. Осипъ Михайловичъ Рибасъ увѣдомляетъ меня, что въ крѣпости множество пушекъ, всякихъ военныхъ и съѣстныхъ припасовъ, судовъ взято большихъ 2, лаксоновъ 8-мъ, потоплено и сожжено 22. Исакча нами занята, а флотилія при оной, а лагерь на мысу острова Чатала.

Сію минуту получилъ письмо ваше и извѣстіе, за которое покорно благодарю. Кажется, Измаилъ не въ лучшихъ обстоятельствахъ,

какъ были прошлаго году Бендеры, и Порта увидить, что надежда ея на короля Прусскаго не процвѣла.

14 Ноября 1790 года. Лагерь при лиманѣ Ялпухъ.

14.

Письмо вашего сіятельства отъ 23-го числа получилъ въ минувшую ночь; благодаря покорно за оное. Пользуюсь тѣмъ, что вы учредили посты, чтобъ увѣдомить васъ, что мы до сихъ поръ въ положеніи *in statu quo*. Желалъ бы я усердно, чтобъ васъ съ корпусомъ подвинули, но кажется время поздно. Третьяго дня взятой Турокъ объявляетъ, что въ крѣпости людей много, духу много, провіанту и пороху много, однако жители и самъ паша отъ сдачи города не прочь, ежели бъ Татарскіе султаны и пришлыя войска не воспрещали.

Іосифъ М. Рибасъ вчера у меня былъ. Его предположеніе сдѣлать приступъ. Я, не имѣя на сіе повелѣніе его свѣтлости, не могу безъ точнаго повелѣнія о семъ и разсуждать. Отъ меня онъ похвалъ къ Ивану В. Гудовичу.

Время стало столь дурно, что людямъ вытерпывать весьма трудно.

Р. S. Вчера здѣсь слышны были пушечные выстрѣлы отъ стороны Галаца. Прошу увѣдомить, Турки-ли къ Галацу приходили, или наши подходили къ Мачину.

Р. S. Вы удивитесь, что въ томъ же письмѣ извѣщу васъ, что мы всѣ отошли отъ Измаила и все кончено. Лишь только изготовилъ я письмо сіе, какъ привезъ ко мнѣ сообщеніе И. В. Гудовича Александръ Николаевичъ. Оно содержало положеніе общее, куда однако я не былъ приглашенъ; дѣло состояло въ томъ, чтобъ немножко пострѣлять и снять батареи. Вотъ все что произошло: не сожалѣйте, что вы не были участникомъ.

26 Ноября 1790.

15.

Покорнѣйше благодарю за письмо ваше и за увѣдомленіе. Здѣсь графа Александра Васильевича съ часу на часъ во всѣхъ мѣстахъ ожидаютъ; но, видя изъ письма вашего противное, не могу согласить сіе съ повелѣніемъ, изъ Бендеръ присланнымъ.

Графа Григорья Ивановича Чернышова по желанію вашему не удержу, но кажется естли что предпринять противу Измаила, то спѣшить надо; ибо стужа, слякоть и снѣгъ не меньше вредны, какъ и непріятель. Я слышу, что въ другихъ корпусахъ хлѣба не весьма достаточно, да и у меня только на двѣ недѣли осталось, хотя ожидаю подвозу; опасаюсь времени.

1-го Декабря 1790. Лагерь недалеко Измаила.

16.

Его свѣтлость изволить прибыть въ Измаиль въ сію ночь и, какъ думаютъ, пробудучи два дня, изволить отправиться отсель въ Яссы, для чего учреждены отъ меня отсель по дорогѣ на стан-

ціяхъ по 15-ти лошадей и по двѣнадцати козаковъ для конвою; далѣе жъ сего учредить мнѣ не можно. Прошу покорно ваше сіятельство приказать учредить въ Семенештахъ, въ Станилештахъ и въ Козмештахъ на станціяхъ по тому же числу лошадей и по двѣнадцати козаковъ для конвою.

Письма разныхъ лицъ Екатерининскаго времени.

Милостивый государь мой князь Сергій Ѳедоровичъ!

Отъ возвратившагося моего курьера изъ Москвы извѣстяся, что ваше сіятельство благополучно въ оную прибыли и при томъ при отправленіи сего курьера оказали вашу, милостивый государь мой, ко мнѣ пріязнь въ узнаніи пути его свѣтлости: спѣшу, возблагодаря покорнѣйше за сіе, поздравить съ благополучнымъ пріѣздомъ и подтвердить наилестнѣйшія удостовѣреніи мои о непрерывности душевной моей къ вамъ приверженности, въ доказательство которой дѣятельно прошу васъ приказывать мнѣ по деревнямъ вашимъ въ Калужской губерніи *), дабы имѣлъ я случай, исполняя угодное вамъ, доказывать, коль истинно и совершенно есть мое къ вамъ почитаніе, съ каковымъ и преданностію моею имѣю честь всегда быть и пр.

Михайла Кречетниковъ.

Калуга. Марта 20-го 1784 года.

*

Бендеры. 1790 году, Ноября 23 дня.

Милостивый государь мой, князь Сергій Ѳедоровичъ.

Хотя ваше сіятельство и совсѣмъ излѣнились и не хотите къ намъ писать, по крайней мѣрѣ, увѣдомить о состояніи вашего здоровья, и естьли надежда васъ скоро здѣсь увидѣть, чего особливо я очень и очень желаю, но кажется еще нѣсколько недѣль я лишень буду этого удовольствія, ибо у насъ никакого нѣтъ слуху ни о зимнихъ квартирахъ, ни объ ополченіи.

Чтожь касается до главной квартиры, то думаю, что она перенесется къ будущему мѣсяцу въ Яссы, куда мнѣ очень не хочется ѣхать; но боюсь, что буду принужденъ, ибо у насъ, послѣ отданнаго приказу о продолженіи во всю зиму нынѣшней кампаніи, никто еще объ отпускѣ и не зачиналъ просить и по видимому нѣтъ надежды, чтобъ скоро исполнили. Тѣмъ временемъ однакожь мы живемъ довольно весело. Разнаго рода собранія продолжаются у князя довольно часто; число дамъ у насъ прибавилось пріѣздомъ Татьяны Васильевны, которую здѣсь всѣ очень довольны, ибо она со всѣми очень учтива. Михайлъ Сергѣевичъ на сихъ дняхъ ѣдетъ на нѣсколько дней къ Павлу Сергѣевичу и по возвращеніи оттуда тотчасъ поѣдетъ въ Петербургъ. Вотъ все, что есть у насъ интереснаго.

*) Кречетниковъ былъ тогда Калужскимъ намѣстникомъ.

Теперь остается вамъ сказать объ игрѣ. Я съ начала кампаніи былъ въ выигрышѣ почти 100,000; въ Сентябрѣ всѣ было оныя проигралъ назадъ, но теперь опять всѣ возвратилъ и съ большими процентами, и кажется уже эту кампанію въ проигрышѣ не буду. Василій Васильевичъ всякій день дѣлаетъ банкъ и кромѣ меня и князь Николая Сергѣевича всѣхъ обьигриваетъ, то есть Головина, генерала Косиковскаго, Рохманова, Разумовскаго, который былъ въ выигрышѣ до 60,000, но кажется что уже теперь своихъ не досчитается, и князь Василій Васильевичъ, который третьяго дня пропонтировалъ 5000, очень крехтитъ по своей непривычкѣ къ оному. Вотъ вамъ положеніе всѣхъ нашихъ понтеровъ.

Возвратившійся отъ васъ вашъ человекъ сказалъ мнѣ, что у васъ великой недостатокъ въ чаю, почему при семъ и посылаю къ вамъ два фунта, которымъ, кажется, вы будете довольны; прислалъ бы и больше, но какъ теперь вся провизія приходитъ къ окончанію, то у меня у самаго осталось только по два фунта каждаго; есть здѣсь продажный, но очень дуренъ.

За такое предлинное письмо прошу отписать хотя двѣ строки и увѣдомить: избавились ли вы отъ своей лихорадки, и скоро ли мы васъ увидимъ.

Федоръ Киселевъ *).

Два письма Суворова.

1.

„При деревнѣ Градешти, Августа 16 дня 1790 года“.

Милостивый государь мой князь Сергѣй Федоровичъ!

Съ великою радостію и удовольствіемъ ваше сіятельство поздравляю съ заключеннымъ со Шведами миромъ. Даруй Боже, чтобъ сіе начало вездѣ произвело спокойствіе. Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ моимъ и преданностію, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

„Г. Александръ Суворовъ-Рымникскій“.

2.

„Милостивый государь мой князь Сергѣй Федоровичъ!

Ваше сіятельство съ побѣдою непріятеля и взятіемъ Мачина имѣю честь поздравить. Весьма радуюсь сему и желаю далѣе продолжать благополучно дѣйствія ваши со всякими успѣхами.

Вручителя сего г-на маіора Ламберта, нынѣ вступившаго въ службу нашу, честь имѣю рекомендовать продолженію милостей вашихъ, какъ человека новаго, ищущаго сего. Пребываю“ и пр.

Апрѣля 20-го дня 1791 года. Санктпетербургъ.

1791 году, Марта 24 дня. Москва.

Здравствуйте, моя душа, князь Сергій Федоровичъ. Съ наступающимъ праздникомъ васъ поздравляю; желаю его вамъ весело и здорово провести. Прошедшій мы были вмѣстѣ; очень жаль, что и нынѣ

*) Федоръ Ивановичъ Киселевъ, дѣдъ-дядя графа Павла Дмитриевича Киселева.

че не также случилось. Теперь начну писать здѣшнія новости; какія соберу, всѣ скажу. Пріѣхала сюда Лизавета Михайловна Черкесова и сказывала, что готовится славный въ Петербургѣ праздникъ у князя, и всѣ будутъ тутъ награжденія за Измаилъ. Еще новая въ Петербургѣ свадьба, только тайна: младшая дочь кн. Натальи Петровны за графа Строганова; Брюсова за Шувалова; а здѣсь вѣрной Львовъ женится на Замятиной. Потемкинъ Павелъ Сергѣичъ живетъ здѣсь съ женой и какъ молъ странно одѣвается и безстыдно, что гадко глядѣтъ; очень манерится, но никто не смотритъ. Самойловъ напротивъ очень учтивъ и ласковъ ко всѣмъ. Давыдовъ вашъ назначенъ въ губернаторы въ Курскъ, а Сергѣй Лаврентьевичъ, сказываютъ, сюда; только думаю, что послѣднее несправедливо. Сказываютъ, что купили Петербургскій домъ графа Кирилы Григорьевича за 350 тысячъ и пожаловали князю Григорью Александровичу.—Княгиня ****ва въ Петербургѣ никуда не выѣзжаетъ съ тѣхъ поръ, какъ князь пріѣхалъ, и князь Василий отпущенъ въ отпускъ на десять мѣсяцовъ и какъ жена родитъ, то будутъ въ Москву. Жена его призналась своей матери, что она мужа своего ненавидитъ и чувствуетъ къ нему отвращеніе и гадость; при томъ божилась, что ни въ кого не влюблена; а эти вѣсти я слышала отъ Лизаветы Михайловны, и она ихъ выдаетъ за вѣрныя. Насъ нынче здѣсь родныхъ съѣхалось много: Черкесова, Салтыкова, Авдотья М. Бѣлосельская, обѣ мои сестры и братъ съ женою. И такъ, мой голубчикъ, еще больше мытарства и фальши прибавилось; какъ бы я ото всего сердца всѣхъ ихъ на тебя на одного перемѣнила! Старушка наша очень слаба, и я боюсь, чтобъ вскрытіе рѣкъ не окончило ея жизни; жалко видѣтъ, какъ она мучится и удивительное терпѣнье имѣетъ. Еще вѣсти, которыя сію минуту узнала, что Поповъ женится на Демидовой, Александра Григорьевича дочери. Волѣ вѣстей никакихъ нѣтъ и затѣмъ письмо мое кончу. Прости, мой голубчикъ; дай Боже, чтобы ты былъ здоровъ и веселъ. Пожалуста не забывай и люби вѣрную вамъ къ услугамъ Авдотью Лунину.

Петръ Михайловичъ, Лизавета М. и Анна Николаевна вамъ кланяются, а я мысленно васъ цѣлую.

Адресъ: „Его с. м. г. моему князю С. О. Голицыну, господину генералъ-поручику и кавалеру, находящемуся въ загранишной арміи, въ городѣ Ясахъ“.

*

Храбрый, славный и прелюбезный мой Голицынъ. Какъ мнѣ жаль, что я, живя въ Россіи близъ году, тебя не имѣлъ сердечнаго удовольствія видѣтъ и пожить съ тобою. Это письмо пишу единственно для того, чтобъ тебѣ мое чувствованіе сказать и тѣмъ какъ будто себя облегчить. Отдастъ тебѣ оное Дмитрій и Сергѣй Павловичи Татищевы; прошу ихъ подъ свое покровительство взять. Они оба премилые и предостойные молодцы, привязанные къ службѣ чрезвычайно; теорій довольно, кажется, имѣютъ а практики военной подъ твоимъ предводительствомъ желаютъ научиться. Они

же сыновья Марьи Яковлевны, матери пренѣжнаго сердца, премной и тебя, на ровнѣ съ своимъ братомъ, Ильей Яковлевичемъ Аршеневскимъ, любящей и расхваляющей. Я наканунѣ своего отъѣзда въ новое свое мѣсто, въ Италію. Прощай, братецъ; дай-то Господи, чтобъ мы скорѣе увидѣлись. Григорій Ивановичъ посулилъ мнѣ свято прислать Турецкую лошадь, но до сихъ поръ ничего не вижу. Прошу припомнить княгинѣ твоей мое сердечное почтеніе. Жена моя спитъ, стало не кланяется; а въ тебя еще все влюблена. Прощай. Второй изъ Татищевыхъ очень иногда смѣшенъ; но онъ застѣнчивъ: надобно его растолкать. Прощай, желаю тебѣ здоровья, новыхъ лавровъ и признанія за оныя. А я объ себѣ скажу, что нахожусь въ совершенномъ забвеніи; а не могу, можетъ, отъ глупаго самолюбія признаться, что того достоинъ. Князь, кажется, совсѣмъ меня позабылъ. Прощай.

Князь А. Бѣлосельскій.

Москва. 4-го Августа 1791 г.

*

Милостивый государь мой, князь Сергій Ѳедоровичъ.

Хотя предъ симъ ваше сіятельство и назначены были къ войскамъ команды господина генерала-аншефа и кавалера графа Ивана Петровича Салтыкова, но Ея Императорскому Величеству благоудно было повелѣть, чтобъ вы находились подъ командою господина генерала аншефа и кавалера князя Николая Васильевича Репнина, коему высочайше поручено начальство надъ войсками въ Литвѣ расположенными; вслѣдствіе чего имѣете согласно сему всевысочайшему соизволенію отправиться теперь въ Ригу къ нему г. генералъ-аншефу.

„Графъ Н. Салтыковъ“!

№ 826. Апрѣля 21 дня 1794 года.

*

Милостивый государь мой, князь Сергѣй Ѳедоровичъ!

Твердо надѣясь на дружбу вашего сіятельства, препоручаю въ милость и покровительство ваше племянника моего маіора Василя Паскова, который по молодости лѣтъ проступился, какъ о семъ къ вамъ Александръ Николаевичъ конечно писать изволилъ. Подайте ему случай все сіе заслужить; а я надѣюсь, что онъ стараться будетъ выполнить на него возложенное какъ храброму офицеру должно, и я ласкаю себя, что вашему сіятельству онъ извѣстенъ со стороны службы, при взятіи штурмомъ города Измаила; а въ разсужденіи скороаго его отправления по почтѣ прошу покорно, если вамъ возможно, снабдить его верховою служивою лошадью и тремя повозочными, а я съ благодарностію вамъ возвращу. Исполненіемъ сей моей просьбы обяжете къ крайней благодарности того, который съ отличнымъ почтеніемъ и приверженностію пребудетъ на всегда вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

Петръ Пассекъ.

Отъ 13 Сентября 1794 года. Санктпетербургъ.

Милостивый государь мой князь Сергѣй Федоровичъ.

Почтенное письмо вашего сіятельства, коимъ изволили рекомендовать г-на Фелькерзама, имѣлъ я честь получить. Чѣмъ пріятнѣе для меня всякій случай къ оказанію моей готовности дѣлать вамъ удобное, тѣмъ прискорбнѣе мнѣ, что не въ состояніи удовлетворить теперешнему вашему препорученію, поелику раздача Курляндскихъ арендъ не отъ меня зависитъ, да при томъ же всѣ онѣ уже розданы. Впрочемъ не оставилъ я, чрезъ вручителя мнѣ письма вашего, г-на маіора Брунова, дать совѣтъ г-ну Фелькерзаму къ удобнѣйшему достиженію желанія его.

Графъ И. Остерманъ.

Въ С. Петербургѣ. Декабря 31-го 1794.

Изъ Санктъ-Петербурга. Марта 6 дня 1791 г.

Дружеское твое письмо, наполненное искреннимъ доказательствомъ доброжелательнаго твоего расположенія и желающаго всякаго блага дѣтямъ моимъ, зная сколь я къ нимъ привязанъ, я ихъ люблю, можешь себѣ представить, съ какою чувствительностію истинную твою дружбу принимаю; но какъ они еще изъ чужихъ краевъ не бывали, въ свою должность употреблены еще не были, бывъ озадачены чинами сверхъ моей, не только ихъ заслуги, мнѣ совѣстно еще было и подумать впередъ о ихъ выгодѣ по службѣ, и къ тому, какъ они уже не ребята и могутъ о своемъ состояніи по ихъ склонности въ своемъ отечествѣ и по незнанію обстоятельствъ и способностей своихъ, прямого они еще положенія о себѣ взять не могутъ. И такъ, другъ мой, не хотя ихъ склонности и желанію своимъ усердіемъ препятствовать, дожидаясь ихъ пріѣзду, который, ежели Богъ сохранитъ ихъ здоровыхъ, черезъ три и четыре мѣсяца. Желаю и льщусь ихъ увидѣть; впредь надѣюсь, ежели въ чемъ надобность будетъ къ ихъ выгодѣ, ты дружбой своей ко мнѣ, какъ прежде, такъ и въ ономъ случаѣ, помощью своей ихъ не оставишь.

Просилъ я тебя, братецъ, черезъ княгиню Варвару Васильевну, меня одолжить, ежели можно, купить не бережа деньги, для чего и не опредѣляемъ суммы, двухъ Горскихъ большаго росту лошадей для дѣтей и двухъ коней Донскихъ доброѣзжихъ для меня и чтобъ собой были не дурны. Также, ежели можно, двухъ Турецкихъ борзыхъ собакъ, по крайней мѣрѣ хотя одну сучку для породы, чѣмъ меня крайне одолжишь; надѣюсь, если тебѣ случай представится и способъ найдешь ихъ имѣть, непосредственными пользоваться буду.

Князь Владиміръ Голицынъ *).

Mon prince!

L'insurrection est répandue parmi nos paysans par les insurgés polonais. Plusieurs terres nobles en sont infectées, et également une de

*) Отецъ свѣтлѣйшаго князя, Московскаго генераль-губернатора, Дмитрія Владиміровича Голицына.

mes terres principales, nommée Alschwangen. Je supplie beaucoup votre altesse de vouloir bien détacher un escadron des curassiers du régiment de Casan, auquel je joindrais dans ce cas quelque troupes de mon militaire à fin d'y rétablir l'ordre à l'exemple de Lieven-Bersen. Votre altesse en fera une grâce non seulement à moi, mais aussi à plusieurs personnes très-dignes et qui se sont toujours conduit très-conformement aux volontés suprêmes de l'auguste Souveraine de Russie. Il y a surtout du nombre des souffrants un m-r de Behr, président du district de Pitten, dont les paysans se sont permis les dernières insolences, sans que cependant ils ont la moindre raison de se plaindre, non plus que ceux d'Alschwangen. Ces derniers ont été fomentés par des émissaires polonais travestis, qui se sont mêlés parmi eux.

Pierre, duc de Courlande.

Mon prince!

Un moment après que je viens d'expédier ma lettre à votre altesse, je reçois la nouvelle, qu'il a été détaché un escadron du régiment de Casan pour se rendre à Wirben, terre appartenante à un m-r de Stromberg, où les paysans sont également en insurrection. Comme cependant cet escadron, commandé pour y rétablir l'ordre, ne manquera pas d'y remédier en peu de tems, je supplie votre altesse de vouloir bien lui faire parvenir les ordres nécessaires pour qu'il se rende de là à Alschwangen qui n'est éloigné que huit miles de Wirben pour le même effet, afin de prévenir à tems, autant que possible, les désordres ultérieurs.

Duc de Courlande.

Mitau, le 24 Juillet 1794.

Mon prince!

Très-charmé d'avoir sçu trouver une occasion de prouver à votre altesse mon empessement à lui être utile, je ne manquerais pas de faire mon possible pour effectuer à la première diète imminente l'indigénat, qu'il lui a plu de souhaiter en Courlande, chose dont ses qualités éminentes ne me font prévoir aucune difficulté.

Pour aujourd'hui un petit objet économique me fait recourir à l'interposition de votre altesse en usant de l'autorité dont elle est revêtue, pour les districts voisins de Lithuanie. Quelques paysans de ma terre de Wurzau, ainsi qu'il fut un objet de commerce tout à fait libre cy-devant, venant de contracter des achats de blés et de foin à Szagarren et l'ayant même déjà payé en argent comptant, ont été empêchés d'exporter ces provisions par les officiers de la douane de Lithuanie, en alléguant que cette exportation a été défendue de la part de votre altesse. En considérant cependant l'ignorance de cette défense, ainsi que la disette extrême de ces gens, je prends la liberté d'adresser à votre altesse l'intercession présente, en la suppliant de vouloir bien pour cette fois-cy les en dispenser, et donner les ordres aux

douaniers de Lithuanie de leur faire passer contre une attestation de la part de l'administration de la terre de Würzau les dites provisions de blé et de foin.

Duc de Courlande.

Würzau, le 18 Janvier 1795.

*

„Служащаго подъ командою вашего сіятельства оберъ-провіантмейстера Зильбергарниша поручаю въ ваше покровительство. Тестъ его г. Тамара, мой родственникъ и давній пріятель, а шурина его ваше сіятельство и сами знаете. Другъ вашъ Иванъ Самойловичъ Рожерсонъ за него весьма вступается. Вотъ сколько причинъ убѣждаютъ меня, но главнѣйшая есть увѣреніе въ вашей ко мнѣ благосклонности, которую заслужить пріятнымъ себѣ ставлю долгомъ, пребывая и пр.

Графъ А. Безбородко“.

Въ Царскомъ Селѣ, Іюня 14 1795.

БУМАГИ ПАВЛОВСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Государь Императоръ соизволилъ указать присланныхъ изъ Московскаго гарнизона девять человекъ опредѣлить въ роту Его Императорскаго Величества.

Генераль-адъютантъ Растопчинъ.

№ 18. Ноября 11 дня 1796 года.

*

№ 132. Декабря 24 дня 1796 года.

Генераль-лейтенанту князю Голицыну.

Государь Императоръ соизволилъ указать, дабы ваше сіятельство немедленно прибыть сюда изволили.

Генераль-адъютантъ Растопчинъ.

*

Государь Императоръ, на желаніе ваше принести благодарность за полученіе отставки, соизволилъ указать, что онъ, принимая ее, избавляетъ васъ отъ труда пріѣзжать сюда.

Генераль-адъютантъ Растопчинъ.

Сентября 16 дня 1797 года. Гатчино.

*

Его сіятельству отставному г-ну генералу отъ инфантеріи князю Голицыну.

Государь Императоръ указать соизволилъ вашему сіятельству объявить желаніе его васъ видѣть, равно и то, что имѣетъ въ васъ

нужду, признаваясь, что онъ скоростію своею нанесъ вамъ оскорбленіе.

„Генераль-адъютантъ князь Голицынъ“ *).

Господину генералу отъ инфантеріи князю Голицыну.

С.Петербургъ. 1798 года Декабря 4-го дня.

*

Милостивый государь мой, князь Сергѣй Фёдоровичъ!

Получа почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 21-го числа Ноября, я имѣлъ счастье выраженное въ немъ докладывать Его Императорскому Величеству, и Государь Императоръ соизволилъ принять съ благоволеніемъ. Потомъ всепокорнѣйше представлялъ Его Императорскому Высочеству Наслѣднику о служащихъ въ Семеновскомъ полку двухъ вашего сіятельства сыновьяхъ, объ отпускѣ коихъ на два года Великій Князь обѣщалъ испросить позволеніе, что и весьма нужно въ разсужденіи ихъ молодости. Будучи извѣщенъ, что ваше сіятельство въ скорости изволите сюда пріѣхать, весьма обрадованъ, что буду имѣть случай лично свидѣтельствовать ту чистосердечную приверженность, каковую по благорасположенію ко мнѣ вашего сіятельства ощущаю и съ коею на всегда, какъ неменѣе и съ истинною преданностію, имѣю честь быть вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга

„баронъ фонъ-деръ-Паленъ“.

Декабря 4-го дня 1798 года. С. Петербургъ.

*

Государь Императоръ соизволилъ приказать сего Декабря 17-го дня при паролѣ отдать, что ваше сіятельство принимаетесь опять въ службу съ прежнимъ старшинствомъ, о чемъ вашему сіятельству объявляю, равно и повелѣніе Его Величества вамъ сюда пріѣхать немедленно.

Генераль-адъютантъ князь Голицынъ.

*

Mon prince!

Ayant des papiers à vous communiquer par ordre de S. M. I. l'Empereur, je vous prie de vouloir, si cela vous convient, passer chez moi sur les onze heures de ce matin. Cette lecture prendra une demi-heure de temps au plus.

J'ai l'honneur d'être avec la considération la plus parfaite, mon prince, votre très-humble et très-obéissant serviteur

Rostopsin.

du 30 Décembre 1798.

*) Князь Григорій Сергѣевичъ Голицынъ, старшій сынъ князя Сергѣя Фёдоровича, попавшій въ милость къ Павлу.

*

Государю Императору угодно, чтобъ ваше сіятельство сего дня, откланяясь у парада, отправились къ вашему мѣсту.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ Растопчинъ.

7-е Января 1799-го. С.Петербургъ.

*

Государь Императоръ соизволилъ указать сообщить вашему сіятельству, что мушкатерской Дурасова полкъ, назначенной въ корпусъ вамъ ввѣренной, вышелъ изъ непремѣнныхъ его квартиръ 28 минувшаго Декабря, а мушкатерской Тучкова 1-го полкъ, для занятія квартиръ вышедшихъ полковъ изъ Литовской дивизии, выступилъ 27-го того же Декабря.

Генераль-адъютантъ князь Голицынъ.

Генваря 3-го дня 1799-го года.

*

Государь Императоръ указать соизволилъ сообщить вашему сіятельству, чтобы, по сдачѣ командованія корпуса Высочайше вамъ ввѣреннаго, вы отправились ближайшимъ трактомъ въ деревни ваши.

Генераль-адъютантъ Ливень.

Генваря 27-го дня 1799-го года. С.Петербургъ.

*

Его сіятельству г-ну генералу отъ инфантеріи князю Голицыну.

Государь Императоръ указать соизволилъ сообщить вашему сіятельству, чтобы вы, при отправленіи своемъ изъ ввѣреннаго вамъ корпуса въ свои деревни, взяли изъ числа бывшихъ при вашемъ сіятельствѣ фельдъ-егерей одного съ собою до оныхъ, и по прибытіи отправили бѣ его сюда, а прочихъ оставить при генералѣ отъ кавалеріи Нумсенѣ.

Генераль-адъютантъ Ливень.

Генваря 28 дня 1799-го года. С. Петербургъ.

*

Милостивый государь мой князь Сергій Ѳеодоровичъ!

По жалобѣ вашего сіятельства на Нижегородское Губернское Правленіе въ томъ, что оно учинило публикаціи въ вѣдомостяхъ о продажѣ 62 душъ изъ Нижегородскихъ вашихъ деревень, въ удовлетвореніе иска банкира Сутерланда, по таковому векселю, который данъ въ Страсбургѣ, гдѣ ваше сіятельство никогда не бывали, требовалъ я отъ Нижегородскаго губернатора объясненія, по какому поводу тамошнее правленіе предполагаетъ продать изъ вашего имѣнія 62 души, и получилъ нынѣ отъ него увѣдомленіе, что сіе учинено было со стороны его въ слѣдствіе сообщенія Санкт-петербургскаго Губернскаго Правленія. Но поелику отъ вашего сіятельства въ Ноябрь мѣсяцъ подано въ Нижегородское Губернское Правленіе объясненіе, которымъ опровергаете сей искъ Сутерланда, то оное продажею Нижегородскихъ крестьянъ вашихъ нынѣ остановилось, и какъ скоро совершенно изыскано будетъ, на

кого именно должно пасть то взысканіе, по оправданіи вашемъ, то безъ сомнѣнія рѣшится и кончится съ поспѣшностію причиненное вамъ напрасно безпокойство, о чемъ не премину я убѣждать кого слѣдуетъ. Въ прочемъ и пр.

Петръ Оболяниновъ.

№ 3 Генваря 1 дня 1801 года.

Его сіят-ву князю Голицыну Кіевской губер. въ селѣ Козацкомъ.

*

Сдѣлать по присылаемой формѣ имянной списокъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку господамъ полковникамъ и вручить оной присланному отъ меня человѣку.

Александръ.

Въ лейбъ-гвардіи Преображенской полкъ.

Сего 28 Декабря (1796).

*

Господину генералу отъ инфантеріи и кавалеру князю Голицыну.

1-е Его Императорское Величество указалъ соизволилъ, чтобъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капитанъ поручикъ Купреяновъ 4-ой ѣхалъ въ городъ Минскъ для обученія Ростовскаго Мушкетерскаго полка, въ слѣдствіе чего господинъ генералъ, снабдя его нужною инструкціею, извольте его немедленно отправить и велѣть явиться къ генералу лейтенанту Хрущову.

2-е Его Императорское Величество приказалъ, чтобы вы сдѣлали подрядъ шляпамъ на Преображенской полкъ, примѣчая, чтобы туліи были какъ возможно вострѣе и поля подлиннѣе, которыя привезя несвязанныя въ Петербургъ меня рапортовать.

Городъ Несвижъ. Маія 11-го дня 1797 года.

Александръ.

*

Господину генералу отъ инфантеріи и кавалеру князю Голицыну.

Его Императорское Величество согласился на представленіе ваше, чтобъ переходъ сдѣлать изъ Тосны въ Ижору, а изъ Ижоры въ Павловское. Іюня 9-го дня 1797 года.

Александръ.

*

Князь Сергій Ѳедоровичъ.

Его Императорское Величество указать соизволилъ, чтобы квартиргеры его баталіона были отправлены завтра изъ Ижоры въ Павловское тотчасъ по вступленіи баталіона въ Ижору. Баталіону же расположить такъ свой маршъ изъ Ижоры, чтобы онъ пришелъ въ деревню Лилицу (гдѣ поворотъ съ Московской дороги въ Павловское) 13-го числа въ 7-мъ съ ½ часовъ поутру, гдѣ и ждалъ бы пріѣзда Государя въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ шель.

Іюня 11-го числа.

Александръ.

10*

Господину генералу отъ инфантеріи и кавалеру князю Голицыну.

Государь мнѣ приказалъ у васъ спросить, для чего вы лично его не рапортовали о причинѣ ареста поручика Розермана?

Петергофъ, Іюля 15-го дня 1797 года.

Александръ.

Князь Сергій Ѡедоровичъ.

Получилъ я отношеніе ваше касательно до моихъ требованій изъ Военной Колегіи, на которое отвѣтствую вамъ, что полки гвардіи, состоя нынѣ подъ вѣдомствомъ помянутой Колегіи, всѣ наши требованія должны отъ нея дѣлаться. Но я только тѣ вещи требовалъ, которыя я нахожусь уже не въ состояніи построить, издержавъ на полкъ болѣе 100.000 рублей, какъ то: палатки, башмаки, рубашки и шинели. Впрочемъ я повелѣнія вамъ никакого на оное дать не могу, Преображенской полкъ состоя подъ особымъ начальствомъ самого Государя.

Александръ.

Іюля 19 дня.

Въ Петергофѣ, Іюля 21-го 1797-го.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи князь Голицынъ. Представленный отъ васъ воинскій судъ, произведенный въ ордонансгаузѣ гвардіи Преображенскаго полку надъ подпоручикомъ Розерманомъ, возвращается при семъ съ наддраніемъ: во первыхъ потому, что въ воинскомъ уставѣ точное есть положеніе на преступленія того рода, въ какомъ Розерманъ оказался, вмѣсто чего сентенцію, по неположенію будтобы въ воинскихъ артикулахъ наказанія, предоставлено сіе вышнему сужденію, за что презусу и ассесорамъ сего воинскаго суда сдѣлайте выговоръ; а во вторыхъ и для того, что дѣло сіе по окончаніи его должно препроводить для ревизіи и заключенія въ генераль-аудиторіатъ.

Павелъ.

Отданный при паролѣ отъ Его Императорскаго Величества сего 23-го Іюля приказъ, въ которомъ и прописано, чтобъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка баталіоны генералъ маіоровъ Козлятева и Свѣчина должны выступить въ городъ Павловское сего Іюля 24-го дня такъ, чтобы въ немъ быть 25-го числа въ 7 часовъ утра. Черезъ что въ свѣдѣнію вашего сіятельства здѣсь предлагаю.

Константинъ.

№ 152. ч. 23 Іюля 1797 года. Петергофъ.

Генералу отъ инфантеріи и кавалеру князю Голицыну.

Князь Сергій Ѳедоровичъ.

Я присылаю къ вамъ коляску для привозу пяти музыкантовъ баталіона Его Величества. Наши войски отъѣвно благополучно вошли. Что-то будетъ далѣе? Пребываю на вѣкъ вамъ доброжелательной

Александръ.

Р. С. Комисію вашу исполнилъ, которая довольно, кажется, хорошо была принята.

Городъ Павловскъ. Іюля 26-го 1797 года.

Милостивый государь мой князь Сергій Ѳедоровичъ.

Въ исполненіе желанія вашего я докладывалъ Государю о вашемъ отпускѣ до Сентября и отставкѣ послѣ онаго, на что онъ изволилъ согласиться и оно уже въ приказѣ отдано сего дня, а генералу маіору барону Аракчееву приказано принять полкъ, какъ старшему. Сожалѣю весьма, что симъ случаемъ лишусь удовольствія быть въ такомъ частомъ сношеніи съ вами, какъ прежде и пребываю на вѣкъ вамъ доброжелательной

Александръ.

Августа 10-го дня.

Господину генералу отъ инфантеріи и кавалеру князю Голицыну.

Высочайшимъ Его Императорскаго Величества приказомъ, отданнымъ при паролѣ сего Августа 10-го числа, объявлено, что вы по желанію вашему въ Сентябрѣ мѣсяцѣ сего года отъ службы уволены будете. Командованіе жъ лейбъ-гвардіи Преображенскимъ полкомъ поручается старшему по васъ генералъ-маіору барону Аракчееву, въ силу котораго Высочайшаго повелѣнія и имѣете, господинъ генералъ, лейбъ-гвардіи Преображенской полкъ сдать генералъ-маіору барону Аракчееву, которому о принятіи онаго отъ меня повелѣніе послано. Августа 11-го дня 1797 года. № 1348.

Александръ.

С.-Петербургъ. 27-го Генваря 1799 года.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи князь Голицынъ! По полученіи сего повелѣваю вамъ сдать командованіе корпуса, вамъ порученнаго, генералу отъ кавалеріи Нумсену, равно и всѣ повелѣнія и инструкціи вамъ по оному данныя.

Павель.

Mon prince.

La lettre que vous avez bien voulu me faire passer m'est exactement parvenue. Je suis ou ne peut plus sensible à la confiance que vous voulez bien avoir en moi et je vous prie d'être assuré que je tâcherai de m'en rendre digne. Le récit de vos malheurs m'a touché

on ne peut d'avantage, et je suis au comble de ma joie d'avoir trouvé l'occasion d'en parler à Sa Majesté l'Empereur. Je lui ai fait le portrait de l'état malheureux dans lequel vous vous trouvez; je lui ai parlé de vos deux fils malades qui sont exclus du service; je crois m'être aperçu que Sa Majesté ne sera point inexorable.—Enfin, mon prince, entre nous soit dit, je crois que si vous mettiez aux pieds du Souverain un tableau fidèle des revers, que vous avez essuyé, Sa Majesté daignera vous soulager. Je vous prie donc, mon prince, de me prévenir du départ de votre requête pour qu'à mon tour je puisse prendre mes mesures.

Agréez l'hommage des sentimens très distingués, avec lesquels j'ai l'honneur d'être, mon prince, votre très-humble et très-obéissant serviteur.

Comte de Pahlen.

à S. Pétersbourg, ce 2 Janvier 1801.

БУМАГИ АЛЕКСАНДРОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

Князь Сергій Ѳедоровичъ. Поздравленіе отъ васъ мнѣ принесенное и желанія, его сопровождающія, приѣмлю я съ признательностію и удовольствіемъ. Служба ваша и дарованія всегда будутъ привлекать особенное мое уваженіе. Удовлетворяя желанію вашему мнѣ донесенному, вмѣстѣ съ симъ далъ я Кіевскому военному губернатору повелѣніе о свободномъ пропускѣ дѣтей вашихъ. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательный.

Александръ.

Въ С. П. Бургѣ. Апрѣля 11-го 1801 года.

*

Милостивый государь мой князь Сергій Ѳедоровичъ!

По Высочайше данному мнѣ повелѣнію, имѣя нужду объяснить съ вашимъ сіятельствомъ, покорнѣйше прошу удѣлить свободную минуту увидѣться со мною, во ожиданіи чего имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и искреннею преданностію вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

Дмитрій Троцинскій.

Юля 3 1801.

*

Князь Сергій Ѳедоровичъ, въ доказательство особливаго вниманія моего къ усердной вашей службѣ доставляю вамъ при семь алмазные знаки ордена Святаго Александра Невскаго, пребывая впрочемъ вамъ благосклонный

Александръ.

Въ Москвѣ. Сентября 15-го 1801 года.

*

Князь Сергій Ѳедоровичъ! Просимое вами дозволеніе быть зрителемъ ревию Прусскихъ войскъ, поелику не зависитъ отъ моей еди-

ной воли, но и отъ согласія его величества короля Прусскаго: то и не могу я иначе удовлетворить сему желанію вашему, какъ предварительно снесясь о семъ, что и прикажу сдѣлать моему министерству; и если дозволеніе таковое послѣдуетъ, я тогда васъ увѣдомлю, считая нужнымъ васъ предупредить, что вамъ должно будетъ появиться тамъ въ мундирѣ, дабы перемѣна одежды не подала виду къ какимъ либо толкованіямъ и не склонила бы подозрѣнія, что вы находитесь тутъ для особыхъ какихъ либо примѣчаній. Пребываю въ впрочемъ вамъ благосклонный

Александръ.

Въ С. П. Бургѣ. Маія 6-го 1802 года.

*

Князь Сергѣй Ѳедоровичъ. Располагая предпринять небольшое путешествіе, вѣроятно буду я и въ Ригѣ, и на таковой случай желалъ бы я, чтобъ вы генералу отъ кавалеріи графу фонъ-деръ-Палену приличнымъ образомъ почувствовать дали, что лучше бы ему на время проѣзда моего отлучиться въ деревни или въ иное мѣсто, что въ настоящее годовое время можетъ онъ учинить безъ всякой непріятной для него огласки. Пребываю вамъ благосклоннымъ. Васъ же прошу равномѣрнымъ образомъ сохранить оное въ тайнѣ *).

Александръ.

Въ С. П. Бургѣ. Маія 10-го 1802 года.

*

Князь Сергѣй Ѳедоровичъ. Поручивъ вамъ словесно по пріѣздѣ моемъ сюда изъяснить рыцарству, магистратамъ и всѣмъ жителямъ губерніи Лифляндской особливую признательность мою за оказательства привязанности, мнѣ оказанныя, нынѣ при отъѣздѣ моемъ сугубое нахожу удовольствіе возобновить имъ чрезъ посредство ваше тѣже чувства и мое къ нимъ благорасположеніе. Благоденствіе Россіянь было и пребудетъ постоянно главнымъ предметомъ моихъ стараній. Пребываю вамъ благосклоннымъ.

Александръ.

Въ Ригѣ. Маія 26-го 1802 года.

*

Князь Сергѣй Ѳедоровичъ. Желая дать вамъ опытъ особливаго моего благоволенія и наградить службу вашу, препровождаю у сего знаки ордена Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, повелѣвая вамъ возложить оныя на себя. За удовольствіе почитаю дать вамъ сей знакъ моего благорасположенія во время настоящаго вашего начальства. Пребываю вамъ благосклоннымъ.

Александръ.

Въ Митавѣ. Маія 27-го 1802 года.

*) Собственноручно.

*

Господинъ генералъ отъ инфантеріи князь Голицынъ. Съ удивленіемъ усмотрѣлъ я изъ донесенія вашего отъ 15-го Юля, что вы сами собою уволили въ отпускъ Таврическаго гранодерскаго полку маіора Герздорфа, хотя безъизвѣстно вамъ должно быть, что безъ повелѣнія моего никто отпущенъ быть не можетъ; то прошу васъ впередъ во всемъ руководствоваться продписаніями моими, чѣмъ избавите меня неудовольствія дѣлать вамъ подобныя сему замѣчанія, маіору же Герздорфу предпишите явиться въ полкъ и коли по болѣзни неспособенъ продолжать службу, то увѣдомите меня.

„Александръ“.

Въ С. Петербургѣ. Юля 23-го 1802 года.

*

Князь Сергій Ѳеодоровичъ! Письмо ваше, содержащее въ себѣ жалобу на Кіевское Губернское Правленіе, я въ свое время получилъ.

Тогда какъ вы занимаетесь пользами Отечества, собственныя ваши пользы я приѣмлю въ особенную мою защиту: онѣ будутъ ограждены отъ всѣхъ неправыхъ притязаній.

Я приказалъ немедленно всѣ обстоятельства дѣла вашего представить на мое усмотрѣніе, и по существу его не оставляю отдалъ вамъ полную справедливость и удовлетвореніе. Пребываю вамъ всегда благосклонный.

Александръ.

Въ С. П.-бургѣ. 19 Октября 1809.

*

Съ совершеннымъ удовольствіемъ исполнилъ я порученіе вашего сіятельства, представивъ Государю Императору письмо ваше съ жалобой на Кіевское Губернское Правленіе. Изъ Высочайшаго рескрипта, вмѣстѣ съ симъ слѣдующаго, усмотрѣть изволите участіе, съ коимъ оно принято. Между тѣмъ велѣно тотчасъ дѣло сіе изъ Сената взять и, внося въ Комитетъ Министровъ, представить оное на усмотрѣніе Его Величеству. Я поставляю себѣ обязанностію наблюсти, чтобъ доведено оно было къ концу и чтобъ несправедливости, кои и прежде мнѣ были извѣстны, сколь можно скорѣе и рѣшительнѣе были пресѣчены.

Всѣ случаи, гдѣ могу я оправдать довѣріе ко мнѣ вашего сіятельства, для меня драгоцѣнны.

М. Сперанскій.

20 Октября 1809.

Письмо безъ подписи.

Душа моя, князь Сергій Ѳеодоровичъ. Я молю Бога только, чтобъ чѣмъ нибудь могла я которому нибудь изъ твоихъ любезныхъ сыновей доказать всю свою привязанность и благоугодность, ко-

торую я чувствую за всю твою ласку и любовь къ себѣ въ бытность мою здѣсь. Скажу тебѣ, батюшка, что мы оба дни безъ тебя были у колодца, танцовали тамъ и безъ тебя; но не повѣришь, какъ безъ тебя скучно и пусто, и все не такъ, какъ при тебѣ. Въ банкъ играли въ той комнатѣ, гдѣ бывали при тебѣ музыканты. Жиды ьходятъ въ залу; видимъ, что то, да не то. Приѣхала изъ Митавы лечиться сюда mad. l'abbesse Чеглокова. Князь Сергѣй здоровъ и процвѣтаетъ; мы у него чай пили вчера изъ его славнаго самовару; ведетъ себя хорошо, какъ и при тебѣ, къ намъ очень ласковъ и всѣмъ намъ очень милъ. Сегодня графиня Зубова именинница, обѣдала у насъ; а мы у ней вчера обѣдали; ѣдетъ она завтра на одинъ день въ Руендаль. Старая графиня приѣхала сюда и ждутъ сегодня Ник. Алекс. жену. Вчера курьеръ приѣхалъ отъ Буманжене; все также Финкирхенша ревнуетъ красотѣ графинѣ Зубовой, и не можно не ревновать: вчера была какъ Жидовочка, вся въ жемчугѣ, и хороша какъ ангелъ, и ласкова къ намъ ко всѣмъ. Онѣ ужасно какъ въ ней ищутъ: все думаютъ, что Валеріанъ дѣло ихъ сдѣлаетъ въ Сенатѣ; а ты больше всѣхъ ихъ знаешь—сдѣлается или нѣтъ; да оно все, кажется, можно. Прости, батюшка, душа моя, Христосъ съ тобой; дай Богъ тебѣ здоровья и благополучно объѣздить свою губернію. Ужасно люди здѣсь всѣ тебѣ благодарны, кто отъ тебя зависитъ. Вотъ, мой голубчикъ, прямое счастье я почитаю на свѣтѣ, что эдакъ быть любиму, какъ ты ото всѣхъ, кто тебя знаетъ. Вариньку мою прекрасную и милушку я цѣлую сто разъ. Князю Григ. усердно кланяюсь и всѣхъ трехъ всѣмъ сердцемъ моимъ люблю. Прощай, мой милый князь; будь веселъ и доволенъ. *Baron vous envoie deux cents roubles, mon cher oncle et vous prie de les faire changer pour des berlinky et de les lui envoyer le plus tôt possible.*

Ваше сіятельство, милостивый государь, Сергѣй Ѳедоровичъ.

Бывъ болѣнъ, не надѣясь скоро выѣхать, спѣшу поздравить ваше сіятельство съ полученіемъ Монаршаго награжденія васъ за труды, желая отъ искренняго сердца въ скоромъ времени поздравить васъ генераль-фельдмаршаломъ; а я бы только, чтобъ былъ тѣмъ счастливъ, чтобы былъ всегда подъ вашимъ начальствомъ.

Алексѣй Аракчеевъ.

10-го Апрѣля.

Москва, Маія 13 дня.

Не подумайте, мой милый князь Сергѣй Ѳедоровичъ, что я по отъѣздѣ вашемъ изъ Москвы сошла съ ума и въ безумствѣ моемъ предприняла писать къ вамъ письмо въ чаяніи получить на оное отъ васъ отвѣтъ. Извѣстная мнѣ ваша лѣнь, соединенная теперь со множествомъ дѣлъ, не позволяетъ мнѣ на этотъ счетъ заблуждаться; но я, бывъ убѣждена неотступной просьбой родни моей Катерины Александровны Муромцовой, должна была къ вамъ писать и всепокорнѣйше васъ просить сдѣлать милость взять къ вамъ

въ штатъ (если оно возможно) сына ея, Измайловскаго полку прапорщика Муромцова перваго, который на этомъ пунктѣ повредился, чтобъ служить при васъ, и меня, бабушку, непремѣнно заставилъ къ вамъ писать и васъ объ томъ просить. Но вы должны по привязанности моей къ вамъ быть увѣрены, что я никакой своей просьбой затруднять васъ не хочу; слѣдственно ежели вы сдѣлаете эту милость для Муромцова, то и присоедините сіе новое одолженіе ко всѣмъ тѣмъ, которыя вы привыкли мнѣ оказывать; ежели же и не сдѣлаете, то я нималехонько не огорчусь, потому что и прошу васъ по неотступнымъ и убѣдительнымъ просьбамъ всѣхъ родныхъ и пользуюсь симъ случаемъ, думая, что непротивно будетъ вамъ знать, что со мной и со всѣми моими дѣлается. Скажу вамъ, что мы всѣ здоровы; въ концѣ нынѣшняго мѣсяца непремѣнно должна ѣхать въ Высокое, потому что братъ 1) изъ Петербурга прямо туда ко мнѣ пріѣдетъ. Въ половинѣ зимы мы съ нимъ будемъ въ Москву; онъ по своимъ дѣламъ, а я по приданому Катинькиному, которой участь уже совсѣмъ рѣшена, но время свадьбы еще не назначено, пока не пріѣдетъ ея женихъ.—Вся семья Волкова по прежнему васъ любитъ, часто васъ вспоминаетъ и очень сожалеетъ, что не знаетъ, когда опять васъ увидитъ; но Христосъ съ вами, будьте здоровы и во всемъ утѣшены и не забывайте всѣмъ сердцемъ преданную

Маргарету Волкову 2).

Письма князя А. А. Прозоровскаго.

1.

Почтеннѣйшее и дружеское письмо вашего сіятельства отъ 15-го прошедшаго Юня имѣлъ я честь и удовольствіе получить. Я всегда удостовѣренъ былъ совершенно въ истинной приверженности вашей къ Отечеству и любви къ Монарху, и что вы всегда готовы жертвовать своимъ покоемъ для пользы службы Государя Императора. Я и теперь повторяю, что у насъ пронесся было слухъ, будто бы вамъ предлагаемо было вступить паки въ службу, но что вы отъ того отказались. Безъ лести скажу вамъ, милостивый государь мой, что личные ваши достоинства и таланты заставляли меня желать имѣть васъ моимъ сослуживцемъ и раздѣлять ваши труды на пользу общую, какъ я о семъ и упомянулъ въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ моихъ донесеній Государю Императору.

Что касается до сына вашего князя Федора Сергіевича, то на формальное отношеніе мое къ графу Николаю Петровичу Румянцову, въ коемъ просилъ я его исходатайствовать Высочайшее повелѣніе о присылкѣ сына вашего ко мнѣ для употребленія его при

1) Родионъ Александровичъ Кошелевъ.

2) Это—Маргарита Александровна Волкова, рожд. Кошелева, мать Марьи Аполлоновны, коей письма 1812 года напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1872 года. П. Б.

мнѣ, гдѣ признаю за полезное, получилъ я отъ графа Румянцова партикулярное письмо, въ коемъ пишетъ, что онъ пріостановилъ о томъ докладывать Его Императорскому Величеству для того, что изъ отзывовъ Государя Императора имѣлъ случай замѣтить, что Его Величество за излишнее почитаетъ умножать при арміяхъ число молодыхъ людей сего званія и степени. На сіе письмо отвѣтствовалъ я графу Николаю Петровичу отъ 24-го прошлаго Маія, что я счелъ полезнымъ просить объ опредѣленіи вашего сына при мнѣ, какъ во уваженіе собственно вашего желанія, такъ и потому, что молодыхъ людей надобно готовить къ государственному служенію, дабы они со временемъ могли заступать наши мѣста. Но на сіе не получилъ я еще отъ господина министра иностранныхъ дѣлъ никакого отзыва.

Въ лагерѣ при селеніи Кавени. Августа 12 дня 1808 года.

2.

Почтенное и дружеское письмо вашего сіятельства, зачисленное Декабря минувшаго года, съ искреннимъ удовольствіемъ я получилъ.

Изъ онаго вижу я, что вы въ первыхъ числахъ сего Генваря назначаете отъѣздъ вашъ въ Кіевъ, а 17-го того же мѣсяца выѣхалъ изъ Кіева камергеръ графъ Браницкій и на сихъ дняхъ явился у меня. Я спрашивалъ его, въ Кіевѣ ли вы находитесь; въ отвѣтъ отъ него получилъ, что васъ тамъ нѣтъ: и для того, по неизвѣстности о мѣстѣ вашего пребыванія, отправлю сіе письмо къ Кіевскому гражданскому губернатору г-ну Панкратьеву и прошу его, если вы въ Кіевѣ, отдать вамъ оное, а если васъ тамъ нѣтъ, отправить его по почтѣ въ Санктъ-Петербургъ. Желалъ-бы я, чтобъ вы уже тамъ были: иногда женѣ моей могутъ быть нужны совѣты ваши, тѣмъ паче, что она любила покойнаго своего брата, и печаль еще продолжается въ ея чувствованіяхъ. Я къ ней уже писалъ, чтобъ она не такъ строго исполняла траурный этикетъ; ибо довольно и того, что сердце ея въ траурѣ; а таковыя этикетки тогда только полезны бываютъ, когда при дворѣ по чужестраннымъ покойникамъ употребляютъ трауръ: ибо отъ того находится экономія въ платьѣ. Впрочемъ опредѣляетъ она свадьбу дѣтей нашихъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, какъ она меня о томъ и увѣдомляетъ; но для чего назначала она совершеніе брака въ Іюнѣ мѣсяцѣ, я не знаю. На дняхъ же ѣдетъ отъ меня курьеръ въ С.Петербургъ, то я ее спрошу, для чего она срокъ свадьбы назначила въ Іюнѣ, а при томъ усиленно буду ее просить, чтобъ она совершилась не позже Апрѣля.

Я васъ, милостивый государь мой, увѣрить могу, что и я ощущаю въ сердцѣ моемъ равное обрадованіе, что случай представился дочери моей сочетаться бракомъ съ сыномъ вашимъ, княземъ Федоромъ Сергіевичемъ и войти въ ваше семейство; а дочь ко мнѣ пишетъ сими словами: „et j'entre dans la famille, qu'il est si aisé d'aimer et de respecter et qui me témoigne déjà des bontés, qui me touchent“. И я конечно признателенъ по ея мнѣ объясненію,

и увѣренъ какъ въ томъ, что вы и княгиня ваша будете къ ней милостивы и дружны, такъ равно и въ томъ, что дочь моя по ея образу мыслей будетъ стараться быть того достойною. Князь Ѳедоръ Сергіевичъ, кромѣ всѣхъ околичностей, по ея характеру будетъ ею счастливъ; она и хозяйка. Не менѣе того увѣренъ я, что сынъ вашъ не будетъ ей дѣлать несчастія по благородному и воспитаніемъ въ немъ утвержденному чувствованію. Намъ съ вами осталось только желать благополучнаго окончанія совершенія брака любезныхъ нашихъ дѣтей; а князь Ѳедора Сергіевича буду я разумѣть и любить какъ сына. Свѣдавъ отъ жены моей, что Государь Императоръ далъ согласіе на бракъ дѣтей нашихъ, писалъ я Его Императорскому Величеству всеподаннѣйшее мое благодареніе и кстати просилъ о принятіи будущаго моего зятя въ Монаршую милость.

Въ благополучномъ городѣ Яссахъ, Генваря 26 дни 1809-го года.

Р. S. Въ Туреціи бунты и междоусобія, что намъ и благопріятствуетъ. Желать надобно, чтобы Гишпанскія дѣла продлились, дабы намъ кончить здѣсь свои. Полномочные Порты пріѣхали; однако, въ разсужденіи необычайной здѣсь зимы, долго ѣхали и теперь только достигли Виддина, и сюда скоро будутъ; я послалъ къ нимъ уже приставовъ. Начнется конгрессъ, но, кажется, будетъ безуспѣшенъ; надобно будетъ приниматься за ружье.—Армія у меня сильна и хороша; надобно только благословеніе Божіе, чтобы въ теченіи сего лѣта кончить съ Турками. Боюсь, что они не въ состояніи собрать арміи по плачевному сей державы положенію; она безъ ошибки спѣшитъ къ своему разрушенію; ибо не съ кѣмъ будетъ ни драться, ни миръ заключить, развѣ въ Константинополѣ миръ утвердить. — А наконецъ мнѣ все сдается, что намъ достанется послужить вмѣстѣ, если мои силы то позволяютъ.

3.

Съ искреннимъ удовольствіемъ получилъ я дружескія письма вашего сіятельства, сперва одно отъ 8-го Апрѣля, а потомъ другое отъ 25-го Марта. Не имѣлъ я доселѣ времени на оныя отвѣтствовать, да и теперь крайне недосугъ; но какъ переписка съ вами есть пріятное для меня упражненіе, то хотя вкратцѣ буду отвѣтствовать на письма ваши по порядку ихъ отправленія. Хотѣлъ я было писать къ вамъ своею рукою, но нечеткость почерка моего побудила меня велѣть письмо сіе переписать.

На письмо отъ 25-го Марта. Лестно и пріятно для меня было читать, сколь счастлива дочь моя въ выгодныхъ на счетъ ея заключеніяхъ вашихъ. Устраняя даже слабость любви родительской, я сказать долженъ, что она счастливо родилась; а теперь, слыша о похвальномъ характерѣ князь Ѳедора Сергіевича, я увѣренъ, что она симъ супружествомъ пріобрѣла новое счастье, усугубленное еще благосклонностію къ ней вашей, княгини вашей и всего почтеннаго семейства вашего. Я же съ своей стороны принялъ зятя въ сыновья; ибо какъ дочь у меня одна, то мнѣ дѣлать нечего.

На письмо отъ 8-го Апрѣля. О совершеніи брака дѣтей нашихъ я уже извѣщенъ и молю Бога, что бы оный на всегда былъ благополученъ; тогда и мы оба счастливы будемъ.

Участіе, пріемлемое мною въ вашемъ сіятельствѣ, проистекаетъ отъ усердія моего къ Монарху и Отечеству и отъ искренняго желанія, чтобы въ настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ удержали Россію Россіею, поелику то возможно; васъ же разумѣлъ и разумѣю я всегда имѣющимъ къ тому способности. Всѣмъ извѣстно, что причинилъ прежній выборъ командующихъ. Министрамъ у двора надлежитъ теперь быть весьма проникательнымъ, дабы рѣшиться, къ которой сторонѣ пристать для сохраненія государства; ибо всякая ошибка произведетъ вредъ невозвратимый. Надлежитъ взять въ примѣчаніе, что если Наполеонъ свергнетъ Австрію, то останется Россія одна, дабы бороться противу сего непримиримаго война и самодержца почти цѣлыя Европы. Доселѣ Австрійцы въ Германіи и въ Италіи больно бьютъ Французовъ; сіе достовѣрно; а я несчастливый предпринялъ штурмъ только на одинъ ретраншаментъ, и тотъ былъ весьма неудачливъ. Армія противу прежняго имѣетъ недостатки, особливо въ опытныхъ генералахъ, коихъ у меня чрезвычайно мало, прочіе же только для вахтъ-параду хороши, а во время войны и двадцати верстъ съ отрядомъ послать ихъ не можно; при томъ полки смѣшаны съ Поляками, Чухнами и Курляндцами, такъ что прежними Русскими назвать ихъ нельзя, а во многихъ чиновникахъ только личина ложной храбрости и самохвальство. Теперь иду за Дунай, авось Богъ поможетъ исправить первое несчастіе. Надлежитъ жертвовать собою, чтобы доставить благоденствіе Россіи. Объ опредѣленіи вашемъ я уже нѣсколько времени знаю; здѣсь конечно вы бы надобны были; но постъ, вамъ ввѣренный по настоящей войнѣ между Австрійцами и Французами, гораздо важнѣе.

Въ лагерѣ подъ крѣпостью Браиловоу, Маія 1-го дня 1809 года.

4.

Прежнее между нами родство, тѣснѣе еще связанное чрезъ посредство связи дѣтей нашихъ, усугубило и взаимныя дружескія чувствованія наши. Сіе самое и даетъ намъ свободу говорить другъ съ другомъ съ полною откровенностію. Изъ всѣхъ писаній вашихъ вижу я, что мы совершенно согласны въ образѣ заключеній нашихъ на счетъ настоящаго критическаго положенія Европы, въ которой Россія, любезное Отечество наше, со временъ Петра Великаго заняла первое мѣсто; но съ кончиною Екатерины Вторыя таковая ея слава прекратилась. Всѣ происшествія, съ того времени случившіяся, вамъ извѣстны. Теперь и послѣдняя преграда, раздѣлявшая насъ отъ всемірнаго завоевателя, приближается къ паденію, въ послѣдствіе чего уже Россія должна будетъ приносить жертвы, или бороться съ самодержцемъ цѣлыя Европы. Начало несчастія ея, какъ и вы заключаете, ознаменовано будетъ возстановленіемъ королевства Польскаго. Но кому сіе исправить, если уже не позд-

но; неужли графу Румянцову? Не имѣю я надобности описывать личныхъ его достоинствъ; они вамъ извѣстны: чего же тутъ добраго ожидать? Его конечно купить нельзя; но онъ не болѣе какъ un animal à manger du foin, и Коленкуръ имъ руководствуетъ по собственному произволу. Прочихъ министровъ вы также знаете.

Не соглашусь я однакоже съ сомнѣніемъ вашимъ, въ разсужденіи настоящія двора нашего къ заключенію перемирія между Австріею и Франціею. Я почти увѣренъ, что дѣйствительно писано было. Ибо когда положеніе Наполеона не весьма выгодно было, то имѣлъ онъ въ томъ крайнюю нужду; и такъ Коленкуръ приказалъ Румянцову написать, а сей послѣдній исполнилъ и употребилъ, можетъ быть, даже угрозы.

Я пользуюсь всѣми возможными случаями и даже всѣми мѣрами выискиваю оныя, дабы безъ всякой воздержности обнаруживать двору нашему то, чего мы ожидать должны. Хотя мнѣ на сіе не отвѣчаютъ, однако же примѣчаю я, что начинаютъ у двора открывать глаза и видѣть, что союзъ съ Французами для насъ вреденъ; но не въ состояніи они основать плана къ полезной перемѣнѣ. Слѣдовательно все въ замѣшательствѣ, и они, не рѣшась ни на что, употребляютъ только самыя малыя и, можетъ быть, даже неприличныя интриги. Вотъ причина, по которой и вамъ не отвѣтствуютъ, ибо не знаютъ, чѣмъ рѣшиться. — Я, не смотря ни на что, пишу правду, почитая сіе обязанностію вѣрнаго сына Отечества. И вы весьма похвально дѣлаете, что на томъ же правилѣ себя основываете. Впрочемъ, какому бы правленію Россія ни подверглась, мы собственность свою удержимъ, хотя бы съ нѣкоторою перемѣною. Но Голштинскій домъ все потерять можетъ.

Теперь все зависитъ отъ важной и большой рѣшимости. По мнѣнію моему, должно пристать къ коалиціи и драться до послѣдняго человѣка, съ тѣмъ, дабы либо пріобрѣсть прежнюю славу Имперіи, либо потерять все. Пусть лучше имя Россіи исчезнетъ; ибо безъ того большая милость будетъ, если въ замѣну Польши велятъ намъ завоевывать земли въ Персіи и добираться до Индостана, дабы пользоваться тамошними богатствами, хотя натура земли полагаетъ непреоборимыя тому преграды. Наполеонъ не упуститъ сего изъ виду и не оставитъ сдѣлать столь выгодныхъ предложеній.

Въ разсужденіи дальнѣйшихъ моихъ военныхъ операцій, описалъ я все въ отношеніи моемъ къ вамъ, для чего и присовокупить здѣсь нечего. Скажу только то, что съ начала никакихъ наставленій мнѣ не давали; но въ послѣдствіи времени, и то недавно, начали оныя присылать, уповательно единственно для того, дабы потомъ военный министръ могъ приписать себѣ честь, что вездѣ и все по однимъ его распоряженіямъ дѣлается.

Со времени неудачливаго Браиловскаго штурма стеченіе многихъ несчастливыхъ и прискорбныхъ обстоятельствъ, встревоживъ чувствительность души моей, вмѣстѣ съ тѣмъ разстроили и физическій составъ тѣла. Наставшіе при томъ сильныя жары и чрезвычайное занятіе безконечнымъ письмомъ еще болѣе меня ослабили, и я по-

лучилъ сильный поносъ, къ которому въ послѣдствіи времени присовокупились разные припадки, отъ подагрическихъ и геморoidalныхъ остротъ происходящіе. А какъ тѣлодвиженіе многократно въ жизни мнѣ помогало, то и предпринялъ я небольшое путешествіе, въ той надеждѣ, дабы симъ способомъ вылѣчиться. Хотя путешествіе мнѣ и не вредило, однако же силы мои день ото дня чувствительно убавлялись, такъ что я не только верхомъ ѣздить, но и пѣшкомъ ходить не могу. Видя себя по сему не въ состояніи продолжать командованіе арміею, я, по возвращеніи сюда, Іюля отъ 15-го, представилъ о томъ Государю Императору и просилъ о поспѣшнѣйшей присылкѣ мнѣ преемника. Признаюсь вамъ, милостивый государь мой откровенно, что я писалъ Государю, что я кромѣ васъ никого не знаю способнѣйшаго къ командованію здѣшней арміею. Теперь, по благодати Господней, древняя моя натура безъ лѣкарствъ начала одерживать верхъ надъ болѣзнію, и я чувствую себя лучше противу прежняго. Тѣмъ не менѣе однакоже не могу я еще питать себя совершенною надеждою выздоровѣть и приобрести въ скоромъ времени достаточныя силы, дабы предводительствовать войсками.

Въ благополучномъ городѣ Галацахъ, Іюля 23 дня 1809 года.

*

Confidentielle.

Mon prince!

Dans la lettre confidentielle que j'eûs l'honneur de vous adresser le 9 de ce mois, j'ai pris la liberté de vous observer, mon prince, „la „convenance que les sujets galliciens de mon auguste maître, qui voudraient passer de ce côté-ci, se munissent de passeports de nôtre gouvernement à Léopol ou des capitaines de cercles, pour les faire viser „par vos commandans militaires, même sous le rapport du fond qu'on „peut faire sur eux et dont vous, mon prince, et les généraux sous „vos ordres ne peuvent pas être si bien informés“.

Dans la lettre en réponse à celle-la, dont vous m'avez honoré du 10 de ce mois, vous m'avez instruit, mon prince, de ce que vous avez écrit au général Mohr: „que vous ne mettriez aucune difficulté à nos „officiers de venir dans les parties occupées par troupes, si leurs affaires particulières l'exigeaient et que vous leur donneriez volontiers „des passeports, si le général vous en demandait“.

Je ne doute pas, mon prince, que vous n'avez voulu étendre la même forme sur tous les voyageurs et qu'en l'adoptant, vous vous réserviez, comme de raison, de refuser des passeports pour ceux, que des raisons particulières, politiques ou militaires, à nous non-connues, ne vous permettâssent pas d'admettre.

Vous sentirez, mon prince, qu'outre que vous ne pouvez nous demander qu'une exacte réciprocité, que nous observerons soigneusement chaque fois que vous nous demanderez des passeports pour des Galliciens qui s'adresseront à vous pour cela et sur lesquels nos autorités en Gallicie vous auront fait leur rapport, ou pour des Russes d'après votre seul

désir, il peut y avoir des individus galliciens, que des raisons particulières nous empêcheraient d'admettre dans les circonstances actuelles, et dans ce cas se trouvent tous ceux qui ont pris part aux insurrections de manière ou d'autre, ou qui ont des rapports particuliers avec ceux qui y ont pris part.

Madame la comtesse Potoska, soeur du comte Paris, lequel se trouve d'été à la forteresse d'Olmütz pour l'insurrection de Sanok, était déjà venue une fois jusqu'à Teschen, d'où elle a dû retourner à Cracovie, lieu de sa demeure, et ses terres sont occupées actuellement par les troupes du duché de Varsovie dans le cercle de Lublin. Elle s'est adressée à moi et à d'autres pour pouvoir aller à Vienne; les ordres que nous avons ne nous ont pas permis de lui envoyer des passeports. Je ne sais, mon prince, comment elle a fait pour en obtenir un de vous avec lequel elle est arrivée ici hier. Je ne doute pas, mon prince, que vous trouverez tout simple, que je ne l'aye pas laissé passer outre et que je la fasse retourner à Cracovie; mais je m'empresse de vous en prévenir, pour obvier à tout faux rapport qui pourrait vous être fait à cet égard.

Monsieur le général-major comte de Sievers m'a fait l'honneur de m'écrire et de demander le passage sur la Vistule de $\frac{10}{m}$ mesures de charbon de terre pour Podgorie, pour les besoins des habitants sous l'entreprise d'un d'entre eux, Loeive Meier. Différentes demandes pareilles du commandant des troupes du duché de Varsovie et de particuliers, l'augmentation que s'en suivrait des galères prises de Cracovie et la facilité avec laquelle les objets passés sur la Vistule parviendraient à Cracovie, sont autant de raisons, qui m'ont fait hésiter à me rendre d'abord aux désirs de monsieur le comte de Sievers et qui m'obligent de prendre un système fixe sur tout cela, en combinant dans l'époque actuelle les considérations militaires avec les rapports politiques.

Vous me permettez, mon prince, d'en appeler ici à votre justice et à votre loyauté, pour rendre l'évacuation du cercle de Sandok entière et pour défendre que vos troupes ne continuent d'y faire des réquisitions qui par votre déclaration même ne sont motivées ni autorisées en aucune manière.

Vous paraissez, mon prince, avoir bien jugé l'approche du moment décisif; d'après des bruits il doit-être arrivé. Je suis cependant encore sans nouvelle officielle.

Prince de Didrichstein.

Biala, près Bielitz, ce 20 Octobre 1809 n. s.

*

ФРАНЦУЗЫ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1812 ГОДУ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Если императоръ Наполеонъ считалъ нужнымъ разстрѣливать и вѣшать поджигателей, то тѣмъ болѣе его заботы должны были обратиться на то, чтобы водворить порядокъ въ войскахъ, совершенно разрушенный дозволеннымъ грабежемъ и безнаказанными истязаніями и убійствами мирныхъ жителей Москвы. Одного переѣзда отъ Петровскаго парка до Кремля достаточно было для его зоркаго взгляда, чтобы замѣтить, что дисциплина въ его войскахъ совершенно разстроилась. Солдаты разныхъ корпусовъ дрались между собою изъ-за добычи, обворовывали другъ друга, не повиновались начальникамъ, видя, что многіе изъ офицеровъ также грабятъ, какъ и они, а генералы переѣзжаютъ изъ одного дома въ другой съ тѣмъ, чтобы въ новомъ помѣщеніи овладѣть новою добычею ¹⁾. Свидѣтельства, конечно робкія, окружавшихъ Наполеона лицъ, если только онъ обращался къ нимъ, должны были подтвердить вѣрность этого взгляда. Онъ не могъ не замѣтить, что грабившіе Москву солдаты его арміи были большею частію пьяны: находя значительное количество винъ въ погребахъ, они тутъ-же распивали ихъ. Такое состояніе усиливало какъ безпорядочность, такъ и жестокость грабежа. Поэтому, пріѣхавъ въ Кремль, Наполеонъ немедленно приказалъ генераль-интенданту великой арміи графу Дюмă собрать все оставшееся вино въ Москвѣ и помѣстить въ особыхъ магазинахъ: хлѣбное для правильной раздачи войскамъ, виноградное для употребленія въ госпиталяхъ. Но могъ ли быть исполненъ этотъ приказъ въ разгаръ грабежа? На другой же день маршалъ Бертье доносилъ императору (19 Сентября): „Графъ Дюмă мнѣ сообщилъ, что ваше величество приказали ему собрать все вино, которое еще можно найти въ погребахъ сгорѣвшихъ домовъ въ городѣ; но для того чтобы распоряженія, которыя по этому поводу будутъ сдѣланы, достигли цѣли, необходимо предписать герцогу Тревизскому, чтобы онъ распорядился прекращеніемъ грабежа съ завтрашняго же дня. Испрашиваю вашихъ приказаній“ ²⁾. Вѣроятно Наполеонъ далъ согласіе на предложеніе Бертье, который въ тотъ же день писалъ маршалу Даву: „Императоръ прика-

¹⁾ Chev. d'Ysarn, Relation du sejour des Français à Moscou, стр. 26—27.

²⁾ Подлинники, какъ этого письма, такъ и всѣхъ другихъ проказовъ, приводимыхъ далѣе безъ особыхъ указаній, находятся въ числѣ отбитыхъ у непріятеля бумагъ, въ Ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба.

зываетъ, чтобы съ завтрашняго дня грабежъ былъ прекращенъ въ Москвѣ. Поэтому вы устройте нужное число патрулей изъ пѣхоты и кавалеріи, которые бы развели солдатъ къ ихъ корпусамъ и чтобы никто не смѣлъ отыскивать добычи ни въ погребехъ, ни въ домахъ. Вы примете мѣры, чтобы они не оставляли мѣстъ своего квартированія, и въ полдень, или въ три часа, или когда найдете удобнѣе, вы сдѣлаете перекличку и доставите мнѣ вѣдомости, чтобы его величество зналъ число войновъ, которыми онъ можетъ располагать. Это чрезвычайно важно⁴. Наполеонъ вынужденъ былъ однакоже нѣсколько разъ повторять это приказаніе. На другой же день начальникъ его главнаго штаба опять писалъ маршалу Даву: „Императоръ съ неудовольствіемъ усматриваетъ, что, не смотря на приказъ, отданный вчера о прекращеніи грабежа, грабежъ производился сегодня точно въ такихъ же размѣрахъ, какъ и прежде. Я считаю нужнымъ повторить, что вы должны заставить уважать приказанія императора, удерживать солдатъ въ ихъ помѣщеніяхъ, поручить офицерамъ, чтобы они наблюдали за ними и наконецъ возстановить дисциплину и надлежащій порядокъ“ *). На слѣдующій день Бертье пишетъ: „Императоръ не только желаетъ, чтобы грабежъ былъ прекращенъ въ Москвѣ, но чтобы не наряжали и партіями солдатъ для собиранія жизненныхъ припасовъ или другихъ предметовъ. Въ городѣ находится еще очень много солдатъ посланныхъ съ такими порученіями. Его величество запрещаетъ подобные наряды. Поэтому выдайте приказъ по вашему корпусу, чтобы никто по такому поводу не являлся въ городъ“. Во исполненіе такихъ предписаній, отъ каждаго баталіона наряжались патрули изъ 15 человекъ солдатъ, съ офицерами, которые обязаны были прекращать беспорядки и забирать солдатъ, отлучившихся отъ полковъ. Мародеры изъ гвардіи являлись даже въ Кремль съ награбленною добычею. Сентября 17 (29) былъ выданъ новый приказъ за подписью маршала Бертье: „Не смотря на предписанія о прекращеніи грабежа, онъ все-таки продолжается въ нѣкоторыхъ частяхъ города; поэтому предписывается г.г. маршаламъ и корпуснымъ начальникамъ удерживать солдатъ въ границахъ назначенныхъ для нихъ мѣстъ пребыванія. Строго воспрещается давать позволеніе офицеру или солдату, одному или нѣсколькимъ, ходить по городу для отысканія муки, кожи или иныхъ предметовъ“. Слово всевластнаго Наполеона сдѣлалось безсильно: до такихъ размѣровъ дошло разстройство его великой арміи. Изъ этого же приказа можно замѣтить, что начальники его войскъ оправдывались передъ нимъ тѣмъ, что солдаты нуждались въ хлѣбѣ и обуви, что необходимость вынуждала ихъ къ отысканію средствъ для существова-

*) Moscou le 20 Sept. 1812: L'empereur voie avec peine que malgré l'ordre donné hier d'arrêter le pillage on s'y est encore livré aujourd'hui, au moins autant qu'auparavant; je ne puis que vous rappeler que vous devez faire respecter les ordres de l'empereur, tenir les soldats dans leurs casernes, les faire surveiller par leurs officiers et rétablir enfin la discipline et le bon ordre.

нія. Въ первые дни грабежа, солдаты, утоляя лишь дневной голодъ и жажду, накидывались преимущественно на предметы цѣнные, и какой нибудь корпусъ, награбивъ множество золотыхъ и серебряныхъ вещей, дорогихъ мѣховъ и матерій, черезъ нѣсколько дней не имѣлъ пищи. Въ первое время они не ѣли ни икры, ни соленой и копченой рыбы, ни соленыхъ огурцовъ и кислой капусты, не пили простаго хлѣбнаго вина, достаточно упиваясь виноградными винами. Вышеназванною пищею поддерживали свое существованіе несчастные Русскіе обыватели Москвы ³⁾. Въ послѣдствіи, по мѣрѣ истощенія продовольствія, непріатели сдѣлались менѣе разборчивы; но когда состоялся приказъ, о которомъ идетъ рѣчь, они еще не дошли до такого состоянія, хотя многіе уже нуждались въ пропитаніи. Чтобы помочь этому, думали замѣнить беспорядочный грабежъ правильною раздачею необходимыхъ для солдатъ вещей и продовольствія изъ магазиновъ. „Такъ какъ беспорядокъ господствуетъ въ городѣ, то ни одинъ купецъ не торгуетъ законнымъ образомъ, и лишь маркитанты и солдаты позволяютъ себѣ торговать награбленными вещами, что только поддерживаетъ беспорядокъ. Императоръ приказалъ главному интендантскому управленію собрать въ магазины все, что оставлено въ городѣ жителями, которые бѣжали, бросивъ свое имущество. Онъ намѣренъ воспользоваться оставшимся имуществомъ для правильныхъ раздачъ войскамъ“. Войскамъ роздано было на пятнадцать дней водки; виноградное вино предназначалось для госпиталей, и запрещалось отыскивать продовольствія и грабить. „Прекращеніе грабежа и водвореніе порядка могли возратить изобиліе въ эту столицу“, писалъ Наполеонъ. Губернатору города Москвы, герцогу Тревизскому, предписывалось отдать приказъ, чтобы караулы на заставахъ и разные посты и патрули въ городѣ забирали тѣхъ, которые будутъ продолжать грабить и чтобы всѣ маршалы приняли мѣры для защиты крестьянъ, „которые будутъ везти припасы и фуражъ въ Москву“.

Чтобы придать дѣйствительное значеніе всѣмъ этимъ мѣрамъ, приказъ князя Невшательскаго оканчивался слѣдующею угрозою: „Солдаты, которые будутъ пойманы и уличены въ грабежъ, съ завтрашняго дня, т. е. съ 18 (30) Сентября, будутъ предаваемы военному суду и судимы по всей строгости законовъ“ ⁴⁾.

Можетъ быть, эти строгія предписанія, угроза судомъ, которая не рѣдко и приводилась въ исполненіе, уменьшили грабежъ; но вѣроятнѣе, что первоначальная безпощадная ярость грабежа затихла отъ того, что солдатамъ ничего не оставалось грабить. „Приказано было прекратить грабежъ“, говоритъ офицеръ Наполеоновой арміи, „но онъ продолжался во все пребываніе Французскихъ войскъ въ Москвѣ. Офицеры смотрѣли на это сквозь пальцы, и только немно-

³⁾ В...ch., Hist. de la destruction de Moscou, стр. 103—104.

⁴⁾ Русс. Архивъ 1864 г. изд. 2, стр. 835—838.

гіе изъ нихъ умѣли остановить его въ нѣкоторыхъ частяхъ города“⁵⁾).

Среди этихъ заботъ привести въ порядокъ войска, заботъ, поглощавшихъ все вниманіе Наполеона, случилось происшествіе, которое смутило его и сильно возволновало всѣхъ его окружавшихъ. Съ 3-го Сентября авангардъ Французской арміи, подъ предводительствомъ Себастьяни, шелъ по пятамъ за удалявшимся войскомъ Кутузова, по Рязанской дорогѣ. Русскіе постоянно уступали ему мѣстности. Перейдя Москву-рѣку, достигнувъ г. Бронницъ, 8 Сентября, Французы замѣтили, наконецъ, что уже нѣсколько дней передъ ними находились только незначительные отряды казаковъ, которые въ этотъ день внезапно скрылись. Немедленно, 10 Сентября утромъ, былъ отправленъ офицеръ съ донесеніями къ маршалу Бертье. Въ тотъ же день посланный пріѣхалъ въ Москву, не встрѣтивъ никакихъ препятствій на пути и впущенъ былъ въ Кремль, гдѣ Наполеонъ дѣлалъ смотръ гвардіи. Бертье стоялъ возлѣ императора, и офицеръ долженъ былъ передать письмо Монтіону. „Между тѣмъ, рассказываетъ этотъ офицеръ, меня со всѣхъ сторонъ осыпали вопросами, гдѣ находятся войска, тотъ или другой корпусъ. Когда я объяснилъ, въ какомъ положеніи дѣла по Рязанской дорогѣ, что я ничего не знаю о другихъ корпусахъ и что мы слышали только отдаленную пушечную пальбу съ праваго фланга, всѣ выразили удивленіе, потому что многіе предполагали, что армія идетъ къ рѣкѣ Окѣ, преслѣдуя Русскихъ. Удивленіе возрасло, когда я сказалъ, что мы видѣли передъ собою лишь нѣсколько казачьихъ полковъ“. Между тѣмъ къ новопріѣзжему подошелъ Монтіонъ и спросилъ, гдѣ онъ оставилъ войска и что они дѣлаютъ. Получивъ въ отвѣтъ, что авангардъ находится у Бронницъ и вчерашній день прошелъ въ бездѣйствіи, Монтіонъ спросилъ, знаетъ-ли онъ, какія непріятельскія войска находятся передъ ними?—Мы никого не видали, кромѣ нѣсколькихъ казаковъ и вооруженныхъ крестьянъ“, отвѣчалъ офицеръ. „Не полагаете ли вы, что эти вооруженные крестьяне предвѣщаютъ полное народное возстаніе?“ „Я не могъ отвѣчать удовлетворительно на этотъ вопросъ, рассказываетъ офицеръ, но присовокупилъ, что они гораздо смѣлѣе Испанскихъ гверильясовъ, хотя и хуже ихъ вооружены. Узнавъ, что они не терпятъ нужды въ провіантѣ и фуражѣ, Монтіонъ заключилъ разговоръ словами: „Скажите вашему генералу, что депеши, которыя вы привезли, представлены императору“⁶⁾).

Въ слѣдъ за этимъ извѣстіемъ, въ тотъ же день пришло другое, о дѣйствіяхъ генералъ-майора Дорохова на Можайской дорогѣ. Раннимъ утромъ 10 Сентября, одинъ изъ его отрядовъ въ селѣ Перкушковѣ напалъ на непріятельскій обозъ, ѣхавшій въ Москву подъ

⁵⁾ Показанія майора Шмидта, тамъ же, стр. 820.

⁶⁾ Этотъ офицеръ былъ Брандтъ, служившій прежде во Французскихъ войскахъ, дѣйствовавшихъ въ Испаніи. Aus dem Leben des Gen. v. Brandt. Berlin, 1870 г., стр. 437—439.

значительнымъ прикрытіемъ и ночевавшій въ этомъ селѣ. Передъ разсвѣтомъ отрядъ ударилъ на деревню, взялъ въ плѣнъ двухъ капитановъ, 5 офицеровъ и 92 человекъ нижнихъ чиновъ и когда нѣкоторые изъ нихъ разбѣжались по избамъ и сараямъ, онъ зажегъ сіе послѣдніе и поднялъ на воздухъ 36 фуръ съ артилерійскими снарядами⁴. Въ то же время другой отрядъ напалъ на арьергардъ, прикрывавшій паркъ, который направлялся въ Москву, истребилъ его и взялъ въ плѣнъ 6 офицеровъ и 97 рядовыхъ, сжегъ также болѣе 20 фуръ съ снарядами. Тогда же получены извѣстія объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ Русскихъ отрядовъ изъ корпуса Винцингероде по Тверской дорогѣ противъ Французскихъ фуражировъ ⁷). „Мы потеряли слѣдъ Русскихъ войскъ“, говорилъ Наполеонъ генералу Себастьяни, раздражаясь и осыпая его упреками ⁸). Мюрату, находившемуся въ Москвѣ, немедленно поручено отправиться къ авангарду. Предполагая, что частые переговоры на аванпостахъ съ Русскими послужили поводомъ къ тому, что Себастьяни былъ обманутъ, Наполеонъ велѣлъ маршалу Бертье написать къ нему, что подъ страхомъ смертной казни запрещается входить въ переговоры съ Русскими аванпостами. „Его величеству угодно, писалъ Бертье, чтобы сносились съ непріятелемъ только ружейными и пушечными выстрѣлами“ ⁹). Въ слѣдъ за выѣздомъ Мюрата, Наполеонъ приказалъ кн. Понятовскому съ Поляками идти на Тульскую дорогу къ Подольску, а маршалу Бессьеру, герцогу Истрійскому, съ наблюдательнымъ корпусомъ, который немедленно былъ составленъ изъ частей разныхъ корпусовъ, на Калужскую дорогу къ Деснѣ. При общемъ разстройствѣ войскъ вслѣдствіе грабежа, Наполеонъ употребилъ всѣ годныя для боевой службы, чтобы разослать ихъ по разнымъ направленіямъ для узнанія, гдѣ именно находится Русская армія. Безпрерывно онъ диктовалъ самыя настоятельныя предписанія Мюрату, Бессьеру, Понятовскому; по нѣскольку разъ въ день приходилось маршалу Бертье писать къ нимъ ¹⁰). Тревога Наполеона усиливалась опасеніями его маршаловъ и въ свой чередъ усиливала то мрачное настроеніе духа, въ которомъ они находились послѣ сожженія Москвы. „Имъ все казалось, и особенно со стороны Можайска, что Кутузовъ перерѣзалъ сообщенія Французской арміи“, говоритъ одинъ изъ секретарей Наполеона ¹¹). На другой-же день по отѣздѣ изъ Москвы, Мюратъ прислалъ императору полученное отъ Себастьяни донесеніе, въ которомъ тотъ настаивалъ, что Русская армія отступаетъ къ Рязани и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ составить сильный авангардъ подъ его начальствомъ и двинуться не-

⁷) Донесеніе ген. майора Дорохова кн. Кутузову отъ 10 Сент. Донесеніе кн. Кутузова императору отъ 11-го Сент.

⁸) В. Denniée, Itinéraire de l'emp. Napoleon, Paris, 1842 г., стр. 100.

⁹) Письмо Бертье къ Мюрату 22 Сент. и. ст. Fain, Manuscrit, стр. 177.

¹⁰) Fain, Manuscrit, стр. 177—183.

¹¹) Fain, Manuscrit, т. II, стр. 112—113; 180—181.

медленно противъ Русскихъ; но Мюратъ не раздѣлялъ этой мысли и предполагалъ, что кн. Кутузовъ отступилъ на Тульскую дорогу для прикрытія этого города. Наполеонъ находился въ недоумѣніи. Въ тотъ же день, ночью съ 23 на 24 н. ст., онъ писалъ Неаполитанскому королю: „Единственная цѣль, къ которой вы должны стремиться, заключается въ томъ, чтобы напасть на слѣды непріятеля. Меня увѣряютъ, что Кутузовъ черезъ Серпуховъ идетъ на Калугу. Обратитесь въ эту сторону“.

Но болѣе всего смущали Наполеона дѣйствія нашихъ отрядовъ на Можайской дорогѣ. Онъ не могъ рѣшить, случайны-ли это набѣги небольшихъ отрядовъ и преимущественно казаковъ, или Русская армія идетъ наперерѣзъ его сообщеній и вызываетъ его на бой въ то время, когда онъ не можетъ противопоставить ей своихъ войскъ, совершенно разстроенныхъ и обремененныхъ награбленною добычею, когда онъ еще не привелъ ихъ въ надлежащій порядокъ и не возстановилъ хотя бы до нѣкоторой степени дисциплины. Онъ ожидалъ разъясненій отъ маршала Бессьера, посланнаго имъ на Калужскую дорогу. Но первое донесеніе Бессьера не было успокоительно. Не доходя до Десны, онъ сообщалъ собраннаго имъ свѣдѣнія о Русскихъ войскахъ и замѣчалъ, что „ничего вѣтъ удивительнаго, если старый Русскій генералъ, ускользнувъ отъ Неаполитанскаго короля, идетъ со всею арміею на перерѣзъ нашихъ сообщеній съ Смоленскомъ“. Наполеонъ приказалъ написать отвѣтъ, что вся его армія готова выступить въ походъ и что онъ рѣшился отбросить Русскихъ за Оку, что онъ ожидаетъ только извѣстій отъ Бессьера и Мюрата, которыя укажутъ, куда направить движеніе войскъ, на Коломну, или на Тулу. „Сообщите намъ свѣдѣнія, какъ можно скорѣе“, прибавлялъ Бертье, встревоженный постоянно приходившими извѣстіями объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ нашихъ отрядовъ на Можайской дорогѣ. „Императоръ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ отъ васъ извѣстій“, писалъ онъ въ тоже время Неаполитанскому королю. Слухъ о пораженіи отряда гвардейскихъ драгуновъ майора Мартода, перехваченная Французская почта и два курьера съ депешами, распространили тревогу по всей Можайской дорогѣ, покрытой обозами и отсталыми. Наполеонъ немедленно отправилъ туда майора Летора съ отрядомъ гвардейскихъ драгуновъ и въ слѣдъ за нимъ всю остальную дивизію генерала Сень-Сюльписа, предписывая маршалу Бессьеру скорѣе занять Десну, что по его предположенію должно было удалить Русскіе отряды съ этой дороги. Въ тотъ же день онъ поручилъ приказать генералу Бараге-д'Илье въ Смоленскѣ и маршалу Жюно въ Можайскѣ, чтобы конница и артилерія, сопровождающія обозы, шли вмѣстѣ, не раздѣляясь ни подъ какими предлогами, чтобы при остановкахъ составляли каре вокругъ обоза, чтобы начальникъ конвоя находился въ срединѣ и чтобы каждый конвой былъ подъ вѣдѣніемъ штабъ-офицера и состоялъ изъ полутора тысячи строевыхъ чиновъ, пѣхоты и конницы.

Неизвѣстность о движеніяхъ князя Кутузова продолжалась въ главной квартирѣ великой арміи до 14 Сентября ст. ст. Въ ночь

подъ этотъ день, получено было извѣстіе отъ Мюрата, что онъ дошелъ до Подольска, что Десна очищена Русскими и арміи Кутузова не находится у Красной Пахры. За тѣмъ пришли извѣстія объ отступленіи его арьергарда. На требованіе Неаполитанскаго короля о подкрѣпленіи находившагося подъ его начальствомъ авангарда маршалъ Бертье отвѣчалъ: „Императоръ далъ повелѣніе арміи быть готовою къ выступленію въ эту ночь (на 28 Сент. и. ст.) Впрочемъ (прибавлялъ онъ) извѣстія отъ маршала Бессьера ожидаютъ сегодня вечеромъ, и тогда императоръ рѣшитъ, нужно-ли двинуть армію“¹²⁾.

Усиливъ авангардъ, выдвинувъ на путь своихъ сообщений сводный корпусъ Бессьера, едва ли могъ Наполеонъ, при томъ разстройствѣ, въ которомъ находились его войска, думать о томъ, чтобы начать наступательныя дѣйствія и вызвать князя Кутузова на новый бой, какъ этого желалъ Неаполитанскій король. Для того нужно было: во 1-хъ, обезпечить путь своихъ сообщений съ Можайскомъ и Смоленскомъ и во 2-хъ, убѣдиться въ томъ, не рѣшится-ли князь Кутузовъ на дѣйствія наступательныя. Въ послѣднемъ случаѣ, конечно, онъ долженъ былъ принять вызовъ и дать сраженіе. Но когда онъ убѣдился, что Русскія войска отступили къ Тарутину и укрѣпляютъ позицію, приготовляясь только отражать нападенія, что отрядъ Дорохова отступилъ съ Можайской дороги, что его сообщенія свободны и охраняются корпусомъ Бессьера, расположеннымъ у Горокъ: то цѣль его была достигнута. Онъ писалъ о своемъ намѣреніи выступить со всею арміею для того, чтобы придать бодрости духа своимъ маршаламъ и, распустивъ слухъ объ этомъ намѣреніи, принудить Русскія войска къ дальнѣйшему отступленію. Въ тоже время, когда онъ выражалъ эту мысль, обѣщая даже отбросить Русскихъ за Оку, онъ поручалъ написать Бессьеру: „Если непріятель остановится у Пахры, то императоръ намѣренъ выступить противъ него и дать сраженіе; но вѣроятно онъ не будетъ этого дожидаться, и вся цѣль его состоитъ лишь въ томъ, чтобы убѣдиться, вся ли наша армія находится передъ нимъ. Императоръ желаетъ избавить войска отъ новыхъ трудовъ и потому не двигать своей арміи противъ непріятеля. Увѣрьте всѣхъ, что его величество со всею арміею идетъ за вами“¹³⁾. Наполеонъ поручалъ также Бертье распространить слухъ, что ему чрезвычайно было бы пріятно, еслибъ Русская армія двинулась къ Можайску и такимъ движеніемъ поставила бы себя между двухъ его армій. Въ сущности же ему было пріятно то, что онъ могъ оставаться въ Москвѣ и употреблять мѣры къ приведенію въ порядокъ войскъ, которыя конечно, въ продолженіи 25 дней пребыванія, могли бы отдохнуть, еслибъ грабежъ не разстроивалъ ихъ совершенно.

¹²⁾ Тамъ же, стр. 182—190; M. Chambray, Hist. de l'expédition de Russie, т. III, прилож., стр. 407—417.

¹³⁾ Бертье маршалу Бессьеру отъ 27 Сент. и. ст. В. Fain, Manuscrit, т. II, стр. 185—189.

Въ избыткѣ удовольствія, Наполеонъ въ этомъ же письмѣ счелъ возможнымъ похвалить дѣйствія Русскаго главнокомандующаго. Вѣроятно Бессьеръ писалъ ему, что послѣ Бородинской битвы князю Кутузову совѣтовали отступить къ Калугѣ. Отвѣчая на это, Наполеонъ говорилъ: „Движеніе на Калугу было бы явнымъ приглашеніемъ Французской арміи идти на Москву. Кутузовъ поступилъ такъ, какъ и слѣдовало ему поступить, отступивъ къ Москвѣ. Эта мѣра была до такой степени хороша, что если бы начальникъ артилеріи генералъ Ларибуасьеръ показалъ въ своей вѣдомости на 25 т. пушечныхъ выстрѣловъ менѣе разрядовъ, то императоръ долженъ бы былъ остановиться (хотя поле для битвы представлялось чрезвычайно выгоднымъ), потому что нельзя было бы взять редутовъ безъ артилеріи, снабженной большимъ количествомъ зарядовъ“.

Успокоившись отъ тревоги, причиненной неизвѣстностью, гдѣ находится Русская армія и опасеніемъ, чтобы она не вызвала его на новое сраженіе, Наполеонъ принялъ мѣры для водворенія порядка въ Москвѣ. Маршалъ Мортъе, назначенный губернаторомъ Москвы, принялся дѣятельно за отправленіе своей новой должности. Устроено было полицейское управленіе, подчиненное ему. Лессепсъ, бывший долго консуломъ въ Петербургѣ и вызванный во Францію въ 1811 году, былъ назначенъ начальникомъ муниципальнаго управленія, составленнаго изъ Московскихъ жителей, Русскихъ и иностранцевъ. Сентября 19-го (1 Октября н. ст.) онъ обнародовалъ во всеобщее свѣдѣніе, въ печатныхъ листахъ, слѣдующее *провозглашеніе*, на Французскомъ и Русскомъ языкахъ (proclamation).

„Жители Москвы! Ваши несчастія велики, но его величество императоръ и король желаетъ прекратить ихъ. Ужасные примѣры вамъ показали, какъ онъ наказываетъ неповиновеніе и преступленія. Приняты строгія мѣры для прекращенія беспорядковъ и восстановленія общей безопасности. Отечественное управленіе, составленное изъ васъ самихъ, будетъ вашею городскою управою (municipalité). Оно будетъ заботиться о васъ, о вашихъ нуждахъ, о вашей пользѣ. Ея члены будутъ отличатся красною лентою надѣтою черезъ плечо, а городской голова сверхъ того будетъ носить бѣлый поясъ. Но въ отправленій своей службы они будутъ носить перевязь на лѣвой рукѣ изъ красной ленты. Городская полиція возобновлена въ ея прежнемъ видѣ, и ся дѣятельностію введенъ уже лучший порядокъ. Правительство избрало и назначило двухъ главныхъ комиссаровъ или полицеймейстеровъ и 20 частныхъ комиссаровъ или приставовъ въ прежнихъ частяхъ города. Вы ихъ будете узнавать по перевязи изъ бѣлой ленты на лѣвой рукѣ. Многія церкви различныхъ исповѣдавій открыты, и въ нихъ безпрепятственно производится богослуженіе. Ваши сограждане ежедневно возвращаются въ свои жилища, и отданы приказанія, чтобы имъ, въ несчастномъ ихъ положеніи, оказывали должную помощь и покровительство“.

„Такія мѣры приняты правительствомъ для того, чтобы восстановить порядокъ и облегчить ваше положеніе. Но чтобы достигнуть этого, необходимо, чтобы и вы приложили къ тому свои старанія, чтобы забыли, по возможности, тѣ несчастія, которыя вы претерпѣли, наполнили бы ваши души надеждою на участь менѣе суровую, чтобы вы были увѣрены, что неизбежная и позорная смерть ожидаетъ тѣхъ, которые бы осмѣлились покуситься на васъ лично или на ваши имущества

и не сомнѣвались наконецъ въ томъ, что они будутъ сохранены, потому что такова воля величайшаго и справедливейшаго изъ всѣхъ монарховъ“.

„Солдаты и обыватели, какой бы народности вы ни были! Возстановите общественное довѣріе (la confiance publique), источникъ благоденствія государствъ; живите какъ братья, подавайте взаимно другъ другу помощь и покровительство, соединитесь виѣсть, чтобы не дать ходу намѣреніямъ злыхъ людей; повинуйтесь гражданскимъ и военнымъ властямъ, и въ скоромъ времени перестанутъ литься ваши слезы“.

Это воззваніе, подписанное „интендантомъ города и Московской провинціи“ Лессепсомъ, распространенное по городу во множествѣ печатныхъ листовъ, должно было внушить нѣкоторую надежду несчастнымъ обывателямъ Москвы. Но суждено ли было осуществиться такой надеждѣ?

Когда задумали учредить полицію и городское управленіе, говорить одинъ изъ очевидцевъ-Французъ, то первую не трудно было устроить, потому что не были строги въ выборѣ и потому что тѣ, которые принимали полицейскія должности, надѣялись защитить себя отъ грабежа и приобрѣсти насущный хлѣбъ. На это рѣшились только тѣ, которые не имѣли никакихъ другихъ средствъ для существованія. Но трудно было устроить городское управленіе, потому что всѣ, кому предлагали въ немъ участіе, постоянно отказывались. Настойчивыя увѣренія, что ихъ обязанности будутъ заключаться только въ томъ, чтобы заботиться о поддержаніи порядка въ городѣ и опасеніе, что рѣшительнымъ отказомъ навлечешь на себя новыя бѣдствія, заставили нѣкоторыхъ, особенно изъ купцовъ, принять эти должности ¹⁴⁾. Разказы современниковъ, вынужденныхъ принять участіе въ этомъ городскомъ управленіи, объясняютъ, какъ оно составлялось. Одинъ изъ нихъ говоритъ, что въ ихъ домъ пришелъ Французскій офицеръ и потребовалъ одного изъ членовъ купеческаго семейства къ интенданту Лессепсу. Все семейство пришло въ ужасъ; но когда позванный купецъ явился къ Лессепсу, онъ объявилъ ему, что онъ избранъ въ муниципальное управленіе, гдѣ и долженъ занять свое мѣсто. „Я, выслушавъ приказаніе (пишетъ Московскій обыватель въ своихъ воспоминаніяхъ) просилъ его объ увольненіи, представляя ему, что имѣю престарѣлыхъ родителей, жену и восемь человекъ дѣтей и что часть нашего дома сгорѣла, и онъ весь разграбленъ. Лессепсъ сказалъ, что онъ уволить меня не можетъ, потому что я выбранъ не имъ, а самими Русскими. Я настоятельно повторилъ мою просьбу; онъ долго слушалъ и наконецъ, разсердившись, сказалъ: „Что же вы со мною разговариваете? Развѣ хотите, чтобы я о васъ, какъ объ упрямцѣ, донесъ моему императору Наполеону, который, въ примѣръ другимъ, прикажетъ васъ разстрѣлять?“ Принудительное средство достаточно сильное, и привести его въ исполненіе въ то время ничего не стоило Лессепсу: въ своей прокламаціи онъ прямо заявляетъ, что императоръ предастъ позорной казни не только зажигателей, но и *ослушниковъ*

¹⁴⁾ Chev. d'Ysarn, Relation du sejour des Français à Moscou, стр. 28.

его воли. Послѣ этого, говоритъ разскащикъ, „я уже не нашелся и не осмѣлился сказать ни слова. Лессепсъ, походя по комнатѣ, приказалъ мнѣ идти за собою и ввелъ въ одну изъ комнатъ, гдѣ уже голова засѣдалъ съ своими товарищами. Имъ сказалъ, чтобы показали мѣсто и приказалъ мнѣ его занять, что я и принужденъ былъ исполнить“¹⁵⁾. Головою былъ назначенъ купецъ Находкинъ. Его также вызывали къ Лессепсу, который объявилъ ему, что онъ назначается городскимъ головою. Находкинъ отвѣчалъ: „Ваше превосходительство! Какъ честный человекъ, я долженъ прежде всего объявить вамъ, что никогда я ничего не сдѣлаю противъ моей вѣры и моего Государя“. Лессепсъ, нѣсколько удивленный рѣшительностію Находкина, отвѣчалъ: „Вражда императора Наполеона съ императоромъ Александромъ до васъ не касается; ваши обязанности будутъ состоять лишь въ томъ, чтобы наблюдать за благоденствіемъ города“. О самомъ Находкинѣ и его дѣятельности сохранили добрыя воспоминанія Московскіе обыватели того времени, какъ Русскіе, такъ и иностранцы. Въ товарищи ему были назначены именитый гражданинъ Федоръ Фракманъ, купецъ Петръ Коробовъ и надворный совѣтникъ Бестужевъ-Рюминъ¹⁶⁾. Сей послѣдній, послѣ встрѣчи съ Наполеономъ, находился подъ охраною офицера Французскихъ войскъ, въ домѣ князя Одоевскаго у Петровскаго монастыря, когда, по приказанію императора, его потребовали къ коменданту города графу Милѣ, который съ запискою отъ себя отправилъ его къ маршалу Мортье. „Я не могу довольно похвалиться, говоритъ Бестужевъ-Рюминъ, привѣтливостію и ласкою этого маршала“. Онъ спросилъ Бестужева, тотъ ли онъ самый, которому было поручено хранить архивы въ Кремлѣ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, Мортье изъявилъ сожалѣніе къ его несчастному положенію, предлагалъ ему одежду и денегъ (которыхъ тотъ не принялъ), сказалъ ему объ учрежденіи городского управления въ Москвѣ и объявилъ волю императора, чтобы онъ принялъ званіе товарища головы. „На первый разъ, говоритъ Бестужевъ-Рюминъ, я сдѣлалъ было отрицаніе мое отъ участія въ немъ; но маршалъ говорилъ, что это управление учреждается не въ пользу Французовъ, а напротивъ считаютъ такое учрежденіе единственнымъ средствомъ защитить несчастныхъ моихъ соотечественниковъ отъ грабежа, насилій и обидъ; слѣдовательно и отклоненіе отъ участія въ исполненіи этого намѣренія, съ моей стороны, несправедливо“. Къ тому же маршалъ прибавилъ, что онъ не рѣшится донести императору объ его отказѣ. Онъ показалъ ему наставленіе, данное этому управленію. Прочитавъ его, Бестужевъ согласился принять возла-

¹⁵⁾ Записки Григорія Никитича Кольчугина, рукопись, сохранившаяся у внука его Московскаго книгопродавца Ивана Ивановича Кольчугина и съ просвѣщенною готовностью сообщенная имъ въ Русскій Архивъ.

¹⁶⁾ Armand Domergues, La Russie pendant les guerres de la révolution et de l'empire, т. II, стр. 90 и слѣд.; Chev. d'Ysarn, Relation, стр. 28 и 29; Дѣло о лицахъ, принявшихъ должности отъ Франц. правительства, рѣшенное окончательно Госуд. Совѣтомъ 17-Мая 1815 г.

гаемыя на него обязанности, потому что не нашелъ въ немъ ничего противнаго совѣсти и сопряженнаго съ нарушеніемъ присяги¹⁷⁾.

Не одни Русскіе уклонялись отъ принятія должностей въ городскомъ управленіи, но и нѣкоторые изъ иностранцевъ, особенно эмигранты, старались не принимать въ немъ участія. Одинъ изъ такихъ эмигрантовъ, бывшій въ Русской службѣ, отставной поручикъ Д'Орреръ находился съ семействомъ въ Москвѣ. Ограбленный, какъ и всѣ другіе Москвичи, онъ нашелъ пріютъ и защиту въ домѣ, въ которомъ поселился генераль Ванъ-Деденгъ, Голандецъ. Д'Орреръ нѣсколько сблизился съ нимъ. Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ этомъ домѣ, генераль, бесѣдуя съ нимъ наединѣ, спросилъ: „Видились ли вы съ Лористонемъ, Лессепсомъ или маршаломъ Мортье?“ На отрицательный отвѣтъ Д'Оррера, генераль замѣтилъ, что такимъ образомъ дѣйствій онъ сдѣлаетъ себя подозрительнымъ. „Я принялъ Русское подданство, присягалъ Русскому императору, а потому не могу считать себя Французомъ“. „Это внушить еще сильнѣйшее подозрѣніе“, сказалъ генераль и вручилъ Д'Орреру письмо, говоря: „Доставьте его лично завтра въ 10 часовъ графу Дарю. Если не исполните этого порученія, то пеняйте сами на себя“. На другой день Д'Орреръ отправился. Дарю принялъ его очень ласково и послѣ нѣсколькихъ любезныхъ выраженій спросилъ: какими способами возможно бы пріобрѣтать продовольствіе для войскъ?— „Не могу указать ни на какіе способы, отвѣчалъ Д'Орреръ, потому что Французскія войска продолжаютъ грабить окрестности столицы за своими аванпостами; изъ за Русскихъ же аванпостовъ очевидно не могутъ проходить продовольственные запасы въ Москву, потому что они ихъ не пропустятъ“. „Вы не хотите сказать правду, съ неудовольствіемъ замѣтилъ Дарю; вы жили долго въ Россіи, вы знаете Русскій языкъ, вы имѣете чинъ и орденъ: вамъ легко бы оказать намъ услугу. Вы будете потомъ расказываться, что отказываетесь это сдѣлать, потому что намъ очень хорошо извѣстно, что все ваше семейство принадлежитъ къ эмигрантамъ, а я полагаю, что вамъ извѣстны Французскіе законы противъ нихъ. Подите и подумайте“¹⁸⁾.

Приходилось прибѣгать къ угрозамъ. Умѣли, однакоже, безъ особенныхъ затрудненій, устроить полицейское управленіе, которое все состояло изъ иностранцевъ, обывателей Москвы. Изъ нихъ многіе охотно принимали эти должности, чтобы избавиться отъ грабежа и пріобрѣсть насущный хлѣбъ, а нѣкоторые, конечно Французы, изъ увлеченія славою великаго полководца.

Военные начальники, сдерживавшіе солдатъ въ мѣстахъ, назначенныхъ имъ для пребыванія и посылавшіе постоянно патрули по городу, вмѣстѣ съ вновь учрежденною полиціею, должны были заботиться о прекращеніи грабежа. Обязанности городского управле-

¹⁷⁾ Чтенія въ импер. обществѣ истор. и древностей 1859 г. кн. II, отд. V, стр. 170.

¹⁸⁾ Записки Д'Оррера, рукопись.

нія состояли въ томъ, чтобы заботиться о пользахъ и нуждахъ несчастныхъ Русскихъ обывателей, какъ говорилъ Лессепись въ своемъ объявленіи. Но могло-ли оно исполнить возложенныя на него обязанности? Послѣ принятыхъ Наполеономъ мѣръ, повальный, беспощадный грабежъ дѣйствительно прекратился, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ начальники войскъ принимали строгія мѣры; но вообще грабежъ не прекращался, какъ свидѣтельствуютъ сами Французы и установленные ими полицейскіе чиновники. Спустя десять дней послѣ перваго приказа, запрещавшаго грабить и многихъ повтореній этого запрещенія, маршалъ Бертъ писалъ, 30-го Сент. н. ст., герцогу Экмюльскому: „Садясь на лошадь, чтобы сопровождать императора, я увидалъ солдатъ, которые грабили и, подѣхавъ къ нимъ, замѣтилъ въ ихъ числѣ одного съ капитанскими эполетами. Я велѣлъ привести его ко мнѣ, и по допросу оказалось, что онъ вовсе не офицеръ, но переводчикъ генерала Морана (Morand) и что этотъ генералъ приказалъ ему носить эполеты. Я велѣлъ ему снять ихъ и спрятать въ карманъ, а самаго отправляю къ вамъ, чтобы вы подвергли его наказанію, какое сами признаете справедливымъ. Вы знаете, маршалъ, до какой степени заботится императоръ о возстановленіи порядка“. Въ тотъ же день вышло новое повелѣніе изъ главной квартиры, чтобы приказъ о запрещеніи грабежа читался въ продолженіи многихъ дней передъ ротами различныхъ корпусовъ. Свидѣтельства начальника главнаго штаба великой арміи подтверждаются донесеніями маршалу Мортъ полицейскихъ чиновниковъ. „Часть моего округа, доносилъ 2 Окт. н. ст. своему начальству одинъ изъ нихъ, по имени Лалансъ, находящуюся за Яузою, постоянно грабятъ солдаты 3-го корпуса (маршала Нея), которые не только отнимаютъ у несчастныхъ, укрывающихся въ подвалахъ, все ничтожное имущество, которое у нихъ осталось, но имѣютъ жестокость наносить имъ раны саблями, какъ это я видалъ нѣсколько разъ. Раненные, которые помѣщены въ госпитальъ Воспитательнаго Дома, выходятъ оттуда отнимать у Русскихъ набранную ими капусту и картофель“. „Обходя мой округъ, Якиманскую часть, доносилъ другой, 5 Окт. н. ст., около полудни, я вошелъ въ домъ купца Николая Филатова Глетчева и нашелъ въ немъ трехъ солдатъ гусарскаго полка, которые грабили. Будучи одинъ, а стража далеко, я не могъ ничего сдѣлать; но отнял у нихъ добычу и возвратилъ этому купцу. Въ это же время еще четыре солдата, и между ними одинъ гвардейскій гренадеръ, съ саблями на голо, вошли въ домъ дьякона церкви Успенія въ Казачьемъ и силою отняли у него и его семейства, состоящаго изъ 14-ти человекъ, послѣдніе два хлѣба“. „Отставнаго Русскаго сержанта обокралъ третьяго дня вечеромъ фурьеръ 10 роты гвардейской кавалеріи и взялъ четверть овса, 4 рубашки и двѣ пары чулокъ“. „Русскій сержантъ знаетъ мѣстопребываніе Французскаго солдата“, писалъ 9 Окт. н. ст. приставъ Прѣсенской части Мишель Маркъ. Приставъ Басманной части, Гюбертъ Дрозъ, извѣщалъ, отъ того же числа, что въ его округѣ „ничего нѣтъ новаго, исключая того, что солдаты воруютъ и грабятъ“ и черезъ нѣсколько дней: „воров-

ство и грабежъ продолжаются. Составилась цѣлая шайка грабителей въ нашемъ округѣ которую можно разогнать только значительною силою¹⁹. Такія донесенія подавали Французскіе полицейскіе пристава въ послѣднихъ числахъ Сентября мѣсяца.

Между тѣмъ Наполеонъ въ тоже время говорилъ окружавшимъ его лицамъ: „Мы стараемся водворить порядокъ въ столицѣ“. Этимъ стараніямъ препятствовали другія мѣры, имъ же самимъ принимаемыя. Разстройство его арміи было таково, что скоро прекратить его не представлялось возможности. Солдаты не слушались начальниковъ. Начальники не всегда рѣшались прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ, видя, что солдаты дѣйствительно нуждаются въ средствахъ пропитанія и одеждѣ. Даже послѣ первыхъ дней всеобщаго грабежа, нѣкоторыя части войскъ не имѣли пропитанія, хотя у нихъ было много драгоценныхъ вещей, дорогихъ матерій, сахару и чаю¹⁹). Неправильное распредѣленіе добычи въ первые дни послѣ грабежа, и потомъ постоянное уменьшеніе средствъ пропитанія, должны были поддерживать грабежи, а вмѣстѣ и разстройство Наполеоновои арміи. Если бы онъ привелъ въ исполненіе ту мѣру, которую намѣревался предпринять, т. е. правильную выдачу войскамъ провіанта, фуража и новое обмундированіе, то можетъ быть его строгіе и много разъ повторяемые приказы достигли бы цѣли. Но онъ едва могъ обезпечить существованіе одной гвардіи. Черезъ два дня по возвращеніи его въ Кремль, начальникъ его штаба Бертье, князь Невшательскій, представлялъ ему, что дивизія Пино, одна только изъ войскъ Итальянскаго вице-короля, нуждается въ продовольствіи и просилъ дозволенія выдать ей сто квинталовъ муки изъ запаснаго магазина Воспитательнаго Дома. На этомъ представленіи Наполеонъ написалъ одно слово: *отказать* (*refuser*). Маршалъ Мортъе обращался къ нему съ такими же требованіями и получалъ такой же отказъ. „Мой братъ! (*mon cousin*)“, писалъ Наполеонъ къ маршалу Бертье, „герцогъ Тревизскій требуетъ продовольствія для полицейскихъ чиновниковъ; онъ также требуетъ его для дѣтей Воспитательнаго Дома, еще требуетъ для Русскихъ, находящихся въ больницахъ, требуетъ и для больныхъ жителей, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Всѣ эти требованія совершенно законны, и ни одно не можетъ быть удовлетворено. Необходимо, чтобы Русское городское управленіе образовало общество изъ Русскихъ и отрядами посылало ихъ по деревнямъ забирать продовольствіе, уплачивая за него деньги. Главный интендантъ будетъ давать деньги изъ тѣхъ суммъ, которыя я для этого предназначилъ. При городскомъ управленіи устроить складъ, изъ котораго это продовольствіе и будетъ выдаваемо для исчисленныхъ потребностей. Это общество (*compagnie*) можетъ называться полицейскимъ и, если это удастся, то въ послѣдствіи можно составить еще три-четыре подобныхъ общества. Обходя окрестности города, они устроятъ такъ, чтобы привозилось сюда за деньги все необходимое для госпиталей.

¹⁹) D. de Fezensac, Souvenirs milit., стр. 268; Labeaume, стр. 237.

Вотъ единственный способъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ. Поговорите объ этомъ съ Лессепсомъ и чтобы, не теряя времени, приступили къ исполненію²⁰⁾.

Почему же Наполеонъ не разрѣшалъ выдачу продовольствія изъ составленныхъ по его предписанію генераль-интендантомъ магазиновъ? Во всеуслышаніе Европы онъ говорилъ: „Хотя пожаръ убавилъ средства для содержанія войскъ; но, не смотря на то, ихъ найдено уже и открывается очень много. Огонь не коснулся погребовъ... Войска отдыхаютъ отъ усталости; они имѣютъ въ изобиліи хлѣбъ, картофель, капусту и другія овощи, съѣжую говядину, соленую провизію, вино, водку, сахаръ, кофе и вообще всякаго рода продовольствіе“²¹⁾. Но такъ говорилъ онъ въ бюллетеняхъ великой арміи, а между тѣмъ, по вѣдомости, представленной ему графомъ Дюма, онъ очень хорошо зналъ, сколько именно удалось собрать въ устроенные имъ склады оставшихся послѣ пожаровъ предметовъ продовольствія и обмундированія. Вѣдомость показываетъ, какое относительно незначительное количество собрано было хлѣба въ зернѣ, муки и фуража²²⁾. Это обстоятельство вынудило Наполеона запретить выдачу для своихъ войскъ, не только для несчастныхъ Московскихъ обывателей. Онъ заставлялъ даже голодать свой авангардъ, передъ которымъ находилась вся Русская армія²³⁾. При-

²⁰⁾ Chambray, Hist. de l'expédition en Russie т. III, прилож., стр. 406 и 424; B. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 135.

²¹⁾ 19-ти bulletin de la grande armée. Moscou, 17 Sept. 1812.

²²⁾ Intendance générale.—Grande armée.

Tableau par aperçus des ressources existantes après l'incendie dans la place de Moscou.

Grain- froment.	Eau-de vie		Fourrages		Bois et lumières			
	Farine	Grain	pentres	rations	sacs d'avoine	rations	stères	rations
18000 q-x.	8000	4000	4073000	65000000	8000	200000	36000	450000

Nota. Les équipages militaires ont transporté jusqu'à ce jour envers 8000 quintaux de farine du magasin des enfans trouvés au Kremlin.

Un magasin de farine contenant 1000 q. que S. M. a daigné faire connaître s'évacue sur le magasin placé près du lieu où on construit les fours, la quantité qu'il renferme n'est pas comprise dans les huit mille quintaux. Ne sont pas compris non plus 896 q. de farine chargés à Elbing qui viennent d'arriver dans la place; ils seront exposés au magasin de service courant près des fours.

Moscou, le 27 Sept. 1812.

Le général de division, conseiller d'état, intendant-général.

C-te Dumas.

²³⁾ C-te Belliard, Mémoires т. I, Письмо Мюрата отъ 10-го Окт., стр. 112; Шамбре, т. II, стр. 205—206.

берегая эти запасы для будущихъ военныхъ движеній, онъ настаивалъ въ письмахъ изъ Москвы къ герцогу Вассано въ Вильну, чтобы какъ можно скорѣе доставлены были амуниція и обувь, заготовленные въ Данцигѣ, о которыхъ онъ предполагалъ, что они доставлены уже въ Минскъ ²⁴⁾.

Въ такомъ положеніи дѣль, конечно, ни вновь устроенная полиція, ни городское управленіе не могли принести особенной пользы жителямъ и удовлетворять ихъ нуждамъ. Русскіе члены городского управленія, убѣдившись въ этомъ, избѣгали отправленія своей должности. На нихъ были возложены разныя порученія. Такъ Кольчугину предписано было, съ нѣкоторыми изъ другихъ членовъ, заботиться о возстановленіи въ церквахъ богослуженія и имѣть надзоръ за больными. По возвращеніи въ первый разъ изъ присутствія, говоритъ Кольчугинъ, „мы положили избѣгать засѣданій, журналовъ не подписывать, а являться или передъ присутствіемъ, или послѣ его окончанія и давать о себѣ знать, что пошелъ въ такой-то приходъ или такую-то часть къ больнымъ или былъ тамъ-то“. Но возложенныя обязанности могли служить предлогомъ; а „выполнить ихъ было невозможно, потому что церкви были разграблены и осквернены, а больные нигдѣ не были собраны вмѣстѣ. За недѣлю, или около того, до выхода Французовъ, по требованію Лессепса, городское управленіе назначило меня въ командировку, быть переводчикомъ при отрядѣ, который намѣрены были отправить для закупки хлѣба или фуражировки по окрестнымъ селеніямъ, вокругъ Москвы. Одинъ изъ хорошо знакомыхъ мнѣ членовъ правленія зашелъ и предупредилъ меня. Прежде всего представился ужасъ: если этотъ отрядъ встрѣтится съ Русскимъ, произойдетъ сраженіе, а пули и картечи не разбираютъ, что Русскій взятъ по волѣ или по неволѣ. За тѣмъ явилась мысль: участвовать въ продовольствіи непріятеля было бы противъ присягѣ Государю, противъ Отечества и совѣсти“. Кольчугинъ притворился больнымъ и этимъ избавился отъ порученія. Инымъ удавалось, подъ разными предлогами, уклоняться отъ такихъ порученій; но другіе вынуждены были повиноваться приказаніямъ непріятеля; поддались и нѣкоторые крестьяне окрестныхъ деревень. Подмосковные жители с. Останкина пріѣхали въ Москву на 30 подводкахъ съ овсомъ и мукою. У нихъ все было закуплено и заплачено за хлѣбъ; ихъ отпустили назадъ и поручали пріѣхать опять. Но едва они выѣхали за городъ, какъ на нихъ напали непріятельскіе солдаты, били, отняли лошадей, а крестьянъ возвратили въ Москву и заставили работать. Такой образъ дѣйствій конечно не могъ поводить крестьянъ привозить на продажу въ Москву свои сельскія произведенія, если бы даже и нашлись охотники. Но охотниковъ было немного. „Мы стояли у воротъ дома (разсказываетъ одинъ изъ иностранцевъ), вмѣстѣ съ полковникомъ Домономъ и двумя Французскими офицерами и увидали, что солдаты ведутъ къ намъ мужика. Онъ

²⁴⁾ Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 141—143.

былъ блѣдень, слезы катились изъ глазъ, а въ рукахъ у него былъ печатный листъ бумаги. Онъ хотѣлъ говорить съ генераломъ; ему указали на полковника, которому онъ объяснилъ, что въ ихъ деревню были присланы печатныя объявленія на Русскомъ языкѣ, которыми крестьяне приглашались привозить всякіе припасы въ Москву съ обѣщаніемъ за все платить исправно. Мы съ братомъ, говорилъ бѣднякъ, повѣрили, нагрузили три воза и поѣхали къ Москвѣ; но подъ самымъ городомъ на насъ напали солдаты и ограбили. Братъ хотѣлъ защищать воза, и его убили. При этомъ онъ показалъ объявленіе, обогренное кровью его брата. Полковникъ обѣщаль, разобравъ дѣло, строго наказать солдатъ, если они были изъ его полка и далъ ему денегъ; но не могъ возвратить брата. Разумѣется, слухъ объ этомъ распространился по окрестнымъ деревнямъ, и никто не сталъ возить припасовъ въ Москву²⁵⁾. Если извѣстіе объ Останкинскихъ крестьянахъ и справедливо, то оно составляетъ исключительное явленіе²⁶⁾. Подражателей имъ не нашлось. „Французы, говоритъ одинъ изъ Русскихъ очевидцевъ-свидѣтелей, прокламаціею къ нашимъ поселянамъ приглашали ихъ привозить въ Москву ихъ произведенія, обѣщая имъ свободную продажу и всякое покровительство и защиту. Лессепсъ приглашалъ желающихъ ѣхать въ дальнія деревни покупать хлѣбъ на деньги, обѣщая имъ за эту услугу большія милости; но одинъ изъ Москвичей, вызвавшійся выполнить требуемое порученіе, поѣхалъ съ деньгами и, какъ увѣряютъ, назадъ не возвратился; другой едва отъ крестьянъ унесъ ноги; а изъ подъ-московныхъ крестьянъ никто съ произведеніями своими и глазъ въ Москву не показывалъ“²⁷⁾. Расплата фальшивыми Русскими ассигнаціями, которыя немедленно были оцѣнены по достоинству, также не могла привлечь продавцевъ²⁸⁾.

Въ такомъ положеніи дѣлъ, конечно ни Французскія войска не могли быть приведены въ порядокъ, ни обезпечены существованіе и безопасность Московскихъ жителей. Не смотря на ежедневные смотры войскамъ, которые дѣлалъ самъ Наполеонъ, не смотря на строгія предписанія его начальника штаба, даже въ самой гвардіи не удавалось водворить порядокъ. Дневные приказы маршала Лefевра могутъ служить тому доказательствомъ. „Императоръ чрезвычайно недоволенъ, писалъ онъ въ одномъ изъ нихъ, что, не взирая на строгія приказанія прекратить грабежъ, только и видны отряды гвардейскихъ мародеровъ, возвращающихся въ Кремль“²⁹⁾.

²⁵⁾ Воспоминанія о 1812 г. Вендрамини. Русс. Инвалидъ, 1864 г. № 30.

²⁶⁾ Русск. Архивъ 1864 г., стр. 796, Извѣстія изъ Москвы, 4.

²⁷⁾ Корбеленкій, Краткое повѣствов. о вторж. Французовъ въ Москву, стр. 80.

²⁸⁾ Bar. Peyrusse, Mémorial, стр. 107. Il a été versé dans une caisse par m. le grand-maréchal un million en roubles. Sa majesté a fixé a 1 fr. chaque rouble en papier. 1-e Octobre.

²⁹⁾ Ordre du jour du 21 Sept. 1812. L'empereur voit avec peine que les soldats destinés à la garde de sa personne, qui devraient conséquemment donner dans toutes les circonstances l'exemple de l'ordre et du

Но запрещенія не дѣйствовали; спустя нѣсколько дней, въ началѣ Октября, тотъ же маршалъ писалъ въ приказѣ: „Въ старой гвардіи безпорядки и грабежъ возобновились сильнѣе нежели когда нибудь, вчера, въ послѣднюю ночь и сегодня. Съ соболѣзнованіемъ видить императоръ, что отборные солдаты, предназначенные охранять его особу, которые должны подавать другимъ примѣръ подчиненности, до такой степени не повинуются приказаніямъ, что разбиваютъ погреба и магазины, приготовленные для арміи. Они дошли до такой степени униженія, что не слушались часовыхъ и караульныхъ офицеровъ, бранили ихъ и били ³⁰⁾. Всѣ офицеры, всякихъ чиновъ, проходя съ войсками мимо императора, должны салютовать шпагою его величеству. Сегодня, на разводѣ, это не исполнялось. Герцогъ Данцигскій, поставляя на видѣ офицерамъ такое неисполненіе обязанностей, предписываетъ начальникамъ всѣхъ частей войскъ, чтобы они наблюдали за порядкомъ службы“ ³¹⁾. Если таково было положеніе гвардіи, получавшей (хотя и неправильно) выдачи провизіи, то другія войска безъ сомнѣнія находились еще въ худшемъ положеніи. Фуражировки въ окрестностяхъ Москвы, уже опустошенныхъ, мало доставляли способовъ пропитанія и притомъ были опасны. Вооруженные крестьяне и казаки истребляли фуражировъ, и немногіе изъ нихъ возвращались съ добычею. Ближайшія окрестности были скоро истощены совершенно; приходилось отправлять отряды въ болѣе отдаленныя мѣстности, гдѣ встрѣчали ихъ казаки вмѣстѣ съ вооружившимися крестьянами. Большая часть фуражировъ погибали, а нѣкоторые возвращались въ Москву, не находя ни хлѣба, ни фуража.

При ежедневныхъ переключкахъ солдатъ, которыя обязаны были дѣлать офицеры, они замѣчали, какъ постоянно убывало число людей въ ихъ командахъ ³²⁾. Лошади падали сотнями; едва-едва поддерживалась гвардейская конница; остальные почти всѣ должны были спѣшиться. Въ такомъ же положеніи находилась и артилерія. Наполеонъ употреблялъ всѣ способы, чтобы исправить положеніе дѣлъ: требовалъ, чтобы прислали ему 14 тысячъ лошадей изъ Вильны, закупивъ ихъ въ Литвѣ, Варшавѣ, Эльбингѣ, Ганноверѣ и Берлинѣ, предписывалъ употреблять Русскихъ крестьянскихъ лошадей для артилеріи; но первая мѣра не могла быть исполнена во-время, крестьянскихъ же лошадей можно было брать не иначе, какъ съ бою. Хотя солдаты и многіе изъ офицеровъ до послѣдняго времени вѣрили въ мудрость и счастье своего предводителя, который можетъ вывести ихъ изъ всякаго затруднительнаго положенія ³³⁾; но

subordination, s'oublent de commettre des pareilles fautes. Il en est qui ont enfoncé des caves et des magasins de farine que faisait garder l'intendant-général.

³⁰⁾ Ordre du jour du 29 Sept. 1812.

³¹⁾ Ordre du jour du 6 Octobre 1812.

³²⁾ Labaume, Relation de la campagne de Russie, стр. 239 и др.

³³⁾ Roos, Ein Jahr aus meinem Leben, Petersb. 1832, стр. 148.

эта вѣра въ лицахъ болѣе образованныхъ начинала разрушаться. Многие офицеры и даже генералы были до такой степени необразованы, по свидѣтельству современника-очевидца и Француза, что о политическихъ дѣлахъ они разсуждали также, какъ и солдаты. Они упрекали Русскихъ, „зачѣмъ они сожгли такой прекрасный городъ. Мы бы нашли въ немъ хорошія зимнія квартиры, говорили они; у насъ у всѣхъ были деньги, мы бы ихъ истратили, жители возвратили бы такимъ образомъ назадъ все, что съ нихъ взято было бы въ видѣ военной контрибуціи, и всѣ мы были бы счастливы“⁴. Но болѣе просвѣщенные легко соглашались съ иными взглядами на дѣло: они признавались, что въ самолюбіи Бонапарта причина всѣхъ золъ. Въ откровенныхъ разговорахъ они говорили о томъ, что „Франція совершенно разорена и что такой порядокъ дѣлъ не можетъ долго продолжаться“³⁴). Что же послѣ этого могли говорить иностранцы, по неволѣ увлеченные Наполеономъ въ войну съ Россіею? Одинъ капитанъ Итальянской гвардіи, познакомившись съ Русскимъ семействомъ, которое было изъ духовнаго состоянія и въ которомъ можно было вести рѣчь полатыни, очень часто посѣщалъ его. Однажды онъ пришелъ въ особенно-грустномъ настроеніи духа и послѣ долгаго молчанія заговорилъ: „Хотя ваше положеніе ужасно, но я завидую вашей долѣ. Вы переносите свое несчастіе вмѣстѣ и въ своемъ Отечествѣ; а я разлученъ съ родными, удаленъ отъ прекрасной родины. Лѣтъ десять я служу во Французскихъ войскахъ, въ непрерывныхъ походахъ по разнымъ государствамъ; съ оружіемъ въ рукахъ я гоняюсь за славою, которая увлекла насъ на вашъ далекій и страшный Сѣверъ, гдѣ, можетъ быть, непобѣдимую армію Наполеона ожидаютъ великія бѣдствія, среди вашихъ снѣговъ, при вашихъ морозахъ“⁴. Разказы Русскаго семейства о нашей зимѣ особенно поражали воображеніе Итальянцевъ. „Мы не знаемъ ничего о вашей арміи, продолжалъ капитанъ; она скрыла свои силы, не даетъ сраженій и не проситъ мира, котораго съ нетерпѣніемъ ожидаетъ вся наша армія и самъ Наполеонъ, чтобы выдти изъ затруднительнаго положенія. Армія голодаетъ и обносилась, солдаты ропщутъ, выходятъ изъ повиновенія, разбѣгаются по деревнямъ отыскивать пищу, и тамъ убиваютъ ихъ мужики. Начальники дѣйствуютъ не для общаго блага, а для своихъ выгодъ; нѣтъ единодушія, нѣтъ военныхъ порывовъ; всѣ впали въ уныніе и только въ какомъ-то ослѣплѣннни ожидаютъ мира. Мнѣ же кажется, заключилъ капитанъ, что Русскій полководецъ разставилъ Наполеону сѣти, запуталъ его въ нихъ и хочетъ насъ взять живьемъ. Увидимъ, какъ мы выпутаемся; а мнѣ кажется, мы сидимъ въ западнѣ, окруженные со всѣхъ сторонъ Русскою арміею“⁴.

Эти грустныя разсужденія Итальянца, какъ „животворная роса“ подѣйствовали на его Русскихъ слушателей, которые, находясь въ Москвѣ, конечно ничего не знали о положеніи Россіи и нашихъ

³⁴) Chev. d'Ysarn, Relation etc., стр. 39.

войскъ въ это время. „По уходѣ капитана, узнавъ, что Россія не только не ищетъ заключенія мира съ непріятелями; но можетъ быть ожидаетъ лишь удобнаго случая и времени, чтобы нанести ему рѣшительное пораженіе, мы всѣ начали молиться Богу и просить о дарованіи Русскому воинству побѣды и одолѣнія на враговъ“ ³⁵).

Такое положеніе великой арміи, извѣстное всѣмъ начальникамъ, начиная съ офицеровъ и оканчивая маршалами, неужели оставалось неизвѣстнымъ императору Наполеону? Очевидно, онъ не могъ не знать о немъ; но онъ не хотѣлъ признаться въ этомъ окружавшимъ его лицамъ. Онъ какъ будто желалъ скрыть отъ нихъ, что было имъ такъ хорошо извѣстно, можетъ быть потому, что желалъ скрыть отъ самаго себя. „Вмѣсто того, говорить одинъ изъ его офицеровъ, участникъ въ походѣ, чтобъ лично обозрѣть корпусъ своихъ войскъ и убѣдиться, въ какомъ жалкомъ они находятся положеніи, онъ сидѣлъ запершись въ Кремлѣ, дѣлая только смотры гарнизонныхъ войскъ и поручая полковникамъ строго наблюдать порядокъ“ ³⁶). Ежедневные смотры, которые производилъ Наполеонъ въ самомъ Кремлѣ, конечно, если даже въ нихъ участвовала не одна гвардія, вообще находившаяся сравнительно съ другими въ болѣшемъ порядкѣ, но и армейскіе полки, не могли служить образцомъ того положенія, въ какомъ вообще находилось его войско. Для этихъ смотровъ выбирали лучшихъ людей, одѣвали ихъ и тщательно приготавливали. Наполеонъ охотно поддавался обману. На одномъ изъ такихъ смотровъ, онъ обратился къ графу Нарбонну: „Ну, что скажете вы, любезный Нарбоннъ, о такихъ войскахъ, маневрирующихъ при такой хорошей погодѣ?“ „Государь, отвѣчалъ Нарбоннъ, я скажу только, что войска отдохнули и могутъ предпринять движеніе на зимнія квартиры въ Литву и Польшу, оставивъ Русскимъ Москву въ томъ видѣ, въ какой они сами ее привели“. Наполеонъ ничего не сказалъ на это, потому, конечно, что болѣе всего его раздражала мысль о необходимости отступленія и потому что самый его вопросъ былъ только отвѣтомъ на представленія окружавшихъ его лицъ о положеніи войскъ и о скоромъ наступленіи зимы ³⁷).

Невозможность рѣшиться на отступленіе, до такой степени не согласное съ его гордостью, съ успѣхами всей его боевой жизни, онъ оправдывалъ, не безъ основанія, тѣмъ, какое впечатлѣніе это отступленіе произведетъ на всю Европу и даже на самую Францію. Оно разсвѣтъ обаяніе непобѣдимости, подъ которымъ находилась вся Европа и ослабитъ тѣ узы, въ которыхъ онъ держалъ другія государства и особенно Пруссію и Австрію. Между тѣмъ онъ сознавалъ невозможность наступательныхъ дѣйствій. Его неутомимая мысль озабочена была тѣмъ, чтобы придумать такой

³⁵) Д. Рязановъ, Воспоминанія очевидца, стр. 205—207.

³⁶) Labaume, Relation de la campagne de Russie en 1812, стр. 240.

³⁷) Villemain, Souvenirs contemporains. M-r de Narbonne, ч. I, стр. 223—224.

способъ отступленія, который бы казался въ то же время наступательнымъ дѣйствіемъ. Съ ужасомъ узнали маршалы, что императора вновь занимаетъ мысль о походѣ на Петербургъ. Но это предположеніе, обдуманное, обработанное и изложенное письменно, явилось уже въ совершенно иномъ видѣ, нежели прежде. Извѣстія, получаемыя Наполеономъ о дѣйствіяхъ кн. Шварценберга и Ренье, Сент-Сира и Макдональда, имѣли вліяніе на новую постановку вопроса о движеніи на Петербургъ. Еще въ Можайскѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ Бородинской битвы, Наполеонъ поручилъ Бертю написать приказъ маршалу Виктору, чтобы онъ двинулъ свой корпусъ, находившійся еще у Тильзита, къ Смоленску. „Непріятель, пораженный въ сердце, не будетъ заботиться объ окраинахъ; онъ употребляетъ всѣ способы, чтобы препятствовать намъ занять Москву и намъревается также употребить всѣ способы, чтобы какъ можно скорѣе насъ оттуда выгнать“³⁸⁾. Повторяя тѣ же самыя слова, герцогъ Бассано, также по приказанію Наполеона, писалъ къ кн. Шварценбергу, что „императоръ совершенно убѣжденъ, что всѣ отряды, которые находятся у Мозыря и Кіева, двинутся къ Москвѣ и что вѣроятно послѣдуетъ за ними вся армія Торماسова“, которую и поручалъ ему преслѣдовать³⁹⁾. Корпусъ Виктора долженъ былъ составить резервъ великой арміи и быть наготовѣ, по первому призыву, двинуться къ Москвѣ. Такъ, еще до занятія Москвы, Наполеонъ заботился о подкрѣпленіяхъ для своей арміи. Эти заботы, по мѣрѣ его пребыванія въ Москвѣ, конечно не уменьшились; но въ то же время и съ окраинъ приходили такія извѣстія, которыя не могли не возбудить его вниманія и не измѣнить первоначальныхъ предположеній.

По обыкновенію, сраженіе при Городечнѣ онъ провозгласилъ побѣдою, будто одержанною Саксонцами и Австрійцами надъ арміею Торماسова, потому только, что, удержавъ поле сраженія и успѣшно отразивъ всѣ нападенія, Русскій военачальникъ долженъ былъ отступить. Но Тормасовъ отступилъ на Кобринъ для того, чтобы сосредоточить силы и обезпечить продовольствіе войскъ въ странѣ, гдѣ начались уже волненія Поляковъ. Этимъ движеніемъ, сверхъ того, третья армія приближалась къ Дунайской. Въ концѣ Августа (29) она перешла на правый берегъ рѣки Стыри; а 7 Сентября начала подходить къ ней Дунайская армія, въ составѣ 35 т. съ 204 орудіями. Обѣ арміи, соединившись и превосходя числомъ непріятеля, перешли Стырь и начали наступательныя дѣйствія. Соединенному Австрійскому и Саксонскому корпусу приходилось отступать. Кн. Шварценбергъ давно предвидѣлъ этотъ случай, получа вѣрныя свѣдѣнія о заключеніи нами мира съ Турками и о движеніи арміи Чичагова на Волынь. Вмѣстѣ съ Ренье онъ увѣ-

³⁸⁾ Lettre de Napoléon au major-général, Mojaisk, le 11 Sept. 1812. M. Шамбре, Hist. de l'expédition de Russie, т. III., прил., стр. 403—404.

³⁹⁾ Письмо изъ Вильны 17-го Сент. н. ст. Von Welden, der Feldzug der Oestreicher gegen Russland in 1812. Wien, 1870, прилож. 19, стр. 138.

домлялъ объ этомъ маршала Бертъе и герцога Бассано; но сначала они получали увѣренія, что эти слухи невѣрны, а потомъ что Дунайская армія вѣроятно двинется на подкрѣпленіе войскамъ Кутузова и наконецъ, что она такъ незначительна по количеству, что во всякомъ случаѣ нельзя опасаться большаго перевѣса силъ со стороны Русскихъ ⁴⁰). Въ концѣ Сентября Наполеонъ уже поручалъ начальнику своего штаба увѣдомить маршала Виктора, что онъ не даетъ ему окончательнаго назначенія потому, что это будетъ зависеть отъ движенія Дунайской арміи. „Если она двинется къ Кіеву, для подкрѣпленія войскъ Кутузова, писалъ Бертъе, то онъ, Викторъ, получитъ приказаніе идти на соединеніе съ великою арміею, по дорогѣ на Ельню и Калугу, или по иной. Если же, напротивъ, 20 тысячная Молдавская армія соединится съ Тормасовымъ и увеличитъ его боевыя силы до 40 тысячъ, то нашъ правый флангъ, находящійся подъ начальствомъ Шварценберга, еще будетъ въ равныхъ съ нею силахъ, потому что у него около 40 т. Австрійцевъ, Поляковъ и Саксонцевъ. Впрочемъ я писалъ къ Австрійскому императору и просилъ его предписать корпусу Рейсса, находившемуся у Лемберга, сдѣлать движеніе къ Русскимъ границамъ и въ подкрѣпленіе Шварценбергу послать еще 10 т. войскъ. Между тѣмъ императоръ Александръ усиливаетъ гарнизонъ въ Ригѣ и корпусъ гр. Витгенштейна съ тою цѣлю, чтобы заставить Сенъ-Сира отступить отъ Полоцка, а герцога Тарентскаго (Макдональда) отъ Риги и Динабурга. Шварценбергъ, въ письмахъ отъ 24 Сентября, желаетъ доказать, что Молдавская армія, вмѣсто того чтобы идти къ Москвѣ, соединилась съ арміею Тормасова и усилила ее. Надо еще знать, что произойдетъ, и потому я желаю, чтобы маршалъ Викторъ расположилъ свой корпусъ между Смоленскомъ и Оршею и находился въ постоянныхъ и правильныхъ сношеніяхъ съ герцогомъ Бассано съ тѣмъ, чтобы онъ могъ получать отъ него извѣстія, которыя приходятъ къ нему съ разныхъ сторонъ и чтобы послать офицера, умнаго, смѣтливаго и скромнаго, къ Шварценбергу и Ренье, который бы узналъ отъ перваго о томъ что происходитъ, а отъ Ренье о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ. Маршалъ Сенъ-Сиръ долженъ былъ имѣть главную квартиру въ Смоленскѣ и расположить свои войска такимъ образомъ, чтобы по первому приказу могъ или двинуться на помощь Шварценбергу и прикрыть Минскъ, если бы угрожала опасность нашимъ главнымъ сообщеніямъ и магазинамъ, или на помощь Сенъ-Сиру и прикрыть Вильну, или наконецъ къ Москвѣ для усиленія великой арміи“ ⁴¹). Такое распоряженіе ставило корпусъ Виктора въ положеніе выжидательное и неопре-

⁴⁰) Von Welden, der Feldzug der Oestreicher etc., стр. 42 и слѣд. прилож. № 20. Ср. Funck, Erinnerungen aus dem Feldzuge in Russland im Jahre 1812, стр. 120 и слѣд.; Liebenstein, der Krieg Napoleons gegen Russland, II, стр. 155 и слѣд.

⁴¹) Предписаніе Бертъе маршалу Виктору, Moscou le 6 Octobre 1812. Chamberau, Hist. de l'expédition, т. III, прилож., стр. 420—424.

дѣленное; на его помощь рассчитывали въ одно и тоже время какъ центръ Наполеоновыхъ войскъ, такъ и фланги, которые особенно нуждались въ ней. Соединеніе Дунайской арміи съ третьею западною, открывшихъ наступательныя дѣйствія, принудили къ отступленію корпусъ Шварценберга.

Не въ лучшемъ положеніи оказались въ тоже время и корпуса Удино и Сень-Сира. Удино, нѣсколько разъ разбитый гр. Витгенштейномъ, былъ подкрѣпленъ корпусомъ Сень-Сира, состоявшимъ преимущественно изъ Баварцевъ. Этотъ корпусъ отъ переправы черезъ Нѣманъ до Бѣшенковичей, откуда онъ былъ двинуть Наполеономъ, по соединеніи съ Удино, не былъ еще въ бою, но отъ голода и болѣзней потерялъ почти половину своего состава, и изъ 25 т., перешедшихъ Нѣманъ, въ немъ осталось только 13 т. изнуренныхъ ускоренными переходами солдатъ. Но приказаніе двинуться изъ Бѣшенковичей, по свидѣтельству Сень-Сира, было такъ настоятельно, что какъ будто угрожало какое нибудь бѣдствіе, и онъ двинулся, не дождавшись даже возвращенія отрядовъ, отправленныхъ для отысканія продовольствія ⁴²⁾. По соединеніи корпусовъ Удино и Сень-Сира, они рѣшились дѣйствовать наступательно потому только, что были увѣрены, что самъ графъ Витгенштейнъ оставитъ ихъ въ покоѣ. Вся цѣль этихъ дѣйствій заключалась въ томъ, чтобы остановить его наступательныя дѣйствія и поставить войска въ такое положеніе, чтобы они могли устроиться, отдохнуть и снабдить себя продовольствіемъ и особенно фуражемъ. Послѣ нѣсколькихъ упорныхъ сраженій Французы оставались въ Полоцкѣ и съ 11 Августа по самое начало Октября не предпринимали никакихъ дѣйствій. Такое положеніе этихъ войскъ, конечно, не соотвѣтствовало желаніямъ Наполеона. Хотя онъ и произвелъ въ маршалы Сень-Сира, и послѣ раны, полученной Удино, подчинилъ ему оба корпуса; но онъ желалъ наступательныхъ дѣйствій съ его стороны ⁴³⁾, а между тѣмъ получалъ извѣстія отъ него, что войска его находятся въ такомъ положеніи, что безъ значительныхъ подкрѣпленій онъ не можетъ дѣйствовать наступательно. Получивъ извѣстія, что маршалъ Викторъ можетъ подкрѣпить его, но въ томъ случаѣ когда ходъ дѣлъ обозначится яснѣе и онъ получитъ прямое повелѣніе о томъ отъ самаго императора ⁴⁴⁾, Сень-Сиръ обратился въ другую сторону.

Корпусъ Макдональда, состоявшій большею частію изъ Прусаковъ подъ начальствомъ ген. Граверта и предназначенный для осады Динабурга и Риги, перейдя Нѣманъ въ Тильзитъ, около половины Юля, приблизился къ Якобштату, угрожая съ одной стороны Динабургу, а съ другой Ригѣ и устраивая тамъ мосты на Двинѣ. Динабургская крѣпость въ это время не была отстроена; выведено было только мостовое укрѣпленіе, которымъ безъ сопротивленія

⁴²⁾ Sait-Syr, Mémoires, т. III, гл. 2, стр. 55—56.

⁴³⁾ Предписаніе маршала Бертье, Mojaisk, le 10 Sept. 1812.

⁴⁴⁾ Предписаніе маршала Бертье, Moscou, le 8 Oct. 1812.

овладѣлъ одинъ полкъ, посланный къ Динабургу маршаломъ Макдональдомъ, потому что Русскіе и не имѣли намѣренія защищать его. Такимъ образомъ вся задача для дѣйствій этого корпуса заключалась въ томъ, чтобы взять Ригу; но для этого необходимо было предпринять правильную осаду. Отразивъ вылазку Левиза, Макдональдъ оставался въ бездѣйствіи до конца Августа, ожидая назначеннаго для осады Риги парка. Въ половинѣ Мая (16) паркъ этотъ былъ отправленъ моремъ изъ Данцига, чрезъ Кенигсбергъ въ Тильзитъ и оттуда перевезенъ сухимъ путемъ въ Руенталь близъ Бауска (29 Авг.). Если бы въ это время Макдональдъ часть своего корпуса направилъ противъ Витгенштейна на содѣйствіе Сень-Сиру, то безъ сомнѣнія оказалъ бы ему значительную помощь. Но маршалы Наполеона дѣйствовали независимо одинъ отъ другаго, подчиняясь единственно ему самому; они заботились только какъ бы исполнить возложенныя на каждого изъ нихъ обязанности. Графъ Витгенштейнъ предполагалъ именно движенія со стороны двухъ маршаловъ и потому такъ размѣщалъ свои войска, чтобы не дать имъ возможности соединиться вмѣстѣ и чтобы разбить каждого изъ нихъ порознь ⁴⁵⁾. Баварскій корпусъ по донесеніямъ Вреде и докторовъ, которымъ поручено было произвести изслѣдованіе, приходилъ къ совершенному разложенію. Сень-Сиръ писалъ къ Макдональду: „Вы, можетъ быть, удивитесь, что два соединенныхъ корпуса не могутъ выставить для военныхъ дѣйствій большаго числа войскъ; но вы не знаете, сколько трудовъ перенесли эти корпуса и до чего они доведены недостаткомъ продовольствія и болѣзнями, какъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого недостатка. Вамъ однимъ я прямо скажу: 6-й корпусъ не существуетъ; онъ не годенъ ни къ какой болѣе службѣ. Я считалъ бы себя счастливымъ, если бы онъ въ состояніи былъ защищать только своихъ больныхъ, которыми переполнены госпитали и дома въ Полоцкѣ, свой лагерь и больныхъ втораго корпуса, который одинъ можетъ только выставить отрядъ для соединенія съ вашими войсками“ ⁴⁶⁾. „Если бы даже, отвѣчалъ Макдональдъ, я собралъ всѣ войска своего лѣваго фланга т. е. до 20 т.; то открылъ бы всю Курляндію, Самогитію и Нѣманъ для набѣговъ отрядамъ Рижскаго гарнизона, которые могли бы дѣйствовать и на правомъ берегу Двины. Такого предпріятія я ни предположить, ни исполнить не могу. Всѣ эти соображенія я имѣлъ честь сообщить м-лу Бертье, присовокупивъ, что вѣроятно онъ найдетъ благоразумнымъ, вообще не предпринимать осады Риги съ обѣихъ береговъ, однимъ 10-мъ корпусомъ, безъ всякой поддержки. Мнѣ было тяжело высказать эту истину и показать, что силою самыхъ обстоятельствъ я осужденъ на бездѣйствіе и не могу ничего сдѣлать важнаго для службы его величества, ни въ отношеніи къ дѣйствіямъ противъ Витгенштейна, ни въ отношеніи къ осадѣ Риги“. Далѣе въ отвѣтѣ Макдональда Сень-Сиру

⁴⁵⁾ Донесенія гр. Витгенштейна отъ 21 и 31 Іюля; Сѣверн. Почта 1812 г. № 60.

⁴⁶⁾ Письмо м. Гувіона-Сень-Сира къ м. Макдональду изъ Полоцка 19 Сент. 1812.

читаемъ: „Я долженъ вамъ даже признаться, что опасаюсь за осадный паркъ; потому что гарнизонъ, также рассчитывающій на приближеніе зимы, можетъ дѣйствовать смѣлѣе и предприимчивѣе“⁴⁷⁾).

Маршалъ Макдональдъ опасался не безъ основанія. Вскорѣ попытка Штейнгеля захватить осадный паркъ доказала справедливость его опасеній. Хотя эта попытка и была неудачна, и Пруссаки заставили Штейнгеля возвратиться въ Ригу; но она доказала, что Русскіе *силою обстоятельствъ* не осуждены на бездѣйствіе, какъ Французскіе маршалы; а напротивъ, получивъ новыя подкрѣпленія и въ значительномъ количествѣ, намѣрены усилить свои дѣйствія.

Все это конечно было хорошо извѣстно Наполеону. Маршалы не только писали о томъ его начальнику главнаго штаба, но Сень-Сиръ посылалъ даже въ Москву одного изъ офицеровъ своего штаба, чтобы на словахъ объяснить во всѣхъ подробностяхъ. Что же могъ предпринять въ такомъ положеніи дѣлъ Наполеонъ? „Единственно наивозможно-скорое возвращеніе завоевателя, во главѣ своихъ войскъ, могло возстановить порядокъ дѣлъ“, говоритъ одинъ изъ историковъ его похода въ Россію⁴⁸⁾; но это значило бы начать отступленіе, о которомъ мысль приводила въ раздраженіе Наполеона. Требовалось немедленно усилить корпусъ Шварценберга, послать значительныя подкрѣпленія маршаламъ Макдональду и Сень-Сиру. Одинъ находившійся въ его распоряженіи корпусъ маршала Виктора не могъ въ одно и тоже время содѣйствовать великой арміи на случай ея отступленія и подкрѣплять трехъ предводителей отдѣльныхъ корпусовъ, дѣйствовавшихъ на Воляни, у Полоцка и Риги. Раздробить его на части и двинуть ихъ въ разныя стороны значило бы подвергнуть опасности каждую изъ этихъ частей и не оказать дѣйствительнаго пособія ни одному изъ отдѣльно дѣйствовавшихъ корпусовъ, хотя князь Невшательскій отъ имени императора и увѣдомилъ маршаловъ, что именно таково назначеніе корпуса Виктора⁴⁹⁾. Надѣяться на то, что Австрія и Пруссія приплюютъ новыя войска для подкрѣпленія своихъ корпусовъ, едва ли могъ Наполеонъ, начинавшій уже подозрѣвать двусмысленную политику своихъ союзницъ. „3-го Октября, послѣ безпокойно проведенной ночи, говоритъ графъ Сегюръ, императоръ Наполеонъ пригласилъ къ себѣ маршаловъ. „Войдите, говорилъ онъ, увидавъ

⁴⁷⁾ Письмо марш. Макдональда къ м. Сень-Сиру, Kalkamen, le 21 Sept. 1812; Saint-Cyr, Mémoires, т. III, стр. 100—111; и пролож. Völdendorf, Kriegsbegebenheiten der Bayern, т. III, стр. 101 и слѣд.; Михайловскій-Данилевскій, Сочиненія т. IV, гл. XVI и XVIII.

⁴⁸⁾ Chambray, Hist. de l'expédition etc., т. II, стр. 199.

⁴⁹⁾ Предписаніе Бертье маршалу Сень-Сиру изъ Москвы отъ 8-го Окт.; письмо герцога Бассано кн. Шварценбергу изъ Вильны отъ 3 Сент.; Saint-Cyr, Mémoires, т. III, стр. 306—307; V. Welden, der Feldzug der Oestreicher, стр. 131—132.

ихъ. Послушайте новыя предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ, которыя я составилъ. Князь Евгенийъ (вице-король Итальянскій)—читайте⁵⁰⁾.

Сущность этого новаго плана, котораго цѣль заключалась уже не въ томъ, чтобы завоевать вторую столицу Русской имперіи, но чтобы косвеннымъ путемъ, угрожая только Петербургу, *отступить* въ предѣлы Варшавскаго герцогства, состояла въ слѣдующемъ. Корпусъ Виктора, который Наполеонъ считалъ возможнымъ довести до 40 т. человекъ (присоединивъ къ нему части Вестфальскихъ, Польскихъ и Саксонскихъ войскъ и маршевые баталіоны, предназначенные для пополненія убыли въ войскахъ) предполагалось двинуть отъ Смоленска на дорогу къ Петербургу, черезъ Витебскъ и Великіе Луки. По соединеніи ихъ съ корпусомъ Сенъ-Сира и одною дивизіею отдѣленною отъ корпуса Макдональда, составилось бы войско въ 70 т., готовое двинуться на Петербургъ. Въ то время, когда выступилъ бы въ походъ Викторъ, самъ императоръ, съ гвардіею и корпусами вице-короля Итальянскаго и маршала Даву, двинулся бы изъ Москвы на Сѣверо-западъ, чрезъ Воскресенскъ, Волоколамскъ, Зубцовъ и Бѣлый, также къ Великимъ Лукамъ, совершая такимъ образомъ почти параллельное движеніе съ дорогою въ Смоленскъ, въ разстояніи отъ нея около 50 и 60 верстъ. Въ то же время маршалъ Ней началъ бы движеніе прямо по Смоленской дорогѣ на Можайскъ, прикрывая всѣ обозы. Въ Можайскъ съ нимъ долженъ соединиться Мюратъ, ускользнувъ отъ Кутузова, и оба вмѣстѣ останутся между Смоленскомъ и Витебскомъ. Наполеонъ полагалъ, что къ 3 (15) Октября всѣ колонны могли выступить, а чрезъ 10 или 12 дней похода его боевыя силы оказались бы въ слѣдующемъ положеніи: маршалъ Викторъ съ 70-ю т. былъ бы въ Великихъ Лукахъ и угрожалъ Петербургу, куда, въ виду этихъ силъ, Витгенштейнъ долженъ былъ отступать; самъ Наполеонъ, также съ 70 т., въ Велижѣ, имѣя возможность подкрѣпить его или, соединясь съ 30 тысячами корпусовъ Нея и Мюрата, дать отпоръ Кутузову, еслибъ онъ ихъ преслѣдовалъ. Опустошенная Смоленская дорога, конечно, не представила бы такихъ затрудненій для корпусовъ Нея и Мюрата, которые могли заpastись частію продовольствія, какое могло бы представиться для всей арміи Наполеона. При томъ возможно было разсчитывать на то, чтобы выиграть нѣсколько переходовъ и тѣмъ избавиться отъ упорнаго преслѣдованія со стороны Русскаго главнокомандующаго⁵¹⁾.

Молча выслушали военачальники новыя соображенія своего вождя. Несмотря на желаніе Наполеона увлечь ихъ величіемъ предстоявшаго подвига, они не только оставались равнодушны, но каждый старался отклонить его отъ приведенія его въ исполненіе,

⁵⁰⁾ Hist. de Napoléon et de la grande armée, кн. VIII, гл. IX, стр. 79 и слѣд.

⁵¹⁾ Тьеръ, Hist. de l'empire, кн. XXVI.

представляя многочисленныя затрудненія. Знаменитый историкъ Наполеона называетъ этотъ новый планъ военныхъ дѣйствій геніальнымъ, какъ бы „вдохновеннымъ свыше“, возможнымъ для исполненія. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ Тьеръ прибавляетъ: „но все, даже самое лучшее, что ни изобрѣталъ въ это время Наполеонъ не должно было удаваться, въ силу того положенія, въ которое онъ самъ себя поставилъ, удалившись такъ далеко“. На островѣ Святой Елены, Наполеонъ, доказывая геніальность всѣхъ своихъ военныхъ соображеній во время похода въ Россію, говорилъ: „Если бы это было въ Августѣ, а не въ Ноябрьѣ, то войска пошли бы на Петербургъ, а не отступили бы къ Смоленску“⁵²). Изъ этихъ отзывовъ очевидно, что новый планъ военныхъ дѣйствій, не смотря на то, что въ немъ выразился геній великаго полководца, страдалъ однимъ недостаткомъ, а именно тѣмъ, что онъ *не былъ соображенъ съ обстоятельствами*. Самъ же онъ считалъ однимъ изъ важныхъ, основныхъ законовъ для военныхъ дѣйствій, чтобы планъ кампаніи былъ соображенъ съ обстоятельствами, „что на войнѣ только обстоятельства имѣютъ рѣшающее значеніе“. Не въ такомъ положеніи были войска Наполеона, разстроенныя, обремененныя добычею, награбленною въ Москвѣ, чтобы въ это время года предпринимать отдаленные походы, которыхъ успѣхъ могъ зависеть отъ быстроты движеній. Геніальность полководца, поставленнаго въ безвыходное положеніе, выразилась не столько въ составленіи этого плана, сколько въ томъ, что онъ, который такъ долго лелѣялъ эту мысль, такъ тщательно ее обработалъ, не только не настаивалъ на приведеніи ея въ исполненіе, выслушавъ возраженія своихъ боевыхъ сотрудниковъ, но немедленно отъ нея отказался, рѣшившись въ тотъ же день вступить въ непосредственныя сношенія съ Русскимъ императоромъ для заключенія мира⁵³).

Между тѣмъ разстройство войскъ усиливалось болѣе и болѣе, потому что усиливалась главная причина этого разстройства—недостатокъ въ фуражѣ и продовольствіи. Лошади гибли сотнями, ежедневно; полумертвыя онѣ бродили по опустошеннымъ огородамъ, пустырямъ и пожарищамъ столицы; ихъ трупы валялись по улицамъ и наполняли зловоніемъ воздухъ. Солдаты разбѣгались по окрестностямъ для отысканія пропитанія и большею частию не возвращались болѣе: они гибли отъ рукъ вооруженныхъ крестьянъ, казаковъ и партизанскихъ партій, все ближе и ближе опоясывавшихъ Москву со всѣхъ сторонъ. Чтобы нѣсколько поднять упавшій духъ войскъ, разпускались различныя нелѣпыя слухи. Говорили, что маршалъ Макдональдъ взялъ Ригу приступомъ, завладѣлъ Петербургомъ, въ тотъ самый день, когда Французы вошли въ Москву, и сжегъ его; что по дорогѣ

⁵²) Mémoires de Napoléon écrits par Montholon, Biblioth. militaire, 1840, Paris, стр. 406. Планъ похода предложенъ былъ Наполеономъ въ Октябрь, но войска сосредоточились бы у Себежа и Великихъ Лукъ только къ Ноябрью.

⁵³) Гр. Сегюръ, Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. II, стр. 81—83.

отъ Вильны къ Смоленску слѣдуютъ многочисленныя войска и обозы съ зимнею одеждою для солдатъ, что маршалъ Викторъ ведетъ значительныя подкрѣпленія, и войска Наполеона къ будущей веснѣ сдѣлаются также многочисленны, какъ были при переходѣ черезъ Нѣманъ. Войска сохраняли еще вѣру въ Наполеона и полагали, что онъ все предвидитъ, обо всемъ заботится и всегда находитъ неожиданныя средства. То говорили, что императоръ Александръ скончался; то, что онъ удалился въ Казань, что извѣстіе о заключеніи мира съ Турками несправедливо, что Шведы, пришедшіе на помощь Русскимъ, узнавъ, что Французы взяли Москву, овладѣли Петербургомъ. „Если Русскіе (хвастались Французы) не заключатъ мира въ продолженіи зимы, то Наполеонъ прогонитъ ихъ въ Азію, возстановитъ Польшу, устроитъ особыя герцогства, Смоленское, Курляндское и Петербургское ⁵⁴⁾“.

Распуская невѣрные слухи, главный штабъ Наполеона и самъ онъ, въ свою очередь, получали невѣрныя свѣдѣнія о положеніи Русскихъ войскъ. Какъ въ первые дни занятія Москвы Французы потеряли слѣдъ отступавшей Русской арміи, такъ и въ послѣдствіи, за чертою аванпостовъ ихъ авангарда, передъ Тарутинскимъ лагеремъ, начиналась для нихъ невѣдомая страна (*terra incognita*), о которой они не могли получать никакихъ точныхъ свѣдѣній. При вступленіи въ Россію Наполеонъ полагалъ, что найдетъ шпоновъ по преимуществу въ средѣ Поляковъ, которые могли знать страну, понимали Русскій языкъ и многіе даже хорошо говорили порусски. Управление этою частію онъ ввѣрилъ генералу Сокольникову, который ему въ Парижѣ, въ одно время съ кн. Понятовскимъ, сообщалъ свѣдѣнія о Польшѣ и представлялъ соображенія о военныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи. „Около 21 Сентября ⁵⁵⁾, рассказываетъ одинъ изъ находившихся въ его штабѣ Польскихъ офицеровъ, къ этому генералу явился Полякъ и сказалъ, что онъ давнишній обыватель Москвы, а теперь только что пришелъ изъ лагеря Русскихъ войскъ. Онъ казался на видъ человѣкомъ порядочнаго общества и заявилъ о фланговомъ движеніи Кутузова съ Рязанской дороги на Калужскую и что Барклай-де-Толли послалъ его въ Москву развѣдать о положеніи Французской арміи и дальнѣйшихъ замыслахъ Наполеона. Въ удостовѣреніе онъ показалъ записку, въ которой рядъ вопросовъ будто бы написанъ былъ рукою самаго Русскаго генерала. Графъ Солтыкъ изъ этихъ вопросовъ припомнилъ только два, когда писалъ свои записки о походѣ 1812 года: имѣютъ ли на-

⁵⁴⁾ Chev. d'Ysarn, Relation etc, стр. 32 — 33; Показанія майора Шмидта, Русск. Архивъ 1864 г., стр. 812; Корбелецкій, Краткое повѣств. стр. 45; Записки Д'Оррера, рукопись.

⁵⁵⁾ Графъ Романъ Солтыкъ, Napoleon en 1812 etc. Paris, 1836 г., стр. 311—314. Въ этотъ день, т. е. 9 Сент. ст. ст., наши войска подходили уже къ Красной Пахрѣ. Солтыкъ говоритъ неопредѣленно, *vers le 21 Sept.*; поэтому вѣроятнѣе, что Сокольниковъ доставилъ это извѣстіе въ тоже время, какъ и Брантъ привезъ вѣсть о томъ, что Русскихъ войскъ уже нѣтъ на Рязанской дорогѣ, т. е. 22 Сентября. Иначе оно не было-бы такъ неожиданно для Наполеона.

мѣреніе Французы идти на Казань? Въ хорошемъ ли состояніи ихъ артилерійскія лошади? Но кажется достаточно и одного перваго вопроса, чтобы показать, что это былъ за шпіонъ. Сокольниковскій успѣшилъ увѣдомить Наполеона, который самъ продиктовалъ отвѣты на всѣ эти вопросы и отправилъ посланца въ Русскій лагерь. „Этотъ человекъ, возвратившись оттуда, представилъ полный докладъ императору, отправился назадъ и—не возвращался болѣе“. Вообще Сокольниковскій, по свидѣтельству того же офицера, былъ „еще менѣе счастливъ въ выборѣ другихъ эмиссаровъ“. Къ нему явилась одна красивая дама, музыкантша, назвавшая себя Нѣмецкою баронессою, и предложила свои услуги; получивъ 4000 франковъ, она отправилась и не возвращалась болѣе назадъ.

Можетъ быть, недовольный услугами Сокольниковскаго по этой части и вѣроятно же по принятому имъ правилу поручать за одними шпіонами наблюдать другимъ, Наполеонъ ввѣрилъ ту же часть лейтенанту легкой гвардейской кавалеріи Вандерноту (Vandernott). Но сверхъ того сохранились извѣстія, что и маршалъ Даву принималъ участіе въ этой службѣ. Купецъ 3-й гильдіи Ждановъ, оставшійся съ семействомъ въ Москвѣ, отправился къ нему, чтобы выпросить пропускъ изъ Москвы (къ Даву многіе приходили съ этою цѣлю). Переводчикъ ⁵⁶⁾, обратясь къ нему, спросилъ: у кого есть жена и дѣти, того отпустимъ и дадимъ билетъ. Эти билеты давались Русскимъ съ тѣмъ, чтобы въ окрестностяхъ они сами себѣ находили способы для пропитанія, но чтобы непременно возвращались: съ этою цѣлю въ Москвѣ задерживали ихъ семейства. При этомъ хотѣли воспользоваться Ждановымъ, объявившимъ, что онъ Московскій старожилъ и у него здѣсь жена и двое дѣтей. Ему предложили 1000 червонцевъ и любой домъ въ Москвѣ, если онъ отправится въ Русскій станъ и разузнаетъ о количествѣ войскъ, о предводителяхъ, о томъ, пополнены ли полки послѣ Бородинской битвы и подходятъ ли новыя подкрѣпленія, что говоритъ народъ о мирѣ. Если Русскія войска идутъ къ Смоленску, то поручалось немедленно возвратиться въ Москву и объявить обо всемъ. Ему велѣли наизусть выучить вопросы и взяли назадъ бумагу. Придя на Русскіе аванпосты, Ждановъ рассказалъ все Милорадовичу и потомъ кн. Кутузову. Какъ ни заботила его участь семейства, однако онъ не рѣшился на измѣну. Фельдмаршалъ съ похвальнымъ отзывомъ отправилъ его въ Петербургъ ⁵⁷⁾.

Жданову поручено было также говорить, что въ Москвѣ находившійся хлѣбъ весь уцѣлѣлъ отъ пожара и что Французы располагаютъ тамъ зимовать. Этотъ слухъ Наполеонъ распускалъ и между

⁵⁶⁾ Ждановъ называетъ его барономъ *Самсоновымъ*; при штабѣ Наполеона былъ с-те Samson, бригадный генералъ, chargé de la topographie et de l'historique; но едвали онъ зналъ порусски. Не Вансовичъ ли это, дѣйствительно бывшій переводчикомъ Наполеона? Корбелецкій (стр. 18) называетъ его Вельсовичъ.

⁵⁷⁾ Памятникъ Французамъ или приключенія Московскаго жителя П. Ж. СПб. 1813 г., стр. 30—34; Анекдоты достопамятной войны Россіянъ съ Французами, СПб. 1813 г., ч. I, стр. 108—115.

своими войсками, безъ сомнѣнія никогда не предполагая прибѣгнуть къ такой мѣрѣ. Но этому почти никто и не вѣрилъ изъ окружающихъ его лицъ. Онъ же распускалъ этотъ слухъ съ одной стороны для того, чтобы возстановить порядокъ въ войскахъ, которыя, ожидая скорого оставленія Москвы, не заботились о своемъ устройствѣ; съ другой, чтобы скрыть настоящую причину, вслѣдствіе которой онъ укрѣплялъ Кремль, нѣкоторые изъ монастырей и большой острогъ. Не имѣя точныхъ свѣдѣній о Русскихъ войскахъ, зная усиливавшуюся постоянно народную и партизанскую войну вокругъ Москвы, онъ опасался внезапнаго нападенія со стороны Русскихъ, но конечно не желалъ признаться въ этихъ опасеніяхъ.

Чтобы заявить, такъ сказать, свою прочную осѣдность на пепелищѣ Москвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развлечь офицеровъ и солдатъ, Наполеонъ, узнавъ, что въ числѣ Французовъ находившихся въ Москвѣ оказалось нѣсколько актеровъ и актрисъ, поручилъ префекту дворца де-Боссе устроить театральныя представленія. Въ Москвѣ находилась постоянная труппа Французскихъ актеровъ и актрисъ, которые давали представленія въ императорскихъ театрахъ. Въ нихъ являлась передъ Москвичами извѣстная г-жа Жоржъ и не менѣе извѣстный танцоръ Дюпоръ. Начальницею труппы была г-жа Аврора Бюрсе ⁵⁸⁾, Bursay, главнымъ режиссеромъ ея братъ Арманъ Домергъ. Эта труппа, по случаю войны, прекратила свои представленія. Многіе изъ ея членовъ, которыхъ договоры окончились, уѣхали изъ Москвы; нѣкоторые еще оставались. Боссе пригласилъ ихъ къ себѣ и объявилъ приказаніе императора открыть представленія. Ограбленные вполнѣ, явились къ нему остатки Французской труппы, въ странныхъ отрепьяхъ, а нѣкоторые въ полунаготѣ. Защита отъ грабежа и достаточное вознагражденіе естественно заставили ихъ повиноваться приказанію, противъ котораго и возражать было опасно. „Трудно было устроить театральныя представленія, говорить одна изъ актрисъ, въ городѣ совершенно разграбленномъ, гдѣ женщины не имѣли ни платьевъ, ни башмаковъ, а мужчины ни одеждъ, ни сапоговъ, гдѣ не было гвоздей, чтобъ укрѣпить кулисы, не было масла для лампъ. Набрали въ солдатскихъ казармахъ лентъ и цвѣтовъ, и мы играли на дымящихся развалинахъ. Когда намъ объявили объ этомъ намѣреніи, я приняла его за шутку. Но это не была шутка. Мы играли до оставленія Французами Москвы, и Наполеонъ былъ очень щедръ въ отношеніи къ намъ. Императорскій театръ, построенный въ 1803 г. на Арбатской площади, сгорѣлъ; но у нѣкоторыхъ изъ богатыхъ помѣщиковъ были домашніе театры. Такой театръ нашелся въ великолѣпномъ домѣ Познякова на Никитской. Домъ уцѣлѣлъ отъ пожара, но былъ ограбленъ. Приступили немедленно къ поправленію театра; а между тѣмъ Боссе, при помощи г-жи Бюрсе

⁵⁸⁾ Г-жа Бюрсе, почти съ дѣтства, получила извѣстность въ Парижѣ четверостишіемъ къ Вольтеру, на которое онъ отвѣчалъ ей лестнымъ письмомъ въ стихахъ. 16-ти лѣтъ она вышла за мужъ за актера Бюрсе, 22-хъ лѣтъ овдовѣла. Она написала нѣсколько драматическихъ сочиненій и перевела драму Коцебу: „Независть къ людямъ и раскаяніе“.

и другихъ актеровъ и актрисъ, составилъ репертуаръ. „По несчастію, оставались изъ актрисъ не самыя молодыя и красивыя, говорить одна изъ нихъ, и выборъ піесъ представлялъ немало затрудненій. „Надо играть „Островъ старухъ“ (L'île des vieilles), сказала я этимъ господамъ. Вотъ прекрасный случай вновь поставить на сцену эту піесу“. Она была однимъ изъ произведеній г-жи Бюссе. Репертуаръ былъ составленъ, театральная зала приведена въ порядокъ; занавѣсъ, считая изъ парчи, отдѣляла сцену отъ партера, который освѣщала большая взятая изъ церкви люстра; дорогая мебель набрана изъ домовъ частныхъ лицъ. Костюмы актеровъ и актрисъ, также какъ и убранство театра, показывали, при какихъ обстоятельствахъ онъ возникъ. „Понадобилась даже парча отъ священническихъ ризъ, клочки которыхъ солдаты промѣнивали за кусокъ хлѣба“. Черезъ три дня послѣ приказанія Наполеона, 25 Сентября н. ст., удалось открыть представленія двумя піесами, комедію Мариво: „Игра любви и случая“, *Jeu de l'amour et du hazard*, и водевилемъ: „Любовникъ сочинитель и лакей“, *L'amant auteur et valet*⁵⁹⁾. Потомъ дано было еще десять представленій, продолжавшихся до самаго выхода Французскихъ войскъ изъ Москвы. Нѣкоторыя піесы, какъ Три Султанши, Разсѣянный Фигаро, Притворная Невѣрность, Стряпчій Посредникъ (*Le procureur-arbitre*), Проказы въ тюрьмѣ, Сидъ и Заира, особенно нравившіеся зрителямъ, повторялись по нѣскольку разъ. Но особенно восхищались ихъ дивертисментъ, состоявшій изъ танцевъ, въ которыхъ двѣ дѣвицы Ламираль исполняли Русскія пляски. „Это были настоящія Русскія пляски, говоритъ Боссе, а не такія какія мы видали въ большой оперѣ въ Парижѣ. Прелестъ этой пантомимы состоитъ въ игрѣ плечъ, въ движеніяхъ головы и всего тѣла“. Съ наступленіемъ ночи, въ то время когда сожженная Москва покрывалась мракомъ, среди коего кое-гдѣ тлѣвшійся еще подъ пепломъ огонь обозначался столбами дыма, когда между развалинъ бродили лишь немногіе томимые голодомъ и отыскивающіе пищи Русскіе или непріятельскіе грабители, домъ Познякова горѣлъ блестящими огнями, и освѣщенная Никитская была покрыта экипажами разнаго рода; вокругъ дома стояли стража, наряженная отъ разныхъ полковъ и множество бочекъ наполненныхъ водой: Французы опасались, чтобы и домъ Познякова не былъ подожженъ и строго его оберегали. Оркестръ былъ составленъ изъ полковыхъ музыкантовъ, но въ ихъ числѣ были и двое Русскихъ: первый скрипачь-солистъ Московскаго театра Поляковъ и віолончелистъ Татаринковъ. Подслушавъ ихъ игру, Французы завербовали ихъ въ свой оркестръ. Партеръ занимали обыкновенно солдаты, и въ первыхъ рядахъ помѣщались заслуженные гвардейцы, украшенные Почетнымъ Легіономъ. Ложи наполняли офицеры разныхъ чиновъ, между которыми кое-гдѣ замѣчались и женщины, оставшіяся конечно въ Москвѣ Француженки. Цѣны за мѣста были умѣренныя. Часть изъ собранныхъ денегъ употреблялась на освѣщеніе

⁵⁹⁾ Афишка этого представленія напечатана (съ ошибкою въ числѣ дня) въ Библиографическихъ Запискахъ 1859 г., т. 2, стр. 268.

и отопленіе театра; а остальная раздѣлялась между артистами. „Генералы и маршалы, съ ихъ штабами, также постоянно посѣщали представленія, говорить Домергъ, какъ и солдаты. Въ темнотѣ ночи пробирались они туда по Московскимъ развалинамъ. Г-жи Домергъ и Бюрсе едва успѣвали собирать деньги, которыя они горстями сыпали на ихъ прилавокъ“. Афиши были писанныя; не было входныхъ билетовъ, ни ихъ раздачи по обычаю; но при входѣ въ театръ платили деньги. „Герцогъ Тревизскій постоянно посѣщаль представленія и входя клалъ на прилавокъ этихъ дамъ по цѣлой горсти пятифранковыхъ монетъ и рублей. Простые Французы платили также щедро и никогда не требовали сдачи. Даже солдаты платили дороже назначенной цѣны“. (19) Октября еще было представленіе, и объявлены піесы назначенныя на другой день. „Возвратясь изъ театра, говорить г-жа Фюзиль, я приготовляла себѣ платье для роли Петрониллы, когда ко мнѣ вошелъ офицеръ и спросилъ: „Что вы дѣлаете!“ „Вы видите, приготовляю платье къ завтрашнему вечеру“, отвѣчала я. — „Позаботьтесь лучше приготовить ваши чемоданы къ завтрашнему утру, потому что мы въ два часа утра выступаемъ“. Я была поражена, но послѣдовала совѣту. На другой день съ разсвѣтомъ дѣйствительно всѣ собрались выступить ⁶⁰⁾.

Императоръ Наполеонъ слѣдилъ за успѣхами театра, но не бывалъ нѣ немъ. Въ Кремлѣ не было представленій, но была устроена концертная зала, гдѣ пѣлъ Итальянскій пѣвецъ Тарквиніо, не давно пріѣхавшій въ Москву изъ Милана и игралъ пьянисть Мартини, на которыхъ указала г-жа Бюрсе. Въ слушаніи этой музыки, въ прогулкахъ по городу, въ осмотрѣ зданій, заключались всѣ развлечения Наполеона, конечно нисколько не развлекавшія его думъ, направленныхъ къ разрѣшенію неразрѣшимой по самой ея сущности задачи: полную неудачу похода представить великимъ успѣхомъ и ловко придуманнымъ движеніемъ выдти съ торжествомъ изъ безвыходнаго положенія. Опустѣлыя улицы Москвы, которыя едва можно было различать между грудями пепла и развалинъ и которыя представляли повсюду слѣды разрушенія, мертвое молчаніе, изрѣдка прерываемое шагами проходившихъ отрядовъ также видимо разрушавшагося войска, не могли не омрачать его. За завтраками онъ выслушивалъ доклады Боссе объ успѣхѣ театральныхъ представленій. Даже 7-го Октября, наканунѣ выхода изъ Москвы, онъ разсуждалъ съ нимъ о томъ, чтобы выписать⁶¹⁾ изъ Парижа въ Москву нѣсколько актеровъ и актрисъ и составлялъ имъ списокъ. За тѣмъ онъ диктовалъ своимъ секретарямъ различныя предписанія начальнику своего штаба и другимъ лицамъ. Обѣды его длились подолгу, вопреки обычаю. Прежде онъ никогда не любилъ долго сидѣть за столомъ; но въ Москвѣ, какъ бы желая убить время,

⁶⁰⁾ M-me Fusil, L'incendie de Moscou etc., стр. 22—23; Armand Domergues, la Russie pendant les guerres de l'empire, т. II, стр. 96—100; Bausset, ancien préfet de palais, Mémoires anecdotiques, т. IV, стр. 76 и слѣд.; B. Peyrusse, Memorial, стр. 103, 105, 108; B. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 100. Ср. статью г. Кони въ Пантеонѣ Русск. театровъ 1840 г.

тяготившее его своею продолжительностію, онъ измѣнилъ этому обычаю ⁶¹⁾. По вечерамъ, окруженный свитою и военачальниками, ходя взадъ и впередъ по залѣ Кремлевскаго дворца, ярко освещенной, съ растопленнымъ каминомъ, онъ, чтобы показать свою власть надъ обстоятельствами и силу духа, разсуждалъ о новыхъ литературныхъ произведеніяхъ и о театрѣ. Такъ, за нѣсколько дней до оставленія Москвы, подписавши декретъ ⁶²⁾ объ устройствѣ театра, въ тотъ же вечеръ онъ обратился къ графу Нарбонну, говоря: „Я долженъ бы посовѣтоваться съ вами, любезный Нарбоннъ, прежде нежели подписать сегодняшній декретъ. Вы конечно въ молодости любили театръ и знакомы съ этимъ предметомъ. Но вы предпочитали комедію; а я, напротивъ, люблю трагедію, высокую, величественную, какою ея создалъ Корнель. Великіе люди въ ней вѣрнѣе изображаются, нежели въ исторіи; въ ней они выставлены въ критическихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ они вынуждаются прибѣгать къ великимъ рѣшеніямъ; въ ней нѣтъ этихъ подробностей, приготовленій и соображеній, которыя очень часто невѣрно приписываются имъ историками. Всѣ эти человѣческія слабости, колебанія, сомнѣнія, должны исчезнуть въ героѣ. Это должна быть величавая статуя, глядя на которую не чувствуешь слабостей и препятствій тѣла. Это Персей, работы Бенвенуто-Челлини“. Онъ объяснялъ, почему преслѣдовалъ современныхъ драматическихъ писателей, обвиняя ихъ въ неумѣннн изображать великихъ людей новаго времени. „Надо, чтобы великіе короли были великими и на сценѣ. Отчего не возведутъ на нее Карла Великаго, Святаго Людовика, Филиппа-Августа? Я не отвергаю даже иностранныхъ предметовъ. Какую трагедію могъ бы даровитый писатель создать изъ Петра Великаго, этаго гранитнаго мужа, твердаго, какъ основанія Кремля, человѣка, который сотворилъ просвѣщеніе Россіи и ея вліяніе на Европу и который вынудилъ меня, черезъ сто лѣтъ послѣ его смерти, предпринять эту ужасную экспедицію. Я прихожу въ изумленіе, когда думаю, что въ этомъ дворцѣ, 20 лѣтній Петръ, безъ совѣтниковъ, почти безъ образованія, въ виду гордой правительницы и старыхъ Русскихъ, захватываетъ власть и, замысливъ сдѣлать ее побѣдоносною и завоевательною, уничтожаетъ стрѣльцовъ. Какой примѣръ нравственной силы (d'autocratie morale)! Какъ бы хорошо видѣть на сценѣ, какъ молодой Петръ, котораго считали преданнымъ грубымъ удовольствіямъ, приводитъ въ исполненіе дѣло 18 Брюмера при своемъ дворѣ, посылаетъ въ монастырь гордую Софью и въ одно время создаетъ мирныя и боевыя учрежденія, начинаетъ войну, устраиваетъ армію и флотъ и строитъ новую столицу Россіи. Чтò касается до особенностей его генія, то они никѣмъ не были поняты. Не замѣтили, что онъ приобрѣлъ то, чего недостаетъ рожденнымъ на престолѣ, славу *мо-*

⁶¹⁾ C-te Segur, Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. II, liv. VIII, глава XI, стр. 102—103.

⁶²⁾ Collection générale des lois, т. XII, стр. 257, decret de 15 Oct. 1812.

ваго человека, достигшаго до трона (la gloire de parvenu) со всѣми испытаніями, соединенными съ этою славою. Онъ добровольно сдѣлался артилерійскимъ лейтенантомъ, чѣмъ и я былъ. Это не была комедія. Онъ оставилъ страну, чтобы освободить себя на нѣкоторое время отъ короны, чтобы испытать жизнь частнаго человека и постепенно дойти до величія. Онъ самъ сдѣлалъ для себя то, что дала мнѣ судьба. Вотъ что выдвигаетъ его впередъ изъ ряда всѣхъ прирожденныхъ государей (*les monarques de race*). И не смотри на то, какое было испытаніе этому генію! Подумайте, такой человекъ на берегахъ Прута, во главѣ войскъ, имъ самимъ созданныхъ, допустилъ себя окружить Турецкой арміи, лишить способовъ продовольствія и едва не взять себя въ плѣнъ! Такія *необъяснимыя затмѣнія* случаются съ великими людьми. Это Цезарь, плохо начавшій дѣло и осажденный въ Александріи негодными Египтянами. Но Цезарь взялъ свое, отмстилъ имъ; великій человекъ всегда найдется, какъ послѣ ошибки, такъ и послѣ несчастія“. Замѣчательное сужденіе Наполеона о Петрѣ Великомъ и о его положеніи при Прутѣ очевидно намекало на него самаго и на тогдашнее положеніе его дѣлъ.

Графъ Нарбоннъ, воспитанный въ высшихъ слояхъ общества до-революціонной Франціи, пропитанный понятіями о вѣншемъ лоскѣ просвѣщенія и полагавшій, что великіе люди въ новое время могутъ быть только между Французами, конечно не могъ понять Петра Великаго: въ его глазахъ онъ былъ варваръ и своими успѣхами обязанъ не столько своему генію, сколько ошибкамъ своихъ противниковъ. „Если бы Карлъ XII не вдался такъ далеко въ глубь Россіи, или отступилъ бы во-время, замѣчаетъ онъ, если бы онъ не продолжалъ своего нашествія даже зимою, когда сильные холода уничтожали сотнями его солдатъ на походѣ, то онъ никогда бы не былъ побѣжденъ; онъ прикрылъ бы Польшу и не далъ бы царю идти далѣе. Петръ былъ великъ вслѣдствіе ошибокъ своихъ противниковъ. Онъ побѣдилъ не тактикою и своимъ геніемъ, но силою климата своей страны. На это средство и теперь еще разсчитываютъ его потомки“.

Хотя отзывъ Нарбонна вполне соотвѣтствовалъ смыслу рѣчей Наполеона, но тотъ не любилъ, чтобы отгадывали его намѣренія, и съ живостію замѣтилъ: „Вижу, къ чему вы клоните рѣчь, любезный Нарбоннъ; вамъ говорятъ о театрѣ, а вы отвѣчаете политикою. Впрочемъ они часто соприкасаются другъ съ другомъ; но будьте покойны: мы не повторимъ ошибки Карла XII-го. Она записана въ исторіи для того, чтобы предостеречь насъ отъ нея. Надо было нѣсколько подождать здѣсь послѣдствій громовыхъ ударовъ Бородинской битвы и занятія Москвы. Я имѣлъ причины надѣяться на заключеніе мира; но заключимъ мы его или нѣтъ, во всякомъ случаѣ есть предѣлъ нашему здѣсь пребыванію. Наши войска отдохнули и переустроены; время стоить хорошее, и мы имѣемъ возможность отойти къ Смоленску, соединиться на пути съ нашими подкрѣпленіями и расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Польшѣ и Литвѣ. Есть еще и другой способъ, который предлага-

еть Дарю, а я называю его *львинымъ совѣтомъ*: собрать провизію, убить и посолить всѣхъ нашихъ лошадей, зимовать въ Москвѣ и весною начать вновь наступательныя дѣйствія. Но я не соглашаюсь съ этимъ предложеніемъ. Можно ходить далеко, но не слѣдуетъ долго оставаться внѣ своего дома. Парижъ призываетъ меня сильнѣе, нежели манитъ Петербургъ. Будьте довольны, любезный графъ: скоро уйдемъ съ миромъ или безъ него“ ⁶³).

Таковыми рѣчами Наполеонъ желалъ отвлекать вниманіе и свое собственное и окружающихъ его лицъ отъ главнаго предмета заботъ. Въ такихъ разговорахъ короталъ онъ долгіе осенніе вечера Московской своей жизни. Но онъ не достигалъ цѣли. Окружавшія его лица только и думали о томъ, какъ бы скорѣе выбраться изъ Москвы; его же самага волновало и раздражало напрасное ожиданіе мира и бѣдственное положеніе войскъ, которому помочь онъ не имѣлъ никакихъ средствъ. „Его ночи были особенно тревожны“, говоритъ гр. Сегюръ. Онъ проводилъ ихъ частію вмѣстѣ съ гр. Дарю, которому однако рѣшался повѣрять заботу о своемъ опасномъ положеніи. Перебирая различныя предположенія, чтобы выдти изъ этой опасности, онъ говорилъ ему: „Думають, что дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы оставить Москву; а не соображаютъ того, что нуженъ мѣсяцъ, чтобы преобразовать армію и вывезти раненыхъ и больныхъ. Не оставить же ихъ въ добычу казакамъ! Это покажется не отступленіемъ, а бѣгствомъ (il paraîtra fuir). Чтò заговоритъ Европа! Она завидуетъ мнѣ, ищетъ мнѣ соперника и подумаетъ, что нашла его въ лицѣ императора Александра. Какія могутъ тогда послѣдовать опасныя войны! Пусть же не порицають моего бездѣйствія. Развѣ я не знаю, что Москва въ военномъ отношеніи ничего не значитъ? Но это не военная позиція, а политическая. Хотятъ видѣть во мнѣ только генерала, но я императоръ“. Онъ старался доказать, что въ политикѣ никогда не слѣдуетъ отступать (reculer), никогда не признаваться въ своихъ ошибкахъ, но упорно идти впередъ ⁶⁴). Касательно переустройства войскъ, Наполеонъ безъ сомнѣнія очень хорошо понималъ, что въ томъ положеніи, въ какомъ они находились въ Москвѣ и передъ Тарутинскимъ лагеремъ, въ продолженіи еще мѣсяца они бы разстроились еще болѣе. Надежда придвинуть къ себѣ корпусъ маршала Виктора едва ли также могла его обольщать. У него просили подкрѣпленій и князь Шварценбергъ, и маршалы Сень-Сиръ и Макдональдъ. Получить же новые контингенты, сверхъ договоровъ, отъ Австріи и Пруссіи, безъ сомнѣнія, онъ не надѣялся. Но судьба раненыхъ и больныхъ дѣйствительно его озабочивала потому, что оставленіе ихъ въ Москвѣ послужило бы признакомъ не правильнаго даже отступленія, а просто бѣгства. Его чрезвычайно смутилъ отвѣтъ генералъ-интенданта на вопросъ: сколько

⁶³) Villemain, M-r de Narbonne, стр. 225—230.

⁶⁴) С-те Segur, т. II, стр. 93 и слѣд.

нужно употребить времени на ихъ вывозъ изъ Москвы?— Не мѣнѣе сорока пяти дней, отвѣчалъ ему графъ Дюма⁶⁵).

Бесѣдуя по ночамъ, съ глазу на глазъ, съ графомъ Дарю, Наполеонъ говорилъ ему, что пойдетъ на Кутузова, „чтобы разгромить его, или *обойти* и вдругъ повернуть на Смоленскъ“.— „Уже поздно, отвѣчалъ ему графъ Дарю: Русскія войска переустроены, наши ослабѣли, побѣда забыта. Лишь только войска будутъ обращены лицомъ къ Франціи, они разбѣгутся по частямъ: каждый солдатъ, обремененный добычею, будетъ спѣшить впередъ, чтобы продать ее во Франціи“.— „Что же надо сдѣлать?“ воскликнулъ Наполеонъ. „Оставаться здѣсь, отвѣчалъ Дарю, сдѣлать изъ Москвы большой укрѣпленный лагерь и провести въ немъ зиму“. Дарю былъ увѣренъ, что удѣлѣвшій отъ пожара зданія и погреба доставятъ достаточное помѣщеніе и что можно запасти продовольствіемъ, убивъ всѣхъ лошадей и посолить ихъ мясо. „Весною наши подкрѣпленія и вся вооружившаяся Литва придутъ къ намъ на вырубку. Соединившись съ ними, мы довершимъ побѣду“. Очевидно, графъ Дарю не зналъ положенія дѣлъ въ тылу великой арміи, которое Наполеонъ тщательно скрывалъ даже отъ самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ. „Это львиный совѣтъ“ (*conseil de lion*), отвѣчалъ послѣ нѣкотораго молчанія Наполеонъ. „А что скажутъ въ Парижѣ? Что тамъ можетъ произойти, когда въ продолженіи шести мѣсяцевъ не будутъ имѣть отъ меня извѣстій? Нѣтъ, Францію не приучишь къ моему отсутствію; а Пруссія и Австрія имъ воспользуются“⁶⁶).

Такъ проводилъ Наполеонъ послѣдніе дни своего пребыванія въ Москвѣ. Сонъ не успокаивалъ его волненій. „Его тревога выражалась порывами гнѣва, говоритъ гр. Сегюръ. Особенно это случилось утромъ, когда онъ вставалъ съ постели (*à son lever*). Окруженный предводителями войскъ, обращавшими на него пытливые взгляды, въ которыхъ онъ думалъ видѣть укоръ за его дѣйствія, онъ, суровымъ обхожденіемъ, нетерпѣливыми движеніями и рѣзкими, отрывочными выраженіями, казалось, хотѣлъ ихъ оттолкнуть отъ себя. По его блѣдному лицу можно было замѣтить, что его томила горькая истина его положенія, со всею ясностію представлявшаяся въ темнотѣ ночей“.

Въ то время, когда Наполеонъ проводилъ томительные дни и ночи, когда его офицеры и солдаты утѣшались представленіями

⁶⁵) Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 147; C-te Mathieu Dumas, Souvenirs, т. III, стр. 456 и 457.

⁶⁶) C-te Segur, т. II, стр. 100—102. Часто ссылаясь на Сегюра, мы не указываемъ на опроверженія его показаній генераломъ Гурго (*Examen critique de l'ouvrage de c-te Segur, Bruxelles 1825 г.*). *Officier du palais*, какъ въ насмѣшку называетъ его Гурго (т. е. *maréchal des logis du palais*, чѣмъ онъ былъ) постоянно находясь при Наполеонѣ, конечно зналъ болѣе, что дѣлается въ его дворцѣ, чѣмъ *officier d'ordonnance*, чѣмъ былъ Гурго въ то время. Впрочемъ показанія графа Сегюра подкрѣпляются и многими другими.

въ театрѣ Познякова и катаньями съ публичными женщинами ⁶⁷⁾, несчастные Русскіе обыватели Москвы испытывали утѣшнія иного рода.

Русскіе члены муниципальнаго управленія, учрежденнаго въ Москвѣ, не могли облегчить ихъ бѣдствія, не могли ни доставить продовольствія, ни пріютить подъ кровы, ни оградить отъ насилій и грабительства. Имъ удалось, по мѣрѣ скудныхъ средствъ и возможности, оказать помощь только немногимъ; но они исполнили одну изъ возложенныхъ на нихъ объявленіемъ Дессепа обязанностей—способствовать открытію богослуженія въ нашихъ храмахъ, въ чемъ оказывали имъ содѣйствіе и нѣкоторые изъ Французскихъ военачальниковъ. Въ церкви Голицынской больницы постоянно производилось богослуженіе. Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ оно началось вскорѣ послѣ пожаровъ, когда главная квартира маршала Даву помѣстилась на Дѣвичьемъ полѣ. „Что ни Воскресенье, что ни праздникъ, у насъ была обѣдня въ соборной церкви, говоритъ современница-монахиня. Церковь мы всегда запирали, и ключъ былъ у насъ. А въ другихъ-то они жили и съ своими мамзельками, потому что келій для нихъ было мало“. Въ Рождественскомъ монастырѣ начальникъ отряда, который былъ помѣщенъ въ немъ, также приглашалъ священника отправлять церковную службу, когда онъ обратился къ нему съ просьбою. По свидѣтельству современницы, находившейся въ этомъ монастырѣ, „священникъ говорилъ, что обѣдни, разумѣется, служить нельзя, потому—не ровнѣнь часъ, можетъ они войдутъ въ храмъ во время совершенія таинства и какое кощунство сотворять, да и антиминсы спрятаны. Часы и вечерню можно бы каждый день служить“. Получивъ разрѣшеніе, обрадованный священникъ велѣлъ немедленно ударить въ колоколь; но прибѣжалъ солдатъ и объявилъ, что генераль проситъ: „нельзя ли звонить въ маленькой колоколь, потому что онъ не выноситъ громкаго колокольнаго звона“. „Ну, что же, говоритъ батюшка, мы его беспокоить не станемъ“. И во все время, пока они стояли у насъ, ударили по три раза къ часамъ и къ вечерни въ маленькой колоколь. Служили въ Златоустовской церкви, и Французы бывали частенько на службѣ. Любопытно имъ видно было. Войдутъ, намъ поклонятся и смотрятъ. Иной разъ между собою пошепчутся, и стояли всегда прилично“. Грабежъ и оскверненіе храмовъ, постоянное кощунство надъ святынею, естественно возбуждали чувство опасенія не только со стороны священниковъ, но и прихожанъ. Они скрывали въ тайникахъ антиминсы отъ грабежа и поруганія. „Грабители подпоясывались ими и, находя, что они коротки, бросали потомъ“. Въ Зачатьевскомъ монастырѣ только на нѣсколько дней пожаръ и грабежъ прервали божественную службу; вообще же она продолжалась во все пребываніе Французовъ въ Москвѣ. Игуменья и монахини возвратились въ сожженный и ограбленный монастырь въ день Рождества Богородицы (8 Сентября). „Въ честь

⁶⁷⁾ Воспоминанія очевидца, стр. 185—188.

праздника, по свидѣтельству монастырскихъ преданій, были отслужены всеобщая и молебень. Съ 9-го числа священникъ служилъ каждое утро часы; но съ 22 числа, которое приходилось въ Воскресенье, онъ освятилъ обнаженный непріятелями престолъ, и совершена была литургія. Съ этого времени монахи, міряне поселившіеся въ монастырь и жители сосѣднихъ улицъ сходились на звонъ колокола, призывавшаго вѣрующихъ въ храмъ. Всѣ торопились, въ ожиданіи смерти, исполнить христіанскій долгъ; каждый день приходили къ священнику исповѣдники, за каждою обѣдней были причастники. Въ немногихъ церквахъ служили литургію; ихъ посѣщали пріютившіеся въ ближайшихъ къ нимъ окрестностяхъ обыватели Москвы; но многіе и не знали объ этомъ. Такъ рассказываетъ одна простая женщина, вышедшая изъ Москвы 1-го Октября на праздникъ Покрова, утромъ: „Слышимъ, ударяютъ къ заутрени; мы перекрестились и пошли. Заутрени ужъ служили и часы и вечерни; а обѣдни еще нигдѣ не служили, потому что антиминовъ не было: всѣ были отобраны и увезены, чтобы не хватали ихъ нечистыми руками. Бонапарту хотѣлось, чтобы въ церквахъ служба была въ тѣхъ, которыя остались чисты; а то въ другихъ стояли лошади, какъ въ конюшняхъ. Ну такъ и велѣлъ Бонапартъ всѣхъ поповъ ловить, гдѣ ни попадутся; поймаютъ дьякона вмѣсто попа, все равно, и тотъ годится, и велятъ ему обѣдню служить: Французу все равно, ничего не понимаетъ. Такъ и начали служить въ церквахъ, гдѣ заутреню, гдѣ часы. Бонапартъ былъ доволенъ, лишь бы только была служба; а намъ какъ было отрадно, когда стали благовѣстити!“ Впрочемъ литургію нельзя было совершать не потому только, чтобы не нашлось священниковъ, но потому, что всѣ почти храмы, за немногими исключеніями, были осквернены, ограблены, престолы сдвинуты съ мѣстъ, не было ни утвари, ни другихъ принадлежностей для богослуженія. Гдѣ только было возможно, тамъ ожедневно совершалась даже литургія. Въ церкви Спасо-Преображенской, на Глинницахъ, протоіерей Семеновъ постоянно совершалъ литургію и исправлялъ требы. Точно также священники Троицкой церкви на Хохловкѣ и Петропавловской на Якиманкѣ „совершали богослуженіе съ разрѣшенія Французскихъ начальниковъ, но съ запрещеніемъ читать, послѣ сугубой эктени, молитву объ избавленіи отъ нашествія супостатовъ. Священники этихъ церквей ходили и въ окрестныя мѣста крестить младенцевъ, исповѣдывать тяжело больныхъ и напутствовать ихъ св. дарами“⁶⁸). Въ

⁶⁸) Воспоминанія очевидца, стр. 171; Г-жи Толычевой, Разказы очевидцевъ, стр. 18—19, 124—126, 155—156; Русск. Архивъ 1871 г., № 6, стр. 0211; Записка о происшествіяхъ въ Московскихъ церкв. и монастыряхъ въ 1812 г. Аббатъ Сюрюгъ говоритъ: „On ne rencontrait aucun pope, on ne voyait aucun trace du culte religieux. Le peuple, au milieu des horreurs de la calamité la plus désastreuse, n'avait pas même la consolation d'épancher ses peines aux pieds des autels et d'implorer la seule ressource qui reste aux malheureux. Les sentinelles préposées à la garde d'Israel à la vue du danger s'étaient cachées ou avaient pris la fuite. Un seul

Москвѣ находился въ это время нечаянно попавшій въ плѣнъ протоіерей кавалергардскаго полка Гратинскій. Ограбленный почти до нага, переходившій изъ одного дома въ другой, гонимый пожарами, онъ поселился наконецъ въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ домовъ на Мясницкой, вмѣстѣ съ двумястами человекъ разоренныхъ Московскихъ обывателей. „Здѣсь, доносилъ онъ потомъ оберъ-священнику, въ облегченіе участи стенавшихъ подъ игомъ убійць и грабителей, рѣшился я просить позволенія открыть богослуженіе и отъ Французской полиціи получилъ его. Комендантъ города гр. Мильо далъ мнѣ билетъ и, для безопасности богослуженія, караулъ изъ двухъ солдатъ. Для богослуженія избралъ я верхнюю церковь св. Евпла. Сентября 15-го, въ день коронаванія императора, при первомъ ударѣ колокола, при многочисленномъ стеченіи оставшагося въ Москвѣ народа, началъ я отправлять богослуженіе, послѣ котораго о здравіи монарха нашего и всего его семейства отправлено было молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Вся церковь омыта была слезами. Сами непріатели, смотря на вѣру и ревность Русскаго народа, едва не плакали. Въ самое короткое время, въ два дня служенія моего, усерднѣйшими христіанами были принесены въ церковь серебряные и вызолоченные сосуды, до 10 пудъ свѣчъ и ладона, вина, муки на просфоры и довольное количество разной церковной утвари. Въ семь храмъ, до возвращенія въ Москву той церкви священника, каждый день отправляемо было мною богослуженіе“⁶⁹). Все что могли спасти изъ предметовъ необходимыхъ для богослуженія отъ похищенія непріателей ограбленные жители Москвы несли въ храмъ, призывавшій ихъ къ богослуженію торжественнымъ благовѣстомъ. Много разъ случалось имъ слышать безпорядочный звонъ колоколовъ, которымъ потѣшались Французы⁷⁰); но правильный звонъ, совершаемый *по чину*, производилъ на нихъ потрясающее дѣйствіе. Когда въ первый разъ по Замоскворѣчью раздался звукъ колокола, призывавшій къ богослуженію въ храмъ Петра и Павла, „около осьми часовъ утра (говоритъ современникъ-свидѣтель), мы услышали отдаленный звонъ, и всѣ вопросительно взглянули другъ на друга, отгадывая его значеніе. Нѣкоторые думали, что это непріатели потѣшаются; но мой отецъ сказалъ, вни-

pope me consulta pour savoir s'il pouvait reprendre ses fonctions“⁶⁹). Это Гратинскій (Lettres sur l'incendie de Moscou, стр. 30—31). Тоже говоритъ и нѣкій Нѣмецъ В...ch: „Presque tous les monastères et les églises grecques avaient été abandonnées des prêtres et des religieux qui y vivaient. Le clergé catholique et les ministres n'eurent point la même terreur; on ne cite qu'un temple protestant qui fut délaissé“⁶⁹). (Hist. de la destruction de Moscou, стр. 123). Изложенныя въ нашемъ разсказѣ свидѣтельства избавляютъ насъ отъ нужды опровергать показанія этихъ двухъ свидѣтелей. О нихъ можно бы и не упоминать, если бы нѣкоторые изъ Русскихъ писателей не при- давали имъ вѣры (Исторія отечеств. войны г. Богдановича т. II, стр. 329 и Вѣстн. Европы 1872 г. Ноябрь, статья Д. Н. Свербеева).

⁶⁹) Донесеніе протоіеря Гратинскаго 5 Дек. 1812 г. Русск. Архивъ, 1866, № 5, стр. 731—735.

⁷⁰) Кичеева, Изъ недавней старины, стр. 36.

мательно вслушавшись: „это не простой беспорядочный звонъ, но правильный благовѣсть, въ одинъ колоколъ, которымъ православные сзываются на богослуженіе“. Наведя справки, удостовѣрились, что дѣйствительно благовѣстятъ въ церкви Петра и Павла. Священникъ этой церкви, гдѣ случайно остался неприкосновеннымъ одинъ изъ придѣловъ, получилъ разрѣшеніе отправлять богослуженіе и караулъ; но съ тѣмъ, чтобы звонъ производился одинъ разъ въ день, не ранѣе 8 часовъ утра. „Богомольцы, входя въ храмъ, рассказываетъ тотъ же очевидецъ, благоговѣнно крестясь, творили молитвы. Смотри на исхудалыя и блѣдныя лица, выражавшія совершенное истощеніе силъ, на рубища, на то, какъ они съ трудомъ передвигали ноги, выходя изъ своихъ жилищъ, какъ изъ норъ, изъ подваловъ и погребныхъ ямъ, ихъ можно было уподобить возставшимъ изъ гробовъ, вызваннымъ трубнымъ гласомъ, въ послѣдній день страшнаго суда. Съ радостнымъ трепетомъ, какъ божественнаго врачеванія, они ожидали начала службы. Молились одни, преклонивъ колѣна и простерши руки; другіе, упавъ съ рыданіями на помость, а иные—неподвижно устремивъ взоры на распятаго Спасителя. Когда передъ иконами были зажжены свѣчи, блескъ огня, какъ благодать, нисшедшая свыше, проникла богомольцевъ: всѣ воспрянули какъ бы отъ тяжкаго сна, одобрились духомъ, готовясь встрѣтить въ полночь грядущаго жениха. Наконецъ отдернулась завѣса, отворились царскіе врата, и священно-служители, въ полномъ облаченіи, вышли изъ алтаря. Священникъ несъ на головѣ крестъ и Евангеліе, дьяконъ со свѣчею въ лѣвой и съ кадиломъ въ правой. Народъ палъ ницъ. Выйдя на средину церкви и осѣняя крестомъ на четыре стороны, священникъ возгласилъ: „Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его!“ Когда онъ положилъ крестъ на аналой, клиръ запѣлъ: „Кресту твоему поклоняемся, Владыко!“ Всѣ присутствовавшіе три раза поклонились въ землю. Во время водосвятія, когда пѣли: „Спаси, Господи люди твоя“, народъ, стоя на колѣняхъ, общимъ хоромъ вторилъ молитвѣ. Но когда запѣли: „Къ Богородицѣ прилѣжно нынѣ притецемъ“... весь храмъ огласился воплями и рыданіями. Матери, стоя на колѣняхъ, поднимая на рукахъ грудныхъ младенцевъ, зывали: „Пресвятая Дѣва, спаси невинныхъ дѣтей“. Во время литургіи, когда дьяконъ провозгласилъ: „елицы оглашенніи, изыдите“, молящіяся въ великое пришли недоумѣніе, замѣтя вдругъ трехъ непріятельскихъ солдатъ, въ синихъ мундирахъ, стоявшихъ на колѣняхъ и молившихся со слезами; но сомнѣніе исчезло, когда узнали въ нихъ единовѣрцевъ, Словаковъ. Много было причастниковъ. По окончаніи обѣдни, приложась къ кресту, окропленные святою водою, богомольцы разошлись, спокойны и довольны“.

Современникъ, котораго рассказъ мы привели почти подлинными его словами, весьма вѣрно заключаетъ, что его перо не въ силахъ выразить тѣхъ чувствъ, которыми преисполнены были несчастные жители Москвы ⁷¹⁾. Но какое же перо и можетъ ихъ выразить!

⁷¹⁾ Д-ра Рязанова, Воспоминанія очевидца, гл. 21, стр. 199—204.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ НАЧАТОЙ ВЪ 1813 ГОДУ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, еще замѣтно было въ обществѣ нашемъ, а особенно въ военной молодежи, нѣкоторое разгульное удалство. Англичане говорятъ: время деньги. Русскіе говорили: жизнь копейка. Историко-политическіе перевороты, перевороты довольно часто повторявшіеся и легко удававшіеся, оставили въ умахъ слѣды отваги и какого-то почти своевольнаго казачества въ понятіяхъ и нравахъ. Разумѣется, таково было не общее настроеніе; но привычки произвола не по всюду и не охотно подчинялись условіямъ и законамъ новаго порядка. Съ первыми годами царствования императора Александра I, волненіе умовъ начало улегаться. Небо очищалось и прояснялось, но старыя дрожжи еще кое-гдѣ бродили. Политическихъ Орловыхъ на сценѣ уже не было; но Орловское молодечество, хотя уже отрешившееся отъ кулачныхъ боевъ, еще проглядывало въ нравахъ и обычаяхъ. Проказы гвардейскихъ офицеровъ въ Новой Деревнѣ и въ другихъ окрестностяхъ столицы пугали дамъ, проѣзжавшихъ по этимъ мѣстностямъ. Много забавныхъ, но немного-скабрзныхъ случаевъ и встрѣчъ бывало въ то время. Лучшіе, по рожденію и по положенію своему въ полку и въ обществѣ, офицеры отличались подобными похождениями. Время шло, молодость перебѣсилась, и многіе изъ этихъ шалуновъ сдѣлались не только порядочными, но нѣкоторые и полезными людьми на поприщѣ гражданской и государственной дѣятельности. А все таки благочиніе цѣломудренной печати не позволяетъ, и по минованіи многихъ десятилѣтнихъ давностей, представить читателю, а тѣмъ паче читательницѣ, нѣкоторыя изъ этихъ проказъ во всей ихъ естественной и буквальной наготѣ. Выберемъ изъ этой эпохи другой примѣръ, болѣе удобный для разсказа, но все-же подкрѣпляющій вышеприведенныя соображенія наши.

Въ 1808 или 1809-мъ году, часть блестящей Московской молодежи, сливки тогдашняго отборнаго общества, собралась на обѣдъ пикникомъ въ Царицыно. Въ ожиданіи обѣда гуляли по саду. Въ числѣ прочихъ былъ Новосильцовъ (Сергѣй Сергѣевичъ). Онъ имѣлъ при себѣ ружье. Пролетѣла птица. Новосильцовъ готовился выстрѣлить въ нее. Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Гагаринъ (оба были военные) остановилъ его и говорить ему: „Что за важность стрѣлять въ птицу! Попробуй выстрѣлить въ человѣка.“—„Охотно, отвѣчаетъ тотъ; хоть въ тебя“.—„Изволь, я готовъ. Стрѣляй!“ И Гагаринъ ста-

новится въ позицію. Новосильцовъ цѣлитъ; но ружье осѣклось. Валуевъ, Александръ Петровичъ, кидается, вырываетъ ружье изъ рукъ Новосильцова, стрѣляетъ изъ ружья, и выстрѣлъ раздался. Можно представить себѣ смущеніе и ужасъ зрителей этой сцены. Они думали сначала, что все это шутка и мало обращали на нее вниманіе. Но есть еще продолженіе этой сценѣ. Гагаринъ говоритъ Новосильцову: „Ты въ меня цѣлил: это хорошо. Но теперь будемъ цѣлить другъ въ друга; увидимъ, кто въ кого попадетъ. Вызываю тебя на поединокъ“. Разумѣется, Новосильцовъ не отнѣкивается. Но тутъ пріятель вмѣшался въ наѣздничество двухъ отчаянныхъ сорванцевъ и на силу могли прекратить дѣло миролюбивымъ образомъ. Сѣли за столъ, весело пообѣдали, и вся честная компанія возвратилась въ городъ благополучно и въ полномъ составѣ. Бойцы, готовившіеся совершить убійство другъ надъ другомъ, остались по прежнему добрыми товарищами, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Разсказъ приведенный нами, разумѣется, случай частный и отдѣльный, но и въ немъ можно подмѣтить духъ и знаменіе времени.

*

Спрашивали ребенка: За чѣмъ ты солгалъ? Тебѣ никакой не было выгоды лгать. — Боялся, что не повѣрятъ мнѣ, если правду скажу.

*

Когда бываю въ Русскомъ театрѣ (этому давно) припоминаю отзывъ одного слуги. Баринъ, узнавъ, что онъ никогда не видалъ спектакля, отпустилъ его въ театръ. Любопытствуя провѣдать, какія вынесъ онъ впечатлѣнія, баринъ спросилъ его на другой день:

Ну, какъ понравился тебѣ театръ?

— Очень понравился, отвѣчалъ слуга.

— А что именно и болѣе понравилось?

— Да все: тепло, свѣтло, люстра пребогатѣйшая, такъ и горитъ, народу много, ложи наполнены знатными господами и барынями, музыка играетъ. Праздникъ, да и только.

— Ну, а далѣе, какъ понравились тебѣ комедія и актеры?

— Да, признаться, когда занавѣсъ подняли, и начали актеры разговаривать между собою про дѣла свои, я и слушать ихъ не сталъ“.

Этотъ простосердечный слуга едва-ли не вѣрнѣйшій и лучшій критикъ нашей драматургіи.

*

Издатель журнала долженъ былъ Баратынскому довольно крупную сумму. Изъ деревни писалъ онъ должнику своему нѣсколько разъ о высылкѣ денегъ. Тотъ оставлялъ всѣ письма безъ отвѣта. Наконецъ Баратынскій написалъ ему такое, что могло назваться ножомъ къ горлу. Журналистъ пишетъ ему: „Какъ вамъ несовѣстно сердиться за молчаніе мое? Вы сами литераторъ и знаете, что мы народъ безпечный и на переписку лѣнивый“.—„Да я вовсе и не

хлопочу, отвѣчаетъ Баратынскій, о пріятности переписки съ вами; держите письма свои при себѣ: они мнѣ не нужны, а нужны деньги, и прошу и требую ихъ немедленно“.

*

Кто-то спрашиваетъ должника: Когда-же заплатите вы мнѣ свой долгъ?—Я и не зналъ, что вы такъ любопытны, отвѣчаетъ тотъ.

*

Чиновникъ Р. славился въ канцеляріи министерства красивымъ почеркомъ и надписываніемъ особенно важныхъ письменныхъ пакетовъ. N. N. говорилъ, что слѣдовало-бы предложить его въ Парижскую академію des inscriptions et belles lettres.

*

Спрашивали паломника, недавно возвратившагося изъ Палестины, какъ доволенъ онъ путешествіемъ своимъ? „Очень доволенъ, отвѣчалъ онъ: но неприятно, что вообще на Востокъ нѣтъ порядочныхъ сливокъ, а особенно въ Іерусалимѣ. Послѣ многихъ поисковъ и трудовъ, нашель я наконецъ кое-какія сливки на Англійскомъ подворьѣ; да и тѣ, отъ дневнаго жара и отъ неимѣнія льда, совершенно скисались къ вечернему чаю. Такое лишеніе въ насущной потребности имѣетъ большое вліяніе на общее настроеніе духа. За то нельзя не отдать справедливости Виелеему и голубямъ его. Они необычайно вкусны. А что всего удивительнѣе, очень порядочно изготовляютъ ихъ на монастырскихъ кухняхъ. Вообще, я очень радъ, что сподобился посѣтить святыя мѣста“.

*

Между тѣмъ, другой паломникъ — а можетъ быть и тотъ-же — стоялъ однажды въ Виелеемѣ на плоской кровлѣ монастырскаго дома и любовался великолѣпною мѣсячною ночью, ночью, поистиннѣ, восточною. Мѣсяцъ и звѣзды были невыразимо-свѣтлы, небо и воздухъ синевы необычайной. Все кругомъ было тихо до святости, до благоговѣнія. Въ воздухѣ и въ умѣ мелькали и слышались одни таинственные голоса неумолкаемыхъ преданій. Паломникъ представлялъ себѣ, что можетъ быть на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ, стоялъ за 1850 лѣтъ тому и любовался также подобною ночью современникъ, почти зритель событія, которое озарило благодатнымъ сіяніемъ одну изъ страницъ лѣтописи міра и человѣчества. Паломникъ говорилъ себѣ, что стоитъ при скромномъ родникѣ, изъ котораго разлились потоки свѣта и любви на грядущія поколѣнія, потоки, преобразившіе судьбы міра, еще до нынѣ не изсякшіе и благотворно разливающіеся. Посѣтителю этихъ мѣстъ не нужно особенной набожности, особеннаго вѣрующаго настроенія, чтобы увлекательно, почти бессознательно, подчинить себя всемогуществу преданій, которыя здѣсь струятся въ воздухѣ и всего тебя обхватываютъ, какъ этотъ тихій, теплый и глубоко-проникающій воздухъ. Даже не вѣрующій въ чудеса долженъ сознаться, что эта земля сокровищница и прорицательница чудесныхъ преданій. Здѣсь вѣковыя событія не смѣняются, не стираются съ лица земли и съ ис-

торіи новыми событіями мимотекущаго дня; здѣсь, какъ по глаголу Іисуса Навина, солнце остановилось въ теченіи своемъ, но солнце не одинаго дня, а столѣтій. Здѣсь читаешь Евангеліе съ тѣмъ же любопытствомъ и вниманіемъ, какъ въ другихъ странахъ читаешь мѣстный дневникъ текущихъ происшествій и новостей. Все возбуждаетъ любознательность и отражается въ душѣ свѣжимъ, глубокимъ впечатлѣніемъ. Все здѣсь отзывается древностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ все постоянно, все вѣковѣчно и ново.

*

Съ людскою злобою еще какънибудь справишься, по крайней мѣрѣ на время; съ людскою глупостью невозможно. Она носитъ на лбу своемъ надпись Данта: оставь всякую надежду, если имѣешь дѣло до меня. Злоба—ухищреніе; можно перехитрить ее. Глупость—сила самородная и неодолимая. Злоба—крѣпость; но есть возможность и надежда сдѣлать въ ней проломъ. Глупость—голая, плѣшивая, большущая скала; нѣтъ къ ней приступа, не за что уцѣпиться. Попробуй взлѣзть на нее: неминуемо скатишься внизъ послѣ первой попытки.

*

М. Ѳ. Орловъ былъ прикомандированъ императоромъ Александромъ къ знаменитому генералу Моро, когда онъ изъ Америки пріѣхалъ въ нашу главную квартиру. Однажды утромъ Орловъ сидитъ передъ зеркаломъ и брѣтется. Входитъ Моро, смотритъ на Орлова и говоря ему: „Да вы совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ держите бритву!“, вырываетъ ее изъ руки Орлова и начинаетъ брить его. Ошеломленный Орловъ не зналъ, что и думать и какъ объяснить эту выходку. Послѣ спрашиваетъ онъ адъютанта Моро, что это можетъ значить? Тотъ разсмѣялся и говоритъ: „Генераль очень любитъ брить и полагаетъ, что никто лучше его не брѣтеть“.

(Разсказано мнѣ Орловымъ).

Бываютъ же такіе странные вкусы въ человѣческой натурѣ! Знавалъ я одного барина, который, по любви къ искусству и изъ чести, выучился рвать зубы. Онъ никогда не выходилъ изъ дому безъ футляра съ зубными инструментами въ карманѣ, какъ другой безъ сигарочницы. Ко всѣмъ онъ въ зубы такъ и заглядывалъ. Бѣда тому, кто при немъ заикнется, что у него зубъ болитъ или болѣлъ: онъ такъ на него сей-часъ и кинется и съ инструментомъ въ ротъ залѣзетъ.

А царь Ѳедоръ, который любилъ звонить въ колокола? Одинъ нашъ поэтъ обезсмертилъ эту любовь въ поэмѣ своей и сказалъ:

Ѳедоръ

Звонилъ въ колокола:

Его любимая охота въ томъ была.

Кажется, въ этой-же поэмѣ, Полякъ старается совратить Русскаго боярина съ пути чести и вѣрности и увлечь его на свою сторону. Тотъ отговаривается и выставляетъ обязанности свои предъ Отечествомъ.

Отечество! Увы, что можетъ быть глупѣй?

возражаетъ Полякъ. N. N. говоритъ, что Гречу слѣдовало - бы взять этотъ стихъ въ эпиграфъ для журнала своего Сынъ Отечества.

Кто-то привѣтствовалъ выше помянутую поэму слѣдующимъ четверостишіемъ:

Пожарскимъ, Мининымъ и взрывомъ силъ народныхъ
Отъ козней вражескихъ Россія спасена;
Но отъ стиховъ твоихъ эпически-негодныхъ
Ахъ, не спаслась она!

*

Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ рассказываетъ, что изъ дома воспитательницы его Мелиссино старый слуга былъ отпущенъ на волю. Нѣсколько лѣтъ спустя, встрѣчаетъ онъ Пушкина и говоритъ: „Чтоже вы, баринъ, никогда къ намъ не пожалуете?“ Пушкинъ, воображая, что онъ при мѣстѣ въ какомъ нибудь клубѣ или въ гостиницѣ, спрашиваетъ его: „Да гдѣ-же ты теперь находишься?“ — „Какъ-же, ваше превосходительство, отвѣчалъ онъ: вотъ уже третій годъ, что служу при Иверской“.

Онъ-же рассказывалъ, что у какой-то провинціальной барыни убѣжала крѣпостная дѣвушка. Спустя нѣсколько лѣтъ, барыня проѣзжаетъ черезъ какой-то уѣздный городъ и отправляется въ церковь къ обѣднѣ. По окончаніи службы, дьячекъ подноситъ ей просвиру. Барыня вглядывается въ него и вдругъ вскрикиваетъ: „ахъ, каналья, Палашка, да это ты?“ Дьячекъ въ ноги: „Не погубите, матушка! Вотъ уже четыре года что служу здѣсь церковникомъ. Буду за ваше здравіе вѣчно Бога молить“.

*

Дельвига знавалъ я мало. Болѣе зналъ я его по Пушкину, который нѣжно любилъ его и уважалъ. Едва-ли не Дельвигъ былъ, между пріятелями, ближайшая и постояннѣйшая привязанность его. А посмотрѣть на нихъ: мало было въ нихъ общаго, за исключеніемъ школьнаго товарищества и любви къ поэзіи. Пушкинъ искренно вѣровалъ въ глубокое поэтическое чувство Дельвига. Впрочемъ, не было мнѣ и случая короче сблизиться съ нимъ. Онъ постоянно жилъ въ Петербургѣ, я постоянно жилъ въ Москвѣ. Когда пріѣзжалъ я на время въ Петербургъ, были мы съ нимъ, что называется, въ хорошихъ отношеніяхъ, встрѣчаясь нерѣдко на пріятельскихъ литературскихъ обѣдахъ, вечеринкахъ. Но и тутъ казался онъ мнѣ мало доступенъ. Была-ли это въ немъ застѣнчивость, или нѣкоторая нелюдимость, объяснить я себѣ не могъ; но короткаго сближенія между нами не было. На сходкахъ нашихъ онъ мало вмѣшивался въ разговоръ, мало даже вмѣшивался въ нашу веселость. Во всякомъ случаѣ былъ онъ мало разговорчивъ: рѣчь его никогда не пѣнилась и не искрилась вмѣстѣ въ Шампанскимъ виномъ, которое у всѣхъ насъ развязывало языкъ. Спрашивали одного Англичанина, любитъ-ли онъ танцовать? — „Очень люблю, от-

вѣчалъ онъ, но не въ обществѣ и не на балѣ (jamais en société), а дома одинъ, или съ сестрою. Дельвигъ походилъ на этого Англичанина. Однажды убѣдился я въ томъ и имѣлъ возможность оцѣнить его и понять нѣжное сочувствіе къ нему Пушкина. Мы случайно провели съ нимъ съ глазу на глазъ около трехъ часовъ. Мы ѣздили къ общему знакомому нашему обѣдать на дачу, верстъ за пятнадцать отъ Петербурга. Тутъ разговорился онъ. Я отыскалъ въ немъ человѣка мыслящаго, здраво и самобытно обдумавшаго многое въ жизни. Я удивился и обрадовался находкѣ моей. Между прочимъ рассказалъ онъ мнѣ планъ повѣсти, которую собирався писать. Планъ былъ очень оригинальный и совершенно новый, а именно рассказъ о домашней драмѣ, подмѣченной съ улицы. Лица, имена, происхожденіе ихъ оставались тайною, какъ для читателей, такъ и для самого автора; но при этой тайнѣ выказывалась истина и подлинная, живая жизнь со всѣми своими переворотами, тревоженіями, радостями и скорбью. Какъ мы уже замѣтили, авторъ не вводилъ читателей въ домъ дѣйствующихъ лицъ, и самъ не входилъ въ него, но все сквозь окна подсматрѣлъ съ улицы, и вышелъ полный рассказъ, создалась полная повѣсть.

Вотъ какъ это было. Кто-то, пожалуй, самъ авторъ, нанялъ себѣ двѣ-три комнаты въ домѣ на Петербургской Сторонѣ. Онъ былъ человѣкъ озабоченный разными занятіями, часто долженъ былъ выходить изъ дому и домой возвращаться. Куда-бы онъ ни шелъ, онъ долженъ былъ проходить мимо одноэтажнаго низенькаго домика съ садикомъ. Домикъ не имѣлъ ничего замѣчательнаго, но какъ-то обратилъ на себя вниманіе сосѣда. Каждый разъ, что онъ проходилъ мимо, а это случалось часто, онъ заглядывалъ въ окна; а какъ окна были низки, онъ могъ читать въ комнатахъ и въ томъ что въ нихъ дѣлается, какъ въ открытой книгѣ. Жилецъ домика долженъ былъ быть и хозяинъ его, холостой, одинокой. Судя по первымъ впечатлѣніямъ, по усамъ его, по архалуку, по чапраку, прибитому къ стѣнѣ и по саблѣ на немъ повѣшенной, вообще по ухваткамъ его, можно было заключить достоверно, что онъ отставной кавалерійскій офицеръ, можетъ быть, бывшій Кавказецъ. Кажется онъ уже немолодъ, но и нестаръ: походка бодрая, движенія свободныя, развязныя; лицо свѣтлое, еще довольно свѣжое и выражающее много простоты и добродушія. Сосѣдъ задалъ себѣ какъ будто задачу изучить его. Каждый разъ, что проходилъ мимо, онъ пристально вглядывался въ окошко. Замѣчаетъ онъ, что незнакомый хозяинъ началъ какъ-то опрятнѣе и щеголеватѣе одѣваться. Спустя нѣсколько дней, замѣтилъ онъ большое движеніе въ домикѣ: его обчищаютъ снаружи и внутри, обиваютъ стѣны новыми свѣтлыми бумажками, изукрашенными яркими гирляндами и какими-то фигурочками, чуть-ли не амурчиками съ крыльями и со стрѣлами. Изъ Гостиннаго Двора приносятся коврики, столовые часы, приносятся маленькіе клавикорды, различная мебель, и между прочимъ большая, краснаго дерева двуспальная кровать. Загадка начинаетъ разгадываться. Недѣли чрезъ двѣ въ домикѣ справляется

свадебный пиръ. Сосѣдъ нашъ еще медленнѣе, чѣмъ прежде, проходитъ мимо домика, еще съ бѣльшимъ любопытствомъ, даже съ нескромностью, проникаетъ глазами во внутренность комнатъ. Никакой добросовѣстный и хорошо оплаченный шпионъ не могъ-бы слѣдить за лицомъ, на которое указало ему начальство, какъ онъ сторожить, допытывается этотъ домикъ и совершенно неизвѣстныхъ ему жильцовъ его. Да онъ и не хочетъ знать, кто они; а съ какимъ-то темнымъ предугадываніемъ ожидаетъ удобнаго случая, чтобы сами событія, сама жизнь открыли ему, кто и что они и что будетъ съ ними. Какъ читатель, пристрастившійся къ чтенію романа, онъ не хочетъ, чтобы авторъ намекалъ ему заранѣе на дѣйствія и положеніе героевъ; онъ даже боится, что авторъ какъ нибудь проговорится и слишкомъ скоро укажетъ на развязку романа. Молодая хозяйка красива, стройна, одѣта всегда просто, но всегда со вкусомъ. Выраженіе лица ея живое, безпечное, веселое. На глаза она годами, по крайней мѣрѣ, пятнадцатю моложе мужа; но и мужъ какъ будто-помолодѣлъ, еще выпрямился и вторично расцвѣлъ. Медовые мѣсяцы проходятъ благополучно, во всей сладости, во всемъ благоуханіи своемъ. Супруги неразлучны; они милуются, целуются; мужъ жену въ щеки и въ губы; она обыкновенно целуетъ его въ лобъ: знакъ нѣжности и вмѣстѣ почтительности. Она разливаетъ чай и подноситъ чашку ему, прихлебнувъ ее немножко, чтобы знать, довольно-ли чай крѣпокъ и подслащенъ сахаромъ. Она оправляетъ трубку и подаетъ ему курить. Иногда садится она за клавикуды, играетъ и поетъ. Онъ, облокотясь на стулъ, слушаетъ со вниманіемъ, кажется умиленнымъ: переворачиваетъ листы нотной тетрадки. Часто по вечерамъ, поздней осенью и зимою, сидятъ они предъ каминомъ: онъ въ широкихъ креслахъ, она на стулѣ, почти не опираясь на спинку его. Она въ слухъ читаетъ ему газеты или книгу. Сосѣдъ все это видитъ. Онъ жалѣетъ, что еще не послѣдовалъ примѣру сосѣда своего и не обзавелся женкою и домикомъ. Между тѣмъ смутно ожидаетъ, что будетъ впереди. Ожидаль онъ недолго, то есть съ годъ не болѣе. Къ двумъ дѣйствующимъ лицамъ присоединяется третье: молодой офицеръ, наружности очень красивой. Быть и порядки въ домѣ не измѣнились: все идетъ по прежнему, только часто и все чаще и чаще пріемная комната оживляется присутствіемъ новаго лица. Гость и мужъ за чайнымъ столомъ бесѣдуютъ и покуриваютъ вмѣстѣ: одинъ трубку, другой сигару. Гость съ каждымъ разомъ засиживается долѣе и позднѣе, часовъ до одиннадцати, однажды даже до половины двѣнадцатаго. Мужъ начинаетъ зѣвать; женѣ, по видимому, спать вовсе не хочется. Такъ тянулись дни довольно однообразно, въ теченіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ. Наконецъ соглядатай нашъ замѣчаетъ, что въ домѣ идетъ какъ-то неладно. Мужъ нахмуренъ, въ лицѣ какъ будто похудѣлъ и пожелтѣлъ. У жены нерѣдко заплаканные глаза. Офицеръ все таки еще является, а иногда и по утрамъ; хозяйка и онъ сидятъ вдвоемъ; мужа, вѣроятно, нѣтъ дома. Вечеромъ всѣ три на лице, но уже какъ будто не вмѣстѣ: хозяйка съ гостемъ въ одномъ углу комнаты; въ другомъ мужъ сидитъ за сто-

ломъ и раскладываетъ *пасьянсъ*, а можетъ быть и гадаеть. Чего тутъ загадывать? Тутъ шпиону нашему пришла необходимость выѣхать изъ Петербурга. Больно было ему оставить обсерваторію свою; больно было прервать чтеніе романа, который живо заинтересовалъ его. Мѣсяцевъ чрезъ семь возвращается онъ на свое жительство. Нечего и говорить, что, только отряхнувшись съ дороги, побѣжалъ онъ къ своей сторожкѣ. Смотритъ: хозяинъ дома такъ же и тутъ-же, съ знакомою трубкою во рту. Но онъ, въ это короткое время, постарѣлъ десятию годами: осунулось лице, изнуренное и скорбное. Видно, что большое горе прошло по этому лицу и по этой жизни. Вдругъ изъ дверей показывается кормилица съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ и проходитъ по комнатѣ. Хозяинъ, озлобленно взглянувъ на нихъ, что-то пробормоталъ сквозь зубы; по выраженію, по сморщившимся чертамъ лица, можно было догадаться, что слова были недобрыя: онъ скорыми шагами вышелъ изъ комнаты и сердито хлопнулъ дверью за собою.

Не помню, какъ намѣревался Дельвигъ кончить свою семейную и келейную драмму. Кажется, преждевременною смертью молодой женщины.

Разумѣется, въ этомъ бѣгломъ разсказѣ, въ этомъ сколкѣ, не упоминается о многихъ подробностяхъ и частныхъ случаяхъ, которые связывали эти сцены, наметанныя на живую нитку и пополняли накинутый рисунокъ. Не знаю, какъ вышла-бы повѣсть изъ подъ пера Дельвига; неизвѣстно и вышла-ли бы она, потому что Дельвигъ былъ, кажется, тугъ на работу; но въ первоначальной смѣтѣ своей, повѣсть очень естественна и вмѣстѣ съ тѣмъ очень занимательна и замысловата. Много тутъ жизни и движенія; подъ покровомъ тайны много истины. Все проходитъ тихо-молкомъ, а слышишь голоса живые. Дельвигъ разсказалъ мнѣ свой планъ ясно, отчетливо и съ большимъ одушевленіемъ. Видно было, что эта повѣсть крѣпко въ умѣ его засѣла.—Въ эту-же поѣздку, рѣчь наша какъ-то коснулась смерти. Я удивился, съ какою ясною и спокойною философіею говорилъ онъ о ней: казалось, онъ ея ожидалъ. Въ словахъ его было какое-то предчувствіе, чуждое отвращенія и страха; напротивъ, отзывалось чувство не только покорное, но благопривѣтливое. Для меня, по крайней мѣрѣ, этотъ разговоръ былъ лебединая пѣсня Дельвига: я выѣхалъ изъ Петербурга и болѣе не видалъ его, а онъ скоро за тѣмъ умеръ.

*

Вспоминаю, что у меня было еще два подобные, предсмертные разговора, тоже съ людьми мнѣ не особенно близкими. Это было, кажется, въ 1838 году. Во Франкфуртѣ на Майнѣ встрѣтился я съ Н., который возвращался въ Россію. Опять не знаю, какъ рѣчь зашла о смерти. Онъ говорилъ мнѣ, что смерти не боится, а боится одного: быть за живо погребеннымъ, и потому, не желалъ-бы умереть въ деревнѣ, въ отсутствіи домашнихъ своихъ. А чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ за тѣмъ, онъ именно такъ и умеръ: въ деревнѣ, и, кажется, никого изъ семейства его не было при немъ. Во

Франкфуртъ было мое послѣднее свиданіе съ нимъ, а мысли его о смерти—послѣднія слова, которыя слышалъ я отъ него.

Гораздо позднѣе, былъ у меня еще и третій разговоръ въ такой-же обстановкѣ. Въ какой-то праздничный, торжественный день, при многолюдномъ стеченіи разныхъ лицъ во дворцѣ, встрѣчаю С., только что возвратившагося изъ за границы. С. любилъ жизнь и, по своему, умѣлъ пользоваться ею. Онъ былъ богатъ, занималъ въ обществѣ довольно видное мѣсто, не тревожился загадочными задачами жизни, а скорѣе радѣлъ о житейскихъ задачахъ ея и рѣшалъ ихъ всегда удовлетворительно для себя. Мы тутъ обмѣнялись съ нимъ нѣсколькими *шляпочными* словами. Но ни съ того, ни съ другаго—видно лице мое какое-то менено могѣ—разговоръ круто повернулъ на смерть. „Въ жизни и въ свѣтѣ, сказала онъ мнѣ, все довольно хорошо придумано и устроено; одно не хорошо: срокъ жизни слишкомъ коротокъ. Нужно было-бы дать человѣку прожить по крайней мѣрѣ лѣтъ двѣсти“. Спустия нѣсколько дней, узнаю, что С. умеръ скоропостижно. Вотъ такъ кончилась и третья моя упокойная бесѣда.

*

Былъ въ Москвѣ всѣмъ извѣстный и во многихъ домахъ очень хорошо принятый Итальянецъ Осипъ Негри. N. N. говорилъ ему, что онъ и безъ спиртуозныхъ напитковъ всегда подъ хмелькомъ.—Какъ-же такъ? — Да, разумѣется: *vous êtes né gris* *).

Онъ-же ему: „Тебѣ никакъ нельзя пѣть дуэтъ съ красавицею твоею“. (Онъ былъ влюбленъ въ пѣвицу изъ Итальянской оперы).—А почему-же?—„Потому, что ты вѣчно *Ochne*“.

*

Есть у насъ пріятель; онъ, съ нѣкоторымъ заиканіемъ, говоритъ скороговоркою, а воображеніе его еще и языка скороговорчивѣе. Спрашиваютъ его: есть-ли лѣсъ въ купленной имъ подмосковной?—Какъ-же, отвѣчаетъ онъ: сорокъ четыреста четыре тысячи сорокъ тысячъ десятинь строеваго лѣса.—Мы думали, что онъ дойдетъ до четырехъ сотъ тысячъ десятинь: да, какъ-то духу у него не хватило, и онъ остановился. Замѣтка для читающаго или для повторяющаго этотъ рассказъ: не надобно ставить запятыхъ между цифрами ни письменно, ни устно; иначе пропадетъ вся прелесть этого *crescendo*.

*

Въ этомъ-же родѣ рассказывалъ Алексѣй Перовскій. Былъ ему хорошо знакомъ одинъ зубной врачъ, не опровергавшій Французской поговорки: *mentir comme un aggracheur de dents* (лгать какъ зубодѣргъ). Однажды говоритъ онъ Перовскому: „На прошлой недѣлѣ вырвалъ я зубъ у стараго князя ***. Какъ думаете, что онъ далъ

*) Непереводимая игра звуковъ: вы рождены пьянымъ.

мнѣ за операцію“?—Перовскій, зная хорошо пріятеля своего, отвѣчаетъ ему: тысячу рублей.— Мало.— Три тысячи?— Мало.— Десять тысячъ?— Ошеломленный зубной врачъ, не посмѣлъ идти далѣе и сказалъ: да, именно десять тысячъ рублей, вы угадали. Но, одумавшись немножко, добавилъ: и еще подарилъ мнѣ славнаго рысака.

*

Къ празднику свѣтлаго воскресенія обыкновенно раздаются чины, ленты, награды лицамъ, находящимся на службѣ. Въ это время происходитъ оживленная мѣна поздравленій. Кто-то изъ подобныхъ поздравителей подходитъ къ Жуковскому во дворцѣ и говоритъ ему: нельзя-ли поздравить и ваше превосходительство?— Какъ же, отвѣчаетъ онъ, и очень можно.— А съ чѣмъ именно, позвольте спросить?— Да со днемъ Святой Пасхи.

Жуковскій не имѣлъ опредѣленнаго званія по службѣ при дворѣ. Онъ говорилъ, что въ торжественно-праздничные дни и дни придворныхъ выходовъ онъ былъ *знатною особою обою пола* (Извѣстное выраженіе въ официальныхъ повѣсткахъ).

*

Кривой К., послѣ долгаго разговора съ кривымъ О., сказалъ: Я очень люблю бесѣдовать съ нимъ съ глазу на глазъ.

*

Замѣтка о N. N. Не знаю, простить-ли Богъ ему грѣхи его; но онъ не прощаетъ Богу ни малѣйшаго насморка своего.

*

Добрая старушка, довольная участію своею, говорила съ умиленіемъ: „Да будетъ Господь Богъ вознагражденъ за всѣ милости Его ко мнѣ“.

*

Прогрессивные провинціалы—а есть такіе провинціалы и въ столицахъ—говорятъ съ ужасомъ, съ ожесточеніемъ, о нравахъ и обычаяхъ стараго времени, особенно проявившихся въ помѣщичьемъ быту. Боже сохрани защищать и оправдывать всѣ эти нравы и обычаи; но за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые имѣли на себѣ неблаговидные и предосудительные оттѣнки, почему предавать анаѣмъ и тѣ обычаи, которые были чисто-комическаго свойства и невинно-забавны? Если все доводить до правильнаго и благочиннаго однообразія и благообразія, если хотѣтъ всю жизнь подчинить законамъ и условіямъ платонической академіи и платонической республики, то куда-же дѣнемъ мы смѣхъ, который также есть радостная и животворящая принадлежность жизни и человѣка? Не дай Боже заглушить, задушить въ насъ это фізіологическое явленіе, которое служитъ намъ отдыхомъ и отрадою за слезы, проливаемые нами тоже по законамъ природы нашей и жизни. Я, по крайней мѣрѣ, не вхожу въ изступленіе при картинахъ имѣющихъ болѣе забавный, нежели порочный характеръ. Если умѣлъ бы я писать комедіи или романы, я дорожилъ-бы преданіями нашей старины: безъ

озлобленія, безъ напыщеннаго декламатерства, выводилъ-бы я на сцену нѣкоторыхъ чудаковъ, жившихъ въ удовольствіе свое, но впрочемъ не въ обиду другимъ. Старый бытъ нашъ имѣлъ свое драматическое олицетвореніе, свое движеніе, свои разнообразныя краски. Имѣй я нужное на то дарованіе, я обмакивалъ-бы кисть свою не въ желчь; не съ пѣною во рту, а съ насмѣшливою улыбкою, растиралъ-бы я для картинъ своихъ свѣжія и яркія краски простосердечной шутки. Я возбуждалъ-бы въ читателяхъ и зрителяхъ симпатическій смѣхъ, потому что самъ давалъ-бы я имъ примѣръ не злостнаго, а искренняго и необиднаго смѣха. Я бѣгалъ-бы, чуровался-бы отъ всякаго *тенденціоннаго* направленія, какъ отъ злаго наитія. Такъ, кажется, вообще поступалъ и Гоголь. Гдѣ въ художествахъ, въ литературѣ, въ живописи является *тенденція*, съ притязаніями на учительство, тамъ уже нѣтъ ни природы, ни искусства. Реальная правда въ созданіяхъ мысли и воображенія не можетъ быть живою правдою: она уже охолодѣвшій трупъ подъ лекаремъ ножомъ, не въ театрѣ живыхъ людей, а въ *театрѣ анатомическомъ* по Французскому выраженію.

На примѣръ, былъ одинъ помѣщикъ, принадлежавшій довольно знатному роду, по воспитанію своему образованный. Когда бывалъ въ столицахъ, жилъ и дѣйствовалъ онъ какъ другіе въ средѣ ему подобающей; но столичная жизнь стѣсняла его.

Мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу,—

то есть въ село свое, говорилъ онъ про себя. И тамъ въ деревнѣ, на свѣжемъ воздухѣ, на просторѣ, разыгрывались прирожденныя и таившіяся въ немъ наклонности, причуды и странности. Онъ любилъ, ему, по натурѣ его, нужно было чудачить, и онъ чудачествовалъ себѣ, въ свое удовольствіе. По преданіямъ стараго барчества, которыя могли быть ему нечужды, онъ дома завелъ обряды и этикетъ на подобіе любаго Нѣмецкаго курфиршества. Онъ составилъ свой дворъ изъ двори своей. До учрежденія мундира онъ достигнуть не осмѣлился; но завелъ въ прислугѣ офиціальныя жилеты разнаго цвѣта и покроя, которые, по домашнему значенію, равнялись мундирамъ. Жилеты были распределены на разныя степени, по цвѣту и пуговицамъ. Онъ жаловалъ, производилъ, повышалъ, на примѣръ, Никифора въ такой-то жилетъ высшаго достоинства. Панкратій, за пьянство или за другой поступокъ, былъ разжалованъ въ жилетъ низшаго достоинства, со внесеніемъ въ формулярный списокъ. Когда, по воскресеньямъ и другимъ праздничнымъ днямъ, баринъ отправлялся въ церковь, дворовой штатъ его, по старшинству жилетовъ, становился въ двѣ шеренги на пути, по которому онъ изволилъ шествовать. Были дни, въ которые всѣ жилеты и всѣ находящіяся при нихъ юбки имѣли счастье лобызать барскую ручку. Все дома и въ домашнемъ быту подходило къ такому порядку. Дни и часы были распределены, какъ восхождение и захожденіе солнца, по календарю. *Хозяинъ музыку любилъ*, особенно Итальянскую. Это музыкальное дарованіе было родовымъ свойствомъ въ семействѣ его. Изъ крѣпостныхъ и взятыхъ во дворъ

голосовъ избирались всѣ возможные сопрано, контральто, теноры, баритоны, басы, всѣ ступени со всѣми извилинами музыкальной лѣстницы. Изъ нихъ составлялись концерты, которые можно было слушать съ удовольствіемъ. Здѣсь, по уравненію званій, аристократическіе голоса барскихъ дѣтей сливались съ плебейными голосами челядинцевъ. Здѣсь баринъ былъ уже не баринъ, а подпѣвающій отецъ поющаго семейства. Въ селѣ своемъ подмѣтилъ онъ однажды попадью, которую можно было завербовать съ успѣхомъ въ вокальное общество. Началъ онъ и ее италянизировать и заставлялъ пѣть аріи и дуэты изъ разныхъ Итальянскихъ оперъ-буффъ. Разумѣется, при томъ и приваряжалъ онъ ее въ приличные тому костюмы: шелковыя платья съ длинными шлейфами. Выписывалъ онъ для нея изъ Москвы токи со всѣми возможными и невозможными перьями. Показалось ему, что она должна быть забавна верхомъ. И вотъ заказалъ онъ ей Амазонское платье и шляпку съ вздернутымъ вверхъ козыркомъ, посадилъ ее на коня и разѣзжалъ съ ней по полямъ и по лѣсамъ. Слухи обо всемъ этомъ дошли до мѣстнаго архіерея. Онъ возмимѣлъ подозрѣніе, что тутъ кроется что-то недоброе. Онъ послалъ за попадьею. Явилась она. При видѣ ея, подозрѣніе разсѣялось. Онъ говоритъ ей: „Извини меня, матушка, что я тебя напрасно потревожилъ; мнѣ не такъ доложили. Ты такъ стара и некрасива, что грѣху поживиться тутъ нечѣмъ. Возвращайся съ Богомъ домой. Счастливый путь!“

Все это не просится-ли подъ кисть Русскаго Теньера, подъ перо Русскаго Лесажа (автора Жиль-Блаза), Русскаго Дикенса? Тутъ *студьевъ ломать* не нужно. Не нужно стучать и перомъ о бумагу, какъ кулакомъ. Пиши съ натуры; не черни ея, не клеpli на нее, и выйдутъ картины, очерки забавныя, но миловидныя, и съ сатирическими оттѣнками. Литтература, ни въ какомъ случаѣ, не должна быть учрежденіемъ паралельнымъ уголовной палатѣ. А наша литтература все любитъ карать. Правда, что кому охота есть, легче быть подмастерьемъ палача, нежели талантливымъ живописцемъ.

*

Баронъ Мальтицъ *), Нѣмецкій поэтъ и Русскій дипломатъ, въ слѣдствіи времени нашъ повѣренный въ дѣлахъ при Веймарскомъ дворѣ, зять и другъ Ѳ. И. Тютчева, забавно рассказываетъ, при какой обстановкѣ получилъ онъ, въ молодыхъ еще лѣтахъ, первый знакъ отличія. Онъ былъ тогда секретаремъ при нашей миссіи въ Берлинѣ; посланникомъ былъ Алопеусъ. Министръ призываетъ его въ свой кабинетъ и торжественно обращается къ нему съ слѣдующею рѣчью: „Милостивый государь, нашъ августѣйшій властитель (notre auguste maître), всемилостивѣйшій государь Всероссійскій (empereur de toutes les Russies), въ непрестанной заботливости о благѣ подданныхъ и въ великодушномъ вниманіи къ заслугамъ

*) *Примѣчаніе.* Братъ его, нѣкогда посланникъ нашъ въ Гагѣ, былъ также Нѣмецкимъ поэтомъ, и между прочимъ дописалъ неоконченную трагедію Шиллера: Димитрій Самозванецъ.

усердныхъ служителей своихъ, благоволилъ пожаловать васъ, милостивый государь, кавалеромъ ордена святаго равноапостольнаго великаго князя Владимира четвертой степени: это послѣдняя“ (l'ordre du grand-duc, Saint Wladimir, égal aux apôtres, de la quatrième classe: c'est la dernière). Все это, разумѣется, было сказано на Французскомъ языкѣ.

*

Князь Гагаринъ (принадлежащій нынѣ къ ордену іезуитовъ) говорилъ объ N. N.: „Съ нимъ бывають всегда такія радости, что какъ-то совѣстно поздравлять его съ ними. То поздно пожалованъ онъ знакомъ отличія, который давно ему слѣдовалъ; то, рожденіемъ внуки, рано пожалованъ онъ въ дѣдушки.

*

Въ старину говорили: въ Станиславѣ—мало славы; молись Богу за матушку Анну. (Слышано отъ Дмитрія Павловича Татищева).

*

Одинъ департаментскій чиновникъ никакъ свыкнуться не могъ съ выраженіемъ: „написать записку въ третьемъ лицѣ“. Въ такихъ случаяхъ онъ докладывалъ начальству: „Не прикажете-ли написать записку отъ вашего превосходительства въ трехъ лицахъ?“

*

— „Какъ это такъ дѣлается, спрашивали N. N., что ты постоянно жалуешься на здоровье свое, вѣчно скучаешь и говоришь, что ничего отъ жизни не ждешь, а вмѣстѣ съ тѣмъ умирать не хочешь, и какъ будто смерти боишься?“— „Я никогда, отвѣчалъ онъ, и ни въ какомъ случаѣ не любилъ переѣзжать“ (Je n'ai jamais aimé à déménager).

*

Крыловъ, какъ членъ старой Россійской Академіи, былъ недоволенъ хозяйственными и экономическими распоряженіями ея. Капиталь, которымъ она владѣла, не употребляла она на пользу Русской словесности, не печатала полезныхъ и дешевыхъ книгъ, не изготовляла новыхъ, улучшенныхъ изданій нашихъ классическихъ писателей, не помогала молодымъ талантамъ. „Куда копите вы деньги свои? спрашивалъ онъ академическое правленіе. Развѣ на приданое Академіи, чтобы выдать ее за мужъ за Московскій Университетъ?“ Свадьба не состоялась; но, послѣ смерти Шишкова, значительный академическій капиталъ былъ отобранъ. Богатая невеста за мужъ не вышла, и какъ сиротка пристроена была къ другому мѣсту и подъ другимъ именемъ. Для старыхъ академиковъ это былъ жестокой ударъ. Министра Уварова осуждали за эту реформу. Въ лирическомъ негодованіи своемъ, иные даже утверждали, что онъ этимъ преобразованиемъ оскорбляетъ память Екатерины Великой: она была основательницей Академіи, въ лицѣ княгини Дашковой была сама почти членомъ Академіи. Довольно долго раздавались жалобы, сѣтованія и упреки. Конечно, кажется, лучше

было-бы не трогать Академіи, не нарушать личныхъ преимуществъ ея. Она уже пользовалась правомъ гражданства въ составѣ государства; принесла не столько пользы, сколько могла принести, но все-же не совсѣмъ праздно просуществовала. Нѣкоторыми нововведеніями и улучшеніями, можно было еще возвысить вліяніе ея на любознательную и просвѣщенную публику. Въ Парижѣ избраніе новаго академика, пріемное засѣданіе ему, рѣчи при этомъ читанныя, составляютъ еще и нынѣ событіе для города, который въ событіяхъ не нуждается, а скорѣе подавленъ разнородными событіями. У насъ далеко не то, особенно въ явленіяхъ умственной и литературной дѣятельности. Впрочемъ, наша Академія тоже записала событіе въ лѣтописяхъ своихъ: когда Карамзинъ читалъ въ ней рѣчь и отрывки изъ Исторіи Государства Россійскаго и получилъ золотую медаль изъ рукъ незапамятнаго Шишкова. Въ лицѣ его *старый слогъ* не только примирился съ *новымъ*, но воздалъ ему подобающую честь. Это академическое торжество было и общественнымъ и городскимъ событіемъ. Никогда академическая зала не видала въ стѣнахъ своихъ такого многолюднаго и блестящаго собранія лицъ обоого пола. Чтеніе академика-Пушкина могло-бы также быть академическимъ праздникомъ. Подобные праздники полезны и нужны для разнообразія и пробужденія посреди обихода будничныхъ, голословныхъ дней. Можно еще замѣтить, что не каждый членъ чисто-литтературной Академіи можетъ быть и членомъ Академіи Наукъ. Фонъ-Визинъ, Квяжининъ, Дмитріевъ и другіе имъ подобные были совершенно на мѣстѣ своемъ въ Россійской Академіи; въ Академіи Наукъ были-бы они не жильцы, а развѣ гости. И то выходило бы тогда смѣшеніе понятій и произвольная классификація.

*

Послѣ Крылова, какъ-то вспомнилось о Гнѣдичѣ. Впрочемъ они были пріатели и друзья. Дружба ихъ была, вѣроятно, основана болѣе на уваженіи другъ друга въ литературномъ отношеніи, хотя дарованіе каждаго изъ нихъ было совершенно противоположно дарованію другаго: они пѣли не на одинъ ладъ. А вѣроятнѣе еще, короткая ихъ связь закрѣпилась общимъ сожительствомъ въ домѣ Императорской Библіотеки. Во всемъ быту, какъ и въ свойствѣ дарованія ихъ, выказывалась такая-же рознь. Крыловъ былъ нераха, хомякъ. Онъ мало заботился о внѣшности своей. Гнѣдичъ, испаханый, изрытый оспою, не слѣпой, какъ поэтъ, котораго избралъ онъ подлинникомъ себѣ, а кривой, былъ усерднымъ данникомъ моды: онъ всегда одѣвался по послѣдней картинкѣ. Волоса были завиты, шея повязана платкомъ, котораго стало-бы на три шеи. Не смотря на непригожество свое—прости мнѣ тѣнь его мою нескромность—онъ придавалъ себѣ всѣ притязанія и прихоти красавца: иначе не сталъ-бы онъ выказывать свое безобразіе, вставляя его въ изысканную и нарядную раму. Впрочемъ, театральная хроника старараго времени гласитъ, что и онъ имѣлъ дни своихъ любовныхъ успѣховъ и счастья. Во внутреннемъ бытѣ своемъ соотвѣтствовалъ онъ внѣшнему. Онъ былъ нѣсколько чопоренъ, величавъ; рѣчь его

звучала нѣсколько декламаторски. Онъ какъ-то говорилъ гекзаметрами. Впрочемъ это не мѣшало ему быть иногда забавнымъ разскащикомъ и меткимъ на острое слово. Онъ слылъ хорошимъ чтецомъ; но въ чтеніи его, какъ и во всемъ прочемъ, было мало простоты и натуральности. Крыловъ, напротивъ, читаль, по крайней мѣрѣ басни свои, безъ малѣйшаго напряженія: онѣ выливались изъ устъ его, какъ должны были выливаться изъ пера его, спроста, сами собою. Голосъ, дикція Гнѣдича были какъ будто подавлены платкомъ, который въ нѣсколько разъ обвиваль шею его и горловые органы. Любезный и во многихъ отношеніяхъ почтенный Гнѣдичъ былъ короче знакомъ съ языкомъ Илиады, нежели съ языкомъ Петербургскихъ салоновъ, то есть съ Французскимъ. Но одѣтый по модѣ, хотѣлъ онъ и говорить по модѣ. И тутъ Французская рѣчь его была не только съ грѣхомъ пополамъ, но и до невозможности забавна. Однажды гдѣ-то хвалили красоту какой-то дѣвицы. Онъ вмѣшался въ разговоръ и густымъ голосомъ своимъ, сказалъ: *Pour moi, ce n'est pas un bel visage, mais comme disent les Français, c'est une jolie figurlette.*

Жуковскій жилъ одно время въ верхнемъ этажѣ Шепелевскаго дворца. Гнѣдичъ пришелъ къ нему. „Ты, кажется, мой Гнѣдко, (Жуковскій всегда такъ называль его) запыхался?“—*Oui*, отвѣчалъ онъ, *j'ai courmonté votre escalier* (вбѣжалъ на лѣстницу вашу).

Заключимъ свои, нѣсколько грѣшныя, сплетни словомъ истины, которое должно перевѣсить все, что можетъ показаться насмѣшкою въ очеркѣ нашемъ. Гнѣдичъ въ обществѣ былъ честный человѣкъ; въ литературѣ былъ онъ честный литераторъ. Да, и въ литературѣ есть своя честность, свое правдушіе. Гнѣдичъ въ ней держался всегда безъ страха и безъ укоризны. Онъ высоко дорожилъ своимъ званіемъ литератора и носилъ его съ благородною независимостью. Онъ былъ чуждъ всѣхъ продѣлокъ, всѣхъ мелкихъ страстей и промышленностей, которыя иногда понижаютъ уровень, съ котораго писатель никогда не долженъ бы сходить. Онъ былъ въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ Крыловымъ, Батюшковымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, Баратынскимъ, Дельвигомъ, Плетневымъ, Тургеневымъ. Онъ былъ свой человѣкъ въ гостепріимномъ и литературномъ домѣ А. Н. Оленина. Въ литературѣ оставилъ онъ по себѣ трудъ и памятникъ капитальный. Его переводъ Илиады и Жуковскаго переводъ Одиссеи ничего равнаго себѣ не имѣютъ въ литературѣ нашей. Они хотя нѣсколько восполнили классическій пробѣлъ, которымъ наша литература прискорбно отличалась и отличается отъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ Европейскихъ литературъ.

*

Когда князь Шаликовъ въ первый разъ представлялся Дмитріеву, онъ, входя въ комнату, сказалъ ему: *mon général*. Это тѣмъ было забавнѣе, что въ обстановкѣ Дмитріева не было ничего военно-генеральскаго, что тутъ являлся онъ не по дѣламъ службы, а по литературнымъ, младшій къ старшему, и наконецъ, что Дмитріевъ не говорилъ иначе, какъ порусски, хотя зналъ хорошо Французскій

языкъ; а Шаликовъ, хотя и говорилъ на немъ, но довольно плохо. Въ старое время и въ началѣ столѣтія, въ нѣкоторыхъ слояхъ общества считалось какъ-то почтительнѣе и вѣжливѣе обращаться съ рѣчью на Французскомъ діалектѣ. Заговаривать порусски казалось слишкомъ запросто и фамиліарно. За то, какіе часто забавные промахи отпускались! Къ ошибкамъ на отечественномъ языкѣ оказывалось вообще болѣе терпимости. Свои люди сочтемся, или рука руку, а пожалуй языкъ моетъ. Высшая образованность въ обществѣ была воспитана на иностранной выдержкѣ. Въ старое время говорили порусски болѣе самоучкою. Да иначе и быть не могло. Учителей не было; Русскихъ воспитателей не было. Въ книгахъ для чтенія былъ большой недостатокъ. Хорошихъ словарей, общедоступной грамматики на лице также не оказывалось. Есть-ли они теперь въ удовлетворительномъ составѣ и видѣ? Право, сказать не умѣю. Лучшіе писатели наши прежняго времени сами вскормлены были на чужихъ хлѣбахъ. Но они чужой хлѣбъ перепекали въ своей родной печи, прибавляли къ ней муки своей, и, мало по малу, пошли въ ходъ и вошли въ славу Московскіе калачи и разныя сдобныя печенья.

*

Въ старое время была цѣлая устная литература, литература анекдотическая забавно-искаженной Французской рѣчи.—Чи это портреты?—По середкѣ *ma femme*, а по бокамъ *père d'elle* и *mère d'elle*. А историческій и знаменитый *je* Федора Петровича Уварова? Наполеонъ I, въ которомъ-то изъ сраженій, любовался Русскою кавалерійскою атакою и, какъ рассказываютъ, воскликнулъ: *браво! браво!* Вырвавшійся крикъ изъ груди художника. Позднѣе, когда Уваровъ представлялся ему, Наполеонъ, вспомнивъ впечатлѣніе свое, спросилъ его: кто командовалъ Русскою кавалеріею въ такомъ-то дѣлѣ?—*Je, Sire.*

Тономъ пониже, но его-же. Въ сѣняхъ театра, при выключкѣ каретъ полицейскимъ солдатомъ, онъ повторялъ: *Pas ma, pas ma.* Наконецъ провозгласили карету его: *ма, ма, ма*, воскликнулъ онъ и выбѣжалъ изъ сѣней.

Барыня, довольно высокоименитая, была въ Римѣ и представлялась папѣ. Не знаю, цаловала-ли она туфлю его святѣйшества; но извѣстно, что на какой-то вопросъ его, отвѣчала она: *oui, mon rare.*

Другая Русская путешественница, на представленіи Нѣмецкой королевы, говорила ей: *Sirène*, на томъ основаніи, что королю говорятъ: *Sire.*—Вольно-же Французскому языку не быть логически-последовательнымъ!

Черезъ какой-то губернской городъ проѣзжалъ ученый путешественникъ, сильно рекомендованный изъ Петербурга мѣстному начальству. Губернаторъ рѣшилъ дать въ честь его обѣдъ; но на бѣду, онъ никакого иностраннаго языка не зналъ. Для того, чтобы помочь этому горю, выписали уѣзднаго предводителя, который былъ въ числѣ военныхъ гостей, посѣтившихъ Парижъ въ 1814 году и

поэтому прозванъ былъ въ уѣздѣ Парижаниномъ. Губернаторъ просилъ его заняться во время обѣда разговоромъ съ путешественникомъ и сказать нѣсколько приличныхъ словъ, когда будутъ нить за здравіе его. Нашъ Парижанинъ охулки на языкъ не положилъ. Въ витіеватой рѣчи онъ нѣсколько разъ выхвалялъ достоинства *de l'illustre coupable du triomphe d'aujourd'hui* (знаменитаго виновника нынѣшняго торжества).

Въ дѣтствѣ моемъ знавалъ я барина, который въ Русскую рѣчь— а онъ иначе какъ порусски не говорилъ—вклеивалъ поминутно слово, или вѣрнѣе звуки *munstre*. Кто-то спросилъ у него истолкованія этой странности.—„Въ молодости моей я совершенно владѣлъ Французскимъ языкомъ, но прожилъ двадцать лѣтъ въ деревнѣ и совершенно потерялъ навыкъ говорить на немъ. Одно только это слово осталось у меня въ памяти и невольно навертывается на языкъ“. Кто-то предполагалъ, что вѣроятно когда нибудь жена, или одна изъ пріятельницъ назвала его *monstre*, и эта кличка однажды на всегда такъ и врѣзалась въ него.

Нѣмцы также произношеніемъ своимъ дѣлаютъ забавныя промовки. Въ Москвѣ, на одной вечеринкѣ, хозяйка дома пригласила барона *** сѣсть за ужинъ; онъ извинялся и просилъ позволенія *de roter au tour de la table* (roder).

Дипломатъ, родомъ Венеціанецъ, въ Русской службѣ, чуть-ли не Мочениго, въ концѣ донесенія своего императрицѣ Екатеринѣ II, говорилъ: *j'ai le bonheur d'être jusqu'à la mort attaché a la grande potence de votre majesté* (potenza—держава).

Можно-бы собрать цѣлый фоліантъ подобныхъ археологическихъ и архаическихъ рѣдкостей. Эти промахи языка тѣмъ были забавнѣе, что Французскія слова вообще очень поддаются на двусмысленное значеніе. Нынѣ что-то и этого смѣха нѣтъ. Уста, чтобы не сказать губы, разучились смѣяться; они надулись и нахмурились. Одни щеголеватые фельетонисты и модные повѣствователи великосвѣтскихъ событій пробуждаютъ улыбку нашу, когда они, съ грѣхомъ пополамъ, испещряютъ Французскою мозаикою свой Русскій текстъ.

*

Мы скавали: *губы нахмурились*. Выраженіе совершенно правильное. На Польскомъ языкѣ сохранилось Славянское слово *хмура*, то есть облако, туча. Напрасно нѣтъ этого слова въ нашемъ академическомъ словарѣ. Вообще было бы нехудо пересмотрѣть повнимательнѣе лексиконы Польскаго языка. Въ нихъ, нѣтъ сомнѣнія, нашлось бы довольно словъ, которыя ускользнули изъ нашихъ, а на дѣлѣ принадлежатъ обоимъ языкамъ. Поляки могли-бы сдѣлать и у насъ подобный повальный обыскъ. Тутъ политическихъ перерывовъ бояться нечего. Никому не было-бы въ обиду: всѣ были-бы въ барышахъ.

*

Брюловъ говорилъ мнѣ однажды о комъ-то: „Онъ очень слезливъ, но когда и плачетъ, то, кажется, что изъ глазъ слюнки текутъ“.

Мы съ нимъ прогуливались въ Римѣ и вышли за городскія стѣны, въ такъ называемую *la campagna di Roma*, Римскую равнину, Римскую степь. Ее воспѣвали поэты, живописцы старались воспроизводить ее въ картинахъ своихъ; путешественники любятъ ея величавою и грустною прелестью. День тогда былъ пасмурный; а въ Римѣ нужны переливы сіянія. „Жаль, что нѣтъ солнца, сказалъ Брюловъ; будь оно, и все это предъ нами такъ-бы и запѣло“. Замѣчательно, что онъ свое поэтическое выраженіе заимствовалъ не изъ живописи, а изъ музыки.

Но вотъ слово его-же, которое такъ и носить отпечатокъ великаго живописца. Въ Петербургъ пріѣзжала Англичанка, извѣстная портретистика. Спрашивали Брюлова, что онъ думаетъ о ней.

—Талантъ есть, сказалъ онъ, но въ портретахъ ея нѣтъ костей: все одно мясо.

*

Извѣстный П. И. Кутузовъ не всегда былъ сенаторъ и кураторъ. Было время, когда, въ молодости, былъ онъ кирасирскій маіоръ, или подполковникъ въ полку, квартирующемъ въ Москвѣ. У кого-то за городомъ былъ домашній спектакль. Кутузовъ участвовалъ въ немъ въ роли арлекина. Послѣ представленія спѣшить онъ въ городъ и какъ до него было только версты двѣ или три, онъ, не переодевшись, а закутавшись въ шинель, сѣлъ въ карету и поскакалъ въ Москву. Въ торопяхъ забылъ онъ одно: что передъ городомъ есть застава, и при ней неминуемая гауптвахта. Кажется, это было въ царствованіе императора Павла. Онъ подъѣзжаетъ; надобно выходить и записаться. Дѣло сдѣлано; шинель благополучно прикрыла всѣ грѣхи; но вотъ, какимъ-то неосторожнымъ движеніемъ проѣзжающаго, шинель распахнулась, и караульный видитъ въ кирасирѣ пестраго арлекина. Можно представить себѣ, что за *scour de théâtre!* Какъ-бы то ни было, кирасиръ-арлекинъ провелъ ночь на гауптвахтѣ, а утромъ, съ поличнымъ подъ карауломъ, препровожденъ былъ къ начальству. Помню, какъ этотъ рассказъ, слышанный мною въ дѣтствѣ, забавлялъ меня.

*

Одно время, проказники сговорились проѣзжать часто черезъ Петербургскія заставы и записываться тамъ самыми причудливыми и смѣшными именами и фамиліями. Этотъ именной маскарадъ обратилъ вниманіе начальства. Приказано было задержать перваго, кто подастъ поводъ къ подозрѣнію въ подобной шуткѣ. Дня два послѣ такового распоряженія, проѣзжаетъ черезъ заставу государственный контролеръ Балтазаръ Балтазаровичъ Кампенгаузенъ и рѣчи-сто, во всеуслышаніе, провозглашаетъ имя и званіе свое.—„Не кста-ти вздумали вы шутить, говоритъ ему караульный: знаемъ вашу братью; извольте-ка здѣсь посидѣть, и мы отправимъ васъ къ г-ну коменданту“. Такъ и было сдѣлано.

*

Въ старину, проѣздъ черезъ заставу былъ дѣломъ государственной важности не только у насъ, но и въ другихъ государствахъ:

во Франціи и въ Германіи этотъ порядокъ соблюдался, можетъ быть, еще строже и догучливѣе, нежели у насъ. Такъ было и при императорѣ Александрѣ I. Волковъ (Александръ Александровичъ), хорошо знакомый Москвѣ, какъ полицмейстеръ, оберъ-полицмейстеръ, комендантъ и окончательно, какъ начальникъ Московскаго жандармскаго управленія—и во всѣхъ этихъ званіяхъ, равно любимый Москвичами и молодыми Московскими барынями—говорилъ мнѣ, что онъ нерѣдко имѣлъ личные доклады у Государя, и всегда все сходило съ рукъ благополучно. Одни представленія (въ званіи коменданта) рапортовъ императору Александру, во времена пребываній его въ Москвѣ, о военныхъ чинахъ, пріѣзжихъ и отъѣзжихъ, озабочивали его: не рѣдко бывали они поводомъ къ высочайшимъ замѣчаніямъ и выговорамъ. Государь имѣлъ необыкновенную память и смѣтливость. Казалось, что онъ знаетъ наизусть фамиліи всего Россійскаго войска, кто въ какомъ полку и какого чина. Малѣйшая описка въ рапортѣ разомъ и прямо кидалась ему въ глаза. „Не подумай, Волковъ, сказалъ онъ однажды, что я придираюсь къ тебѣ“. При этихъ словахъ подошелъ онъ къ столу, выдвинулъ ящикъ и показалъ ему, въ какомъ порядкѣ лежатъ у него подобные рапорты. „Изъ трехъ моихъ столицъ, прибавилъ онъ, изъ Петербурга, Москвы и Варшавы“ *).

А сколько головоломнаго труда стоило Нѣмцамъ записываніе фамилій нѣкоторыхъ Русскихъ путешественниковъ! Ни понятіе ихъ, ни азбука, ни ухо, ни перо, не могли поддѣлаться подъ своенравную терминологію нашихъ родословныхъ граматъ и календарныхъ именъ. Послѣ многихъ, долгихъ и тщетныхъ усилій правильно записать въ книгѣ одну изъ такихъ тарабарскихъ для Нѣмца фамилій: *Aber proibiren sie noch ein Mal mit S. C. H.*, сказалъ писарю раздосадованный и выбившійся изъ силъ начальникъ.

Лучше всѣхъ отдѣлался въ подобномъ случаѣ Американецъ Толстой. Гдѣ-то въ Германіи официально спрашиваютъ его: *Ihr Charakter?*—*Lustig*, отвѣчаетъ онъ.

*) Привычка Павловскаго времени, когда Государь былъ Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. П. Б.

ЕЩЕ О КРЕДИТНЫХЪ УЧРЕЖДЕНИЯХЪ ВОСПИТАТЕЛЬ- НАГО ДОМА.

Въ историческомъ очеркѣ кредитныхъ учреждений Московскаго Воспитательнаго Дома было нами указано, что мысль объ учрежденіи Сохранной Казны возникла въ одно время съ мыслью объ учрежденіи Воспитательнаго Дома ¹⁾. И дѣйствительно, Бецкій не считалъ даже и возможнымъ, существованіе Воспитательнаго Дома безъ кредитныхъ учреждений, которыя онъ предполагалъ устроить при Воспитательномъ Домѣ. Если онъ, поднося на Высочайшее утвержденіе планъ Воспитательнаго Дома, не поднесъ одновременно и плана Вдовьей, Ссудной и Сохранной Казны, то по всей вѣроятности потому, чтобы усложненіемъ проекта своего не возбудить недовѣрія къ его выполненію, или потому, что планъ тѣхъ кредитныхъ учреждений не былъ еще достаточно разработанъ. Что Бецкій, представляя планъ Воспитательнаго Дома, имѣлъ уже въ виду устроить при немъ и кредитныя учрежденія для обезпеченія его существованія, очевидно изъ того, что онъ просилъ разрѣшенія представить и „способъ“ для устройства Воспитательнаго Дома и вмѣстѣ съ тѣмъ испросилъ, въ числѣ особыхъ привилегій, и разрѣшенія на приемъ вкладовъ и выдачу ссудъ, т. е., на производство именно тѣхъ самыхъ операций, которыя были впоследствии дѣломъ Сохранной и Ссудной Казны, окончательно учрежденныхъ лишь въ 1772 году. Яснымъ указаніемъ на то, что ссуды выдавались до учрежденія Сохранной Казны, мы находимъ въ журналахъ Опекунскаго Совѣта. 3 Января 1769 года записано, на примѣръ, что выдано подъ имѣніе Московской губерніи, всего 483 душъ, правящему должностю оберъ-прокурора 6 департамента Правительствующаго Сената, полковнику князю Петру Михайловичу Волконскому, девять тысячъ рублей изъ указныхъ процентовъ на 5 лѣтъ, и 16 Іюля того же года, дана отсрочка въ платежъ долга полковнику Титову, по займу его въ двѣ тысячи рублей, на 2 года, въ Муромскомъ уѣздѣ, въ с. Архангельскомъ, 100 душъ, по крѣпостной закладной.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ объ учрежденіи Вдовьей, Ссудной и Сохранной Казны Бецкій говоритъ: „Въ Генеральномъ Планѣ Воспитательнаго Дома, Ваше Императорское Величество, между прочими богоугоднѣйшими предписаніями, повелѣтъ изволили быть при ономъ Вдовьей и Ссудной Казнамъ; также на поднесенномъ 31 Марта 1767 года докладѣ, испрашиваемую Опекунскимъ Совѣтомъ довѣренность, въ поручаемыхъ на сохраненіе отъ общества своихъ капиталахъ, высочайше утвердили“. За тѣмъ: „А хотя изъ тѣхъ заведеній планъ Сохранной Казны еще и утвержденъ не былъ, однако же отдача отъ многихъ неизвѣстныхъ персонъ на сохраненіе въ оную немалыхъ суммъ съ запечатанными завѣщаніями, въ силу вышепрописаннаго доклада, начало свое воспріяла“.

Здѣсь нелишнимъ будетъ припомнить въ краткихъ чертахъ исторію основанія Воспитательнаго Дома. Соболезнуя участи несчастныхъ дѣтей, рожденныхъ внѣ закона, Бецкій задумалъ основать и у насъ Воспитательный Домъ, „по примѣру, тѣхъ, которые имѣлъ онъ случай въ Голландіи, Франціи, Италіи и въ прочихъ мѣстахъ видѣть“ ²⁾. Съ этою цѣлью, въ 1763 году, для „невинныхъ дѣтей, которыхъ злосчастныя, а иногда и

¹⁾ См. Р. Архивъ 1876, кн. 1-я.

²⁾ Госпиталь для бѣдныхъ въ Ліонѣ и госпиталь для бѣдныхъ родильницъ въ Касселѣ Бецкій считалъ образцовыми.

безчеловѣчныя матери покидаютъ, оставляютъ (или что злѣе) и умерщвляютъ“, Бецкій всеподданнѣйше просилъ императрицу Екатерину „дозволить ему всемилостивѣйше представить способъ не токмо къ доброму и полезному воспитанію сихъ бѣдствующихъ, но и ко отвращенію безчисленнаго множества убійствъ, которыя какъ надъ происшедшими уже на свѣтъ, такъ и надъ заключенными еще въ матерней утробѣ младенцами безчеловѣчно предприимлются“

Планъ Учрежденія, поднесенный генераль-поручикомъ Бецкимъ и рассмотрѣнный, по повелѣнію императрицы, княземъ Шаховскимъ, Панинымъ и графомъ Минихомъ, былъ подтвержденъ 26 Августа, а 1-го Сентября 1763 года воспослѣдовалъ именной указъ Сенату: обнародовать приложенный къ указу манифестъ и подтвержденные Ея Величествомъ доклады и планы о построеніи и учрежденіи въ Москвѣ Воспитательнаго Дома и объявить Бецкому, который былъ назначенъ главнымъ попечителемъ, „чтобъ онъ съ помощію Божіею приступалъ къ начинанію сего богоугоднаго дѣла“. Въ манифестъ было между прочимъ изображено: „Яко мы симъ же за себя и за Нашихъ Преемниковъ Россійской Императорской Короны обнадеживаемъ, что сіе богоугодное и благочестивое общее государственное учрежденіе будетъ на вѣки подъ особливимъ Монаршимъ покровительствомъ и призрѣніемъ“.

Для Воспитательнаго Дома было отведено „мѣсто, называемое гранатный дворъ съ Васильевскимъ садомъ, подлѣ Москвы-рѣки, со всею около лежащею казенною землею и строеніемъ, купно съ отдалною отъ адмиралтейства мельницею, что на Яузѣ и старой городской стѣной для употребленія въ строеніе“.

Планъ Бецкаго былъ задуманъ превосходно. Знакомясь съ нимъ, нельзя не отдать дани глубокаго уваженія административнымъ способностямъ, многостороннимъ свѣдѣніямъ и свѣтлой, истинно-гуманной мысли Бецкаго. Съ какою предусмотрительностью, съ какимъ яснымъ пониманіемъ дѣла опредѣлено все до мельчайшихъ подробностей, начиная съ самой постройки Дома и до воспитанія и содержанія дѣтей и обхожденія съ родителями. Ничего не забыто, ничего не упущено ни въ нравственномъ, ни въ физическомъ отношеніи, съ самаго ранняго и до зрѣлаго возраста воспитанниковъ. Указаны обязанности не только начальствующихъ лицъ, чиновниковъ, приставниковъ, но даже каждаго лица изъ прислуги.

Ревниво оберегая интересы Воспитательнаго Дома и его учреждений, Бецкій исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе, чтобы главный попечитель, опекуны и за-опекуны, подвергавшіеся каждагодно въ 21 день Апрѣля (день рожденія Государыни) балотированію, нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не служили, и выбалотированные вновь изъ прежнихъ мѣстъ служенія увольнялись, посвящая всю свою дѣятельность исключительно Воспитательному Дому и его учрежденіямъ. Кроме того, была установлена и особая форма присяги, „каковою обязываются главный попечитель, опекуны, за-опекуны и прочіе начальныя чины при Императорскомъ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ“: „Я нижеподписавшійся, пріемля на себя, произвольно и по единому благонамѣренію къ пользѣ всего общества, званіе сопряженное съ самымъ дѣйствіемъ при Императорскомъ Воспитательномъ Домѣ, такъ какъ и обереженіе Вдовьей, Ссудной и Сохранной Казны, съ прочею поручаемою довѣренностью, клянусь предъ истиннымъ и вѣдущимъ сердцемъ и помышленіемъ чelовѣческой Богомъ, что долгъ сего моего званія наблюдать буду по точной силѣ разума учрежденнаго и Всемилоствѣйшею Монархинею Екатериною Второю подтвержденнаго въ трехъ частяхъ генеральнаго плана и сего установленія, яко непоколебимаго Дому

сему основанію, вѣдая по христіанскому, что оберегатели благословеннаго сего учрежденія, призирающіе, по слову Божію, на нища, сира и вдовицу, наследуютъ святилище Божіе. А ежели какое либо учиню противу должности честнаго человѣка безсовѣстное попятное, то тѣмъ самымъ явлюсь прегрѣшитель сего моего обязательства, и нарицаю такое мое преступленіе истиннымъ святотатствомъ, за что не токмо подвергаю себя суду Божію и законамъ гражданскимъ съ строгимъ на мнѣ взысканіемъ, но и имя мое явлено да будетъ отъ собранія Опекунскаго Совѣта въ народѣ за едино съ церковнымъ татемъ. Въ запечатлѣніе сего моего клятвеннаго обѣщанія и обязательства, цѣлую слова и крестъ Спасителя моего, подписавъ сію присягу собственною моею рукою съ приложеніемъ обыкновенной моей печати“.

Хотя „каждый господинъ опекунъ“ могъ получать „изъ экономической суммы сего Дома жалованья до 1000 рублей въ годъ, болѣе или менѣе по устанавливаемому въ Совѣтѣ порядку“; но извѣстно, что этимъ никто изъ нихъ до послѣдняго времени не пользовался. „И тѣ сей трудъ“, говорилъ Бецкій, „принимаютъ на себя единственно изъ любви къ Отечеству и по христіанскому сожалѣнію о бѣдныхъ“. Первый почетный опекунъ, испросившій себѣ содержаніе въ три тысячи рублей былъ Н. Д. Ханьковъ. Вслѣдъ за нимъ сталъ получать на разѣзды и князь Н. И. Трубецкой, бывшій послѣ князя Сергія Михайловича Голицына предсѣдательствующимъ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ. Нѣкоторые почетные опекуны служатъ и въ настоящее время безъ всякаго вознагражденія.

Гдѣ же Бецкій взялъ средства? Въ чемъ заключался его „способъ“, чтобы привести въ исполненіе столь широко задуманный „планъ“. Бецкій нашелъ эти средства, нисколько не отягощая государственной казны. Онъ не попользовался ни единой копѣйкой изъ нея. Мы видимъ, что онъ испросилъ только мѣсто для постройки, да кой-какія старыя строенія. О денежномъ пособіи отъ казны, при тогдашнемъ ея состояніи, онъ конечно не могъ и помыслить. Прежде всего онъ разсчитывалъ на благотворительность, которая должна была дать и дѣйствительно дала первоначальныя средства. Первыми благотворителями были Императрица и государь наследникъ цесаревичъ Павелъ „отъ собственныхъ своихъ комнатныхъ императорскихъ доходовъ“. За тѣмъ, вслѣдъ за обнародованіемъ манифеста, явились и пожертвованія частныхъ лицъ всѣхъ сословій. Въ числѣ первыхъ жертвователей мы видимъ герцогиню Гессенъ-Гомбургскую, урожденную княжну Трубецкую, сестру Бецкаго, извѣстнаго Французскаго публициста и философа Дидро, княгиню Голицыну и Дашкову, князей Куракина, Кантемира, Долгорукова, бригадира Бибикова, Прокофія Акинѣевича Демидова, П. О. Нащокина, купцовъ Телегина, Щурова, протоіерея Тимковскаго, игумена Джуревскаго, Нижегородскаго епископа Дамаскина (автора біографіи Ломоносова), Кіевскаго митрополита Самуила. Одни жертвовали съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы проценты съ внесенныхъ ими капиталовъ употреблялись на указанный вкладчиками предметъ, на устройство, на примѣръ, и содержаніе родильнаго госпиталя, на отправленіе за границу молодыхъ людей, съ успѣхомъ кончившихъ курсъ, на покупку инструментовъ, книгъ, на раздачу пособій въ извѣстные или праздничные дни, на приданое бѣднымъ невѣстамъ и проч. Другіе жертвовали капиталы безусловно. За тѣмъ у Бецкаго былъ готовъ и проектъ тѣхъ кредитныхъ установленій, для которыхъ основнымъ капиталомъ должны были послужить и дѣйствительно послужили вклады благотворителей. Вотъ въ чемъ заключался „способъ“, который Бецкій просилъ дозволенія представить для устройства, обезпеченія существованія и дальнѣйшаго развитія задуманныхъ имъ благотворительныхъ учрежденій. Мысль сочетать

банковыя операціи съ благотворительными учрежденіями была конечно своеобразна и, какъ оказалось, не только удобоисполнима, но и цѣлесообразна. Капиталъ, составившійся изъ подаваній и пущенный въ оборотъ, не только обезпечилъ существованіе Воспитательнаго Дома съ госпиталемъ для бѣдныхъ родильницъ, но далъ возможность, по мѣрѣ увеличенія средствъ отъ чистой прибыли, учредить и обезпечить существованіе и многихъ другихъ богоугодныхъ, учебныхъ и разныхъ благотворительныхъ заведеній, которыя составили потомъ отдѣльное вѣдомство учреждений Императрицы Маріи.

И такъ выгоды отъ оборотовъ Сохранной Казны доставили возможность дать убѣжище покинутому младенцу ¹⁾, несчастной родильницѣ, горемычной вдовѣ, престарѣлому инвалиду, такому пришельцу, умирающему, которому передъ смертью негдѣ было и голову приклонить ²⁾, врачевать болящаго, воспитывать дѣтей обоюга пола и всякаго званія, образовывать акушерку, давать приданое бѣдной невѣстѣ, пособіе впавшимъ въ нужду и облегчить предъ свѣтлымъ праздникомъ участь заключеннаго. Сохранной Казнѣ оставалось увѣнчать свою плодотворную дѣятельность участіемъ въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, именно участіемъ въ выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ. Но коренныя преобразованія въ кредитныхъ установленіяхъ вызвали ликвидацію Сохранной Казны до Положенія 19 Февраля 1861 года. Состояніе оборотовъ Сохранной Казны, съ каждымъ годомъ значительно увеличивавшихся, допускало возможность этого участія. Мы приводимъ цифры оборотовъ Сохранной Казны за 1856 годъ, и именно за 1856 годъ, потому, что ликвидація Сохранной Казны началась уже съ 1857 года, такъ какъ уже съ 1857 года послѣдовали предварительныя распоряженія къ ограниченію и уменьшенію оборотовъ Сохранной Казны: съ 1 Января 1857 года вклады въ Сохранную Казну принимались только изъ 3 процентовъ, съ 1 Января 1860 года изъ 2-хъ, а съ 1 Марта 1861 вклады вовсе прекратились. Займы прекращены въ 1859 году. Затѣмъ вклады ея уменьшались обмѣномъ ея 2-хъ процентныхъ билетовъ на 4-хъ процентные государственные непрерывно-доходные билеты и потомъ на 5-ти процентные билеты Государственнаго Банка.

Вкладовъ, т. е. ввѣренныхъ ей на сохраненіе и обращеніе изъ 4-хъ процентовъ капиталовъ, въ 1856 году состояло (т. е., къ 1 Января 1857 года)

	Рубли	Коп.
Частныхъ лицъ извѣстныхъ:	169.692.297	00
„ „ неизвѣстныхъ.	99.817.549	63
Разныхъ обществъ и сословій	3.728.508	04
На вѣчное время	17.022.539	45

¹⁾ Последнія стѣснительныя мѣры относительно приносныхъ младенцевъ вызвали вновь подкидыванія младенцевъ, что устранялось совершенно прежними правилами приѣма младенцевъ въ Воспитательный Домъ.

²⁾ Маріинская больница была основана первоначально съ цѣлью доставить именно пособіе и убѣжище умирающему и учреждена преднамѣренно въ той мѣстности, гдѣ былъ якогда „Божій“, „убогій“ домъ, куда преждевременно убирались тѣла умершихъ на улицѣ. Бѣдные умирающіе отправлялись прежде прямо въ Маріинскую больницу, гдѣ и пользовались убѣжищемъ и пособіемъ до наступленія часа смертнаго. Теперь Маріинская больница стала, какъ и другія, лечебницей, въ которую конечно, также какъ и во всѣ больницы, обыкновенно, избѣгаютъ принимать умирающихъ и неизлечимыхъ для того, чтобы въ отчетахъ показывать какъ можно меньшее число смертныхъ случаевъ.

	Рубли.	Коп.
Казенныхъ мѣстъ	18.982.763	97
Собственный капиталъ Воспит. Дома	17.298.205	10
Его заведеній	17.854.962	54
Вдовой Казны	34.072	34
Сберегательной кассы	1.197.409	79
Общій пенсіонный капиталъ	2.207.778	56
Счетъ С.П.бургской Сох. Казны.	188.237	76
Всего	348.024.524	18

По займамъ изъ Московской Сохранной Казны состояло въ долгу:

	Рубли.	Коп.
На Государственной комиссіи погашенія долговъ за отданные въ оную капиталы, принадлежащіе заведеніямъ Воспитательнаго Дома	1.277.814	28
На Ссудной Казнѣ.	1.108.812	43
На разныхъ вѣдомствахъ.	723.247	99
По обязательствамъ, на правилахъ 37-ми, 26-ти и 15-ти лѣтнихъ займовъ:		
На Государственномъ Казначействѣ, по обязательству Министра Финансовъ.	122.347.327	59
На разныхъ вѣдомствахъ	3.027.439	37
На государственныхъ крестьянахъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ	1.696.367	49
На частныхъ лицахъ подъ залогъ населенныхъ имѣній,	190.558.728	53
” ” ” ” ” домовъ и лавокъ.	1.187.749	44
Наличныхъ денегъ	26.096.837	06
Всего	348.024.324	18

Предлагаемыя цифры краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуютъ о томъ положеніи, въ которомъ находилась Сохранная Казна наканунѣ ея ликвидація и правы ли были тѣ, кто въ то время съ такимъ ожесточеніемъ наивинулись въ журналахъ и газетахъ на Сохранную Казну, доказывая совершенную будто бы несостоятельность ея, да еще въ такую минуту, когда готовилось освобожденіе крестьянъ и какъ помѣщики, такъ и крестьяне нуждались въ возможно-дешевомъ кредитѣ. Мы не станемъ говорить о цѣлесообразности финансовыхъ мѣръ, вызвавшихъ ликвидацію Сохранной Казны. Настоящее состояніе кредита и современныя банковыя операціи говорятъ сами за себя. Мы имѣемъ только въ виду, напоминая въ краткихъ чертахъ о томъ, что уже сдано въ архивъ исторіи, вызвать изъ забвенія дѣятельность тѣхъ, которые создали и охраняли теперь уже отжившія свой вѣкъ, но сослужившія свою дѣйствительно полезную службу кредитныя учрежденія Воспитательнаго Дома.

Ограничиваясь сообщеніемъ тѣхъ скудныхъ свѣдѣній, которыя намъ удалось сберечь, мы считаемъ долгомъ присовокупить, что нельзя не отдать дань уваженія и тѣмъ, которые были Высочайшей волей призваны продолжать благія начинанія Бецаго и стоять, такъ сказать, на стражѣ Воспитательнаго Дома и его учреждений.

Предсѣдательствовавшій такъ долго въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, почетный опекунъ, князь Сергій Михайловичъ Голицынъ и управлявшіе Московскими Сохранной и Ссудной Казнами почетные опекуны Матвѣй Петровичъ Штеръ и Петръ Семеновичъ Полуценскій своей почтен-

ной и совершенно безкорыстной дѣятельностью заслужили, по всей справедливости, полное уваженіе, которымъ пользовались постоянно еще при жизни. Дѣятельность ихъ и особенно дѣятельность князя Голицына ждуть еще достойной оцѣнки. Призванный Высочайшей волей быть почетнымъ опекуномъ и предсѣдательствующимъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ, князь Сергій Михайловичъ, богатый и знатный вельможа, потомокъ знаменитаго рода, относился къ своему званію не какъ почетному только званію, а какъ къ должности, обязанности, и притомъ съ рѣдкою добросовѣстностью. Онъ не пропускалъ ни одного присутственнаго дня: даже дѣтотъ, когда ему приходилось пріѣзжать въ Опекунскій Совѣтъ изъ своего подмосковнаго имѣнія, посѣщалъ очень часто Воспитательный Домъ и его заведенія, тщательно и во все выкалъ, за всѣмъ слѣдилъ. Однимъ словомъ, онъ трудился въ сферѣ своей дѣятельности, какъ простой чиновникъ въ своей сферѣ.

Замѣчательно, что, пользуясь такой силой и властью, онъ, вѣрный своему долгу, никогда не позволялъ себѣ ни малѣйшаго произвола. Не разъ онъ могъ сдѣлать добро, остановивъ опись или продажу просроченнаго имѣнія обращавшихся къ нему съ просьбой о томъ помѣщикавъ; но онъ предпочиталъ уплатить и дѣйствительно не разъ уплачивалъ изъ своихъ средствъ недоимку по займу и тѣмъ спасалъ имѣнія отъ продажи и многія семейства отъ раззоренія. Какъ характеристическій примѣръ того, какъ стойко оберегали князь С. М. Голицынъ, М. П. Штеръ и П. С. Полуденскій интересы ввѣренныхъ ихъ попеченіямъ учреждений, мы можемъ указать на то, что статсъ-секретарь по дѣламъ учреждений императрицы Маріи, обращаясь въ нихъ съ запросомъ, въ какой мѣрѣ Московская Сохранная Казна могла бы принять участіе въ слѣдующемъ году въ займахъ Министерства Финансовъ, получалъ отвѣты, основанные единственно на тщательномъ соблюденіи интересовъ Сохранной Казны, и отвѣты эти не всегда соотвѣтствовали выраженнымъ въ запросѣ желаніямъ, но всегда удостоивались Высочайшаго одобренія.

Нельзя не упомянуть здѣсь еще и о Петрѣ Ивановичѣ Ивановѣ, который былъ долго директоромъ канцеляріи Опекунскаго Совѣта и своей полувѣковой и чрезвычайно полезной дѣятельностью заслужилъ общее уваженіе. Ему принадлежитъ мысль объ отчисленіи изъ барышей отъ оборотовъ Сохранной Казны суммъ для постепеннаго образованія самостоятельныхъ капиталовъ для Воспит. Дома и для каждаго изъ его заведеній, что въ послѣдствіи оказалось крайне полезнымъ. Прежде на содержаніе Восп. Дома и его заведеній употреблялись суммы отчисляемыя, по мѣрѣ надобности, изъ валовой суммы избытковъ отъ оборотовъ Сохранной Казны.

Главные охранители интересовъ Воспитательнаго Дома и его учреждений сошли въ могилу до ликвидаціи Сохранной Казны, и только пособнику ихъ П. И. Иванову, и то уже въ отставкѣ, пришлось пережить начало ликвидаціи Сохранной Казны и печалиться о безвременной кончинѣ ея дѣятельности.

Въ заключеніе упомянемъ объ одномъ фактѣ, свидѣтельствующемъ о томъ уваженіи, какимъ постоянно пользовался Бецкій. Въ экспедиціяхъ Сохранной Казны были иконы Фряжскаго письма, современныя учрежденію Сохранной Казны, о чемъ свидѣствовало и означеніе на многихъ изъ нихъ года открытія дѣйствій Сохранной Казны. Многія изъ этихъ иконъ перешли въ Московскую Контору Государственнаго Банка, вмѣстѣ съ бывшимъ отдѣленіемъ вкладовъ Сохранной Казны; но самая замѣчательная изъ этихъ иконъ находится и теперь, какъ и въ старыя годы, въ казначействѣ Сохранной Казны. На этой иконѣ изображены вмѣстѣ: Св. Великомученица Екатерина и Св. Іоаннъ Милостивый.

Д. Филимоновъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СПЕРАНСКОМЪ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ АКАДЕМИКУ Я. К. ГРОТУ.

По прочтеніи „Жизни Сперанскаго“ я пораженъ былъ нѣкоторыми чертами въ немъ, явно изобличающими происхожденіе его изъ среды духовенства и воспитаніе его въ Семинаріи.

Не думаю, чтобы вамъ, незнакому съ семинаріею и духовенствомъ, такъ было это замѣтно, какъ мнѣ, и потому на досугѣ рѣшаюсь передать вамъ мой взглядъ на это.

Воспитаніе Сперанскаго я раздѣляю на двѣ части: воспитаніе дома и въ Семинаріи. Здѣсь я долженъ сказать, что въ духовномъ юношествѣ существуютъ двѣ партіи *). Одна — получившихъ добрыя начала нравственности дома, и другая вынесшихъ изъ дома весьма нехорошія привычки и стремленія. Эти партіи стоятъ въ семинаріяхъ во враждѣ другъ къ другу. Последняя, по своей численности, гораздо сильнѣе первой и потому беретъ верхъ и въ насмѣшкахъ, и въ дракахъ. Въ числѣ прозваній, которыя давались первой, въ Московской Семинаріи было прозваніе „благородныхъ“; но надо было видѣть, съ какою злобою и насмѣшкою оно произносилось. Сперанскій получилъ, какъ по всему видно, прекрасныя правила въ младенчествѣ и всегда видѣлъ въ своемъ родствѣ примѣры добродѣтельные. Кромѣ того, что дала ему природа, онъ отсюда могъ почерпнуть не только набожность, но и отсутствіе мстительности; отсюда же и безкорыстіе. Хотя жадность духовенства вошла въ пословицу, но между духовными есть люди и безкорыстные, и безкорытность эта выше той, которую мы встрѣчаемъ въ высшихъ званіяхъ, потому что она является непоколебимою среди страшной бѣдности. Отсюда же должно происходить то кроткое обращеніе съ крестьянами, которое замѣчено въ Великопольскомъ помѣщикѣ. Едва ли кто питаетъ такую привязанность къ крестьянамъ, какъ дѣти сельскаго духовенства, разумѣется добрыя. Я видѣлъ престарѣлыхъ священниковъ, къ которымъ ирѣзжали безпрестанно, какъ на свой дворъ, старики-крестьяне тѣхъ селеній, въ которыхъ родились сказанные выше старцы. Но это было не простое открытіе дома для ночлега: нѣтъ, это была какъ будто встрѣча однокашниковъ и совоспитанниковъ; говорятъ, бывало, не наговорятся. Случался ли какой у этихъ старцевъ подрядъ, или какая работа, просятъ разные люди; нѣтъ, погоди: наши пріѣдутъ, — пмъ отдадимъ. Но вотъ вамъ анек-

*) Все, что здѣсь говорится о семинаріи вообще, взято изъ обычаевъ и порядковъ, существовавшихъ въ Московской Семинаріи до 1828 года.

доть, который показываетъ, какъ смотрѣли нѣкоторые изъ духовенства, въ старое время, на крѣпостное право. Я былъ очень часто въ домѣ одного почетнаго духовнаго лица, которое въ молодыхъ лѣтахъ получило въ наслѣдство крѣпостную чету. Эта чета расплодилась до того, что у нихъ было три сына и три дочери. Сыновья всѣ были не только грамотные, но даже и знакомые съ литературой. Старикъ не въ мочь стало держать восемь человѣкъ; да не могъ онъ и найти имъ работы. Въ одно изъ моихъ посѣщеній, въ которое я нашелъ у хозяина челобѣта три такихъ же почетныхъ лицъ, я услышалъ его гореваніе о томъ, куда дѣвать ему своихъ крѣпостныхъ. Старикъ говорилъ: пустить на волю, пожалуй погибнуть, особенно дѣвки; а мужчинъ возьмутъ въ солдаты. Мнѣ показалось страннымъ такое затрудненіе старика, и я сказалъ: „продать“. Но тутъ раздался хохотъ гостей и голосъ старика: „Да развѣ людей продаютъ? Да развѣ людьми можно торговать? Ахъ ты и т. д.“. Однимъ словомъ, я былъ накормленъ грязью.

Что могла дать Сперанскому Семинарія? Въ отношеніи нравственномъ едва ли она могла привить что нибудь доброе. Счастіе его было, если онъ сохранилъ тѣ добрыя начала, которыя вынесъ изъ дому. Надо знать всю грязь семинарскаго общества, по крайней мѣрѣ преобладающаго числа, чтобы понять, какъ трудно выдти чистымъ изъ этой смрадной ямы. Пьянство, буйство, удалство въ сквернословіи, порабощеніе младшихъ и битые ихъ составляютъ принадлежность удалаго бурсака: чѣмъ больше кто отличается въ этомъ, тѣмъ больше ему почета. Впрочемъ я подозреваю, что Семинарія положила на Сперанскаго одну неизгладимую черту, ей свойственную. Конечно и въ домѣ Сперанскому внушали: „потреба властемъ повиноватися, не добрымъ только, но и злымъ“; конечно онъ еще въ семействѣ своемъ привыкъ думать, что архіерей есть святитель и владыка, велѣнія котораго святы и непрекословны, который можетъ однимъ словомъ своимъ и осчастливить подчиненнаго и уничтожить, и что прочія власти тоже самое, хотя и въ низшей степени: все въ ихъ волѣ, не смѣй прекословить имъ; преклоняйся предъ ними только, и больше ничего. Эта вѣра должна была укорениться въ Семинаріи еще сильнѣе. Въ массѣ тамъ учащихся разлитъ не то что благоговѣніе и уваженіе къ властямъ, но какой-то страхъ къ нимъ и страхъ неописанный. Появленіе ректора неожиданно въ какомъ нибудь классѣ заставляетъ блѣднѣть и трепетать весь классъ, а появленіе архіерея производитъ такое дѣйствіе, что и описать трудно. Случалось, что архіерей вызывалъ воспитанника и предлагалъ ему вопросъ, отвѣтъ на который воспитанникъ знаетъ наизусть; но онъ обомлѣлъ, языкъ его не движется, горло жалось, и онъ не только не можетъ отвѣчать со смысломъ, но не въ состояніи издать звукъ. Ближайшій начальникъ говоритъ за воспитанника: „онъ оробѣлъ-съ“. Архіерей улыбается и отпускаетъ его, стараясь zapomнить имя несчастнаго, какъ челобѣта способнаго повиноватся властямъ. И чего жъ ожидать семинаристу, когда въ глазахъ его на публичномъ экзаменѣ, напримѣръ митрополитъ *** бранить ректора, будущаго архіерея, дуракомъ, при посѣтителяхъ и ученикахъ?... Въ 1855 или 1856 гг. на экзаменѣ С. Семинаріи архіерей, замѣтивъ одного семинариста съ густыми кудрявыми, жесткими волосами, зачесанными на одну сторону, присталъ къ нему и началъ увѣрять всѣхъ, что это долженъ быть безпутный человѣкъ. Ректоръ хотя скромно, но атестовалъ ученика съ весьма хорошей стороны. Архіерей слушать ничего не хотѣлъ и съ бѣшенствомъ кричалъ: „пригладь, пригладь волоса“. Но какъ же ихъ пригладить, когда они и въ банѣ отъ горячей воды не опускаются! Потому, ког-

да приглаживаніе семинариста не дѣйствовало на его голову, архіерей велѣлъ замять проборъ и опустить волосы на лобъ; волосы стали копною, и человекъ сталъ страшилищемъ. Архіерей опять закричалъ: „пригладь волосы“; но чѣмъ больше воспитанникъ распоряжался волосами посредствомъ своей пятерни, тѣмъ больше воздымались его волосы. Можете себѣ представить положеніе несчастнаго передъ товарищами и передъ публикой. А все-таки архіерей сдѣлалъ какую-то замѣтку противъ него, и ни ректоръ, ни профессора не смѣли уже вызывать его послѣ этого къ отвѣту.

Кто знаетъ, какъ монашествующія власти умѣютъ заклинивать въ молодой души подобострастіе, тѣмъ немудрено было бы понять подобострастные письма Сперанскаго къ сильнымъ міра сего. Посмотрите вы на переписку не только священниковъ, но даже младшихъ властей къ старшимъ. Какое раболѣпство, униженность и безстыдная лесть! Опять обращаюсь къ воспоминанію С-ой Семинаріи. По обычаю, въ торжественные дни, всѣ власти города приходили къ архіерею прямо изъ собора съ поздравленіями. Домъ его былъ не болѣе какъ въ 20-и шагахъ отъ церкви, и онъ радушно приглашалъ всѣхъ на завтракъ послѣ обѣдни. Но онъ, заманивши гостей, не отпускалъ до тѣхъ поръ, пока не выскажутъ своихъ рѣчей гратулянты (поздравители). Гратулянтами бывали священники, семинаристы и дѣвочки изъ женскаго духовнаго училища. Вы себѣ представить не можете той лести, той лжи, которыми были преисполнены гратуляціи. Не говорю о свѣтскихъ людяхъ; духовныя особы изъ молодыхъ, стоя съ зади, присѣдали, чтобы нахохотаться. Архіерей же все это слушалъ съ наслажденіемъ, похвалявалъ и обращался къ намъ съ вопросомъ: „Каково?“ Но мало того, что архіерей заставлялъ льстить себѣ, онъ посылая гратулянтовъ и къ своимъ пріятелямъ изъ свѣтскихъ. Такъ нѣкто тамъ былъ Ѳ. Б-овъ, человекъ богатый, но по образованію нисколько не выше мужика, по характеру кулакъ. Жена его была архіерейскою поклонницею, и самъ онъ дѣлалъ вклады въ Семинарію. Вотъ этотъ Б., въ день своихъ именинъ, пригласилъ на обѣдъ всю знать, начиная съ губернатора, не исключая разумѣется и архіерея. Послѣдній пріѣхалъ позже всѣхъ, когда голодные желудки алкали поглотить всю трапезу; потому хозяинъ, едва усадивъ архіерея, предложилъ ему приступить къ закускѣ; но тотъ отвѣчалъ: „Нѣтъ постойте, я привезъ вамъ гратулянта“; и по мановенію его вытянулся на сцену долгополый семинаристъ. „Говори поздравительную рѣчь хозяину-имениннику“. И тутъ дошло до поруганія святыхъ! Семинаристъ, описавъ съ подобающимъ благоговѣніемъ всю святость жизни празднуемаго въ тотъ день святаго, воскликнулъ, не обинюясь: „Кого уподобимъ сему великому праведнику?“ и на это восклицаніе самъ же отвѣчалъ: „конечно никого, какъ Ѳ. И-ча Б-ва“, и потомъ началъ подбирать дѣянія Б—ва подъ дѣянія святаго. Окончивъ рѣчь, семинаристъ подошелъ подъ благословеніе архіерея, и тотъ одобрилъ его, какъ нельзя болѣе. Конечно эта комедія распотѣшила публику, тѣмъ болѣе, что семинаристъ говорилъ все книжнымъ языкомъ, отчего лѣтъ семь спустя при мнѣ въ С-***, при каждой оказіи, произошло: *кого уподобимъ?* Но никакъ нельзя было убѣдить архіерея, что это подлость, гнусность и скандалъ.

Что могла дать Семинарія Сперанскому въ умственномъ отношеніи? Всѣ единогласно упрекаютъ методу семинарскаго обученія въ излишнемъ схоластизмѣ. Это правда; но нельзя отвергать, чтобы эта метода не приносила никакой пользы обучающимся. Конечно, семинарское ученіе бѣдно содержаніемъ; кромѣ положительныхъ богословскихъ догматовъ, оно не

знакомить съ современнымъ состояніемъ наукъ и даже не развиваетъ любознательности. Но во 1-хъ, отчетливое изученіе древнихъ языковъ; во 2-хъ, хотя и сухое, но въ строгой системѣ преподаваніе главныхъ предметовъ семинарскаго курса, и въ 3-хъ, безпрестанное упражненіе въ сочиненіяхъ, при которомъ, не гоняясь за легкостію слога, требуется, какъ первое необходимое условіе, строгое расположеніе всѣхъ частей сочиненія и изложеніе каждой части въ видѣ необоримаго силлогизма: все это приучаетъ воспитанниковъ къ строго отчетливому и систематическому изложенію своихъ мыслей. Здѣсь я не излишнимъ нахожу рассказать подробнѣе, какъ учатъ въ Семинаріи сочинять. Преподавъ самымъ краткимъ образомъ Русскую и Славянскую грамматику, обращаются къ изученію Латинскаго и Греческаго языковъ. Пройдя этимологию и синтаксисъ, начинаютъ заниматься переводами съ Греческаго и Латинскаго на Русскій и обратно. Въ томъ и другомъ случаѣ требуютъ отъ переводчиковъ строгого отчета въ каждомъ словѣ, не только въ томъ, почему каждое слово поставлено въ томъ или другомъ падежѣ, въ томъ или другомъ времени, но даже спрашивается, почему каждое слово поставлено на томъ или другомъ мѣстѣ въ предложеніи. Послѣ этого начинается обученіе сочиненіямъ. Первый приступъ къ нимъ есть сочиненіе періодовъ, для чего существуетъ десять формъ. Начинающему никакъ не позволяютъ разглагольствовать и распространяться о предметѣ произвольно, но ограничиваютъ его упражненіемъ единственно въ формѣ періода, т. е. требуютъ только связи двухъ-трехъ мыслей, жертвуя развитіемъ воображенія, мыслей и проч. Далѣе переходятъ къ хріямъ. Наконецъ, изощрившимся въ твореніяхъ хрій дозволяютъ писать разсужденія и проповѣди. Но прежде чѣмъ борзописецъ пустится въ пространный море своего сочиненія, его обязываютъ представить планъ самаго сочиненія, и въ этомъ планѣ должно быть показано: какая мысль будетъ въ приступѣ, какъ онъ раздѣлитъ свои доказательства, и въ чемъ состоятъ доказательства. Сохрани Богъ, ежели въ этомъ планѣ окажется недостатокъ въ строгой системѣ и логикѣ. Но эта метода обученія письменнымъ сочиненіямъ; а есть еще метода обученія словоупотребленію. Эта метода состоитъ вотъ въ чемъ. Одинъ кто либо объявляетъ себя защитникомъ избранной темы, за тѣмъ излагаетъ подраздѣленіе своихъ доказательствъ, и потомъ представляетъ на обсужденіе каждое доказательство не иначе какъ въ видѣ силлогизма. Послѣ каждаго силлогизма требуется возраженіе. Возражающій долженъ доказать, что или большая посылка или меньшая не вѣрны, или заключеніе не правильно; *praemissa major negatur* или: *praemissa minor negatur*, или *consequentia non valet*. Но, произнеся которое нибудь изъ этихъ роковыхъ словъ, возражатель долженъ каждое свое „*negatur*“ доказать опять силлогизмомъ: безъ силлогизма ни отъ кого не принимается ни доказательствъ, ни опроверженій. Положимъ, что всѣ эти силлогизмы вертятся около отвлеченныхъ, старыхъ, избитыхъ истинъ; но согласитесь, что тотъ, кто пройдетъ эту школу, выучится послѣдовательно излагать свои мысли и на бумагѣ, и на словахъ. Несчастная сторона этой методы та, что, при отсутствіи внутренняго содержанія въ наукахъ семинарскихъ, учащіеся приобрѣтаютъ способность излагать и доказывать истины добытыя не собственнымъ умомъ, а выученныя, или вычитанныя и выслушанныя.

Вглядитесь въ хорошихъ семинаристовъ на гражданской службѣ: едва ли вы найдете лучше ихъ излагателей бумагъ въ строгой послѣдовательности на заданную служебную тему; едва ли кто лучше ихъ разберетъ образовавшійся въ какой либо части хаосъ свѣдѣній; едва ли кто лучше ихъ изложитъ самыя запутанныя дѣла. Я не говорю, чтобы

эти излагатели могли дать свой взглядъ на рѣшеніе дѣла, могли указать рациональное его направленіе. Нѣтъ, вся ихъ способность состоитъ въ томъ, чтобы сгруппировать массу данныхъ или свѣдѣній и изложить каждую часть въ послѣдовательномъ порядкѣ. Позвольте при этомъ указать на двухъ такихъ людей: на Оржевскаго и на Надеждина. Первый занималъ при нѣсколькихъ министрахъ почетное мѣсто. Чѣмъ онъ его заслужилъ? Сначала тѣмъ, что, бывало, завяжется огромная переписка по какому нибудь дѣлу, разрастется она до того, что никто не въ состояніи прочесть ее; отдадутъ Оржевскому; тотъ пробѣжитъ, изучитъ всѣ подробности, рассортируетъ ихъ по предметамъ, въ каждомъ предметѣ схватитъ существенныя черты и изложитъ это ясно и коротко. Я не могу забыть его словъ: „Вы не жалѣйте труда изучать дѣло; употребите всѣ усилія, чтобы изложить его, но изложите его такъ, чтобы тотъ, кто будетъ читать вашъ докладъ, не чувствовалъ бы вашего труда въ изложеніи, а прочитавъ сказалъ бы: Какъ это дѣло просто и ясно; надъ чѣмъ дураки бились?“ На мѣстѣ директора Оржевскій не занимался конечно уже записками изъ дѣлъ; но за то, что бы министръ ни приказалъ, Оржевскій все докажетъ и изложитъ самымъ убѣдительнѣйшимъ образомъ. Мнѣ не разъ случалось видѣть собственно имъ сочиненныя бумаги объ одномъ и томъ же человѣкѣ, изъ которыхъ въ одной самымъ положительнымъ образомъ доказано было, что г-на N. N. мало повѣсить или изжарить, а надо что нибудь придумать пожесточе; въ другой самымъ очевиднымъ образомъ доказывалось, что этотъ же господинъ заслуживаетъ примѣрной награды, что онъ такой слуга царской, какого надо поискать въ Русской землѣ. Точно также не разъ по одному и тому же предмету собственноручно доказывались то вредъ, то польза его, и въ томъ и въ другомъ случаѣ надо было дивиться силѣ и логикѣ доказательствъ.—Таковъ же былъ Надеждинъ въ наукѣ. Едва ли можно было найти человѣка, который бы съ такою быстротою прочитывалъ и удерживалъ все прочитанное въ памяти. Знаете ли что дѣлали съ нимъ товарищи въ Духовной Академіи? Получится какая нибудь интересная книга, даютъ ее Надеждину прочесть, потомъ отгрызаютъ въ срединѣ ея какую нибудь главу и спрашиваютъ: „Надеждинъ прочти намъ такую-то главу наизусть“, и Надеждинъ вальяетъ мысль за мыслью; за нимъ слѣдуютъ по книгѣ и въ цѣлой главѣ не находятъ ни одного пропуска. Мнѣ говорилъ Ю. Ѳ. Самаринъ, что Надеждинъ, живя у нихъ въ домѣ въ должности учителя, прочелъ въ два года всю огромную ихъ бібліотеку на Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, не упуская и текущей литературы и новѣйшихъ иностранныхъ сочиненій. Онъ былъ ходячая бібліотека. Спросите его о какомъ хотите предметѣ: онъ вамъ ясно, систематически изложитъ полное о немъ свѣдѣніе. Но что это былъ за переметная сума? Нынче онъ васъ опровергаетъ непобѣдимо, завтра онъ вамъ доказываетъ также непобѣдимо то, что вчера опровергалъ. Пріятель его, сражаясь съ нимъ цѣлый вечеръ о какомъ нибудь предметѣ и бывъ разбиты имъ на всѣхъ пунктахъ, послѣ уступки поля битвы, обращаются къ нему съ просьбою: „Ну Николай Ивановичъ, для пертурбаціи ума опровергни самаго себя и докажи нашу мысль“, и Николай Ивановичъ сейчасъ же съ изумительною силою опровергаетъ все сказанное въ вечеръ и доказываетъ справедливость мысли своихъ противниковъ.

Не видимъ ли мы и въ Сперанскомъ той же силы разрабатывать и организовать хаосъ данныхъ по какому нибудь предмету, изучать незнакомые ему предметы и науки и обставлять неопровержимыми доказательствами заданныя темы? Откуда все это? Это дѣло его способностей, развитыхъ семинарскимъ и академическимъ схоластицизмомъ.

Схоластическая метода, вмѣстѣ съ суровымъ монашескимъ воспитаніемъ, разработываетъ въ человѣкѣ еще способность къ усиленному, тяжкому умственному напряженію. Да, эту способность едва ли развиваетъ какое либо заведеніе, кромѣ семинарій и духовныхъ академій. Нигдѣ не задается такихъ тяжелыхъ уроковъ, какъ въ духовныхъ училищахъ, семинаріяхъ и академіяхъ. Прилежному семинаристу, съ 6 часовъ утра до 10, 11 и даже до 12 часовъ ночи, едва ли остается свободное время, кромѣ того, которое онъ употребляетъ на переходъ съ квартиры въ классъ. Присоедините къ этому голодъ, холодъ и сапоги безъ подметокъ. Знаете ли вы, что до двадцатыхъ годовъ въ Московской Семинаріи и Московскихъ духовныхъ училищахъ не было ни одного теплаго класса, не было ни одного окошка въ классѣ съ двойными рамами *). Въ бурю снѣгъ заметалъ спины сидѣвшихъ на заднихъ лавкахъ. Чтобы хотя изрѣдка можно было согрѣться въ бурсѣ (въ дортуарахъ), семинаристы должны были воровать дрова; чтобы не быть голодными, семинаристы должны были осенними ночами украдкою выкапывать и уносить картофель съ крестьянскихъ полей и укладывать его въ подполицы своихъ бурсъ.

Отъ этого ли только, или отъ вида бѣдности, гнетущей большую часть родственниковъ, или въ предвидѣніи нищеты для самихъ себя въ будущемъ, или наконецъ отъ попадающихся въ ученіи примѣровъ аскетизма, отчего бы то ни было, только главнымъ правиломъ семинаристовъ служить закалять себя въ терпѣніи на всѣ нужды и труды. Вынести какойнибудь тяжелый трудъ, просидѣть нѣсколько ночей, съ самымъ краткимъ отдыхомъ, за какуюнибудь тяжелою работою, считается признакомъ сильнаго мужа. Такому общій почетъ и одобреніе. Но сохрани Богъ, замѣтятъ въ комънибудь страсть нѣжиться, кутаться, лакомиться, скоро утомляться въ работѣ, — такому не будетъ прохода отъ насмѣшекъ; ему дадутъ такое прозвище, что и въ старости не забудетъ. Не лишнимъ считаю показать хотя одинъ примѣръ закалки семинаристовъ. Когда находилась Московская Семинарія въ Перервинскомъ монастырѣ, то общественная баня находилась на берегу озера. Въ банѣ содержалась одна горячая вода, за холодною же должны были семинаристы ходить зимой на озеро къ проруби: потому считалось самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, распарившись въ банѣ, идти обдаваться на озерѣ холодною водою изъ проруби. Во время замерзанія ея учреждалась особая потѣха: выйдя изъ бани, ломать тонкій ледъ, опускаться въ воду и пускаться вплавъ, проламывая ледъ руками и грудью. Хотите ли знать, какъ дорого покупались удовольствія? Семинаристы—охотники до театра. Не смотря на то, что Москва отъ Перервы была за 8 верстъ; но если тамъ когда случится хорошій спектакль, то часа въ три пополудни театралы отправлялись пѣшкомъ въ Москву, прямо въ театръ, чтобы не запоздать, занять въ раю хорошее мѣсто. Просидѣвъ тамъ часовъ до двѣнадцати, возвращались ночью также пѣшкомъ въ Семинарію и, совершивъ по грязи или глубокому снѣгу путь, часу въ третьемъ являлись въ свои номера, готовили уроки и по утру сидѣли въ классахъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Согласитесь, что Сперанскій, выйдя изъ такой школы, могъ конечно удивлять изнѣженныхъ баричей своею усидчивостію и своими трудами по службѣ. Конечно также, онъ способиѣ былъ перенести тяжесть изгнанія, нежели какойнибудь другой дворянчикъ.

Дмитрій Протопоповъ.

11 Декабря (1861).

*) Объ этомъ свидѣтельствуетъ митрополитъ Филаретъ въ своемъ словѣ на освященіе храма въ прекрасномъ зданіи нынѣшней Московской Семинаріи. П. Б.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ Т. П. ПАСЕКЪ.

Въ Апрѣльской книжкѣ „Русской Старины“ напечатано продолженіе Воспоминаній Т. П. Пасекъ. Я считаю нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, во первыхъ на тѣ возраженія на мою статью „Wahrheit und Dichtung“, которыя, какъ отъ редакціи Русской Старины, такъ и отъ г-жи Пасекъ, помѣщены въ особыхъ выноскахъ, а во вторыхъ исправить нѣсколько ошибокъ относительно фактовъ и цифръ, извѣстныхъ мнѣ изъ подлинныхъ документовъ.

1. Въ прежде напечатанныхъ главахъ, было между прочимъ сказано, что по смерти Петра Алексѣевича Яковлева, брата его, чтобы помириться съ совѣстью, дали каждой изъ его двухъ дочерей по 3000 р. сер., а матери ихъ 2000 р. сер.; въ настоящее же время на стр. 807, въ краткомъ перечнѣ содержанія предъидущихъ главъ, сказано, что братья Яковлевы выдали дочерямъ Петра Алексѣевича по 3000 р. ассигнаціями.

Разница очень значительная, и происходитъ вѣроятно отъ опечатки, либо тогда, либо теперь; но на самомъ дѣлѣ, обѣ цифры невѣрны. Когда, въ 1821 году, братья Яковлевы дѣлили наслѣдство полученное отъ Петра Алексѣевича въ 1813 году, то при раздѣлѣ были, разумѣется, приняты въ расчетъ какъ всѣ доходы, полученные за 8 лѣтъ общаго владѣнія этимъ имѣніемъ, такъ и всѣ расходы, сдѣланные въ тоже время за счетъ Петра Алексѣевича, т. е. уплата его долговъ, выдача его дѣтямъ, ихъ матери и проч.; а изъ этого расчета видно, что Н. П. Кучина и Е. П. Смоленъ получили отъ всѣхъ трехъ братьевъ 18.000 р. ассигн.; кромѣ того Н. П. Кучина особо получила отъ Льва и Ивана Алексѣевичей 6000 р. асс.; мать ихъ К. П. Папскъ получила 4.200 р. асс. и на уплату долговъ, оказавшихся по смерти сына ея Николая Петровича, 8000 р. ассигн., что все вмѣстѣ составляетъ 36.200 р. асс. Эту цифру я не привелъ прежде потому, что ежели не считать уплату долговъ Николая Петровича, то останется 28.200 р. асс., т. е. только на 200 р. асс. болѣе того, что признавала г-жа Пасекъ.

2. Во второмъ примѣчаніи, на стр. 806 и 807 отъ редакціи Р. Старины сказано: „Въ статьѣ Wahrheit und Dichtung высказано „сомнѣніе относительно шести фактовъ рассказанныхъ въ запискахъ „изъ жизни дальней“, случившихся съ семействомъ Ив. Ал. Яковлева въ продолженіе „того времени, которое оно провело въ Москвѣ, во время занятія ея не-пріятелемъ.“

„Справедливость этихъ фактовъ подтвердилъ своимъ свидѣтельствомъ, въ собственноручно подписанной и доставленной въ редакцію Р. Старины запискѣ Егоръ Ивановичъ Герценъ, единственный оставшійся въ живыхъ очевидецъ рассказаннаго, бывшій тогда уже десятилѣтнимъ мальчикомъ и хорошо помнящій все, что онъ видѣлъ въ продолженіе того времени“.

Прежде всего и мимоходомъ замѣчу, что Е. И. Герценъ былъ въ 1812 году не десяти, а девятилѣтнемъ мальчикомъ, такъ какъ онъ рожденъ въ 1803 году, что видно изъ собственноручно писаннаго его отцемъ въ 1828 году духовнаго завѣщанія; за тѣмъ несомнѣнно, что Е. И. Герценъ не былъ очевидцемъ нѣкоторыхъ изъ сообщенныхъ или подтвержденных имъ фактовъ, какъ напр. свиданія его отца съ Наполеономъ, которое Ив. Ал. описываетъ совершенно иначе, въ запискѣ мною напечатанной, чѣмъ

г-жа Пассекъ; а вѣдь онъ былъ не только свидѣтелемъ, но и дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ случаѣ. Наконецъ, всѣ сомнѣнія, высказанныя въ статьѣ *Wahrheit und Dichtung* основаны на собственноручномъ письмѣ Ивана Алексѣевича къ сестрѣ его Елизаветѣ Алексѣевнѣ Голохвастовой отъ 1-го Ноября 1812 года, гдѣ онъ описываетъ тѣже самые факты, но совершенно иначе чѣмъ г-жа Пассекъ или Е. И. Герценъ. Спрашивается, что заслуживаетъ болѣе довѣрія, воспоминанія ли единственнаго оставшагося въ живыхъ очевидца Е. И. Герцена, сообщенныя черезъ 64 года послѣ событій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ будучи девятилѣтнимъ ребенкомъ, или воспоминанія его отца, писанныя черезъ два мѣсяца послѣ событій, которыхъ онъ тоже былъ свидѣтелемъ, будучи 45 лѣтнимъ отцомъ семейства?

3. Въ выноскѣ на стр. 807 сказано, что изъ документа, „приведеннаго въ статьѣ *Wahrheit und Dichtung* отъ 9-го Августа 1813 года за № 270, изъ котораго видно, что Екатерина Валерьяновна промѣняла братьямъ „(деверьямъ) оставленную ей по духовному завѣщанію дер. Шумново и „слѣдующую ей седьмую часть въ наслѣдственныхъ имѣніяхъ за 30.000 р. „асс., не видно, приведенъ ли онъ былъ въ исполненіе; а что онъ приведенъ не былъ въ исполненіе, доказывается тѣмъ, что Екат. Вал. владѣла Шумновымъ, провела въ немъ всю жизнь и въ 1830-хъ годахъ тамъ умерла. Вѣроятно Яковлевы и желали войти съ Екат. Вал. въ соглашеніе и при такихъ условіяхъ не могли уплчать ее въ фальшивости завѣщанія и опровергать законность ея брака, называя ее Ульской; когда же сдѣлка не состоялась, то начался процессъ. Екат. Вал. подала жалобу, что вынуждена была на полюбовное соглашеніе притѣвленіями“.

Во первыхъ, изъ помянутаго документа отъ 9-го Августа 1813 года видно, что это не проектъ, не предполагавшаяся, но не состоявшаяся сдѣлка, а актъ владѣнія, совершенный и утвержденный судомъ: ибо я оговорилъ, что на немъ находится резолюція суда объ его утвержденіи, подпись судей, печать суда, скрѣпа секретаря, №, за которымъ онъ внесенъ въ актовую книгу крѣпостныхъ дѣлъ и проч.; а всего этого не могло бы быть на проектѣ, не получившемъ законнаго утвержденія. Въ подтвержденіе я могъ бы привести еще актъ, выданный Корчевскимъ уѣзднымъ судомъ, объ ввѣдѣ во владѣніе селомъ Новоселье и деревнями Уходово и Шумново, братьевъ Льва и Ивана Алексѣевичей лично и отсутствующаго ихъ брата Александра по довѣренности. То обстоятельство, что Екат. Вал., по окончанія процесса, который она выиграла, Шумновымъ владѣла, жила и умерла въ немъ, нимало всему этому не противорѣчитъ. Я никогда не отрицалъ, что процессъ *былъ* и что она его выиграла, но утверждалъ, что братья Яковлевы его *не начинали*, какъ было сказано г-жею Пассекъ, а напротивъ, немедленно по кончинѣ Петра Алексѣевича, вошли въ сдѣлку съ невѣсткой и заплатили ей за Шумново и ея вдовью часть 30.000 р. асс., она же получила деньги, и по прошествіи почти 2-хъ лѣтъ начала процессъ, который выиграла, послѣ чего и владѣла Шумновымъ. Въ словахъ: „когда же сдѣлка не состоялась, тогда начался процессъ. Екат. Вал. подала жалобу, что были вынуждены на полюбовное соглашеніе притѣвленіями“, есть очевидное противорѣчіе: ежели сдѣлка не состоялась, то не могла Ек. Вал. жаловаться, что притѣвленіями ее вынудили на то, чего вовсе не было, т. е. на полюбовное соглашеніе; ежели же, на оборотъ она такую жалобу дѣйствительно подала, то тѣмъ самымъ признала, что сдѣлка состоялась.

Во вторыхъ, въ этой же выноскѣ сказано: „седьмую часть свою въ „Васильевскомъ съ прилежащими къ нему деревнями Екат. Вал. переда-

„да дарственной записью автору записокъ. *Эту седьмую часть* купилъ у „автора записокъ Ив. Ал. Яковлевъ“.

Тутъ тоже ошибка: когда Екат. Вал. выиграла процессъ, то получила въ Васильевскомъ съ деревнями не *седьмую*, а *двадцать восьмую* часть, т. е. седьмую часть той четвертой части этого имѣнія, на которую имѣлъ право ея мужъ. Это подтверждается купчей крѣпостью, по которой Ив. Ал. продалъ это имѣніе въ 1835 году Ник. Павл. Голохвастову и въ которой сказано, что Ив. Ал. продаетъ въ селѣ Васильевскомъ съ деревнями 440 душъ, полученныхъ имъ по наслѣдству отъ двоюродной сестры, генераль-поручичьей дочери, дѣвицы Екат. Мих. Яковлевой и по раздѣлу съ родными братьями и кромѣ того 18 душъ, купленные имъ 26-го Апрѣля 1835 года у титулярной совѣтницы Татьяны Петровны Пассекъ.

4. На слѣдующей 808 стр. сказано: „Въ Августѣ (1813 г.) „привъзжаетъ „изъ Швеціи въ Новоселье третій братъ Яковлевыхъ, Левъ Алексѣевичъ“... При этомъ выноска, изъ которой видно, что это сообщено Е. И. Герценомъ. Изъ послужныхъ формулярныхъ списковъ о службѣ Льва Алексѣевича видно, что онъ только одинъ разъ былъ посланъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Швецію, и это было 18-го Сент. 1798 года: пробылъ онъ тамъ менѣе двухъ лѣтъ и 9-го Мая 1800 былъ уже въ Лондонѣ, гдѣ имѣлъ особыя порученія „касательно вспомогательныхъ Россійскихъ войскъ въ Англіи“. Въ 1813 году онъ уже три года какъ былъ министромъ при Вестфальскомъ дворѣ и возвратился въ Россію въ Іюль 1812 года, по случаю разрыва съ Французами; а 7-го Мая 1813 года, находясь въ Россіи, получилъ шестимѣсячный отпускъ для устройства своихъ дѣлъ, который ему продолженъ до 24 Октября 1813 года. Такимъ образомъ съ 7-го Мая по 24 Октября онъ былъ въ отпуску, дома, а не въ Швеціи.

5. На слѣдующей 809 стр. есть также выноска, сообщенная Е. И. Герценомъ. Въ ней сказано: „По раздѣлу (1821 г.), Новоселье съ Уходовымъ и Покровское достались на долю Льва Алексѣевича, Перхушково „сѣ *Шацкимъ имѣніемъ* — Александру Алексѣевичу“. Изъ подлиннаго раздѣльнаго акта 1821 года видно, что Левъ Алексѣевичъ получилъ только Новоселье съ Уходовымъ, въ которыхъ было 532 души, но и это превышало его часть, вслѣдствіе чего онъ уплатилъ 25.000 асс. Александру Алексѣевичу, который кромѣ того получилъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ селѣ Перхушковѣ 142 души и въ Верейскомъ уѣздѣ въ дер. Ястребово и Костино 127 душъ, а всего 269 душъ. Чтò же касается села Рождествена, Дьячье, Тамбовской губерніи, Шацкаго уѣзда, то оно досталось Александру Алексѣевичу по наслѣдству отъ отца и матери и по раздѣлу съ братьями и сестрами, совершенному еще въ 1785 году, вслѣдствіе высочайшаго указа князю Долгорукову-Крымскому. По тому же раздѣлу досталась Ивану Алексѣевичу та меньшая часть села Покровскаго Засѣкина и дер. Раево, которая принадлежала ихъ матери Натальѣ Борисовнѣ Яковлевой; большая же часть этого имѣнія, принадлежавшая кн. Аннѣ Борисовнѣ Мещерской, была ею продана въ 1793 году Льву Алексѣевичу, а отъ него, по духовному завѣщанію, со всеми прочими его имѣніями перешла къ Ивану Алексѣевичу.

Далѣе въ той же выноскѣ сказано: „Левъ Алексѣевичъ, кончившій „жизнь прежде Ивана Алекс. и племянника своего Алексѣя Александровича, законныхъ наслѣдниковъ послѣ него, завѣщалъ всѣ свои имѣнія „одному Ивану Алексѣевичу, *съ тѣмъ, чтобы онъ изъ нихъ наградилъ дѣтей его, по своему усмотрѣнію.....* Иванъ Алексѣевичъ далъ дочери „Льва Алексѣевича свою Керенскую деревню, сыновьямъ же, сверхъ оставленнаго имъ отцомъ (т. е. капиталовъ), *не далъ ничего*“.

Это не вѣрно потому, что въ духовномъ завѣщаніи Льва Алексѣевича вовсе не сказано, что онъ оставляетъ свои имѣнія Ивану Алексѣевичу, „*съ тѣмъ чтобы онъ изъ нихъ наградилъ его дѣтей по своему усмотрѣнію*“. Вотъ подлинныя слова завѣщанія: „Всѣ сіи выше поименованныя имѣнія мои съ крестьянами и дворовыми обоого пола людьми и со всѣми къ онымъ принадлежностями, безъ всякаго исключенія, равно и все то, что въ продолженіе жизни моей, по наслѣдству и купчимъ достаться мнѣ можетъ, отдать по кончивъ моей *въ родѣ брату* моему родному и наслѣднику, отставному гвардіи капитану и кавалеру Ивану Алексѣевичу Яковлеву. А все движимое мое имѣніе, въ чемъ бы оно ни заключалось, прошу его же брата моего Ив. Ал. Яковлева принять въ полное свое распоряженіе и употребить въ пользу воспитанниковъ моихъ: канцеляриста Сергѣя, Ивана, Софьи и Натальи Львовыхъ-Львицкихъ“.

Въ той же выноскѣ далѣе говорится: „По свидѣтельству Е. И. Герцена, два лучшія родовыя имѣнія: Новоселье съ Уходовымъ и Васильевское съ деревнями Иванъ Алексѣевичъ продалъ; Новоселье съ Уходовымъ купилъ г. Гурьевъ, сколько помнится за сумму между 500 и 800 тысячъ рубл. ассигн., Васильевское съ деревнями Ив. Ал. продалъ племяннику своему Николаю Павловичу Голохвастову, какъ онъ выражался, по родству, за 500 тысячъ ассигн. Николай Павловичъ уплатилъ дядѣ 390 тысячъ, остальные 110 тыс. отдать былъ не въ состояніи; это послужило поводомъ къ разрыву его отношеній съ дядей“.

Мнѣ неизвѣстно, за какую сумму Ив. Ал. продалъ Новоселье съ Уходовымъ; но, зная, что вообще цифры сообщаемыя г-жею Пасекъ и г. Герценомъ не отличаются вѣрностью, особливо, когда онъ опредѣляются такъ широко, какъ напр. отъ 500 до 800 т. р., зная при томъ, что Левъ Алексѣевичъ получилъ это имѣніе по раздѣлу съ братьями менѣ чѣмъ за 115.000, а съ тѣхъ поръ продалъ въ немъ Уходовской дѣсь, я позволяю себѣ сомнѣваться, чтобы эта послѣдняя хозяйственная операція могла возвысить стоимость имѣнія въ 4 или 7 разъ. Что же касается Васильевскаго съ деревнями, то изъ купчей крѣпости видно, что оно было продано Николаю Павловичу не за 500, а за 250 т. рублей ассигн. и что деньги Иваномъ Алексѣевичемъ были сполна получены. Вотъ какъ имъ подписана купчая: „Къ сей купчей гвардіи отставной капитанъ и кавалеръ Иванъ Алексѣевъ сынъ Яковлевъ, что я вышеписанное крѣпостное свое недвижимое имѣніе съ людьми и со крестьянами и со всѣмъ означеннымъ, кромѣ выговоренныхъ въ сей купчей людей по именамъ и рекрутской квитанціи продалъ, и денегъ государственными ассигнаціями двѣсти пятьдесятъ тысячъ рублей взялъ и руку приложилъ“.

Въ той же выноскѣ сказано далѣе: „Весь капиталъ, вырученный за проданныя родовыя имѣнія, Ив. Ал. передалъ, по духовному завѣщанію, дѣтямъ своимъ и матери Александра Ивановича, да еще Александру Ивановичу родовое имѣніе въ 226 душъ въ Ярославской губерніи. *Единственное имѣніе*, оставшееся у Ивана Алексѣевича, подмосковное село Покровское, онъ назначилъ, по духовному завѣщанію, старшему сыну сестры своей Дм. Павл. Голохвастову, съ условіемъ, чтобы тотъ выдалъ значительную сумму Александру Ивановичу и дѣтямъ Льва Алекс. Дмитрій Павловичъ, весьма справедливо замѣтивъ дядѣ, что, при условіяхъ, связанныхъ съ его подаркомъ, ему придется заплатить собственными средствами, посовѣтовалъ ему оставить Покровское *законному послѣднику*, *Алексию Александровичу Яковлеву*. Въ послѣдствіи, при посредствѣ Александра Ивановича, Дмитрій Павловичъ согласился принять Покровское. *Законный же наслѣдникъ*, Алексѣй Александровичъ, не получилъ отъ дяди Ив. Ал. Яковлева никакого наслѣдства“.

Во первыхъ, я долженъ замѣтить, что Иванъ Алексѣевичъ передалъ Александру Ивановичу Герцену не Ярославское, а Костромское имѣніе Чухломскаго уѣзда и не по духовному завѣщанію (чего по закону онъ не имѣлъ права сдѣлать), а при жизни по крѣпостному акту. Во вторыхъ, изъ этихъ словъ видно, что г-жа Пассекъ и Е. И. Герценъ, сообщившія эти свѣдѣнія, считаютъ одного Алексѣя Александровича Яковлева законнымъ наслѣдникомъ Ивана Алексѣевича и приписываютъ тоже имѣніе моему отцу, который будто бы совѣтовалъ дядѣ оставить Покровское *законному послѣ него наслѣднику Ал. Ал. Яковлеву*, признавая такимъ образомъ себя самого *незаконнымъ*; но этого не могло быть. По закону мой отецъ былъ такой же законный наслѣдникъ Ивана Алекс., какъ и Алексѣй Александр. и въ той же степени родства, т. е. родной племянникъ. Когда родовое недвижимое имѣніе переходитъ по наслѣдству въ прямой линіи, т. е. дѣтямъ, внучатамъ и т. д., то каждый изъ нихъ долженъ получить такую часть, какая опредѣлена закономъ; но когда, какъ въ этомъ случаѣ, за отсутствіемъ прямого потомства, родовое и имѣніе поступаетъ въ боковую линію, т. е. братьямъ, племянникамъ и т. д., то наслѣдодатель имѣетъ право избрать изъ своихъ наслѣдниковъ одного и оставить ему большую часть или даже все свое имѣніе. Такъ Иванъ Алексѣевичъ и сдѣлалъ: онъ избралъ моего отца и оставилъ ему всё свои имѣнія, кромѣ разумѣется тѣхъ, которыя были уже проданы и которыми онъ распоряжаться не могъ. Если бы мой отецъ не былъ законнымъ наслѣдникомъ Ивана Алексѣевича, то не могъ бы получить по духовному завѣщанію ни одного родового имѣнія, а слѣдовательно и села Покровскаго; такъ напр. Иванъ Алекс. желалъ оставить свое родовое Керенское имѣніе Софьѣ Львовнѣ Полъновой, но передать ей его при жизни не хотѣлъ, а оставить по духовному завѣщанію не имѣлъ права, потому что она не была его законной наслѣдницей, а потому онъ и это имѣніе оставилъ моему отцу, но приложилъ въ особомъ конвертѣ письмо на его имя слѣдующаго содержанія:

„Любезный мой племянникъ Дмитрій Павловичъ!

„По болѣзненному состоянію моему не могу я сдѣлать нѣкоторыхъ распоряженій, а между тѣмъ желаю, чтобы оныя были непремѣнно исполнены. Въ числѣ таковыхъ распоряженій одно состоитъ въ слѣдующемъ: недвижимое мое имѣніе Пензенской губерніи, Керенскаго уѣзда, въ селѣ Архангельскомъ, Дубасово тожъ, по увольненіи изъ онаго вѣчно на волю дворовыхъ людей, находящихся при мнѣ въ услуженіи, передать по крѣпостному акту въ потомственное владѣніе полковницѣ Софьѣ Полъновой, со всѣми принадлежащими къ оному землями и угодьями, безъ всякаго исключенія, кромѣ выше помянутыхъ дворовыхъ людей. А какъ всё недвижимыя мои имѣнія, по духовному моему завѣщанію, должны поступить по смерти моей въ твое владѣніе, то я покорно тебя и прошу исполнить тогда означенное мое желаніе и именно: по отпускѣ изъ показаннаго села Дубасова дворовыхъ людей на волю, передать оное по крѣпостному акту г-жѣ Полъновой“

„Дядя твой, душевно тебя любящій Иванъ Яковлевъ“.

„Мая дня 1845 года“.

Кромѣ этого Пензенскаго имѣнія, которое мой отецъ какъ только получилъ и отпустилъ на волю дворовыхъ, такъ и передалъ г-жѣ Полъновой,—онъ получилъ по духовному завѣщанію Ив. Алексѣича, еще пять имѣній, а именно: Московск. губ. Звенигор. уѣзда сел. Покровское съ дер. и Костромской губ. и уѣзда сельцо Чернопенье съ деревнями. Эти два имѣнія, по кончинѣ моего отца, достались между прочимъ моей матери на

ея вдовью часть, и оба были ею проданы. За тѣмъ Тверской губ. Корчевскаго уѣзда сельцо Клоково съ дер. и Ярославской губ. Романовскаго уѣзда сельцо Глѣбовское *) съ дер.; эти два имѣнія достались моей сестрѣ и принадлежать ей и въ настоящее время, и наконецъ Владимірской губ. и уѣзда сельцо Кайсарово съ дер., которое мой отецъ подарилъ въ 1848 году своей племянницѣ Елизаветѣ Николаевнѣ Шатиловой, когда она выходила за мужъ и которое принадлежит ей и теперь. Съ этимъ наслѣдствомъ были связаны слѣд. обязательства: выплатить Ал. Ив. Герцену 200 т. р. асс., внести для приращенія изъ процентовъ 20 т. р. асс. на постройку каменной церкви въ селѣ Покровскомъ-Засѣкинѣ и отпустить на волю дворовыхъ и въ с. Покровскомъ семейство крестьянъ Серебряковыхъ. Считаю излишнимъ говорить, что все это было немедленно исполнено.

Село Рубцово-Покровское
22 Апрѣля 1876 г.

Дмитрій Голохвастовъ.

ЧЕРТА ИЗЪ ЖИЗНИ ПУШКИНА.

22 Августа 1829 г. Тифлисскій военный губернаторъ С. С. Стрелкаловъ писалъ Московскому военному генераль-губернатору князю Д. В. Голицыну, что „извѣстный поэтъ, отставной чиновникъ 10-го класса Александръ Пушкинъ отправился по дѣламъ изъ Тифлиса въ Москву“. Имѣя въ виду высочайшее повелѣнiе о состоянiи Александра Пушкина подъ секретнымъ надзоромъ правительства, Тифлисскій военный губернаторъ счелъ нужнымъ увѣдомить Московскаго военнаго генераль-губернатора объ отъѣздѣ Пушкина изъ Тифлиса.

Вслѣдствiе такого увѣдомленiя, Московскій военный генераль-губернаторъ немедленно предписалъ Московскому оберъ-полицеймейстеру „имѣть подъ секретнымъ надзоромъ полиціи означеннаго чиновника 10-го класса Александра Пушкина“.

Тогдашній Московскій оберъ-полицеймейстеръ генераль-маіоръ А. С. Шульгинъ, донося Московскому военному генераль-губернатору о выѣздѣ (12 Октября 1829 г.) Пушкина изъ Москвы въ Петербургъ, писалъ, что по надзору полиціи въ поведеніи Пушкина ничего предосудительнаго не замѣчено и что объ учрежденіи за нимъ надзора онъ сообщилъ исправляющему должность Петербургскому оберъ-полицеймейстеру полковнику Дершау. 13 Марта 1830 г. Пушкинъ возвратился изъ Петербурга въ Москву и остановился Тверской части въ домѣ Черткова, въ гостинницѣ Копна (нынѣшнемъ домѣ г. Обидина, въ Глинищенскомъ переулкѣ, между Тверскою и Большою Дмитровкою). Въ поведеніи его опять ничего предосудительнаго замѣчено не было, а 16 Іюля 1830 онъ опять выѣхалъ въ Петербургъ, откуда возвратился 9 Декабря 1830 г., останавливаясь Тверской части, въ гостинницѣ Англія, а 16 Октября

*) Въ этомъ имѣнiи Иванъ Алексѣевичъ провелъ зиму съ 1812 на 1813 годъ.

1832 г. снова выѣхалъ въ Петербургъ. 19 Апрѣля 1833 г. С. Петербургскій военный генераль-губернаторъ просилъ Московскаго военнаго генераль-губернатора увѣдомить его, по какому случаю признано нужнымъ имѣть г-на Пушкина подъ надзоромъ полиціи. На это Московскій военный генераль-губернаторъ отвѣчалъ, что свѣдѣній о томъ, по какому случаю признано нужнымъ имѣть Пушкина подъ надзоромъ полиціи, у него не имѣется.

АРЕСТЪ И ССЫЛКА

ПОРУЧИКА БОГДАНОВА (МОЛОКАНИНА).

Въ 1833-году, въ Тамбовѣ ¹⁾ проживалъ отставной поручикъ Богдановъ. Онъ жилъ довольно скромно: имѣлъ собственный домъ, аккуратно являлся въ казначейство за пенсіей, получаемой имъ за раны и службу, и почти ни съ кѣмъ изъ лицъ Тамбовской администраціи знакомъ не былъ. Единственными гостями Богданова и его собесѣдниками было нѣсколько лицъ изъ богатаго Тамбовскаго купечества, которыхъ знали въ городѣ за Молоканъ. О проживаніи Богданова въ Тамбовѣ едва ли даже было извѣстно мѣстной служебной аристократіи: такъ тихо и скромно жилъ этотъ израненный, отставной поручикъ. Но вотъ, однажды, прямо къ дому Тамбовскаго губернатора Степана Фѣдоровича Паскевича ²⁾, подъѣхалъ фельдъегерь и вручилъ ему предписаніе изъ Петербурга о немедленномъ арестованіи отставнаго поручика Богданова и объ опечатаніи всѣхъ книгъ, бумагъ и переписки, которыя найдутся въ квартирѣ этого поручика. Выѣстъ съ тѣмъ, предписаніе выѣзжало губернатору въ обязанность, тотчасъ же по арестованіи Богданова, отправить его, какъ „упорнаго сектанта-Молоканина“, къ Тамбовскому епископу Арсенію—для надлежащаго увѣщанія; и буде онъ, Богдановъ, внявъ увѣщанію епископа, отречется отъ своей ереси, принеся чистосердечное раскаяніе, дастъ подписку прервать всякія сношенія съ Тамбовскими Молоканами и, такимъ образомъ, вернется вновь въ лоно православной церкви, то оставить его, Богданова, въ Тамбовѣ, подвергнувъ строжайшему надзору полиціи; если же онъ не принесетъ надлежащаго раскаянія въ своей ереси и не дастъ требуемой отъ него подписки, то отправить его немедленно, съ жандармами, въ Валаамскій монастырь; бумаги же его и переписку выслать съ этимъ же фельдъегеремъ съ Петербургъ.

По полученіи такового предписанія, губернаторъ Паскевичъ тотчасъ отправилъ жандармскаго офицера и квартальнаго надзирателя къ Болга-

¹⁾ Секта Татариновой, покровительствуемая императоромъ Александромъ Павловичемъ и выдавшая въ своихъ собраніяхъ первыхъ правительственныхъ лицъ, ободрила и породила, какъ извѣстно, много разныхъ другихъ ученій. Принадлежать къ какой нибудь сектѣ или тайному обществу было нѣкоторое время почти модою, а моды, забываемая въ столицахъ, еще долго продолжаютъ имѣть послѣдователей въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. П. Б.

²⁾ Родной братъ князя И. Ф. Паскевича-Эриванскаго; онъ смѣнилъ въ Тамбовѣ губернатора д. с. с. Миронова, о которомъ я говорилъ въ моей статьѣ „Холера въ Тамбовѣ въ 1830 году“ („Вѣстникъ Европы“, Сентябрь 1875 г.). И. Я.

нову для приведенія въ исполненіе всего того, что предписывалось изъ Петербурга. Когда жандармскій офицеръ постучался въ квартиру Богданова, то двери отворилъ самъ Богдановъ, одѣтый совершенно по дорожному и встрѣтилъ гостей слѣдующею фразой: „Я совершенно готовъ; можете взять меня“... На вопросъ жандармскаго офицера, кто предварилъ его объ арестѣ, Богдановъ не далъ никакого отвѣта, и затѣмъ совершенно спокойно и невозмутимо присутствовалъ при обыскѣ у него въ домѣ и опечатаніи бумагъ и также спокойно далъ арестовать себя. Его усадили въ карету съ опущенными столами и привезли въ Казанскій монастырь, на архіерейское подворье, къ епископу Арсенію ³⁾. Епископъ, предваренный губернаторомъ, тотчасъ же принялъ Богданова въ своемъ кабинетѣ и хотѣлъ благословить его. Богдановъ отказался принять это благословеніе, и на вопросъ епископа: „почему не приемишь?“ отвѣчалъ въ довольно рѣзкой, хотя и вѣжливой формѣ, что благословенія крестомъ не приемишь потому, что не придаетъ собственно *кресту* никакого символическаго значенія святости.

— Но вѣдь на крестѣ былъ распятъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, замѣтилъ архіерей: Ты въ него вѣруешь ли?

— Въ Господа нашего Іисуса Христа вѣрую, но не могу поклоняться *кресту*— орудію казни Его. Если поклоняться кресту, то также надо поклоняться и *копію*, которымъ было прободено ребро Его....

— А почему ты не посѣщаешь храмъ Господень? спросилъ его архіерей.

— Потому, отвѣчалъ Богдановъ, что надо молиться не явно, а тайно: „Вниди въ кѣлье и затвори оную“, сказано въ Евангеліи отъ Маттея....

Епископъ старался разсѣять сектаторскіе взгляды и толкованія Богданова и объяснять ему, какъ толкуеть и понимаетъ этъ изрѣченія православно-каѳолическая церковь. Но Богдановъ ни въ чемъ не могъ согласиться съ епископомъ и, наконецъ, отнесся, съ точки зрѣнія „*духовныхъ христіанъ*“— т. е. Молоканъ, къ личности и положенію въ церкви самого епископа, бесѣдовавшаго съ нимъ.

— Ваше преосвященство ѣздите въ каретахъ, цугомъ, говорилъ Богдановъ епископу:—а Апостолы, которыхъ вы мните представлять на землѣ, въ каретахъ не ѣздили, а смиренно обходили міръ пѣшкомъ. Вы сидите во храмѣ; головы ваши покрыты камилавками и драгоценными митрами: алмазы и изумруды сіяютъ на вашихъ головахъ. Этыхъ драгоценныхъ камней было бы достаточно для прокормленія цѣлаго города, въ голодный годъ. Патріархъ вашъ Никонъ сшилъ себѣ ризу и написалъ на ней, жемчугомъ, „Вѣрую“... Риза эта не имѣетъ, говорятъ, цѣны“....

Епископъ Арсеній, не пожелавъ долѣе слушать превратныхъ заключеній Богданова, всталъ съ мѣста и удалился во внутренніе покои. Богданова увели изъ архіерейскаго дома, отвезли въ острогъ и въ слѣдующую же ночь усадили въ кибитку и помчали въ Валаамъ...

Въ Валаамскомъ монастырѣ съ Богдановымъ обходились чрезвычайно сурово: на него возложили нѣкоторыя тяжелыя физическія работы и силою заставляли ходить въ церковь, на всѣ богослуженія. Всѣ тяжкія работы Богдановъ исполнялъ безропотно и съ истиннымъ смиреніемъ „*духовнаго христіанина*“; но ходить въ церковь отказался рѣшительно, такъ что, по приказанію игумена, монахи всякій разъ тащили его въ церковь силою; въ самой церкви, тоже, приходилось удерживать Богданова насильно, что, конечно, порождало въ храмѣ скандалъ и служило великимъ

³⁾ Недавно почившему митрополиту Кіевскому.

соблазномъ для постороннихъ молящихся, особенно для мірянъ. Въ этомъ смыслѣ, Валаамскій игуменъ и сдѣлалъ надлежащее донесеніе мѣстному архіерею, который, въ свою очередь, сообщилъ объ этомъ въ Синодъ. Вслѣдствіе этого, изъ Петербурга пришло новое распоряженіе относительно Богданова: предписано было отправить его въ одинъ изъ глухихъ и бѣдныхъ монастырей Костромской губерніи, гдѣ и содержать съ такою же строгостью, какъ въ Валаамѣ.

Привезли Богданова въ глухой монастырь Костромской губерніи, заставили работать — колоть дрова и топить печи, и предложили ходить въ церковь. Но, по прежнему, Богдановъ, безропотно исполняя всѣ монастырскія работы, въ церковь ходить отказывался. На его счастье, игуменомъ Костромскаго монастыря былъ человекъ умный и добрый. Видя упорство Богданова и его отвращеніе отъ церкви, онъ призвалъ его къ себѣ и сталъ кратко и съ любовью уговаривать его.

— Я долженъ доносить о тебѣ въ Консисторію ежемѣсячно, говорилъ игуменъ, и долженъ буду донести, что ты упорствуешь — не ходишь въ церковь.

— Я буду дѣлать все, что вамъ угодно, отвѣчалъ Богдановъ, но въ церковь вашу ходить не могу; такъ и донесите обо мнѣ. Я не могу молиться на ваши образы.

— Но вѣдь дѣлу легко помочь, замѣтилъ на это игуменъ. Я отъ тебя и не требую, чтобы ты *молился въ церкви*; я прошу тебя только *ходить въ нее*: ты стань въ церкви у окна и, если пожелаешь, молись Богу, глядя на небо...

Эта мысль поразила Богданова... Онъ тотчасъ же изъявилъ согласіе на предложеніе игумена и, затѣмъ, сталъ ежедневно посѣщать монастырскій храмъ; становясь у окна, онъ усердно молился, глядя вверхъ, на небо... ⁴⁾.

Добрый игуменъ былъ чрезвычайно доволенъ поведеніемъ Богданова и тотчасъ же донесъ въ Костромскую Консисторію объ обращеніи въ лоно православной церкви Молоканина Богданова.

Консисторія сообщила, конечно, донесеніе игумена въ Петербургъ и, черезъ два мѣсяца, поручикъ Богдановъ былъ освобожденъ изъ ссылки и отправленъ на прежнее мѣстожителство, въ Тамбовъ, гдѣ и поселился

⁴⁾ Здѣсь, кстати, я позволю себѣ привести разсказъ, слышанный мною, въ 1869 году, въ г. М-евѣ, отъ архіепископа Е-ія. „Однажды—говорилъ архіепископъ — во время моего служенія въ Восточной Сибири, проѣзжая по долинѣ рѣки Иркуты, мнѣ довелось остановиться на ночлегъ въ Бурятской юртѣ. Въ самомъ верху юрты было открыто небольшое отверстіе для свободнаго выхода дыма отъ очага, разложеннаго, по обыкновенію, въ юртѣ же. Отходя ко сну и желая сотворить молитву, я подошелъ къ отверстию юрты, и по неимѣнію коню съ собою, сталъ молиться вверхъ, на ясное небо, усыянное звѣздами. Когда я окончилъ молитву и взглянулъ на Бурятъ, бывшихъ въ юртѣ, то увидѣлъ, что всѣ они смотрятъ на меня съ чрезвычайнымъ удивленіемъ. Вслѣдъ за тѣмъ, ко мнѣ подошелъ одинъ старикъ и, положивъ руку на мое плечо, спросилъ меня: „Кому ты молился?“— Богу, отвѣчалъ я. — „Да, это такъ, сказалъ онъ; но ты молился *нашему* Богу. Когда мы уходимъ съ нашихъ зимовокъ, то въ кочевья не беремъ съ собою нашихъ боговъ (идоловъ) и молимся очень часто, особенно вдали отъ юртъ, на охотѣ, тому же Богу, Которому сейчасъ молился и ты“. — Богъ единъ, отвѣчалъ преосвященный: и *мой* Богъ есть *вашъ* Богъ; оттого вы и я молимся единому Богу, Который живетъ на небесахъ.—Послѣ этого, Буряты пожелаали узнать подробности (догматы) религіи своего высокаго гостя и, выслушавъ краснорѣчиваго миссіонера, тотчасъ же, въ составъ всего улуса, изъявили желаніе присоединиться къ нашей православной церкви. И. Я.

по прежнему въ своемъ домѣ. Ему, какъ заслуженному и израненному воину, была выдана даже причитающаяся пенсія за время ссылки, т. е. за все время проживанія его въ Валаамъ и Костромской губерніи. Эту пенсію онъ получалъ и по смерти, которая, впрочемъ, не замедлила придти къ старику, страдавшему отъ ранъ и окончательно надломленному въ своемъ здоровьѣ ссылкой и тяжкими монастырскими работами. Въ 1835-мъ году, осенью, „духовный христіанинъ“ Богдановъ скончался и былъ похороненъ своими племянниками на кладбищѣ Петра и Павла, находящемся за Астраханскою заставою г. Тамбова.

Позволимъ себѣ, въ заключеніе нашего изложенія, сказать нѣсколько общихъ словъ о „духовныхъ христіанахъ“ или *Молоканахъ*, какъ ихъ принято называть.

Въ Тамбовѣ—гдѣ прошли мое дѣтство и юность,—въ домѣ моего отца, я встрѣчалъ очень многихъ почтенныхъ лицъ изъ Тамбовскаго купечества, о которыхъ было извѣстно, что они *Молокане*. Самыя добрыя, свѣтлыя и симпатичныя воспоминанія остались во мнѣ объ этихъ лицахъ. Отличительными чертами этихъ „духовныхъ христіанъ“ могутъ быть названы: высокая нравственная чистота ихъ семейной жизни, при совершенно равноправномъ положеніи въ семьѣ мужа и жены. „Жена — не волъ яремный, говорить ихъ върученіе; она намъ другъ и помощница, подпора и сотоварищъ въ сей юдоли земной“. Жены „духовныхъ христіанъ“ повинуются своимъ мужьямъ не ради страха Іудейска, а лишь по силѣ любви: ибо, говорятъ Молокане, „нѣсть спасенія въ повиновеніи силѣ“. Таже чистота отличаетъ и ихъ домашнюю жизнь: только въ Нѣмецкихъ колоніяхъ Николаевскаго уѣзда Херсонской губерніи мнѣ доводилось встрѣчать ту безукоризненную чистоту, или скорѣе чистоплотность въ домашнемъ быту, которую можно встрѣтить въ домѣ каждаго Молоканина, даже самаго небогатаго. Положительно, бѣдныхъ между ними нѣтъ, такъ какъ они незнакомы ни съ развратомъ, ни съ виномъ, губящими и разоряющими наши крестьянскія семьи. Въ костюмахъ ихъ женщинъ преобладаетъ строгій пуризмъ: бѣлый платокъ на головѣ и темнаго цвѣта платье — обыкновенный костюмъ всѣхъ Молоканокъ, и богатыхъ, и бѣдныхъ.

Въ 1863 году, весною, въ пріѣздѣ въ Москву славнаго трагика Айръ-Ольриджа, я отправился однажды въ тамошнюю Реформатскую церковь: мнѣ сообщили, что въ церкви будетъ Ольриджъ, и мнѣ захотѣлось видѣть вблизи человѣка, доставлявшаго мнѣ такъ много сладостныхъ страданій и высокихъ наслажденій своею игрою. Это было въ Воскресенье. Войдя въ церковь и усѣвшись на скамью, я тотчасъ же узналъ впереди себя курчавую голову и широкія плечи Ольриджа. Я сталъ внимательно разсматривать его, на сколько, конечно, это было возможно, чтобы не быть самому замѣченнымъ. Оглянувшись, затѣмъ, на остальную присутствующую публику, я, къ удивленію своему, узналъ нѣсколькихъ Молоканъ, Тамбовскихъ купцовъ, знакомыхъ моего отца; очевидно, они были здѣсь не за тѣмъ, зачѣмъ былъ я: не ради Ольриджа, а ради молитвы. Когда окончилось служеніе, я подошелъ къ нимъ и узналъ въ разговорѣ, что они, бывая по своимъ торговымъ дѣламъ въ Москвѣ, приходятъ каждое Воскресенье въ эту церковь молиться... Такимъ образомъ, Савонарола и его ученіе, положившее, въ началѣ XVI-го вѣка, во Флоренціи, основаніе реформатскому движенію, имѣютъ у насъ въ Россіи, въ средѣ „духовныхъ христіанъ“, весьма усердныхъ послѣдователей.

(Извлечено изъ подлинныхъ дѣлъ).

Иванъ Якушинъ.

Пятьдесят писемъ *А. С. Пушкина* къ князю *Н. А. Вяземскому* (1816—1831) съ новыми стихами *А. С. Пушкина*.—Записки *Месселера* о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759.—Письма *лорда Мальмбюри* о Россіи въ царствованіе *Екатерины II*. Записки *князя Федора Николаевича Голицына*.—Записки *Хршонцевскаго* (1770 — 1820). Переводъ съ Польской рукописи.—Записки *Шлы Федоровича Тимковскаго*.—Изъ Записокъ *Николая Ивановича Лорера* (Декабристы на Кавказъ).—Воспоминанія *графини А. Д. Блудовой*. 1831 годъ. Польскій мятежъ и первая холера.—Уроки исторіи: двѣ статьи *Д. П. Плавайскаго* (Минимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя *В. Θ. Одоевскаго*.

1874 ГОДЪ. Книга вторая. Кончина и духовное завѣщаніе графа *М. П. Бестужева-Рюмина*.—Два письма *Д. В. Волкова* къ *Г. Г. Орлову* о *Петрѣ Третьемъ*.—Секретные рескрипты *Екатерины Второй* князю *Потемкину*.—Предположенія *князя Потемкина* о Польскихъ дѣлахъ съ замѣтками *Екатерины Второй*.—Планъ *князя Потемкина* о наборѣ національныхъ войскъ въ Польшу съ замѣтками *Екатерины Второй*.—Канцлеръ князь *Безбородко* (Опытъ разработки матеріаловъ для его біографіи) *Н. П. Григоросича*.—Черта Русской политики въ послѣдніе дни XVIII вѣка. Письмо *императора Павла* къ *С. А. Колычову* и тайный наказъ о переговорахъ съ *Бонапартомъ*.—Два письма *графини Н. П. Паниной* къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія *Александра Павловича*.—Два письма изъ Лондона отъ *графа С. Р. Воронцова* къ графу *Н. П. Панину* и къ императору *Александру*.—Изъ Записокъ *Н. П. Лорера* (Декабристы на Кавказъ). Съ приложеніями стиховъ *А. С. Пушкина*, *князя А. П. Одоевскаго* и письма *А. Θ. фонз-дерз Бригена* о Миннихъ въ Сибиріи.—Статья *И. В. Кирьесскаго* о *Баратынскомъ* съ предисл. *Н. А. Елагина*.—Семь шуточныхъ стихотвореній *С. А. Соболевскаго*.—Незданные стихи *Θ. П. Тютчева*.—Еще стихи *Θ. П. Тютчева* (Какъ онъ бѣсѣдоса злорѣчье).—Федоръ Ивановичъ Тютчевъ. Статья *Н. С. Аксакова*. Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева.

ПЕРЕСЫЛКА КАЖДОЙ КНИГИ ЗА ТРИ ФУНТА, СМОТРЕЯ ПО РАЗСТОЯНІЯМЪ.
ВЫПИСЫВАЮЩІЕ НЕ МЕНѢ ДВУХЪ КНИГЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ
ПРИЛАГАЮТЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1876 ГОДА

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1876 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получить Русскій Архивъ въ 1876 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь рублей**, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, въ *Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Лица, подписавшіяся на Русскій Архивъ въ книжномъ магазинѣ Базунова въ Петербургѣ, благоволятъ доставить въ Контору Русскаго Архива подписныя квитанціи вмѣстѣ съ своими адресами.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается исключительно въ Гостиномъ Дворѣ, въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя годовыя изданія Русскаго Архива 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 годовъ. Прежніе годы Русскаго Архива (1864—1870) можно получать въ С.-Петербургѣ, на Апраксиномъ дворѣ, у книгопродавца Ваганова.

Отдѣльныя тетради Русскаго Архива 1876 г. не продаются, но отдѣльные томы (въ каждомъ по четыре тетради) можно получать, платя по **три** рубля за каждый томъ.

Заграничные подписчики къ вышеозначенной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Італіи **2** р. **50** к.

Контора Русскаго Архива отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку изданія городскимъ подписчикамъ и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почте* въ Контору Русскаго Архива (Москва, Никитскій бульваръ, домъ Дюгамеля), съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ или станція.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается—**64** к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—**50** к., и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Контору, если подписка была съдана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующей тетради изданія.

РУССКОЙ АРХИВЪ

1876.

ИЗДАВАЕМЫЙ

7.

Петромъ Бартевымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Историческія свидѣнія о сношеніяхъ Россіи съ Черногорією. (Просьба Черногорцевъ 1778 года. Записка о Черногорцахъ, посылка совѣтника Пучкова, денежные выдачи Черногорцамъ). Изъ дѣлъ князя Потемкина извлечено *Г. Н. Александровымъ*. Стр. 257.
2. Къ биографіи графа А. Г. Орлова-Чесменскаго. Письма его и о немъ во время Морейской экспедиціи, извлеченныя изъ бумагъ вице-канцлера князя Голицына *А. В. Рачинскимъ*. Стр. 270.
3. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе *А. Н. Попова*. Глава VI-я (Разговоры Наполеона съ Тутолминнымъ и Яковлевымъ.—Наполеонъ грабитъ Кремль.—Молодечество казаковъ.—Дѣйствія партизановъ.—Тайныя распоряженія къ выступленію). Стр. 285.
4. Двѣнадцатый годъ. Современныя разсказы, письма, анекдоты, стихотворенія и пр. Стр. 302.
5. Записка Польскаго епископа *Буткевича* (Переводъ съ Польской рукописи). Князь Паскевичъ и графъ Лубенскій.—Разговоръ съ императоромъ Николаемъ.—Повѣдка въ Римъ.—Разговоры съ впапою Пиемъ IX.—Монсеньоръ Ферради.—Записка о Польской церкви.—Чествованіе.—Варшавская Духовная Академія.—Папскій нунцій въ Москвѣ.—Воскресенцы.—Августовское епископство и пр.) Стр. 321.
6. Андрей Николаевичъ Муравьевъ. Замѣтки о немъ генерала *Сулимы* и *Н. В. Пугачева*. Стр. 353.
7. Письмо *Блинскаго* къ пріятелю его *И. П. Х.* Стр. 359.
8. Содержаніе умалишенныхъ при Екатеринѣ Первой. Стр. 360.

(См. на оборотѣ; о Русскомъ Архивѣ прежнихъ годовъ).

МОСКВА.

ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП., У ВРЕЧЕСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВЫЙ.

1876.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Джамеля, можно получать слѣдующія книги Русскаго Архива прежнихъ годовъ.

Главнѣйшія статьи въ нихъ здѣсь исчисляются.

1872 ГОДЪ. *Книга первая.* (Воспоминанія *Θ. П. Лубяновскаго.*—Записка графа Нессельрода о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира.—Мининъ и Пожарскій, статьи *И. Е. Забѣлина.*—Воспоминанія *А. Н. Аванасьева.*—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и пр.). Цѣна **4** рубля.

1872 ГОДЪ. *Книга вторая* (Воспоминанія графини *А. Д. Блудовой.*—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ.—Письма Поздѣева.—Письма графа *С. Р. Воронцова* къ графу *Θ. В. Ростопчину.*—Выдержки изъ Старой Записной Книжки.—Письма *М. А. Волковой* къ *В. И. Ланской*, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за десять лѣтъ и пр.). Цѣна **3** рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга первая* (Биографія князя *Г. Г. Орлова.*—Письма о Франціи, князя *Куракина*, 1810 г.—Письма *Жуковскаго* о воспитаніи Государя Императора *Александра Николаевича.*—Письмо жениха-Пушкина къ его тещѣ.—Политическія записки *Θ. И. Тютчева.*—Записки графа *П. X. Граббе.*—Записки *Н. И. Греча.*—Записки графа *Г. П. Ростовцева.*—Записки *И. П. Сахарова.*—Записки *И. А. Шестакова*). Цѣна **4** рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга вторая* (Записки *Фокерода* о Петрѣ Великомъ.—Бумаги *П. А. Демидова.*—*Е. И. Нелядова.*—Донесенія изъ Франціи графа *А. И. Маркова.*—Записки о 1812 годѣ, *П. А. Тучкова.*—Записки *Фотія.*—Записки *А. Я. Стороженки.*—Воспоминанія графини *А. Д. Блудовой.*—Россія и Германія, статья *Θ. И. Тютчева.*—Замѣчанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя *Константина Николаевича* на сочиненіе г-на *Берга* о Польскихъ заговорахъ.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки). Цѣна **4** рубля.

1874 ГОДЪ. *Книга первая.* Осьмнадцать писемъ *В. А. Жуковскаго* къ Императрицѣ *Александрѣ Ѳеодоровнѣ* (1826—1839) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора *Александра Николаевича.*—

(См. на слѣд. страницѣ обертки).

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О СНОШЕНІЯХЪ РОССІИ СЪ ЧЕРНОГОРІЕЮ.

Въ видѣ тѣхъ событій, которыя нынѣ происходятъ въ Черногоріи, Герцеговинѣ и Босніи, нижеслѣдующія бумаги, извлеченныя изъ подлинныхъ дѣлъ, должны обратить на себя вниманіе просвѣщенныхъ любителей историческаго чтенія. Наши отношенія къ Черногорцамъ, со временъ Петра I до Екатерины II-й, были для послѣднихъ на столько благопріятны, что знаменитая Черная Гора желала даже Русскаго подданства. Правительство наше нашло это неудобнымъ по отдаленности земли Черногорской. Екатерина II отнеслась къ народу Черногорскому менѣе благоклонно потому, что Черногорцы приняли у себя и оказывали приверженность одному злонамѣренному проходимцу, дѣйствовавшему подъ именемъ Петра Третьяго. Государыня такъ прогнѣвалась, что не приняла ни прошеній Черногорскаго народа, ни самихъ Черногорскихъ посланцевъ, пріѣзжавшихъ нарочно въ Петербургъ. Они обратились къ ходатайству князя Потемкина и впоследствии, благодаря вліянію князя Потемкина и другихъ лицъ, сочувствовавшихъ Черногорцамъ и вообще Славянскимъ единовѣрнымъ племенамъ, сношенія наши съ Черногоріею и православными племенами, страдающими подъ Турецкимъ игомъ, значительно улучшились. И въ настоящее время, въ вѣковой борьбѣ Христіанъ съ Магометанами, Россія болѣе всѣхъ Европейскихъ державъ принимаетъ нравственнаго участія.

Григорій Александровъ.

29 Марта 1876 г.
Москва.

I.

Просьба Черногорцевъ къ императрицѣ Екатеринѣ II.

Августѣйшая Монархиня, всемилостивѣйшая Государыня.

Черногорскій народъ, чрезъ отправленныхъ къ высочайшему в. и. в. двору начальника и губернатора своего Ивана Радонича, сердаря Ивана Петровича и архимандрита Петра Петровича, въ лицѣ всего народа, падаетъ къ стопамъ в. и. в-а, яко препрославленной въ свѣтѣ великой Государынѣ, правосудной Монархинѣ, и всеподданнѣйше проситъ в. и. в. матерняго милосердія и высокомонаршаго покровительства, и о невинности своей, какъ ниже слѣдуетъ, доносить.

Дѣдъ в. и. в., блаженный и вѣчностойный памяти государь императоръ Петръ Великій, въ 1711 году, удостоилъ нашъ народъ высокомонаршими своими грамотами, приглашая оными, по случаю бывшей тогда съ Турками войны, взять оружіе и обще дѣйствовать противъ общаго врага вѣры Христіанской и Россійской имперіи; и отцы наши, по еди-

новѣрїю, и язычію, и усердію къ Россійскому благочестивому престолу, таковыя грамоты отъ толь великаго во царѣхъ государя съ неописанною радостію приняли и оружіемъ своимъ противъ того непріятеля воевали.

По заключеніи же мира подъ Прутомъ, въ 1712 году, Отоманская Порта отпратила тогда противъ нашего отечества сильное войско, для конечнаго разоренія и истребленія онаго, въ чемъ ей вѣроломнымъ образомъ и удалось святыя церкви, монастыри и дома наши пожечь, разорить и множество народа порубить и въ плѣнъ увести. Турки жъ, потомъ, и въ прошлыхъ 1714, 1715, 1716, 1727, 1731, 1739 и 1768 годахъ, хотя и неоднократно со многочисленными войсками приходили и старались всякими способами лишить насъ вольности и привести въ подданство; однако, помощію Божіею, всегда разбиты на голову и со стыдомъ отъ нашихъ границъ прогнаны были. О чемъ свидѣтельствуесть великій монархъ жалованною намъ, въ 1715 году, грамотою.

Изъ вышеизложеннаго довольно явствуесть, что нашъ народъ отъ толь давнихъ временъ и понынѣ претерпѣваетъ толикія бѣдствія и гоненія единственно за нашу преданность и непоколебимую къ Россійскому в. и. в. престолу вѣрность не отъ однихъ Турокъ, но и отъ прочихъ ненавистниковъ и недоброжелателей Россіи.

Напослѣдокъ, когда Отоманская Порта, въ 1768 году, неправедную войну в-му и-му в-ву объявила, и въ то время увѣдомились мы, что в-го и-го в-ва уполномоченный генераль графъ Орловъ въ Венецію прибылъ и оттуда въ Тоскану, откуда нарочнаго прислалъ къ намъ капитана Пламенца со вторымъ извѣстіемъ о семъ важномъ случаѣ. Мы же, по всегдашнему усердію и вѣрности къ в-му и-му в-ву, вышеозначеннаго графа Орлова не умедлили, чрезъ того же капитана Пламенца, о нашемъ истинномъ усердіи, ревности, состояніи и возможности подробно обо всемъ письменно увѣдомить, что съ нашей стороны, при помощи императорской, учинена быть можетъ такая диверсія, которою войска Бошняцкое, Герцеговатское и Албанское удержатся, чтобъ противъ главной в-го и-го в-ва арміи не могли дѣйствовать.

И по сему представленію, въ 1769 году, Августа мѣсяца, прибылъ къ намъ съ грамотою в-го и-го в-ва генераль-маіоръ князь Долгоруковъ, который принять отъ насъ съ неописанною радостію и возможною честію. И по прочтеніи грамоты, въ тожъ время весь народъ въ вѣрности в-му и-му в-ву съ великою радостію торжественно присягнулъ и означенному князю Долгорукову, яко особъ отъ в-го и-го в-ства присланной, главную команду поручилъ, съ такою надеждою, что подъ покровительствомъ благополучнаго царствованія в-го и-го в-ва избавимся отъ всегдашнихъ Турецкихъ нападеніевъ; и что отъ онаго варвара наши земли и города, неправедно похищенные, паки отберутся и во владѣніе намъ возвратятся.

Но уповаемая наша радость и надежда вдругъ исчезла и обратилась въ неожиданную нашу печаль: ибо, по прошествіи болѣе двухъ мѣсяцевъ въ Черной Горѣ князя Долгорукова пребыванія, невѣдомо для какой причины такимъ образомъ, къ немалому нашему удивленію и прискорбію, отъ насъ ретировался; и по пріѣздѣ его въ Пизу, увѣдомились мы, что оной князь Долгоруковъ у генерала графа Орлова насъ оклеветалъ, якобы Черногорцы измѣнили и что хотѣли его Туркамъ выдать,—въ нашемъ отечествѣ неслыханный поступокъ, варварамъ однимъ только приличный, а не Христіанамъ, чего мы никакъ не надѣялись, чтобъ онъ, князь, за всѣ оказанныя ему отъ народа возможныя почести и благопріятства такъ могъ насъ обезславить и ложно обнести. О чемъ хотя отъ насъ и неодно-

кратно къ его сіятельству графу Орлову нарочные съ нашимъ оправданіемъ посланы были, что мы въ такомъ вѣроломномъ князя Долгорукова выдуманномъ дѣлѣ нималѣйшаго участія не имѣемъ; токмо безо всякаго удовольствія, съ однѣми обѣщаніями, остались. И еще, къ вѣщшему же несчастію нашему, не приняли мы предложеннаго намъ тогда отъ Турокъ весьма для насъ авантажнаго мира, полагаясь на обѣщаніяхъ и увѣреніяхъ часто упоминаемаго графа Орлова, яко особы уполномоченной отъ в-го и-го в-ва, съ тѣмъ, что и объ насъ статьи, при заключеніи съ Портою мира, съ большими выгодами, въ мирной трактатѣ внесутся. Почему и начали на непріятельскія Турецкія области нападать и военною рукою дѣйствовать, и сдѣлали такую диверсію, что по большей части всѣ войска Бошняцкія, Герцеговатскія и Албанскія удержали и противъ себя обратили, не смотря на то, что отъ Порты къ нимъ, для походу и соединенія верховнаго взира съ главною арміею, многіе ферманы посланы были. Однако они противъ главной арміи в-го и-го в-ва не пошли, отговариваясь тѣмъ, что-де у насъ непріятель при дверяхъ стоитъ, чѣмъ и доказывается, что мы не такіе вѣроломцы и измѣнники, какъ насъ в-му и-му в-ву описали, о чемъ всей Европѣ безвѣзвѣстно и что самъ князь Долгоруковъ и прочіе бывшіе съ нимъ могутъ засвидѣтельствовать.

Того ради къ стопамъ вашего императорскаго величества, яко правосудной Монархини и всемилостивѣйшей матери, припадаемъ и работливо просимъ, за службу и вѣрность нашу и предковъ нашихъ, не оставитъ насъ на жертву и поруганіе врагамъ нашимъ, и сіе наше приложенное, по секрету, рабское, всенижайшее изъясненіе принять и по оному на насъ бѣдныхъ и вашего императорскаго величества вѣрныхъ рабовъ высокомонаршія щедроты и милость изліати.

Вашего императорскаго величества, всеподданнѣйшіе рабы

Подлинное прошеніе подписали:

Иванъ Родоничъ, Черногорскій губернаторъ; Иванъ Петровичъ, Черногорскій сердарь, Петръ Петровичъ, архимандритъ Черногорскій.

Іюля 28
1778.

II.

Изъясненіе, на высочайшую ея императорскаго величества апробацію, отъ отправленныхъ отъ Черногорскаго народа начальника губернатора Ивана Родонича, сердаря Ивана Петровича и архимандрита Петра Петровича.

1-е) Живущій нынѣ подъ владѣніемъ Цесарскимъ, Турецкимъ и Венеціанскимъ Славеносербскій народъ суть точные потомки вышедшаго изъ Сѣвера государя Всевида, со многочисленнымъ войскомъ, подъ предводительствомъ трехъ его сыновей: Тотія, Бруса и Остроила. По завоеваніи древняго Илирика, въ 495 году по Рождествѣ Христовѣ, основалъ царство Славено-Сербское, стоящее 876 лѣтъ. И по завоеваніи Турками Греческой имперіи и по смерти славнаго въ исторіи Георгія Скендерберга, по несчастію, пришло подъ иго Турецкое, Цесарское и Венеціанское, кромѣ Черной Горы, которая 317 лѣтъ какъ отъ Турокъ, такъ и отъ прочихъ непріятелей вольность свою и понынѣ храбро защищаетъ.

2-е) Народъ Славеносербскій, живущій подъ владѣніемъ Цесарскимъ и Венеціанскимъ, прикрывающій границы ихъ отъ Турокъ, состоитъ по

большей части изъ регулярнаго войска, коего болѣе 200.000 наберется, ежели только по одному человѣку съ cadaго двора взять, которой, на прежде бывшихъ у цесаря съ Турками и прочими Европейскими державами войнахъ, свою храбростію, вѣрностію и отмінными заслугами довольно прославился, о чемъ всей Европѣ извѣстно.

3-е) Будучи нашъ народъ, находящійся подъ разными державами, немало огорченъ ихъ поступками, весьма нужно для Россійскаго интереса, имѣть въ нашихъ странахъ сильную партію, которая бы во всякое время (могла) дѣлать знатную диверсію и какъ Турецкіе, такъ и другихъ недоброжелательныхъ и завистливыхъ дворовъ противные Россійскому интересу замыслы и предпріятія опровергнуть могла.

4-е) Но какъ всѣ вышепомянутые народы съ Черною Горю сухимъ путемъ и Адриатическимъ моремъ комуникацію имѣть могутъ, то безо всякаго сумнѣнія, въ случаѣ войны съ Турками, обще съ Черногорцами, коихъ болѣе 60.000 человѣкъ, для своего избавленія согласились оружіе воспріять и противъ непріятелей Россіи дѣйствовать не отреклись, которые изъ давнихъ лѣтъ желаютъ изъ-подъ ига Турецкаго избавиться и прежнюю свою вольность и предковъ своихъ похищенные земли получить, чтó и въ послѣднюю войну видимо было.

5-е) Но сего великаго дѣла, какъ для Россійскаго интереса весьма нужнаго, такъ и для избавленія толикаго множества единовѣрнаго Христіанскаго народа изъ-подъ ига варварскаго, готоваго во всякое время изъ усердія и ревности для в-го и-го в-ва и Всероссійскаго престола кровь свою проливать, безъ помощи Великія Екатерины, также и для утверженія ихъ вольности въ иномъ мѣстѣ, начать и въ дѣйство способіе произвести не можно, кромѣ Черной Горы, яко для сего предпріятія мѣста весьма способнаго и безопаснаго, которая отъ природы укрѣплена и съ вышепомянутыми народами водою и сухимъ путемъ можетъ имѣть комуникацію, какъ выше помянуто, о чемъ небезъизвѣстно.

6-е) Уже 317 лѣтъ минуло, какъ Славеносербской и Греческой народы, по разрушеніи ихъ государствъ, Туркамъ и папѣжцамъ въ тяжкую неволю и рабство пришли, отъ которыхъ несносныя разоренія, гоненія и притѣсненія, въ отправленія по нашему закону службы Божіей препятствія и иныя несказанныя озлобленія и понынѣ претерпѣваетъ; отъ чего народъ, духовенство и всѣ знатныя племена въ крайнее невѣжество и сожалѣнія достойное убожество пришли. И по прошествіи столь многихъ лѣтъ, ниже кто помышлялъ о избавленіи сего народа даже до временъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Великаго, который довольно предвидѣлъ, какая важность и польза Россіи отъ того впредь быть можетъ, когда Славяносербскому народу прежняя вольность и похищенные ихъ наслѣдственныя земли отъ Турковъ отберутся.

7-е) Для сего важнаго предмета выбрана была отъ сего великаго монарха Черная Гора, яко мѣсто для исполненія его намѣренія весьма способное, въ чемъ ему блаженныя и вѣчно достойныя памяти государыни императрица Елисавета Петровна послѣдовала и высочайше указать соизволила, въ 1757 году, учредить комисію и способныхъ людей послать въ Черную Гору, для учрежденія тамъ правительства, разныхъ нужныхъ училищъ и регулярныхъ полковъ, также типографіи, литейнаго и монетнаго дворовъ. На содержаніе тамъ людямъ учителей и на прочія надобности опредѣлена была ежегодно сумма, состоящая въ 150.000 рублей, впредь до разсмотрѣнія. Но по воли Божіей и великому всего нашего народа несчастію, сіе важное и Богу угодное дѣло въ дѣйствіе произвести смерть ей воспрепятствовала.

8-е) Напослѣдокъ, всемогущій и милосердный Богъ, призря на наше бѣдственное состояніе, вознесъ на императорскій Всероссійскій престолъ великую въ свѣтѣ Монархію и предоставилъ вашему императорскому величеству могущею десницею изъ челюстей варварскихъ несправедливо похищенное и растерзанное Турками и папешцами царство Сербское исторгнуть и толикое множество единовѣрнаго и единопзычнаго народа Христіанскаго изъ подъ ига вѣроломныхъ Агарянъ освободить и оному наслѣдственнымъ предковъ ихъ земли и вольность возвратить. И такимъ образомъ, когда вашего императорскаго величества высочайшее благоволеніе будетъ, какъ въ вышеописанныхъ пунктахъ гласитъ, блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Великаго и государыни императрицы Елисаветы Петровны намѣреніе ихъ въ дѣйствіе произвести, тогда-то, подъ высочайшимъ вашего императорскаго величества покровительствомъ, падшее Сербское царство вновь утвердится, и Россія, и безъ того довольно прославленная, враговъ своихъ въ должномъ respectѣ содержать будетъ.

За что мы и потомки наши, вѣрные и всеподданнѣйшіе рабы, съ благодареніемъ всевышнему Творцу о дражайшемъ вашего императорскаго величества многолѣтнемъ здоровіи и императорской фамиліи, со слезами и сокрушеннымъ сердцемъ, наполненнымъ радости и веселія, теплыя молитвы приносить будемъ, прославляюще и возвѣщающе всѣмъ народамъ блаженство и избавленіе наше въ нынѣшніе и впредъ будущіе вѣки вѣковъ.

III.

Общественный приговоръ Черногорскаго народа.

Во славу Святой и нераздѣльной Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Мы, общество Черногорское, собравныя на обычномъ мѣстѣ Цетинѣ, сердари, воеводы и князья и прочіе поглаваріи, разсуждающе наше состояніе и утѣшенія, призываемъ въ помощь всеильнаго Бога и избираемъ и опредѣляемъ изъ первѣйшихъ фамилій, господина нашего губернатора Іоанна Радонича, да господина сердаря Ивана Петровича, а изъ духовныхъ господина архимандрита Петра Петровича; и даемъ имъ полномочіе, чтобы предстали высочайшему Всероссійскому двору; и что вышепомянутые господа представятъ, то мы, все общество, представляемъ; на какія кондиціи они подпишутся, и мы подписуемся, и на каковое утвержденіе они заключатъ, такъ и мы, общество, заключаемъ; каковое ихъ прошеніе будетъ, тако и мы, общество, просимъ, по заклѣтвѣ на крестѣ и святомъ Евангеліи; въ чемъ и обычный нашъ гербъ Черногорскаго общества прилагаемъ. Дано въ Черной Горѣ, въ Цетинѣ, въ лѣто 1778 года Марта 13 числа. Подписалъ: Смиранный митрополитъ Савва Петровичъ.

(Мѣсто двухъ сургучныхъ печатей, на коихъ изображенія отъ времени изгладились).

IV.

Краткая выписка о Черногорскомъ народѣ.

Въ 1711-го году, по случаю бывшей у Россіи съ Турками войны, грамотами его величества государя императора Петра Великаго, призыванъ

былъ къ принятію противъ Турокъ оружія Монтенегринской или Черногорской народъ, который по тому и дѣйствительно непріятельскія дѣйствія противу оныхъ производилъ. А въ 1715-мъ году, пріѣзжавшій въ С.Петербургъ Черногорскій митрополитъ Даниилъ представлялъ, что Турки великія Черногорскому народу приключили раззореніе и грабительства за вышеупомянутую учиненную имъ Россійскому двору, во время войны, диверсію и просилъ о денежномъ сему народу за то награжденіи и о пожалованіи на возобновленіе, Турками жъ разграбленныхъ, православныхъ церквей. Вслѣдствіе чего и посланы съ нимъ отсюда были церковные сосуды, книги и архіерейскія и священническія одежды, для тамошнихъ неимущихъ церквей и монастырей, при чемъ и на возобновленіе оныхъ немалое число денегъ отправлено, да на раздачу тамошнимъ начальникамъ и народу, также и одному митрополиту съ его свитою, знатная сумма пожалована, простирающаяся всего деньгами слишкомъ до 20.000 рублей, о чемъ въ подробности означено въ приложенной при семъ росписи о учиненныхъ отсюда въ разныя времена Черногорцамъ дачахъ. При отъѣздѣ онаго митрополита отсюда вручена ему была къ Черногорскому народу грамота его императорскаго величества, въ которой изъяснена была здѣшняя благодарность за ихъ помощь съ выхваленіемъ при томъ онаго народа и съ обнадеживаніемъ о вѣщемъ впредь награжденіи за ту ихъ вѣрную службу.

Въ 1743-мъ году, прибывшій сюда Черногорскій же митрополитъ Савва представлялъ о недостаткахъ и бѣдности народа Черногорскаго, объявляя о вышепомянутыхъ посланныхъ въ Черную Гору съ митрополитомъ Данииломъ деньгахъ, что не токмо оныя, но и немалое число собственныхъ своихъ денегъ, они употребить принуждены были на необходимыя общенародныя нужды и на возобновленіе церквей, также и на искупленіе отъ Турокъ нѣкоторыхъ ихъ знатнѣйшихъ людей, для исправленія чего всего она по необходимости заняли еще 6000 червонныхъ. Посему оный митрополитъ просилъ, чтобъ для заплаты того долгу и на возобновленіе еще нѣкоторыхъ оскудѣвшихъ церквей и монастырей, учинено было отсюда какое либо денежное вспоможеніе и при томъ пожалованы архіерейскія и священническія одежды и книги, въ чемъ во всемъ оный митрополитъ былъ удовольствованъ, и тогдашняя здѣшняя дача простиралась слишкомъ до 5000 р.

Черезъ десять лѣтъ потомъ, въ 1753-мъ году, былъ въ Москвѣ третій Черногорскій архіерей Василій, котораго представленія состояли въ томъ, чтобъ отсюда имъ вспомоствовано было завести у нихъ Славянскія школы, ихъ обществу пожаловано милостивое награжденіе, они Черногорцы были отъ Турокъ защищены и рекомендованы Римско-императорскому двору и республикѣ Венеціанской, чтобъ они добротство къ Черногорскому народу при случаяхъ оказывали и чрезъ свои области свободный пропускъ оному позволяли; также если угодно здѣсь окажется, то онъ митрополитъ представляется съ своими вельможами совѣтывать о выѣздѣ ихъ съ фамиліями въ Россію, заключа все то прошеніемъ о снабденіи церквей ихъ книгами и о выдачѣ опредѣленной въ ихъ Цетинской монастырь милостыни, да о пожалованіи матеріи на одѣяніе церковное и на платье митрополиту Саввѣ, да архіерейской мантіи и посоха; а ему, архіерею Василю, полного архіерейскаго облаченія; да священнику и дьякону рязъ и стихаря. Почему въ 1754-мъ году, въ награжденіе обществу Черногорскому и на возобновленіе церквей, также и ему архіерею съ свитою, пожаловано всего деньгами 8000 рублей и требуемое имъ платье и книги; да изъ особливою ея императорскаго величества милости ему

архіерею панагія. Съ нимъ же отправлено ея императорскаго величества грамота къ Черногорскому обществу, въ которой объ ономъ пожалованіи изъяснено, и они снабжены дальнѣйшею высочайшею милостію, съ пристойнымъ увѣщаніемъ о продолженіи и впредъ ихъ усердія и преданности къ здѣшной имперіи.

А на представленіи онаго архіерея въ резолюцію ему объявлено: что прошеніе его о заведеніи школъ оставляется до того, пока отъ нихъ же самихъ объясненія получены будутъ, сколько на такое заведеніе потребно иждивенія, гдѣ именно и какимъ образомъ они тамъ содержатся быть могли бѣ; что въ пользу Черногорскаго народа при Портѣ Оттоманской, чтобъ отъ оной противу онаго непріятельскихъ дѣйствъ чинимо не было, не оставится при надежномъ случаѣ сдѣлать заступленіи; что обѣщанная имъ архіереемъ готовность совѣтывать съ начальниками своими о выѣздѣ ихъ съ семействами въ Россію, здѣсь благопріемлется, и поручается то его старанію. Въ той же запискѣ ему архіерею еще знать дано, что ея императорское величество соизволяетъ народу Черногорскому такое снабженіе подавать, что когда оказана будетъ впредъ отъ сего народа здѣшной имперіи въ воинскихъ дѣйствахъ какая заслуга, тогда они и погодною пенсію награждены будутъ, а выѣзжающіе сюда снабдены высочайшею милостію.

На представленіе же его архіерея, дабы Черногорской народъ, при опредѣленіи оному повсегодно на воинское содержаніе какой либо суммы денегъ, снабденъ былъ грамотою въ такой силѣ, что оный Черногорской принципатъ никому не подвластенъ, какъ токмо Россійскому двору и чтобъ сей принципатъ въ титулѣ ея императорскаго величества включенъ былъ, въ резолюцію сообщено ему было, что обождено здѣсь будетъ формальное сего народа прошеніе, на какомъ основаніи онъ подвластнымъ быть хочетъ.

Самый сей архіерей Василій, въ 1758-мъ году, въ другой разъ сюда пріѣзжалъ съ тамошнимъ губернаторомъ Радоничемъ, кой здѣсь и умеръ и съ тремя его начальниками, которые всеобще разныя представленія учинили, изъ которыхъ главнѣйшія (не упоминая уже о другихъ, ничего не заслуживающихъ), были слѣдующія: 1-е) чтобъ Черногорской народъ принятъ былъ въ здѣшнее подданство, 2-е) чтобъ изъ вышедшихъ Черногорцевъ учрежденъ былъ здѣсь полкъ и названъ Черногорскимъ и 3-е) чтобъ для учрежденія въ Черногорскомъ народѣ добраго порядка, опредѣленъ былъ ежегодный пенсіонъ до 15000 рублей; также чтобъ для пребыванія въ ихъ резиденціи кто либо отсюда отправленъ былъ. На сіе имъ въ резолюцію объявлено было, прочтеніемъ записки въ домѣ вице-канцлерскомъ, 15-го Іюня онаго 1758 года. На 1-е), что усердіе народа ихъ вступить въ здѣшнее подданство заслуживаетъ оному всегдашнее ея императорскаго величества благоволеніе и милость, но по близости окружающихъ ихъ непріятелей и по отдаленіи имперіи здѣшной, оставляется то до лучшихъ временъ. На 2-е), что когда довольное число Черногорцевъ выйдетъ, тогда полкъ составится и Черногорскимъ названъ будетъ. На 3-е), что требуемый пенсіонъ опредѣленъ и отправленъ будетъ съ нарочною особою, а кого либо туда для пребыванія послать нынѣшнія обстоятельства совсѣмъ не дозволяютъ. Въ прочихъ же ихъ требованіяхъ они также удовольствованы были и именно опредѣленіемъ вывезенныхъ ими сюда изъ Черныхъ Горъ малолѣтнихъ дворянскихъ дѣтей въ кадетскій корпусъ, выдачею опредѣленной въ Цетинской монастырь милостыни и дачею ризницы съ архіерейскимъ убранствомъ и книгами церковными. За все вышепомянутое хотя изъявляли они свою благодарность, но при

томъ не оставили однакожь отозваться еще, да и со слезами, что какъ главною прїѣзда ихъ сюда причиною было, дабы испросить потребное снабденіе къ содержанію въ ихъ отечествѣ до трехъ полковъ изъ тамошнихъ народовъ, для защиты отъ нападенія Турецкаго совсѣмъ необходимымъ: то они теперь принуждены объявить, что инако ихъ Черногорскій народъ конечно со временемъ пропадетъ и сдѣлается подданнымъ Турецкимъ, а при томъ и отъ христіанства отступитъ; на содержаніе же тѣхъ полковъ, по ихъ объявленію, потребно въ каждый годъ по крайней мѣрѣ до 100,000 р.

При отъѣздѣ оныхъ архіерея и трехъ начальниковъ, изъ высочайшей милости, пожалованы какъ для общества Черногорскаго и въ Цетинской монастырь, такъ и имъ съ свитою портретами и деньгами всего напри- мѣръ тысячъ до 7-ми рублевъ.

А обѣщанный пенсіонъ 15000 руб. отправленъ на одинъ только годъ, съ совѣтникомъ Пучковымъ, при грамотѣ, за подписаніемъ вице-канцлерскимъ, и предписано было ему Пучкову, по прїѣздѣ въ Черную Гору, тамошнихъ начальниковъ словесно обнадежить, что если усмотрится, что Черногорскій народъ старанія приложить, учрежденіемъ между собою порядка и согласія, а паче снабденіемъ себя воинскими орудіями, введеніемъ регулярства и доброй дисциплины, удостоится сей ея императорскаго величества милости, то показанный пенсіонъ и впредь имъ ежегодно производимъ будетъ.

Архіерей Василій просилъ о утвержденіи того пенсіона ежегодно привилегію и о опредѣленіи еще особливо пенсіи, по 1000 рублевъ ему, архіерею Василю съ другимъ архіереемъ же Черногорскимъ Саввою; на что объявлено ему было, что на представленіе его архіерея объ опредѣленіи пенсіона Черногорскому обществу ея императорское величество снисходя, повелѣла по вышепомянутому на первый случай отправить туда съ совѣтникомъ Пучковымъ, при императорской своей грамотѣ, 15000 рублевъ; и чтобъ онъ архіерей, побуждая тамошнее общество къ ревности къ здѣшней имперіи, отнюдь не разглашалъ о сей милости. О семъ изъ Колегіи Сенату сообщено было со мнѣніемъ, что требуемая онымъ архіереемъ о пенсіонѣ привилегія не можетъ быть полезна для интересовъ здѣшнихъ, потому что оною здѣшній дворъ на всегда бѣ себя обязалъ тотъ пенсіонъ производить и въ такое время, когда бы въ Черногорцахъ никакой нужды для государства здѣшняго не усмотрѣлось, въ чемъ съ Колегіею Сенатъ согласился.

Вышепомянутыя же пенсіонныя деньги и грамоту совѣтнику Пучкову повелѣно было, по прїѣздѣ въ Черную Гору, вручить первенствующему тамъ митрополиту Саввѣ, въ присутствіи нѣкоторыхъ изъ свѣтскихъ начальниковъ Черногорскихъ, а при томъ развѣдать о прямомъ состояніи тамошняго народа, о его къ Россіи усердіи и можетъ ли оный полезнымъ быть для здѣшней имперіи, также доходило къ тому народу отправляемое отсюда съ ихъ архіереями жалованье.

Оный Пучковъ, въ 1760-мъ году, по возвращеніи уже своемъ оттуда въ Россію, привезъ отъ архіереевъ и общества Черногорскаго благодарительныя за оказанную къ нимъ милость письма, въ коихъ усугубленно они просили о пожалованіи ризницы и на возобновленіе раззоренной въ Цетинѣ церкви, также и о учрежденіи имъ двумъ архіереямъ ежегодной по 1000 р. пенсіи и о утвержденіи оной грамотою. О тамошнихъ-же обстоятельствахъ онъ, Пучковъ, слѣдующее въ Колегію рапортомъ представлялъ: что Черногорцы находятся въ крайнемъ безпорядкѣ, не имѣютъ нивакихъ между со-

бою добрыхъ учреждений, законовъ и обычаевъ, живутъ въ междоусобіи и враждѣ, къ властямъ своимъ не имѣютъ послушанія; а власти не пекутся о ихъ пользѣ, но только о собственной ихъ корысти, какъ то особливо архіерей Василій старался, и въ тогдашній пріѣздъ его Пучкова, присланныя деньги чрезъ всевозможно употребленные имъ хитрости и обманы въ свои руки отъ него выманить, и для показанія своего мнимаго кредита въ Черной Горѣ онъ, архіерей, по прибытіи своемъ туда, помянутому Пучкову приводя представляя одну токмо подлость, называвъ живо инаго княземъ, инаго бояриномъ, а инаго боярскимъ сыномъ.

О усердіи къ Россіи нашель онъ, Пучковъ, что начальники Черногорскіе мало что или ничего о Россіи не толковали; послыанные же отсюда награжденія по малымъ рукамъ между родственниками ихъ расходились; да и послѣдніе пріѣхавшіе тогда изъ Россіи начальники ихъ тожь учивши, раздѣли между роднею своею пожалованные 1000 жетоновъ; а преосвященному Саввѣ одну только грамоту отдали, о которой народъ нимало не слыхалъ. Правосудія и правъ въ Черной Горѣ нималѣйше не знаютъ, ибо каждый между ими дому и фамиліи своей высшій судья и властелинъ, и въ случающихся ссорахъ управляютъ собою поединками и другъ друга рѣжутъ или застрѣливаютъ, а потомъ убѣгаютъ въ другія провинціи; сильныя же фамиліи утѣсняють немощныхъ; почему, если убійца своею фамиліею человекъ людной, то и во своясяхъ живетъ спокойно; а потомъ помощію денегъ мирятся. Мировщики же между ими бываютъ ихъ архіерей съ прочими, которые и сами при такихъ случаяхъ пользоваться не оставляють, а иногда между воюющими и огонь раздувать не откажутся. Впрочемъ Черногорцы генерально весьма непостоянны, къ грабѣжамъ склонны и самовольствомъ наполнены, даже до того, что и по выѣздѣ ихъ изъ своего отечества, въ чужомъ государствѣ, они при первомъ случаѣ возмущеніе сдѣлать готовы; въ явное доказательство чему припомнить токмо можно учиненные въ Москвѣ, въ 1758-мъ году, непорядки и озорничества отъ находившихся тамъ Черногорскихъ выходцевъ, назначенныхъ къ распредѣленію по разнымъ здѣшнимъ полкамъ. Между прочимъ сіи Черногорцы, прибѣжавъ ко двору дворянина Демидова, били изъ собравшагося народа многихъ саблями и нѣкоторыхъ поранили, а въ домѣ его Демидова въ окнахъ стекла перебили; до резолюціи же бывшаго тогда ихъ здѣсь архіерея Василія, не хотѣли брать мундира, аммуниціи и лошадей, также и присяги безъ воли его архіерея не чинили; да и жалованья, за обыкновеннымъ вычетомъ на мундиръ, не брали; а просили о выдачѣ имъ полнаго, объявляя, что ежели чрезъ трое сутокъ удовольствованы жалованьемъ не будутъ, то съѣстные припасы безъ денегъ брать стануть и пойдутъ всѣ изъ Москвы, куда вздумаютъ. Отъ сихъ наглостей и своевольствъ они съ нуждою воздержаны были и не инако, какъ разосланіемъ оныхъ по малому числу въ разныя мѣста. Да и для увѣщеванія ихъ къ возвращенію къ ихъ должности, отсюда нарочно изъ Сената посланъ былъ бывший тогда здѣсь ихъ архіерей Василій. Начальники же Черногорскіе склонны къ сребролюбію и на ономъ утверждають свои поступки, такъ что всегда преклоняются и ищутъ протекціи у той державы, отъ которой больше денегъ получить надѣются.

Въ догматахъ вѣры сей народъ нимало не свѣдуещъ, но онуку исповѣдуеть въ единомъ крестообразномъ поклоненіи и содержаніи постовъ.

Со всѣмъ тѣмъ однакожь онъ, Пучковъ, замѣчаетъ, что оный народъ, правда, хотя и дикій, но добрымъ предводительствомъ и правоучительнымъ наставленіемъ можно изъ него со временемъ (хотя и съ трудомъ), нѣчто доброе сдѣлать, къ чему никто болѣе способствовать не можетъ, какъ ихъ

два архіерея, такъ называемые Черногорскіе повелители, съ тою токмо кондиціею, чтобъ архіерей Василій, отъ естества человѣкъ неспокойный, немиѣстно честолюбивый, сребролюбивый и возмутительный клеветникъ, между ими не былъ, который не только своевольнаго Черногорца своего, но и всякаго посторонняго человѣка, лицемѣрствомъ своимъ и для своей собственной пользы и мамоны, на свой нравъ обратить хочетъ. Архіерей Савва самъ и ихъ архидьяконъ, между многими о его архіерея Василя пакостяхъ разговорами, ему Пучкову сказывали, что когда-де онъ, въ 1757-мъ году, возмута Черногорцевъ своими манифестами противъ Турокъ, въ Россію ушелъ, то все такъ спокойно было, яко бы посреди самаго благочестія: миромъ, тишиною и согласіемъ пользовались. Сей же архіерей Савва съ старшиною у Венеціанскихъ въ сосѣдствѣ командующихъ генераловъ въ почтеніи находится.

По сказкамъ сего архіерея Саввы, и то на угадъ, въ Черногорской области церковей будетъ 600-тъ и монастырей 60-тъ; вооруженнаго же народа, считая сколько каждая нахія или провинція дать можетъ, по мнѣнію его, Пучкова, Черногорцы не болѣе поставитъ въ состояніи, какъ около 7500 человѣкъ.

Сверхъ того онъ, Пучковъ, съ подлинностію развѣдалъ, что всѣ Черногорскія провинціи Турецкіе подданные и ежегодную подать платятъ, о чемъ архіерей Василій, подъ проклятіемъ, народу запретилъ не сказывать ему Пучкову.

О семъ и резидентъ Обрѣсковъ, отъ 8-го Апрѣля 1760 года, представлялъ сюда, что Черногорцы безъ всякой надежды и притѣсенія согласились Туркамъ подать платить, принятіемъ на себя обязательства оплачивать 600 подушныхъ билетовъ 1800 левками; а чрезъ то, по Турецкому мнѣнію, и сдѣлались они Черногорцы подданными Порты, препровождая онъ Обрѣсковъ то своимъ мнѣніемъ, что, для избѣжанія быть могущихъ по сему дѣлу отъ нея Порты хлопотъ и претензій, не соблаговолено ли будетъ въ сношеніяхъ съ Черногорцами лучшую впередъ осторожность имѣть.

Въ 1762-мъ году, пріѣхалъ сюда изъ Черной Горы, подполковникъ Николай и маіоръ Иванъ Петровичи, подали за руками архіереевъ своихъ Саввы и Василя Петровичевъ же, разныя представленія, состоящія въ слѣдующихъ пунктахъ: 1-е) о позволеніи архіерею Василю пріѣхать сюда, 2-е) объ освобожденіи Черногорскаго общества отъ Турецкаго ига, и 3-е) о требованіи отсюда указа, какимъ образомъ поступать имъ съ Рагузіанами, ихъ Черногорскими непріятелями, за приносимыя Портѣ клеветы.

По поводу сего пріѣзда поднесенъ былъ, въ томъ же 1762-мъ году, ея императорскому величеству отъ Колегіи Иностранныхъ Дѣлъ экстрактъ, съ прописаніемъ состоянія Черногорскаго народа. И какъ по примѣчанію совѣтника Пучкова (которое подтверждалося и другими извѣстіями) оказалось, что доколѣ общество Черногорское на добромъ основаніи и въ порядокъ постановлено не будетъ, котораго по состоянію ихъ и установить трудно, въ ономъ народѣ никакой пользы для здѣшняго государства ожидать не можно, кромѣ излишнихъ хлопотъ и холодности съ Турецкимъ дворомъ и Венеціанскою республикою: то Колегія, находя невозможность въ помянутыхъ прошеніяхъ, какъ въ весьма неосновательныхъ и со многими неудобностями сопряженныхъ, удовольствоваться, разсудила обратнo ихъ, подполковника и маіора, въ Черную Гору отпривать съ письмомъ отъ канцлера къ Черногорскимъ архіереямъ, которое отъ ея императорскаго величества всевысочайше апробовано было. Въ ономъ пись-

мѣ, между прочимъ, упоминается, что ея императорскому величеству весьма бѣ пріятно было, чтобъ Черногорскій народъ пребылъ въ тишинѣ и покоѣ и никому бѣ подданнымъ Турецкимъ и другимъ сосѣдямъ своимъ не подавалъ повода къ враждѣ и ссорамъ, а старался бы о совершенномъ всего того пресѣченіи. Какъ же здѣсь весьма желательно было, чтобъ архіерей Василій сюда не пріѣзжалъ, то и совѣтовано ему было тѣмъ письмомъ дома остаться подъ претекстомъ нужнаго его въ своемъ отечествѣ пребыванія; а что въ случаѣ нужды до здѣшняго двора, они присылать сюда могутъ довѣренныхъ персонъ изъ своего Черногорскаго народа. При томъ письмѣ посланы были къ нимъ, архіереямъ Саввѣ и Василю, двѣ золотыя медали коронаціи ея императорскаго величества и сто золотыхъ жетоновъ. Помянутымъ же подполковнику и маіору, въ бытность ихъ здѣсь, по обыкновенію, изъ казны кормовыя деньги производимы были.

Въ 1765-мъ году, пріѣзжалъ сюда Черногорскій митрополитъ Василій Петровичъ въ третій разъ, съ поздравленіемъ отъ сотоварища его митрополита Саввы Петровича и отъ всего Черногорскаго общества, съ счастливымъ на Всероссійскій престолъ ея императорскаго величества восшествіемъ, а потомъ съ прошеніемъ на возобновленіе тамошнихъ ихъ церквей и на ихъ общество какого-либо отъ щедротъ ея величества пожалованія и о снабденіи его, архіерея, ризницею и шапкою съ священническимъ и дьяконскимъ облаченіемъ, а Черногорскаго народа новою ея императорскаго величества грамотою.

И какъ все потребное къ обратному онаго митрополита Василя отсюда отправленію изготовляемо было, то онъ между тѣмъ, въ 10 день Марта 1766 года, умре, а оставшаяся послѣ его свита, состоящая въ одномъ іеромонахѣ и одномъ дьяконѣ, отправлена отсюда обратно въ Черную Гору, въ препровожденіи одного оберъ-офицера. Съ ними отправлена грамота ея императорскаго величества ко всему Черногорскому обществу, которою увѣдомлены они о смерти онаго ихъ архіерея и что, въ знакъ высочайшаго ея императорскаго величества благоволенія, послано при томъ митрополиту Саввѣ назначенная покойному митрополиту Василю архіерейская одежда и шапка, которая по немъ, Саввѣ, вкладомъ положена быть имѣть въ тамошнюю митрополитанскую церковь, да определенной милостыни на три года 500 р., при чемъ обнадежены о непремѣнной всегда къ тому народу высочайшей ея императорскаго величества милости и благоволенія, и чтобъ главные начальники прилежное попеченіе прилагали всегда жить, какъ между собою, такъ и со всѣми ихъ окружающими сосѣдами, въ мирѣ, тишинѣ и совершенномъ согласіи и отъ всякихъ раздоровъ и ссоръ, сколько можно, уклонялись.

V.

Роспись о учиненныхъ въ разныя времена бывшимъ здѣсь Черногорскимъ архіереямъ и начальникамъ денежныхъ дачахъ и о разныхъ посыланныхъ въ Черную Гору отсюда денежныхъ и прочихъ награжденіяхъ.

Червонныя Руб. Коп.

Въ 1715 году, съ митрополитомъ Данииломъ послано:

Церковныя сосуды, книги, архіерейскія и священническія одежды, и сколько и на какую цѣну—неизвѣстно.

На раздачу въ Черной Горѣ начальникамъ и народу	1600	5000.
Да 160-тъ портретовъ въ	1000.	
На оплату его, митрополита, долговъ и на содержаніе церквей и монастырей ихъ		5000.
При отпускѣ его съ бывшими при немъ на провѣздъ и за здѣшнюю бытность дано		3400.
Да 11-тъ портретовъ во	112.	
Итого	2712.	13400.

Въ 1743-мъ году съ митрополитомъ Саввою послано:

Два саккоса патриаршихъ и архіерейская шапка; а въ какую цѣну—неизвѣстно.

Церковныхъ книгъ на 349 р. 81 к.

Въ награжденіе Черногорскому народу и на возобновленіе церквей. 3000.

Опредѣленной въ Цетинской монастырь милостынной дачи съ 1722 по 1743-й годъ отпущено 3500.

Ему же митрополиту на издержки въ пути, на содержаніе, кормовыхъ денегъ, прогоновъ на 12-тъ ямскихъ подводъ. 1907 р. 44 к.

Н. В. Квартиру имѣлъ онъ, митрополитъ, Савва, на Васильевскомъ островѣ наемную

Итого . . . 8757 р. 25 к.

Въ 1754-мъ году, съ архіереемъ Василиемъ послано:

Въ награжденіе Черногорцамъ и на возобновленіе церквей 5000.

Выдано ему, архіерею, на путевыя издержки, въ Цетинской монастырь милостыни съ 1743 по 1753 годъ, опредѣленныхъ кормовыхъ, на подводы и въ здѣшнюю бытность съ 12 Августа 1752 по 18-е Мая 1754 года и проч. 3243 р. 82¹/₄

На возвратный путь, съ обрѣтающимися при немъ 3000.

Кромѣ того ему пожалована украшенная камнями панегія и полное архіерейское облаченіе, цѣна коихъ неизвѣстна.

Н. В. Квартиру имѣлъ въ Знаменскомъ монастырѣ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, да двѣ лошади къ вѣздѣ.

Итого 11.243 р. 82¹/₄ к.

Въ 1758-мъ году, въ прѣвѣздъ его же архіерея Василія, съ нимъ послано и на него же съ бывшими при немъ здѣсь издержано съ путевыми расходами и подарками 7062 р. 93 к.

Двумъ бывшимъ при немъ даны золотыя медали, каждому въ 50 червонныхъ, и обоимъ 100.

Третьему же въ 35.

Да послано съ нимъ къ Черногорскому народу 1000 золотыхъ портретовъ или жетоновъ, цѣною примѣрно 1000.

Итого 1135 7062 р. 93 к.

Въ 1759-мъ году послано съ совѣтникомъ Пучковымъ въ Черную Гору пенсіона	15000.
На проѣздъ ему, Пучкову, дано.	1000.
Итого	16000.

Въ 1762-мъ году съ Черногорскими жъ подполковникомъ Николаемъ и маіоромъ Иваномъ Петровичами послано къ архіереямъ ихъ Саввѣ и Василю по одной золотой медали и 100 золотыхъ жетоновъ, цѣною всего примѣрно	200.
Въ здѣшнюю ихъ бытность на содержаніе и проѣздъ издержано	635
Итого	200. 635.

Всего по сей росписи, кромѣ церковныхъ книгъ, архіерейскаго облаченія и панагіи, въ Черную Гору отправлено. 4047. 57099 $\frac{1}{4}$

А съ оными червонными, полагая каждый въ 2 руб. 50 к., итого въ 10117 руб. 50 коп., составитя сумма въ 67216 $50\frac{1}{4}$

Въ послѣднюю бытность здѣсь Черногорскаго архіерея Василя, въ 1765-мъ году, давано ему на содержаніе по 2 руб. въ сутки, да квартира няната была для него по 30 руб. на мѣсяць.

А по смерти его, оставшіяся одному іеромонаху и одному іеродиакону, въ разсужденіи ихъ бѣдности, давано кормовыхъ денегъ по 50 рубл. на мѣсяць.

При отправленіи жъ ихъ отсюда выдано имъ на проѣздъ по 100 руб. каждому.

VI.

Записка для объявленія Черногорскому губернатору Ивану Радоничу, сердарю Ивану Петровичу и архимандриту Петру Петровичу.

Сколько съ одной стороны ея императорскому величеству угодны подаваемые нынѣ отъ Черногорскаго общества чрезъ господъ депутатовъ всеніяжайшія увѣренія о его привязанности и усердіи къ здѣшней имперіи, столько напротиву того не можетъ быть пріятно воспоминовеніе о томъ поведеніи, коимъ сіе общество помрачило въ послѣднее время чистоту и ясность оныхъ увѣреній.

Не правда ли, что общество Черногорское, или покрайней мѣрѣ самая большая часть его, при случаѣ войны нашей съ Портою Отоманскою, когда ему къ освобожденію своему изъ-подъ ига невѣрныхъ представляемъ былъ надежной и лучшій способъ, не только не соответствовало здѣшнему о пользѣ его попеченію, но паче въ буйствѣ и невѣжествѣ своемъ, примѣнясь къ нѣкому презрительному самозванцу и бродягѣ, всячески учинило себя недостойнымъ высочайшаго покровительства Государыни Императрицы?

Познаніе самихъ себя и естественнаго положенія земли ихъ, въ углу Турецкихъ владѣній, долженствуетъ непрестанно открывать Черногорцамъ, что состояніе ихъ всячески отъ нихъ взыскиваетъ сообразоваться во всякое время дѣламъ и обстоятельствамъ здѣшняго двора; а отнюдь не мечтать, чтобъ Россійскіе интересы могли располагаться быть по ихъ прихотямъ и временнымъ пользамъ,

II. Извлеченія изъ писемъ полномочнаго министра при Вѣнскомъ дворѣ князя Д. М. Голицына къ двоюродному его брату вице-канцлеру князю А. М. Голицыну.

(Переведено съ Французскихъ подлинниковъ).

1.

Въ Вѣнѣ, 25 Октября (5) Ноября 1768.

Имѣю честь увѣдомить ваше сіятельство, что господа графы Орловы со всею ихъ свитою прибыли вчера въ сей городъ въ совершенномъ здравіи. Не будучи предупрежденъ о днѣ ихъ прибытія, я не успѣлъ заранѣе принять надлежащія мѣры въ таможи, ни приготовить хорошее помѣщеніе; но сегодня я все сіе по возможности исправилъ.

Пожитки сихъ господъ выручены, и они покинутъ плохой постоялой дворъ, на который ихъ привезли. Я тѣмъ паче постараюсь сдѣлать для господъ графовъ пребываніе въ Вѣнѣ увеселительнымъ, что я обворожень знакомствомъ съ ними. Они оба весьма любезны и конечно привлекутъ къ себѣ уваженіе и любовь общества, куда бы они ни прѣхали.

Они сегодня обѣдаютъ у меня, въ посольствѣ, одни; а завтра я приглашу для нихъ знатнѣйшее дворянство, чтобы познакомить ихъ съ нимъ. Не рассчитывая на долгое ихъ пребываніе, я воспользуюсь каждымъ мгновеніемъ, чтобы представить имъ все заслуживающее вниманія; а на отъѣздъ ихъ въ Италію, куда они спѣшно направляются, я снабжу ихъ письмами ко всѣмъ моимъ пріятелямъ, и увѣренъ, что они чрезъ нихъ получатъ нѣкоторыя удобства.

2.

Въ Вѣнѣ, 5 (16) Ноября 1768.

На вторичномъ у меня свиданіи старшаго г. Острова съ г. Ванъ-Сви-тенемъ ¹⁾, сей послѣдній изложилъ свои разсужденія на письмѣ, и сущность ихъ я спѣшу сообщить вашему с-ву.

Ванъ-Свитенъ совѣтуетъ г. Острову провести всю зиму въ Пизѣ, чтобы пользоваться мягкимъ воздухомъ и купаньями въ семъ городѣ, которыя будутъ сопровождаться нѣкоторыми другими средствами. Консультація затѣмъ предписываетъ въ Іюнѣ будущаго года возвратиться въ Карлсбадъ и, послѣ надлежащаго тамъ пребыванія, окончить курсъ леченія на водахъ въ Спа или въ Пирмонтѣ.

Всѣ эти предписанія такъ основательны, что можно надѣяться для г. нашего соотечественника, при точномъ слѣдованіи врачебнымъ совѣтамъ, совершеннаго выздоровленія.

Отъѣздъ сихъ господъ въ Италію послѣдуетъ чрезъ нѣсколько дней.

Между прочимъ, я вознѣлъ старшаго въ оперу, которую одинъ изъ моихъ пріятелей велѣлъ исполнить въ своей деревнѣ и куда къ тому было собрано все здѣшнее знатнѣйшее дворянство. При семъ случаѣ я обращалъ его вниманіе на главнѣйшихъ особъ; но не встрѣтилъ ни въ немъ, ни въ г. братцѣ его ни малѣйшаго желанія ближе съ ними познакомиться.

3.

Въ Вѣнѣ, 2 Сентября 1769.

Имѣю честь сообщить вашему с-ву прилагаемую у сего Италианскую газету, съ просьбою прочесть статью, мною подъ конецъ подчеркнутую.

¹⁾ Голандскимъ посломъ въ Вѣнѣ.

Она передаетъ объ аудіенціи, которую господа графы Орловы имѣли у великаго герцога Тосканскаго, и о данномъ ими вмѣстѣ съ госп. Шуваловымъ ²⁾, на другой день, праздникъ, который почтили своимъ присутствіемъ ихъ королевскія высочества и лица знатнѣйшаго дворянства изъ окрестностей Пизы. Угощая такимъ способомъ народъ, наиболѣе склонный къ увеселеніямъ, господа наши соотечественники много выиграютъ въ его сочувствіи, и по выѣздѣ ихъ на дняхъ, оставятъ въ немъ сожалѣніе ³⁾.

4.

24 Марта нов. ст. 1770.

Другъ князя Д. М. Голицына препровождаетъ къ нему донесеніе изъ Генуи о прибытіи въ ея заливъ одного изъ Русскихъ военныхъ судовъ.

То былъ военный корабль, подъ начальствомъ капитана Лунандина 2-го, 64 пушечный съ 600 человекъ экипажа, изъ коихъ 300 для высадки отлично вооруженныхъ. Онъ шелъ изъ Архангельска, заходилъ въ Норвегію, Англію и Сардинію. Въ двухъ миляхъ отъ Порть-Магона, онъ потерялъ гротъ-мачту. Въ Конти (Сардинія) онъ вошелъ въ такую бурю, когда и купеческій корабль на то не осмѣлился бы. Командиръ отправилъ за лоцманомъ въ Саффари, на день разстоянія отъ Конти, и губернаторъ выслалъ ему опытнаго Генуэзца. Отсюда Лунандинъ послалъ въ Ливорно за приказаніями къ главнокомандующему.

5.

18 Мая 1770.

Со дня начала нашей экспедиціи, Венеціанцы также принялись за вооруженіе своихъ кораблей, при чемъ Турокъ увѣрили, что они приготовляются на случай необходимости защищать свою торговлю. Этому показанію Турки вѣрили до начала дѣйствій въ Мореѣ. Тогда только Порты обратилась съ вопросомъ къ Венеціанскому правительству объ истинныхъ намѣреніяхъ республики.

Между тѣмъ 9, 12 и 18 Апрѣля уже произошли удачныя дѣйствія: на сушѣ, въ Эпирѣ и Мореѣ у Грековъ, а на морѣ обложеніе Турецкихъ крѣпостей Русскими судами.

6.

6 Іюня 1770.

Свѣдѣнія изъ Мальты, раннія, конечно, чѣмъ предъидущія, сообщаютъ, что „мы завладѣли почти всею Мореєю, съ помощію Грековъ, вооружившихся за свободу для службы августѣйшей Государыни“. Князь Д. М. Голицынъ сообщаетъ снимки плановъ Турецкихъ крѣпостей, начерченныхъ въ бывшую войну у Венеціанцевъ съ Турками въ 1687—1688 годахъ. Это планы: а) Дарданель (Гелеспонтъ) съ Сестосомъ и Варбери на Европейской и Абидосомъ и Троей на Азіатской сторонахъ; б) Санта Маура въ Лепантскомъ заливѣ, который прегражденъ укрѣпленіями, идущими отъ острова къ твердой землѣ, имѣя базисомъ островокъ среди залива и стоящее возлѣ него на скалѣ укрѣпленіе.; в) Термизъ, на берегу Мореи, противу острововъ Идры и Спеціи; г) Наполи Мальвазія,

²⁾ Иваномъ Ивановичемъ.

³⁾ Въ приложенной газетѣ говорится кромѣ вышеизложеннаго, что на праздникъ (данномъ въ Іюль 1769 года) герцогъ Тосканскій оставался до двухъ часовъ ночи и что на графѣ Орловѣ, отличавшемся особенною пріятностью, было платье осыпанное брилліантами великой цѣны.

д) Негропонта, е) Модона и ж) Наполи-ди-Романи, — съ подробными описаніями каждой мѣстности на Нѣмецкомъ языкѣ.

7.

16 (27) Іюня 1770.

Въ Венеціи было получено отъ графа Орлова письмо отъ $\frac{5}{16}$ Мая, коимъ онъ извѣщалъ, что наши войска овладѣли портомъ и крѣпостію Навариномъ, при чемъ весь гарнизонъ отдался въ плѣнъ. — По многимъ другимъ свѣдѣніямъ эскадра контръ-адмирала Эльфинстона, мѣсяць назадъ, прошла въ виду Мальты, что въ настоящее время заставляетъ ее предполагать также въ Моревъ.

Пришедшій изъ Зеи корабль привезъ извѣстіе, что въ послѣдній день Мая графъ Алексѣй успѣлъ примирить ссорившихся между собою Грековъ, которые имъ чрезвычайно довольны. Это же судно дало свѣдѣнія, что вся Морея покорилась оружію ея императорскаго величества.

8.

17 (28) Іюня 1770.

Графъ Алексѣй Орловъ увѣдомляетъ маркиза Кавалькабѣ въ Ливорно изъ подъ Мессины, что путь до Маяка онъ совершилъ въ восемь дней; что въ его эскадрѣ все благополучно, и что извѣстіе это онъ передалъ съ корабля въ городъ на шебѣкъ.

Одновременныя извѣстія изъ Леванта, изъ Генуи и Смирны говорятъ о томъ, какъ графъ Алексѣй Орловъ задержалъ въ одномъ изъ портовъ нѣсколько судовъ; и этому задержанію приписали послѣдовавшую за тѣмъ гибель Французскаго судна, нагруженнаго масломъ въ Марсели. Поступокъ Русскаго главнокомандующаго неслыханный: повѣривъ счетъ погибшаго груза, графъ утѣшилъ экипажъ, выплативъ ему цѣну не только груза, но и самаго корабля.

9.

29 Іюня 1770.

Изъ Триеста подтверждаютъ извѣстіе о занятіи нами всей Мореи и перестрѣчкѣ путей сообщенія къ ней отъ материка; что лишь двѣ крѣпости еще въ рукахъ Турокъ, но и тѣ обложены такъ, что неминуемо сдадутся за немнѣнимъ продовольствіемъ. Также запертъ въ портъ Джаферъ-бей съ 13-ю судами. Изъ Венеціи достовѣрное извѣстіе о потопленіи нашими двумя кораблями, при выходѣ изъ Адриатики, вблизи Паэзо, изъ 12 ти восьми Турецкихъ тартанъ; о сожженіи пяти судовъ Джаферъ-бея, пытавшихся прорваться изъ порта чрезъ нашу линію судовъ; о томъ, что графъ Алексѣй Орловъ вооружилъ пять регулярныхъ полковъ: одинъ Кефалонитовъ, одинъ Зантіотовъ, одинъ Албанцевъ, одинъ Майнотовъ и одинъ Морейцевъ; что они, по предписаніямъ графа, ежедневно обучаются. Наконецъ, надѣются, что, съ помощію Божіею, скоро послѣдуетъ нѣчто еще важнѣйшее.

10.

4 Іюля 1770.

Маркизъ Кавалькабѣ, изъ Мальты отъ 3 Іюня увѣдомляетъ, что, по случаю оскорбленія Французскаго корабля въ Тунисъ, всѣ купеческія Французскія суда оставили этотъ портъ и ожидаютъ прибытія Французской эскадры. Въ Смирну прибылъ паша для набора воиновъ; но, за отказомъ жителей, наборъ не состоялся. Изъ десяти Турецкихъ кораблей, вышедшихъ изъ Константинополя, шесть пошли къ Моревъ, а четыре въ Архипелагъ. Въ Архипелагъ же прошла и эскадра Эльфинстона.

11.

4 (15) Августа 1770.

Сообщаются свѣдѣнія о первомъ сраженіи между к. а. Эльфинстономъ и Турецкою эскадрою при Наполи-ди-Романи. По извѣстіямъ отъ Грековъ, живущихъ въ Вѣнѣ, 5-го Юлія совершенно уничтоженъ Турецкій флотъ. Русскіе, въ числѣ 2,000, съ 10-ю пушками, высадились въ Раффи, гдѣ, разбивъ Турецкій отрядъ, завладѣли тремя тысячами килò хлѣба и множествомъ скота. Эта добыча удовлетворила ошущавшуюся нужду въ продовольствіи. Всѣ Греки изъ Аѣинъ, Коринѣа и другихъ сосѣднихъ мѣстностей удалились съ оружіемъ въ горы. Между тѣмъ визирь-паша объявилъ строгое запрещеніе своимъ войскамъ беспокоить Грековъ и другихъ христіанъ.

12.

7 Августа 1770.

Въ донесеніи своемъ кн. Голицынъ говоритъ объ отправленныхъ 30 Юлія и 1 Августа двухъ реляціяхъ, сопровождавшихся письмомъ къ вице-канцлеру и новостями, которыя должны его и всѣхъ удивить. Добавляетъ, что касса вовсе не погибла, ибо она была на кораблѣ графа Алексѣя.

13.

1 (12) Сентября 1770.

Повѣренный въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, Полетика, за отсутствіемъ кн. Голицына, шлетъ подтвержденія очевидцевъ и участниковъ морскаго сраженія 5 Юлія, въ каналѣ Сціо.

Въ дѣлѣ находилось судовъ Турецкихъ: 15 большихъ кораблей, 2 каравелы, 5 шебекъ и 8 полугалеръ; Русскихъ: 9 линейныхъ кораблей, 2 фрегата, 2 пакетбота и Англійскихъ 2 корабля.

Наши суда выстроились такъ: адмиралъ Спиридовъ впереди, графъ Алексѣй Орловъ въ срединѣ, а адмиралъ Эльфинстонъ въ запасѣ. Спиридовъ первый налетѣлъ на Турецкій „Константинополь“ и сцѣпилъ съ нимъ. Наши сорвали съ кормы Турецкаго корабля знамя и поднесли его своему начальнику. Во время схватки, мачты и снасти обоихъ судовъ сцѣпились такъ, что когда нашимъ удалось зажечь непріятельскій корабль, то горящими его мачтами зажгло и нашъ. Адмиралъ Спиридовъ съ сыномъ, графъ Федоръ Орловъ и 24 человекъ изъ экипажа спаслись въ шлюпку. Остальной экипажъ и 500 тысячъ рублей, вмѣстѣ съ кораблемъ, взлетѣли на воздухъ; чрезъ полчаса за нимъ послѣдовалъ и Турецкій корабль.

14.

Вѣна, 24 Октября н. ст. 1770.

Думаю пріятную услугу оказать вашему сіятельству извѣстіемъ о тѣхъ сообщеніяхъ, которыя получаю отъ многихъ торговцевъ, имѣющихъ сношенія съ Левантомъ.

Начальствованіе тамъ графа Орлова обожаемо, и довѣріе къ нему Архипелажскихъ жителей съ каждымъ днемъ возрастаетъ. Не только восточные христіане, но и сами мусульмане видятъ на себѣ дѣйствія его великодушія до того, что сіи заклятые враги имени христіанскаго не могутъ понять, какъ рядомъ за побѣдою можетъ слѣдовать человеколюбіе.

Не припишемъ однако такого удивленія Турокъ ихъ жестокости (?) Достоверно, что христіане, въ войнахъ между собою, не однажды уклонялись отъ того духа умѣренности, который нынѣ дѣлаетъ столько чести

графу Алексѣю, хотя бы онъ былъ естественнымъ проявленіемъ его личныхъ свойствъ и чувствованій, соображенныхъ съ таковыми же нашей славной Государыни.

Наконецъ, послѣ того какъ всѣ наши вожди слѣдовали по тому же пути, я льщу себя надеждою, что звѣрскій нравъ магометанскаго народа симъ будетъ гораздо смягченъ и что сей народъ отнесется въ будущемъ, по отношенію къ намъ, съ большимъ уваженіемъ къ международному праву.

III. Письмо князя Д. М. Голицына къ И. И. Бецкому.

(Съ Французскаго подлинника).

Изъ Вѣны, 9 (20) Іюля 1771.

Въ суматохѣ занятій и развлеченій я замедлилъ извѣстить ваше превосходительство о многихъ обстоятельствахъ послѣдняго пребыванія въ Вѣнѣ графа А. Орлова. Всѣ они столь служатъ къ похвалѣ его, что считаю невозможнымъ умолчать о нихъ предъ вами, увѣренный, что вы, болѣе чѣмъ другой, примете въ нихъ участіе.

Во первыхъ, графъ Алексѣй былъ наилучшимъ способомъ принятъ и. в. императоромъ и императрицею. Я присутствовалъ при обѣихъ аудіенціяхъ и замѣтилъ, что императоръ особенно былъ доволенъ точностію, съ которою графъ отвѣчалъ на всѣ вопросы ему предложенные о его морской экспедиціи.

Князю Кауницу я на второй же день доставилъ случай познакомиться съ графомъ, пригласивъ обоихъ къ себѣ на обѣдъ. Онъ оказывалъ графу величайшее вниманіе и успѣшилъ мнѣ наединѣ сообщить, что свойства графа ему показались въ высшей степени почтенны; что, помимо привлекательнаго и искренняго обращенія, весь разговоръ его дышалъ благородствомъ чувствъ, челоуѣколюбіемъ и возвышенностію души, обличающими величіе. Тѣже рѣчи онъ повторялъ мнѣ нѣсколько разъ. На завтра мы были на обѣдѣ у князя, и на сей разъ онъ бесѣдовалъ съ графомъ отдѣльно. Замѣтивъ что князь искалъ съ нимъ бесѣды съ глазу на глазъ, я, изъ скромности, оставилъ ихъ наединѣ. Несомнѣнно, что цѣль кн. Кауница была развѣдать о видахъ нашего двора на миръ съ Портою ¹⁾. Все дворянство, съ вице-канцлеромъ имперіи графомъ Колоредо во главѣ, оказывало гр. Орлову великую вѣжливость и предупредительность, и онъ вынужденъ былъ усиленно отклонять множество приглашеній, не желая и не имѣя возможности пребыть здѣсь болѣе двухъ дней.

Но что, во все время пребыванія здѣсь графа, мнѣ доставляло особенное удовольствіе—это любопытство народа видѣть Архипелажскаго побѣдителя. Вездѣ, на его пути, взгляды всѣхъ были къ нему прикованы; и каждый разъ, что онъ находился въ моемъ домѣ, переднія мои переполнились людьми, ожидавшими его появленія. Я могъ здѣсь убѣдиться, что за великими подвигами непременно слѣдуетъ великая извѣстность.

Наконецъ, послѣ отъѣзда графа Алексѣя, г-нъ Розенбергъ ²⁾ вскорѣ выѣхалъ во Флоренцію; и могу сказать, что ни одно мое съ нимъ сви-

¹⁾ Миръ, при всевозможныхъ затрудненіяхъ со стороны Австріи, добытъ въ 1774 году, и не иначе какъ цѣною выгоднаго для нея и для Пруссіи раздѣла Польши, съ пожертвованіемъ въ пользу Австріи существенно-Русскими стихіями въ Галиціи и Венгріи.

²⁾ Розенбергъ Андрей Григорьевичъ, въ чинѣ секундъ-майора, былъ отправленъ въ 1768 году императрицею въ Италію, къ графу А. Г. Орлову; участво-

даніе не обошлось безъ обращенія къ новымъ подробностямъ о достоинствахъ и прекрасныхъ качествахъ графа. Онъ меня завѣрилъ, что въ Италіи онъ всѣми любимъ и уважаемъ и что особенно удивляетъ въ немъ—это рѣдкое сочетаніе достоинствъ воина и вождя съ мягкостію, кротостію и привѣтливостію въ нравѣ, привлекающими къ нему сердца всѣхъ честныхъ людей.

IV. Письма отъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова къ вице-канцлеру князю А. М. Голицыну.

1.

Пииза, 1769 года Октября 18 (29) дня.

Съ несказанною радостію имѣлъ честь получить письмо вашего сіятельства Сентября отъ 22 дня, въ которомъ описываете побѣды нашихъ войскъ подъ предводительствомъ кн. А. М. ¹⁾ надъ непріателемъ нашимъ. Какъ я, братъ и всѣ мои товарищи были отъ радостной этой вѣдомости внѣ себя! Съ чѣмъ в. с. поздравляю какъ добраго патріота и вѣрнаго слугу ея имп. велич., такожъ и всѣхъ нашихъ соотчичей. Правду сказать и о моемъ дѣлѣ: чрезвычайно много оное дѣло подаетъ надежду и ободреніе всѣмъ здѣшнимъ народамъ, которые къ намъ привязаны; притомъ хочу вамъ сказать, что мнѣ всякія препятства наисильнѣйшимъ образомъ во всѣхъ наймалѣйшихъ моихъ дѣлахъ со всѣхъ сторонъ дѣлаются. Однакожь я имѣю надежду, при покровительствѣ Божіемъ, успѣхъ имѣть въ ономъ немалой, и по сякову еще пору я имѣю довольно куражу производить оное дѣло, да и впередъ оной меня, надѣюсь, не оставитъ; а теперь остается только дожидаться посланнаго отъ васъ обоиза ²⁾, которой очень тихо идетъ, хотябъ я и желалъ, чтобъ онъ чѣмъ скорѣй пришелъ, тѣмъ бы оное дѣло удачнѣе и лучше свою силу могло бы взять; и неуспѣли бы многіе наши непріатели потаенные со сна встать и глазъ своихъ отворить. Да какъ нѣтъ возжей въ рукахъ, такъ ни понудить, ни притянуть нельзя. Поздравляю в. с. съ пожалованьемъ кн. А. М. въ фельдмаршалы. А что вы пишете и благодарите за стараніе объ ономъ моего брата, такъ я онаго не могу на счетъ нашъ взять, а скажу только: достойному достойное воздано по усмотрѣнію великой нашей Императрицы и матери Отечества. И тако остаюсь вашего сіятельства покорный и вѣрный слуга

(своеручно)

графъ Алексѣй Орловъ.

Братъ Федоръ свидѣтельствуетъ вашему сіятельству свое почтеніе и поздравляетъ со всѣми происшествіями удачными и великое участіе беретъ въ пожалованіи кн. Алек. Мих., помня его прежнія къ себѣ командирскія милости.

2.

(своеручно)

1769 года Декабря 8 (19) дня.

Нижайше благодарствую за письмо ваше и за всѣ оказываемые знаки вашей дружбы. Эскадры нашего флота нѣсколько вбѣжало уже въ Портъ-

валъ въ Черногорской и Архипелагской экспедиціяхъ и въ Чесменской баталіи (примѣч. къ стр. 15-й Сборникъ Р. Истор. Общества, т. I.)

¹⁾ Герой Хотина, двоюродной братъ вице-канцлера, князь тоже Александръ Михайловичъ Голицынъ.

²⁾ Рѣчь идетъ объ ожидаемомъ въ Архипелагъ Русскомъ флотѣ подъ начальствомъ адмираловъ Спиридова и Эльфинстона.

Магонъ, куда изъ первыхъ пришелъ адмиралъ; и братъ Федоръ, бывъ таскаемъ волнами морскими, по двадцатидвудневномъ плаваньи нашель его тамъ. И адмиралъ очень печаленъ, потерявъ сына своего, который былъ боленъ чахоткою. Я жъ, князь, отсюда посылаю свѣжихъ мясъ; а у насъ на флотъ больныхъ немало по небывалости людей въ здѣшнихъ мѣстахъ. Въ Магонъ принять съ великою радостію и со всякою честію нашъ флотъ, и Григорій Андреичъ ³⁾ пишетъ, равно какъ бы онъ и домой пришелъ. Я и самъ чаю съ нимъ скоро увидѣться и туда къ нему ѣхать, какъ только возможно будетъ. Князь Юрья Владимировичъ ⁴⁾ принужденъ былъ уѣхать изъ Черной Горы, по претерпѣннѣ многихъ опасностей, со всѣми офицерами, и отдать команду Стіопкѣ Малому, надѣвъ на него мундиръ Россійскаго офицера ⁵⁾. А я прошу о продолженіи вашей дружбы и

³⁾ Спиридовъ. Его большое письмо о томъ времени см. въ Р. Архивѣ 1864 года.

⁴⁾ Князь Юрій Владимировичъ Долгорукій (род. 1740+1830) былъ назначенъ въ распоряженіе графа А. Г. Орлова и симъ послѣднимъ отправленъ въ Черногорію, для приведенія въ подданство ея жителей. Свое отправленіе изъ Пбурга къ гр. Орлову, въ запискахъ своихъ, кн. Ю. В. описываетъ такъ. „Въ разсужденіи критическихъ обстоятельствъ въ католическихъ державахъ, а наипаче въ Италиі, отправили меня подъ названіемъ купца Барышникова и, вмѣстѣ со мною такимъ же образомъ: артил. подпол. Лецкаго (Алексій Петров.), Ник. Ив. Маслова и Ѡ. В. Обухова.... Добравъ въ Пизу (ранѣе Апрѣля 1769 года), вмѣстѣ съ порученными бумагами, вручилъ графу Орлову записку, что весьма скоро къ нему придутъ 9 линейныхъ кораблей, нѣсколько фрегатовъ и 5000 высаднаго войска“. (Сборникъ Рус. Истор. Общ. 1867, т. I, стр. 18).

Съ кн. Долгорукимъ отправились въ Черногорію полковникъ Лецкой, Герздорфъ, майоръ Розенбергъ, секретарь Миловской, капитанъ Пламенацъ, волонтеръ графъ Войновичъ, два гвард. унт-офиц. Акиншинъ и Сыромятниковъ, камердинеръ-слуга Лукезини и 26 Славянъ. По прибытіи въ Цетину, что не обошлось безъ большихъ лишений, кн. Долгоруковъ привелъ Черногорцевъ къ присягѣ Императрицѣ, но болѣе ничего не могъ предпринять потому, что въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ тщетно ожидалъ прибытія обѣщаннаго Орловымъ флота. При своемъ тайномъ удаленіи изъ Черногоріи, кн. Долгоруковъ вручилъ Степану Малому патентъ на чинъ Русскаго офицера и письменное повелѣніе, которымъ поручалъ ему управлять Черногоріею (тамже, стр. 32).

Въ рескриптѣ Орлову, 6 Мая 1769, Екатерина, предписывая ему различныя мѣры осторожности для сохраненія жизни и безопасности единовѣрныхъ жителей, выражаетъ особенное желаніе, чтобы они „непримиримыя между собою партикулярныя ссоры прекратили для согласенія къ общему дѣлу“. Замѣчательно, что о такомъ же примиреніи враждовавшихъ сторонъ въ Черногоріи особенно заботился Степанъ Малый (стр. 19).

Въ настоящемъ рескриптѣ Государыня сообщаетъ гр. Орлову „небезосновательное“ подозрѣніе ген. майора Подгоричанина, что Степанъ Малый тотъ самый итальянецъ Вандини, который въ канцеляріи опекунства здѣсь дѣло имѣлъ; и, обманувъ здѣсь, вымани алмазы у Греческаго купца и заложа оныя, денегъ взялъ, а самъ усакалъ. Подгоричанинъ говоритъ, что описаніе фигуры и лица одного и другаго совсѣмъ сходно, а только Вандини не былъ рябъ, а другой рябъ; и къ Подгоричанину писано, что, пріѣхавъ въ Черногорію, Степанъ въ оспѣ лежалъ; и такъ рябъ и нынѣ, хотъ въ Петербургѣ не былъ таковъ.

⁵⁾ Пожалованіе Степану Малому офицерскаго чина объясняется рескриптомъ отъ 4 Марта 1769 года на имя графа Алексѣя Орлова, коимъ Императрица даровала ему право.... „тамошнихъ знатныхъ людей жаловать въ оберъ-офицерскіе чины, до капитана включительно; а о награжденіи чинами оберъ-офицерскими представлять на высочайшее утвержденіе“.

есмь навсегда, съ моимъ почтеніемъ, вашего сіятельства покорный и вѣрный слуга графъ Алексѣй Орловъ.

Прошу ваше сіятельство искреннее мое почтеніе засвидѣтельствовать побѣдителю и сокрушителю Оттоманскихъ войскъ и государства ихъ, милостивому моему государю князю Александру Михайловичу, поздравить его со всѣмъ и вся.

3.

Въ Пизѣ, Генваря 8 (19) числа 1770.

Два письма вашего сіятельства, какъ одно, такъ и другое отъ 28 числа Ноября прошедшаго года съ приложеннымъ статутомъ, касающимся до установленія новаго военнаго ордена и съ дипломомъ на оный, я исправно получилъ чрезъ прибывшаго сюда куріера Домашнева и, благодаря вамъ за содержаніе помянутыхъ писемъ, признаю особую вашу ко мнѣ дружбу и благопріятство; и съ моей стороны я при всѣхъ случаяхъ стараться буду заслужить продолженіе онаго истинною моею къ вамъ преданностію и усердіемъ, которымъ я вамъ долженъ. Впрочемъ, почитая за излишнее повторять увѣренія мои о чистосердечной моей къ вамъ дружбѣ, имѣю честь быть, съ совершеннымъ почтеніемъ, вашего сіятельства

(своеручно)

покорный и вѣрный слуга
графъ Алексѣй Орловъ

О флотѣ теперь васъ увѣдомить не могу; послѣ тѣхъ поръ никакова извѣстія не получалъ. Такожъ и объ Эльфинстонѣ вѣрнаго извѣстія никакого нѣтъ, а что только газеты пишутъ.

4.

Въ Пизѣ, Февраля 8 числа 1770.

Два письма вашего сіятельства, одно отъ 2 Генваря отправленное съ маіоромъ Розенбергомъ, а другое по почтѣ, застали меня еще въ Пизѣ; почему, будучи долженъ вамъ на оныя отвѣтомъ, благодарю за желанія ваши и, почитая оныя совершеннымъ знакомъ дружбы и пріятства, прошу принять и съ моей стороны нелицемѣрную искренность, сопряженную съ истиннымъ усердіемъ и почтеніемъ, съ которымъ я пребуду непремѣнно и пр.

„Не прогнѣвайся ваше сіятельство, что мало пишу: право хлопотно“.

5.

Близъ острова Накія, на кораблѣ Трехъ Іерарховъ, Іюня 20 числа 1770.

Извините меня, что за краткостію времени не могу я нынѣ сообщить вашему сіятельству изъ здѣшнихъ сторонъ другихъ извѣстій кромѣ слѣдующихъ: что непріятельскій флотъ, состоящій изъ девяти линейныхъ кораблей и пятнадцати шебекъ и галеръ, имѣлъ уже сраженіе съ одною только Эльфинстоновою эскадрою, отъ которой былъ прогнанъ съ немалымъ его вредомъ, а теперь соединясь весь нашъ флотъ, слѣдуетъ за непріателемъ, который вездѣ бѣжитъ, укрываясь между Архипелажскихъ острововъ. Время покажетъ впредъ, отважится ли оной дать бой, или возвратится въ Константинополь. О всемъ томъ что послѣдуетъ не премину я увѣдомить васъ со временемъ, пребывая нынѣ и пр.

6.

Въ проливѣ при островѣ Сціо, Іюня 27 числа 1770 года.

Ревность и желаніе всѣхъ находящихся со мною заслужить милость великой нашей Государыни, показать Отечеству услугу, повергнуть

гордость непріятеля и прославить морскія наши силы — нѣкоторымъ образомъ удовольствованы.

24 числа сего мѣсяца нашли мы непріятеля на якорѣ близъ береговъ Натоліи, противу острова Сціо. Превосходныя его силы не устрашили храбрыхъ Россіянъ, кои всѣ съ великою радостію желали на непріятеля сдѣлать нападеніе; почему, не медля нисколько, того числа въ полдень атаковали, разбили и прогнали въ портъ подъ крѣпость Чесме. Неудовольствовавшись симъ, 25 числа въ полночь атакованъ былъ непріятель вторично и совсѣмъ разбитъ. Побѣды совершеннѣе быть не можетъ. Изъ шестнадцати непріятельскихъ линейныхъ кораблей, шести фрегатовъ, множества шебекъ, бригаантиновъ, полугалеръ и другихъ малыхъ судовъ не осталось ничего, кромѣ печальныхъ слѣдовъ сего вооруженія: всѣ безъ остатка потоплены, переломаны и сожжены.

Мы потеряли одинъ 60-ти пушечный корабль, на котораго мѣсто взяли мы Турецкій равной же величины и получили множество полугалеръ.

О семъ сообщая, поздравляю ваше сіятельство сею славною надъ непріателемъ побѣдою, пребывая, и пр.

(своеручно)

Натка, что наши арженушки *) чудесятъ! Спросите у Семіона Кирилыча, которому прошу мое почтеніе засвидѣтельствовать, такожъ и Марья Павловнѣ.

Къ князю А. М. Голицыну отъ оберъ-егеймейстера Семена Кириловича Нарышкина.

14 Сентября 1770.

Возвращаю сообщенное письмо съ покорнымъ благодареніемъ вашему сіятельству. Приписка въ ономъ такого героя весьма меня тронула. Флота жъ нашего побѣдоносная слава столь меня пронзила радостію, что еслибъ не извѣстная моя печаль, то бѣ я былъ оною безмѣрно восхищенъ; и остаюсь съ истиннѣйшимъ почтеніемъ, вашего сіятельства, государя моего, покорнѣйшій слуга С. Нарышкинъ.

V. Письма отъ вице-канцлера князя А. М. Голицына къ графу Орлову.

1.

5 Генв. 1772.

Милостивый государь мой графъ Алексій Григорьевичъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ пользуюсь я симъ отправленіемъ искренно возблагодарить ваше с. за содержаніе почтеннѣйшаго письма вашего отъ 4 Октября минувшаго года, сердечно поздравляя васъ съ одержанными подъ вашимъ предводительствомъ разными надъ непріателемъ авантажами, отъ которыхъ не только Турки, но и самый Константинополь претерпѣли немалое притѣсненіе. Храброе поведеніе капитана Костина и мичмана Ушакова есть такое дѣло, которое въ лѣтописцахъ Россійскихъ честь Россійскому воинству дѣлать будетъ. Впрочемъ здѣсь теперь ничего новаго и примѣчанія достойнаго не происходитъ, развѣ только то, что до нашей мирной негоціаціи касаться можетъ и о чемъ повтореніемъ своимъ я васъ утруждать за излишно почитаю, будучи удостовѣренъ, что при семъ случаѣ подробно о всемъ къ вамъ писано будетъ. Къ намъ со

*) Т. е. Русскіе люди, питающіеся *арженымъ* хлѣбомъ.

всѣхъ сторонъ подтвержденіе приходитъ, что Вѣнской дворъ въ минувшемъ Іюлѣ субсидной трактатъ съ Портою заключилъ. Оной дворъ всячески старается, чтобъ нашу съ Турками мирную неогоціацію въ свои руки присвоить и заключить миръ по собственному своему произволению, уговаривая Турковъ съ нами ни въ какіе договоры безъ посредства своего не вступать, грозя имъ мшеніемъ въ противномъ случаѣ. Однакоже мы, зная сія Австрійцовъ замыслы и намѣреніе противъ насъ воевать, съ особливою осторожностію въ семъ дѣлѣ поступаемъ, и пытались уже какъ чрезъ Прусскаго въ Царѣградѣ министра, такъ при случаѣ намѣряемаго трактованія объ армистиціи въ непосредственную неогоціацію съ Турками вступить. Означиваніе здѣшнихъ будущихъ пословъ *) на конгрессъ можетъ у Турокъ приумножить охоту, при настоящемъ ихъ бѣдственномъ и изнурительномъ состояніи, къ возстановленію съ нами мира безъ посредства Вѣнскаго двора. Знатность сихъ пословъ должна Туркамъ доказать о нелицемѣрномъ Ея Им. В-ва намѣреніи съ Портою помириться.

Я же ваше сіят-во сердечно поздравляю съ новымъ знакомъ довѣренности Ея Им. В-ва къ вашей фамиліи, не сумѣваясь, чтобъ чрезъ то она не имѣла новаго случая показать знатную услугу своему государю и Отечеству и послужить приращенію себѣ чести и славы.

Графа Федора Григорьевича мы ежедневно сюда изъ Швейцаріи ожидаемъ.

Заразительная болѣзнь какъ въ Москвѣ, такъ и ея окружности почти совсѣмъ утихла, и дѣйствительно принимаются строгія и надежашія мѣры, дабы она будущю весною отрыгнуться не могла, въ чемъ намъ Господь Богъ да поможетъ.

2.

(Февраль 1772)

Милостивой государь мой графъ Алексѣй Григорьевичъ.

Сердечно поздравляя ваше с-о съ счастливымъ въ Италію пріѣздомъ, уповаю, что при настоящихъ пріятныхъ аспектахъ вы уже больше нужды имѣть не будете другія многотрудныя на морѣ кампаніи дѣлать. Ваше с-во обстоятельно усмотрѣть изволите изъ Ея И. В-ва рескрипта, письма графа Никиты Ивановича и приложеніевъ о настоящемъ дѣлѣ положеніи, какой неожиданной феноментъ (явленіе) отъ Вѣнскаго двора представляется въ полезномъ дѣлѣ оборотѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Турки и Поляки много дивятся будутъ, да и не безъ причины, когда увидятъ, что ихъ избавитель, на котораго они всю свою надежду полагали, соединится съ нами для приведенія ихъ въ порядокъ и полученія отъ нихъ себѣ части. Не меньше же ихъ смѣшнѣе будутъ Французы и Англичане, которые въ теченіе настоящей войны или причиною оной были, или дорожили много собою. Остается мнѣ, милостивой государь мой, теперь желать, чтобъ при заключеніи столь славнаго и полезнаго для Ея И. В. и Отечества нашего мира, видѣть васъ здѣсь вскорѣ и вмѣстѣ съ вами наслаждаться столь вожделѣннымъ благоденствіемъ и покоемъ.

Упомянутый здѣсь рескриптъ Императрицы графу А. Г. Орлову отъ 13 Февраля 1772 года помѣщенъ въ собраніи рескриптовъ и писемъ Государыни, напечатанныхъ съ Сборникъ Историч. Общ-ва (т. I, 1867 г., стр. 78—79). Знаемъ, что надежды на немедленное заключеніе мира не оправдались; война затянулась еще на два года, поддерживаемая совокупными интригами Австріи, Франціи, Англіи и Пруссіи.

*) Въ числѣ этихъ пословъ поѣхалъ изъ Зимняго дворца братъ графа Орлова, графъ Григорій Григорьевичъ.

VI. Два письма И. И. Шувалова къ вице-канцлеру князю А. М. Голицыну.

1.

Изъ Пизы, 1770, 8 Февраля.

В. с. о прибытіи двухъ нашихъ кораблей и одного фрегата въ Ливурнъ конечно извѣстны и о всѣхъ обстоятельствахъ касательно до сей морской экспедиціи. Дай Богъ благополучный успѣхъ сему славному началу. Вѣтры стоятъ чрезвычайныя, отчего помянутые три корабля въ провѣздѣ изъ Магона въ Ливурнъ много терпѣли. Люди, славу Богу, на корабляхъ здоровы; но всѣ почти, въ пути семь дальнемъ, болѣзни имѣли.

2.

Письмо в. с-ва имѣлъ честь получить. По приказанію вашему я тотъ же день писалъ къ маркизу Маруцію (который былъ въ Ливорнѣ). Отвѣтствуетъ, что вещи для в. с. еще не готовы, полученныя изъ Карары. Присланной пакетъ на мое имя отъ фельдмаршала гр. Шувалова *) прошу, милостивою государь мой, при случаѣ ко мнѣ прислать; въ немъ нужнаго въ скоромъ полученіи нѣтъ.

Графъ Орловъ скоро поѣдетъ изъ Ливорна. Вѣтеръ благополучный. Боже дай успѣха сему великому предпріятію. Ваше сіятельство болѣе извѣстны, что всѣ обстоятельства оправдываютъ исполненіе сего желанія.

Впрочемъ съ моимъ почтеніемъ и съ совершенною преданностью честь имѣю быть вашего сіятельства милостиваго государя моего покорный и вѣрный слуга

Марта 1770, Флоренція.

Иванъ Шуваловъ.

VII. Письмо Марка Банни изъ Венеціи къ князю Д. М. Голицыну. Отъ 5 Августа 1769.

(Съ Французскаго подлинника).

Не сомнѣваюсь, что вашему сіятельству извѣстно предположеніе графовъ Орловыхъ приступить здѣсь къ морскому вооруженію противу Турокъ. По крайней мѣрѣ старшій изъ нихъ, по проискавъ корыстныхъ людей, алчущихъ наживы, набралъ на сей предметъ людей изъ Славянъ и Грековъ, подданныхъ сей республики. Правительство рѣшило, что ему не слѣдуетъ скрывать такое зло и вынудилось объявить этимъ господамъ, чтобы они убралась отсюда въ возможной скорости и запретило своимъ подданнымъ записываться къ нимъ, подъ страхомъ наказанія какъ за государственное преступленіе. Но не знаю, м. г., дошло ли до вашего свѣдѣнія, что г.г. Орловы отправились послѣ того въ Геную, купили тамъ 20 пушечный корабль, предназначенный для посадки на оный, какъ говорить, 150 человекъ экипажа, набранныхъ здѣсь, не взирая на запрещеніе; что пока корабль этотъ былъ снаряжаемъ, люди сіи безъ зазрѣнія разглашали, что они не ограничатся нападениемъ на однихъ Турокъ, но что они будутъ одинаково поступать съ судами и тѣхъ христіанскихъ державъ, которыя находятся въ сношеніяхъ съ Турками и особенно съ Рагузскими, которые плаваютъ съ Турецкими паспортами; что Генуезское правительство, понявъ, что это судно назначается для морскаго разбоя и притѣсненія торговли, заставило продавцевъ корабля взять его обратно и воз-

*) Графа Александра Ивановича, начальника Тайной Канцеляріи при Елисаветѣ.

вратить деньги, запретивъ съ тѣмъ вмѣстѣ всякое вооруженіе въ портахъ своего владѣнія; что подобное же запрещеніе объявлено и изъ Флоренціи относительно Тосканскихъ пристаней. Прошу васъ, м. г. рассмотреть: какимъ людямъ ввѣренъ уважаемый флагъ Россійской Имперіи?

И между тѣмъ, хотя слѣдовало бы предполагать, что при подобныхъ обстоятельствахъ гг. графы Орловы откажутся отъ своего предпріятія, но они отправили нарочнаго ко двору за полученіемъ одобренія онаго и корабельныхъ патентовъ, и не видно, чтобы экипажъ, который они набрали, былъ распущенъ: почему купцы какъ здѣшніе, такъ и приморскихъ городовъ находятся въ такой боязни, что затруднительно пріискать страхователей для судовъ, приходящихъ изъ Леванта. Подобный безпорядокъ однимъ прекратиться можетъ: объявленіемъ и уверенностію, что вышеупомянутый проэктъ совершенно оставленъ.

Что касается до Рагузинскихъ судовъ, съ которыми хотить поступать какъ и съ Турецкими, то, какъ заинтересованный и любовью къ отечеству и участіемъ въ торговомъ плаваніи, я вынужденъ изложить вашему сіятельству, что республика сія, хотя весьма невелика пространствомъ, но она самовладна и независима и за таковую признается самыми значительными государствами. Она имѣетъ свой собственный флагъ и своимъ судамъ выдаетъ патенты, которые уважаются въ портахъ, куда они назначаются. Фирманъ, или Турецкой паспортъ, служитъ имъ только въ обезпеченіе отъ оскорбленій Варварійскихъ корсаровъ, и другими народами оплачивается особою данью: мы же платимъ Портъ всего по двѣнадцати піастровъ за каждый паспортъ. Въ доказательство, привожу у сего точный переводъ одного изъ сихъ паспортовъ, совершенно подобнаго всѣмъ другимъ; и если ваше сіятельство приметъ трудъ на него взглянуть, я убѣжденъ, что не найдете въ немъ ничего противнаго моимъ завѣреніямъ.

Въ такой крайности отъ вышеупомянутыхъ обстоятельствъ, осмѣлюсь ли, милостивый государь, прибѣгнуть къ вашему покровительству и умолять васъ: благоволите оказать содѣйствіе къ прекращенію сихъ безпорядковъ, которые, конечно, суть истинное несчастіе? Всѣ торговцы будутъ вамъ крайне признательны, и я, въ частности, не престану быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

VIII. Письмо В. С. Тамары *) къ князю А. М. Голицыну.

(Съ Французскаго подлинника).

Изъ Венеціи, 1 (12) Мая 1769.

Проѣзжая чрезъ Триестъ, я возобновилъ знакомство съ о Дамаскиномъ, архимандритомъ и патріарха Константинопольскаго экзархомъ въ здѣшней странѣ. Ревностный приверженецъ Россіи и въ сношеніяхъ со всею Греціею, онъ сообщилъ мнѣ полученныя имъ письма. Я извлекаю изъ нихъ для вашего сіятельства самыя любопытныя.

Первое касается того Бенакки изъ Мореи, о которомъ я говорилъ въ первой моей запискѣ о Грекахъ, отъ 14 Февраля, изъ Каламаты, куда онъ удалился въ сосѣдство къ Майнотамъ и гдѣ онъ оберегаемъ 1400 человѣками изъ своихъ. Онъ выражаетъ удивленіе, что никакого извѣстія не имѣетъ отъ Русскихъ. Онъ обращался за свѣдѣніями къ Папазоглу,

*) Впослѣдствіи нашъ посланникъ въ Константинополь, въ то время простой переводчикъ.

но и отъ него уже три мѣсяца не имѣеть извѣстій. „Благодареніе Богу, пишетъ онъ, я избавился наконецъ отъ моего врага. Новый Морейскій паша мнѣ оказываетъ тысячу любезностей; и подарками и хорошимъ обращеніемъ хочетъ меня привлечь и заставить забыть преслѣдованія своего предшественника. Но я не поддамся: всѣ эти любезности оказываются по поводу войны съ Россіей. Онъ мнѣ прислалъ шубы и двѣ верховыя лошади, приглашая меня пріѣхать въ Триполицу, чтобы посовѣтоваться со мною о областныхъ дѣлахъ и, съ моею помощію, возстановить тишину и спокойствіе въ этой странѣ. Не зная его намѣренія и будучи здѣсь хорошо оберегаемъ, я сказываюсь больнымъ и не двигаюсь“. Бенакки наконецъ сообщаетъ, что жители молятъ Бога скорѣе увидѣть Русскихъ посланцевъ и что они готовы взяться за оружіе.

Другія, новѣйшія письма завѣряютъ, что въ горахъ Аксеромеро встали, съ оружіемъ въ рукахъ, отъ 10 до 12 тысячъ; что они ждутъ Русскихъ, но никого еще изъ нихъ не видѣли. Они ожидаютъ извѣстія о побѣдѣ Русскихъ надъ Турками, чтобы начать дѣйствовать, сообразно степени успѣха.

Капитанъ Буковала изъ Аграфы объявляетъ, что у него и другихъ начальниковъ есть подъ ружьемъ 15.000 человѣкъ; и что они въ состояніи выставить вдвое и втрое, какъ только потребуется ихъ содѣйствіе.

Въ горахъ, вокругъ Янины, есть 360 поселеній Греческихъ. Судя по письмамъ помянутыхъ предводителей, они готовы, по первому ихъ знаку, взяться за оружіе. Эти Греки дали видимое доказательство своего усердія, отказавшись выдать свое оружіе Туркамъ, которые во второй разъ не осмѣляются его потребовать.

Султанъ издалъ строгія повелѣнія всѣмъ пашамъ, правителямъ областей, чтобы обходились съ Греками со всевозможнымъ человѣколюбіемъ, со всякою мягкостію, и приказалъ возвратить имъ оружіе.

Кромѣ обширныхъ сношеній со всею странюю, о. Дамаскинъ человѣкъ весьма просвѣщенный — вещь рѣдкая между Греками, и весьма ими уважаемый. Въ Триестѣ православную церковь основалъ онъ, чрезъ что привлекъ туда много Грековъ переселенцевъ, принесшихъ въ городъ свою промышленность и торговлю, которыя они, не смотря на зависть сосѣдей, поддержали и усилили.

Я вынужденъ донести вашему сіятельству, что, по несчастію, моя шифрованная азбука попала въ руки маркиза Маруцци. Во время моего отсутствія, онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату и, копаясь въ моихъ бумагахъ, нашелъ ее, взялъ и, по возвращеніи моемъ, я увидѣлъ ее у него въ рукахъ. Онъ спросилъ, не тотъ-ли этотъ шифръ, который ему назначенъ? Я долженъ былъ отвѣчать утвердительно. Онъ нашелъ его весьма труднымъ, однако удержалъ у себя. Вотъ почему я такъ долго замедлилъ писать в. с-ву, не имѣя вѣрнѣйшаго случая. Наконецъ я открылъ путь удобный, чрезъ купца Грека въ Вѣнѣ, который вѣрно доставитъ мое письмо въ руки князю Голицыну, нашему министру въ Вѣнѣ.

Мнѣ донесли, что на дняхъ въ Триестъ приходило Майнотское судно, для развѣдокъ, нѣтъ ли кого со стороны Россіи. Сильно подозреваю, что судно это привозило людей изъ Майны, для переговоровъ съ господами и Острововыми; тѣмъ болѣе, что достоверно знаю, что они посылали для сего человѣка въ Майну и, по приходѣ судна въ Триестъ, они прислали своимъ здѣшнимъ корреспондентамъ два письма. Наконецъ, о. Дамаскинъ объ этомъ разумѣеть, и я не замедлю вамъ донести что окажется,

Я уже поручилъ своему челоѣвѣку сойтись съ этими негласными корреспондентами гг. Острововыхъ и ожидаю извѣстій.

Маруцци здѣсь ненавидимъ не только Греками, но и благородными Венеціанцами. Не правда, чтобы домъ его былъ всѣми пошвщаемъ, какъ то рассказываетъ кавалеръ С. Маркъ: напротивъ, къ нему никто не ходитъ, и особенно послѣ размолвки его съ братьями, известными за хорошихъ людей. Надъ нимъ охотно подшучиваюгъ. На другой день по отъѣздѣ моемъ въ Пизу, объявили, что маркизъ получилъ отъ инквизиторовъ приказаніе оставить городъ. Министръ императора о томъ громко говорилъ. Также неоднократно звалъ онъ прокураторовъ объѣхать, но никто къ нему не пошелъ. Я не довольно еще ознакомился съ дѣлами, чтобы оирѣдѣлить его занятія; но, судя по этимъ оскорбленіямъ, полагаю, развѣ бы онъ имѣлъ порученія внѣ города, что его присутствіе здѣсь собственно бесполезно. Графы Орловы очень противъ него предубѣждены.

Господа Острововы обѣщали отправить меня въ Петербургъ при первой надобности послать туда нарочнаго. Мнѣ необходимо побывать дома. Здоровье моего отца съ каждымъ днемъ слабѣетъ. Я терплю во всемъ недостатокъ: маркизъ Маруцци отказалъ мнѣ въ деньгахъ подъ обезпеченіе двухъ третей моего жалованья; хочу доложить объ этомъ г.г. Острововымъ.

IX. Письмо В. С. Тамары къ графу А. Г. Орлову.

(Съ Французскаго подлинника).

1769, 14 Августа, изъ Венеціи.

Въ началѣ текущей недѣли прибылъ сюда нарочный отъ Венеціанскаго губернатора въ Катаро съ извѣстіемъ, что Русскій офицеръ, спустившись съ Черногорскихъ высотъ, пришелъ, отъ имени начальствующаго въ здѣшнихъ мѣстахъ князя Долгорукова, просить свободнаго преслѣдованія чрезъ владѣнія республики, въ Триестъ, въ Венецію или въ Анкону, въ чемъ губернаторъ ему отказалъ, не имѣя на подобный случай наставленій отъ Сената. Нарочный говорить, что самъ видѣлъ и слышалъ помянутаго офицера, который сильно жаловался на Черногорію, и находилъ, что страна эта годна для обитанія медвѣдямъ, но вовсе не годится для людей. Наконецъ, по описанію нарочнымъ этого офицера, нельзя не узнать въ немъ подполковника Герсдорфа. Я употребилъ всевозможныя старанія, чтобы узнать объ отвѣтѣ, данномъ чрезъ сего нарочнаго Республикою, но нисколько не успѣлъ.

На послѣднемъ совѣтѣ много было разсуждаемо: слѣдуетъ ли вооружаться? Наконецъ, состоялось рѣшеніе именно въ этомъ смыслѣ, по мнѣнію, выраженному г-мъ Эмд. Сущность его рѣчи въ семъ случаѣ была такова: „отношенія и обязанности Республики къ прочимъ государствамъ не должны препятствовать ей заботамъ о собственной безопасности, ради сохраненія достоинства предъ собственными подданными“.

Челоѣвѣкъ совершенно вѣрный меня завѣрялъ, что слѣдовалъ приказъ о вооруженіи 6 линейныхъ кораблей и 3 фрегатовъ, равно какъ нѣсколькихъ другихъ судовъ меньшаго размѣра.

(Сообщено А. В. Рачинскимъ).

ФРАНЦУЗЫ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1812 ГОДУ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Пребываніе Наполеона въ Москвѣ представляетъ совершенную противоположность въ сравненіи съ его пребываніемъ въ Дрезденѣ. Тамъ онъ чувствовалъ себя на верху могущества, властелиномъ всей Европы, раболѣпно преклонившейся предъ нимъ въ лицахъ своихъ государей и верховныхъ сановниковъ. Если озабочивало его положеніе Турціи и Швеціи, то эта забота пробѣгала мгновенно въ его политическихъ соображеніяхъ, и онъ увѣренъ былъ, что увлечетъ ихъ за собою. Что касается до Россіи, то конечно онъ смотрѣлъ на нее не безъ тайной тревоги; упоеваясь мыслью о своемъ всемогуществѣ, опираясь на огромныя военныя силы, онъ изрекалъ ей смертный приговоръ, называя ее увлеченною рокомъ. Черезъ три съ небольшимъ мѣсяца иное чувство должно было наполнять его душу: онъ увидалъ себя въ удивленномъ положеніи, внѣ той среды, гдѣ развивалась и увѣнчивалась успѣхами его дѣятельность, въ новомъ и непонятномъ для него мірѣ. Какое-то недоразумѣніе видимо отдаляло отъ него тѣхъ самыхъ лицъ, которыя въ Дрезденѣ подобострастно ловили его улыбку, покорно выслушивали каждое его слово и готовы были идти по его мановенію, куда онъ имъ укажетъ. Они и въ Москвѣ, все еще подъ обаяніемъ его могущества, не выражали никакихъ враждебныхъ ему намѣреній; но они молчали. Ни Пруссія, ни Австрія не спѣшили, вопреки договорамъ, умножать свои контингенты по первому его требованію. Онъ подозрѣвалъ ихъ и всю Германію, хорошо зная враждебное настроеніе въ отношеніи къ нему Нѣмецкаго народа. Онъ подозрѣвалъ даже Францію. Къ довершенію печальнаго положенія его дѣлъ, начали приходить недобрыя вѣсти изъ Испаніи.

Что же заставляло его медлить въ Москвѣ, вопреки общему голосу его боевыхъ сотрудниковъ, требовавшихъ немедленнаго ея оставленія? Его гордость не могла примириться съ мыслию объ отступленіи; а положеніе его войскъ лишало возможности дѣйствовать наступательно. Увѣренность въ своемъ счастіи остановила его на той мысли, что стоить только выразить ему, что онъ готовъ заключить миръ, какъ Русскій императоръ, пораженный участію своей столицы и, желая прекратить бѣдствія войны, немедленно исполнить его желаніе и преподать ему возможность явиться въ величавомъ положеніи великодушнаго побѣдителя. Только заключеніе мира могло вывести его изъ бѣдственнаго положенія, мира,

который онъ торжественно обѣщалъ своимъ войскамъ, какъ неминуемое послѣдствіе занятія Москвы.

Въ первый день вступленія Французовъ въ Москву, оставшійся въ ней главный начальникъ тамошняго Воспитательнаго Дома И. А. Тутолминъ, желая спасти его отъ грабежа и оградить безопасность сиротъ, отправился съ переводчикомъ въ Кремль и, объяснивъ значеніе подчиненнаго ему заведенія, просилъ защиты у генерала Дюронеля, назначеннаго губернаторомъ города. Дюронель отрядилъ къ нему 12 конныхъ жандармовъ, которые и поселились въ Воспитательномъ Домѣ. Дѣятельностію Тутолмина большая часть зданій этого дома была спасена отъ пожара. По возвращеніи своемъ въ Кремль изъ Петровскаго дворца, проѣзжая по Москворѣцкой набережной и замѣтивъ Воспитательный Домъ, сохраненный отъ огня, Наполеонъ спросилъ, что это за зданіе. Когда ему объяснили значеніе этого зданія и что оно спасено его начальникомъ и подчиненными ему лицами, императоръ послалъ генераль-интенданта графа Дюма объявить свое благоволеніе Тутолмину. „Я присланъ къ вашему превосходительству, говорилъ ему графъ Дюма, отъ императора, который приказалъ мнѣ благодарить васъ за труды и за спасеніе вашего дома. Его величеству угодно съ вами лично познакомиться“.

На другой день, въ 12 часовъ, Наполеонъ послалъ за Тутолминымъ своего переводчика Лелорня, съ которымъ Тутолминъ и отправился въ Кремлевскій дворецъ. Наполеонъ принялъ его благосклонно и, выслушавъ его благодарность за покровительство, оказанное Воспитательному Дому, сказалъ: „Я желалъ сдѣлать тоже и для всего города, что могу теперь дѣлать только для одного вашего заведенія. Я желалъ поступить съ вашимъ городомъ такъ, какъ я поступилъ съ Вѣною и Берлиномъ, которые до сихъ поръ цѣлы и не разрушены. Но Русскіе, оставивъ этотъ городъ почти пустымъ, сдѣлали безпримѣрное дѣло. Они сами хотѣли предать пламени свою столицу и, чтобы причинить мнѣ временное зло, разрушили созданіе многихъ вѣковъ. Я могу оставить Москву; но вредъ, ими самими причиненный себѣ, останется невознаградимымъ. Всѣ донесенія, которыя ежечасно я получаю, и зажигатели, которые пойманы на самомъ дѣлѣ, достаточно показываютъ, откуда исходили варварскія повелѣнія совершать подобные ужасы. Объясните это императору Александру, которому, безъ сомнѣнія, неизвѣстны эти злодѣянія. Я никогда подобнымъ образомъ не воевалъ; мои войска умѣютъ сражаться, но не жгутъ. Отъ самаго Смоленска я встрѣчалъ только одинъ пепелъ“.

Затѣмъ Наполеонъ спросилъ Тутолмина, извѣстно ли ему, что въ день вступленія Французовъ въ Москву выпущены были колодничи изъ тюремъ и правда-ли, что увезены изъ столицы всѣ пожарныя трубы. Тутолминъ отвѣчалъ, что дѣйствительно до него доходили слухи о томъ, будто-бы выпущены колодничи и что полиція увезла трубы. „Это не подлежитъ никакому сомнѣнію“, замѣтилъ Наполеонъ. Между прочимъ онъ спросилъ его, сколько находится

дѣтей въ Воспитательномъ Домѣ, на сколько времени онъ имѣеть продовольствія и откуда надѣется получить его на зиму. Тутолминъ представилъ ему подробную вѣдомость о числѣ дѣтей, просмотрѣвъ которую Наполеонъ съ улыбкою сказалъ: „Вы увезли въ Казань взрослыхъ дѣвицъ!“ Въ отношеніи къ продовольствію Тутолминъ объяснилъ, что имѣеть его только на одинъ мѣсяць, что хотя Воспитательный Домъ заключаетъ подряды на цѣлый годъ, но у себя, за неимѣніемъ мѣста, помѣщаетъ продовольствіе только на мѣсяць; въ настоящее же время всѣ его подрядчики оставили Москву, и онъ лишень возможности возобновить свои запасы. „А откуда городъ получаетъ предметы продовольствія?“—„Хлѣбъ изъ Украинскихъ, скотину изъ Малороссійскихъ, а мелкую живность изъ ближайшихъ губерній. Хлѣбъ доставляется или на баркахъ весною, или по зимнему пути“, отвѣчалъ Тутолминъ.—„Какой шаръ дѣлалъ Англичанинъ Шмитъ, для пагубы моего войска и меня самаго?“ продолжалъ спрашивать Наполеонъ и, когда Тутолминъ отвѣчалъ, что объ этомъ ничего не знаетъ, онъ замѣтилъ: „Я знаю, что шаръ дѣлался въ семи верстахъ отъ Москвы, но не былъ оконченъ; поѣтому его сожгли, а оставшіяся горючія вещества употребили на сожженіе Москвы. Такое варварство недостойно просвѣщеннаго народа“. Наконецъ онъ сказалъ: „Какъ безчеловѣчно поступили Русскіе, оставивъ 10 тысячъ раненыхъ безъ пищи и призрачія!“ и, отпуская Тутолмина, повторилъ: „Напишите обо всѣхъ происшествіяхъ Москвы къ вашему императору и отправьте съ донесеніемъ своего чиновника, черезъ котораго можете получить отвѣтъ. Я дамъ ему пропускъ чрезъ мои аванпосты“¹⁾.

Гордый завоеватель не рѣшался еще выразить желаніе вступить въ переговоры о мирѣ, но косвеннымъ путемъ надѣялся достигнуть этой цѣли. Расчитывая, что Александръ Павловичъ будетъ отвѣчать на донесеніе Тутолмина, онъ надѣялся, что этотъ отвѣтъ можетъ подать ему поводъ войти въ непосредственныя съ нимъ сношенія. Онъ еще вѣрилъ въ силу обаянія, которое, по его мнѣнію, онъ производилъ на Русскаго императора въ личныхъ свиданіяхъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ; но онъ находился въ это время въ такомъ положеніи, что вѣра была потрясена сомнѣніемъ, а гордость должна была уступить силѣ обстоятельствъ.

Вслѣдствіе случайныхъ причинъ, отставной капитанъ гвардіи И. А. Яковлевъ замедлилъ выѣздомъ изъ Москвы. 2-го Сентября, когда онъ садился въ карету, чтобы выѣхать изъ столицы, отрядъ Французскихъ солдатъ ограбилъ его съ семействомъ и слугами, отнялъ экипажи, лошадей и пожитки. Домъ его и родственниковъ его сгорѣли одинъ за другимъ. Ограбленные, онъ и его родственники, съ ихъ родными, прислугою и сотнею крестьянъ, бродили, безъ пищи и крова по Московскимъ пожарищамъ. Случайно встрѣтившись съ

¹⁾ Донесеніе Тутолмина императору 7-го Сентября, императрицѣ Маріѣ Феодоровнѣ 11-го Ноября 1812 г. Читенія въ Моск. общ. исторіи и древн. 1860 г., кн. 2. отд. V, стр. 163 и слѣд.

полковникомъ Менадье, принадлежавшимъ къ главному штабу маршала Бертье, Яковлевъ спрашивалъ его, какими способами могъ бы онъ выбраться изъ Москвы. Полковникъ указалъ Яковлеву на маршала Мортье, который въ свой чередъ объяснилъ, что не можетъ дать ему разрѣшеніе, но долженъ напередъ доложить о томъ императору. Черезъ нѣсколько времени (9 Сент.) переводчикъ Делорнъ пріѣхалъ за Яковлевымъ, привезъ его въ Кремлевскій дворецъ и ввелъ въ тронную залу, гдѣ ожидалъ его Наполеонъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, первымъ предметомъ его рѣчей, также какъ и Туттолмину, былъ пожаръ Москвы. „Конечно не мы поджигаемъ городъ, говорилъ онъ. Я занималъ почти всѣ столицы Европы и не сжегъ ни одной. Мнѣ пришлось сжечь только одинъ городъ въ Италіи и то потому, что дрались на улицахъ. Какъ это вы сами хотите разрушить Москву, гдѣ покоится прахъ всѣхъ предковъ вашихъ государей!“ Яковлевъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, кто былъ причиною этого бѣдствія; но его послѣдствія испыталъ онъ на самомъ себѣ, потерявъ все свое имущество. „Кто былъ вашимъ губернаторомъ въ Москвѣ?“ спросилъ Наполеонъ, хотя очень хорошо зналъ его имя.—„Графъ Ростопчинъ“, подсказалъ Делорнъ.—„Что это за человѣкъ?“ продолжалъ спрашивать Наполеонъ.—„Онъ человѣкъ извѣстный по своему уму“, отвѣчалъ Яковлевъ.—„Можетъ быть, онъ уменъ, возразилъ Наполеонъ; но онъ сумасшедшій. Я прежде имѣлъ понятіе объ этой странѣ и все что я видѣлъ, начиная отъ границы и до Москвы, показывало, что это прекрасная страна, повсюду обработанныя поля, повсюду жилища; но я находилъ ихъ опустѣлыми или сожженными. Это вы сами разоряете прекрасную страну, и для чего? Это мнѣ не препятствовало идти впередъ. Я понялъ бы, еслибъ вы поступили такъ съ Польшею. О, Поляки этого стѣдили, потому что они предались намъ. Наконецъ надо же положить предѣлы кровопролитію; пора намъ примириться. Эта война чисто-политическая, и мнѣ нечего дѣлать въ Россіи. Я отъ нея ничего не требую болѣе, какъ исполненія условій Тильзитскаго договора; я хочу возвратиться, потому что всѣ моя дѣла касаются Англіи. О, если бы я взялъ Лондонъ, то не скоро бы его оставилъ! Да, я хочу возвратиться во Францію. Если императоръ Александръ желаетъ мира, то ему стѣдуетъ только извѣстить меня объ этомъ; я пошлю къ нему одного изъ моихъ адъютантовъ, Нарбонна или Лористона, и миръ немедленно будетъ заключенъ. Но если онъ желаетъ продолжать войну, то и я буду продолжать; мои солдаты только того и требуютъ, чтобы идти на Петербургъ. Ну что же, мы пойдемъ, и Петербургъ испытаетъ участь Москвы“.

Воспользовавшись тѣмъ временемъ, когда Наполеонъ нюхалъ табакъ, Яковлевъ спросилъ его: гдѣ находится наша главная армія? „Ваша армія отступаетъ по Рязанской дорогѣ“, отвѣчалъ Наполеонъ — „А Витгенштейнъ?“ — „Онъ у Петербурга; его совершенно разбилъ Сенъ-Сиръ. Ваши солдаты очень хороши, у васъ нѣтъ недостатка и въ хорошихъ офицерахъ; но вашъ офицеръ не выдержитъ того, что можетъ выдержать нашъ. Нашъ одинаково переноситъ зной и холодъ и всякаго рода лишенія“.

„Въ словахъ Наполеона, замѣчаетъ Яковлевъ, „выражались или хвастовство или ложь. Такъ онъ увѣрялъ, что наши бумажныя деньги каждый день падаютъ въ цѣнѣ, и мы скоро обанкротимся, что его солдаты завели торги въ Москвѣ и прибавилъ: „Знаете ли, если мои солдаты дадутъ объ этомъ знать своимъ родственникамъ, то привлекутъ къ вамъ всю Европу, какъ въ обѣтованную землю“. „Вы желаете пропуска изъ Москвы чрезъ мои аванпосты, говорилъ онъ; я согласенъ на это, но съ условіемъ: когда проводите своихъ, куда намѣреваетесь ихъ проводить, поѣзжайте въ Петербургъ. Императору будетъ весьма пріятно видѣть свидѣтеля-очевидца всѣхъ происшествій въ Москвѣ и выслушать вашъ отчетъ“. Яковлевъ отвѣчалъ, что, по своему общественному положенію, онъ не имѣетъ никакого права лично представляться Императору. Наполеонъ возразилъ, что онъ можетъ это устроить или черезъ оберъ-гофъ-маршала графа Толстаго, котораго онъ знаетъ какъ хорошаго человѣка, или поручить камердинеру Императора доложить о себѣ, или наконецъ встрѣтить Императора во время его ежедневныхъ прогулокъ. Вынужденный настояніями Наполеона, Яковлевъ наконецъ сказалъ: „Государь! Я нахожусь теперь въ вашей власти; но я не перестаю быть вѣрнымъ подданнымъ императора Александра и останусь имъ до тѣхъ поръ, пока течетъ кровь въ моихъ жилахъ. Не требуйте отъ меня того, чего я не могу сдѣлать и, слѣдовательно, не могу вамъ и обѣщать“.—„Хорошо, отвѣчалъ Наполеонъ, въ такомъ случаѣ я напишу письмо къ Императору. Я скажу ему, что приглашалъ васъ къ себѣ, что я съ вами говорилъ“. По свидѣтельству Яковлева, Наполеонъ разсказалъ ему содержаніе письма, сущность котораго заключалась въ томъ, что онъ желаетъ заключить миръ. Онъ объявилъ ему, что онъ долженъ отвезти письмо въ Петербургъ и, пожелавъ добраго пути, отпустилъ. Яковлевъ ничего не отвѣчалъ. „Признаюсь откровенно, говоритъ онъ, что я и тогда не зналъ, какъ и теперь не знаю, слѣдовало ли мнѣ взять это письмо или отказаться отъ него“²⁾.

Императоръ Наполеонъ писалъ: „Государь мой братъ! Узнавъ, что братъ министра вашего величества при Кассельскомъ дворѣ находится здѣсь, я призывалъ его къ себѣ и говорилъ съ нимъ. Я поручилъ ему отправиться къ вашему величеству и выразить вамъ мои чувства. Прекрасная, великолѣпная Москва уже не существуетъ! Ростопчинъ ее сжегъ. 400 зажигателей были пойманы на мѣстѣ преступления. Всѣ они показали, что поджигаютъ по приказаніямъ губернатора и начальника полиціи. Они были разстрѣляны. Наконецъ пожары, кажется, прекратились. Три четверти домовъ сдѣлалось добычею пламени; уцѣлѣла одна четвертая часть. Поступокъ ужасный и не имѣющій цѣли. Того ли хотѣли, чтобы лишить насъ нѣкоторыхъ способовъ продовольствія? Но запасы находились въ погребахъ, до которыхъ не коснулся огонь. Впрочемъ, какъ можно было предавать огню одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ въ свѣ-

²⁾ Русск. Архивъ 1874 г., стр. 1062—1066.

тѣ, созданный вѣками, для достиженія такой незначительной цѣли? Точно также поступаютъ, начиная съ самаго Смоленска, и отъ этого доведено до нищеты 600 тысячъ семействъ. Городскія пожарныя трубы были или изломаны, или увезены; часть оружія изъ арсенала была роздана преступникамъ, и намъ пришлось выстрѣлами прогнать ихъ изъ Кремля. Человѣчество, выгоды вашего величества и этого обширнаго города требовали ввѣрить мнѣ столицу, оставленную Русскими войсками. Надо было оставить въ ней власти, городское управленіе и гражданскую стражу. Такъ поступали два раза въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, въ Мадридѣ; такъ поступили и вы въ Миланѣ, когда входилъ въ него Суворовъ. Пожаръ далъ солдатамъ право грабить; они оспаривали добычу у пламени. Если бы я могъ предполагать, что такъ поступаютъ на основаніи повелѣній вашего величества, то я не писалъ бы къ вамъ этого письма. Но я считаю несогласнымъ съ вашими правилами, съ вашимъ сердцемъ, съ вашимъ свѣтлымъ образомъ мыслей, чтобы вы допустили такія неистовства, недостойныя ни великаго монарха, ни великаго народа. Въ то время, когда вывозили изъ Москвы пожарныя трубы, въ ней оставили 150 полевыхъ орудій, 70 тыс. новыхъ ружей, 1,600,000 патроновъ и много пороху, сѣлитры, сѣры и проч. Я веду войну съ вашимъ величествомъ безъ всякаго озлобленія. Простая записочка отъ васъ, прежде или послѣ послѣдняго сраженія, остановила бы мое движеніе и, чтобы угодить вамъ, я пожертвовалъ бы выгодною вступить въ Москву. Если ваше величество, хотя отчасти сохраняете прежнія ко мнѣ чувства, то вы благосклонно прочтете это письмо. Во всякомъ случаѣ вы будете мнѣ благодарны за то, что я отдаю отчетъ вашему величеству о происходящемъ въ Москвѣ“.

Это письмо было получено Александромъ Павловичемъ; но онъ не отвѣчалъ и не могъ отвѣчать на него. Оно служило явнымъ признакомъ, что Наполеонъ поставилъ свое войско въ такое положеніе, что единственнымъ для него способомъ спасенія было бы скорое заключеніе мира. Могъ ли Русскій императоръ идти ему на помощь и спасти своего врага и врага Россіи? Но Наполеонъ могъ иначе объяснять себѣ молчаніе Русскаго государя. Конечно онъ помнилъ, какъ упорно отказывался Яковлевъ лично представиться Императору и передать ему его письмо. Не получая отвѣта, онъ могъ предполагать, что Яковлевъ рѣшился взять это письмо для того только, чтобы выбраться изъ Москвы съ своими родными и прислугою и не исполнилъ порученія, не доставилъ его письма. Молчаніе Государя Наполеонова гордость скорѣе всего могла объяснить этимъ обстоятельствомъ. Онъ придумалъ новое средство.

Въ тотъ же самый день, когда онъ отказался отъ предположенія, угрожая Петербургу, двинуть свои войска на соединеніе съ Викторомъ, Сень-Сиромъ и Макдональдомъ, Наполеонъ рѣшился отправить своего уполномоченнаго къ императору Александру для предложенія и заключенія мира. Но этотъ уполномоченный могъ достигнуть до Петербурга не иначе, какъ получивъ пропускъ и даже провожатыхъ отъ главнокомандующаго Русскими войсками.

Поэтому, по его порученію, начальникъ его штаба (22 Сентября) писалъ къ Неаполитанскому королю: „Его величество, рѣшившись отправить къ Русскому главнокомандующему одного изъ своихъ генераль-адъютантовъ, желаетъ, чтобы вы поручили начальнику вашего штаба написать къ начальнику непріятельскаго авангарда письмо въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Императоръ, намѣреваясь отправить одного изъ своихъ генераль-адъютантовъ къ кн. Кутузову, желаетъ знать день, часъ и мѣсто, гдѣ онъ можетъ его принять“. Это письмо должно быть передано подъ росписку начальника авангарда. Само собою разумѣется, что императоръ предоставляетъ избрать удобное время для этого дѣла, чтобы оно не показалось вынужденнымъ обстоятельствами“. Даже Мюрату, котораго войска, состоявшія преимущественно изъ конницы, были еще въ болѣе разстройствѣ, нежели другія, Наполеонъ хотѣлъ представить этотъ поступокъ совершенно свободнымъ и невынужденнымъ. Но послѣднія строки обличали его дѣйствительное значеніе. „Генераль-адъютантъ, котораго пошлетъ его императорское величество, вѣроятно пріѣдетъ сегодня же вечеромъ въ вашу главную квартиру“³⁾. Очевидно, Мюратъ какъ возможно скорѣе долженъ былъ исполнить возлагаемое на него порученіе, чтобы не задерживать на неопредѣленное время генераль-адъютанта въ своей главной квартирѣ. При Наполеонѣ находились графы Коленкуръ и Лористонъ, оба состоявшіе послами Франціи при Русскомъ императорѣ. Всего естественнѣе представлялось отправить одного изъ нихъ. За Коленкуромъ Наполеонъ признавалъ болѣе дипломатическихъ способностей и полагалъ, что онъ болѣе могъ имѣть вліянія и успѣшнѣе дѣйствовать на Русскаго императора и наконецъ, что онъ болѣе знакомъ если не съ Россіею, то съ высшимъ обществомъ Петербурга, вслѣдствіе продолжительнаго тамъ пребыванія. Но Коленкуръ постоянно выражалъ несочувствіе къ предпріятіямъ своего повелителя противъ Россіи, постоянно защищалъ Русскаго императора и заявлялъ объ его миролюбивыхъ свойствахъ. Наполеонъ во все время похода не входилъ съ нимъ ни въ какія разсужденія. Теперь, вынужденный обстоятельствами, онъ долженъ былъ обратиться къ нему. Онъ призвалъ къ себѣ Коленкура, но прежде чѣмъ начать рѣчь, долго и скорыми шагами ходилъ взадъ и впередъ. Признаться передъ нимъ, что онъ вынужденъ просить мира и требовать его услугъ въ этомъ случаѣ, было тяжело для его гордости. Наконецъ онъ заговорилъ, что намѣренъ предпринять походъ на Петербургъ, что разрушеніе этого города конечно огорчитъ Коленкура, котораго онъ постоянно дразнилъ приверженностию къ императору Александру; что это событіе произведетъ возмущеніе въ Россіи, которое можетъ стоить даже жизни Русскому государю. Эти слова конечно также были рассчитаны на тѣ чувства, которыя Коленкуръ выражалъ постоянно въ отношеніи къ

³⁾ Письмо марш. Бертъ къ Мюрату 4 Окт. н. ст. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, прилож., стр. 192.

Александрѣ Павловичу. „Но, продолжалъ Наполеонъ, изъ личнаго расположенія къ нему и потому, что онъ самый склонный къ выгодамъ Франціи, я желаю предупредить такой переворотъ и съ этою цѣлю посылаю васъ въ Петербургъ для заключенія мира“. Коленкуръ возразилъ, что такое посольство не только не будетъ полезно (потому что императоръ Александръ никогда не заключитъ мира, пока Французскія войска находятся въ предѣлахъ его имперіи), но даже вредно, потому что обличить ихъ затруднительное положеніе. Тогда Наполеонъ вдругъ прервалъ бесѣду словами: „Хорошо, въ такомъ случаѣ я пошлю Лористона“. Онъ немедленно призвалъ его и, не обращая вниманія на его отговорки, поручилъ ѣхать въ Русскій лагерь. „Я желаю мира, говорилъ онъ; мнѣ нуженъ миръ; я непременно хочу его заключить, только бы честь была спасена“ ⁴⁾.

Лористонъ былъ снабженъ письмомъ Наполеона къ князю Кутузову. Единственнымъ послѣдствіемъ его поѣздки въ Тарутинскій лагерь было обѣщаніе, данное Русскимъ главнокомандующимъ, что онъ немедленно сообщитъ Государю своему о желаніи Наполеона вступить въ мирныя переговоры и съ этою цѣлю отправить въ Петербургъ своего адъютанта. До полученія отвѣта Русскаго императора, дѣла должны были оставаться въ прежнемъ положеніи. Лористонъ, „при семъ случаѣ, рассчитывалъ съ нетерпѣніемъ время, когда сей отвѣтъ придти можетъ“, какъ доносилъ Государю кн. Кутузовъ ⁵⁾. Не менѣе его рассчитывали это время самъ Наполеонъ и всѣ тѣ изъ окружающихъ его лицъ, кому была извѣстна цѣль поѣздки Лористона.

Вѣсть о попыткѣ заключить миръ скоро распространилась въ войскѣ. О поѣздкѣ Лористона говорили съ живымъ участіемъ, какъ свидѣтельствуешь очевидецъ. Впрочемъ слухамъ о мирѣ давали вѣру потому только, что всѣ его желали. Люди благоразумные считали его совершенно невѣроятнымъ. „Возможно-ли, чтобы правительство, которое рѣшилось на такое дѣло самоотверженія, грозное и дикое, какъ сожженіе Москвы, не захотѣло бы лучше похоронить себя подъ развалинами имперіи, нежели вступать въ мирныя переговоры съ нами“ ⁶⁾. Французы не придавали важнаго значенія послыжкѣ Лористона и объясняли упорство Наполеона продолжать свое пребываніе въ Москвѣ тѣмъ, что онъ имѣлъ свѣдѣнія, на основаніи

⁴⁾ C-te Segur. L'histoire Napoléon et de la grande armée, т. II, гл. VIII, стр. 81—83; Souvenir du duc de Vicence, par Charlotte de Sor, т. I, стр. 88—89. Коленкуръ, по этимъ разсказамъ, отрицалъ намѣреніе Наполеона послать его для открытія мирныхъ переговоровъ; но г-жѣ Соръ случайно удалось часто бесѣдовать съ нимъ въ 1826 г. въ Пломбьерѣ, и изъ этихъ разговоровъ она составила свои воспоминанія. Вѣрно-ли сохранила ихъ память больной женщины и вполнѣ-ли откровенно бесѣдовалъ съ ней Коленкуръ? А между тѣмъ Тьеръ (Hist. de l'empire, кн. XXVI) подтверждаетъ, что прежде Лористона Наполеонъ предлагалъ Коленкуру ѣхать къ князю Кутузову, но онъ отказался.

⁵⁾ Всеподан. донесеніе кн. Кутузова 23 Сент. 1812 г. Село Тарутино.

⁶⁾ В. Peyrusse, Mémorial etc., стр. 106, 109.

которыхъ былъ увѣренъ, что миръ будетъ заключенъ. Не поѣздка Лористона могла служить основаніемъ этой увѣренности, но „гораздо вѣроятнѣе (предполагали они), что онъ тайно велъ переговоры въ Петербургѣ и что тамъ происки Англіи разрушили его надежды“ ⁷⁾. Не знаемъ, поощрялъ-ли Наполеонъ эту увѣренность, которую едва-ли самъ имѣлъ; но начальникъ его штаба вполнѣ раздѣлялъ ее. Генераль-интендантъ гр. Дюма рассказываетъ, „что онъ стоялъ вмѣстѣ съ маршаломъ Бертье на одномъ изъ балконовъ Кремлевскаго дворца и наблюдалъ, съ какимъ усиліемъ трудились рабочіе, чтобы снять крестъ съ Ивана Великаго, который, по его мнѣнію, особенно чтимъ у Русскаго народа, полагающаго, что онъ сдѣланъ изъ чистаго золота“. Императоръ Наполеонъ задумалъ поставить его на куполѣ Дома Инвалидовъ въ Парижѣ. Начальникъ штаба, огорченный и взволнованный этимъ грабежемъ, лишеннымъ всякаго политическаго смысла, сказалъ мнѣ, говорить гр. Дюма: „Возможно-ли дѣлать подобныя вещи, когда миръ почти заключенъ?“ ⁸⁾.

Но Наполеонъ дѣлалъ подобныя распоряженія именно потому, что съ каждымъ днемъ терялъ надежду на заключеніе мира. Дни проходили за днями, а отвѣта отъ Русскаго императора онъ не получалъ. Между тѣмъ, судя по времени, онъ долженъ былъ его получить. Это раздражало его, и долгое пребываніе въ Москвѣ лишило послѣдней надежды даже совершить правильное отступленіе. Позорное бѣгство великой арміи подъ его предводительствомъ представлялось его воображенію, вызывало изъ глубины его души дикія страсти и возбуждало жажду неразумнаго мщенія. Онъ руководился уже не соображеніями великаго полководца и императора образованнаго народа, но инстинктомъ грубаго Корсиканца. Онъ самъ началъ грабить, не съ тою цѣлію, чтобы доставить необходимыя средства существованія своимъ войскамъ, а для обогащенія своей казны. Онъ велѣлъ въ это время обратить всѣ серебряныя и золотыя украшенія въ Кремлевскихъ соборахъ. Въ Успенскомъ „поставлены были плавильныя печи“, чтобы переплавить ихъ въ слитки для удобства перевозки. Онъ назначилъ въ распоряженіе маршала Бертье, для раздачи жалованья войскамъ, милліонъ фальшивыхъ ассигнацій, опредѣливъ цѣну рубля въ одинъ франкъ ⁹⁾ и въ тоже время, сберегая свою казну, велѣлъ роздать имъ мѣдныя деньги, найденныя въ Москвѣ. Ассигнацій, которыхъ подложность

⁷⁾ C-te Matieu Dumas. Souvenirs, т. III, стр. 454—456; Rapp., Mémoires, стр. 212—213.

⁸⁾ Est-il possible qu'on fasse une telle chose, quand on a la paix dans sa poche? Souvenirs, т. III, стр. 456.

⁹⁾ В. Peyrusse, Mémorial etc., стр. 170. Донесеніе Тутолмина императрицѣ Маріи Федоровнѣ, 11-го Ноября. 1812 г. Читенія въ Моск. Истор. общ. 1860 г. кн. 2-я, отд. V, стр. 175. Лессенсъ предлагалъ Тутолмину взять денегъ на покупку продовольствія для Воспитательнаго Дома; но онъ отказалъ. Они хотѣли, писалъ онъ, „ссужать меня своими фальшивыми ассигнаціями, коихъ привезли съ собою весьма большое число и ими даже, по повелѣнію императора Наполеона, выдавали

съ одного взгляду была видна, никто не бралъ, тѣмъ болѣе, что они были сторублевыя; тяжелыя же мѣдныя деньги, незначительной цѣнности сравнительно съ ихъ вѣсомъ, брали Французскіе солдаты; они начали ихъ продавать и устроили мѣняльныя лавки по Никольской, у Каменнаго моста и въ другихъ мѣстахъ. Корусть вызвала изъ норъ и подваловъ ограбленныхъ бѣдняковъ, изъ которыхъ многіе принадлежали къ такому слою Московскаго народонаселенія, которое и всегда готово было поживиться чужимъ добромъ. По свидѣтельству современниковъ, этотъ торгъ привлекъ и крестьянъ подмосковныхъ деревень, также разоренныхъ и ограбленныхъ. На Никольской, за 10, потомъ за 7, 5 и 1 рубль серебра можно было купить сколько угодно мѣшковъ мѣди въ 25 р. Трудность заключалась въ томъ, какъ унести ихъ съ собою, по причинѣ тяжести и потому, что густая толпа окружала продавцевъ. У покупателей отнимали ихъ другія лица, жаждавшія приобрѣтенія, а часто и сами Французскіе солдаты, чтобы продать въ другой разъ. „Трудно себѣ вообразить, говоритъ очевидецъ, какое зрѣлище представляла Никольская, наполненная такими продавцами и покупателями. Я пошелъ посмотреть на эту толпу и долженъ былъ осторожно пробираться у стѣны, чтобы не сдѣлаться болѣе нежели простымъ зрителемъ. Солдаты саблями сыпали удары направо и налево, чтобы разрѣдить эту толпу. На другой день устроили торгъ у Воскресенскихъ воротъ, огорожившись отъ толпы, и продавали мѣшки съ мѣдью изъ оконъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ. Толпа по прежнему осаждала продавцевъ, и только ружейными выстрѣлами можно было водворить нѣкоторый порядокъ“¹⁰⁾.

Конечно Наполеонъ долженъ былъ стараться о водвореніи хотя нѣкотораго порядка въ своихъ войскахъ; а между тѣмъ онъ не только возбуждалъ низкія страсти Московскихъ обывателей, но и усиливалъ безпорядокъ, раздавъ войскамъ мѣдныя деньги въ видѣ жалованья, которое давно не платилось имъ, не смотря на представленія маршала Бертье.

Въ первыхъ числахъ Октября больные и раненые, которые, по свидѣтельству докторовъ, могли вынести продолжительное путешествіе, были вывезены по Смоленской дорогѣ. Другіе оставлены въ Москвѣ и помѣщены въ Воспитательномъ Домѣ¹¹⁾. Такъ называемые трофеи вывезены были 3 Октября подъ охраною генерала Клапе-

войскамъ своимъ жалованье. По просьбѣ стоявшаго въ домѣ съ жандармами полковника, который принесъ ко мнѣ кучу сторублевыхъ фальшивыхъ ассигнацій и просилъ размѣнить на двадцатирублевыя, я выбожился, что у меня нѣтъ, а такія же сотенныя; но принужденъ былъ размѣнить одну на мелкія 25 рублевыя и наирѣнъ былъ поднести оную В. И. В-ву; но въ бытность, ген. ад. Кутузова, сказывая ему объ оной, принужденъ былъ по просьбѣ его дать ему, для отправленія Государю Императору“.

¹⁰⁾ Chev. d'Ysarn, Relation etc., стр. 40—43; Arm. Domergues, la Russie pendant les guerres de l'empire, т. II., стр. 115—119; Г-жи Толычевой, Разказы очевидцевъ, стр. 64—65.

¹¹⁾ Тутолминъ, Донесеніе императрицѣ 11-го Ноября. Тамъ же, стр. 177.

реда, а генераль Нансуті, сопровождавшій послѣдній обозъ съ ранеными, получилъ приказаніе возвращать назадъ въ Смоленскъ всѣ обозы и отряды, которые двигались въ Москву ¹²). Въ это же время отправлены въ Смоленскъ и Русскіе плѣнные, и состоялся жестокий приказъ беспощадно убивать всякаго, кто будетъ отставать по усталости или по истощеніи силъ отъ своихъ товарищей. Русскій офицеръ, находившійся въ одной изъ такихъ партій, говоритъ, что „ихъ колонна состояла слишкомъ изъ тысячи человѣкъ; но и тутъ, какъ и между офицерами, не всѣ были военные и понапрасну дѣлили съ нами горькую участь. Въ солдатской колоннѣ много было купцовъ и крестьянъ. Французы, ссылаясь на ихъ бороды, увѣрили, что это были казаки. Тутъ были и дворовые люди, и даже лакеи въ ливреяхъ, которые, по мнѣнію провожавшихъ ихъ Французовъ, были тоже переодѣтые солдаты“ ¹³).

Дѣятельность Наполеона не ослабѣвала и въ это время; но, одержимый порывами гнѣва, онъ то отдавалъ приказанія, которыя самъ отмѣнялъ потомъ, или такія, которыя исполнены быть не могли; то увлекался едва вѣроятными предположеніями, обличавшими тревожное состояніе его духа. Въ послѣднихъ числахъ Сентября, узнавъ, что въ одномъ изъ подваловъ найдено десять человѣкъ Русскихъ солдатъ, онъ предписалъ маршалу Бертье немедленно разстрѣлять ихъ, какъ поджигателей, „завтра въ 4 часа утра, безъ огласки“. Но на томъ же приказѣ было помѣчено, что онъ не былъ исполненъ потому, что это оказались больные ¹⁴). 1-го Октября Французскіе полицейскіе чиновники взяли и подъ стражею привели въ домъ, занимаемый комендантомъ, шесть человѣкъ Русскихъ изъ высшихъ сословій. Ихъ продержали съ 7 часовъ утра до 8 вечера въ холодной комнатѣ, у дверей которой поставлены были четыре драгуна съ обнаженными саблями. Вечеромъ пришелъ къ нимъ генераль Дюронель съ полицеймейстеромъ Виллерсомъ, которые объявили имъ, что „высланные изъ Москвы гр. Ростопчинымъ на баркѣ иностранцы въ Казань или Сибирь содержатся тамъ дурно; посему императоръ Наполеонъ приказалъ имъ написать объ этомъ къ своему Императору и князю Кутузову, чтобы Французы непременно были возвращены, въ противномъ случаѣ они будутъ разстрѣляны“. Ихъ отдали подъ стражу, продержали три дня, давая каждому по куску хлѣба въ день, и потомъ выпустили на свободу, которая была имъ объявлена маршаломъ Мортье ¹⁵). Прежде еще водворенія своего въ Кремль, Наполеонъ услышалъ отъ явившихся къ нему Московскихъ Французовъ объ этой мѣрѣ графа Ростопчина и потомъ, въ

¹²) В. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, 153.

¹³) Записки гр. Перовскаго, Русск. Архивъ 1865 г. стр. 1049; Roos, Ein Jahr aus meinen Leben. СПб. 1832, стр. 186—187; Fesenzac, Souvenirs milit. стр. 281—282.

¹⁴) Chambray, Hist. de l'expédition etc., т. III, прилож., стр. 424. Приказъ 6 Окт. н. ст.

¹⁵) Донесеніе въ госуд. коллегію иностр. дѣлъ Бантыша-Каменскаго, 7 Нояб. 1812 г. Русск. Архивъ 1875, стр. 294—296.

первые дни пребывания въ Кремлѣ и Петровскомъ дворцѣ, могъ узнать всѣ подробности и отъ оставшихся въ Москвѣ семействъ этихъ Французовъ. Если бы онъ съ самаго начала принялъ какія нибудь мѣры, чтобы облегчить ихъ участь, какъ и рассказываютъ нѣкоторые изъ нихъ ¹⁶⁾, то подобный образъ дѣйствій имѣлъ бы значеніе. Но захватъ шести человѣкъ заложниковъ, за нѣсколько дней до оставленія Москвы, съ тѣмъ, чтобы черезъ три дня выпустить ихъ на свободу, обнаруживаетъ только чувство мести, которое не могло повести ни къ какимъ послѣдствіямъ.

Еще страннѣе представляются тѣ враждебные Россіи замыслы, которыя питалъ Наполеонъ въ это время. Одинъ изъ Французовъ, находившихся тогда въ Москвѣ и часто посѣщавшій графа Дарю, которому Наполеонъ сообщалъ свои соображенія съ наибольшою откровенностью, рассказываетъ, „что онъ предполагалъ образовать обширное Польское королевство и возложить на себя Польскую корону, устроить особое герцогство Смоленское для кн. Понятовскаго и вокругъ Польши образовать союзъ государствъ наподобіе Рейнскаго (*la confédération de la Vistule*); сюда онъ хотѣлъ присоединить и тѣ губерніи, которыя намѣревался отнять у Россіи. Чтобы привести въ исполненіе такое предположеніе, онъ рассчитывалъ не только на силу оружія, но и на свои обольщенія. Онъ велъ разговоры съ крестьянами, которымъ сулилъ освобожденіе; но убѣдился, что это оружіе противъ Россіи, на которое онъ съ увѣренностью рассчитывалъ, не могло имѣть никакого значенія въ рукахъ иностранца, ненавидимаго Русскимъ народомъ. Поэтому онъ думалъ, нельзя ли имѣть въ своемъ распоряженіи кого либо изъ потомковъ удѣльныхъ Русскихъ князей, который цѣною измѣны Отечеству захотѣлъ бы сѣсть на престолъ своихъ предковъ. Особенно его вниманіе обращалось на князей Долгорукихъ, такъ много пострадавшихъ въ царствованіе Анны Іоанновны. Онъ розыскивалъ въ Москвѣ съ большимъ стараніемъ въ сохранившихся архивахъ и частныхъ бібліотекахъ все, что касалось до Пугачевского бунта, думая воспользоваться тѣми средствами, которыя употреблялъ этотъ злодѣй ¹⁷⁾. Въ этомъ смыслѣ писались даже проекты манифестовъ⁴. Наполеонъ предполагалъ тоже возмутить Татаръ. Получивъ извѣстіе отъ своего губернатора изъ Вильны, генерала Гогендорпа, что нѣкоторые изъ плѣнныхъ Татаръ изъявляютъ готовность служить въ его войскахъ, онъ немедленно отвѣчалъ ему, что „всѣ способы умножить конницу дороги; ничего не должно оставлять безъ вниманія. Вы пишете, что плѣнные Татары пламенно желаютъ стать подъ мои знамена. Смѣло можно составить изъ нихъ полкъ, если найдется тысяча человѣкъ съ лошадью. Надо содѣйствовать этому“ ¹⁸⁾. Онъ искалъ даже эмиссаровъ, чтобы послать ихъ въ Казань подговаривать къ возстанію соплеменниковъ.

¹⁶⁾ Armand Domergues. *La Russie pendant les guerres de l'empire*, т. II стр. 44—45.

¹⁷⁾ Записка Д'Орпера, рукопись; chev. d'Yzarn, *Relation etc.*, стр. 34—35.

¹⁸⁾ Шамбре, *Hist. de l'expédition etc.*, т. II, стр. 214; Fain, *Manuscrit de 1812*, т. II, стр. 140.

Вмѣстѣ съ этими фантастическими предположеніями, Наполеонъ обдумывалъ въ это время иного рода мщеніе, котораго исполненіе дѣйствительно было въ его власти: онъ намѣревался сжечь всѣ уцѣлѣвшія въ Москвѣ, послѣ пожаровъ, зданія и взорвать Кремль съ его древними стѣнами и башнями, съ его дворцами и соборами.

Между тѣмъ проходило время, и съ каждымъ днемъ положеніе Французскихъ войскъ становилось хуже и опаснѣе. Народная война вокругъ столицы разгоралась во всей силѣ; смѣлость партизанскихъ отрядовъ умножалась; казаки, значительно усиленные новыми полками, пришедшими съ Дона въ Тарутинскій лагерь, врываются даже въ самый городъ. Не только за заставами Москвы и въ ея окрестностяхъ ежедневно или попадали въ плѣнъ, или погибали сотни непріятелей; но и въ самомъ городѣ они не находились въ безопасности. Изъ разсказовъ очевидцевъ-свидѣтелей видно, до какой степени доходила смѣлость казаковъ въ этомъ отношеніи. Недалеко отъ Калужскихъ воротъ, въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ домовъ, у хозяйки-Француженки жило нѣсколько пріятелей ея офицеровъ, а противъ нихъ помѣщался въ другомъ небольшомъ домѣ отрядъ гусаровъ. По вечерамъ эти гусары играли въ карты. Къ нимъ хаживалъ солдатъ, исправлявшій должность конюха у офицеровъ и одержимый страстью къ карточной игрѣ. Онъ заставлялъ подметать свою конюшню мальчика 14 лѣтъ, ученика Духовной Академіи, водилъ его иногда съ собою къ гусарамъ. Однажды, во время игры, онъ на счастье посадилъ его рядомъ съ собою; но, проигравшись, далъ ему такого пинька, что мальчикъ едва опомнился, выбѣжавъ изъ дома на улицу. Въ это время онъ замѣтилъ, что кто-то, пригибаясь и поднимаясь, смотрѣлъ въ освѣщенные окна. „Что ты корчишься и высматриваешь, не хочешь ли поиграть съ ними?“ спросилъ его мальчикъ. Незнакомецъ быстро отскочилъ отъ окна и подошелъ къ нему. „Тебѣ какое дѣло; ну поиграть. Ты живешь что-ли въ этомъ домѣ?“ Поговоривъ съ мальчикомъ и узнавъ о горькой участи его семейства и только что полученномъ имъ пинькѣ, онъ взялъ его подъ руку и сказалъ: „Я вижу, что ты добрый малый. Пойдемъ-ка въ этотъ садъ; мнѣ нужно поговорить съ тобою“. Удалившись въ глубь сада, неизвѣстный распахнулъ свою сермягу. „Теперь видишь, кто я“. Въ крестьянинѣ съ рыжею бородою, въ шапкѣ и въ сермягѣ, подпоясанной кушакомъ, мальчикъ увидалъ казака въ синемъ полукафтанѣ съ пистолетами за поясомъ и саблею при бедрѣ. „Слушай, малюга, говорилъ ему казакъ, слушай меня обѣими ушами и отвѣчай сущую правду, о чемъ буду тебя спрашивать, какъ слѣдуетъ Русскому вѣрному подданному. Мнѣ нужно знать, сколько человекъ гусаровъ живетъ въ этомъ домѣ, гдѣ хранится ихъ оружіе, въ которой комнатѣ они спятъ, гдѣ стоятъ ихъ лошади“. Получивъ подробныя свѣдѣнія, казакъ заключилъ свой разговоръ, грозя пальцемъ мальчику: „Ей, малюга, заруби на память на носу, если хочешь самъ быть живъ и сохранить жизнь твоей семьѣ, чтобы никому не сказывать, ни отцу, ни матери, о чемъ я тебя спрашивалъ. Ни гу-гу и о томъ, что сдѣлается съ гусарами“. Воспользовавшись знакомствомъ съ казакомъ, мальчикъ спросилъ его: „скоро-ли будетъ заклю-

ченъ миръ?¹⁹ Ему нерѣдко приходилось слышать, что непріатели только и желаютъ скорѣйшаго заключенія мира. Казакъ съ удивленіемъ взглянулъ на него. „О какомъ ты говоришь мирѣ? У насъ нѣтъ ни помину, ни слуху о мирѣ. Нашъ фельдмаршалъ говоритъ, что война только что начинается“. Сказавъ эти слова, казакъ отправился къ своимъ, на сборное мѣсто, которое находилось весьма недалеко, за Донскимъ монастыремъ. Черезъ день суматоха, поднявшаяся въ томъ домѣ, гдѣ жилъ мальчикъ, разбудила его утромъ ранѣе обыкновеннаго времени. Гусары всѣ были перебиты; ихъ оружіе, одежда были похищены, лошади уведены. Поднялась тревога между офицерами: производилось изслѣдованіе, которое ничего не открыло. Полковникъ съ офицерами, послѣ донесенія объ этомъ происшествіи, возвратясь изъ Кремля, говорили хозяйкѣ домѣ, что маршалъ осыпалъ ихъ упреками за безпечность. „Между тѣмъ, говорили они, виноватъ во всемъ самъ императоръ: завелъ войско въ такую глушь, гдѣ не отыщешь ни начала, ни конца. Мы даже не знаемъ состоянія Русской арміи. Можетъ быть, нѣкоторые отряды, врываясь по ночамъ въ Москву, производятъ подобныя убійства, которыхъ въ прошлую ночь было не одно наше“¹⁹).

По окраинамъ Москвы, уже среди бѣлаго дня, казаки нападали въ расплохъ, подмѣтивъ неосторожныхъ непріателей. „Проходя мимо одного дома, уже въ то время, какъ Французы начали оставлять Москву, я полюбопытствовалъ взглянуть въ щель забора, что дѣлалось на дворѣ, говоритъ очевидецъ, и увидалъ, что семь челоувѣкъ непріателей, похожихъ болѣе на деньщиковъ или служителей, почти безоружные, укладывали какое-то имущество въ фуру. Вдругъ влетѣлъ на дворъ казакъ и въ нѣсколько секундъ всѣхъ ихъ перебилъ пикой, соскочилъ съ лошади, обыскалъ ихъ и уѣхалъ“. Въ это же время, когда Наполеонъ уже выѣхалъ изъ Москвы, Мортъе заперся въ Кремлѣ и выступали послѣдніе отряды. Одинъ изъ такихъ отрядовъ, по свидѣтельству также очевидца, двигался въ направленіи къ Петровскому дворцу. Вдругъ противъ него показался отрядъ казаковъ; началась перестрѣлка; казаки двинулись въ атаку, „Французы не устояли и обратили тылъ. Казаки вскорѣ настигли ихъ, и пошла работа пиками. А въ тоже время бѣгущихъ Французовъ встрѣтили православные наши мужички, какъ бы выросшіе изъ земли, съ домашними орудіями. Тогда все смѣшалось. Картина была страшная. Казаки съ удивительною быстротою укладывали Французовъ на вѣчный покой; мужички усердно помогали. Французы видимо исчезали съ лица земли; имъ не давали пощады“. Пространство отъ камеръ-коллежскаго вала до Петровскаго дворца было изрыто ямами, изъ которыхъ брали глину. Въ этихъ-то ямахъ сидѣли вооруженные подмосковные крестьяне, сторожа непріателей; въ эти же ямы они и зарывали убитыхъ²⁰). Почти ежедневно приходили такъ извѣстія объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ нашихъ партизановъ, не-

¹⁹) Доктора Рязанова, Воспоминанія очевидца, гл. 22, стр. 205—220.

²⁰) П. Г. Кичеева, Изъ недавней старины, стр. 43, 46—48.

прерывною цѣпью окружавшихъ столицу и подступавшихъ къ ней все ближе и ближе. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣйствій имѣли особенно важное значеніе, какъ напр. взятіе приступомъ Вереи генераломъ Дороховымъ и срытіе ея укрѣпленій. Верею императоръ Наполеонъ велѣлъ укрѣпить и посадилъ въ ней значительный гарнизонъ, считая ее важною точкою опоры для охраненія своихъ сообщений по Смоленской дорогѣ. Это извѣстіе произвело большое волненіе между Французами; но и оно не могло побѣдить упорство Наполеона, все еще не рѣшавшагося на отступление. Однако его военныя распоряженія въ это время указывали ясно, что нѣсколько дней ранѣе или позднѣе, онъ долженъ былъ принять это рѣшеніе.

Въ послѣднихъ числахъ Сентября онъ поручилъ начальнику своего штаба увѣдомить маршала Жюно, съ возложеніемъ на него отвѣтственности (*sous la responsabilité*), чтобы онъ всѣхъ раненыхъ и больныхъ, находившихся въ Можайскѣ, Рузѣ и Колоцкомъ монастырѣ, немедленно отправилъ въ Вязьму, и въ тоже время написать генералу Бараге-д'Илье въ Вязьму, чтобы оттуда онъ отправилъ ихъ къ Смоленску. Съ этою цѣлю поручалось обоимъ генераламъ дѣлать поиски на 25 верстъ въ окружности отъ Можайска и Вязьмы, чтобы собрать достаточное число подводъ для исполненія предписанія. Маршалу Жюно позволялось даже воспользоваться тѣми военными транспортами, которые придутъ въ Можайскъ изъ Смоленска, нагруженные уже не одеждою и припасами для госпиталей, но только мукою, для снабженія госпиталей и этаповъ. „Мое намѣреніе, говорилъ въ заключеніе Наполеонъ, состоитъ въ томъ, чтобы въ продолженіи осьми дней не оставалось ни одного раненаго ни въ Рузѣ, ни въ Колоцкомъ монастырѣ, ни въ Можайскѣ и Гжатскѣ. Забудьте генераламъ, что это дѣло великой важности“²¹⁾. По донесеніямъ Бараге-д'Илье оказывалось, что въ его распоряженіи находится слишкомъ мало войскъ, чтобы онъ могъ успѣшно охранять безопасность дороги. Онъ предлагалъ сосредоточить значительные корпуса войскъ въ Вязьмѣ, Гжатскѣ и Дорогобужѣ. Наполеонъ, одобряя его предположенія, предписалъ останавливать въ этихъ городахъ и въ Можайскѣ всѣ отряды, слѣдовавшіе изъ Смоленска въ Москву. Очищая Смоленскую дорогу отъ обозовъ съ больными и ранеными, обезпечивая ее отъ нападений нашихъ партизановъ и народныхъ ополченцевъ, конечно онъ долженъ былъ обратить вниманіе на то, что эта дорога совершенно разорена и не можетъ представить никакихъ способовъ для продовольствія и фуража. Поэтому онъ писалъ начальнику своего штаба: „Такъ какъ дорога отъ Смоленска до Можайска совершенно истощена, то не мѣшало бы (*il est convenable*) вамъ написать къ Бараге д'Илье, чтобы онъ предписалъ комендантамъ Дорогобужа, Гжатска, Вязьмы и пр. розыскать двѣ паралельныя дороги, въ двухъ или трехъ миляхъ справа, такимъ образомъ, чтобы слѣдующіе къ

²¹⁾ Письмо императора Наполеона начальнику штаба, Moscou le 6 Octobre 1812, Шамбре, т. III, прилож., стр. 425—426.

Дорогобужу, Вязьмѣ и Можайску отряды проходили въ эти города, но шли бы по дорогамъ неопустошеннымъ“ ²²⁾. Въ тоже время онъ поручалъ увѣдомить маршала Виктора, чтобы онъ задерживалъ всѣ отряды въ Смоленскѣ, даже генераловъ и офицеровъ и не допускалъ ихъ продолжать путь къ Вязьмѣ и Можайску по *разоренной* дорогѣ. Предписывая составить дивизию изъ подходившихъ къ Смоленску отрядовъ войскъ, подчиняя ее Вараге-д'Илье и на его мѣсто назначая въ Вязьму генерала Шарьера, Наполеонъ поручалъ этой дивизіи запасти провіантомъ въ Смоленскѣ на 12 дней и быть готовою къ выступленію не по старой дорогѣ на Вязьму, но по новой, „которую я укажу“, писалъ Наполеонъ, прибавляя: „Поэтому по старой дорогѣ не будутъ уже слѣдовать никакіе: ни артиллерійскіе и вообще военные обозы, ни отряды конницы и пѣхоты; но только эстафеты, почта и нѣкоторые офицеры Главнаго Штаба по нѣкоторымъ неотлагательнымъ дѣламъ служебнымъ, на примѣръ: сопровожденію ручныхъ мельницъ, которыя должны прибыть въ Смоленскъ изъ Парижа. Эта дорога будетъ также открыта для перевозки больныхъ и раненыхъ и отрядовъ, которые отъ арміи будутъ слѣдовать въ Смоленскъ; но ничего не будетъ слѣдовать по ней изъ Смоленска къ Москвѣ“ ²³⁾.

Не смотря на то, что предписанія Наполеона были таковы, что или не могли быть вовсе исполнены, какъ предписаніе маршалу Жюно (собрать у Русскихъ крестьянъ по окрестностямъ Можайска достаточное число подводъ для перевозки раненыхъ и больныхъ), или требовали значительнаго времени для исполненія; но общее значеніе всѣхъ этихъ мѣръ очевидно состояло въ томъ, чтобы очистить и обезопасить Смоленскую дорогу на Можайскъ и Москву. Октября 2 (14), по его порученію, Бертье писалъ къ Мюрату: „Императоръ, отправляя изъ Москвы больныхъ и раненыхъ и вооружая Кремль, предписываетъ и вамъ отправить въ Можайскъ вашихъ больныхъ и раненыхъ. Прикажите хорошо развѣдать путь, по которому вы могли бы двинуться къ Можайску, чтобы вы знали дорогу, на случай, если вамъ придется отступать передъ непріателемъ. Императоръ предполагаетъ, что ваши обозы, паркъ и большая часть пѣхоты могутъ уйти такъ, что непріатель и не замѣтитъ“. Бертье поручалъ ему запасти продовольствіемъ на много дней и самъ изъявлялъ готовность выдать нѣсколько муки и вина изъ Московскихъ запасовъ ²⁴⁾. Наполеону очевидно приходило на мысль, что сила обстоятельствъ можетъ принудить его отступать по этой дорогѣ. Но безъ сомнѣнія это была бы крайняя мѣра, которой онъ желалъ избѣжать, о которой онъ не могъ никому и говорить: каждый изъ его начальниковъ съ ужасомъ отнесся бы къ такому предположенію. Но онъ проговаривался иногда во время

²²⁾ Письмо 10-го Окт. 1812 г. Москва. Шамбре, тамъ же, стр. 428.

²³⁾ Письмо отъ 10 Окт. 1812 г. Москва. Шамбре, тамъ же, стр. 428—430.

²⁴⁾ Письмо Бертье къ Мюрату 14 Окт. 1812, Москва, въ 10 ч. вечера. Шамбре, тамъ же, стр. 432—433.

гнѣва и раздраженія, прибавляя однакоже, что онъ пойдетъ по этой дорогѣ послѣ заключенія мира ²⁵⁾.

Желанная мысль о скоромъ оставленіи Москвы распространилась въ войскахъ. Поспѣшный вывозъ больныхъ и раненыхъ и особенно возвращеніе въ Москву корпусовъ, находившихся въ Богородскѣ и Дмитровѣ, подтверждали эту надежду. Всѣ дожидались рѣшительнаго приказанія. Корпусъ маршала Нея возвратился въ Москву изъ Богородска 3 (15) Октября, и 6-го императоръ дѣлалъ ему смотръ въ Кремль. „Этотъ смотръ былъ такъ хорошъ, какъ позволяли только обстоятельства, говоритъ одинъ изъ офицеровъ, служившихъ у него. Полковники соревновали въ усердіи одинъ передъ другимъ, чтобы показать полки въ возможно-лучшемъ состояніи. Никто, смотря на нихъ, не подумалъ бы, сколько перестрадали и какъ страдали эти солдаты. Я увѣренъ, что хорошій видъ, который сохраняли наши войска посреди ужаснѣйшихъ бѣдствій, поддерживалъ и упрямство Наполеона, убѣждая его, что съ такими людьми нѣтъ ничего невозможнаго“ ²⁶⁾. Ту же мысль почти въ тѣхъ же словахъ дѣйствительно выразилъ Наполеонъ гр. Нарбонну на одномъ изъ такихъ смотровъ; но едвали самъ онъ вѣрилъ этому. Его опытный глазъ не могъ не замѣчать, какое незначительное количество строевыхъ чиновъ могъ каждый полкъ представить ему на смотръ въ сносномъ порядкѣ. Ихъ число постепенно убывало даже въ гвардіи и въ корпусѣ Нея, который сравнительно съ другими находился въ лучшемъ положеніи, стоя у Богородска.

Во время этого смотра разнеслась вѣсть, что съ той стороны, гдѣ находится авангардъ Мюрата, слышна сильная канонада. Долго никто не смѣлъ довести это обстоятельство до свѣдѣнія императора. „Наконецъ отважился на то Дюрокъ. Императоръ перемѣнился въ лицѣ, но скоро оправился и продолжалъ смотръ“, говоритъ Сегюръ. По окончаніи смотра, за завтракомъ, онъ, повидимому, спокойно выслушивалъ докладъ Боссе объ удачныхъ представленіяхъ въ Позняковскомъ театрѣ и перечислялъ вмѣстѣ съ нимъ, какихъ бы выписать актеровъ и актрисъ изъ Парижа, для пополненія Московской труппы. Но это, тоже сценическое, представленіе вскорѣ было прервано прїездомъ адъютанта Неаполитанскаго короля Беранже съ извѣстіемъ о Тарутинскомъ боѣ ²⁷⁾.

²⁵⁾ C-te Segur, Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. II, стр. 83; M. Chambray. Hist. de l'expédition, т. II, стр. 209.

²⁶⁾ Fezensac, Souvenirs milit., стр. 271—272.

²⁷⁾ C-te Segur, Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. II, стр. 106 п слѣд.; Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 158; M. Chambray, Hist. de l'expédition, т. II, стр. 212; Fezensac, Souvenirs, 272; Bausset. Mémoires, т. II, 208 и др.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

СОВРЕМЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ, ПИСЬМА, АНЕКДОТЫ, СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

При вторженіи Французовъ въ Москву, многіе тамошніе мѣщане и крестьяне заперлись въ арсеналѣ и стрѣляли въ наступающаго непріятеля. Французы, видя, что не могутъ выгнать ихъ оттуда ружейнымъ огнемъ, поставили предъ арсеналомъ пушку и наконецъ успѣли пробить ворота. Толпа народная вдругъ бросилась вонъ; одинъ крестьянинъ кинулся на офицера, командовавшаго при пушкѣ, зарѣзалъ его и началъ рвать зубами мертвое тѣло.

2.

Французскій императоръ, уважая знанія г. Лесепса *) въ Русскомъ языкѣ, назначилъ его въ *префекты* Москвы. Говорятъ, что сей чиновникъ оправдалъ уже довѣренность своего монарха: въ одномъ изъ объявленныхъ своихъ назвалъ онъ *Comité des Communes Комуни-Комитетомъ*.

3.

Въ числѣ перехваченныхъ нашими разъѣздами писемъ, нашлось посланіе одного Французскаго офицера (отъ 7 Сентября изъ Москвы) къ какой-то *двѣциль* Генриеттѣ, живущей въ Парижѣ. „Веди себя порядочно, милая моя!—говорить онъ ей между прочимъ:—„будь трудолюбива, ибо „праздность ведетъ къ распутству (*l'oisiveté conduit à la débauche*), а „болѣе всего старайся о хорошемъ воспитаніи *нашихъ* дѣтей. Черезъ четыре дня у насъ заключенъ будетъ миръ, потому что Русскіе съ нами „никакъ не могутъ драться; однако я увижусь съ тобою не прежде какъ „черезъ два года: изъ Москвы до Парижа врядъ ли можно доѣхать ранѣе... „Посылаю тебѣ въ гостинецъ шубу соболѣю—это родъ Сибирской кош- „ки, и *овчину*, которую Русскіе считаютъ однимъ изъ *лучшихъ мѣховъ* „своихъ“.

4.

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЯ.

Хоть Москва въ рукахъ Французовъ:
Это, право, не бѣда!—
Нашъ фельдмаршалъ князь Кутузовъ
Ихъ на смерть впустилъ туда.

*) Французскій купецъ Лесепсъ былъ долгое время консуломъ въ Россіи.

*

Вспомнимъ, братцы, что Поляки
Встарь бывали также въ ней;
Но не жирны кулебаки—
Ѣли кошекъ и мышей.

*

Напоследокъ мертвечину
Земляковъ пришлось имъ жрать ¹⁾;
А потомъ предъ Русскимъ спину
Въ крюкъ попольски изгибать.

*

Свѣту цѣлому извѣстно,
Какъ платили мы долги.
И теперь получаютъ честно
За Москву платежъ враги.

*

Побывать въ столицѣ—слава!
Но умѣемъ мы отмщать:
Знаетъ вѣрно то *Варшава*,
И *Парижъ* то будетъ знать! ²⁾

15 Сентября 1812.

Ив. Ковалько.

5.

Здѣсь получено достовѣрное извѣстіе, что прекрасная бібліотека графа Бутурлина въ Москвѣ сожжена Французами, вмѣстѣ съ драгоценнымъ собраніемъ живописныхъ картинъ. Пожаръ начался съ Слободскаго дворца и превратилъ въ пепелъ большую часть Нѣмецкой Слободы. Библіотека графа Бутурлина ³⁾ содержала въ себѣ болѣе 40.000 томовъ. Онъ собиралъ ее около двадцати лѣтъ, и особенно во время революціи успѣлъ ее дополнить и усовершенствовать. Всѣ лучшія и самыя рѣдкія изданія, начиная съ 15-го вѣка до нынѣшняго времени, собраны имъ были съ величайшимъ тщаніемъ и большими трудами. Библіотека сія была украшеніемъ Москвы и извѣстна всѣмъ любителямъ Словесности..... Не одинъ сей памятникъ просвѣщенія истребленъ дерзкою *варваровъ девятнадцатаго вѣка!* Мы не преминемъ сообщать читателямъ всѣ достовѣрныя извѣстія объ опустошеніи Москвы, немедленно по полученіи оныхъ.

6.

Отрывки изъ писемъ одного Смоленскаго помѣщика къ
пріятелю, отъ 4-го и 12-го Сентября 1812 года.

У насъ, по Вяземскому уѣзду, начался скотской падежъ. Отъ моего дома въ двадцати верстахъ пригнали ко Французской арміи Польскихъ 500

¹⁾ Истина историческая, что Поляки, во время освобожденія Москвы сынами Отечества, подъ предводительствомъ князя Пожарскаго, доведены были до столь жестокой крайности.

²⁾ Любопытно, что стихи эти въ первый разъ появились въ печати въ 1-й книжкѣ Сына Отечества, вышедшей въ свѣтъ въ *Октябрѣ 1812 года.* П. Б.

³⁾ Полный каталогъ оной напечатанъ въ Парижѣ въ 1806 году.

быковъ; они заразили весь скотъ и сами всеъ подошли.—Петербургъ безопасенъ: Французъ армию почти всю растерялъ. Черезъ Вязму, взадъ и впередъ, къ Москвѣ и Смоленску идутъ Французскія войска, но очень мало. На сихъ дняхъ проводили нашихъ плѣнныхъ воиновъ изъ Москвы черезъ Вязму; въ томъ числѣ штабъ и оберъ-офицеровъ; изъ нихъ шестеро явились ко мнѣ, а между ими и одинъ родственникъ мой. Онъ сказывалъ, что дорогой отъ Москвы слабыхъ безъ пищи пристрѣлено 611 человекъ, и въ томъ числѣ 4 офицера. Войска Французскія очень слабы, безъ пищи; мужики весь хлѣбъ межъ собою подѣлили, а имъ не даютъ. Домъ мой до сихъ поръ не грабленъ, и весь Бѣльскоу уѣздъ; а впередъ Богу вѣстимо, что будетъ. Въ хоромахъ моихъ три Француза были, но—чудо невѣроятное!—десяти лѣтъ мальчишка съ дѣвкой, которые для меня печь топили, выгнали ихъ отсюда. Мальчишка закричалъ: ребитежь, сюда! Они бросились въ избу къ его матери, стали просить хлѣба и молока; но въ то время наши три солдата, ушедшіе изъ плѣна, явились въ избу, хотѣли ихъ схватить и вести въ Сычевки. Услыша одно имя Сычевокъ, Французы винулись бѣжать.—Скажу тебѣ, другъ мой, что у насъ, съ перваго Августа, всеъ барыни и господа повыздоровѣли: не слыхатъ ни объ истерикѣ, ни о конвульсіяхъ, а подагра сама безъ лекарей проходитъ. У меня родная тетка, лѣтъ 77, четвертой годъ въ параличѣ, безъ руки и ноги и безъ языка, а теперь стала ходить, только не говорить. Одинъ управитель у насъ по сосѣдству растекъ было водяною; но Французскіе намердинеры неосторожно до нага раздѣли и привели въ движеніе: воды открылись, и сдѣлалось легче. Но на мѣсто Россіянъ Французы въ Смоленскѣ всеъ издыхаютъ, да и Рускіе, которые къ нимъ прилипли, лежатъ лоскомъ.—Еще скажу тебѣ анекдотъ: майоръ и кавалеръ Георгіевскій, живущій отъ меня въ 25 верстахъ, лѣтъ 75-ти, сталъ на пути, гдѣ шли Французскія войска. Они обошлись съ нимъ очень жестоко, а также и съ женою его; потомъ выгнали изъ дому въ избенку, гдѣ они и жили, а домъ занимали Французы. Я сжалился надъ ними и приказалъ своему племяннику выкрасть ихъ изъ дому, что ему и удалось. Теперь этотъ майоръ идетъ въ службу и готовится къ сраженію—не отъ безумія, а отъ досады: „какъ-де меня могли бить Французы!“ Жена его упростила племянника не брать въ плѣнъ живущихъ у нихъ шести Итальянцевъ, и сѣдмаго ихъ пона за то, что они добрые люди.—Сей часъ получилъ я повлонъ отъ сына моего, изъ подъ Калуги, село Вороново. Онъ раненъ, но не такъ тяжело; скоро надѣется быть опять во фронтѣ—что меня крайне утѣшаетъ—за вѣру, за Царя, за Отечество, духъ имѣетъ бодръ! Отходя отсюда, оставилъ онъ матери царскихъ заслуженныхъ двѣсти рублей: платитъ долгъ справедливой благодарности!“

7.

Хищные и малодушные союзники Франгузовъ отчасти получили уже должное имъ наказаніе. Между прочимъ Баварскій корпусъ весь почти истребленъ. Лучшіе генералы, какъ то: Дероа, Сибейнъ и храбрѣйшіе офицеры убиты. Графъ Витгенштейнъ, разбивъ совершенно корпусъ маршала Гувіона Сенъ-Сира, взялъ у Баварцевъ пушки и послѣднія 22 знамени. Одинъ изъ плѣнныхъ офицеровъ просилъ, говорятъ, Русскихъ оставить имъ хоть одно знамя—*на образецъ!* *)

*) Что изъ Баварцевъ, которые приходили въ Россію съ Наполеономъ, никто не возвратился домой, объ этомъ свидѣтельствуетъ надпись на одномъ Мюнхенскомъ памятникѣ, воздвигнутомъ въ честь Баварскихъ войскъ. Народная мѣсть не пощадила Баварцевъ за ихъ неимовѣрныя жестокости. П. Б.

8.

Одинъ Русскій плѣнный кирасиръ взятъ былъ въ деньщики Саксонскимъ офицеромъ и, примѣтя, что новый господинъ его постится уже нѣсколь-ко дней сряду, предложилъ ему пойти въ ближнюю деревню (подъ Москвою), гдѣ обѣщалъ доставить ему все нужное. Офицеръ принялъ съ радостію сіе предложеніе. Кирасиръ привелъ его въ огородъ и велѣлъ ему взрыть одно мѣсто, гдѣ, по словамъ его, спрятаны съѣстные припасы, а самъ обѣщалъ обойти деревню и поискать еще чего нибудь. Саксонецъ усердно принялся за работу; кирасиръ между тѣмъ собралъ всѣхъ деревенскихъ бабъ, вооружилъ ихъ косами и рогатинами и привелъ въ огородъ. Онѣ связали обманутаго гостя, и одна изъ нихъ привела его на рогатинѣ къ нашимъ передовымъ постамъ.

9.

Пишутъ изъ арміи, что нѣсколько козаковъ, стоявшихъ на часахъ при опушкѣ лѣса, привязали на веревку барана, а сами притаились за кустарникомъ. Откуда ни взялись Французскіе гусары, бросили оружіе и начали дѣлать барана. Въ тужъ минуту козаки выскочили изъ засады и забрали ихъ въ плѣнъ безъ всякаго труда.—При другомъ случаѣ, когда козаки наши ударили на отрядъ Французской конницы, одинъ гусаръ соскочилъ съ лошади и пустился бѣжать. Схвативъ его, начали спрашивать, по какой причинѣ онъ оставилъ лошадь. „Не удивляйтесь, сказалъ онъ: я болѣе надѣюсь на свои ноги, чѣмъ на ноги моего коня; уже давно наши лошади съ мѣста не двигаются, и я за тѣмъ только на нее взлѣзъ, чтобы, сидя повыше, издалеча васъ завидѣть.“

10.

Перечень писма изъ главной арміи.

Отъ 23-го Сентября 1812.

Близъ Витебска спрашивалъ я гусаровъ 5-го и 9-го Французскихъ полковъ, которые взяты были на фуражировкѣ близъ Городка. Они объявили мнѣ, что каждый изъ ихъ полковъ при выходѣ изъ Франціи состоялъ изъ 1500 человекъ, что форсированными маршами и недостаткомъ фуража истреблены почти всѣ ихъ лошади, что нынѣ въ каждомъ полку нѣтъ болѣе 500 человекъ конныхъ и что въ первомъ дѣлѣ послѣдніе эскадроны сихъ полковъ будутъ совершенно уничтожены недостаткомъ лошадей. Въ послѣдствіи удавалось мнѣ говорить съ плѣнными гусарами тѣхъ же полковъ. Они подтвердили слышанное мною отъ прежнихъ, прибавивъ, что послѣ сраженія при Витебскѣ изъ пяти сотъ осталась только половина. Съ того времени, при разныхъ случаяхъ, спрашивалъ я гусаровъ тѣхъ же самыхъ полковъ; различные отвѣты ихъ совершенно удостовѣрили меня, что сіи полки существуютъ только въ названіяхъ. Послѣдніе изъ тѣхъ, съ которыми мнѣ случилось говорить съ 10-го по 15-е Сентября, объявили мнѣ, что каждый изъ сихъ полковъ содержитъ въ себѣ не болѣе полтораста человекъ. Я упоминаю только о сихъ полкахъ потому, что не помню нумеровъ разныхъ другихъ полковъ легкой кавалеріи, которые всѣ вообще находятся въ подобномъ положеніи.

Мы брали въ плѣнъ гусаровъ, уланъ, конныхъ егерей и кирасировъ; я изъявилъ имъ однажды удивленіе свое, что нами не взято ни одного драгуна. Разные ихъ отвѣты дали мнѣ знать, что драгуны спѣшились и уступили лошадей своихъ подъ артилерію. Разсмотрѣвъ орудія, взятые у непріятеля, увѣрился я въ истинѣ сего показанія; я узнавалъ въ ар-

тилерійской упряжи драгунскихъ лошадей по ихъ виду, клеймамъ и подковамъ. Сіи лошади походили на живыхъ скелетовъ; сверхъ того при каждомъ орудіи было ихъ не болѣе трехъ; прочіи были лошади крестьянскія, что составляло престранную упряжь. По различнымъ показаніямъ дезертировъ и плѣнныхъ, запрягаютъ подъ одно орудіе отъ 18 до 20 крестьянскихъ лошадей, которыхъ Французы называютъ *коньякъ* (конекъ!!)

По всѣмъ извѣстіямъ, находится во Французской арміи 14 кирасирскихъ полковъ, считая въ томъ числѣ и выставленные Нѣмецкими владѣніями. Каждый изъ сихъ полковъ не содержитъ въ себѣ болѣе 250 человекъ, что составитъ всего 3500 кирасировъ. Лошади ихъ находятся въ такомъ худомъ состояніи, что, по словамъ дезертировъ и плѣнныхъ, сіи полки не могутъ выдержать баталіи.

Хотя состояніе гвардейской кавалеріи лучше, но всѣ дезертиры и плѣнные, разныхъ націй и чиновъ, утверждаютъ, что она также претерпѣваетъ величайшій недостатокъ въ фуражѣ и что въ короткое время она можетъ лишиться всѣхъ своихъ лошадей. 15-го Сентября, въ авангардномъ дѣлѣ, козакіи захватили отрядъ въ сорокъ уланъ. Я купилъ офицерскую лошадь, которая казалась мнѣ лучше прочихъ, за пять рублей ассигнаціею, съ сѣдомъ и всею сбруею. Она была такъ худа и слаба, что я принужденъ былъ ее бросить, снявши съ нее сѣдло и сбрую.

Люди претерпѣваютъ таковой же недостатокъ въ пищѣ; въ арміи ихъ оказывается ужаснѣйшій голодъ; признаются, что ѣдятъ лошадиное мясо, хотя впрочемъ мяса у нихъ больше нежели хлѣба. Я видѣлъ, что приведенные въ нашъ лагерь плѣнные Французы бросились съ жадностію на быка, издохшаго за нѣсколько дней предъ тѣмъ, разорвали его на части и глотали цѣликомъ сіе мясо; другіе ѣли тряпье, къ которому пристала мука. Я могъ бы привести множество другихъ стольже разительныхъ доказательствъ всеобщаго ихъ недостатка.

Несчастные сіи люди описываютъ яркими чертами плачевное свое состояніе. Я старался узнать, съ котораго времени они начали претерпѣвать сей недостатокъ. Они отвѣчали, что сіе было въ разные времена различно, что иногда было лучше, а иногда хуже, но что съ конца Іюля во всемъ оказалась нужда, и что въ теченіи Августа армія была въ отчаяніи, видя, что по мѣрѣ ея вшествія въ Россію, недостатокъ увеличивается. Для успокоенія оной, говорятъ сіи плѣнные, Наполеонъ публиковалъ ежедневно прокламаціи, въ которыхъ обѣщалъ, что вскорѣ будутъ они въ Москвѣ въ величайшемъ изобиліи. Они признаются всѣ, что въ семъ заключается причина отчаяннаго ихъ нападенія на Рускихъ 26-го Августа при Бородинѣ, гдѣ они въ самомъ дѣлѣ, какъ бѣшеные, бросались на смерть. Я видѣлъ довольно сраженій, но никогда не видалъ подобнаго сему въ дерзости и ярости. Цѣлые отряды кавалеріи, не зная что съ ними будетъ, прорывали вторыя наши линіи, и всѣ падали мертвы. Наши войска хладнокровно выжидали усилій ихъ слѣпаго бѣшенства, до того времени, какъ они, не смотря на смертоносный огонь нашихъ картечей, приближались къ самымъ батареямъ; тогда храбрая наша пѣхота, которую въ самомъ дѣлѣ можно назвать безпримѣрною, принимала ихъ въ штыки и уничтожала всѣ покушенія дерзкаго врага. Тщетно повторяли они жаркія свои нападенія; ихъ безпрестанно отражали. Наконецъ ужасъ заступилъ мѣсто бѣшенства, и они обратились въ бѣгство. Всѣ плѣнные говорятъ, что ихъ увѣряютъ, будто въ семъ дѣлѣ легло отъ 30 до 35 тысячъ человекъ; но по ихъ мнѣнію, уронъ былъ гораздо зна-

чительнѣе. По всему видѣнному и слышанному мною, наша потеря въ сей битвѣ едва ли простирается отъ 12 до 15 тысячъ *).

Я старался узнать, почему Французскіе солдаты, находясь въ такомъ плачевномъ состояніи, не бѣгаютъ въ большемъ числѣ. Пльнные отвѣчали мнѣ, что въ арміи безпрестанно объявляютъ, будто всѣ пльнные, попадающіеся въ руки мужиковъ, лишаемы бываютъ жизни, а взятые регулярными войсками отсылаются въ Сибирь, на каторжную работу.

Хотя Наполеонъ уже давно употребляетъ всѣ возможные средства для увѣренія своей арміи, что вскорѣ заключитъ миръ; но солдаты начинаютъ въ томъ сомнѣваться и думаютъ, что въ вѣкъ не увидятъ своего отечества, тѣмъ болѣе, что давно не получаютъ изъ Франціи писемъ и увѣренія, что совершенно отрѣзаны отъ границъ. Со времени выхода ихъ изъ Франціи не получали они жалованья.

Болѣе всѣхъ прочихъ спрашивалъ я пльнныхъ трубачей, которые, находясь обыкновенно передъ фрунтомъ и впереди эскадроновъ, могутъ слышать разговоры генераловъ и полковниковъ. Я узналъ, что они изъявляютъ свое неудовольствіе, видя, что вошли въ такую землю, гдѣ нельзя найти ничего, что Наполеонъ съ нѣкотораго времени неприступенъ и, какъ изо всего явствуетъ, грубѣйшимъ образомъ ошибся въ своихъ ожиданіяхъ, видя, что Россія не проситъ мира, какъ онъ того надѣялся и что армія его погибнетъ, когда скоро не вступитъ въ зимнія квартиры.

По оставленіи нами Москвы, Французы не старались забирать нашихъ въ пльнъ; напротивъ того, они высылали всѣхъ Русскихъ, оставшихъ отъ главной арміи и раздавали пашпорты, для выѣзда изъ города. По всѣмъ извѣстіямъ, выжжены непріателемъ двѣ трети Москвы. Мы сами ничего въ ней не зажигали, а только подорвали пороховые магазины. По выходѣ нашемъ изъ Москвы, забираемъ мы ежедневно по крайней мѣрѣ двѣсти человекъ въ пльнъ; число ихъ часто простирается до четырехъ и пяти сотъ. Я изъявилъ имъ удивленіе свое, и они мнѣ отвѣчали, что прежде того можно имъ было промыслить себѣ хлѣбъ, но что съ нѣкотораго времени не могутъ они удалиться отъ главныхъ корпусовъ: козачи захватываютъ ихъ немедленно со всѣми лошадьми и экипажами. Сія малая война сдѣлается для нихъ еще гораздо ужаснѣе; ибо къ арміи приходятъ безпрестанно новые козачи и Татарскіе полки, находящіеся въ лучшемъ положеніи.

Наполеонъ приказываетъ разстрѣливать многихъ своихъ солдатъ, чтобъ предупредить мятежи, готовые вспыхнуть. Солдаты удерживаются въ повиненіи новыми угрозами и обѣщаніями, которыя никогда не исполняются.

Сообщая вамъ описаніе плачевнаго состоянія враговъ нашихъ, могу увѣрить, что наша армія находится въ лучшемъ положеніи. У насъ обиліе въ сухаряхъ, всякой крупѣ и водкѣ. Воины наши содержатся не хуже, какъ въ мирное время. Въ арміи господствуетъ лучшее расположеніе духа. Всѣ горятъ желаніемъ сразиться со врагомъ, будучи увѣрены, что Французы смиряются предъ силою нашего оружія и примутъ всѣ мирныя условія, какія Россія имъ предпишетъ.

11.

Гвардейской конноартиллерійской роты капитанъ *Захаровъ* въ достопамятномъ сраженіи при Бородинѣ начальствовалъ батареею изъ осьми

*) Показанія невѣрныя. Подъ Бородиномъ вышло изъ строю съ обѣихъ сторонъ до 90 тысячъ человекъ.

орудій, находившеюся на самомъ флангѣ лѣваго крыла нашей арміи. Онъ дѣйствовалъ съ искусствомъ и мужествомъ, свойственными Россійскому офицеру, и предъ окончаніемъ сраженія получилъ повелѣніе перевезти шесть орудій въ другое мѣсто. Слѣдуя уже съ оными по назначенію, вдругъ возвратился онъ къ оставшимся двумъ пушкамъ, въ намѣреніи узнать, нѣтъ ли при нихъ какихъ недостатковъ; подѣхалъ, взялъ за руку поручика и сказалъ ему: „*Завидую счастью вашему: вы будете еще сражаться за Царя и Отечество*“. Потомъ, обратясь къ солдатамъ, спросилъ: „*Друзья! довольно ли еще у васъ зарядовъ?*“ Въ сіе самое мгновеніе ядро непріятельское поразило его. Четыре канонера подняли на руки достойнаго своего начальника и понесли его съ поля сраженія. Захаровъ, претерпѣвая отъ раны ужаснѣйшія мученія, въ сіи минуты имѣлъ геройство думать единственно о пользѣ службы и принудилъ двухъ канонеровъ воротиться на прежнее мѣсто. „*Подите туда, друзья мои. Вы тамъ нужны, а меня и двое какъ нибудь доволокутъ!*“ Онъ скончался чрезъ четверть часа, на рукахъ сихъ воиновъ, спрашивая безпрестанно: „*Наша ли побѣда? Отстываетъ ли непріятель?*“

12.

Въ арміи Наполеона (какъ у насъ на конскихъ заводахъ) клеймятъ солдатъ, волею или неволею вступающихъ въ его службу. Слѣдуя сему обыкновенію, Французы наложили клеймо на руку одного крестьянина, попавшагося имъ въ руки. Съ удивленіемъ спросилъ онъ: для чего его оклеймили? Ему отвѣчали: это знакъ вступленія въ службу Наполеона. Крестьянинъ схватилъ изъ за пояса топоръ и отсѣкъ себѣ клейменую руку. Нужно ли сказывать, что сей новый Сцевола былъ Русскій? Одна мысль служить орудіемъ Наполеону или принадлежать къ числу преступныхъ исполнителей воли тирана подвигла его къ сему героическому поступку. Чтò бѣ сдѣлалъ сей Русскій, если бѣ Провидѣніе представило ему случай быть Курціемъ своего Отечества?

13.

Въ Германіи осмѣлились нѣкоторые подлые сочинители сравнивать Наполеона съ королемъ Пруссіимъ Фридрихомъ II; но опытъ доказалъ, что сіе сравненіе оскорбляетъ память великаго короля. Поступки его въ Дрезденѣ, назадъ тому полвѣка, ни мало не сходятся съ поступками Наполеона—въ наши новѣйшія, болѣе просвѣщенные времена. Фридрихъ страстно любилъ искусства и, имѣя въ своей власти всѣ сокровища Дрезденской галлерей, не смѣлъ коснуться ни до одной картины. Любуясь ежедневно прекраснымъ Баттоніевымъ изображеніемъ Магдалины, онъ удовольствовался тѣмъ, что приказалъ снять съ него нѣсколько копій. Фридрихъ былъ законной государь, и въ сердцѣ его всякое личное мщеніе уступало уваженію къ собственности государя, ему подобнаго. Наполеонъ съ хладнокровіемъ подрываетъ древніе чертоги Россійскихъ государей. Одинъ сей поступокъ показываетъ, кто Наполеонъ.

14.

Говорятъ, что во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ, небольшой ихъ отрядъ съ одною пушкою отправленъ былъ на Калужскую дорогу, для сожженія одной деревни. Солдаты заблагоразсудили, прежде исполненія сего приговора, разграбить деревню и, оставивъ пушку на полѣ, бросились по домамъ за *контрибуціею*. Одинъ крестьянинъ, выбѣжавъ изъ деревни, увидѣлъ, что при пушкѣ нѣтъ никого, смѣлъ на нее верхомъ, ударилъ по всѣмъ по тремъ и прискакалъ съ нею въ Русскій ла-

геръ. Главнокомандующій наградила его, сказываютъ, знакомъ отличія Военнаго Ордена.

15.

„Бойтесь ли вы Французовъ?“ спросилъ у крестьянъ (Московской губерніи) одинъ изъ нашихъ офицеровъ. „Чего бояться, батюшка?“ отвѣчали они „наши *Кириловцы* ихъ приугомонили; не смѣютъ носу показать.“ — Добрые крестьяне, начитавшись въ газетахъ объ Испанскихъ *Гурильсахъ*, называютъ *Кириловцами* тѣхъ, которые ополчаются по деревнямъ, для отраженія непріятельскихъ набѣговъ.

16.

При нашествіи Французовъ на Москву, первый вступилъ въ нее Мюратъ съ отрядомъ изъ 600 человекъ и, занявъ Кремль, остановился предъ арсеналомъ, гдѣ находились Русскіе больные и раненые. Между тѣмъ какъ онъ ихъ спрашивалъ, выстрѣлили изъ ружья неизвѣстно откуда, но никто не былъ раненъ; въ тоже мгновение откуда ни взялся ратникъ Московскаго ополченія, бросился на Польскаго полковника, котораго по богатому его мундиру почелъ онъ Мюратомъ, а можетъ быть и самимъ Бонапартомъ, столкнулъ его съ ногъ и, прежде нежели могли ему въ томъ воспрепятствовать, пронзилъ его своею пикою. Онъ палъ вскорѣ послѣ того подъ ударами Французовъ, сопровождавшихъ Мюрата.

17.

Извѣстно, что Французы, во время пребыванія своего въ Москвѣ, грабили окрестныя деревни, для добыванія провіанта и фуража, въ которыхъ былъ у нихъ великій недостатокъ. Крестьяне, пользуясь безпорядкомъ, господствующимъ обыкновенно при таковыхъ поискахъ, убивали ежедневно великое число сихъ фуражировъ и преслѣдовали ихъ до самыхъ воротъ Москвы. Французы, раздраженные симъ сопротивленіемъ, вздумали устроить народъ жестокостію. Для сего послали они на добычу отрядъ, состоявшій изъ тысячи человекъ пѣхоты, съ конницею и артилеріею, и приказали оному захватить нѣсколько крестьянъ въ ближнихъ деревняхъ и привести ихъ въ городъ. Сему отряду удалось забрать человекъ двадцать, которыхъ привели въ Москву, отдали на другой день подъ военный судъ и приговорили къ смерти. По прочтеніи предъ ними приговора, переведеннаго на Русскій языкъ, офицеры, которымъ поручено было исполненіе онаго, ожидали, что крестьяне прибѣгнутъ къ униженнымъ просьбамъ и слезамъ, для спасенія своей жизни; но весьма въ томъ обманулись. Сіи несчастныя жертвы, не совершавшія можетъ быть преступленія, въ которомъ ихъ обвиняли, простились другъ съ другомъ спокойно и хладнокровно, свидѣтельствуя тѣмъ непорочность совѣсти своей и желаніе умереть для защиты Отечества; отправились на мѣсто казни и тамъ, ставъ рядомъ подлѣ стѣны, были разстрѣляны по одиначкѣ; оставшіеся смотрѣли на умерщвленіе братьевъ своихъ безъ всякаго ужаса. Каждый, видя, что очередь дошла до него, перекрестившись и сказавъ: *Помилуй меня, Господи! Прощайте, добрые люди!* падалъ къ ногамъ жестокосердыхъ палачей своихъ, не испустивъ ни жалобы, ни вздоха.—Французскій офицеръ, бывшій свидѣтелемъ сего кровопролитнаго явленія, рассказывая обстоятельство онаго, измѣнялся въ лицѣ отъ ужаса. Таковое мужество привело врага въ трепетъ: онъ узналъ, что никогда не покорить и не развратить сего геройскаго народа.

18.

Городъ *Сычевка* и уѣздъ онаго приобрѣли безсмертную славу храбростію и постоянствомъ, съ каковыми мужественные жители оныхъ противились

всѣмъ поймавъ Французовъ, являвшихся туда на грабежъ. Сычевскаго уѣзда въ селѣ *Левшинъ* былъ бурмистръ ужасный Французамъ смѣлостію и тѣлесною силою своею. Однажды партія, состоявшая изъ 31 Француза, вошла въ деревню и заняла избу. Бурмистръ, узнавъ о прибытіи сей шайки, извѣстилъ о томъ поселянъ, на мужество которыхъ онъ надѣялся, и въ ожиданіи, что они сберутся, самъ пошелъ осторожно къ избѣ, занятой Французами, въ сопровожденіи одного крестьянина. Подошедши безъ шума ко двери, они приперли ее и всячески старались не выпускать непріятелей изъ избы. Испуганные Французы начали стрѣлять сквозъ дверь и смертельно ранили бурмистра; у товарища же его пуля застряла въ тулупѣ. Сей случай не уменьшилъ ни силы, ни смѣлости ихъ; они не позволили отворить двери до прибытія прочихъ крестьянъ, которые, окруживъ домъ, грозили зажечь его и принудили Французовъ сдаться. Бурмистръ, чувствуя приближеніе смерти, увѣнчалъ рѣдкую свою храбрость христіанскимъ милосердіемъ и завѣщаль крестьянамъ не отомщать за смерть его Французамъ, которые обязаны сохраненіемъ жизни своей его просьбамъ и уваженію поселянъ къ послѣдней его волѣ. Прахъ героя-христіанина покоится въ мирѣ на кладбищѣ при церкви того села.

19.

Экспедиція полковника Чернышева принадлежитъ къ блистательнѣйшимъ подвигамъ нынѣшней войны. Изъ донесенія графа Витгенштейна видно, что онъ, бывши посланъ отъ адмирала Чичагова съ козачьимъ полкомъ, для открытія корпуса графа Витгенштейна, проходилъ денно и ночью сквозъ непріятельскія войска, перетѣхалъ вплавъ четыре рѣки, истребилъ на пути множество обозовъ съ запасами всякаго рода, заготовленными непріателемъ, и достигъ цѣли своего назначенія. Сего не довольно: онъ захватилъ трехъ кабинетъ-курьеровъ съ важными бумагами и выручилъ многихъ плѣнныхъ, а въ томъ числѣ и генераль-лейтенанта барона Винценгероде, возвратившаго намъ Москву. Каждый благомыслящій Русскій сердечно обрадуется, узнавъ, что сей храбрый нашъ генераль освобожденъ изъ рукъ непріятельскихъ, освобожденъ ноожиданнымъ образомъ. Въ немъ Провидѣніе возвращаетъ семейству нѣжнаго отца, друзьямъ истиннаго друга, воинамъ нашимъ искуснаго вождя, врагамъ человечества врага непримиримаго.

20.

Надѣмся угодить читателямъ, доставивъ имъ подробныя свѣдѣнія о освобожденіи генераль-лейтенанта барона *Винценгероде* и взятаго въ плѣнъ вмѣстѣ съ нимъ маіора *Нарышкина*, сообщенныя намъ достовѣрными людьми.—До Минска питались они еще надеждою, что могутъ быть освобождены изъ жестокаго плѣна, но за сими городомъ исчезла и тѣнь сей надежды. Французы были такъ удостовѣрены въ безопасности плѣнниковъ, что послали съ ними только трехъ жандармовъ, болѣе для присмотра, нежели въ видѣ конвоя. Плѣнные ѣхали въ двухъ повозкахъ. Въ одно утро баронъ Винценгероде увидѣлъ вдали козака и сообщилъ открытіе сіе г. Нарышкину, который никакъ не хотѣлъ этому вѣрить; но, подѣхавъ ближе, удостовѣрились они, что это въ самомъ дѣлѣ Донской воинъ. Баронъ В. привсталъ, показалъ ему ордена свои и закричалъ: „Я Русскій генераль!“ Козакъ въ тоже мгновеніе исчезъ, но вскорѣ явилось ихъ двѣнадцать; они бросились на жандармовъ, обезоружили ихъ, вывели плѣнныхъ изъ колясокъ, посадили ихъ на козачьихъ лошадей и ускакали съ ними къ главному посту, находившемуся оттолѣ верстахъ въ четырехъ.—Когда Винценгероде былъ взятъ въ Москвѣ, представили его Наполеону при

Вереѣ. Забывъ долгъ, честь и собственный санъ, Наполеонъ сказалъ ему между прочимъ: „Естьли ты Саксонецъ или Баварецъ, ты мой подданной, а я твой государь. Твоя судьба рѣшилась! Повсюду я тебя встрѣчаю. Возьмите и разстрѣляйте его!“ Храбрый Вянценгероде во все сіе время смотрѣлъ съ хладнокровнымъ презрѣніемъ на ожесточеннаго тирана, окруженнаго своими драбантами и кровожадными палачами, и наконецъ сказалъ ему въ отвѣтъ: „Двадцать лѣтъ жду я Французской пули. Жена и дѣти мои въ безопасности. Я готовъ умереть!“

21.

Перечень письма изъ Москвы, въ Октябрѣ 1812.

Нѣмецкая Слобода вся выжжена, тутъ и *Слободской дворецъ*, которой Французы зажгли за нѣсколько дней передъ выходомъ своимъ. У *Бого-явленія* уцѣлѣлъ домъ графа Головкина, а у Вознесенія Демидова и графа А. К. Разумовскаго.

Въ *Старой Басманной* уцѣлѣли только четыре дома: Хлѣбниковой, кн. Куракиной съ Гошпиталемъ, Запасной Дворецъ, а у *Красныхъ воротъ* въ правой рукѣ каменной небѣленой домъ генерала Толли. Домъ же Аршеневскаго сгорѣлъ; также дома гр. Гудовича, Высоцкаго, Ласунскаго, кн. Михаила Петровича Голицына, Мѣщанинова и всѣ другіе.

На *Земляномъ Валу* всѣ зданія сгорѣли, кромѣ Шереметьевской больницы и большаго корпуса Спаскихъ казармъ. Домъ же оберъ-полицеймейстера сгорѣлъ. *Сухарева башня* уцѣлѣла.

Отъ *Никольскихъ воротъ* до *Мясницкихъ* всѣ зданія уцѣлѣли; а отъ *Мясницкихъ* до *Красныхъ* воротъ все сгорѣло, кромѣ четырехъ домовъ, въ томъ числѣ князя Ал. Ив. Лобанова, коего одинъ только флигель сгорѣлъ. Дома Потуловыхъ и Бутурлиныхъ также сгорѣли.

Отъ *Никольскихъ воротъ* до *Срътенскихъ* всѣ зданія цѣлы; также и къ *Кузнецкому* мосту, на коемъ сгорѣлъ одинъ только желтой флигель, гдѣ была конфектная лавка Гуа. Домъ губернатора Обрескова сгорѣлъ, также Анненкова. Рѣшетникова домъ съ флигелями цѣлъ. Графа Растопчина на *Лубянкѣ* также, и вообще всѣ дома на *Лубянкѣ*.

Отъ *Воскресенскихъ* воротъ до дома главнокомандующаго всѣ дома сгорѣли; въ томъ числѣ купленной домъ графомъ И. В. Гудовичемъ, въ коемъ былъ трактиръ. Главнокомандующаго же домъ цѣлъ, также танцевальной клубъ.—Барановыхъ домъ въ переулкѣ сгорѣлъ.

Отъ *Покровскихъ* воротъ до *Мясницкихъ* валомъ всѣ дома цѣлы; въ томъ числѣ: Пашкова, Кутузова и Ступишина.

Отъ *Мясницкихъ* воротъ до *Тверскихъ* многія зданія уцѣлѣли, въ томъ числѣ на бульварѣ домъ А. А. Соловова; флигели его сгорѣли, также домъ Нечаева съ флигелями сгорѣлъ и Уваровой. Князя Д. Ив. ¹⁾ домъ цѣлъ; графа Льва Кирилловича и Наталія Абрамовны Пушкиной также. Князя Гагарина (Николая Сергѣевича) домъ, въ коемъ былъ Англійской клубъ, сгорѣлъ ²⁾.

Отъ *Покровскихъ* воротъ до *Пльинскихъ* всѣ дома по обѣимъ сторонамъ цѣлы; а за Покровскими воротами уцѣлѣли дома: Веревкина, Заборовскаго, Жеребцова (Соловыхъ сгорѣлъ), князя Федора Никол. Голицына, Го-

¹⁾ Должно быть Лобанова, на Рождественскомъ бульварѣ, на взгорьѣ противъ монастыря, впоследствии зубнаго врача Жоли. П. Б.

²⁾ Это нынѣ Екатерининская больница. П. Б.

дохвастова, князи Александра Борисовича Куракина, Румянцова графа Сергѣя Петр. деревянной домъ; графа Салтыкова, Анигѣева и мн. другіе. — Домъ князя И. Д. Трубецкаго (зеленой) сгорѣлъ. Мисоѣдова и кн. Мещерскаго также. Демидова, Ив. Ив. у Никиты Мученика, домъ цѣль. Флигель одинъ только сгорѣлъ.

Покровскія казармы сгорѣли; уцѣлѣлъ одинъ только нижній этажъ со сводами. Домъ деревянной Соколова сгорѣлъ, а каменной у Мясницкихъ воротъ цѣль. Мельгунова и Дурасова дома сгорѣли; также Карповыхъ и Мосолова. Глѣбовыхъ домъ деревянной уцѣлѣлъ, а каменные флигели сгорѣли; также и Лопухиной сгорѣлъ, бывшій князя А. П. Мещерскаго.

У *Троицы* въ Сыромятникахъ уцѣлѣлъ домъ Ѳедосьи Дмитріевны Загряжской. Алек. Вас. Панина домъ сгорѣлъ.

Воспитательной Домъ цѣль. Половину онаго занимали раненые Французы, оставленные въ Москвѣ злодѣемъ. Ихъ теперь вывезли отсюда въ разныя больницы. Ихъ 1500 человекъ; многіе померли.

За *Москвою* рѣкою всѣ дома сгорѣли.

Гостиной рядъ и весь *городъ* сгорѣлъ.

На *Никольской* цѣлы дома: Шереметева, Духовная Типографія, Кусовникова и еще домъ. Книжныя лавки всѣ сгорѣли.

На *Моховой* сгорѣлъ *Университетъ*, домъ Нарышкина и Пашкова; также всѣ дома на Пречистенкѣ, въ томъ числѣ большой домъ князя А. Н. Долгорукаго ¹⁾. Домъ Всеволожскаго (Няк. Серг.) и сестры его кн. Мещерской цѣлы. Ихъ спасъ отъ пожара Французъ, редакторъ въ типографіи.

На *Никитской* всѣ дома почти сгорѣли, какъ то: графа Шереметева, графини Пушкиной, графа Орлова, кн. Ю. В. Долгорукова, кн. Дашковой, Кушникова и пр. Уцѣлѣлъ домъ графа Маркова, бывшій князя Меншикова ²⁾.

На *Вздвизженкѣ* сгорѣлъ домъ Апраксина Ст. Ст., кн. Ивана Никол. Трубецкаго и многіе другіе.

Изъ 30,000 домовъ врьдѣ осталось 5,000.

22.

При открытіи нынѣшнихъ военныхъ дѣйствій произошла небольшая стычка козаковъ съ Вестфальскою конницею. Непрiятельскій отрядъ вскорѣ былъ разсѣянъ. Одинъ козакъ, примѣтивъ въ сторонѣ офицера въ блестящемъ мундирѣ, рѣшился, во что бы то ни стало, поживиться около его. Приударивъ лошадь, взвился онъ какъ молнія, направилъ пику и уже хотѣлъ поразить офицера; но сей, приготовивъ къ оборонѣ, перерубилъ пику. Козакъ захватилъ саблю, офицеръ выбилъ ее изъ рукъ его. Оставшись безъ оружія и видя неминуемую смерть, козакъ въ одну секунду очутился позади своего непрiятеля и такъ окрестилъ его по сплнѣ, что онъ безъ чувствъ упалъ съ лошади. Чѣмъ побѣдилъ онъ врага?— Нагайкою.

23.

По вторичномъ разбитіи графомъ Витгенштейномъ Удинотова корпуса, слывшаго непобѣдимымъ, остатки онаго бросились въ Полодкѣ. Францу-

¹⁾ Отца Московскаго генераль-губернатора, князя Владиміра Андреевича, противъ пожарнаго депо.

²⁾ На углу Газетнаго переулка, нынѣ принадлежитъ А. Б. Казакову.

зы, по обыкновенію своему, немедленно кинулись по домамъ на грабежъ, и все, чего не могли увести съ собою, ломали и рубили. Одинъ капитанъ взялъ на свою долю новую, прекрасную карету, приказалъ ее заложить четверкою и, пригласивъ еще двухъ офицеровъ, поѣхалъ прогуливаться близь кордонной линіи. Козаки, разѣзжавшіе неподалеку отъ неприятельской цѣпи, примѣтили ихъ и вздумали надъ ними пошутить. Въ минуту сбили кучера и поворотили лошадей; одинъ козакъ вскочилъ на козлы и помчался въ Русской лагерь чрезъ кочки, пни и буераки. Козаки летѣли, не ѣхали, а потому и привезли бѣдныхъ Французовъ полумертвыхъ, въ развалившемся кузовѣ, безъ колесъ; они представили ихъ полковнику своему съ слѣдующими словами: „Вотъ, ваше высокоблагородіе, гости незваные и нежданные; примите ихъ поласковѣе, а мы свое дѣло сдѣлали!“

24.

Очевидцы рассказываютъ, что въ Москвѣ Французы ежедневно ходили на охоту—стрѣлять воронъ, и не могли нахвалиться своимъ *soire aux corbeaux*. Теперь можно дать отставку старинной Русской пословицѣ: *попалъ, какъ куръ во щи*, а лучше говорить: *попалъ какъ ворона во Французскій супъ!*

25.

Послѣ дѣла при Дашковѣ *) вынесенъ былъ съ мѣста сраженія гренадеръ, раненый въ грудь пулею, оставшеюся въ ней. Когда лекарь, худо говорившій порусски, сталъ его осматривать, то, разглядѣвъ рану въ груди и желая знать, гдѣ пуля остановилась, сталъ шупать спину. Воинъ, ослабленный истекшею кровію и едва дышущій, сказалъ бывшимъ тутъ офицерамъ: „Ваше благородіе! скажите лекарю, къ чему онъ шупаетъ мнѣ спину? Вѣдь я шелъ грудью!“

26.

Московскія Вѣдомости издаются по прежнему. Въ первомъ номерѣ, вышедшемъ по очищеніи Москвы отъ неприятеля, Ноября 23 дня, содержится слѣдующій достопамятный Высочайшій рескриптъ отъ 14 Ноября, за собственноручнымъ его императорскаго величества подписаніемъ, на имя г. главнокомандующаго въ Москвѣ:

„Хотя изгнанный изъ Москвы неприятель краткое время былъ въ ней, и хотя не преодолевшемъ противопоставленной ему обороны вошелъ въ нее, и не силою осадныхъ орудій, но дѣйствіями неприличныхъ и срамныхъ для война зажиганій, грабительствъ и подрываній нанесъ ей тяжкій вредъ; однакоже онъ не престанетъ тѣмъ тщеславиться и величаться. Для униженія и помраченія сего самохвальства его, повелѣли мы генералъ-фельдмаршалу князю Кутузову всю отбитую у него въ разныхъ сраженіяхъ артилерію препроводить въ Москву, гдѣ на память многократныхъ побѣдъ и совершеннаго истребленія всѣхъ дерзнувшихъ вступить въ Россію неприятельскихъ силъ, имѣетъ изъ сихъ отнятыхъ у нихъ орудій воздвигнуть быть увѣнчанный лаврами столпъ. Да свидѣтельствуетъ сей памятникъ не постыдные и хищныя дѣла презрѣнныхъ зажигателей, но славные и знаменитые подвиги храбраго народа и войскъ, умѣющихъ на поляхъ брани карать враговъ и наказывать злодѣевъ. Въ слѣд-

*) Гдѣ генералъ-лейтенантъ Раевскій отличился своимъ геройствомъ, бросившись на батарею неприятельскія съ дѣтьми своими.

ствіе сего имѣете вы сдѣлать надлежащее распоряженіе о приѣмѣ и храненія сей артилеріи, по мѣрѣ доставленія которой доводите оное до нашего свѣдѣнія“.

27.

Списокъ съ письма старосты Григорья Андреева къ помѣщику его изъ Боровска, отъ 6 Ноября 1812.

О нижеслѣдующихъ обстоятельствахъ вашему превосходительству доношу: 1-е) Вотчина ваша, Боровскаго уѣзда сельцо Курчино, послѣ выхода изъ Боровскаго уѣзда непріятеля вдаль, осталась благополучна, кромѣ того, что брали у насъ сѣно, овесъ, печеный хлѣбъ и изъ мелкой скотины; однако, по власти Создателя и милости вашего превосходительства, нынѣшнюю зиму въ кормѣ какъ нибудь пробудемся. 2-е) Разоренныхъ селеній обыватели, около 1500 семей, отъ непріятеля въ вашихъ рощахъ недѣль семь укрывались и очень много пожгли вашего лѣсу. 3-е) Назадъ тому недѣли три пришли къ намъ Французы и хотѣли деревню сжечь; но я, съ помощью Божіею и крестьянъ вашихъ, ихъ всѣхъ перебилъ до смерти, какъ тощихъ собакъ; нашли мы при нихъ съ образовъ оклады серебряные помятые, рясу и нитку жемчугу. Я все отдалъ въ приходскую церковь; не надо намъ отъ нихъ ничего. Мы довольны всѣмъ: гнѣвить Бога нечего.

28.

Въ то время, какъ Французскіе мародеры шатались еще по Бѣльскому уѣзду, нѣсколько человѣкъ вошло въ избу, гдѣ кромѣ бѣдной старой крестьянки никого не было. Преслѣдуемые голодомъ Французы тотчасъ начали требовать съ угрозами, исковерканнымъ Русскимъ языкомъ, *кльба* и *млека*. Старуха поспѣшила имъ отдать свой остальной кусокъ хлѣба, но на второе требованіе отвѣчала, что *молока* у ней нѣтъ, что всѣхъ коровушекъ и овецъ ея Французы отняли и порѣзали, что осталась у ней одна *коза*..... „*Куди коза?*“ закричали Французы.—Тамъ, родные, отвѣчала старуха, на дворѣ, въ хлѣву.—*На дворѣ козакъ!* закричали опять Французы, и давай Богъ ноги. Они не поняли старухи и вздумали, что она толкуетъ имъ о спрятавшихся на дворѣ козакахъ. Какъ тутъ не убѣжать!

29.

Сельцо *Володимірово*, на Серпуховской дорогѣ, въ 40 верстахъ отъ Москвы, принадлежащее д. ст. совѣтницѣ М. И. Прянишниковой, осталось невредимо отъ общаго разоренія, единственно по вѣрности и усердію крестьянъ онаго, которые не только не воспользовались случаемъ для обогащенія себя имуществомъ господъ во время царствовавшаго тамъ безпорядка, но всячески еще старались сохранить оное. Однажды шайка Французскихъ разбойниковъ вошла въ сіе владѣніе и устремилась прямо на разграбленіе господскаго дома. Алчность злодѣевъ была столь велика, что не поскучали они перебрать въ библіотекѣ всѣ книги, надѣясь найти въ нихъ деньги. Крестьяне, дабы отвлечь ихъ отъ грабительства прочихъ вещей и скорѣе избавиться отъ сихъ изверговъ, прибѣгли въ хитрости: собрались толпою и закричали: *козаки!* козаки! Французы оробѣли, бросились на лошадей и оставили домъ и деревню. Въ предосторожность же отъ вторичнаго ихъ вторженія, добрые крестьяне зарыли въ землю оставшееся на попеченіи ихъ движимое имущество и, по очищеніи Московской губерніи отъ непріятеля, доставили оное господамъ своимъ въ совершенной сохранности.

30.

Между Пруссаками и Французами, стоящими въ Курляндіи, часто происходятъ сшибки. Говорятъ, что причиною одной таковой сшибки было слѣдующее. Одинъ Прусакъ, стоявшій на пикетѣ съ земляками своими и Французами, набралъ вязанку сухихъ дровъ, чтобъ около огня погрѣться на часахъ. Французскій солдатъ хотѣлъ отнять у него сіи дрова. Прусакъ не уступалъ.—„Что это значитъ! Я принадлежу къ великой націи, а ты, подлой Нѣмецъ (misérable Allemand) не хочешь мнѣ уступить?“ закричалъ Французъ и ранилъ его въ ногу. Это раздражило товарищей Пруссака. Они закричали: „Храбрый Прусакъ не можетъ этого снести! Поколотимъ Французовъ!“ Произошла сшибка, въ которой убиты были семь Французовъ и три Пруссака. Съ трудомъ роняли ихъ.

31.

Священникъ католической церкви, въ Москвѣ находящейся, въ письмѣ своемъ къ одному изъ знакомыхъ своихъ, между прочимъ пишетъ, что развратъ нынѣшнихъ Французовъ и другихъ католическаго исповѣданія воиновъ Наполеоновой арміи превосходитъ всякое вѣроятіе. По вступленіи ихъ въ Москву, однажды только, при самомъ началѣ достопамятнаго ихъ тамъ пребыванія, три офицера забрели въ церковь, гдѣ онъ отправлялъ богослуженіе. Въмѣсто благоговѣнія ко храму Всевышняго, развалившись на скамейкѣ въ неблагопристойномъ видѣ, съ лорнетомъ въ рукахъ, посвятившая, зѣвали они во всѣ стороны и, не видя женщинъ, ушли, оказавъ всевозможные знаки ругательства и пренебреженія ко всему священному. Послѣ сего, во все время ихъ пребыванія, ни одинъ солдатъ, ни офицеръ, ни генералъ не заглянулъ въ церковь. По изгнаніи ихъ изъ Москвы, когда самый сей священникъ, соболѣзнуя о сихъ заблуждшихся овцахъ, по внушенію совѣсти своей, рѣшился посѣтить больницу, въ которой оставалось множество больныхъ и раненыхъ, лежавшихъ почти при послѣднемъ издыханіи, былъ онъ, къ неожиданному удивленію, встрѣченъ насмѣшками и ругательствомъ, которые наконецъ превратились въ угрозы, и онъ съ опасностію собственной жизни принужденъ былъ удалиться и оставить сихъ несчастныхъ въ закоснѣломъ ихъ безвѣрїи.—Вотъ плоды Французскаго воспитанія!

32.

Супруга покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Репнина покоилась въ особомъ памятникѣ, въ окрестностяхъ Вильны. Наши войска, овладѣвъ нынѣ симъ городомъ, нашли, что монументъ княгини Репниной разбитъ, тѣло ея выкопано и гробъ открытъ, для похищенія перстней и тому подобныхъ украшеній!!! Что можетъ служить препоною безбожной алчности такого народа, который вырылъ тѣла Св. Лудовика, Генриха IV, Лудовика XIV и уничтожилъ ихъ остатки? Всѣмъ извѣстно, что когда открытъ былъ гробъ Генриха IV, то одна женщина, бросаясь на вынутое изсохшее тѣло, *ударилась по щеку* и начала топтать его ногами!!!

33.

Одинъ здѣшній купецъ, въздвигшій недавно изъ любопытства въ Москву и ея окрестности, рассказываетъ слѣдующій анекдотъ, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Староста одной деревни Сычевскаго уѣзда повелъ партію плѣнныхъ въ городъ. Въ его отсутствіе крестьяне привели еще нѣсколько человекъ Французовъ, захваченныхъ ими и отдали ихъ старостѣ своей, Васписю, для отправленія, куда слѣдуетъ. Василиса собрала крестья-

янтъ, сѣла верхомъ на лошадь, взяла въ руки косу и, развѣзжая вокругъ плѣнныхъ, кричала важнымъ голосомъ: ну, злодѣи Французы! во фрунтъ! ступай, маршъ! Одинъ изъ плѣнныхъ офицеровъ, раздраженъ будучи, что женщина вздумала повелѣвать имъ, не послушался ея. Василиса немедленно ударила его косою по головѣ; онъ упалъ мертвый къ ногамъ ея, и она вскричала: „Всѣмъ вамъ, ворами, собаками, будетъ тоже, кто чуть, чуть зашевелится! Ужъ я двадцати семи такимъ вашимъ озорникамъ сорвала головы! Маршъ въ городъ!“

34.

Во время пребыванія Французовъ въ Смоленской губерніи, шайка сихъ голодныхъ дѣтей великой націи вошла въ одну крестьянскую избу и требовала у находившейся тамъ старухи чего нибудь поѣсть. Сжалась надъ плачевнымъ видомъ гостей своихъ, она вынула изъ печи горшокъ щей и поставила на столъ. Русская похлебка Французамъ не понравилась; они начали ругать старуху и плевать во щи. Это вывело ее изъ терпѣнія. Она схватила горшокъ и бросила его въ голову одного Француза; сама выбѣжала на улицу, приперла двери ухватомъ и созвала крестьянъ, которые схватили Французовъ и отвели ихъ къ ближайшей воинской командѣ.

35.

Когда Французы выходили изъ Курляндіи, интендантъ, находившійся для сбора податей въ *Либавь*, объявилъ жителямъ сего города, что они должны внести еще тридцать тысячъ талеровъ контрибуціи. Бѣдные обыватели, совершенно изнуренные безпрестанными требованіями, объявили, что они не въ состояніи заплатить сію сумму. Интендантъ приказалъ забрать самыхъ зажиточныхъ гражданъ подъ стражу и, вывѣзая изъ города, взялъ ихъ съ собою заложниками. Трое изъ числа захваченныхъ такимъ образомъ плѣнниковъ освободились, заплативъ по четыре тысячи талеровъ. Остальные повезены были за границу, сопровождаемые слезами и отчаяніемъ несчастныхъ семействъ своихъ. Торжество интенданта было непродолжительно. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города встрѣтился онъ съ развѣздомъ козаковъ. Легко угадать, что послѣдовало. Заложниковъ освободили; интендантъ самъ взятъ былъ въ плѣнъ, а двѣнадцать тысячъ талеровъ возвращены законнымъ хозяевамъ.

36.

Въ бывшемъ при Полоцкѣ сраженіи, высланы были стрѣлки изъ одной дружины С. Петербургскаго ополченія. Одинъ молодой ратникъ, лѣтъ пятнадцати, бывший въ огнѣ въ первый еще разъ, усмотрѣлъ между Французскими стрѣлками штабъ-офицера, сошедшаго съ лошади, и сказалъ своимъ товарищамъ: „посмотрите, братцы! я его еще ниже спущу!“ прицѣлился, выстрѣлилъ, и штабъ-офицеръ палъ мертвъ *).

37.

Во время сраженія, случившагося при преслѣдованіи непріятеля, оторвало одному ратнику С. Петербургскаго ополченія обѣ ноги; двое товарищей подхватили его и принесли къ лекарю для перевязки. Въ то время случился притомъ одинъ почтенный генералъ. Положа раненаго друга своего, войны подѣловали его, перекрестились и намѣрены были идти. — „Куда же вы торопитесь?“ спросилъ ихъ генералъ. — „Да опять къ дружинѣ, батюшка!“ отвѣчали они. „Вѣдь какъ каждаго раненаго да по двое носить

*) Сія и еще другіе анекдоты доставлены адъютантомъ при дежурномъ генералѣ корпуса графа Витгенштейна.

станутъ, и при немъ будутъ оставаться, такъ комужъ сражаться съ сопостатомъ?“

38.

При одномъ изъ объявленій, обнаруженныхъ г. главнокомандующимъ Россійскими арміями, при переходѣ чрезъ границу, находится списокъ взятыхъ въ плѣнъ непріятельскихъ генераловъ. 1) *Сенъ-Женъе*, бригадный генераль. 2) *Феррьеръ*, начальникъ главнаго штаба Неаполитанскаго короля. 3) *Бонами*, бригадный генераль. 4) *Алмерасъ*, дивизионный генераль. 5) *Буртъ* (Burth) 6) *Меріажъ*. 7) *Климель*. 8) *Прейсинъ*. 9) *Камусъ*. 10) *Беллардъ*, бригадные генералы. 11) *Партоно* (Parthonneaux), див. ген. 12) *Делетръ* (Delettre,) начальникъ генеральнаго штаба. 13) *Тишкевичъ*, бриг. ген. 14) *Василевскій*, коммисариатской генераль (ordonnateur général). 15) *Ожеро*. 16) *Каминскій*. 17) *(Л'Анфантъ L'Enfantin)*. 18) *Д'Орсанъ*, бриг. генералы. 19) *Сансонъ*, начальникъ депо картъ. 20) *Пельтье* (Pelletier), див. ген. 21) *Фрейръ Пего* (Freir Pego), бриг. ген. 22) *Матушевичъ*, ген. отъ артилеріи. 23) *Конопка*, бригадный генераль. 24) *Эмзеръ*, комис. генераль, 25) *Бламонъ* (Blamont). 26) *Корделье* (Cordelier). 27) *Пуже* (Pouget). 28) *Пуобюскъ* (Puisbusque). 29) *Готрень* (Gauthrin). 30) *Дзивановскій*. 31) *Лефевюръ*, бриг. генералы. 32) *Заюнчекъ*. 33) *Гильомъ*. 34) *Вреде*. 35) *Серанъ*. 36) *Вивье* (Vivier). 37) *Гюссень* (Gussaint). 38) *Норманъ* (Normand). 39) *Ивановскій*. 40) *Редеръ* (Röder). 41) *Туссенъ* (Toussaint). 42) *Валансень* (Valencin). 43) *Борстель*, дивизионные генералы. Съ того времени (объявленіе сіе опубликовано въ началѣ Декабря) взято еще нѣсколько человѣкъ.

39.

Спасеніе несчастнаго семейства.

Смоленская помѣщика, вдова *Настасья Петровна Бунина* поѣхала въ Петербургъ, для опредѣленія въ службу двухъ старшихъ сыновей своихъ и для представленія въ Смольной монастырь дочери, которая имѣла уже стастие быть туда принята. Хотя войска наши, равно какъ и непріятельскія, были тогда въ движеніи, однако военныя дѣйствія еще не начинались, и она, уѣзжая, оставила безъ себя четверыхъ дѣтей, двухъ маленькихъ сыновей въ Смоленскомъ пансіонѣ, и еще двухъ меньшихъ дочерей дома, препоруча ихъ всѣхъ человѣколюбивому покровительству сосѣдей и наслаждаясь спокойною о ихъ судьбѣ безпечностію.

Вскорѣ послѣ ея отъѣзда, обстоятельства приняли неожиданнѣйшій, ужасный видъ. Вторгшіеся разбоемъ Французы угрожали Смоленску и опустошали окрестныя мѣста огнемъ и мечемъ. Всякой думалъ о своемъ только спасеніи. Устрашенные помѣщики разбѣжались, кто куда могъ, увозя съ собою дѣтей и родственниковъ своихъ, въ Смоленскомъ пансіонѣ находившихся. Пансіонъ сей сдѣлался пустъ; одни только беззащитные Бунины оставались въ немъ — жертвою извѣстной лютоści Французовъ. Но Богъ положилъ иначе. Богъ, безъ воли Коего ни единый власть не упадетъ съ главы нашей, Который удостоиваетъ пещись и о храненіи земаго червя, не восхотѣлъ, чтобы невинные птенцы сіи безвременно погибли. Онъ укрѣпилъ духъ ихъ, вложилъ въ него твердость и рѣшимость, дѣтскіе годы превышающія, и указалъ имъ сердца, исполненные великодушія. Неизвѣстно, почему содержатель пансіона господинъ Г. не хотѣлъ ихъ пустить отъ себя, увѣряя, что они находятся внѣ всякой опасности, хотя три дни продолжалось непрерывное сраженіе, отъ грома коего дрожали Смоленскія стѣны. Любопытство повело ихъ на башню, съ которой непривыкшіе къ ужасамъ взоры ихъ были поражены видѣніемъ мертвыхъ тѣлъ, летаніемъ бомбъ и ядеръ и ручьями текущей по улицамъ крови.

Уже изъ дому въ домъ переливался пожаръ. Самый пансіонъ ихъ, когда они вошли въ него обратно, загорѣлся отъ упавшей на кровлю бомбы. Въ ближней комнатѣ обрушился потолокъ; неизбежная смерть предстояла имъ; но вѣрный, великодушный дядька, крѣпостной ихъ матери человѣкъ, исхитилъ ихъ изъ пламени, подвергая собственную жизнь видимой опасности. Такимъ образомъ спасенные отъ одной смерти принуждены они были идти на срѣтеніе многимъ другимъ. Пробравшись ползкомъ чрезъ цѣлую улицу, вышли они на Соборную гору, которая была занята войсками. Съ каждою близъ нихъ упавшею бомбою падали они отъ страха на мертвыя тѣла, и нѣсколько разъ, лежа посреди умирающихъ, смѣшивали со стенами ихъ дѣтскіе свои вопли; однако твердости совершенно не потеряли и выбрались сохранны за городскіе ворота. Наступила ночь. Голодъ и понесенные того дня труды столь изнурили силы ихъ, что они не могли болѣе идти. Какая-то бѣдная старушка, найдя ихъ въ семъ горестномъ положеніи, дала имъ по куску хлѣба и по одному огурцу, и они, подкрѣпясь оною милосердія трапезою, шли чрезъ всю ночь. Въ пятой день вошли они въ *Духовщину*, гдѣ съ радостію увидѣли нашъ обозъ и Русскихъ солдатъ, вокругъ разложеннаго огня отдыхающихъ. Краткій сонъ овладѣлъ ими такъ, что меньшій братъ скатился спящій въ огонь, сжегъ на себѣ платье и прожегъ бокъ. Неусыпно о безопасности ихъ мышляющій дядька, развѣдавъ отъ солдатъ, что они идутъ подъ начальствомъ г. поручика *Ивана Николаевича Лошакова*, осмѣлился къ нему подойти и просить маленькимъ господамъ своимъ покровительства. Просьбы его не жестокаго касались сердца. Сострадательный офицеръ не только далъ ходатайствуемое несчастнымъ дѣтямъ покровительство, но, утѣся самого себя, посадилъ ихъ въ одну съ собою повозку, питалъ за однимъ съ собою столомъ, дѣля каждый кусокъ свой пополамъ съ ними. Сего еще показалось ему недостаточно. Будучи долженъ изъ *Можайска* поворотить въ главную армію, пожаловалъ онъ имъ лошадь, телѣгу, сухарей, говядины—всего, что только имѣлъ, дабы могли они достигнуть Петербурга.

Мать сихъ, вначалѣ несчастныхъ, но послѣ толико разъ осчастливленныхъ дѣтей, проливая ежедневно горячія ко Всевышнему молитвы о сохраненіи жизни и ниспосланіи небесныхъ милостей примѣрному въ великодушіи *Ивану Николаевичу Лошакову*, просила меня сдѣлать рѣдкій поступокъ его извѣстнымъ, напечатать о немъ, какъ было, въ какомънибудь журналѣ: ибо, не имѣя чести его знать, не можетъ она иначе излить предъ нимъ чувствительной своей благодарности. Но пріятная должность быть благодарною представилась ей вторично. Спасенные отъ многихъ напастей ея сыновья пріѣхали ночевать въ *Лотошино* *), деревню его сіятельства, князя *Ивана Сергѣевича Мещерскаго*. Бдительный той деревни управитель, увидя сихъ путешественниковъ, не преминулъ спросить, кто они и куда ѣдутъ, а узнавъ, пригласилъ ихъ къ себѣ, предложилъ вкусный столъ, покойный ночлегъ и представилъ ихъ князю. Въ одно мгновеніе дѣлаются они семьянами страннопріимныхъ своихъ хозяевъ, хотя ни они, ни родители ихъ, ни даже кто либо изъ родственниковъ не были имъ знакомы. Сама почтенная княгиня *Собія Сергѣевна* съ материнскою нѣжностью печется о нихъ; не только о тѣлесномъ покоѣ помышляетъ, но и нравственности ихъ не выпускаетъ изъ виду. Между тѣмъ, какъ князь взялъ на себя трудъ писать къ госпожѣ Буниной, что дѣти ея находятся у него, она проходитъ съ ними тѣ науки, которымъ они учились и преподаетъ имъ новыя.

Извѣщая о судьбинѣ своихъ сыновей, госпожа Бунина, не имѣя способовъ, ни самой къ нимъ ѣхать, ни за ними послать, прибѣгла къ его пре-

*) Тверской губерніи Волоколамскаго уѣзда.

восходительству, государственному секретарю *Александру Семеновичу Шишкову*, которому не имѣла чести быть прежде того извѣстною. Движимый состраданіемъ, онъ доложилъ о ней Государю Императору. Его Императорское Величество, по неизрѣченной благодати своей и отеческой къ подданнымъ любви, ущедрилъ судьбу и сей несчастной, соизволивъ указать доставить къ ней ея дѣтей на казенный счетъ, снабдя ихъ всѣмъ нужнымъ, и сверхъ того удостоивъ пожаловать ей тысячу рублей.

Госпожа Бунина не можетъ также умолчать примѣрной благотворительности сосѣдки своей *Маріи Юрьевны Храповицкой*, которая, потерявъ подобно ей, все свое имущество, въ Смоленской губерніи находящаяся, содержитъ ее здѣсь, въ С. Петербургѣ, съ двумя сыновьями и четырьмя человѣками слугителей на своемъ иждивеніи, переносить для нея тѣсноту и питаетъ ее малыми остатками спасенной отъ непріятеля собственности. Чѣмъ толикую благотворительность можетъ отплатить разоренное, разсѣянное, скитающееся семейство, кромѣ вѣчной, никогда не охлаждающейся благодарности! Но Богъ, любяи милосердіе, поставитъ его во мзду и недостатокъ способовъ человѣческихъ дополнитъ посланными свыше на главу благотворителей щедротами.

Имѣвъ честь познакомиться съ госпожею Буниной, съ удовольствіемъ взяла я на себя сдѣлать происшествіе сіе извѣстнымъ, и какъ однофамилица ей, еще съ болѣшимъ удовольствіемъ раздѣляю съ ней пріятный долгъ благодарности и душевнаго уваженія къ тѣмъ особамъ, коихъ примѣрнымъ великодушіемъ сохранены ея сыновья и дано ей пристанище. Достойный дядька, со многими другими въ сію бѣдственную, но славную для Россіи эпоху отличившимися усердіемъ къ господамъ и честностію людьми, можетъ подать новый примѣръ къ опроверженію гнусной клеветы малодушныхъ Французовъ и доказать имъ, что мы нерѣдко въ рабахъ своихъ имѣемъ истинныхъ друзей, и что сострадательность и великодушіе суть два качества, въ каждомъ сословіи, въ каждомъ званіи Русскому народу принадлежащія.

Анна Бунина.

40.

При вступленіи войскъ нашихъ въ Митаву, солдаты вездѣ освѣдомлялись, не спрятались ли гдѣ нибудь непріятели. Одинъ Еврей съ злобною радостію повелъ двухъ казаковъ въ домъ пастора и объявилъ имъ, что тамъ спрятанъ Прусской офицеръ. Казаки ворвались въ домъ, въ комнату, и нашли тяжело раненаго Пруссака, который при входѣ ихъ приподнялся въ постель, ожидая неминуемой смерти. Казаки остановились въ изумленіи. Одинъ изъ нихъ ласково сказалъ раненому: *Ничтѣ фурхтѣ, Прусакѣ! Казакѣ ничтѣ плутѣ!* подаль ему руку и всячески старался его увѣрить, что ему ничего бояться. Потомъ бросились оба казака на Еврея и выгнали нагайками изъ дому, за то, что онъ почиталъ ихъ способными умертвить несчастнаго и беззащитнаго врага.

41.

Въ началѣ одного изъ бывшихъ при Полоцкѣ сраженій, графъ Витгенштейнъ поставилъ пѣхоту свою, состоявшую по большей части изъ ополченія, въ боевой порядокъ и приказалъ построить позади ея нѣскольکو батарей. По устроеніи оныхъ, велѣлъ онъ войскамъ симъ отступить и навести непріятеля на пушки. Регулярныя войска повиновались, но ополченіе отнюдь не хотѣло на то согласиться. „Насъ привели сюда, чтобъ драться, отвѣчали ратники, а не для того, чтобъ отступить!“ Другой, третій адъютантъ повторяютъ сіе приказаніе — тщетно! Храбрые ратники, еще не знакомые съ воинскою подчиненностію, не хотятъ слушаться. Наконецъ пріѣзжаетъ и самъ генералъ. „Ребята!“ говоритъ онъ:

„не однимъ вамъ драться съ непріателемъ. Вчера вы его гнали, а сегодня моя очередь. Отступите! Позади васъ поставлены пушки; если вы не отойдете, нельзя будетъ стрѣлять“. — „Изволь, батюшка!“ отвѣчали они; что намъ заслонять пушки! А отъ непріателя не отступимъ!“ — Они отошли съ досадою, говоря генералу: „ты велѣлъ, ты и отвѣчай!“ — Непрители вдаль вѣсь вѣсь, приступили, и сильный картечный огонь положили на мѣстѣ тысячи, а остальныхъ обратилъ въ бѣгство. Наши закричали: „впередъ“ и ополченіе, подобно лютымъ львамъ, бросилось на непріателя. — Вечеромъ, по окончаніи дѣла, одинъ офицеръ спросилъ у ратника: „Чтожъ братецъ! Не лучше ли было вамъ отступить?“ — „Вѣстимо, батюшка!“ отвѣчалъ онъ: „а впередъ попроси генерала, чтобъ онъ пушки-то пряталъ не позади насъ, а спереди!“

42.

Смоленскій помѣщикъ, полковникъ *Энгельгардтъ*, рѣшился, при вторженіи Французовъ, остаться въ своей деревнѣ, чтобъ защитить ее отъ хищности враговъ и успѣлъ истребить великое число сихъ разбойниковъ. Между тѣмъ злодѣи донесли на него, и онъ былъ взятъ подъ стражу. При допросахъ предъ судомъ, отвѣчалъ онъ съ геройскою твердостью: „Я Русской подданной и исполнялъ долгъ свой; мы всѣ обязаны сражаться со врагомъ, который нарушилъ наше спокойствіе и дерзнулъ напасть на законнаго нашего Государя. Сожалю, что оковы препятствуютъ мнѣ отомстить имъ“. Такимъ образомъ неустрашимый Энгельгардтъ излилъ свои чувствованія предъ судилищемъ враговъ и хладнокровно ожидалъ рѣшенія своей участи. На лицѣ его изображалось спокойствіе добродѣтели, когда онъ, обремененный пѣпями, ведомъ былъ по улицамъ Смоленска. Въ темницѣ написалъ онъ духовное свое завѣщаніе. Приговоръ былъ достоинъ врага нашего Отечества. Сильная душа Энгельгардта тѣмъ не поколебалась: онъ не страшился смерти. По выслушаніи приговора, объявилъ онъ Французамъ, сколько они ошибаются, надѣясь поработить Россію, предсказалъ погибель ихъ и благодарилъ Небо, наградившее его смертію полезною для Отечества. При исполненіи казни, не позволивъ онъ, чтобъ завязали ему глаза и обратилъ ихъ съ гордостью на устремленное противу него оружіе. Самые враги сожалѣли о смерти его. Желательно, чтобъ надгробный памятникъ означалъ то мѣсто, въ которомъ повоится прахъ сего истиннаго сына Отечества!

43.

Девяностодухлѣтній старецъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Василій Васильевичъ Нероновъ* жилъ въ Москвѣ, въ собственномъ своемъ домѣ. Уже нѣсколько лѣтъ не оставлялъ онъ постели своей и при вшествіи въ столицу враговъ не имѣлъ времени выѣхать изъ города. Домъ его уцѣлѣлъ отъ пожара, но назначенъ былъ для постоя одному Французскому генералу, который приказалъ выбросить бѣднаго старика на улицу. Всѣ служители его со страху разбѣжались; при немъ осталось только двое крѣпостныхъ людей, которые отнесли его въ близкую церковь. Тамъ пролежалъ онъ между мертвыми и умирающими людьми, посреди дохлыхъ лошадей около недѣли. Между тѣмъ, какъ одинъ служитель не оставлялъ одра несчастнаго старца, другой ходилъ въ городъ по міру, и все, что могъ собрать, приносилъ своему господину. Наконецъ, видя, что церковь не доставляетъ имъ безопаснаго убѣжища, рѣшились они выйти изъ города; въ одну темную ночь подняли господина своего на руки, прошли благополучно чрезъ заставу и пронесли его такимъ образомъ слишкомъ сорокъ верстъ до деревни, гдѣ удалось имъ сдѣлать носилку, нанять людей и донести его до Рязани.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПОЛЬСКАГО ЕПИСКОПА БУТКЕВИЧА.

(съ польской рукописи).

Ректоръ Варшавской Духовной Академіи Буткевичъ (1794—1871), имѣвшій большую извѣстность въ Царствѣ Польскомъ, представляетъ собою замѣчательное явленіе въ средѣ Польскаго духовенства: онъ относился безпристрастно къ дѣйствіямъ Русскаго правительства относительно Польши и не участвовалъ въ подпольныхъ каверзахъ своихъ подчиненныхъ, товарищей и начальниковъ. На сколько было тутъ искренности, разумѣется, опредѣлить трудно.

Записки Буткевича написаны въ видѣ письма къ его приверженницѣ и духовной дочери Ельвирѣ Флоріановичевой, помѣщицѣ Августовской губерніи, гдѣ проходилъ свое пастырское поприще Буткевичъ. Онъ начинаетъ свое описаніе со школы и рассказываетъ подробно свою службу въ разныхъ духовныхъ должностяхъ при католическихъ прелатахъ. Большинство Польскаго духовенства, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, отличалось, по словамъ Буткевича, полнымъ безвѣріемъ, перешедшимъ въ Польшу изъ Франціи вмѣстѣ съ идеями энциклопедистовъ и революціи. Буткевичъ рисуетъ отвратительную картину деспотизма, жадности, низкаго самолюбія, взаимныхъ подкоповъ и всяческой лжи въ средѣ католическихъ духовныхъ властей. Такъ напр. одинъ ихъ довольно высоко поставленныхъ прелатовъ, для полученія лучшаго мѣста, вздумалъ написать просительное письмо къ императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, предъявляя, будто онъ нѣкогда состоялъ въ Пруссіи учителемъ при ея братьяхъ. Онъ самъ признавался, что это учительство было имъ выдуманно; а между тѣмъ въ Берлинѣ наводили справки и понапрасну отыскивали имя такого учителя.

Впрочемъ Русскіе читатели и Русскіе люди давно знаютъ, что такое католическій прелатъ; поэтому мы опускаемъ подробности, которыми начинаются Записки Буткевича, и печатаемъ ихъ съ того мѣста, гдѣ онъ является уже ректоромъ Варшавской Академіи.—За сообщеніе этихъ Записокъ въ Русскій Архивъ мы обязаны П. К. Щебальскому. П. Б.

...Я былъ приглашенъ занять одну изъ двухъ вакантныхъ кафедръ въ Академіи, чтобъ приготовиться къ должности ректора; но тогда я не могъ согласиться, потому что не хотѣлъ покинуть престарѣлую мою матушку; теперь же, по ея смерти, я радъ бы былъ перейти въ Варшаву, чтобъ выйти изъ своего двусмысленнаго положенія. Утаивъ поэтому предъ епископомъ полученное мною изъ Коммиссіи *) приглашеніе прибыть въ Варшаву и представить свои документы, дающіе мнѣ право быть ректоромъ, я испросилъ позволенія поѣхать навѣстить больную будто сестру. Въ Варшаву пріѣхалъ я за нѣсколько часовъ до смерти прежняго ректора Осолинскаго. Немедленно по кончинѣ его приступили къ выбору новаго ректора. По уставу, утвержденному Государемъ, выборъ принадлежалъ епископамъ и администраторамъ. Изъ нихъ шестеро дали свой голосъ за меня,

*) Т. е. изъ Коммиссіи внутреннихъ дѣлъ и духовнаго просвѣщенія.

и этого было совершенно достаточно. Но мнѣ хотѣлось получить и голосъ моего пастыря, который, на предложеніе представить своего кандидата, отвѣчалъ, что въ его епархіи не изъ кого выбрать даже преподавателя въ Семинарію. Нужно мнѣ было поѣхать изъ Варшавы въ Тыкоцинь, гдѣ тогда пребывалъ епископъ, и вручить ему новое приглашеніе Коммиссіи, которая указывала имененно на меня, какъ на самаго достойнаго. Такая благосклонность ко мнѣ высшей власти его удивила и взбѣсила. По своему обыкновенію, онъ началъ кричать и угрожать; но я не хотѣлъ его слушать и холодно разстался съ нимъ, выставляя ему на видъ, что я и безъ его содѣйствія буду назначенъ ректоромъ. Едва я вернулся къ себѣ на квартиру, какъ пришелъ священникъ съ приглашеніемъ на обѣдъ къ епископу, который забылъ-де просить меня лично. Я благодарилъ, но сказалъ, что приглашеніемъ пользоваться не намѣренъ; и тутъ же досталъ изъ чемодана скромную мою закуску. Вскорѣ явились два почетныхъ каноника съ самымъ настоятельнымъ приглашеніемъ—не уѣзжать не повидавшись съ пастыремъ, такъ какъ онъ хочетъ-де вручить мнѣ отвѣтъ на приглашеніе Коммиссіи. Я обѣщалъ зайти на минуту. Епископъ былъ очень оскорбленъ моимъ поступкомъ, тѣмъ болѣе, что собравшіеся у него многіе настоятели и деканы были тому свидѣтелями и чрезвычайно меня ласкали. Епископъ съ горечью упрекалъ меня въ невѣжливости, которая легко могла вызвать подражателей; клялся, что любить и уважаетъ меня; но въ отвѣтъ своему Коммиссіи не скрылъ своей досады. Онъ писалъ, что за недостаткомъ лучшихъ рекомендуетъ отъ себя въ ректоры *pro forma* ксендза Буткевича, такъ какъ онъ имѣетъ университетскую степень и терся въ Коммиссіи и около епископовъ.

Переходъ мой на должность ректора надо считать явнымъ проявленіемъ воли Божіей; онъ совершился прямо противъ желанія начальства моего. Представляя свои документы въ Коммиссію, я мало имѣлъ надежды сдѣлаться ректоромъ. Всѣмъ было извѣстно, что на эту должность намѣстникъ прочилъ пройдоху Нѣмца, по фамилии Людике (*Lüdicke*), именующаго себя ксендзомъ, которому и велѣлъ ѣхать вслѣдъ за нимъ въ Петербургъ, для представленія Государю. Но Коммиссія, опираясь на Высочайше утвержденный уставъ, рѣшилась поддержать меня. Административный Совѣтъ Царства утвердилъ мой выборъ и свое постановленіе отослалъ въ Петербургъ на утвержденіе Государя. Государь былъ немало удивленъ этимъ представленіемъ; но, выслушавъ своего статсъ-секретаря, сказалъ: „съ намѣстникомъ мы сочтемся; а первое дѣло—поддержать законность“; и затѣмъ подписалъ мое назначеніе. Обманутый въ своихъ надеждахъ Людике, по выѣздѣ изъ Петербурга, хотѣлъ непременно видѣть своего противника и вмѣстѣ съ помѣщикомъ Гавронскимъ пріѣзжалъ нарочно въ Владиславовъ. Возвратившись же въ Варшаву, онъ какъ нельзя хуже отрекомендовалъ меня намѣстнику и высшему духовенству. Первому представилъ онъ меня фанатикомъ, Іезуитомъ; второму измѣнникомъ вѣрѣ и церкви: не даромъ-де схизматики, вопреки желанію намѣстника, возвели меня въ это достоинство. Намѣстникъ на публичныхъ пріемахъ не обращалъ на

меня никакого вниманія. Общее нерасположеніе въ теченіи трехъ лѣтъ до того меня измучило, что я уже подумывалъ объ отставкѣ; но случай свелъ меня съ директоромъ канцеляріи намѣстника, нынѣ сенаторомъ, Еліяшевичемъ. Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ посовѣтоваться на счетъ духовныхъ лицъ, присуждаемыхъ гражданскими или военными судами къ позорнымъ наказаніямъ. Тогда производилось дѣло о ксендзѣ, пойманномъ съ оружіемъ въ рукахъ и оказавшемся предводителемъ шайки, имѣвшей цѣлю избить въ Кѣльцахъ всѣхъ помѣщиковъ и чиновниковъ. Я составилъ по этому поводу обстоятельную записку и вручилъ ее Еліяшевичу. Онъ былъ очень ею доволенъ и общалъ чаще обращаться ко мнѣ за совѣтами. При первомъ же свиданіи я высказалъ ему свое намѣреніе оставить службу и откровенно изложилъ всѣ побудительныя къ тому причины. Еліяшевичъ уговаривалъ меня потерпѣть, увѣряя, что все переменится къ лучшему. Дѣйствительно, на слѣдующемъ за симъ пріемѣ намѣстникъ, подойдя ко мнѣ и поздоровавшись, выразилъ свое удовольствіе за вѣрную мою службу и благонамѣренный образъ мыслей. Эта неожиданная вѣжливость возбудила ко мнѣ тайную зависть (какъ это бываетъ вообще у людей, и въ особенности у ксендзовъ), но зависть не имѣла бы никакихъ важныхъ послѣдствій, еслибъ къ этому не присоединилось еще одно происшествіе, надѣлавшее мнѣ новыхъ враговъ. Стоявшій возлѣ меня епископъ-суфраганъ графъ Лубенскій, Богъ знаетъ по какому побужденію и съ какою цѣлю, вслѣдъ за княземъ *), сталъ расхваливать меня. Намѣстникъ, не любившій графовъ Лубенскихъ, крикнулъ: „Молчи, когда тебя не спрашиваютъ, и откуда эта дружба къ Буткевичу и Академіи, когда извѣстно, что люди, подобные графу Лубенскому, не любятъ ректора за его вѣрность правительству и стараются уронить Академію, потому только, что она установлена Государемъ?“ Лубенскій хотѣлъ извиняться, но намѣстникъ не дозволилъ ему раскрыть ротъ, повторяя каждый разъ по русски: молчать! Это неожиданное приключеніе испортило весь пріемъ. Лубенскій, прежде жившій дружно со мною, теперь сталъ моимъ врагомъ, со всею знатію, въ родствѣ съ нимъ состоящею. Однако, не смотря на это, мое положеніе значительно улучшилось. Съ этого времени я началъ получать приглашенія на парадные обѣды во дворецъ или на совѣщанія и часто составлялъ записки по дѣламъ религіи и духовенства.

Спустя годъ, я получилъ Высочайшее повелѣніе отправиться въ Петербургъ и осмотрѣть тамошнюю Католическую Академію въ административномъ и учебномъ отношеніяхъ. Это порученіе надѣлало много шума, такъ какъ оно пришлось именно въ ту пору, когда изъ нашей Академіи взяли троихъ воспитанниковъ и, порядочно ихъ высѣвши, послали солдатами въ Сибирскіе полки. Моей поѣздкѣ приписывали самыя странныя цѣли: составилось общее мнѣніе, будто Императоръ основалъ Академію единственно съ цѣлю распространять схизму посредствомъ выпущенныхъ изъ оной духов-

*) Т. е. за княземъ Паскевичемъ.

ныхъ; а меня, какъ всецѣло себя продаваго, посылаютъ знакомиться съ Русскою вѣрою и со средствами для ея распространенія. Передъ отъѣздомъ, я поѣхалъ повидаться къ Павловскому, а потомъ къ своему пастырю въ Сейны и, изложивъ сему послѣднему поводы и цѣль моего путешествія, получилъ отъ него благословеніе. Прибывъ на мѣсто, я явился къ министру внутреннихъ дѣлъ, потомъ къ директору департамента иностранныхъ исповѣданій, въ распоряженіе котораго тутъ же и поступилъ. Прошло съ недѣлю, въ продолженіи которой я постоянно ходилъ въ Академію, ко всему присматривался, всѣхъ спрашивалъ, какъ вдругъ однажды, въ 9 часовъ вечера, отъ вышеназваннаго министра получаю увѣдомленіе, что завтра въ 11 часовъ я долженъ представиться Государю. Не смотря на позднюю пору, я облетѣлъ всѣхъ знакомыхъ, чтобъ узнать, въ какомъ видѣ надобно являться предъ Государемъ. Ни ректоръ Академіи, ни епископъ Дмоховскій, заступавшій митрополита, не могли мнѣ ничего сказать, такъ какъ никто изъ нихъ не удостоивался такой чести. Я рѣшился явиться въ облаченіи хоральномъ, какъ это дѣлалось въ Варшавѣ, когда духовные являлись предъ Государемъ или засѣдали въ его присутствіи въ Сенатѣ. Не имѣя ничего готоваго, я засадилъ за работу сапожника, портнаго и швею и заплатилъ имъ, что они хотѣли. Предстоящее событіе такъ меня взволновало и встревожило, что я всю ночь не могъ сомкнуть глаза, на утро исповѣдался и отслужилъ обѣдню съ такимъ чувствомъ благочестія, съ какимъ никогда въ свою жизнь не служивалъ. Ну, какъ я не поправляюсь? Отъ этой мысли кровь застывала въ моихъ жилахъ.

Въ назначенный часъ, я явился во дворецъ. Былъ воскресный день, и Государь былъ еще у обѣдни. Среди несмѣтнаго числа чиновниковъ и генераловъ находился и герцогъ Лейхтенбергскій; онъ подошелъ ко мнѣ и милостиво благоволилъ поговорить со мною. Тутъ явился камердинеръ и пригласилъ меня идти за нимъ. Мы прошли сперва длинный корридоръ, потомъ вошли въ обширный залъ, у дверей котораго стояли два дюжихъ Негра; они указали дверь на право. Отворивъ ее, я очутился въ другомъ столь же большомъ залѣ и вдали увидѣлъ Государя, который слегка поклонился и сказалъ порусски, что ему пріятно видѣть меня. Первый вопросъ былъ: говорю ли я порусски? Узнавъ изъ моего отвѣта, выраженнаго пофранцузски, что я понимаю этотъ языкъ, но не могу на немъ свободно изъясняться, Государь быстро повернулся отъ меня и началъ большими шагами ходить по комнатѣ, высказывая неудовольствіе и удивленіе, что начальникъ духовнаго воспитанія не знаетъ государственнаго языка. Пораженный гнѣвомъ Государя, я задрожалъ всѣмъ своимъ существомъ. Государь, замѣтивъ это, снова подошелъ ко мнѣ, ласково проговорилъ: не бойся! и повелъ въ глубину залы. Ставъ у окна, выходящаго на Неву, онъ нагнулся ко мнѣ, такъ что я почти чувствовалъ прикосновеніе его волосъ, и въ такомъ положеніи продержалъ онъ меня во крайней мѣрѣ три четверти часа, спрашивая о той и другой Академіи и высказывая

при этомъ необыкновенное знакомство съ внутреннею ихъ жизнью. Но вдругъ онъ разгнѣвался, когда услыхалъ объ осужденіи трехъ нашихъ воспитанниковъ ¹, отошелъ отъ меня и, расхаживая вдоль и поперекъ по залѣ, говорилъ: „Чего можно ожидать въ вашемъ Царствѣ, если въ школѣ духовной, гдѣ молодежь должна учиться скромности и послушанію, напротивъ того приобрѣтаютъ мятежническій духъ и привыкаютъ къ неповиновенію?“ Эти упреки, высказываемые строго и сурово, такъ болѣзненно пронзили мое сердце, что я готовъ былъ зарыдать, тѣмъ болѣе, что, повидимому, исчезала всякая надежда спасти несчастныхъ, за которыхъ я думалъ было при случаѣ ходатайствовать. Я собралъ послѣднія силы и, объяснивъ, что проступокъ ихъ вовсе не имѣлъ политическаго характера, съ рыданіями просилъ помилованія. Государь, довольный моимъ сожалѣніемъ и горемъ, взглядывался въ меня съ улыбкой и сказалъ серьезно: „Знаю все; это послужитъ хорошимъ примѣромъ для другихъ; ваша молодежь вызываетъ строгости“. Затѣмъ, Государь перешелъ къ дѣламъ политическо-религіознымъ, говорилъ о нравственномъ растлѣніи, котораго былъ самъ свидѣтелемъ въ недавнюю бытность свою въ Италіи и Германіи ²; что въ одной только его Имперіи существуетъ еще вѣра и честь Божья, порядокъ и повиновеніе власти; что онъ не допуститъ въ свое государство новаго ученія Ронге (которое тогда распространялось въ Силезіи и Познани). Онъ говорилъ съ жаромъ о рѣзні въ Галиціи и обвинялъ за эту катастрофу однихъ ксендзовъ, которые, вмѣсто того чтобъ думать о костелѣ и пасти свое стадо, занимаются политикою и подстрекаютъ народъ къ бунту. Онъ объявлялъ торжественно, что ничего болѣе отъ насъ не требуетъ, лишь бы мы были священниками истинно-католическими, и повторилъ два раза: „но дѣйствительно католическими“; что мы можемъ хвалить Бога и служить человѣчеству по своей вѣрѣ, но должны не вмѣшиваться въ чужія дѣла, не заниматься политикою, не возобновлять необузданной полякеріи, не становиться во главѣ заговоровъ и враждебныхъ Россіи партій; объявилъ наконецъ искреннее свое желаніе, чтобъ духовенство наше, которому онъ охотно покровительствуетъ, было привязано къ Престолу. Послѣ того легкимъ наклоненіемъ головы далъ Государь понять, что аудіенція кончена. Вышедши въ корридоръ, я чувствовалъ себя какъ бы меня обливали кипяткомъ: по всему тѣлу струился потъ, и я едва добрелъ до экипажа. Въ Академіи засталъ я министра Туркула ³, многихъ сановниковъ и всю прелатуру, ожидавшихъ меня для поздравленія съ столь рѣдкою милостью. Ректоръ Головинскій на радости устроилъ великолѣпный завтракъ; но я, каковъ былъ, голодный и, хуже того, измученный отъ сильныхъ потрясеній и бессонницы, скоро оставилъ компанію и уѣхалъ на квартиру въ монастырь Доминиканцевъ. Здѣсь заперся я на ключъ и,

¹ Были осуждены за буйство.

² Этотъ разговоръ происходилъ послѣ 1847 г.

³ Статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго.

не смотря на усталость, занялся подробнымъ описаніемъ аудіенціи, пока все было свѣжо въ памяти. Въ ухахъ моихъ еще раздавался голосъ Монарха. Забылъ я сказать, что Государь, сдѣлавъ мнѣ выговоръ за незнаніе Русскаго языка, сказалъ, что будетъ говорить со мною на этомъ языкѣ, чтобъ я самъ видѣлъ и другимъ сказалъ, что говорить съ Монархомъ не годится иначе, какъ только на государственномъ языкѣ; мнѣ же онъ дозволилъ отвѣчать на Польскомъ языкѣ, знанія котораго не отрицалъ. До полуночи трудился я надъ описаніемъ всего видѣннаго и слышаннаго мною; и слава Богу, что это дѣлалъ: на утро рано явился ко мнѣ Головинскій, которому министръ поручилъ узнать отъ меня о всемъ случившемся. Я хотѣлъ прочесть мое описаніе, но онъ взялъ у меня эту записку и отправился куда слѣдуетъ. Возвращена мнѣ была эта записка спустя три мѣсяца съ Русскимъ переводомъ, который самимъ Государемъ найденъ былъ вѣрнымъ.

Возвратившись въ Варшаву, представилъ я начальству подробный рапортъ о состояніи тамошней Академіи и о главныхъ чертахъ устройства духовнаго управленія въ Имперіи, не высказывая при этомъ никакихъ личныхъ взглядовъ. Главный директоръ комиссіи внутреннихъ дѣлъ сенаторъ Стороженко спрашивалъ моего мнѣнія о томъ: не лучше ли бы было завести въ Царствѣ такіе же порядки, какъ въ Имперіи? Я отвѣчалъ, что на новые порядки духовенство добровольно не согласится; насильственное же введеніе ихъ повело бы въ послѣдствіи къ революціи. Думая склонить меня на свою сторону, онъ представилъ меня къ ордену св. Станислава; но надежда на звѣзду не оправдалась,—я остался при своемъ мнѣніи, и мы поссорились.

Стороженко не отказался отъ своего замысла преобразовать духовное управленіе и ждалъ только благоприятнаго случая, который скоро и представился. Епископъ Лентовскій, желая загладить нерасположеніе къ себѣ властей (за то, что, во время Галиційской рѣзни, не остался въ Кѣльцахъ, гдѣ былъ администраторомъ, а укрылся въ Вѣну) обѣщалъ Стороженкѣ сдѣлать все, что отъ него потребуютъ, лишь бы его поставили во главѣ духовенства. Князь-намѣстникъ, узнавъ о такой готовности Лентовскаго, велѣлъ образовать комитетъ, подъ предсѣдательствомъ этого епископа, для составленія проекта преобразованія, а меня назначилъ туда дѣлопроизводителемъ. Достигнувъ своей цѣли, Стороженко трунилъ надо мною, обозвалъ меня Гуситомъ, раввиномъ, Іезуитомъ и т. п. и приказалъ явиться къ нему за приказаніями. Когда я пришелъ, то онъ, обращаясь къ своимъ гостямъ, сказалъ: „Ну, не глупъ ли нашъ ректоръ, что упускаетъ счастье, которое само дается ему въ руки? То, чего прежде не желалъ добровольно, теперь долженъ дѣлать противъ воли и по чужому указанію“. Затѣмъ онъ показалъ мнѣ предписаніе князя. Поклонившись низко, я сказалъ рѣшительно: „Затѣвиваемое дѣло не согласно съ моими убѣжденіями, и никакая сила не заставитъ меня содѣйствовать ему“. Сенаторъ, подъ вліяніемъ сильнаго гнѣва, обругалъ меня порусски и указалъ на дверь. Возвратившись домой, я заперся и приступилъ къ составле-

нію записки, въ которой старался обнаружить слабыя стороны порядковъ въ Имперіи, ихъ несогласіе съ каноническимъ правомъ и наконецъ невозможность приложить ихъ къ Царству безъ совершенія многихъ насилій, а за границей—безъ возбужденія шума и безчисленныхъ толковъ. Записку свою я вручилъ Еліяшевичу, для представленія князю. Слѣдствіемъ ея было то, что Комитетъ закрыли, и все дѣло прекращено. Тотъ же Лентовскій, изъ за котораго я поссорился съ директоромъ, былъ причиною и нашего примиренія. Объявлено было распоряженіе Комиссіи о заупокойномъ служеніи на случай смерти членовъ царской фамиліи. Лентовскій находилъ это распоряженіе во многихъ подробностяхъ несоотвѣтственнымъ и взялъ на себя трудъ сочинить программу служенія болѣе соотвѣтственную. Это понравилось власти, и многіе начали серьезно помышлять, нельзя ли его поставить во главѣ духовенства, тѣмъ болѣе еще и потому, что онъ лучше другихъ епископовъ умѣлъ держать себя въ салонахъ. Въ этихъ видахъ правительство начало собирать о немъ свѣдѣнія; спрашивало и моего мнѣнія. Я рассказалъ, что зналъ: какъ онъ въ управленіи Краковскою епархіею не обращаетъ вниманія ни на какіе законы и тѣмъ даетъ поводъ къ нескончаемымъ жалобамъ, и прибавилъ, что человекъ, попиравшій свою совѣсть и общественное мнѣніе, не можетъ возбуждать къ себѣ довѣріе. Но не нужно было никакого предостереженія. Лентовскій поспѣшилъ самъ погубить себя и свои проекты. Вскорѣ послѣ Февральской революціи, потихоньку скрылся онъ за границу и написалъ письмо къ директору, что, не будучи въ состояніи примирить своей совѣсти съ требованіями правительства, онъ удаляется и слагаетъ съ себя званіе администратора. Поступокъ этотъ привелъ власти въ недоумѣніе, а партію крайнюю въ неописанный восторгъ: его превозгласили апостоломъ, мученикомъ и приглашали всѣхъ слѣдовать его примѣру. Но не долго продолжался этотъ восторгъ. Лентовскій одумался и опять умолялъ начальство о прощеніи и дозволеніи ему возвратиться. Его однако не удостоили и отвѣтомъ, и онъ сидитъ въ Краковѣ въ качествѣ тамошняго прелата. Отъ нечего дѣлать, пишетъ онъ разныя сочиненія, къ счастью мало читаемая, для униженія и посрамленія своего собственнаго состоянія, выставляя на показъ всѣ промахи и мертвыхъ и живыхъ духовныхъ сановниковъ. Въ Римѣ онъ обвинялъ меня въ томъ, въ чемъ самъ былъ виноватъ, и какіе резоны не могли уже убѣдить его въ противномъ. Въ Римѣ вообще все идетъ на оборотъ: тамъ вѣрятъ самымъ невѣроятнымъ сплетнямъ, и тамъ всегда былъ правъ первый, хотя бы дгалъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ, а послѣдній былъ всегда виноватъ, и отъ него не принимались уже никакія доказательства.

Въ ту пору умеръ епископъ Страшинскій. Черезъ посредство Еліяшевича, я спросилъ князя: могу ли я искать администраторства Августовской епархіи; на что, тѣмъ же путемъ, получилъ положительный отвѣтъ, съ условіемъ, если администраторство съумѣю примирить съ теперешнею моею должностію: потому-де, что, какъ ректоръ, я необходимъ въ Варшавѣ. Вслѣдствіе этого, увѣдомилъ

я Капитулъ, чтобъ кандидатомъ меня не считали, и администраторомъ избранъ былъ Блоцкій. Князь былъ очень доволенъ моимъ безкорыстіемъ и, желая вознаграждать меня, предлагалъ администраторство въ Варшавѣ; Варшавскаго же администратора Фіялковскаго хотѣлъ перевести епископомъ въ Полѣсье. Я представилъ князю, что это перемѣщеніе сопряжено съ большими затрудненіями: Варшавскій Капитулъ, состоящій изъ интригановъ или людей безъ характера, навѣрно сталъ бы дѣйствовать наперекоръ. Предлагалъ мнѣ князь епископство Подляское или Сандомірское; но, кромѣ того, что въ незнакомой епархіи я былъ бы мало полезенъ, согласіе папы на такое назначеніе представлялось мнѣ чрезвычайно сомнительнымъ: Людике и Блоцкій засыпали меня доносами въ Римъ. Не смотря на все это, въ бытность Государя въ Варшавѣ, представилъ меня князь въ епископы Августовской епархіи и, получивъ на это согласіе Государя, просилъ государственнаго канцлера выхлопотать поскорѣе утвержденіе папы. Обо всемъ этомъ узналъ я тогда только, когда все уже было сдѣлано, и противорѣчить было уже нельзя. Беспорядки въ Римѣ, бѣгство папы и безпокойства во всей Европѣ задержали теченіе всѣхъ дѣлъ, а вмѣстѣ и мое утвержденіе. Но и по возвращеніи папы въ Римъ, мое дѣло не подвигалось: были какія-то причины, которыя громко высказать не желалось. Государь, потерявъ терпѣніе, велѣлъ мнѣ самому ѣхать въ Римъ и объясниться.

Я выѣхалъ изъ Варшавы 24 Авг 1850 г., никого не предупреждая, какъ мнѣ было сказано. Воскресенцы (бѣжавшіе священники *), имѣвшіе постоянныя сношенія съ нашими богомольными дамами, зная уже о моемъ отъѣздѣ, ожидали меня въ Римѣ, и я случайно поселился возлѣ одного изъ ихъ приверженцевъ, нарочно присланнаго изъ Парижа. Это былъ артистъ изъ Галиціи. Ежедневно заводилъ онъ со мною разговоры о несчастномъ положеніи духовенства въ Царствѣ, о наклонности его къ схизмѣ, и разговоры эти возобновлялъ регулярно. Сначала я хотѣлъ его разувѣрить и убѣждалъ, что у насъ не такъ худо, какъ говорятъ, и что духовенство ни о какомъ расколѣ не думаетъ. Но онъ повторялъ постоянно одно и то же и наконецъ заключилъ, что я вѣроятно намѣреваюсь сдѣлать съ католиками тоже, что Симашко сдѣлалъ съ униатами. Я потерялъ терпѣніе и назвалъ его низкимъ подлецомъ. „Зачѣмъ же вы, отвѣчалъ онъ, зная о моихъ негодныхъ замыслахъ, поселились со мною на одной квартирѣ, говоря что пріятнѣе и безопаснѣе жить съ землякомъ?“ — „Удивительный вы человекъ, возразилъ я: ищите пріятности и безопасности съ человекомъ, отъ котораго добрый католикъ не можетъ не уходить безъ совершенія тяжкаго грѣха, и поэтому я объявляю вамъ, что съ вами жить не хочу и сегодня же переѣду куда нибудь“. Пристыженный артистъ вышелъ,

*) Это новый монашескій орденъ, яко бы во имя Воскресенія Христова, но завѣдомо дѣйствующій для такъ называемаго воскрешенія Польши. П. Б.

но черезъ часъ вернулся совсѣмъ въ иномъ расположеніи: онъ палъ предо мною на колѣна и съ рыданіемъ просилъ прощенія. Тутъ же онъ сознался, что былъ орудіемъ людей, ищущихъ моея погибели. Черезъ нѣсколько дней послѣ моего отъѣзда изъ Варшавы, знали уже объ этомъ Воскресенцы въ Парижѣ. Артистъ въ это время собирался въ Римъ, и какъ онъ нуждался въ средствахъ, ему обѣщали безвозвратную ссуду, если онъ только прямо поѣдетъ въ Римъ и тамъ исполнитъ небольшое порученіе, по указанію мѣстныхъ Воскресенцевъ, къ которымъ дали ему нѣсколько писемъ. Онъ явился въ Римъ двумя днями раньше и обратился за инструкціями къ ксендзу Губе, котораго титуловали генераломъ Воскресенцевъ. Квартира была отыскана и мнѣ зарекомендована другимъ артистомъ Станкевичемъ, къ которому я имѣлъ письмо и которому квартира эта была указана Парижскимъ его товарищемъ. Поэтому-то каждый разъ, какъ артистъ толковалъ со мною, Губе былъ на его квартирѣ и все отлично слышалъ. Наконецъ артистъ объявилъ, что ему поручено познакомить меня съ Губѣ. Я не желалъ этого, но на слѣдующій день рано утромъ, когда я, еще neodѣтый, зашелъ къ сосѣду, явился вдругъ и Губе. Противъ воли вступилъ я съ нимъ въ разговоръ. Сначала мы говорили о его братѣ, съ которымъ я былъ знакомъ и который нынѣ сенаторомъ; потомъ рѣчь перешла и на дѣла духовныя въ Царствѣ. Я воодушевился и началъ упрекать всѣхъ эмигрантовъ за ихъ ослѣпленіе: вмѣсто того, чтобъ оказывать своему отечеству любовь, они всѣми силами стараются ухудшить его состояніе, оговаривая всѣхъ безъ разбору. „Но какъ вы разъясните, возразилъ мнѣ Губе, ваше предложеніе правительству—устроить дѣла церковныя въ Царствѣ на манеръ Имперіи? Ѣздили же въ Петербургъ изучать Православіе!“ Я содрогнулся и спросилъ, откуда ему извѣстно все это, и особенно дѣль моея поѣздки въ Петербургъ?—Какъ же не знать! Долженъ же былъ Лентовскій уѣхать за границу, не желая согласиться на реформу?“ Я презрительно засмѣялся и все рассказалъ, какъ было, а въ доказательство представилъ важнѣйшіе документы. Губе казался убѣжденнымъ, сожалѣлъ о всеобщемъ заблужденіи и просилъ меня быть его другомъ. Предвидя, что мнѣ не разъ придется встрѣчаться съ Воскресенцами, я пошелъ предупредить объ этомъ Русскаго повѣреннаго Скарятина и просилъ его совѣта. Онъ отвѣчалъ, что питаетъ ко мнѣ полное довѣріе и предложилъ мнѣ дѣйствовать по моему усмотрѣнію.

Первая аудіенція у папы была назначена на 6-го Ноября 1850 г. Въ половинѣ 12-го, прибылъ я въ Ватиканъ и сталъ подыматься по мраморной лѣстницѣ. На всякомъ поворотѣ стоялъ швейцаръ съ алебардою и указывалъ дорогу. Такъ взобрался я на третій этажъ, гдѣ очутился въ залѣ, подобной самому наибольшему нашему костелу и занятой швейцарскою стражею. За тѣмъ прошелъ я еще нѣсколько такихъ же залъ, и въ каждой было по нѣсколькѣ такъ называемыхъ нобили, т. е. гвардейцевъ изъ высшей знати. Наконецъ достигъ я тронной залы. Всѣ эти залы от-

личались чрезвычайно бѣдностью; кромѣ деревянныхъ скамеекъ и табуретовъ выкрашенныхъ масляною краскою, ничего въ нихъ не было; полъ кирпичный, окна обыкновенныя, запущенныя; только на стѣнахъ и на закопченныхъ потолкахъ красовались фрески знаменитыхъ художниковъ. Въ тронномъ залѣ находился тронъ, состоящій изъ кресла, нѣкогда золоченаго, на постаментѣ въ одну ступень, подъ балдахиномъ изъ краснаго бархата. Здѣсь у дверей кабинета стоитъ съ обнаженною саблею одинъ изъ гвардейцевъ; здѣсь же находятся постоянно очередной камергеръ и нѣсколько другихъ придворныхъ чиновъ. Тутъ же наконецъ ожидаютъ всѣ тѣ, которымъ обѣщана аудіенція и которые всѣ прописаны въ настольной книгѣ, для свѣдѣнія камергера, и равно и въ другой книгѣ у папы. Въ этотъ день очереднымъ камергеромъ былъ князь Гогенлоэ, лѣтъ 22-хъ, и уже въ званіи прелата. Едва успѣлъ онъ наставить меня, какъ я долженъ себя вести, какъ раздался звонокъ и вопросъ, здѣсь ли Польскій священникъ? Князь ввелъ меня, ставъ на колѣна доложилъ обо мнѣ и удалился. Я преклонилъ колѣно разъ, другой и третій и сталъ на колѣна предъ св. отцомъ, который сидѣлъ въ креслѣ на маломъ возвышеніи. Предъ нимъ стоялъ столикъ, покрытый зеленымъ сукномъ; на столикѣ—распятіе, образокъ Божьей Матери, чернилица съ перомъ и книга съ именами ищущихъ аудіенціи. Увидѣвъ меня, папа спросилъ поитальянски, какъ я поживаю; но тотчасъ спохватился и сталъ говорить пофранцузски. „Извини, забылъ, что ты не понимаешь нашего языка“. Говоря это, онъ протянулъ ко мнѣ руку; я поцѣловалъ ее и припалъ къ его ногамъ. Папа сначала не хотѣлъ давать ноги; но потомъ, высунувъ ее, сказалъ: „Это не нужно; но если такъ хочешь, то цѣлуй“. Святой отецъ велѣлъ мнѣ встать; но я, оставаясь на колѣнахъ, сказалъ приблизительно слѣдующее: „Считаю величайшимъ милосердіемъ Всевышняго, что Онъ дозволилъ мнѣ вкусить счастья стать предъ лицомъ нашего общаго отца и обლობязать его апостольскія стопы. Я прибылъ не затѣмъ, чтобы искать мірскихъ благъ, или вымалывать утвержденія меня епископомъ, о чемъ представляло правительство, хотя я вовсе не домогался этой должности. Главною цѣлью этого далекаго путешествія было оправдаться предъ вашимъ святѣйшествомъ и очиститься отъ всѣхъ клеветъ и извѣтовъ. Сознаю свою слабость и недостатки: не разъ прогнѣвлялъ я Бога и подавалъ ближнимъ худой примѣръ; но совѣтъ не упрекаетъ меня въ томъ, чтобы я былъ врагомъ своего сословія, измѣнникомъ своей вѣрѣ, церкви и отечеству. Не смотря однако на такое мое убѣжденіе, я безъ всякихъ оговорокъ отдаю себя на судъ вашего святѣйшества, торжественно обѣщаю подвергнуться всякому испытанію и дознанію и принять всякое взысканіе, какое будетъ угодно на меня наложить, не обращаясь за помощью къ моему правительству. Этой только милости прошу для облегченія моей совѣсти и для полученія, по смерти, мѣста на католическомъ кладбищѣ“. Говоря это, я нагнулся и хотѣлъ опять поцѣловать ногу св. отца; но онъ до этого не допустилъ и, замѣтно взволнованный, сказалъ: „О нѣтъ, ты вѣроятно не столь виновенъ, если желаешь оправдаться и съ

этою цѣлью не побоялся пріѣхать въ Римъ, безъ всякаго приглашенія. Встань только и слушай, что я скажу“. Я остался на колѣнахъ; онъ же сильно задумался и послѣ значительной паузы сказалъ: „Странное твое дѣло, и я самъ не знаю, что тутъ дѣлать; но хотѣлъ бы однако лучше съ нимъ познакомиться, и поэтому назначу прелата, который будетъ съ тобою конферировать; ты все ему расскажешь, и онъ сообщитъ тебѣ о моемъ рѣшеніи. Теперь его нѣтъ въ Римѣ; какъ прибудетъ, поручу ему твое дѣло“. Видя, что я все стою на колѣнахъ, папа велѣлъ мнѣ встать; но я не вставалъ. Тогда онъ воскликнулъ съ живостью: „Встань, иначе говорить не стану“. Я всталъ и слушалъ уже стоя. Папа задумался и потомъ началъ упрекать меня въ излишней преданности правительству. Но ему было видимо неловко; трудно было ему винить меня въ томъ, въ чемъ у себя такъ строго наказывалъ всѣхъ провинившихся въ послѣднюю революцію. Затѣмъ онъ говорилъ о произволѣ гражданской власти, о явныхъ насиліяхъ и открытомъ преслѣдованіи церкви и ея сыновъ; вспомнилъ объ уничтоженіи уніятскаго исповѣданія въ Имперіи и выразилъ опасеніе, чтобъ тоже самое не случилось и въ Царствѣ. Потолковавъ еще объ угнетеніи католиковъ, папа вдругъ спросилъ: какъ я, будучи священникомъ, могу равнодушно смотрѣть на поправіе вѣры и угнетеніе братьевъ своихъ? Я палъ на колѣна и началъ объясняться слѣдующимъ образомъ: „Хотя мы и могли освоиться съ нашими бѣдствіями въ теченіи полувѣка, но болѣзненно чувствуемъ всякую обиду, церкви и народу причиняемую. Насъ совершенно несправедливо обвиняютъ въ равнодушіи къ вѣрѣ и отечеству. Были у насъ, правда, слабые епископы и небезупречные священники; но наше духовенство не представило ни одного измѣнника въ эту столь трудную эпоху. Слишкомъ суровъ судъ совѣсти народной, чтобъ кто нибудь изъ духовныхъ рѣшился дѣйствовать несогласно съ интересами вѣры и отечества. За многое можно осуждать насъ; но войдите, отецъ святой, въ наше положеніе: не искали мы Русскаго господства, и никому не безъизвѣстно, какъ сильно были мы наказаны за попытку избавиться отъ него. Грѣхи предковъ нашихъ этому виною, а мы терпимъ за нихъ. Однако нѣтъ ни малѣйшаго опасенія за нашу вѣру въ Царствѣ; какъ до сихъ поръ, такъ и впредь будемъ въ ней непоколебимы: милость Божья съ нами; никогда (не смотря на тяжелыя времена) не были мы болѣе усердны, и я не ошибусь, если скажу, что ваше святѣйшество не имѣете на всемъ свѣтѣ овецъ болѣе послушныхъ и болѣе къ вамъ привязанныхъ, какъ въ нашемъ краѣ. Мы горько сожалѣемъ объ отпаденіи уніатовъ въ Имперіи, и одинъ Богъ знаетъ, что ожидаетъ ихъ въ Царствѣ. Хотя они стоятъ одною ногою въ Православіи по своему обряду и языку и похожи на Русскихъ во всѣхъ своихъ обычаяхъ; но мы не теряемъ надежды сохранить ихъ въ лонѣ общей нашей матери, церкви святой. И положеніе ихъ въ нашемъ краѣ далеко не таково, какъ въ Имперіи: духовные и народъ этого обряда слишкомъ тѣсно связаны узами родства и общности интересовъ съ населеніемъ обряда Латинскаго, чтобъ можно было перетянуть ихъ въ

Православіе, безъ общаго оскорбленія и безъ возбужденія нареканій со стороны всего народа. Съ тѣхъ поръ какъ не удались первыя попытки въ этомъ духѣ, прекращена была всякая пропаганда, и едва ли она возобновится; духовенство Русинское убѣждено, что всегда можетъ рассчитывать на нашу помощь. Наконецъ, зная близко натуру и духъ нашего народа, смѣю увѣрить, что мы останемся навсегда вѣрными сынами церкви, а ваша святость имѣете гораздо большее ручательство въ нашей стойкости, чѣмъ въ конкордатахъ и дипломатическихъ сдѣлкахъ, которые всегда толкуются сообразно съ видами и требованіями политики“. Выслушавъ меня внимательно, съ глазами на меня устремленными, папа вздохнулъ глубоко и, вознесши руки, воскликнулъ: „Дай Богъ, чтобъ было такъ, какъ ты говоришь“, и видя, что я все еще стою на колѣнахъ, прибавилъ: „Видно хочешь, чтобъ я тебя скорѣе отпустилъ, если все упираешься: я велѣлъ тебѣ встать, а ты все на колѣнахъ“. Я быстро всталъ и сказалъ: „Отче св., не по упрямству это дѣлалъ, но по чувству глубочайшаго уваженія къ твоей святости“.—„Хорошо, возразилъ онъ, но надобно беречь свое здоровье“. Послѣ этого папа сталъ спрашивать о нашемъ краѣ, правительствѣ и духовенствѣ. Обо всемъ онъ имѣлъ самыя превратныя понятія; восхвалялъ нашъ патріотизмъ и благочестіе, съ горечью упоминалъ объ императорѣ Николаѣ за обращеніе уніатовъ и особенно за его нежеланіе допустить къ себѣ нунція, но отдавалъ полную справедливость его великимъ достоинствамъ. За то въ намѣстникѣ не находилъ ни одной хорошей черты. Когда я при этомъ вздохнулъ, онъ улыбнулся и сказалъ: „Тебѣ это неприятно; ты, какъ меня увѣряли, его фаворитъ“. Я палъ на колѣна и еще собирався возражать, какъ вдругъ пробило два часа. Святой отецъ всталъ и, позвонивъ камергера, сказалъ: баста! Это значило: сегодня конецъ аудіенціямъ. А мнѣ, при лобызаніи рукъ и ногъ, сказалъ: „Подожди монсиньора Феррари; я его назначаю для переговоровъ съ тобою“.

По возвращеніи въ Римъ, Феррари прислалъ за мною ксендза Губе. Я отвѣчалъ, что на такой зовъ не пойду. Какъ подданный императора, къ тому же чиновникъ, я не могу быть приглашаемъ эмигрантомъ къ дѣлу, въ которомъ долженъ дать отчетъ правительству. Объ этой неделикатности доложилъ я г. Скарятину, и чрезъ нѣсколько дней я получилъ официальное приглашеніе. Такъ начались наши конференціи, продолжавшіяся цѣлые 9 мѣсяцевъ. Прелатъ Феррари, нынѣ кардиналъ, не имѣлъ ни воспитанія, ни образованія и совершенно былъ незнакомъ съ нуждами и условіями цивилизаціи. Сынъ бѣднаго столяра, выучился онъ говорить полатыни, прислуживая въ базиликѣ Великой Богородицы; тамъ былъ онъ посвященъ и тамъ же состоитъ теперь прелатомъ, занимая еще другія должности. Онъ началъ свою карьеру подметаніемъ костеловъ и трудами канцелярскими, достигъ значенія умѣньемъ нравиться высшимъ, особенно кардиналамъ, которые также доходили до почестей тѣми же путями. Повидимому скромный и безкорыстный, онъ былъ чрезвычайно провицателенъ и скрытенъ,

какъ настоящій Итальянецъ. Но хуже всего было то, что намъ трудно было сообщаться: языкъ Латинскій, которымъ онъ владѣлъ порядочно, былъ не слишкомъ удобенъ для выраженія нынѣшнихъ идей и понятій, а другаго языка, кромѣ Итальянскаго, онъ не зналъ. Но понимая слова, онъ не понималъ дѣла; ничего не видѣлъ, ничего не читалъ и думалъ поэтому, что вездѣ должно быть такъ, какъ въ Римѣ. Ему было странно, что Поляки служатъ Русскому императору; вѣроотступниками называлъ онъ чиновниковъ, посѣщающихъ въ табельные дни православные храмы; а людей, посѣщающихъ Русскіе дома, считалъ еретиками, проклятыми навсегда. Не вѣрилъ я тогда, не вѣрю и теперь, чтобъ Феррари такъ думалъ, какъ говорилъ. Въ началѣ царствованія нынѣшняго папы, былъ онъ чрезвычайно либераленъ, сочинилъ было даже брошюру о недостаткахъ клерикальнаго правительства. Но съ возвращеніемъ папы въ побѣжденный Римъ, и онъ, и всѣ измѣнились: вмѣсто содѣйствія умственному развитію, вмѣсто признанія правъ человѣка и цивилизаціи христіанской, признали они болѣе полезнымъ для человечества крайній деспотизмъ религіозный, какой царствовалъ въ средніе вѣка. Все подчинить себѣ и вездѣ распоряжаться произвольно— вотъ цѣль Римской политики. Время покажетъ, можно ли такимъ путемъ дойти до предполагаемой цѣли и согласенъ ли такой образъ дѣйствій съ волею Провидѣнія. Судя почеловѣчески, нельзя и думать извлечь изъ такой политики какія-либо выгоды для церкви. Исторія 18-ти вѣковъ указываетъ намъ, что не насиліемъ, а кротостью возрасло царство Божье и побѣждено язычество. Прегрѣшенія папы не утверждали спасенія душъ на формальности и гордости, но на духѣ и сущности ученія Христова. Они заботились прежде о томъ, чтобъ было какъ можно болѣе епископовъ для установленія необходимаго духовенства, а нынѣ ставятъ преграды при всякой открывающейся вакансіи; и это дѣлаютъ въ ущербъ вѣрѣ и въ позоръ духовенству, изъ-за того только, что нунцій не допущенъ ко двору, или изъ-за капризовъ какой нибудь покаявшейся Магдалины.

Прелатъ Феррари принималъ меня съ изысканною вѣжливостью; но послѣ нѣсколькихъ посѣщеній я увидѣлъ ясно, что наши конференціи не имѣютъ никакой связи съ моимъ дѣломъ. Феррари спрашивалъ меня только о дѣлахъ общихъ, а не обо мнѣ, и поручилъ мнѣ, въ особенной запискѣ, изложить, какими путями сложились нынѣшнія отношенія власти къ духовенству, прося написать ее какъ можно подробнѣе, не пропуская ни малѣйшихъ частныхъ о характерѣ и недостаткахъ лицъ имѣвшихъ вліяніе на судьбу церкви. Требованіе свое онъ мотивировалъ желаніемъ папы; но я послѣ узналъ, что онъ тутъ дѣйствовалъ просто по наущенію Воскресенцевъ.

Не смотря на то, что я постоянно былъ отвлекаемъ конференціями и посѣщеніями посольства, въ эти пять мѣсяцевъ я написалъ два тома въ листъ, по 150 листовъ въ каждомъ. Въ первомъ томѣ я помѣстилъ общія свѣдѣнія о нашей церкви до па-

денія республики, ея судьбу подъ чужимъ господствомъ и въ Варшавскомъ горцогствѣ. Переходя къ нынѣшнему Царству, я показалъ происхожденіе комиссіи исповѣданій и просвѣщенія, въ вѣдѣніе которой переданы всѣ духовныя дѣла; описалъ два важныя событія той эпохи: организацію іерархіи въ Польшѣ и уничтоженіе монашескихъ орденовъ, съ обращеніемъ ихъ имуществъ на содержаніе новой іерархіи и съ указаніемъ, въ сколь негодныя руки попали объ эти реформы и сколь мало исполнились спасительнѣйшія намѣренія императора Александра и надежды св. отца. Затѣмъ описалъ сеймы, и въ особенности сеймъ 1825 года, который рѣшилъ передать дѣла бракоразводныя въ установленія гражданскія, и подробно изложилъ памятную борьбу между защитниками правъ церкви и послѣдователями протестантской школы, которая, ловко склонивши на свою сторону цесаревича Константина, одержала верхъ и сумѣла добиться утвержденія Монарха, хотя онъ и заявлялъ прежде въ законодательной комиссіи, что не согласится ни на какую мѣру, противную канонамъ. Бѣдственныя послѣдствія этой мѣры неисчислимы. Потомъ очертилъ я революцію и показалъ, сколь ошибочно Григорій XVI порицалъ за нее наше духовенство, которое въ приготовленіи ея не принимало ни малѣйшаго участія, но въ послѣдствіи было за нее строго наказано. Упомянулъ я объ интригахъ въ сферѣ управленія, въ особенности объ интригахъ Лубенскаго, Павловскаго и Страшинскаго противъ Гутковскаго, который, чтобъ избѣжать всякаго подозрѣнія, вмѣстѣ съ гвардіею былъ удаленъ изъ Царства, лишь бы не допустить его до архіепископства, которое, вслѣдствіе этого, досталось Хороманскому. Привелъ слухи о сліяніи нашей митрополіи съ Могилевскою и о поступленіи ея въ вѣдомство Петербургской Коллегіи, что подало поводъ къ повѣдкѣ епископовъ въ Петербургъ и наименованію ихъ членами сказанной Коллегіи. И такъ какъ, по назначеніи меня ректоромъ, завистники стали клеветать на меня въ Римѣ, будто я, въ заговорѣ съ правительствомъ, дѣйствую во вредъ церкви, то я и воспользовался случаемъ защитить свое доброе имя, тѣмъ болѣе, что Феррари избѣгалъ говорить о моихъ личныхъ дѣлахъ.

Во второмъ томѣ изобразилъ я нынѣшнее состояніе церкви въ Царствѣ Польскомъ, которая, по явному милосердію Божьему, далека еще отъ упадка, не смотря на разительные недостатки однихъ и крайнюю неспособность другихъ пастырей; не скрывалъ нашего критическаго положенія, но смѣло утверждалъ, что правительство, вводя новое управленіе, не думаетъ навязывать вѣры Русской. Въ такомъ даже случаѣ, еслибъ Богъ лишилъ насъ Своей милости и допустилъ насъ впасть въ совершенное ослѣпленіе, мы скорѣе вернулись бы къ эпохѣ Сигизмунда и сдѣлались протестантами, угождая гордости ума, но не православными. Я представилъ статистическія свѣдѣнія обо всѣхъ епархіяхъ и о нравственномъ состояніи духовенства и народа. Долѣ всего остановился я на епархіи Варшавской. Признавая, что никогда столица королевства не была столь религіозною и благочестивою, какъ въ настоящее время, я не утаилъ, что она стала бы еще лучшею по отношенію

къ нравственности, правамъ и обычаямъ, которые теперь вовсе не соотвѣтствуютъ вѣрѣ и требованіямъ ея, еслибы духовныя власти захотѣли подумать о введеніи порядка и объ устройствѣ приходскаго служенія. Съ незапамятныхъ временъ, когда еще Варшава причислялась къ Познанской епархіи, царствуетъ здѣсь тотъ же беспорядокъ, которому подобнаго нѣтъ на свѣтѣ. На двадцатитысячное католическое населеніе имѣется всего шесть приходоу, а священниковъ, для ихъ обслуживанія, едва ли будетъ и двадцать. Отъ того и произошло, что католики, не получая удовлетворенія въ своемъ приходѣ, привыкли обращаться въ ближайшіе монастыри, и только въ случаѣ рожденія, брака или смерти, гдѣ законъ требуетъ занесенія въ книгу, отыскиваютъ и узнаютъ своего настоятеля. Пользуясь этимъ, монахи таскаются по всему городу и за деньги дѣлаютъ все, безъ всякаго зазора, безъ всякой ответственности. Приходское духовенство жаловалось на вмѣшательство монаховъ, лишующее ихъ большей части ихъ доходовъ и указывало на то, что Капуцины, въ послѣдніи 12 лѣтъ, собрали больше милліона за похороны магнатовъ. Отвѣта на жалобу никакого не послѣдовало. Что приходскіе костелы терпѣли ущербъ, это бы еще ничего; но отъ этого много терпѣли нравственность, разслаблялись основы христіанскаго общества. Обыкновенно вступаютъ въ монастыри молодежь безъ всякаго образованія, безъ науки посвящается въ духовный санъ съ правомъ читать только обѣдню. И однако Консисторія предоставляетъ начальникамъ монастырей дозволить, по своему усмотрѣнію, тому или другому принимать исповѣдь, гласить слово Божіе и совершать таинства. Какое же вліяніе можетъ оказать такой неучъ на людей совершенно простыхъ? Къ большому рѣдко приглашаютъ свѣтскаго священника, а обыкновенно обращаются къ монаху: монахъ все сдѣлаетъ, онъ и незаконнаго ребенка окреститъ въ какую угодно фамилію, и бракомъ соединитъ кого угодно, и мертвеца помажетъ миромъ, съ единственною только оговоркою, чтобы похороны совершались въ его костелѣ. Подобныя операціи совершаютъ обыкновенно Капуцины, и въ народѣ утвердилось мнѣніе, что безъ Капуцина счастливо умереть нельзя. Для устраненія этого зла, необходимо удвоить число приходоу, поручивъ нѣкоторые изъ нихъ хотя бы и монахамъ; тогда бы они заботились о своихъ приходоухъ, не лѣзли бы въ другіе, и прекратился бы вредный антогонизмъ между монахами и бѣльцами.

Очертивъ характеръ населенія католическаго, я коснулся и иновѣрцевъ, у насъ въ большомъ числѣ проживающихъ и указалъ на бѣдствіе, угрожающее нашему краю отъ наплыва Нѣмцевъ: они населяютъ фабрики, отбиваютъ у Поляковъ земледѣльческія усадьбы. Евреи, живущіе по деревнямъ, обдираютъ и спаиваютъ народъ, но не губятъ его тѣломъ и духомъ такъ, какъ это дѣлаютъ пришельцы Лютеры и всякихъ именъ протестанты. Послѣдніе, имѣя деньги, захватываютъ все продающееся, а бѣднѣйшіе изъ нихъ предпочтительно передъ Поляками принимаются помѣщиками на служ-

бу или снимають землю. Послѣ будутъ объ этомъ жалѣть, а теперь попирають чувство милосердія и справедливости, забывая любовь къ родной землѣ изъ за нѣсколькихъ лишнихъ рублей.

Я много распространился также въ описаніи Евреевъ, которые размножаются такъ быстро, что они въ цѣломъ краѣ девятую, а въ Варшавѣ составляютъ третью часть населенія. Какими были они нѣсколько вѣковъ тому назадъ, такими и теперь остались: религіозными фанатиками и безсовѣстными эксплуататорами. Духовенство наше слишкомъ мало обращаетъ вниманія на ихъ обращеніе. Одни Иезуиты во Львовѣ, впрочемъ болѣе для своей славы, чѣмъ для пользы церкви, вздумали было вести пропаганду, подражая примѣру Рима, гдѣ Евреевъ сгоняють насильно въ одинъ костель и тамъ высказываютъ имъ ихъ заблужденія. Иезуиты насилія употребить не могли, поэтому они вызывали ученыхъ раввиновъ на богословскіе споры. Слѣдствіемъ этихъ споровъ было притворное обращеніе раввина Франка и его послѣдователей. Далѣе я указалъ на мѣры, предпріятыя правительствомъ для ихъ просвѣщенія, изъ коихъ первою было учрежденіе раввинской школы, которая однако, въ тридцатилѣтнее свое существованіе, не произвела ни одного раввина. На воспитанниковъ этой школы неученые Евреи смотрѣли косо, привыкши видѣть въ своихъ руководителяхъ автомата и неряху. И воспитанники не искали раввинскихъ мѣстъ, по малой ихъ доходности и полной зависимости отъ кагала; они предпочитали служить у купцовъ или въ тайной полиціи. Другою мѣрою было запрещеніе носить Еврейскую одежду; но эта мѣра послужила больше во вредъ и намъ, и имъ: намъ было лучше, когда имѣли Еврея съ бородою и въ халатѣ, легче можно было его остеречься; теперь же легче попадаемся въ обманъ. И сами Евреи, пока носили свою одежду, держались своей вѣры, какая бы она ни была; теперь же, вмѣстѣ съ одеждою, сбросили съ себя и всѣ религіозныя узы, которыя хоть сколько нибудь ихъ сдерживали. Стараясь походить на Христіанъ, они утрируютъ ихъ недостатки, щеголяютъ роскошью и свободою обращенія; а всѣ необходимыя на это средства доставляемъ, по прежнему, мы. Никогда въ Польскомъ народѣ не было такой всеобщей порчи нравовъ, такой явной деморализаціи, какъ теперь, когда мы побратались съ Евреями. Необыкновенное усиленіе публичнаго разврата причинено наплывомъ Евреевъ, которые въ безстыдствѣ превосходятъ рѣшительно всѣхъ. При столь быстромъ возрастаніи и числа и испорченности Евреевъ, насъ ожидаетъ печальная будущность. Всѣ до сихъ поръ принятыя мѣры оказались недостигающими цѣли. Единственнымъ средствомъ было бы распространеніе въ ихъ средѣ христіанства. Прежде всего необходимъ институтъ, гдѣ желающіе обратиться могли бы найти наставленіе, а подъ часъ и убѣжище. Для этой цѣли собрана даже значительная сумма. Теперь, когда у насъ есть архіепископъ, пора бы объ этомъ подумать. Никто, вѣроятно, болѣе меня не обратилъ Евреевъ; но чтобъ я принесъ дѣйствительную пользу, утверждать не могу: едва нѣсколько крещеныхъ дѣтей оказались хоро-

шими, остальные совсѣмъ пропали. Рѣдко кто принимаетъ крещеніе по убѣжденію, а больше для интереса; но и это небезполезно: пусть новообращенные не будутъ хорошими Христіанами, за то ихъ потомство, не имѣя уже соприкосновенія съ еврействомъ, можетъ дать полезныхъ гражданъ.

При обзорѣ прочихъ епархій, наиболѣе мѣста посвятилъ я описанію Ясной Горы въ Ченстоховѣ, также и нашей Августовской епархіи. Что Лоретто на Югѣ, Виѣлеемъ на Востокѣ, то Ясная Гора на Сѣверѣ. Въ прежнее время, когда границы не составляли препятствій, въ Ясную Гору собирались несмѣтныя толпы изъ всѣхъ Славянскихъ земель и больше всего Карпатскіе Горалы, которые обыкновенно даютъ обѣтъ хоть разъ въ жизни побывать въ Ченстоховѣ. Но какъ дальніе народы не понимали Польскаго языка, то приходили со своими священниками, которые руководили ихъ въ дорогѣ и на мѣстѣ поученіями и приготовляли земляковъ къ исповѣди. Такъ какъ въ храмѣ мѣста мало, то устраиваютъ алтарь снаружи, противъ того мѣста, гдѣ находится чудотворная икона. Иногда богомольцы приносили даже собственный алтарь на плечахъ своихъ. Я много посѣтилъ святыхъ мѣстъ въ свою жизнь, видѣлъ многія святыни: видѣлъ ясли, въ которыхъ лежалъ Христосъ, значительную часть креста, на которомъ Онъ умеръ, гвозди, которыми былъ прибитъ, и копье, коимъ былъ прободенъ; отправлялъ литургію на гробѣ Апостоловъ, видѣлъ собственными глазами чудеса, повторяющіяся у святыхъ мощей; но нигдѣ не чувствовалъ такого умиленія, какъ въ первую мою бытность въ Ченстоховѣ въ 1822 г. Уже нѣсколько вѣковъ монахи и всѣ классы народа изъ земли Польской и изъ другихъ странъ посѣщаютъ Ясную Гору для поклоненія Богоматери и для принесенія ей приличныхъ даровъ. Набрались такимъ образомъ огромныя богатства и, не смотря на многократныя изъ нихъ заимствованія въ тяжелые годы отечества, они и теперь простираются до нѣсколькихъ милліоновъ. Придѣлъ Богоматери, и особенно пресбитеріумъ, украшены приношеніями или *votum* изъ серебра и золота, съ описаніемъ или изображеніемъ снисканной милости. Алтарь, гдѣ чудотворная икона, сдѣланъ изъ чернаго дерева и богато украшенъ серебромъ. Самая икона, писанная рукою св. евангелиста Луки, написавшаго и нѣсколько другихъ подобныхъ иконъ, украшена величайшими драгоценностями. Короны, присланныя изъ Рима, хранятся на память; гораздо дороже тѣ, которыя украшаютъ лики Богоматери и Ея Божественнаго Сына; онѣ обильно осыпаны самыми дорогими камнями. Кромѣ обыкновенной ризы изъ серебра и золота, въ важнѣйшихъ случаяхъ надѣваютъ на икону еще четыре платья, приготовленныя какимъ-то монахомъ, который на это посвятилъ всю свою жизнь. Первая, на бѣломъ фонѣ, изукрашена узорами изъ рубиновъ и гранатовъ; вторая—на фонѣ амарантовомъ, изъ алмазовъ чистѣйшей воды; третья—на фонѣ голубомъ, изъ Перуанскихъ перловъ, и четвертая—на темномъ фонѣ, изъ бирюзы. Въ нижней сокровищницѣ хранится церковная серебряная утварь, между прочимъ дарохра-

нительница и крестъ, изготовленные собственными руками короля Сигизмунда I-го. Въ верхней же—такое множество и разнообразіе драгоценностей, что ихъ ни упомянуть, ни описать. Тутъ есть ризы и облаченія, шитыя собственными руками королевъ Ядвиги и Анны, изъ Ягеллоновъ. А драгоценныхъ камней такъ много, что ихъ не горстью, а гарнцемъ мѣрять бы слѣдовало. И всѣ эти богатства ничѣмъ не обезпечены отъ всевозможныхъ случайностей; нѣтъ даже описи, такъ что неизвѣстно, кѣмъ и когда что пожертвовано. Такъ какъ монахи Ченстоховскіе извѣстны своею разнузданностью, то я и предлагалъ папѣ преобразовать орденъ Паулиновъ, которые теперь совсѣмъ непохожи на своихъ предшественниковъ-отшельниковъ. Между прочими мѣрами къ ихъ исправленію я предлагалъ особенно поднятіе ихъ умственнаго уровня; они до такой степени разлюбили науку, что на полкахъ бібліотеки красуются одни только футляры съ именами святыхъ отцовъ. А между тѣмъ монахи эти надѣлены отъ папъ многими важными привилегіями: они одни имѣютъ право разрѣшать отъ всѣхъ грѣховъ, не сносаясь съ Римомъ и, въ знакъ этого, сидятъ въ исповѣдальницѣ съ посохомъ, которымъ касаются лицъ, отбывшихъ исповѣдь. Не смотря на чрезвычайно значительные доходы, костелъ содержится очень грязно, монастырь запущенъ и уже начинаеть обваливаться.—Описывая епархію Августовскую, я представилъ довольно полный образъ Литвы, упомянулъ о раскольникахъ и о Татарахъ.

Очертивши такимъ образомъ нынѣшнее состояніе церкви въ Царствѣ Польскомъ, я перешелъ къ разбору болѣе важныхъ вопросовъ. Во первыхъ: откуда происходитъ то (это писано 24 года тому назадъ), что у насъ нѣтъ епископовъ, и отъ того въ паствѣ—величайшій беспорядокъ. Партія, именующая себя патріотическою и сознающая свою слабость, соединила интересы политическіе съ интересами церкви и стала оцѣнивать дѣла церковныя и дѣйствія духовныхъ сообразно съ ихъ отношеніемъ къ ихъ мечтамъ. Поэтому всякій духовный, оставшійся на государственной службѣ, считался худымъ католикомъ, хотя многія обязанности никто другой кромѣ духовнаго лица исполнять не можетъ. Правительство, видя это, начало съ своей стороны внимательнѣе вникать во всѣ духовныя дѣла, подозрѣвать духовенство въ злыхъ умыслахъ и коварствѣ. Къ довершенію несчастія, наша эмиграція всѣми силами раздражаетъ правительство, чтобъ не допустить мира и согласія. Григорій XVI сначала не прекословилъ нашему Государю и утверждалъ всѣхъ имъ представляемыхъ. Но со времени воссоединенія уніатовъ, дѣла приняли иной оборотъ: нарѣканія и жалобы папы противъ Русскаго правительства раздались на всю Европу.

Выказавши весь вредъ, который терпитъ церковь отъ этихъ несогласій, я объяснилъ, что нѣтъ ни малѣйшаго повода опасаться измѣны епископовъ, но надобно опасаться гораздо большаго вреда отъ ихъ отсутствія. Указалъ потомъ, какими качествами должны обладать епископы и ихъ капитулы, чтобъ въ нынѣшнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ они могли дѣйствовать съ наибольшою поль-

зою. Послѣ этого перешелъ къ самому важному вопросу—о воспитаніи духовнаго юношества. Въ прежнее время, два года бытности въ Семинаріи было слишкомъ достаточно для надлежащаго приспособленія лицъ къ исполненію духовныхъ обязанностей; ибо туда поступали люди зрѣлые, служившіе уже въ гражданской или военной службѣ, но главное, поступали по призванію и съ достаточнымъ знаніемъ Латинскаго языка. Нынѣшнія семинаріи находятся въ вѣдѣніи Миссіонаровъ или Коммунистовъ, потому что наше духовенство свѣтское состоитъ большею частью изъ благородныхъ, думающихъ только о своемъ возвышеніи и презирающихъ книги и всякую трудную работу. Наши семинаріи, въ которыхъ я былъ и какія до сихъ поръ существуютъ, представляютъ образъ нищеты и пародіи на священное званіе: единственными средствами для испробованія силы призванія и смиренія служатъ голодъ, холодъ и всевозможныя униженія, убивающія всякое чувство достоинства. Все достоинство клирика состоитъ въ каменномъ терпѣніи и наружномъ благочестіи. Такая система воспитанія производитъ подлыхъ, коварныхъ и корыстолюбивыхъ фарисеевъ и налагаетъ на наше духовенство отпечатокъ, отталкивающій всякаго здравомыслящаго человѣка. Всѣ униженія, вынесенныя ими въ Семинаріи, они, вышедши въ свѣтъ, вымещаютъ на другихъ; лишь только сдѣлается кто настоятелемъ или старшимъ, обходится со своими подчиненными хуже, чѣмъ съ нимъ обходился въ Семинаріи; никогда не видитъ въ подчиненномъ брата, но слугу, отъ котораго требуетъ не повиновенія законнымъ требованіямъ, а пресмыканія и готовности на все. Такой порядокъ замѣтенъ рѣшительно на всѣхъ ступеняхъ нашей іерархіи. Въ семинаріяхъ, управляемыхъ Миссіонарами, усмотрѣвъ наружный порядокъ: не замерзаютъ тамъ съ холоду, не умираютъ съ голоду; но натерпятъ того и другаго вдоволь. Регулярно въ тѣже часы подають тощій обѣдъ и ужинъ; завтрака даже за свои деньги имѣть нельзя, а жилье нагрѣвають лишь на столько, чтобъ не замерзала вода для умыванія. Ученіе идетъ и того хуже; никогда бы не повѣрилъ, еслибъ самъ не учился. Миссіонары и не могутъ имѣть хорошихъ наставниковъ: въ орденъ этотъ рѣдко кто поступаетъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній; обыкновенно поступаютъ туда изъ элементарныхъ училищъ, или учившіеся у органистовъ, или бывшіе въ услуженіи у ксендзовъ. Поступившій юноша два года остается на испытаніи и изучаетъ въ это время церковныя обряды и Латинскую грамматику, потомъ два года проходить философію и богословіе и посвящается въ священники. Послѣ этого годится онъ уже на все; въ случаѣ нужды назначается преподавателемъ догматики, каноническаго права, краснорѣчія, исторіи и всякаго другаго предмета. Благо бы держали ихъ на одномъ предметѣ, а то ихъ постоянно мѣняютъ, и ни въ одномъ они не могутъ хоть сколько нибудь усовершенствоваться.

Въ семинаріяхъ, содержимыхъ бѣлымъ духовенствомъ, и того хуже. Правда, наука у нихъ выше, такъ какъ преподавателями въ нихъ ксендзы, прошедшіе Духовную Академію; за то нѣтъ у нихъ

домашняго порядка, мало дисциплины, главное, нѣтъ достаточнаго надзора. Бѣдный клирикъ долженъ самъ дровъ принести и печку топить; отправляясь ѣсть, онъ несетъ съ собою приборъ. Есть нѣсколько стипендій, владѣющимъ ими даютъ квартиру, отопленіе и столъ; но стипендію можно получить на второмъ или на третьемъ году, остальные должны вносить ежегодно за столъ и квартиру 50 рублей; прочее все, платье, постель, книги, должны приобрѣтать на свой счетъ. По лишеніи нашего духовенства значительныхъ доходовъ и важныхъ преимуществъ, перестали въ него вступать дворяне и люди состоятельные, и званіе духовное сдѣлалось достоинствомъ бѣдняковъ изъ крестьянъ или мѣщанъ. Плохо дается ученіе людямъ, которые ежечасно должны бороться съ тяжелою нуждою. Голодъ заставляетъ клирика искать подкрѣпленія въ запрещенной водкѣ, которая при кускѣ хлѣба поддерживаетъ силы. Не будучи въ состояніи платить швеѣ и прачкѣ, они заводятъ знакомства, опасныя для духовнаго. Недостатокъ средствъ на самое необходимое заставляетъ прибѣгать ко всевозможнымъ ухищреніямъ. Такимъ образомъ, вмѣсто священниковъ благочестивыхъ, просвѣщенныхъ, образцовыхъ, семинаріи снабжаютъ общество лицами, лишившимися невинности и добродѣтелей, свойственныхъ ихъ званію, любящими водку и ухищряющимися, какъ бы дороже продать свои мнимыя услуги. Отъ этого наше духовенство стоитъ такъ низко въ глазахъ Польскаго народа; нѣтъ къ нему уваженія и довѣрія.

Я не разъ уже хлопоталъ у правительства и выставлялъ ему необходимость преобразовать наши семинаріи. Проектъ преобразования, предложенный мною правительству, я помѣстилъ во всей подробности и въ запискѣ для папы. Такъ какъ нынѣ замѣчаются повсемѣстное пренебреженіе къ вѣрѣ и крайняя испорченность нравовъ, то рѣдкій юноша вступаетъ въ Семинарію съ чистымъ сердцемъ и невинною душою, и такъ какъ, сообразно съ Высочайшею волею, запрещенъ не-дворянамъ доступъ въ высшіе классы гимназій, я предполагаю, согласно съ этимъ, преобразовать и наши семинаріи. Не запрещая впредъ поступать туда взрослымъ, удовлетворяющимъ необходимымъ условіямъ, надобно бы принимать малолѣтнихъ, какъ это дѣлалось въ прежніе вѣка и какъ это дѣлается нынѣ въ Италіи и вводится во Франціи. Уже убѣдились опытомъ, что съ дѣтства воспитанный подъ заботливымъ надзоромъ гораздо вѣрнѣе сдѣлается достойнымъ священникомъ, чѣмъ человекъ, котораго уши освоились съ богохульствомъ, глаза—съ развращеніемъ. Я совѣтовалъ бы принимать дѣтей около 12-лѣтняго возраста изъ обѣднѣвшихъ дворянскихъ семействъ, въ которыхъ сохранилось еще нѣкоторое благородство мыслей, или изъ крестьянъ отличающихся вообще набожностью. Въ подкрѣпленіе моихъ взглядовъ, я ссылался на Россію, гдѣ при всѣхъ соборахъ (?) есть училища для лицъ, посвящающихъ себя духовному званію. Въ курсъ приготовительномъ въ 5 или 6 лѣтъ нужно ознакомить съ важнѣйшими свѣтскими науками; въ курсъ высшей должно преподаваться одно только богословіе. Но непремѣнное условіе успѣха есть матеріальное обезпеченіе воспитанниковъ и небольшое пособіе при вы-

пускѣ. Надобно также обезпечить и преподавателей, назначить имъ определенное жалованье, которое они должны получать отъ казны, а не какъ нынѣ, отъ епископовъ, которые не любятъ платить денегъ, а награждаютъ тружениковъ приходами или каноніями. Денежныхъ жертвъ на этотъ предметъ отъ правительства, и притомъ иновѣрнаго, требовать нельзя; но какъ многія семинаріи и нынѣ еще владѣютъ средствами, далеко превышающими ихъ нужды, то можно бы имущество всѣхъ семинарій въ Царствѣ соединить въ одно и изъ него выдавать каждой семинаріи, сообразно съ ея нуждами. Чего бы не хватало, можно бы восполнить изъ имущества уничтоженныхъ монастырей, которое теперь все идетъ на епископовъ и ихъ капитулы, да на завѣдываніе этимъ имуществомъ.

Но наши епископы, привыкшіе распорядиться семинарскими суммами, не только не согласились на мой прое́ктъ, но поспѣшили обвинить меня въ Римѣ въ стремленіи къ схизмѣ. Этою клеветою я обязанъ Миссіонарамъ, которыхъ я всегда любилъ и уважалъ за ихъ рвеніе въ служеніи церкви. Ни я, ни кто другой не могутъ похвалить ихъ за то, что, завѣдывая пятью семинаріями, не отдавая никому отчета, и безъ малѣйшаго контроля со стороны епархіальныхъ властей, они не хотѣли согласиться на мой прое́ктъ.

По очереди, перешелъ я къ описанію Духовной Академіи. Не обращая вниманія на побужденія и расчеты, которыми руководствовался императоръ Николай при учрежденіи Варшавской Духовной Академіи, каждый католикъ и Полякъ долженъ быть ему за это безконечно благодаренъ. Она составляетъ для насъ величайшее благодѣяніе: это единственное мѣсто, гдѣ наше юношество получаетъ возможность сдѣлаться достойными священниками. Прежде дѣти богатыхъ родителей ѣздили за границу и возвращались оттуда въ видѣ короткополыхъ abbé, съ нравами еще болѣе короткими. Наше духовенство, нѣкогда столь почтенное и строгое, стало извѣженнымъ и легкомысленнымъ, когда начало получать пастырѣй или совсѣмъ неученыхъ, или воспитанныхъ въ Римѣ и Парижѣ. Эти-то пастыри болѣе повредили церкви и вѣрѣ своею скандальной жизнью и равнодушіемъ къ вѣрѣ, чѣмъ превратная философія XVIII вѣка или безбожность Французской революціи. Съ учрежденіемъ Академіи въ Варшавѣ, мы освободились отъ заграничной заразы. Сорокъ юношей, большею частью сыновей самыхъ бѣдныхъ родителей, получаютъ въ ней прекраснѣйшее воспитаніе на всемъ готовомъ, подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ. Науки преподаются въ томъ же размѣрѣ, какъ въ заграничныхъ католическихъ университетахъ; а кончающіе въ ней курсъ получаютъ степень кандидата или студента съ тѣми же правами, какъ кандидаты и студенты университетовъ. Наша Академія имѣетъ еще и то преимущество, что въ ней заключается вмѣстѣ и Семинарія чисто духовная. И не смотря на все это, она до сихъ поръ составляетъ предметъ постоянныхъ нападокъ и поношеній. Одни мнимые патріоты никакъ не могли согласиться, чтобъ Россійскій императоръ могъ что нибудь хорошаго сдѣлать для Поляковъ, поэтому и всѣ лучшія намѣренія прави-

тельства объявляли подозрительными и забрасывали грязью. Другіе, особенно духовные, не могли выносить превосходства надъ ними воспитанниковъ Академіи и всадѣ старались преграждать имъ дорогу. Особенно подѣ Академію подкапывались Миссіонары, видя въ ней соперника своимъ семинаріямъ. Удалось же имъ уничтожить богословскій факультетъ при университетѣ, благодаря равнодушію епископовъ и недалководности тогдашняго министра просвѣщенія Грабовскаго; удалось уничтожить Главную Семинарію, учрежденную вмѣсто сказаннаго факультета, при содѣйствіи Страшинскаго, тогдашняго администратора Варшавской епархіи. Къ счастью, не взирая на всѣ усилія, имъ не удалось предотвратить учрежденіе Академіи. За то всю ярость свою обратили противъ ея ректора: и вотъ 18 лѣтъ выношу я невозможныя нападки и преслѣдованія отъ людей, прикрывающихся рвеніемъ къ вѣрѣ и къ общему благу. И воспитанникамъ Академіи на первыхъ порахъ было нелегко; неучамъ-епископамъ они были противны; человѣкъ любящій чтеніе и знающій кое-что считался подозрительнымъ и опаснымъ; поѣтому кончившіе курсъ въ Академіи были въ немилости и подвергались явному преслѣдованію. Вмѣсто того, чтобъ ихъ назначать преподавателями въ семинаріи, ихъ посылали помощниками въ самыя глухіе приходы, гдѣ отъ недостатка чтенія и общества можно легко очерствѣть. Нынѣ въ этомъ отношеніи является замѣтная перемѣна къ лучшему.

Этотъ обзоръ церкви въ Царствѣ я заключилъ соображеніями о самомъ важномъ тогда вопросѣ. На сколько я могъ понять, главною причиною неудовольствій и затрудненій между папою и нашимъ правительствомъ было то, что Императоръ не хотѣлъ имѣть у своего двора папскаго нунція. Начиная съ самаго папы, который какъ Монархъ считаетъ такой отказъ оскорбительнымъ (тѣмъ болѣе, что онъ съ своей стороны имѣетъ у себя Русскаго министра и сносится съ нимъ), всѣ безъ исключенія Итальянцы горько жалуются на нашего Монарха. И какъ же имъ не горевать, когда нунціатура, столь пріятная сама по себѣ, есть вѣрнѣйшая дорога къ кардинальству, составляющему предметъ самыхъ сладкихъ мечтатій для Итальянца? Впрочемъ домогательство папы довольно рачіонально. Не имѣя на мѣстѣ своего представителя, папа никакъ не можетъ составить себѣ вѣрнаго понятія о состояніи церкви; по необходимости долженъ довольствоваться свѣдѣніями, почерпнутыми изъ источниковъ побочныхъ, большею частью нечистыхъ; вѣрить всякому извѣстію, всякой баснѣ, особенно когда уніатовъ перетянули въ расколъ, уничтожили множество монастырей и у всего духовенства отняли имѣнія. Дѣйствія эти побудили Григорія XVI обвинить императора Николая предъ всѣмъ свѣтомъ. Аллокуція, произнесенная имъ въ Генеральной Консисторій, произвела довольно сильное впечатлѣніе. Отъ этого зародилось взаимное недобъріе и озлобленіе: каждое представленіе нашего Государя казалось папѣ подозрительнымъ; папа отказывалъ или медлилъ. Императоръ съ своей стороны упорно держался разъ принятаго постановленія и становился все строже относительно католиковъ. Этому мы обя-

заны отнятіемъ у епископовъ въ Имперіи ихъ капиталовъ и перенесеніемъ изъ Вильны въ Петербургъ тамошней Духовной Академіи. Потомки уніатовъ перешедшихъ въ католичество разыскивались до третьяго поколѣнія и возвращались въ Православіе: на весь нашъ край распространено распоряженіе, по которому дѣти отъ браковъ, гдѣ одна сторона православная, должны считаться православными. Всѣ наши епископы должны были принимать посвященіе въ Петербургъ и по очереди туда являться, и тамъ ихъ дѣлали почетными членами Петербургской Коллегіи, съ намѣреніемъ вѣроятно подчинить ихъ этому учрежденію. Богъ знаетъ, до какихъ крайностей дошло бы у насъ съ католиками, еслибъ Императоръ провѣдомъ чрезъ Римъ не посѣтилъ папы и съ нимъ не переговорилъ. Вражда стихла, прекратились взаимныя репрессаліи. Со вступленіемъ на престолъ Александра II, начавшаго свое царствованіе расширеніемъ свободы политической и религіозной, оживились и надежды католиковъ. Но онѣ скоро были разрушены безтактнымъ поведеніемъ посольства, отправленнаго папою для присутствованія при коронаціи въ Москвѣ. Если нынѣшній папа, болѣе щекотливый, чѣмъ его предшественники, не хотѣлъ, чтобъ его посланникъ присутствовалъ на Русскомъ богослуженіи во время коронаціи, нужно было послать лицо свѣтское, которому это не было бы предосудительно. Если же цѣлю посольства было принесеніе поздравленія, то это можно бы было исполнить въ Петербургѣ, по возвращеніи Государя изъ Москвы. Между тѣмъ поздравленіе, произведенное въ Москвѣ, выказало нетерпимость и нѣкоторое презрѣніе къ вѣрѣ православной, которую исповѣдуетъ Монархъ и его народъ и по уставу которой вѣнчается въ присутствіи представителей всѣхъ государствъ. Какъ же иначе понимать поведеніе нунція, который по дорогѣ объявлялъ, что спѣшитъ на коронацію, но на ней присутствовать не будетъ, а прибывши ждалъ у воротъ города, пока кончится церемоніаль, какъ бы желая показать, какъ мало уважаетъ онъ актъ самый торжественный въ глазахъ Русскаго народа? Неудивительно послѣ этого, что о папскомъ нунціѣ и слышать не хотѣли. Въ этой рѣшимости еще сильнѣе укрѣпилъ дворъ самъ посланникъ своимъ поведеніемъ въ Москвѣ, Петербургѣ и Варшавѣ. Въ Москвѣ онъ оскорбилъ народное чувство пренебреженіемъ къ святынямъ, которыя долженъ уважать и католикъ, какъ общее достояніе христіанства. Въ Петербургѣ и Варшавѣ онъ-же возстановилъ противъ всѣхъ здравомыслящихъ подбиваніемъ католическаго духовенства на разныя демонстраціи. Теперь видѣлъ каждый, чего можно было ожидать отъ Итальянскаго прелата, еслибъ онъ жилъ у насъ, облеченный официальнымъ характеромъ. Но, кромѣ этого случайнаго обстоятельства, есть много другихъ, дѣлающихъ присутствіе нунція при нашемъ дворѣ невозможнымъ. Прежде всего мѣшаетъ этому православная вѣра, которой Монархъ считается главою. Какими глазами смотрѣло бы высшее православное духовенство на прелата, который, разъ допущенный, пользовался бы всѣми правами и преимуществами, присвоенными нунціямъ, т. е. первенствомъ и правомъ становиться во главѣ все-

го дипломатическаго корпуса? Кромѣ того противились этому дѣйствію, совершенныя во вредъ католичеству, особенно въ Имперіи. Какимъ умомъ долженъ бы обладать папскій посолъ, чтобъ въ столь щекотливыхъ обстоятельствахъ не испортить еще дѣла своимъ вмѣшательствомъ? Во всемъ папскомъ дворѣ рѣшительно нѣтъ ни одного сановника, обладающаго необходимыми для этого качествами. Напротивъ, всѣ окружающіе папу, подстрекаемые интригами Воскресенцевъ и криками заграничной печати, выказываютъ явную неприязнь къ Россіи и особенно къ ея Монарху. Спрошенный объ этомъ канцлеромъ Нессельроде въ Неаполѣ, я рѣшительно сказалъ, что присутствіе нунція при нашемъ дворѣ при теперешнихъ обстоятельствахъ я считаю пагубнымъ.

Живя въ Варшавѣ, конечно, нунцій могъ бы оказать церкви немало услугъ; но и здѣсь нужны качества, которыми люди рѣдко обладаютъ. Зная склонность нашихъ дамъ высшаго общества къ Итальянскимъ прелатамъ, легко можно предвидѣть, что безконечныя сплетни и интриги непременно довели бы нунція до столкновеній съ правительствомъ. Присутствіе нунція въ Варшавѣ въ прежнее время было источникомъ постоянныхъ хлопотъ и безпокойствъ.

Такъ какъ съ одной стороны папа долженъ имѣть способы сноситься съ духовенствомъ, съ другой пребываніе въ Россіи нунція оказывается невозможнымъ,—то я старался изыскать средства уладить дѣло. Можно бы посылать въ Россію особые посольства по случаю какого нибудь торжества въ Императорскомъ домѣ. Еслибъ это оказалось неудобнымъ, можно бы требовать, чтобы всѣ кандидаты въ епископы лично являлись къ папѣ и рѣшали всѣ его сомнѣнія. Это по крайней мѣрѣ было бы и болѣе прилично, и болѣе законно, между тѣмъ какъ нынѣшній способъ собиранія свѣдѣній противенъ всѣмъ законамъ приличія и сираведливости. Папа, принимая секретные доносы, открываетъ широкое поле интригамъ и личной мести и нисколько не гарантированъ отъ обмана. Отвергать представляемыхъ правительствомъ лицъ безъ всякихъ объясненій, единственно на основаніи самыхъ сомнительныхъ данныхъ, несогласно съ достоинствомъ обѣихъ сторонъ. Въ случаѣ сомнѣнія, можно бы затребовать гласнаго мнѣнія епископовъ и ихъ капитуловъ. Трудно допустить, чтобъ всѣ они сговорились публично клеветать. Наконецъ было бы чрезвычайно полезно, еслибъ папа исходатайствовалъ дозволеніе нашимъ епископамъ, по приглашенію папскому, отправляться въ Римъ; теперь на это немного нужно и времени, и денегъ.

Трудъ мой, содержаніе коего я вкратцѣ изложилъ здѣсь, передалъ я прелату Феррари. Что онъ съ нимъ сдѣлалъ, сказать не могу; но папѣ, кажется, его не передавалъ. Папа два раза мнѣ намекалъ, что будетъ судить меня по моей запискѣ. На аудіенціи, которую я имѣлъ у него наканунѣ его отъѣзда въ Кастель Гандольфо, его лѣтнюю резиденцію, говорилъ онъ мнѣ, что взялъ бы мой трудъ съ собою, еслибъ онъ былъ у него; въ позднѣйшихъ аудіенціяхъ не бы-

ло уже о томъ рѣчи. Феррари явно измѣнилъ и папѣ, и церкви: При затруднительности прямыхъ сношеній съ нашимъ духовенствомъ, трудъ мой могъ бы быть папѣ очень полезенъ: изъ него онъ могъ бы узнать вѣрно всѣ наши больныя мѣста, всѣхъ лицъ, всѣ учрежденія, тѣмъ болѣе, что я напередъ объявилъ, что для правды ничего и никого не пощажу. Но вполнѣ мой трудъ никогда не пропадетъ; воспользуется имъ хоть Феррари, въ вѣдѣніи котораго находится Польская церковь. Мой помощникъ Артибани перевелъ его на Итальянскій языкъ, и тоже при случаѣ не преминетъ имъ воспользоваться, если Богъ дастъ достигнуть ему нѣкотораго значенія. По просьбѣ моей, принять онъ былъ въ гражданскую службу и, по причинѣ знакомства его съ состояніемъ Польской церкви, назначенъ былъ переводчикомъ при посольствѣ въ Москву.

Кромѣ этого труда, въ бытность свою въ Римѣ, я составилъ и много другихъ, и по собственной охотѣ, и по порученію нашего посланника Бутенева. Важнѣйшимъ изъ нихъ есть записка о Воскресенцахъ. Явленіе это чрезвычайно любопытно. Конгрегация эта, въ противность всѣмъ законамъ и духу католицизма, подъ монашескою одеждою скрывала характеръ и замыслы политическіе, или лучше революціонныя, подъ бокомъ и съ согласія папы, который самъ недавно былъ жертвою революціи. Хотя врата отечества теперь для всѣхъ открыты, но они и не думаютъ возвращаться. Они жили и живутъ на средства, доставляемыя нашею аристократіею. Наши дамы, прибывъ въ Римъ, болѣе занимаются Воскресенцами, чѣмъ примѣчательностями города; отъ нихъ узнаютъ, въ чемъ состоитъ настоящій католицизмъ; отъ нихъ научаются молиться; въ замѣнъ за эти блага отдаютъ свои Московскіе рубли.

Я описалъ было всѣ церемоніи, отправляемые въ Римѣ въ важнѣйшіе праздники; но одинъ мученикъ патріотизма просто укралъ эту рукопись, да въ придачу дорогую для меня табакерку, полученную въ подарокъ на память. Всѣ Римскія церемоніи носятъ на себѣ характеръ чисто театральныхъ представленій, безъ малѣйшихъ слѣдовъ благочестія.

Въ Римѣ есть костелъ и при немъ госпиталь, основанныя Полякомъ кардиналомъ Гозиємъ. Кровью обливалось сердце, когда я смотрѣлъ на эти остатки благочестія и великодушія нашихъ предковъ: въ такомъ они теперь запущеніи и пренебреженіи. Костелъ имени св. Станислава не великъ, но чудно красивъ, и во всѣхъ пяти алтаряхъ находятся Польскіе патроны—произведенія нашихъ знаменитыхъ художниковъ Чеховича, Шмуглевича и др. Съ трехъ сторонъ, изъ коихъ одна и теперь называется Польскою, окруженъ онъ ему же принадлежащими зданіями. Часть зданій занимали священники, другая отдавалась въ наймы, третья заключала въ себѣ госпиталь или убѣжище для больныхъ и богомольцевъ-Поляковъ, гдѣ каждый новоприбывшій находилъ готовый пріемъ и содержался три дня даромъ; больные же оставались до выздоровленія. Прежде заведеніемъ управлялъ какой-нибудь духовный изъ Поляковъ и

имѣлъ себѣ въ помощь нѣсколькихъ молодыхъ священниковъ, которые, кромѣ того, слушали курсы въ Сapiенцѣ, самой старой богословской школѣ; занимались по разнымъ канцеляріямъ, чтобъ, по возвращеніи въ отечество, могли сдѣлаться достойными чиновниками. Уже полвѣка, какъ ничего этого нѣтъ. Во время нашествія Французовъ продано все имущество. Правительство наше въ 1824 г. выкупило его и передало на попеченіе императорской миссіи при папѣ. Тогдашній повѣренный Итальянскій поставилъ начальникомъ не Поляка и не духовнаго, а какого-то Деликатти, который нѣкогда служилъ танцоромъ въ Петербургскомъ балетѣ. Завѣдываніе, по наслѣдству, перешло къ сыну его, съ условіемъ содержать священника Итальянца. Пользуясь этимъ, Воскресенцы объявили Польскимъ Французскій костелъ св. Клавдія, у котораго они и пріютились. Чтобъ уличить ихъ въ неправдѣ, я самъ служилъ въ костелѣ св. Станислава въ дни важнѣйшихъ Польскихъ святыхъ, какъ то: Казимира, Станислава, Войцѣха, Яцка, Яна, Канты и св. Саломеи, и въ большіе общіе праздники. Чтобъ на это богослуженіе обратить больше вниманія, я испрашивалъ всегда хоръ изъ папской капеллы, также швейцаровъ и гвардейцевъ для присутствованія, по тамошнему обычаю. По моему представленію, посланникъ Бутеневъ не только уплатилъ всѣ издержки, но не пожалѣлъ денегъ на иллюминацію и на угощеніе ксендзовъ и гостей въ праздникъ св. Станислава. Недовольные Воскресенцы распространили слухъ, что я въ мнимомъ Польскомъ костелѣ отправляю богослуженіе для православныхъ. Поводомъ къ этому были два заупокойныя богослуженія: по душѣ герцога Лейхтенбергскаго, зятя нашего Государя и по княжнѣ Любомірской, заказанныя нашею миссіею и на которыхъ я служилъ въ присутствіи кардиналовъ, дипломатическаго корпуса и знаменитостей разныхъ націй, преимущественно Польской и Русской. Герцогъ, хотя зять Государя, жилъ и умеръ католикомъ. Княжна, дочь извѣстныхъ въ Петербургѣ своимъ благочестіемъ родителей, истинныхъ католиковъ, какъ ровесница и подруга дочери нашего министра Бутенева, письменно просила ее заказать по ея душѣ богослуженіе, заявляя, что письмо будетъ получено уже послѣ ея смерти. Дѣйствительно, въ тотъ же день пришло и письмо, и извѣстіе объ ея смерти; но что еще прискорбнѣе, въ тотъ же день скончалась и дочь г. Бутенева, давно уже хворавшая. И какъ почти тотчасъ послѣ ея похоронъ отправилъ я заупокойное богослуженіе со всевозможною торжественностью, то Воскресенцы тотчасъ обвинили меня передъ папою въ расколѣ. Его святѣйшество велѣлъ тайной полиціи развѣдать дѣло и, убѣдившись въ клеветѣ, сказалъ своимъ приближеннымъ, что враги мои непременно хотятъ сдѣлать меня православнымъ, противъ моей собственной воли. Вернувшись домой, я просилъ правительство улучшить положеніе нашего костела и подалъ о судьбахъ его подробную записку; но о послѣдствіяхъ моихъ ходатайствъ скажу послѣ.

Такъ какъ мое дѣло интересовало многихъ и возбудило всеобщее любопытство, то я долженъ былъ составить нѣсколько за-

писокъ поитальянски и пофранцузски для многихъ членовъ св. коллегіи. Кроме многихъ другихъ, съ которыми я сношлся на бумагахъ или устно, ближе сошелся я съ двумя прелатами: съ кардиналомъ Ориоли (съ которымъ познакомился слишкомъ поздно, такъ какъ миссія наша ошибочно считала его врагомъ Россіи) и съ прелатомъ Барнабо, тогда секретаремъ Пропаганды, а нынѣ кардиналомъ и ея начальникомъ. Первый, узнавъ стороною о преслѣдованіяхъ несправедливо мною выносимыхъ, хотѣлъ меня видѣть и ближе узнать дѣло. Я охотно исполнилъ его желаніе и изготовилъ ему самый точный очеркъ моего дѣла. Представляя его, я засталъ кардинала страждущимъ ногою; не смотря на болѣзнь, онъ ласково меня принялъ и, обѣщавъ похлопотать за меня, велѣлъ чрезъ три дня зайти опять. Но увы, чрезъ два дня его уже не стало. Это былъ одинъ изъ самыхъ способныхъ кардиналовъ и всѣми уважаемый; но миссіи не католическихъ государствъ не любили его за его усердіе къ защитѣ духовенства и правъ церкви. Другой, т. е. Барнабо, такъ заинтересовался мною, что изъ-за меня поссорился съ папою. Св. отецъ чрезвычайно любилъ и уважалъ этого прелата за его высокія добродѣтели и преданность; чрезъ годъ послѣ моего отъѣзда онъ произведенъ былъ въ кардиналы, не бывши даже епископомъ. Это единственный Итальянскій прелатъ, въ которомъ не замѣтилъ я коварства и скрытности. Ласковый, откровенный, готовый на всѣ услуги, снискалъ онъ полную мою довѣренность и возбудилъ во мнѣ чувство высокаго уваженія и привязанности. Узнавъ мое дѣло изъ записки на Французскомъ языкѣ, которымъ владѣлъ превосходно, онъ сталъ осаждать папу своими представленіями, и до того надоѣлъ, что папа, желая положить имъ конецъ, въ силу своей непогрѣшимости, велѣлъ ему вѣрить, что меня нѣтъ уже въ Римѣ, что я имѣлъ уже прощальную аудіенцію и получилъ его напутственное благословеніе. Дѣйствительно, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, уѣзжая въ Неаполь, я былъ у св. отца; но не говорилъ, что я покидаю Римъ. Барнабо смѣялся, что ему зажали ротъ, и посовѣтовалъ не надоѣдать болѣе папѣ и поставилъ меня, какъ я долженъ откланяться папѣ. Согласно съ его указаніями, я со многими другими духовными явился поцѣловать ногу, по окончаніи 40 часовато служенія въ ризницѣ костела Іезуитовъ. Приступивъ, я сказалъ, что ѣду домой и прошу благословить меня на дорогу. Св. отецъ взглянулъ на меня ласково, улыбнулся, благословилъ и, въ знакъ своего благоволенія, далъ мнѣ поцѣловать свою руку, какъ обыкновенно дѣлалъ это при всякой аудіенціи.

Миссія наша, столь дорого стоящая, учрежденная единственно для дѣлъ касающихся католической церкви, мало соотвѣтствуетъ своей цѣли. Получая инструкціи только отъ канцлера и не имѣя никакихъ сношеній съ управленіемъ Царства, она никогда не въ состояніи дать надлежащія объясненія о дѣлахъ, о которыхъ печать и спешны разносятъ самыя невѣроятныя вещи. Прибывъ въ Римъ, я не засталъ г-на Бутенева и цѣлый годъ дожидался его

прибытія. Это вѣроятно немало повредило моему дѣлу; заступающіе его не имѣли достаточнаго авторитета и опытности. Я думаю, немного найдется сановниковъ въ Имперіи, похожихъ на г. Бутенева: изъ всѣхъ иностранныхъ представителей въ Римѣ, онъ безспорно пользовался наибольшимъ и всеобщимъ уваженіемъ; самъ папа отзывался о немъ съ величайшимъ паѳосомъ. Онъ былъ всѣмъ доступенъ, со всѣми чрезвычайно ласковъ, былъ высоко развитъ и научно и нравственно, имѣлъ прекраснѣйшее сердце и отличался рѣдкою деликатностью. Еслибъ я не былъ обязанъ хранить секретъ, я могъ бы указать нѣсколько фактовъ, которые бы возбудили всеобщее удивленіе Поляковъ и доказали бы, до какого христіанскаго самоотверженія можетъ возвыситься Русскій. Онъ нѣсколько разъ высказывалъ мнѣ сожалѣніе, что такъ мало знаетъ о состояніи Римской церкви въ Царствѣ, и я, желая быть ему полезнымъ, составилъ и для него самый подробный очеркъ этого состоянія.

Но едва я кончилъ эту трудную работу, г-нъ Бутеневъ засадилъ меня за другую, не менѣе тяжелую. Папѣ донесли во первыхъ, что въ Царствѣ, какъ нѣкогда въ Имперіи, уничтоженъ орденъ сестеръ милосердія, конфискованы ихъ имущества и отъ нихъ отобраны всѣ госпитали; во вторыхъ, что силою заставляютъ ксендзовъ совершать браки между католиками и православными и давать отпущеніе грѣховъ лицамъ, состоящимъ въ такихъ бракахъ, и въ третьихъ, что правительство рѣшилось, какъ въ Имперіи, отобрать всякую собственность у духовенства и выдавать въ замѣнъ жалованье. Папа потребовалъ у Бутенева объясненій, и тотъ повторилъ папѣ все такъ, какъ было въ моей запискѣ, которую, нарочно для этого случая, я приглашенъ былъ составить. Что касается двухъ первыхъ пунктовъ, папа былъ очень доволенъ, когда убѣдился, что ему донесли ложно; но объясненіями по 3-у пункту не удовольствовался и когда узналъ, что всѣ свѣдѣнія почерпнуты отъ меня, изъявилъ желаніе видѣться со мною. Увѣдомленный объ этомъ, я просилъ аудіенціи и тотчасъ ее получилъ. Лишь только, по церемоніалу, я поцѣловалъ его ногу, папа съ горечью началъ упрекать меня, что я, по излишней привязанности къ правительству, скрылъ истину даже предъ императорскимъ министромъ, и что онъ имѣетъ въ рукахъ доказательства противнаго. Я уже былъ приготовленъ къ этой непріятной встрѣчѣ и сказалъ рѣшительно: „Я не оспариваю вашихъ свѣдѣній; но и въ обманѣ признаться не могу. Находясь уже два года въ отлучкѣ, я не могу знать, какія тамъ могли произойти въ это время перемѣны; одно только знаю, что, во время моей бытности въ Варшавѣ, правительство не думало соглашаться на предлагаемые ему проекты и отбирать имущество. Я имѣлъ слишкомъ осязательныя доказательства въ Имперіи, что такая конфискація, вмѣсто пользы, приноситъ хлопоты и потери. Съ имѣніиъ подуховныхъ въ Имперіи казна никакого дохода не получаетъ и должна содержать администрацію и выплачивать духовенству жалованье изъ своихъ средствъ. Какой же расчетъ правительству дѣйствовать себѣ въ ущербъ? Развѣ тепереш-

ніе его совѣтники больше думаютъ о своихъ собственныхъ выгодахъ, чѣмъ о пользахъ государства.“ Выслушавъ меня, папа сказалъ: „Посмотримъ, какъ будешь ты защищать это дѣло, по возвращеніи домой“. Папа, столько ратовавшій, пока дѣло только еще предполагалось, сталъ равнодушенъ и умолкъ, когда проектъ приводился въ исполненіе съ величайшимъ для духовенства ущербомъ.

По прибытіи канцлера Нессельроде въ Кастелламаре, близъ Неаполя, гдѣ проживалъ лѣтомъ г. Бутеневъ и гдѣ я пользовался морскими купаньями, представлены были ему всѣ мои письменныя работы, а вскорѣ и я самъ лично. Представленіе мое сопровождалось самыми лестными отзывами, и я былъ принятъ съ сердечною вѣжливостью. Канцлеръ благодарилъ меня за мои работы, особенно за разсужденіе о смѣшанныхъ бракахъ и обѣщалъ пользоваться ими; говорилъ о болѣе чѣмъ странномъ поведеніи Римскаго двора относительно кандидатовъ, представляемыхъ въ епископы; наконецъ выразилъ мнѣніе, что не стоить больше хлопотать и совѣтовалъ мнѣ ѣхать домой, увѣряя, что Монархъ не забудетъ меня.

Кромѣ аудіенціи, которую я имѣлъ вскорѣ послѣ пріѣзда, я былъ еще пять разъ у папы. Такъ какъ при всѣхъ посѣщеніяхъ церемоніялъ одинъ и тотъ же и разговоры велись все объ одномъ и томъ же, то и не буду описывать подробно каждой аудіенціи отдѣльно; приведу только самое замѣчательное. Когда я представилъ протоколъ капитула, которымъ я избирался администраторомъ Августовской епархіи, папа отвѣчалъ мнѣ напрямикъ, что ему донесли уже, что мое избраніе произведено подъ моимъ вліяніемъ и по волѣ правительства. Когда же я говорилъ, что, оставаясь въ Римѣ, я совсѣмъ не могъ вліять на членовъ капитула и что правительству нечего было вмѣшиваться въ мою пользу, такъ какъ оно могло во всякое время уничтожить неурядицаемое ему избраніе, папа отвѣчалъ: „Ты правъ, но что дѣлать, когда въ городѣ о тебѣ иначе говорятъ?“ Чтобъ меня еще болѣе сконфузить, онъ сталъ разсматривать протоколъ, который я представлялъ въ подлинникѣ, издѣвался надъ капитуломъ, состоящимъ всего изъ пяти членовъ, надъ странными ихъ фамиліями, которыя я помогъ ему разобрать; а на счетъ моего выбора не выразилъ никакого мнѣнія, отложивъ это дѣло на неопредѣленное время.

На другой аудіенціи, по поводу просимаго мною строгаго разслѣдованія, папа сказалъ: „Такъ какъ тебя никто явно не обвинялъ и для оправданія никто тебя не звалъ, то ни разслѣдованія, ни суда быть не можетъ. Въ первомъ случаѣ я оскорбилъ бы твоего Государя, который считаетъ тебя достойнымъ епископскаго сана и такъ горячо за тебя ходатайствуетъ; въ другомъ—какъ государь, не могу судить чужаго подданнаго“.—„Но, возразилъ я, мнѣ безусловно хотѣлось бы подчиниться волѣ в. святѣйшества и быть или оправданнымъ или наказаннымъ“.—„Ни того ни другаго быть не можетъ, сказалъ онъ: тебя совсѣмъ не обвиняли въ преступленіи противъ вѣры и твоего призванія; подозрѣваютъ тебя только въ соглашеніи съ правительствомъ противъ церкви католической, о чемъ и пре-

достерегаютъ меня благочестивыя и ревностныя души: онѣ желаютъ ничего другаго, лишь бы не допустить тебя до епископской власти, гдѣ ты могъ бы вредить обществу“.

Упрекъ слишкомъ былъ важенъ, чтобъ я не желалъ оправдаться предъ лицомъ намѣстника Христова. „Повѣрите, отче святой, сказалъ я вашему душою и сердцемъ преданному сыну: это навѣтъ ложный, вызванъ завистью и никакимъ фактомъ подкрѣпленъ быть не можетъ. Наше правительство неограниченное и такъ сильно, что не нуждается въ помощи простаго духовнаго лица“. — „О нѣтъ, отвѣчалъ папа, тутъ ты расходишься съправдою; еслибъ такъ было, тебя не прочили бы въ архіепископы и митрополиты, чтобъ ты сталъ во главѣ реформы, гибельной для церкви“. — „Отче св., возразилъ я, въ первый разъ слышу я о такихъ предположеніяхъ нашего правительства, и о такомъ возвышеніи недумалъ никогда“. — „Неговори мнѣ о своемъ смиреніи и простотѣ, прервалъ меня папа; довольно мнѣ наговорили на тебя, ты-де болѣе дѣленъ, чѣмъ требуется духовному; умѣешь-де жить на свѣтѣ и нравиться Русскимъ, которые рады были бы видѣть тебя во главѣ духовенства, не для чего инаго, какъ для того, чтобъ ты портилъ и развращалъ“. Пораженный этимъ страшнымъ обвиненіемъ, я забылъ, гдѣ и предъ кѣмъ я нахожусь и громко воскликнулъ: „Это ложь и безстыдная клевета; я не имѣю претензій на мудрость и свѣтскость, равно и къ коварству и къ измѣнѣ моему собственному призванію неспособенъ, и въ этомъ ссылаюсь на прошлую мою жизнь, частную и общественную“. — „Не горячись такъ сильно, сказалъ папа; хорошо, что чувствуешь оскорбленіе своего духовнаго состоянія, и это меня радуетъ; но ты не можешь отрицать, что тебя прочать въ епископы съ намѣреніемъ сдѣлать архіепископомъ; мнѣ извѣстно представленіе князя Паскевича, на которое согласился Императоръ“. Я упалъ къ ногамъ св. отца и клялся всѣмъ святымъ, что я объ этомъ ничего не зналъ и никогда бы не повѣрилъ, еслибъ не слышалъ изъ его устъ. „Не сознаешься въ этомъ, то ужъ вѣрно сознаешься въ томъ, что прямо отъ тебя зависитъ. Зачѣмъ выписывалъ ты изъ за границы профессора самаго безбожнаго, и зачѣмъ держишь его въ Академіи, не смотря на всеобщее негодованіе и представленія всего духовенства? Очевидно хочешь, посредствомъ такихъ развратныхъ профессоровъ, укоренить безвѣріе и испортить нравы вѣреннаго тебѣ юношества“. Хотя имени профессора папа не сказалъ, но я догадался, что дѣло идетъ о Людике, и съ живостью сказалъ: „Этотъ упрекъ еще менѣе основателенъ, чѣмъ предъидущій; это просто напасть. Безбожника этого выписали тѣ, которые въ Римѣ пользуются наибольшимъ довѣріемъ; я же, послѣ него вступивши въ Академію, въ шесть лѣтъ достигъ по крайней мѣрѣ того, что совершенно уронилъ его въ мнѣніи намѣстника, который прежде безграничное питалъ къ нему довѣріе, а я повелъ дѣло такъ, что, по возвращеніи, по всей вѣроятности уже не застану его въ Варшавѣ“. Удивленный этимъ отвѣтомъ, папа воскликнулъ: „Баста! Говоря съ тобою, никакъ нельзя добиться толку; я слышу о тебѣ одно, а ты говоришь другое“. И въ тоже

мгновеніе онъ потянулъ за шнурокъ колокольчика, давая тѣмъ знать, что долженъ явиться слѣдующій. Я думалъ, что папа разсердился на меня и оттого прервалъ аудіенцію; поэтому съ величайшимъ смиреніемъ припалъ я къ его ногамъ; а онъ разсмѣялся и, подавая руку, сказалъ: „До свиданія; съ тобою никогда въ согласіи разстаться не могу“.

Уже по возвращеніи моемъ въ Варшаву узналъ я о существовавшемъ намѣреніи возвести меня въ санъ архіепископа. Мнѣ показали подлинную докладную записку, въ которой князь выразился такъ: „Имѣю честь представить Вашему Величеству знакомаго мнѣ лично ксендза Буткевича на должность Августовскаго епископа, съ всеподданнѣйшею просьбою о скорѣйшемъ возведеніи его въ эту должность, чтобъ онъ съ нея могъ перейти на Варшавское архіепископство, если Вашему Величеству угодно будетъ сохранить эту давно вакантную должность“. На этой запискѣ собственною рукою Императора было написано: „Соглашаюсь. Николай.“ Получивъ согласіе, князь, минуя обыкновенный порядокъ, обратился къ канцлеру, а тотъ сейчасъ же отправилъ нашему повѣренному въ Римъ предписаніе представить меня папѣ на должность епископа Августовскаго.

Изо всего предъидущаго видя, что папа вполнѣ высказаться мнѣ не даетъ, я составилъ пространную записку, въ которой старался выяснитъ, что я никогда не искалъ ни повышеній, ни милостей у правительства, что выборъ въ ректоры произошелъ прямо противъ воли намѣстника, прочившаго эту должность для Людике; объяснилъ, что князю я понравился твердостью своихъ убѣжденій и повиновеніемъ въ дѣлахъ, съ ними согласныхъ; объяснилъ, что Людике выписали благочестивые графы Лубенскіе; а потомъ, желая отъ него избавиться, при содѣйствіи Страшинскаго (администратора архіепархіи) посадили его въ Академію, гдѣ онъ имѣлъ случай познакомиться съ княземъ и войти къ нему въ милость. Чисто переписавъ записку поитальянски, я ждалъ возвращенія папы изъ Кастель-Гандольфо, гдѣ онъ въ двумѣсячное свое пребываніе постоянно ѣздилъ верхомъ, чтобъ избавиться отъ излишней тучности. Возвратившись въ Римъ, папа принялъ меня ласково; когда же я передалъ ему свою записку, воскликнулъ весело: *benissime!* Не читая ея и не справляясь, въ чемъ дѣло, онъ сказалъ: „Пишешь прекрасно и поитальянски, не будемъ поэтому говорить пофранцузски“. Потомъ началъ толковать о своей лѣтней резиденціи, о ея красотахъ, и зная, что я тамъ бывалъ, все спрашивалъ, какъ мнѣ то или другое нравится. Я отвѣчалъ коротко, желая, чтобъ папа перешелъ къ моей запискѣ. Потолковавъ о своей резиденціи, папа началъ хвалить Поляковъ за ихъ способности скоро и хорошо выучивать иностранные языки; потомъ вдругъ обратился ко мнѣ со словами: „Мнѣ кажется, ты долженъ быть теперь доволенъ совершенно“. Я отвѣчалъ: „Доволенъ только тѣмъ, что имѣю счастье видѣть ваше святѣйшество; но критическое мое положеніе совсѣмъ не измѣнилось“. „Можетъ измѣниться, сказалъ папа съ ироническою улыбкою: вѣдь

прибыла въ Римъ особа, у васъ весьма уважаемая и очень къ тебѣ расположенная, а на протекцію этой особы ты сильно рассчитываешь“. Я думалъ, что папа говоритъ о возвращеніи г. Бутенева и потому сказалъ: „Да, я дѣйствительно обрадовался, дождавшись представителя моего Монарха и могу имѣть надежду на скорѣйшее окончаніе дѣла“.—„Ты говоришь о вашемъ министрѣ, который меня уже посѣтилъ; а я хотѣлъ тебѣ сказать о другой особѣ“, и началъ припоминать ея фамилію, повторяя слова: *contessa*. Тутъ я догадался, о комъ идетъ дѣло; я уже слышалъ о пріѣздѣ графини Ржевуской и сказалъ эту фамилію папѣ. „Да, да! воскликнулъ онъ, мнѣ говорили, что она нарочно явилась, чтобъ за тебя вступиться; но пусть не беспокоится: мы ее знаемъ, она другъ Россіи и поэтому никакого у насъ вліянія имѣть не можетъ; она ошибется въ своихъ расчетахъ“. Удивленный до крайности такими рѣчами, я съ жаромъ сказалъ: „Безстыдные и безбожные люди лгутъ предъ вашимъ святѣйшествомъ; я не имѣю чести знать эту даму, и она меня не знаетъ“.—„Этого быть не можетъ, съ гнѣвомъ возразилъ папа: никто бы не осмѣлился меня такъ обманывать“. Я припалъ къ его ногамъ и сказалъ: „Можно вѣрить и не вѣрить, но я обязанъ сказать правду предъ лицомъ намѣстника Христова, и я клянусь честью духовнаго, что я съ этою дамою не имѣю никакого знакомства“. Видя мою горестъ, папа призадумался и послѣ нѣкоторой паузы сказалъ: „Какъ это можно? Ты любимецъ князя, бываешь въ его домѣ, гдѣ эта дама пользуется особеннымъ уваженіемъ и любовью; какъ же могъ ты съ нею не познакомиться? Я отвѣчалъ: „Бываю у князя только по дѣламъ, по его приглашенію, да въ царскіе дни на общихъ пріемахъ и на обѣдѣ; очень можетъ быть, что тутъ она и узнала, кто я; а я узналъ, кто она,—вотъ и все наше знакомство“.—„Мнѣ говорили, сказалъ папа, что ей поручаютъ дипломатическія интриги, что эта дама чрезвычайно умна и предана душою и сердцемъ Россіи“.—„Не думаю, отвѣчалъ я; наше правительство не нуждается въ подобныхъ помощникахъ, особенно въ сердцѣ католичества. Государь и намѣстникъ очень уважаютъ графиню за ея великія несчастія и за ея личныя качества. Она родомъ княжна Любомірская, ребенкомъ еще видѣла казнь своей матери на эшафотѣ съ Марією Антоанетою въ Парижѣ и принуждена была служить своимъ палачамъ. Въ замужствѣ тоже была несчастна и въ добавокъ потеряла почти всѣхъ дѣтей, и въ числѣ ихъ дочь—чудо доброты, красоты и способностей. Отказавшись отъ своего состоянія въ пользу зятя, графиня умѣетъ довольствоваться малымъ и прекрасно поддерживаетъ честь своего рода“. Папа выразилъ сожалѣніе о несчастіяхъ графини и сказалъ: „Изъ твоихъ словъ я заключаю, что у васъ не въ обычаѣ, чтобъ духовные посѣщали высшіе дома и находились въ обществахъ, гдѣ есть дамы. Всегда прекрасный полъ былъ благосклоненъ къ слугамъ алтаря, и нынѣ оказываетъ ему величайшую услугу своимъ рвеніемъ и своею несокрушимую привязанностью къ церкви и къ столицѣ Петровой“.—У насъ, отвѣчалъ я, духовный никогда не исключался изъ общества; но теперь, когда дамы высшаго круга приняли на себя роль учи-

тельницъ и взялись руководить въ дѣлахъ духовныхъ, духовные имѣютъ второстепенное мѣсто, и не всегда безопасное. Угождая имъ, не одинъ уже возбудилъ подозрѣнія или преслѣдованія полиціи; а многіе и въ Сибирь поѣхали и навсегда лишились возможности служить церкви и отечеству. Поставленный руководителемъ высшаго духовнаго заведенія, я нуждаюсь въ довѣрїи правительства и долженъ избѣгать всего, что могло бы меня скомпрометировать; да и для самой церкви излишнее усердіе нашихъ дамъ причиняетъ больше вреда, чѣмъ пользы“. Папа, вздохнувъ, прервалъ меня: „Правда! Польки полны энтузіазма и усердія къ вѣрѣ, это благочестивыя и истинно католическія души. Знаю не мало ихъ лично (и тутъ перечислил многія фамиліи); знаю ваше затруднительное положеніе, но все таки я вамъ повторяю: вы должны дѣйствовать въ согласіи съ ними; въ нихъ однихъ ручательство въ сохраненіи давней вѣры и народности“. Хотѣлъ было я объяснить, что это не совсѣмъ такъ, хотѣлъ высказать, что это ручательство только въ массѣ народа и простой шляхты, всегда одинаково привязанныхъ къ своей вѣрѣ, а не въ спѣси магнатовъ, которые болѣе повинуются модѣ и, сообразно съ ея требованіями, являются то безбожниками и космополитами, то надѣваютъ личину суровыхъ католиковъ и Поляковъ: исторія слишкомъ ясно убѣждаетъ насъ въ этомъ. Въ это время быстро вошелъ въ кабинетъ камергеръ съ докладомъ о прибытіи, для обычныхъ дѣлъ, кардинала протодотарія. Папа велѣлъ его просить; а со мною простился, какъ обыкновенно, словами: „Довольно, до свиданія!“

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ.

O, primavera, joventa dell'anno,
O! joventa primavera della vita.....

Съ покойнымъ Андреемъ Николаевичемъ я познакомился, когда, произведенный изъ пажей (6-го Апрѣля 1824 года) въ прапорщики Харьковскаго драгунскаго (нынѣ уланскаго) полка, въ концѣ Мая, я прибылъ Кіевской губерніи въ г. Звенигородку, возлѣ котораго стояла лагеремъ 1-ая бригада 3-й драгунской дивизіи, а именно С. Петербургскій и Харьковскій полки. Являясь къ командиру полка, полковнику Е. А. Кончіелову, вмѣстѣ съ прапорщикомъ-же А. Н. Муравьевымъ, произведеннымъ изъ юнкеровъ въ Харьковскій-же полкъ и, выходя отъ полковника, я скоро сошелся съ моимъ новымъ сослуживцемъ. Муравьевъ былъ годами тремя старше меня, мнѣ-же передъ тѣмъ минуло восемнадцать лѣтъ. Мы скоро подружились. Муравьевъ былъ исполинскаго роста и пріятной наружности. При всей набожности своей, онъ былъ права веселаго, сердца добраго, обходителенъ и любимъ всѣми товарищами, хотя постоянно удалялся отъ веселыхъ компаній и часто проповѣдовалъ... въ пустыни. Мы были въ разныхъ эскадронахъ, онъ въ 6-мъ, я въ 1-мъ; но во время лагерей и сборовъ всегда были вмѣстѣ, и потомъ на зимнихъ квартирахъ часто посѣщали другъ друга. Муравьевъ много читалъ, и съ толкомъ, прекрасно зналъ Исторію, языки Латинскій, Греческій, Нѣмецкій, Французскій и Англійскій, къ которымъ въ послѣдствіи присоединилъ Итальянскій и Арабскій. Онъ въ жизни былъ весьма воздерженъ, не пилъ ни кап-

ли никакого вина, любилъ порядокъ, чистоту, лошадей и верховую ѣзду. Онъ тогда уже усердно занимался литературой, и первыя произведенія его пера сохранились у меня въ альбомѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Въ 1827 г., на скучныхъ квартирахъ тогда пустынной Бессараби, осенью, онъ написалъ, по моему внушенію, свою „Битву при Тиверіадѣ“, въ которой уже яснѣе проглядываетъ его направленіе. Въ зиму 1827 г. онъ оставилъ полкъ и въ началѣ 1828-го поступилъ въ дипломатическую канцелярію главнокомандующаго 2-ой арміи князя Вятгенштейна. Мы встрѣтились опять уже въ 1829 году, за Балканами, въ Адрианополѣ и въ Ноябрь того-же года въ Румелии-же, въ г. Бургащъ, гдѣ на прощаніе онъ мнѣ написалъ романсъ „Паломникъ“ и гдѣ я его проводилъ на корабль. На этомъ кораблѣ онъ повѣхалъ къ святымъ мѣстамъ, описаніе которыхъ и положило прочное основаніе его литературному направленію. Въ 1832 году, возвратясь ихъ Польской войны, уже переведенный (за Турецкую) въ гвардію и служа въ конно-гренадерскомъ полку, я опять увидался съ Муравьевымъ, который тогда состоялъ при Св. Синодѣ. Посѣщая меня часто, въ Петергофѣ, онъ написалъ для меня, въ Іюнь 1839-го г., „Вечеръ въ Петергофѣ“. Съ Декабря 1839-го года, когда я изъ гвардіи перешелъ обратно въ армію, мы, оставаясь по прежнему друзьями, часто переписывались. По выходѣ моемъ въ отставку, въ Мартѣ 1851-го года, послѣ Венгерской войны и по окончаніи моихъ кочеваній по тремъ частямъ свѣта, продолжавшихся до 1874 г. мы сплсывались, гдѣ-бы намъ на старости сѣѣхаться на продолжительное время, когда внезапно поразило меня извѣстіе о кончинѣ друга, пригласившаго меня пріѣхать къ нему въ Кіевъ.

ПАЛОМНИКЪ.

Я принялъ крестъ, я посохъ взялъ;
 Меня влечетъ обѣтъ священный;
 Вы всѣ, для коихъ я дышалъ
 Въ отчизнѣ дальней незабвенной,

Ахъ! помолитесь за того,
 Кто вспомнитъ васъ въ своихъ мольбахъ.

Куда весь Западъ слалъ сыновъ
 За гробъ Господень лечь костями,
 Стезю славной ихъ гробовъ,
 Пойду съ молитвой и слезами.

Ахъ! помолитесь и т. д.

Гдѣ въ перси Божіихъ дворянъ,
 Сквозь мѣдныя кольчуги кольца
 Вперялись стрѣлы Агарянъ,
 Меня ждѣтъ пальма богомольца.

Ахъ! и т. д.

И гдѣ страдалъ за смертныхъ Богъ,
 Паду предъ гробомъ искупленья;
 Быть можетъ, тамъ доступишь вздохъ,
 И сердце чише для моленья.

Ахъ! и т. д.

Къ метѣ далекой грозенъ путь,
 Коварны степи, бурно море,
 И часто богомольца грудь
 Стѣснитъ тоска, взволнуетъ горе.

Ахъ! и т. д.

Когда взойдутъ въ странѣ родной
 Ненастыя бурны дни надъ вами,
 О! понеситесь въ край чужой
 За юнымъ путникомъ мольбами
 И помолитесь, и т. д.

Когдажъ, быть можетъ, тамъ мета
 И странничества краткой жизни,
 И лягу я подъ сѣнь креста,
 Далеко отъ полей отчизны,
 О! помолитесь и т. д.

Вотъ что говоритъ Муравьевъ о своей драмѣ, „Битва при Тиверіадѣ“ напечатанной имъ болѣе чѣмъ черезъ сорокъ лѣтъ „для немногихъ.“

„Сорокъ лѣтъ, въ совершенномъ забвеніи, лежалъ у меня между бумагами этотъ еще незрѣлый плодъ первыхъ лѣтъ моей молодости и, можетъ быть, на всегда бы тамъ остался, если бы нечаянно о немъ не напомнилъ тотъ, для кого собственно я написалъ мою Битву при Тиверіадѣ. Когда же, чрезъ многіе годы, взялся я опять за свою рукопись—признаюсь, не безъ живаго сочувствія я её снова прочёлъ: потому ли, что сердцу всегда бываетъ близко то, что собственно наше, или, быть можетъ, оттого, что юношеское мое произведеніе, яркими красками, напомнило мнѣ всё давно минувшее: и цвѣтушіе годы жизни, и блестящій вѣкъ рыцарства, который тогда такъ сильно дѣйствовалъ на мое воображеніе, и тотъ священный край, гдѣ совершились его крестовые походы и который мнѣ суждено было дважды посѣтить. Скажу болѣе: съ благодарнымъ чувствомъ узналъ я, на своей рукописи, полустертый уже отъ времени, но дорогой мнѣ почеркъ Жуковскаго, который не полѣнился её прочесть, и въ послѣдствіи, уже за границею, узнавъ о неудачномъ представленіи моей драмы, утѣшалъ меня письменно съ береговъ Рейна, убѣждая не угашать въ себѣ поэзіи. Я вспомнилъ также, что и самъ Пушкинъ, принимавшій живое участіе въ моихъ литературныхъ начаткахъ, подалъ мнѣ мысль написать историческое предисловіе, чтобы ознакомить съ предметомъ и дѣйствующими лицами моей Битвы при Тиверіадѣ, и даже напечаталъ ея третіе дѣйствіе въ издаваемомъ имъ журналѣ „Современникъ“. И то и другое еще болѣе меня привязало къ сему первому моему поэтическому опыту, и хотя я самъ чувствую всё его недостатки, рѣшился однако издать его въ свѣтъ, но не для публики, а собственно для себя и немногихъ присныхъ, для того, чтобы послѣ меня не пропала моя рукопись и не оставалась бы въ томъ небрежномъ видѣ, въ какомъ я теперь ее нашёлъ. Можетъ быть, припомнивъ всё сіи обстоятельства, снисходительнѣе взглянетъ на нее и благосклонный читатель, которому она нечаянно попадетъ въ руки, и не такъ строго будетъ судить автора.“

Въ числѣ друзей и почитателей А. Н. Муравьева, и я присутствовалъ въ Петербургѣ, въ началѣ 1833 года, на первомъ и, къ сожалѣнію, послѣднемъ ея представленіи, на сценѣ Большаго Театра. Театръ былъ набитъ биткомъ въ этотъ вечеръ. Представленіе Битвы при Тиверіадѣ было блестящее и вполнѣ удачное, но не возобновлено потому, что найдено неприличнымъ выводить на сцену св. мѣста, тѣмъ болѣе, что, во 2-мъ явленіи 2-го дѣйствія, декорация представляла видъ Храма Воскресенія въ Іерусалимѣ. Каратыгинъ былъ великолѣпенъ въ роли *Раймунда* Триполійскаго, а Брянскій въ роли *Пустынника*. Это была незабвенная эпоха для любителей Русскаго театра, ознаменованная тогда талантами Каратыгина, Сосницкаго, Брянскаго, Максимова, Каратыгиной, Сосницкой,

Асенковой, Самойловой, Петрова, Петровой, и др. Правда, канканья представленія и моды тогда еще не процвѣтали, но эпоха была блестящая, хотя насъ и держали, какъ слѣдуетъ, въ ежовыхъ рукавицахъ воинской дисциплины. Боевые преданія и навыки отечественной войны и удачныхъ войнъ 1828—29 и 1830—31 годовъ были свѣжи въ памяти, и находились еще въ рядахъ многія личности, прославившіяся въ бояхъ. Военные жили дружной семьей, для своего служенія, высоко дорожа честью мундира и полка и иногда „кто Богу не грѣшенъ, Царю-не виновать“ — случалось, покучивали, но посолдатски и между собою. Воинскихъ искательствъ, аристократничанья, поклоненій, элеганцій, комфорта, гастрономической пищи, утонченностей канканной цивилизаціи, не допускалось. Военное служеніе, особенно фронтное, цѣнилось высоко и не могло сдѣлаться промысломъ или даже гешефтомъ (Geschäft). И въ гвардіи бывали тогда бѣдные офицеры, но бѣдности своей не стыдились, долговъ избѣгали и отъ богатыхъ ни въ чемъ на службѣ не отставали. Хотя часто приходилось и тяжело, но эпоха для военныхъ была блестящая и, не смотря на то, что съ тѣхъ поръ кануло въ вѣчность почти полстолѣтія, она жива доселѣ въ памяти Русскаго человѣка и особенно въ памяти нашихъ добрыхъ, славныхъ солдатъ.

Въ прелестныхъ стихахъ „Вѣтка Палестины“ одинъ изъ пріятелей Муравьева, безсмертный М. Ю. Лермонтовъ также отдалъ ему справедливость. Повторяю объ этомъ собственныя слова его изъ его-же брошюры „Описаніе предметовъ древности и святыни, собранныхъ по святымъ мѣстамъ“ (Кіевъ 1872, стр. 8-ая).

„Если къ воспоминаніямъ священнымъ смѣю присовокупить одно, хотя и мірское, но поэтическое, не безъ сожалѣнія о несчастно-погибшемъ: то можно сказать, что эти именно пальмовыя вѣтки внушили Лермонтову прекрасные стихи его „Вѣтка Палестины“. Однажды, въ минуту душевнаго смущенія, онъ пришелъ просить моего участія и, не заставъ меня дома, долго оставался въ глубокой думѣ въ моей образной; когда же я возвратился, то нашелъ на столѣ исписанный имъ листъ бумаги и прочелъ слѣдующіе гармоническіе стихи, которые доселѣ у меня хранятся въ подлинникѣ:

Скажи мнѣ вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была? и пр.

Посвятивъ всѣ силы и всю жизнь свою, до послѣднихъ дней, служенію православной церкви, Андрей Николаевичъ Муравьевъ скончался въ Кіевѣ, по возвращеніи изъ путешествія въ Константинополь и на гору Аѳонскую. Вѣчная память Русскому дѣятелю Православія!

Теперь, на закатѣ и моихъ дней, мнѣ остается лишь повторить знающимъ усопшаго слова его:

О! помолитесь за того,
Кто вспомнилъ васъ въ своихъ мольбахъ!

Семенъ Сулима.

ЗАМѢТКА ОБЪ А. Н. МУРАВЬЕВЪ.

Въ № 223-мъ Московскихъ Вѣдомостей отъ 7 Сент. 1874 г. былъ напечатанъ краткій некрологъ Андрея Николаевича Муравьева, заимствованный изъ Кіевлянина. Въ немъ сказано, между прочимъ, что А. Н. былъ меньшей изъ братьевъ Муравьевыхъ, что послѣдняя служба его была по Министерству Государственныхъ Имуществъ предсѣдателемъ одной изъ губернскихъ палатъ, и что онъ скончался на 76 году жизни. У А. Н. былъ братъ моложе его, Сергій Николаевичъ, умершій въ томъ же 1874 г. А. Н., сколько мнѣ извѣстно, никогда не служилъ по Министерству Государственныхъ Имуществъ и не былъ предсѣдателемъ никакой палаты; скончался онъ, достигнувъ врядъ ли и 70 лѣтъ. Въ № 4-мъ Древней и Новой Россіи 1876 года появились воспоминанія объ А. Н. Муравьевѣ А. М. Сементовскаго, въ которыхъ говорится, что онъ скончался 75 лѣтъ въ минувшемъ 1875 г. Конечно такія разногласныя и неточныя показанія въ сущности незначительны; но если человѣкъ признается достойнымъ, чтобъ объ немъ печатались некрологи и воспоминанія, то можно желать, чтобъ и подобныя подробности излагались при этомъ съ болѣею осмотрительностію и вѣрностію. Это подало мнѣ поводъ къ составленію настоящей замѣтки съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній объ А. Н. Муравьевѣ.

Я началъ знать Муравьева съ 1819 года, когда поступилъ колонновожатымъ въ учебное въ Москвѣ заведеніе его отца генералъ-майора Н. Н. Муравьева. А. Н. былъ тогда юношей лѣтъ 14 или 15-ти, и воспитывался въ домѣ своего родителя подъ руководствомъ С. Е. Райча, извѣстнаго переводчика *Виргиліевыхъ* *Георгики* и *Тасса*. С. Е. Райчъ, для поощренія своего ученика, завелъ у себя литературные вечера, на которые разъ въ недѣлю собирались молодые люди, болѣею частію изъ воспитанниковъ Университета и его пансіона, и нѣкоторые изъ принадлежавшихъ къ учебному заведенію Н. Н. Муравьева. Въ числѣ ихъ были: М. П. Погодинъ, С. П. Шевыревъ, Д. П. Ознобишинъ, В. П. Титовъ, А. И. Кошелевъ, кн. В. О. Одоевскій, магистръ или кандидатъ Оболенскій, Петръ Ив. Колошинъ, Н. П. Брюковъ, С. Д. Полтарцкій и др. На этихъ вечерахъ они знакомились съ новыми произведеніями Русской словесности и читали собственныя опыты сочиненій и переводовъ. Между прочимъ Муравьевъ читалъ свои переводы изъ разныхъ мѣстъ *Тита Ливія*, а потомъ и изъ *Виргиліевой Енеиды*, въ стихахъ. Онъ съ особеннымъ стараніемъ изучалъ классическіе языки и многіе новѣйшіе, и даже упражнялся въ разговорѣ на новогреческомъ языкѣ съ однимъ молодымъ Грекомъ, который нарочно для этого и жилъ у него нѣкоторое время. Тогда уже онъ мечталъ о путешествіи на Востокъ, который сильно занималъ его воображеніе, какъ колыбель христіанства и поприще крестовыхъ походовъ. Службу началъ онъ въ кавалерійскомъ армейскомъ полку, расположенномъ на Югѣ. Кажется, во время этой службы онъ посѣтилъ полуостровъ Крымъ и написалъ поэму, которую вмѣстѣ съ нѣсколькими мелкими стихотвореніями издалъ въ 1827г. подъ заглавіемъ *Таврида*. Е. А. Баратынскій, въ разборѣ этого сочиненія, помѣщенномъ тогда-же въ Московскомъ Телеграфѣ, произнесъ ему такой приговоръ: „Описательная поэма *Таврида* — произведеніе совершенно ученическое. Созданіе ея бѣдно или, лучше сказать, въ ней нѣтъ никакого созданія. Это риторическое распространеніе двухъ стиховъ Пушкина въ *Бакчисарайскомъ* *Фонтанѣ*:

Гдѣ скрылись Ханы? гдѣ Гаремъ?

Кругомъ все пусто, все уныло.....

Баратынскій смягчилъ этотъ приговоръ, говоря, что авторъ подаетъ прекрасныя надежды, что у него есть дарованіе, попадаются стихи звучные и живописные, и что вообще онъ богатъ жаромъ и красками и пр. Муравьевъ въ этотъ же періодъ времени написалъ еще трагедію: Тиверіада, сюжетъ который заимствованъ изъ исторіи крестовыхъ походовъ. Въ 30-хъ годахъ она была играна одинъ разъ на Петербургскомъ театрѣ, 3-й ея актъ напечатанъ Пушкинымъ въ послѣдней книгѣ его Современника. Оставя скоро военную службу, А. Н. опредѣлился въ Азіатскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ 1829 г. онъ находился въ дѣйствующей арміи противъ Турокъ въ числѣ дипломатическихъ чиновниковъ при главной квартирѣ и былъ употребляемъ иногда для сношеній съ духовенствомъ и жителями въ мѣстностяхъ, гдѣ находилось Греческое населеніе. На переходъ чрезъ Балканы онъ написалъ стихи, начинавшіеся такъ:

Гдѣ жъ горы, гдѣ жъ горы?—за нами они....

Стихи эти тогда же были напечатаны въ Сѣверной Пчелѣ. По заключеніи мира, А. Н. прямо изъ Адрианополя отправился въ Іерусалимъ. Вскорѣ по возвращеніи въ отечество, появилось его Путешествіе по святымъ мѣстамъ, которое и имѣло большой успѣхъ. Вслѣдъ за тѣмъ, съ 30-хъ годовъ постепенно появлялся цѣлый рядъ произведеній его пера. Путешествіе по святымъ мѣстамъ Русскимъ, Письма о богослуженіи православной церкви, Письма объ Арменіи и Грузіи, Исторія Русской церкви и многія другія слѣдовали одно за другимъ и составили, такъ сказать, отдѣльную отрасль духовной литературы въ нашей свѣтской. Сочиненія эти, написанныя слогомъ нѣсколько напыщеннымъ, изобилующимъ риторическими фразами и богатыя, повторю слова Баратынскаго, жаромъ и красками, быстро расходились и читались тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что содержаніемъ своимъ, новизною предмета и доступностію удовлетворяли потребностямъ многихъ современниковъ въ разныхъ слояхъ общества. Религіозное образованіе у насъ въ то время было весьма недостаточно и слабо. Въ домашнемъ воспитаніи, ввѣряемомъ почти исключительно иностранцамъ-гувернерамъ, оно ограничивалось большею частью соблюденіемъ до нѣкоторой степени обрядовъ и постановленій церкви. Въ казенныхъ и общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ преподавали Законъ Божій, обыкновенно, сухо и схоластически, и способные наставники были рѣдки. Понятно, что читатели съ такимъ образованіемъ, встрѣчая въ книгахъ А. Н. Муравьева краснорѣчивыя описанія мѣстностей отечественной святыни, знакомясь въ нихъ съ житіемъ знаменитыхъ сподвижниковъ вѣры, съ значеніемъ и смысломъ православнаго богослуженія, съ отличіями въ догматахъ разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и т. п., съ жадностію принимались за эти книги, доставлявшія пищу ихъ любознательности и религіознымъ чувствамъ. Исторія Русской церкви, не смотря на недостатки свои, служила довольно долго руководствомъ во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ авторская дѣятельность А. Н. Муравьева принесла въ свое время несомнѣную пользу, доставила ему большую извѣстность и дала право на мѣсто въ Исторіи Русской литературы. Служба его синодальному вѣдомству и дальнѣйшія обстоятельства его жизни мнѣ мало извѣстны, а потому ограничиваюсь этими о немъ словами.

Н. Путьма

ПИСЬМО БЪЛИНСКАГО КЪ ПРІЯТЕЛЮ ЕГО И. И. Х.

СПБ. 1842. Февраля 8.

Долго ругалъ я тебя, о Х., за твое упорное и глупое молчанье. Разъ хотѣлъ даже разругать письменно, но къ счастью полѣнился. Наконецъ, въ то время, какъ я уже думалъ, что мы съ тобою не увидимъ и не услышимъ болѣе другъ друга (вѣдь я забылъ къ тому же твой адресъ), вдругъ—слава Аллаху и пророку его **Ө. Н. Глинкѣ!**—получаю письмо, развертываю и зрю—стихи!.. Прочтя нѣсколько словъ, я догадался, что это письмо отъ Х., писанное прозою, но неровными строками съ одной стороны (вѣроятно отъ душевнаго волненія и сердечнаго трепета въ слѣдствіе чтенія стиховъ Глинки), отчего эта проза и вышла похожею на стихи.—Что я дѣлаю? спрашиваешь ты меня. Да все тоже, отвѣчаю я. Ъздилъ на праздники въ Москву и какъ жилъ тамъ безъ заботы и работы, то въ двѣ недѣли поправился въ здоровьѣ, даже помолодѣлъ; а теперъ хилъ и золъ и измученъ, славно водовозная лошадь. Такъ ты въ Питеръ не надѣнешся скоро быть? Дрянъ, ты братецъ, дрянъ! Человѣкъ съ деньгами, но безъ воли—это также гадко, какъ съ волею безъ денегъ. Да ты врешь, ты пріѣдишь. Я жду тебя и слышать не хочу, что не пріѣдешь. Сохрани тебя Богъ: какъ разъ окритикую въ моей литературѣ.

Ты проводишь время въ деревнѣ не слишкомъ скучно, о счастливый хоть и нелѣпый человѣкъ! Но это счастье худо кончится: оскорбленная твоя натура нѣкогда возстанетъ, но это возстаніе не возродитъ, а уничтожитъ тебя: ибо уже поздно будетъ. Въ деревнѣ, въ кругу домашнихъ и свиней и въ кругу помѣщиковъ и ихъ собакъ и дворовыхъ людей, нельзя и „въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ“. Читать Байрона, ничего не читая о Байронѣ, бесполезно: можно смѣшать его съ **Ө. Г.** или при немъ читать **Ө. Г.** ¹⁾. Шекспира Кетчерова ты можешь вытребовать прямо чрезъ **Ив.**, а что до *Supplement zu Schillers Werke*, не знаю никакъ и изъ какой лавки. Увѣдомъ.

По твоему письму все выполнено. Свидѣтельство я вчера переслалъ къ полковнику. Онъ здоровъ и набивается на свиданье со мною по поводу кучи твоихъ бумагъ, какъ будто мнѣ до нихъ, или до него какое нибудь дѣло! Вотъ ужъ подлинно какъ банный листъ... Дѣло мое съ Верленковымъ кончилось надувательствомъ съ его стороны, а на службу тоже не попалъ: видно судьба не хочетъ ²⁾.

Теперь у меня къ тебя есть просьба. **Кн. К-**й черезъ меня получилъ отъ братьевъ небольшую сумму въ уплату долга; 200 р. велѣлъ онъ мнѣ оставить у себя (вѣроятно имѣя въ виду свой долгъ тебѣ), а остальные употребить по его порученію. Просьба моя къ тебѣ гадкая и подлая. Вотъ въ чемъ дѣло: обстоятельства мои какъ будто начинаютъ поправляться, но послѣднее давленіе нужды нестерпимѣе обыкновенныхъ, а потому ужасно сильно попользованіе выскочить изъ болота на плечахъ ближнихъ. Короче: если можешь, позволь мнѣ украсть у тебя (до времени впрочемъ неопредѣленнаго) эти 200 р.: они для меня были бы большею подмо-

гою. По этому пункту жду отъ тебя рѣшенія. Ей Богу, краснѣю отъ своей наглости и безстыдства; да что же дѣлать! Вѣдь дѣло идетъ о деньгахъ—это есть солнце жизни, безъ котораго жизнь темна, и мрачна, и холодна..... Кстати о К-омъ. Онъ получаетъ 480 р. асс. жалованья, каждый день имѣетъ говядину во щахъ. Жить тамъ дороже, чѣмъ въ Питерѣ. Князь посылаетъ тебѣ сто поклоновъ. Жаль мнѣ его.

Б. наконецъ догадался, что былъ у насъ шутомъ. Со мной онъ еще такъ и сякъ, но противъ Панаева въ явной враждѣ. Вотъ ограниченный-то человекъ!

Панаевъ, Языковъ, К. и В. тебѣ кланяются. Они тебя любятъ, а только смѣются надъ твоею способностью гнить въ деревнѣ и читать *Θ*. Глинку.

Демонъ Лермонтова запрещенъ въ Отеч. Запискахъ, гдѣ былъ напечатанъ цѣликомъ.

Пиши ко мнѣ: я буду отвѣчать по мѣрѣ возможности и побѣждать свою лѣнь. Прощай. Твой Бѣлинскій.

P. S. А чтоже обѣщаны тобою историческіе матеріалы для Отеч. Записокъ? Присылай скорѣе къ Иванову.

СОДЕРЖАНІЕ УМАЛИШЕННЫХЪ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ ПЕРВОЙ.

1726 г. Октября въ 10 день, по указу ея императорскаго величества, Государственная Военная Коллегія, слушавъ выписки, приказали: обрѣтающихся въ Санктъ-Петербургскомъ госпиталѣ сумасбродныхъ солдатъ содержать въ особыхъ чуланахъ и когда случится при госпиталѣ какая работа, тогда посылать ихъ на тою работу, скованныхъ на цѣпяхъ и смотрѣть за ними накрѣпко, чтобъ они и надъ собою и надъ другими какого дурна не учинили. А пищу давать и лекарствами пользоваться ихъ противъ другихъ больныхъ солдатъ. Буде же они отъ того содержанія и прилежнаго леченія въ надлежащее состояніе не придутъ и, по докторскому свидѣтельству, явится та ихъ болѣзнь неизцѣлима или покажется (какъ Святѣйшій Синодъ разсуждаетъ) то ихъ изумленіе отъ злыхъ духовъ, тогда Кригсъ-Коммисаріату доносить о томъ Военной Коллегіи: понеже бѣснующихся, для исправленія духовнаго, велѣно отсылать въ Синодъ. И о томъ въ Кригсъ-Коммисаріатъ послать указъ.

Подлинное за подписаніемъ членовъ Военной Коллегіи.

(Сообщено Г. Н. Александровымъ).

¹⁾ X. былъ знакомъ съ *Θ. Н. Глинкой*, уважалъ его какъ человека и цѣнилъ какъ поэта. Бѣлинскій, не сочувствуя направленію *Θ. Н. Глинки*, смѣялся надъ похвалами стихамъ его, не въ мѣру увлекаясь весьма посредственными стихами своихъ пріятелей.

²⁾ Тогдашнее время человекъ безъ чина не считался вполнѣ человекомъ; Бѣлинскому нуженъ былъ чинъ, чтобы имѣть нѣкоторое значеніе въ семь мѣрѣ. Попытка его записаться на службу и получить вождѣленный чинъ коллежскаго регистратора не увѣчалась успѣхомъ по непредставленію какихъ-то бумагъ.

Пятьдесят писемъ *А. С. Пушкина* къ князю *П. А. Вяземскому* (1816—1831) съ новыми стихами *А. С. Пушкина*.—Записки *Мессельера* о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759.—Письма *лорда Малмсбюри* о Россіи въ царствованіе *Екатерины II*. Записки *князя Ѳедора Николаевича Голицына*.—Записки *Хршокцевскаго* (1770 — 1820). Переводъ съ Польской рукописи.—Записки *Ильи Ѳедоровича Тимковскаго*.—Изъ Записокъ *Николая Ивановича Лорера* (Декабристы на Кавказѣ).—Воспоминанія *графини А. Д. Блудовой*. 1831 годъ. Польскій мятежъ и первая холера.—Уроки исторіи: двѣ статьи *Д. И. Плавейскаго* (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя *В. Ѳ. Одоевскаго*.

1874 ГОДЪ. *Книга вторая.* Кончина и духовное завѣщаніе графа *М. П. Бестужева-Рюмина*.—Два письма *Д. В. Волкова* къ *Г. Г. Орлову* о Петрѣ Третьемъ.—Секретные рескрипты *Екатерины Второй* князю *Потемкину*.—Предположенія *князя Потемкина* о Польскихъ дѣлахъ съ замѣтками *Екатерины Второй*.—Планъ *князя Потемкина* о наборѣ національныхъ войскъ въ Польшѣ съ замѣтками *Екатерины Второй*.—Канцлеръ князь *Безбородко* (Опытъ разработки матеріаловъ для его біографіи) *Н. И. Григоровича*.—Черта Русской политики въ послѣдніе дни XVIII вѣка. Письмо *императора Павла* къ *С. А. Колычову* и тайный наказъ о переговорахъ съ *Бонапартомъ*.—Два письма *графини П. И. Паниной* къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія *Александра Павловича*.—Два письма изъ Лондона отъ *графа С. Р. Воронцова* къ графу *Н. П. Панину* и къ императору *Александру*.—Изъ Записокъ *П. И. Лорера* (Декабристы на Кавказѣ). Съ приложеніями стиховъ *А. С. Пушкина*, *князя А. И. Одоевскаго* и письма *А. Ѳ. фонъ-деръ Бригена* о Миннихъ въ Сибири.—Статья *И. В. Кирисевскаго* о *Баратынскомъ* съ предисл. *Н. А. Елагина*.—Семь шуточныхъ стихотвореній *С. А. Соболевскаго*.—Незданные стихи *Ѳ. И. Тютчева*.—Еще стихи *Ѳ. И. Тютчева* (Какъ ни бѣснлося здорѣе).—*Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ*. Статья *И. С. Аксакова*. Съ гравированнымъ портретомъ *Тютчева*.

ПЕРЕСЫЛКА КАЖДОЙ КНИГИ ЗА ТРИ ФУНТА, СМОТРА ПО РАЗСТОЯНІЯМЪ. ВЫПИСЫВАЮЩІЕ НЕ МЕНѢЕ ДВУХЪ КНИГЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ ПРИЛАГАЮТЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1876 ГОДА

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1876 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получить Русскій Архивъ въ 1876 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Лица, подписавшіяся на Русскій Архивъ въ книжномъ магазинѣ Базунова въ Петербургѣ, благоволятъ доставить въ Контору Русскаго Архива подписныя квитанціи вмѣстѣ съ своими адресами.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается исключительно въ Гостиномъ Дворѣ, въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя годовыя изданія Русскаго Архива 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 годовъ. Прежніе годы Русскаго Архива (1864—1870) можно получать въ С.-Петербургѣ, на Апраксиномъ дворѣ, у книгопродавца Вагвинова.

Отдѣльныя тетради Русскаго Архива 1876 г. не продаются, но отдѣльные томы (въ каждомъ по четыре тетради) можно получать, плата по **три** рубля за каждый томъ.

Заграничные подписчики къ вышеозначенной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи **2** р. **50** к.

Контора Русскаго Архива отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку изданія городскимъ подписчикамъ и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Контору Русскаго Архива (Москва, Никитскій бульваръ, домъ Дюгамеля), съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ или станція.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается—64 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к., и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ. За перемѣну городского адреса въ городской или иногороднаго въ иногородный платится 10 коп.

Жалобы высылаются исключительно въ Контору, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующей тетради изданія.

РУССКОЙ АРХИВЪ

1876.

ИЗДАВАЕМЫЙ

8.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ

1. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе *А. И. Попова*. Глава VII (Тверь объ отступленіи Наполеона.— Распоряженія къ выходу.— Тревога Москвичей.— Попытка отстоять Кремль.—Взрывъ Кремля). Стр. 369.
2. Двѣнадцатый годъ. Современные рассказы, письма, анекдоты и пр. (Москва по выходѣ Французовъ.— Грабежъ.— Крепостные крестьяне.— Посланіе къ графу Плагову.— Лодерь.— Поваръ Семеновъ). Стр. 387.
3. О медали на занятіе Москвы Французами въ 1812 году. Стр. 409. Съ изображеніемъ медали.
4. Переписка братьевъ Коростонцовыхъ о памятникѣ Екатеринѣ II въ Екатеринбургѣ. Стр. 410.
5. Выдержки изъ старой записной книжки. (Характеристики.— Мадригалы.— Прозвища.—С. С. Апраксинъ.—Спектакль во Львовѣ). Стр. 417.
6. Изъ записокъ Польскаго епископа *Бункевича* (Разговоры съ папою Піемъ IX-мъ.— Воскресенцы.— Французская церковь.— Эмигранты.— Католичество въ Пруссіи.— Оѣмеченіе Подяковъ.— Августовское епископство.— Исторія Людвигъ). Стр. 427.
7. Полякъ на службу Пугачова. Стр. 451.
8. Незаданные десять стиховъ *А. С. Пушкина* (Сообщены *И. И. Левушкинъ*). Стр. 453.
9. Записочка *Жуковскаго* къ *А. С. Пушкину*. Стр. 453.
10. *М. М. Карніолинь-Нинскій* въ Сибирскѣ. Статья *И. И. Христофорова*. Стр. 454.
11. Замятка о Карніолинь-Нинскомъ. *А. Ф. Томашевскаго*. Стр. 460.
12. О воспоминаціяхъ *О. А. Пржецлавскаго*. Статья *С. И. Сушково*. Стр. 460.
13. Поправка о графѣ *Г. В. Орловѣ*. *Г. Г. Григорьева*. Стр. 471.
14. Содержаніе и алфавитный указатель ко второй книгѣ Русскаго Архива 1876 года.

Вышла въ свѣтъ IX-я книга Архива Князя Воронцова съ гравированнымъ портретомъ (цѣна три рубля).

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА ВЪ КОМП., У ПРЯНИТЕНСКВХЪ ВОР., Д. ШЕЛОВОЙ.

1876.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать слѣдующія книги Русскаго Архива прежнихъ годовъ.

Главнѣйшія статьи во нихъ здѣсь исчисляются.

1872 ГОДЪ. *Книга первая.* (Воспоминанія Θ . П. Лубяновскаго.—Записка графа Нессельрода о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира.—Мининъ и Пожарскій, статьи И. Е. Забѣлина.—Воспоминанія А. Н. Аванасьева.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и пр.). Цѣна **4** рубля.

1872 ГОДЪ. *Книга вторая* (Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ.—Письма Поздѣва.—Письма графа С. Р. Воронцова къ графу Θ . В. Ростовчину.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки.—Письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за десять лѣтъ и пр.). Цѣна **3** рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга первая* (Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о Франціи, князя Куракина, 1810 г.—Письма Жуковскаго о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича.—Письмо жениха-Пушкина къ его тещѣ.—Политическія записки Θ . И. Тютчева.—Записки графа П. Х. Граббе.—Записки П. И. Греча.—Записки графа Г. И. Ростовцева.—Записки И. П. Сахарова.—Записки И. А. Шестакова). Цѣна **4** рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга вторая* (Записки Фокерода о Петрѣ Великомъ.—Бумаги П. А. Демидова.—Е. П. Нелдова.—Донесенія изъ Франціи графа А. И. Маркова.—Записки о 1812 годѣ, П. А. Тучкова.—Записки Фотія.—Записки А. Я. Стороженки.—Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Россія и Германія, статья Θ . И. Тютчева.—Замѣчанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича на сочиненіе г-на Берга о Польскихъ заговорахъ.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки). Цѣна **4** рубля.

1874 ГОДЪ. *Книга первая.* Осьмнадцать писемъ В. А. Жуковскаго къ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ (1826—1839) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—

(См. на слѣд. страницѣ обертки).

ФРАНЦУЗЫ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1812 ГОДУ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Избытокъ душевныхъ силъ Наполеона не соотвѣтствовалъ тѣмъ обстоятельствамъ, въ которыя онъ былъ поставленъ во время своего пребыванія въ Москвѣ. Онъ волновался, отъ одного предположенія переходилъ къ другому, и всѣ одинаково оказывались неисполнимыми. Ни время года, ни состояніе войскъ не позволяли никакихъ наступательныхъ дѣйствій. Мысли объ отступленіи не только не выносила его гордыня, но и строгія соображенія указывали, что отступленіе можетъ быть гибельно для войскъ, можетъ разрушить его господство надъ Европою, поколебать созданное имъ политическое зданіе Французской имперіи. Лишь скорое заключеніе мира, въ которомъ онъ былъ увѣренъ до Бородинскаго сраженія и который обѣщалъ своимъ войскамъ, могло спасти его отъ гибели. Но это сраженіе не походило на Ульмъ и Аустерлицъ, на Іену и Ауерштадтъ. Въ его увѣренность вкрадывалось сомнѣніе. Уступка безъ боя древней столицы Россіи не на долго подняла его надежду. Оставленіе Москвы жителями и пожары поколебали ее окончательно. Послѣдствіемъ этихъ событій, совершенно для него неожиданныхъ, былъ грабежъ, разстроившій войска, и это разстройство поддерживалось и усиливалось недостаткомъ продовольствія для людей и особенно корма для лошадей его многочисленной конницы, разрушавшейся съ каждымъ днемъ, равно и артилеріи. Такое положеніе войскъ вынудило гордаго завоевателя употреблять всѣ способы, чтобы войти въ переговоры о мирѣ. Но всѣ его попытки не имѣли успѣха. Молчаніе Русскаго императора, не удостоившаго отвѣтомъ его предложенія, и народное ополченіе были для него точно также явленіями неожиданными. Въ тщетномъ ожиданіи отвѣта, окруженный народнымъ возстаніемъ, онъ, какъ левъ, запертый въ клѣтку, долженъ былъ ходить взадъ и впередъ на тѣсномъ пространствѣ, не имѣя возможности двинуться далѣе безъ явной опасности. Пребываніе въ Москвѣ было предвареніемъ пребыванію на островѣ Святой Елены. Тѣже чувства волновали его какъ здѣсь, такъ и тамъ. Но въ Москвѣ онъ былъ для него новы и непривычны, а потому сильнѣе уязвляли его душу. Сознвая необходимость выйти изъ этого положенія, онъ не могъ однакоже рѣшиться на этотъ роковой шагъ силою собственной воли и какъ-бы ожидалъ внѣшняго обстоятельства, которое вывело бы его изъ нерѣшительнаго положенія, которое приводило его въ раздраженіе,

выражавшееся въ постоянныхъ, рѣзкихъ выходкахъ въ отношеніи къ окружающимъ его лицамъ и въ жаднѣ мщенія Россіи и Русскимъ. Такимъ внѣшнимъ обстоятельствомъ и было извѣстіе о поражениі его авангарда подъ Тарутинымъ. Оно придадо опредѣленное направление обычной его дѣятельности.

Разразившись напередъ гнѣвомъ противъ нашего главнокомандующаго, будто бы нарушившаго условія перемирія, которое во все не заключалось, императоръ отдалъ приказаніе, чтобы войска приготовлялись къ немедленному выступленію изъ Москвы, и принялся потомъ диктовать своимъ секретарямъ письма къ маршалу Бертье, который тщательно ихъ переписывалъ въ видѣ приказовъ изъ главной квартиры. Эти приказы давали направление движенію разныхъ частей войска и служили началомъ исполненія предположеній о дальнѣйшемъ ходѣ его военныхъ дѣйствій.

Въ чемъ же заключались эти предположенія? Знаменитый историкъ консульства и первой имперіи говоритъ, что Наполеонъ составилъ смѣшанный планъ дѣйствій (*imagina une combinaison mixte*), состоявшій въ томъ, чтобы напасть на Тарутинскій лагерь, выгнать изъ него Кутузова, что конечно не имѣло бы вида отступления, отбросить его на правую или на лѣвую сторону и потомъ двинуться на Калугу, приблизить къ себѣ черезъ Ельну маршала Виктора или сильную дивизію (*Barage d'Ille*), которая была уже образована въ Смоленскѣ, провести зиму въ Калугѣ, въ странѣ плодородной, *въ климатъ болѣе умѣренномъ*, сохраняя сообщенія, справа съ Смоленскомъ и съ тылу съ Москвою. На основаніи этого соображенія, Наполеонъ сохранилъ-бы обладаніе Кремлемъ, поручивъ защищать его маршалу Мортье съ 4 тысячами гвардіи и 4 тысячами спѣшенной конницы, изъ которой составлены были баталіоны пѣхоты, оставивъ тамъ самыя тяжелыя военныя принадлежности, раненыхъ, больныхъ, отсталыхъ и такимъ образомъ снабдивъ опытнаго маршала 10 тысячнымъ гарнизономъ и продовольствіемъ на 6 мѣсяцевъ. Расположившись въ Калугѣ, при *нѣкотораго рода изобиліи*, подавая руку съ одной стороны Мортье, отъ котораго онъ находился бы въ пяти дняхъ перехода, съ другой—Виктору, отъ котораго также былъ бы въ пяти дняхъ, еслибъ приблизилъ его къ Ельнѣ, Наполеонъ находился бы какъ *лаукъ* въ средоточіи растянутой сѣти, готовый двинуться всюду, гдѣ требовалась бы его помощь. Въ такомъ случаѣ онъ ничего бы не оставлялъ; напротивъ, онъ занялъ бы новыя области, утвердившись въ *лучшей* странѣ, въ средоточіи Россіи. Если имѣть въ виду совершенно *вышрпанное* сраженіе надъ Кутузовымъ у Тарутина и зиму обыкновенную по холодамъ: то это предположеніе представляло надежду на успѣхъ, не принимая даже въ соображеніе мысли о приближеніи къ Польшѣ. Въ послѣднемъ случаѣ Мортье, запасшись продовольствіемъ на десять дней, оставилъ бы Москву и спокойно пришелъ бы въ Смоленскъ, соединясь съ расположенными по дорогѣ отрядами и прикрытый присутствіемъ Наполеона въ Калугѣ.

Этотъ новый планъ, „плодъ неисчерпаемой, по словамъ Тьера, плодовитости Наполеонова ума, конечно онъ не считалъ самымъ лучшимъ, но наиболѣе сообразнымъ съ обстоятельствами“. Онъ измѣнилъ этотъ планъ, по мнѣнію Тьера, уже во время самаго отступленія изъ Москвы, узнавъ, что Кутузовъ снова возвратилъ войска въ укрѣпленный лагерь и не преслѣдуетъ Мюрата послѣ Тарутинскаго сраженія. Тогда Наполеонъ задумалъ обойти его и поэтому неволью потерялъ два дня, которые имѣли роковое значеніе въ дальнѣйшей судьбѣ отступленія ¹⁾.

Дѣйствительно, Наполеонъ потерялъ эти два дня въ первое время отступленія; но что бы могло случиться тогда, когда бы онъ не потерялъ ихъ? Едва ли историкъ имѣетъ право останавливаться на подобномъ вопросѣ. Вопросъ же о томъ, почему Наполеонъ потерялъ два дни, представляется весьма важнымъ. Едва ли возможно сомнѣваться, что онъ никогда не думалъ зимовать въ Москвѣ; но какія сложились въ его головѣ соображенія о порядкѣ отступленія изъ Москвы, послѣ неудавшихся предположеній о походѣ сначала на Петербургъ, а потомъ къ Великимъ Лукамъ,—объ этомъ нѣтъ никакихъ извѣстій. Этому никто не зналъ, кромѣ его самаго. По его отзывамъ невозможно судить о томъ. Во время совершавшихся происшествій онъ говорилъ и объявлялъ не то, что было, а то, чему желалъ чтобы всѣ вѣрили. Впослѣдствіи, на островѣ св. Елены, онъ сочинялъ исторію своихъ дѣяній также, какъ представляла своихъ героевъ Французская классическая трагедія, которую онъ считалъ болѣе вѣрною въ этихъ изображеніяхъ, нежели самая исторія. О его планахъ и предположеніяхъ можно судить единственно по тѣмъ приказамъ, которые онъ отдавалъ, чтобы приводить ихъ въ исполненіе. Эти приказы онъ началъ отдавать подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ полученнаго извѣстія о пораженіи его авангарда, вечеромъ 6 (18) Октября. До этого времени всѣ его распоряженія клонились лишь къ тому, чтобы очистить и обезпечить дорогу изъ Москвы на Можайскъ, Вязьму, Гжатскъ до Смоленска, по которой, безъ всякаго сомнѣнія, онъ отступать не желалъ.

Впечатлѣніе, произведенное на императора извѣстіемъ о Тарутинскомъ сраженіи, было весьма сильно, какъ свидѣтельствуютъ всѣ современники и очевидцы, и это несомнѣнно доказывается тою торопливостью, съ которою онъ вывелъ войска изъ Москвы и которая имѣла немаловажное значеніе. Показанія Русскихъ, находившихся въ это время въ Москвѣ, совершенно согласны съ показаніями Французовъ, свидѣтельствуютъ объ особенной поспѣшности выступленія непріятелей изъ столицы. При такой поспѣшности, естественно они захватывали съ собою и грузили на свои обозы безполезныя вещи, которыя бросали потомъ на дорогѣ. Въ тоже время они забывали о самыхъ важныхъ вещахъ, о средствахъ продовольствія, которыя и безъ того не были обильны ²⁾. Большинство

¹⁾ Thiers, Hist. de l'empire, кн. XXVII, Octobre 1812 г.

²⁾ Fezensac, Souvenirs, стр. 276—277.

Французскихъ писателей, современниковъ Наполеона и ихъ послѣдователей, увлеченные силою его военнаго генія, привыкли каждое его сраженіе считать побѣдою, особенно если послѣ сраженія непріятель отступалъ. Это правило неудобно было примѣнить, конечно, къ Тарутинскому сраженію, потому что разбитый Мюратъ долженъ былъ отступить. Но въ этихъ случаяхъ историки прибѣгаютъ къ иному средству: они выдаютъ такое сраженіе или незначительнымъ, или неимѣвшимъ никакого вліянія вообще на ходъ военныхъ дѣйствій и особенно тогда, когда непріятель не преслѣдовалъ ихъ разбитыхъ войскъ. Такимъ и выдавалъ Тарутинское сраженіе Наполеонъ въ своихъ бюллетеняхъ ³⁾. Но неважное авангардное дѣло не могло вызвать той поспѣшности, съ которою онъ вывелъ свои войска изъ Москвы и выѣхалъ самъ съ своею главною квартирою ⁴⁾. Это сраженіе имѣло иное значеніе. Оно показывало, что въ продолженіи того времени, которое Наполеонъ проводилъ въ Москвѣ въ бездѣйствіи и въ надеждѣ заключить миръ, Русскія войска, въ удобной мѣстности, снабженныя достаточнымъ продовольствіемъ, отдохнули отъ трудовъ продолжительнаго отступленія, что ихъ потери пополнены новыми и значительными подкрѣпленіями, что опытный главнокомандующій не только окружилъ непріятеля народнымъ возстаніемъ и партизанскими отрядами, но и привелъ войска въ такое положеніе, что они могли вновь начать военныя дѣйствія съ надеждою на успѣхъ. Возможность мира исчезала окончательно, и начиналась снова война. Тарутинское сраженіе было первымъ наступательнымъ дѣйствіемъ; за нимъ могли послѣдовать и другія. Князь Кутузовъ, довершивъ пораженіе уже разбитаго авангарда, могъ вывести всѣ свои войска на сообщенія Наполеона. Могъ ли же сей послѣдній продолжать свое пребываніе въ Москвѣ, въ виду такой возможности? Немедленно данный приказъ выступить изъ Москвы служить положительнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Но остается другой едва-ли не болѣе важный: какимъ образомъ Наполеонъ предполагалъ совершить отступленіе своихъ войскъ?

Вечеромъ 6-го Октября, съ неутомимою дѣятельностію онъ диктовалъ свои приказанія. Онъ писалъ Неаполитанскому королю, что „въ тотъ же вечеръ отправилъ своихъ лошадей, и послѣ завтра армія придетъ къ вамъ, чтобы идти на непріятеля и прогнать его. Нужно три дня, чтобы достигнуть до той высоты, на которой вы находитесь“ ⁵⁾. Поэтому онъ предполагалъ, что ему нужно четыре

³⁾ 25 и 26 бюллетени отъ 20 и 26 Октября в. ст.

⁴⁾ В. Peyrusse, *Mémorial*, стр. 110. Je vis beaucoup d'agitation dans le quartier-général et je ne pus me rendre compte, qu'un simple engagement d'avant-poste pût causer autant d'émoi et nécessiter notre départ.

⁵⁾ Этотъ приказъ у Шамбре (*Hist. de l'expédition*, т. III, стр. 451) и Феаа (*Manuscrit* т. II, стр. 205—206) обозначенъ 13-мъ Окт., что совершенно несогласно съ его содержаніемъ; но у Тьера онъ вѣрно помѣченъ 18-мъ Окт. 1812 г. в. ст. (*Hist. de l'empire*, кн. XXVII).

или пять дней продержаться, занимая позицію при Вороновѣ. За часъ до оставленія Кремлевскаго дворца, онъ писалъ герцогу Басану въ Вильну: „Съ выступленіемъ арміи въ походъ, завтра я рѣшу взорвать Кремль и двинуться или на Калугу, или на Вязьму“⁶⁾. Въ этой краткой, шифрованной депешѣ своему министру иностранныхъ дѣлъ, кажется, всего яснѣе выразился взглядъ Наполеона на дальнѣйшій образъ его военныхъ дѣйствій. Онъ находился въ полной зависимости отъ нашего главнокомандующаго, и все его вниманіе было устремлено на то, что предприметъ князь Кутузовъ. Пока не разъяснилось это обстоятельство, онъ потерялъ стратегическую самостоятельность (иниціативу) въ дѣйствіяхъ, которой самъ придавалъ такое важное значеніе въ военномъ дѣлѣ.

Въ тотъ же вечеръ 6 Октября, Наполеонъ далъ приказаніе маршалу Бертье увѣдомить герцога Тревизскаго, что онъ завтра оставляетъ Москву съ войсками, чтобы преслѣдовать непріятеля. Опредѣливъ войска, которыя должны входить въ составъ отряда оставляемаго маршалу Мортье въ Москвѣ, онъ поручилъ предписать генералъ-интенданту, начальникамъ инженеровъ и артилеріи оставить нѣсколько человекъ изъ своихъ чиновъ, подъ начальствомъ старшихъ офицеровъ. Съ этимъ отрядомъ Мортье долженъ былъ расположиться въ Кремль, поспѣшно укрѣпить его и вооружить. Больныхъ, которые еще тамъ находились, немедленно поручалось перемѣстить въ Воспитательный Домъ. По выходѣ войскъ изъ Москвы, маршалъ Мортье долженъ былъ печатными объявленіями извѣстить Московскихъ жителей, что слухи объ оставленіи города Французскими войсками несправедливы, что войска пошли въ Калугу, Тулу и Брянскъ, чтобы овладѣть этими важными мѣстностями и оружейнымъ заводомъ; жителямъ поручалось поддерживать порядокъ и препятствовать попыткамъ окончательнаго разрушенія города. Конечно Наполеонъ не заботился о городѣ, который онъ самъ обрекалъ на окончательное разрушеніе, отдавая этотъ приказъ маршалу Мортье; но онъ желалъ обезопасить его собственное положеніе съ оставляемыми подъ его начальствомъ войсками въ Кремль. Поэтому онъ поручалъ ему строго наблюдать за жителями, предписать, чтобы никто не выходилъ изъ больницъ и разстрѣливать всякаго Русскаго солдата, который появился бы на улицѣ и „нигдѣ не ставить малочисленныхъ постовъ, чтобы они не подверглись нападенію крестьянъ и казаковъ“. Сверхъ того Мортье долженъ былъ приложить стараніе, чтобы приготовить какъ можно болѣе продовольствія, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ и сохранить его до крайнихъ обстоятельствъ.

Начальнику артилеріи генералу Ларибуасьеру предписано было оставшіеся въ Москвѣ, по выходѣ войскъ, зарядные ящики и повозки сосредоточить въ Кремль, равно порохъ, свинецъ для пуль и заряды для ружей и пушекъ. „Можетъ быть, я возвращусь въ Москву“, писалъ Наполеонъ. Сѣру и селитру поручалось сжечь. „У меня довольно пороху“, говорилъ онъ. Всѣ магазины и сараи, находившіеся за го-

⁶⁾ Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 160.

родомъ и матеріалы, которыхъ нельзя было бы помѣстить въ Кремль, также предписывалось сжечь на другой же день утромъ. Начальнику артилеріи онъ поручалъ познакомить маршала Мортье съ полковниками артилеріи и офицерами, которые останутся въ Москвѣ. „Они должны быть помѣщены въ Кремль (заключилъ свой приказъ Французскій императоръ): имъ поручено взорвать Кремль, когда настанетъ время“. Въ тотъ же вечеръ генераль-интенданту дано было приказаніе приготовиться къ оставленію Москвы на другой день вечеромъ, подъ прикрытіемъ дивизіи Роже, но оставить и помѣстить въ Кремль нѣсколькихъ чиновниковъ по интендантской части въ распоряженіе маршала Мортье. Этотъ приказъ заключается словами: „Императоръ, имѣя намѣреніе возвратиться сюда, желаетъ сохранить главные магазины муки, овса и водки“. Только въ этихъ приказахъ начальнику артилеріи и генераль-интенданту говорится о возможномъ возвращеніи его въ Москву; но между тѣмъ вовсе не упоминается объ этомъ въ приказѣ маршалу Мортье, которому конечно болѣе всѣхъ нужно бы это знать ⁷⁾. Напротивъ, ему предписывается только поддерживать это мнѣніе въ обывателяхъ Москвы и объявлять, что слухи о совершенномъ оставленіи столицы Французскими войсками совершенно несправедливы. Цѣль этой мѣры весьма ясна: Наполеонъ опасался попытки со стороны жителей, вмѣстѣ съ вооруженными крестьянами и даже войсками, которыхъ передовые отряды находились въ недалекомъ разстояніи отъ Москвы, напасть на отрядъ Мортье, который былъ гораздо малочисленнѣе, нежели первоначально предполагалъ его составить Наполеонъ, по собственному его свидѣтельству, подтверждаемому многими современниками ⁸⁾. Сверхъ того Наполеонъ могъ опасаться, чтобъ боевые запасы и продовольствіе, которые не могли увезти съ собою войска по недостатку подводъ, не были совершенно истреблены, по его же распоряженію, и маршалъ Мортье остался бы ни съ чѣмъ. Этихъ запасовъ было весьма немного, когда императоръ поручалъ ему заготовить изъ нихъ продовольствіе, по возможности на мѣсяць, для такого незначительнаго отряда, какой оставался у маршала Мортье. Но распространяя слухъ, что онъ разобьетъ Русскихъ и потомъ возвратится въ Москву, онъ никого ни убѣдилъ, „потому что всѣмъ было извѣстно настоящее положеніе дѣлъ“, говоритъ Шамбре ⁹⁾. Поэтому множество больныхъ и раненыхъ послѣдовали за своими полками. Вмѣстѣ съ ними выѣхали изъ Москвы всѣ почти иностранцы изъ ея обывателей, и особенно Французы. Не только солдаты, но ни одинъ офицеръ и генераль не оставили въ ней своей добычи. Конечно менѣе всѣхъ этой возможности возвращенія въ Москву върилъ самъ Наполеонъ: онъ не думалъ возвращаться въ Кремль,

⁷⁾ М. Chambray, т. III, прилож. стр. 433—435; Fain, Manuscrit, т. II, стр. 208—212. Приказы 18 Окт. 1812 г. н. ст.

⁸⁾ Бюллетень 26-й отъ 26 Окт. Мортье занималъ Кремль тремя тысячами человекъ.

⁹⁾ Hist. de l'expédition en Russie, т. III, стр. 317.

наполненный порохомъ съ подведенными подъ него минами. Цѣль оставленія Мортъ заключалась единственно въ томъ, чтобы привести въ исполненіе задуманное имъ окончательное истребленіе Москвы.

Выступленіе Наполеона изъ Москвы представляло давно невиданное въ исторіи Европы зрѣлище. Оно напоминало Европѣ движенія варваровъ, разрушившихъ Римскую имперію; а Русскимъ—нашествіе Татаръ. „Мы думали, что нашему горю и конца не будетъ, говорить свидѣтельница изъ купеческаго семейства, находившаяся въ Москвѣ. Только разъ, видимъ мы, повалили полки по Крымскому мосту. Изъ оконъ нашего подвала какъ на ладони все видно. Человѣкъ десять нашихъ мужиковъ выбѣжали посмотрѣть поближе. Идутъ эти Французы настоящими нищими; не хуже насъ обносились, всѣ въ лохмотьяхъ, да обвернувшись во что ни попало. Тутъ и зипуны, и женскія юбки, и поповскія ризы, и стихари: чего хочешь, того просишь. За ними ѣдутъ пушки и фуры, и женщины тутъ же: жены ли ихъ, пріятельницы ли, ужъ Богъ ихъ знаетъ. Одна сидитъ на телѣгѣ и сама правитъ, а телѣга вѣрхомъ навьючена. Нѣкоторые солдаты верхами рѣку въ бродъ переѣзжали. Вздумала и она за ними, да и забрала въ сторону, попала на быстрое мѣсто, и стала лошадь кружиться. Солдаты уже уѣхали далеко; закричала она благимъ матомъ; а наши молодцы бросились въ бродъ, спихнули ее въ воду, а лошадь взяли подъ уздцы, вывели ее на берегъ и пустились рысью къ Остоженкѣ. А тебя, молъ, мамзель, пускай твой пріятель спасаетъ“. „Прошло около недѣли послѣ Покрова, говорить другая свидѣтельница изъ духовной семьи, видимъ мы, что Французы что-то засуетились. Слышны отъ насъ крикъ и говоръ и конскій топотъ. Страхъ насъ разобралъ; видимъ, что-то готовится; а что, не знаемъ. Всю ночь продолжался у нихъ шумъ, а мы всю ночь не спали. На другой день повалили они мимо нашихъ оконъ, по Якиманкѣ, конные и пѣшіе. Иные чучелы-чучелами смотрѣли. Навьючили на себя разнаго женскаго трепья. Шли они всѣ да ѣхали въ розсыпную, кто гдѣ попало, а не такъ, какъ обыкновенно полки идутъ стройнымъ шагомъ; а за ними ѣхали пушки, фуры и повозки. Долго они тянулись одни за другими; мы думали и конца этому не будетъ, а вдругъ—улица опустѣла. Что-же, мы думаемъ, ужъ не покинули ли они Москву?. И вѣрить не смѣемъ такому счастью“¹⁰⁾. Такіе рассказы простыхъ Русскихъ людей, подглядѣвшихъ изъ своихъ притоновъ выходъ Французовъ, совершенно совпадаютъ и съ ихъ собственными свидѣтельствами. Утренники, начавшіеся съ 6-го Октября, хотя и незначительные, уже давали себя чувствовать непріятельскимъ войскамъ, особенно потому, что они обносились и должны были всевозможными лохмотьями и одеждами, награбленными въ Москвѣ, прикрывать наготу и кутать ноги, за неимѣніемъ обуви. Конечно, все что было получше и цѣннѣе было или захвачено офи-

¹⁰⁾ Г-жи Толычевой, Разказы очевидцевъ, стр. 86—87, 99—100; Русск. Вѣстникъ 1872 г. Ноябрь, стр. 273, 285; Кичеева, изъ недавней старины, стр. 41.

церами и высшими чинами войскъ, или перекуплено ими у солдатъ. Хотя число войскъ, выступавшихъ изъ Москвы и составляло нѣсколько болѣе ста тысячъ, но немногіе изъ нихъ походили на солдатъ стройныхъ и способныхъ къ бою. Большая часть конницы была спѣшена, остальная едва могла двигаться на истощенныхъ лошадяхъ. Одна гвардейская кавалерія, простиравшаяся до 5-ти тысячъ человекъ, еще сохраняла бодрый видъ. Артилерія, несоразмѣрная по числу орудій съ количествомъ войскъ, обремененная огромными обозами съ боевыми снарядами, на изнуренныхъ лошадяхъ, хотя и представляла грозную силу, но крайне стѣсняла движеніе войскъ. Между тѣмъ, не смотря на совѣты своихъ боевыхъ сотрудниковъ, Наполеонъ не хотѣлъ оставлять орудія и думалъ увезти всѣ. Пѣхота, и преимущественно гвардейская, еще походила на стройное войско; но и то въ незначительномъ количествѣ, которое сопровождалось беспорядочными толпами солдатъ. Огромные обозы съ добычею, гдѣ, рядомъ съ щегольскими городскими экипажами, тянулись всевозможныя фуры, повозки, телѣги и одноколки, обремененныя поклажею, не только затрудняли движеніе войскъ, но и производили разстройство въ нихъ. Не одни высшіе чины и офицеры имѣли по нѣскольку экипажей, но у каждой роты и нѣкоторыхъ солдатъ были свои подводы, на которыхъ они везли запасы продовольствія и добычу. Заботясь о добычѣ, солдаты или толпились около возовъ, или, выбравъ болѣе цѣнные предметы, несли ихъ въ своихъ мѣшкахъ и ранцахъ, обременяя себя тяжелою ношею. Многія семейства иностранцевъ, опасаясь стать жертвою народнаго мщенія, добровольно отправились вмѣстѣ съ войсками. Другихъ уговорили оставить столицу Французскіе офицеры, зная, на какую участь обрекъ Наполеонъ уцѣлѣвшія въ ней зданія. Въ экипажахъ находилось поэтому много женщинъ и дѣтей; даже нѣкоторыя изъ Русскихъ обитательницъ публичныхъ домовъ и много Русскихъ крестьянъ и вообще лицъ изъ простаго народа, которыхъ заставляли нести тяжести и помогать истощеннымъ лошадямъ тащить нагруженные воза ¹¹⁾.

Императоръ Наполеонъ выѣхалъ изъ Москвы 7 Октября, рано утромъ. Отъ самой заставы по старой Калужской дорогѣ тянулись въ нѣсколько рядовъ обозы, загромаждая широкую большую дорогу. Каждый пригорокъ, каждый оврагъ и мостъ стѣсняли ихъ движеніе. Беспорядочно скопляясь на одномъ мѣстѣ, они препятствовали движенію арьергарда и разстроивали войска все болѣе и болѣе. Наполеонъ, съ своею свитою, едва могъ пробираться между обозами и войсками и медленно подвигался впередъ. Проѣхавъ около десяти верстъ, онъ остановился и, ходя взадъ и впередъ по полю, ожидалъ извѣстій отъ Мортъе, котораго положеніе его тревожило. Подозвавъ

¹¹⁾ C-te Segur, Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. II, 112—114; Fezensac, Souvenirs, стр. 277—278; M. Chambray, Hist. de l'expédition, т. II, стр. 316 и слѣд.; Fain, Manuscrit, т. II, стр. 261; Paixhans, Rétraite de Moscou, отд. III, стр. 36 и слѣд.

къ себѣ генерала Раппа, онъ сказалъ ему: „Ну, вотъ мы идемъ по Калужской дорогѣ, къ границамъ Польши и тамъ займемъ хорошія зимнія квартиры. Я надѣюсь, что императоръ Александръ заключить миръ“.—„Вы его слишкомъ долго ожидали, государь, отвѣчалъ Раппъ. Жители предсказываютъ суровую зиму“.—„А! что вы говорите о жителяхъ? У насъ сегодня 19 Октября, а какая прекрасная погода! Развѣ вы не узнаете моей звѣзды?“ возразилъ Наполеонъ. „Впрочемъ я не могъ выступить прежде, нежели отправилъ всѣхъ больныхъ и раненыхъ. Я не могъ предоставить ихъ мщенію Русскихъ“.—„Вы гораздо лучше бы поступили, продолжалъ его собесѣдникъ, еслибы оставили ихъ въ Москвѣ; а теперь, лишеныя всякой помощи, они перемрутъ на дорогѣ“.—Наполеонъ желалъ казаться спокойнымъ и увѣреннымъ въ своемъ счастіи; но, по свидѣтельству Раппа, онъ самъ не вѣрилъ тому что говорилъ, и его лице выражало крайнее безпокойство ¹²⁾.

Получивъ извѣстіе отъ Мортъе, что онъ укрѣпился въ Кремль, Наполеонъ продолжалъ путь и къ вечеру достигъ до села Троицкаго на р. Деснѣ. Авангардъ, подъ предводительствомъ вице-короля, остановился въ этотъ день у д. Витютинки; а на другой день, продолжая походъ, онъ подошелъ къ Красной Пахрѣ. Въ Троицкомъ Наполеонъ поручилъ начальнику штаба сдѣлать слѣдующія распоряженія: „Предписать маршалу Мортъе всѣхъ отсталыхъ и изувѣченныхъ солдатъ, принадлежавшихъ къ корпусамъ Даву и вице-короля и, вѣроятно, отставшихъ отъ нихъ спѣшенной конницѣ и молодой гвардіи, отправить въ Можайскъ. 22 или 23 (т. е. 10 или 11-го) Октября, въ два часа утра, поджечь магазины съ виномъ, казармы и всѣ публичныя зданія, исключая Воспитательнаго Дома и поджечь Кремлевскій дворецъ, изломать всѣ ружья, лафеты и колеса и подожечь порохъ подъ Кремлевскія стѣны“.—Когда все это будетъ приведено въ исполненіе и огонь покажется во многихъ мѣстахъ Кремля, Мортъе долженъ былъ выступить изъ Москвы по дорогѣ къ Можайску; но самому ему дожидаться, пока, черезъ нѣсколько часовъ послѣ выхода войскъ, будетъ взорванъ Кремль; а также поджечь два дома графа Ростопчина и домъ графа Разумовскаго ¹³⁾. Это распоряженіе, сдѣланное въ то время, когда для Наполеона вопросъ о томъ: возвратился ли въ укрѣпленный лагерь кн. Кутузовъ и, оставаясь въ немъ, не возьмѣетъ ли намѣренія немедленно продолжать наступательныя дѣйствія, еще не былъ рѣшенъ,—доказываетъ, что онъ никогда и не имѣлъ намѣренія возвращаться въ Москву. 25-й бюллетень великой арміи, продиктованный въ тотъ же самый день, какъ и приведенный приказъ маршалу Мортъе, показываетъ, что онъ хотѣлъ приготовить къ этой мысли общественное мнѣніе Франціи и Европы. Этотъ бюллетень выражается весьма неопредѣленно о дальнѣйшихъ движеніяхъ великой арміи. „Съ одной стороны, сказано въ немъ, укрѣпили и вооружили Кремль, и въ тоже время подвели

¹²⁾ Rapp, Mémoires, Paris, 1823, стр. 221—222.

¹³⁾ Приказъ 20 Окт. н. ст. Chambray, т. III, прилож., стр. 436—437.

подъ нимъ подкопы, чтобы взорвать его на воздухъ. Одни думаютъ, что императоръ пойдетъ на Тулу и Калугу, чтобы провести зиму въ этихъ губерніяхъ, занимая Москву гарнизономъ, помѣщеннымъ въ Кремль; другіе полагаютъ, что императоръ взорветъ Кремль и сожжетъ всѣ уцѣлѣвшія публичныя зданія; а самъ съ войсками приблизится къ Польшѣ, чтобы занять зимнія квартиры въ дружелюбной странѣ¹⁴. Дальнѣйшія подробности, объяснявшія цѣль этого движенія, т. е. чтобы приблизить къ себѣ запасы продовольствія, собранныя въ Данцигѣ, Ковнѣ, Вильнѣ и Минскѣ и находиться въ разстояніи болѣе близкомъ отъ Петербурга и Кіева, показывали желаніе дать предпочтеніе этому предположенію. „Москва не имѣетъ военнаго значенія и потеряла уже политическое, потому что сожжена и разорена на сто дѣтъ“, прибавляетъ этотъ бюллетень. Очевидно, Мортѣ оставленъ былъ въ Москвѣ, и притомъ съ гораздо меньшимъ количествомъ войскъ (какъ впоследствии заявилъ самъ Наполеонъ), съ исключительною цѣлю привести въ исполненіе его злобный замыселъ—разрушить послѣднія зданія, уцѣлѣвшія въ Москвѣ послѣ пожаровъ.

Въ тотъ же день, когда Наполеонъ отдавалъ эти приказы, онъ поручилъ своему начальнику штаба написать письмо къ князю Кутузову, повторяя тоже, что говорилъ уже Лористонъ противъ народной и партизанской войны и спрашивая, не получены ли отъ Русскаго правительства предписанія по этому поводу. Немедленно это письмо было послано съ полковникомъ Бартедеми; но вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ авангардъ и графъ Лористонъ подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы осмотрѣть новую позицію, занятую Мюратомъ послѣ Тарутинскаго сраженія. Для Наполеона нуженъ былъ не отвѣтъ князя Кутузова, въ смыслѣ котораго едва ли онъ могъ сомнѣваться; но онъ желалъ убѣдиться въ томъ: продолжаетъ ли Кутузовъ оставаться спокойно въ Тарутинскомъ лагерѣ и не замѣчается ли приготовленій къ дальнѣйшимъ наступательнымъ движеніямъ. Поэтому на другой день, 8 (20) Окт., лишь только Наполеонъ убѣдился въ этомъ и получилъ отвѣтъ Кутузова, что онъ не имѣетъ еще никакихъ предписаній изъ Петербурга, онъ повернулъ движеніе своихъ войскъ съ старой Калужской дороги на новую¹⁴). Мортѣ получилъ приказаніе, совершивъ возложенное на него порученіе, двинуться уже не на Можайскъ, но на Верею и прибыть туда къ 13 (25) числу, чтобы находиться между корпусомъ Жюно, бывшимъ въ Можайскѣ, и всею арміею, которая къ этому числу должна была прибыть въ Боровскъ. Ему поручалось присоединить къ себѣ всѣ отряды, находившіеся близъ Москвы. Маршалу Жюно предписано было двинуть изъ Можайска всѣ маршевыя полки и батальоны, конныя и пѣшіе, къ Вереѣ. Они должны были поступить подъ начальство кн. Понятовскаго, направленнаго уже туда съ своимъ корпусомъ. Самъ Жюно долженъ былъ приготовить къ выступленію свой

¹⁴) M. Chambray, Hist. de l'expédition, т. II, стр. 319—321; Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 221.—223.

корпусъ на Вязьму, по первому приказанію; напередъ ему велѣно отправить всѣхъ больныхъ и раненыхъ изъ Можайска и Колоцкого монастыря, изломать всѣ ружья и сжечь военные запасы, которые нельзя будетъ увезти съ собою. Гжатскъ долженъ быть очищенъ, лишь только корпусъ Жюно двинется къ Вязьмѣ, а изъ Вязьмы открыто сообщеніе съ главною арміею черезъ Юхновъ. Извѣщая своего маршала объ этихъ распоряженіяхъ, Наполеонъ присовокупилъ, что Мортье „безопасно сблизится съ арміею, выступивъ изъ Москвы; его могутъ преслѣдовать развѣ нѣсколько сотенъ казаковъ, потому что вся Русская армія находится еще на Калужской дорогѣ“¹⁵⁾.

Вызванный изъ Москвы наступательными дѣйствіями нашего главнокомандующаго, Наполеонъ естественно долженъ былъ прежде всего убѣдиться въ томъ, будетъ ли князь Кутузовъ продолжать эти наступательныя дѣйствія или, ограничившись поражениемъ Французскаго авангарда, отступить снова въ укрѣпленный свой лагерь. Пока не былъ рѣшенъ этотъ вопросъ, онъ ничего инаго предпринять не могъ, какъ двинуть свои войска по старой Калужской дорогѣ и, соединившись съ Мюратомъ и Бруссье, выдержать сраженіе, на которое вызвалъ бы его князь Кутузовъ. Потерявъ свободу дѣйствія, онъ конечно не могъ приступить къ исполненію какихъ бы то ни было предположеній о дальнѣйшемъ своемъ движеніи. Но лишь только онъ убѣдился, что всѣ Русскія войска спокойно находятся въ Тарутинскомъ лагерѣ, то немедленно сдѣлалъ вышеуказанныя распоряженія, которыя уже ясно обличаютъ его дальнѣйшіе виды. Онъ хотѣлъ обойти Русскія войска и занять Калугу, т. е. избѣжать сраженія. Могъ ли иначе думать такой опытный въ бояхъ и гениальный полководецъ? Если онъ говорилъ, что идетъ разбить Кутузова и съ боя открыть путь своимъ войскамъ на зимнія квартиры, то иначе онъ и говорить не могъ, чтобы поднять хотя нѣсколько упавшій духъ, не только войскъ, но даже ихъ предводителей и отвлечь глаза Европѣ¹⁶⁾. Но онъ понималъ различіе, существовавшее въ это время между войсками князя Кутузова и своею арміею, утратившею дисциплину, обремененною огромными обозами съ добычею. Эти войска могли драться и даже отчаянно защищать награбленную ими добычу, но они не могли побѣждать. Едва-ли мысль обойти князя Кутузова могла придти ему только въ первые дни отступленія изъ Москвы, когда онъ увидалъ тѣ затрудненія, которыя испытывали его войска на походѣ, и повернуть по пути еще болѣе затруднительному, по проселкамъ, на новую Калужскую дорогу. Сидя въ Москвѣ, онъ очень хорошо зналъ положеніе своихъ войскъ и, безъ сомнѣнія, тамъ уже предполагалъ обойти князя Кутузова, пройдя по новой Калужской дорогѣ; но нечаянная вѣсть о наступательныхъ съ его стороны дѣйствіяхъ вынудила его выдти изъ Москвы по ста-

¹⁵⁾ Приказъ изъ Оминскаго, 23 Окт. н. ст. Шамбре, т. III, прилож., стр. 439—440.

¹⁶⁾ 26-й бюллетень, помѣченный: Боровскъ 23 Октября н. ст.

рой Калужской дорогѣ и такимъ образомъ потерять нѣсколько дней.

Между тѣмъ Мортье заперся въ Кремль, окруживъ его на нѣкоторомъ разстояніи сильными сторожевыми отрядами и повсюду наклеилъ объявленія, чтобы никто не приближался къ Кремлю, подѣ страхомъ смерти. Вѣроятно всѣ переводчики уѣхали съ главною квартирою; поэтому объявленіе было написано на одномъ Французскомъ языкѣ. Русскіе его не понимали, и нѣкоторые поплатились жизнію за вину самаго маршала, который впрочемъ только приводилъ въ исполненіе порученіе своего императора. Въ Кремль рыли канавы, устраивали мины, наполняли ихъ порохомъ. Даже на эти работы насильно брали Русскихъ и потомъ, чтобы они не разгласили о томъ, увели ихъ съ собой изъ Москвы и отпустили съ дороги только тогда, когда послѣдовали уже взрывы. „Меня туда взяли Французы, рассказывалъ потомъ одинъ Русскій, и другихъ многихъ работниковъ изъ нашихъ привели и приказали намъ подкопы рыть подѣ Кремлевскія стѣны, подѣ соборы и подѣ дворецъ, и сами тутъ-же рыли. А у насъ просто руки не подымались. Пусть все погибаетъ, да хоть не нашими руками. Да воля-то не наша была: какъ ни горько, а копай! Окаянные-то тутъ стоять и какъ увидятъ, что кто изъ насъ плохо работаетъ, такъ сейчасъ прикладами бьютъ: у меня вся спина избита“¹⁷⁾. Московскіе жители радовались, смотря на то, что непріатели выступали изъ столицы; но ихъ смущало то обстоятельство, что часть ихъ оставалась въ Кремль. Это смущеніе скоро превратилось въ ужасъ.

Наполеонъ заявлялъ въ бюллетеняхъ великой арміи, что ему совѣтывали „сжечь всѣ оставшіяся въ Москвѣ зданія и опустошить огнемъ и мечемъ ея окрестности на 20 миль вокругъ и научить Русскихъ, что они должны были вести правильную войну, а не какъ Татары; но онъ отвергъ эту жестокою мѣру“¹⁸⁾. Составъ его войскъ былъ таковъ, что подобные совѣты могли выходить изъ его среды; но ему никто не смѣлъ подавать совѣтовъ, и если нашлись такіе совѣтники въ этомъ случаѣ, то потому только, что они знали о собственномъ намѣреніи ихъ повелителя, преувеличивая его, быть можетъ, до размѣровъ невозможныхъ къ исполненію. Напротивъ, въ его войскахъ, отъ офицеровъ до простыхъ солдатъ, нашлось много такихъ, которые не сочувствовали этой жестокой и бесполезной мѣрѣ. Свыкшись уже съ нѣкоторыми изъ Русскихъ, они предупреждали ихъ о грозившей имъ опасности. Одинъ солдатъ старой гвардіи, познакомившійся съ Бестужевымъ-Рюминымъ, пришелъ къ нему 6-го Октября вечеромъ „проститься и пожелать всякаго благополучія, какъ онъ говорилъ, потому что отдавъ приказъ на другой день съ восходомъ солнца выступить въ походъ“. Но, простившись, солдатъ просилъ проводить его и, пройдя шаговъ десять, находясь наединѣ съ нимъ, взялъ его за руку и сказалъ:

¹⁷⁾ Г-жи Толычевой, Разказы очевидцевъ, стр. 137.

¹⁸⁾ 26-й бюллетень великой арміи.

„Спасайтесь, если можете, Кремль будетъ взорванъ на воздухъ, также пушечный дворъ. Все приготовлено, даны даже приказанія убивать всѣхъ, кто носитъ оружіе и сжечь всѣ оставшіяся зданія“¹⁹⁾. Одинъ изъ лекарей Французскихъ войскъ, за нѣсколько еще дней до ихъ выступленія, совѣтовалъ Французу-эмигранту, постоянному жителю Москвы, не оставаться въ столицѣ, когда выйдутъ изъ нея Французы. „Вы сами были военнымъ, говорилъ онъ ему, а потому поймете, что я не могу объяснять вамъ подробнѣе, и сами догадаетесь, что я желалъ бы вамъ сообщить“²⁰⁾. За нѣсколько дней до выступленія, начаты были предварительныя приготовления въ разныхъ мѣстностяхъ Москвы. Въ Дѣвичьемъ монастырѣ, по свидѣтельству одной современницы, „непріатели начали вездѣ рыть канавки отъ церкви и вокругъ стѣнъ. Остановимся бывало и спрашиваемъ, что они дѣлаютъ; а они показываютъ, что и сами не знаютъ. Вдругъ прошелъ слухъ, что Бонапартъ собирается всю Москву подорвать и всѣхъ Русскихъ перерѣзать. Пошелъ батюшка къ Французскому генералу и говоритъ ему, что вотъ какіе ходятъ слухи. А генераль ему говоритъ: „уходите отсюда и молитесь за своихъ“. Когда священникъ передалъ эти слова монахинямъ, онѣ отвѣчали: „Мы дали Богу обѣтъ здѣсь жить и умереть; да будетъ Его воля! Мы отсюда не уйдемъ“. Но нѣкоторыхъ естественно пугала эта вѣсть, и онѣ оставили Москву. Въ подвалахъ подъ церковью были оставлены бочки съ порохомъ и боевыми зарядами; у самой церкви поставлена бочка съ виномъ. При выходѣ солдатъ изъ монастыря, генераль велѣлъ зажечь вино и повторилъ священнику: „уходите скорѣй и молитесь“. „Какъ вспыхнуло вино, говоритъ таже очевидица, они всѣ вонъ; а наши смотрятъ, не знаютъ со страха что дѣлать, и только Бога призываютъ на помощь. Да вдругъ опомнились и бросились вытаскивать изъ склепа пороховыя бочки и стали ихъ заливать водой. Слава Богу, что въ склепѣ-то было нѣсколько ходовъ. А вино все выгорѣло и разлилось; да къ счастью на дворѣ-то было тихо, и огненные ручьи заливали, не дали имъ добѣжать до деревянныхъ строеній. Какъ съ этою бѣдою покончили, бросились по кельямъ и церквамъ, гдѣ стояли непріатели. Тамъ во многихъ мѣстахъ была разложена солома, а въ нее воткнуты зажженные свѣчи. Богъ помиловалъ, все успѣли погасить“.

Французы, стоявшіе въ Рождественскомъ монастырѣ, выходя изъ него, на прощанье кланялись монахинямъ и другимъ обитателямъ, бывшимъ въ этомъ монастырѣ, которые выходили изъ церкви послѣ вечерни, и дѣлали имъ знаки, чтобы и онѣ уходили изъ монастыря, что онѣ сторить. Напуганныя монахини „вышли изъ монастыря, спустились на площадь, да тутъ и остановились (разсказываетъ одна изъ очевидицъ). Горитъ со всѣхъ сторонъ; пожалуй еще

¹⁹⁾ Чтенія въ Москов. обществѣ Истор. и древн. 1859 г. кн. 2, отд. V, стр. 176; солдата свали Саблѣ.

²⁰⁾ Chev. d'Yzarn, Retation etc. стр. 46.

туда зайдемъ, что и не выйдемъ. Какъ теперь помню, столпились мы всѣ подъ горой и плачемъ; все думаемъ, что вотъ-вотъ и нашъ монастырь загорится. На улицахъ пусто, словно весь городъ вымеръ. На небѣ совсѣмъ стемнѣло, только пожаръ все освѣщаетъ; вѣтеръ свищетъ, и головни сыплятся на площадь. Вдругъ пошелъ сильный дождикъ, до костей насъ промочилъ, и стояли мы подъ дождекомъ часа два²¹. „Должно быть они насъ только пострахаютъ хотѣли, замѣтила казначея. Не пойти-ли намъ назадъ во власть Божию, да осмотрѣть кельи. Перекрестились мы, да и побрели назадъ“. Нѣсколько монахинь, которыя были посмѣлѣе другихъ, вызвались смотрѣть кельи. Оказалось, что въ нѣкоторыя изъ келій была натаскана солома и въ нее были воткнуты свѣчи и зажжены. „Солома что-ли сыра была, заключаетъ таже расказщица, или просто Богъ спасъ, а догорѣли эти свѣчи и никакой бѣды не сдѣлали²¹). Какъ пришли монахини по осмотрѣ, одна свѣча еще тлѣла и дымилась“. Наканунѣ выхода непріятелей изъ Москвы и во время выхода, пока еще Мортъе оставался въ Кремлѣ, Французы, при встрѣчѣ съ Русскими, предупреждали ихъ, что Кремль будетъ взорванъ, и оставшіяся въ Москвѣ зданія сожжены. Дѣйствительно, во многихъ мѣстахъ начались снова пожары, взорваны были пороховые ящики на пушечномъ дворѣ, и только вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ и нежеланія самихъ исполнителей, не охотно приводившихъ въ дѣйствіе злую мѣру своего повелителя, эти пожары не приняли широкихъ размѣровъ. Начальникъ отряда, занимавшій зданія почтамта, получивъ приказаніе зажечь ихъ, выступая изъ Москвы, отказался его исполнить. „Другіе же, менѣе смѣлые, говорятъ современникъ, все-таки боялись оставить почтамтъ не сожженнымъ; но бывшіе тамъ Русскіе чиновники пожертвовали послѣдними деньгами и уговорили ихъ оставить это намѣреніе. Однако Французы, выходя, приказали для вида собрать предъ почтамтомъ большой костеръ дровъ и зажечь, что и было исполнено въ ихъ глазахъ“²²). Эти пожары,—начавшіеся почти одновременно съ вѣстью о томъ, что Кремль будетъ взорванъ, сожжены всѣ уцѣлѣвшія зданія и всѣ Русскіе перебиты,—подтверждали ея достовѣрность. Страхъ и уныніе овладѣли Русскими. „Это гибельное извѣстіе повергло насъ въ совершенное отчаяніе, говоритъ современникъ-свидѣтель происшествій. Вечеромъ, разсѣвшись молча по угламъ избы, съ поникшими головами, каждый изъ насъ думалъ о предстоящей смерти“²³). Но многіе конечно вышли изъ Москвы: препятствій не было, заставы не охранялись, и въ окраинахъ города показывались уже казаки и вооруженные крестьяне и перестрѣливались съ непріятельскими передовыми постами, охранявшими Кремль.

Выходцы изъ Москвы немедленно принесли эти извѣстія въ главную квартиру корпуса барона Винцингероде, которая находилась

²¹) Г-жи Толычевой, Разказы очевидцевъ, стр. 23—26, 65, 134—136.

²²) Кичеевъ, Изъ недавней старины, стр. 76.

²³) Д. Рязановъ, Воспоминанія очевидца, стр. 228—229.

въ 12 верстахъ отъ столицы, въ селѣ Чашникахъ. 8 Октября вечеромъ, Винцингероде сообщилъ ихъ своимъ сослуживцамъ. Князь А. А. Шаховской, извѣстный драматическій писатель, бывшій въ это время начальникомъ пятого полка Тверскаго ополченія, былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ и послѣ ужина, оставшись на единѣ съ б. Винцингероде, говорилъ ему, что „взрывъ Кремля, гдѣ покоятся мощи угодниковъ, поразитъ отчаяніемъ всю Россію, привыкшую почитать святыню Кремля своимъ палладіумомъ“. „Сердце генерала, по словамъ князя Шаховскаго, быстро воспаленное благороднымъ ощущеніемъ, вспыхнуло; онъ перемѣнился въ лицѣ, вскочилъ со стула и вскрикнулъ: „Нѣтъ, Бонапартъ не взорветъ Кремля. Я завтра дамъ ему знать, что если хотя одна церковь взлетитъ на воздухъ, то всѣ попавшіе намъ въ плѣнъ Французы будутъ повѣшены“²⁴⁾. Немедленно онъ распорядился, чтобы генераль Бенкендорфъ, подъ начальствомъ котораго находилась часть его авангарда, былъ готовъ къ выступленію, а самъ съ адъютантомъ, полковникомъ Нарышкинымъ, отправился къ Иловайскому 4-му, который съ двумя полками находился у самой Москвы. „Только подѣхавъ къ заставѣ, мы вспомнили, что не взяли съ собою трубача, говоритъ Нарышкинъ. Я предложилъ генералу замѣнить его бѣлымъ платкомъ, будучи увѣренъ, что непріатели поймутъ наше намѣреніе, а въ противномъ случаѣ будутъ отвѣчать намъ ружейными выстрѣлами“. Они сѣли на коней и поѣхали по Тверской съ казакомъ впереди, съ бѣлымъ платкомъ на остріѣ копья. Встрѣтившіеся съ ними крестьяне сказали, что непріятельскій пикетъ находится у генераль-губернаторскаго дома. Увидавъ его, казакъ, ѣхавшій впереди, остановился и дѣлалъ знаки, вызывая кого-нибудь изъ непріателей. Винцингероде, не видя за угломъ дома Французскаго пикета, поѣхалъ къ казаку, не смотря на то, что На-

²⁴⁾ Воспоминанія князя Шаховскаго о Москвѣ послѣ Французовъ изложены въ письмѣ къ Михайловскому-Данилевскому. Съ нѣкоторыми сокращеніями, они напечатаны въ Военномъ Сборникѣ 1864 г. № 5, стр. 69—99. Константинъ Бенкендорфъ, командовавшій частью конницы въ корпусѣ б. Винцингероде, въ донесеніи императору о его плѣнѣ, говоритъ, что онъ не имѣлъ намѣренія входить въ переговоры съ м. Мортье, что эта мысль пришла ему тогда, какъ онъ приблизился къ Французскимъ аванпостамъ, стоявшимъ по Московскимъ бульварамъ. *Son zèle et son caractère fougeux pour le service de V. M. l'a emporté; on faisait feu sur lui, et il ne se serait probablement pas avancé si près, si tous ceux qui l'entouraient ne l'engageaient continuellement à se ménager. Il dit avec humeur: qui a peur, n'a qu'à ne pas me suivre, et renvoya les casaques* (письмо отъ 11-го Окт. изъ Москвы). Л. А. Нарышкинъ говоритъ, что его цѣль состояла въ томъ, чтобы договориться съ м. Мортье, что онъ не нападетъ на него, если онъ самъ не будетъ дѣйствовать противъ него; а намѣревался онъ дѣйствовать во флангъ отступавшимъ непріателямъ (письмо къ М. Данилевскому 3-го Авг. 1836 г.), при которомъ онъ сообщилъ ему свою записку о плѣнѣ его и Винцингероде. Но, если не принять въ основаніе свидѣтельство князя Шаховскаго, то конечно поступокъ б. Винцингероде былъ бы самымъ неблагоразумнымъ (письмо кн. Кутузова къ его супругѣ отъ 23 Окт. изъ Вязьмы), на который онъ едва-ли бы рѣшился, при всей заносчивости характера.

рышкинъ просилъ его не подаваться впередъ и самъ вызывался подѣхать къ нему. „Гдѣ вы можете находиться, тамъ и я могу“, отвѣчалъ Винцингероде и внезапно очутился передъ Французскими солдатами, прицѣлившимися въ него изъ ружей. „Отѣхать назадъ уже было невозможно“, замѣчаетъ Нарышкинъ. Одинъ изъ непріятельскихъ офицеровъ согласился было послать съ донесеніемъ къ маршалу Мортъе, что явился Русскій парламентаръ; но другой немедленно захватилъ его и повелъ въ Кремль. Нарышкинъ послѣдовалъ за нимъ, не желая оставлять своего генерала въ такомъ затруднительномъ положеніи и попросилъ Французскаго офицера также отправить его къ маршалу.

„Когда меня ввели въ Кремль, говоритъ Нарышкинъ, я увидалъ, что весь гарнизонъ стоитъ подъ ружьемъ. Во дворцѣ, который занималъ маршалъ Мортъе, меня окружили его адъютанты и говорили, какъ было неблагоразумно съ нашей стороны пріѣхать безъ трубача. Показывая видъ увѣренности въ безопасности, которую начиналъ уже терять, я отвѣчалъ: „Мы пріѣхали, господа, не концерты давать; мы желали, чтобы поняли наши намѣренія и мы достигли нашей цѣли. Честь Французовъ можетъ намъ ручаться за то, что мы не попали въ ловушку“. Но я скоро разочаровался, когда меня обезоружили и ввели въ кабинетъ маршала“. Тамъ находился уже б. Винцингероде. Онъ задрожалъ, когда увидалъ входившаго Нарышкина. „Что вы сдѣлали? Вы не знаете, какъ ужасно они хотятъ поступить со мною!. Я полагалъ, что знаю Французовъ; а они, вопреки народному праву, вопреки всѣмъ правиламъ войны, хотятъ удержать меня военнопленнымъ“, говорилъ Винцингероде. „Какая бы ни была ваша участь, отвѣчалъ Нарышкинъ, я готовъ ее раздѣлить съ вами“. Винцингероде обнялъ его и продолжалъ горячо обвинять поступокъ Французовъ. Маршалъ Мортъе, по свидѣтельству Нарышкина, спокойно, безстрастно и терпѣливо слушалъ его обвиненія и наконецъ сказалъ: „Я пошлю нарочнаго къ императору; онъ рѣшитъ вашу участь; а пока пожалуйста вашу шпагу и слѣдуйте за б. Сикаромъ, который укажетъ отведенную вамъ комнату“. Мортъе иначе и поступить не могъ. Русскій генералъ лично могъ удостовѣриться, какое незначительное количество непріятельскихъ войскъ занимало Кремль. Конечно онъ могъ бы освободить этихъ Русскихъ пленныхъ по выходѣ изъ Москвы, если бы смѣлъ; но на такой поступокъ не рѣшился бы ни одинъ изъ маршаловъ, такъ сказать, въ виду самаго Наполеона.

Появленіе барона Винцингероде и его попытка вступить въ переговоры съ Мортъе конечно произвели тревогу, показавъ, что тотъ корпусъ Русскихъ войскъ, который находился подъ его начальствомъ и который Французы считали болѣе значительнымъ, нежели онъ былъ на самомъ дѣлѣ, приблизился къ Москвѣ. Поэтому предписаніе императора, отъ 8 Октября изъ села Троицкаго, успокоило маршала, давая ему возможность немедленно выступить. Въ тотъ же день ночью, чтобы скрыть движеніе, онъ выступилъ дѣйствительно, не исполнивъ, можетъ быть по случаю поспѣшности, всѣхъ

порученій, возложенныхъ на него Наполеономъ. Онъ поджегъ только дачу графа Ростопчина въ Сокольникахъ. Его домъ на Лубянкѣ остался цѣлъ. По свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ, Французы не зажгли его, уступая просьбамъ окрестныхъ жителей, которые опасались распространенія пожара на ближайшія зданія, т. е. большею частію на Французовъ и иностранцевъ, пріютившихся какъ въ самой церкви Св. Людовика, такъ и въ сосѣднихъ съ нею домахъ ²⁵). Отойдя на незначительное разстояніе отъ города, Мортъ велѣлъ выстрѣломъ изъ пушки дать условленный знакъ къ взрыву Кремля, который и послѣдовалъ немедленно, и потомъ продолжалъ движеніе къ Можайску; но на другой день, получивъ новый приказъ Наполеона, отправился на Верею ²⁶).

„А какъ Кремль-то взорвало, мы чуть не перемерли отъ страху, думали свѣта преставленіе“, говоритъ одна изъ очевидицъ ²⁷). Тревожимые ожиданіемъ новыхъ бѣдствій, Московскіе обыватели, при наступленіи ночи, ложились спать не раздѣваясь. Среди ночи раздался первый и самый сильный взрывъ. Земля заколебалась, дрогнули всѣ зданія; даже на значительномъ разстояніи отъ Кремля полопались всѣ стекла; во многихъ домахъ разошлись стѣны и рушились потолки. Внутри домовъ ничто не осталось на мѣстѣ, обывателей сбрасывало съ ихъ постелей. Ужасъ овладѣлъ ими. Всѣ бросились на улицы и площади, большею частію раздѣтые и израненные осколками стеколъ, камнями и желѣзомъ. Въ ночной темнотѣ, освѣщенной пожаромъ, начавшимся въ Кремлѣ, подъ сильнымъ холоднымъ дождемъ, слышались плачь и стоны. Невозможно было оставаться подъ открытымъ небомъ; но боялись войти въ дома, ожидая новыхъ взрывовъ, которые и послѣдовали одинъ за другимъ; но уже не съ тою силою, какъ первый. Свидѣтели-очевидцы различно опредѣляютъ число взрывовъ, и кто же могъ вѣрно сосчитать ихъ въ эту ужасную ночь, которая многимъ стоила жизни и почти всѣмъ здоровья! Но лишь только наступила мертвая тишина послѣ взрывовъ, продолжавшаяся довольно долго, многіе рѣшились отъ холода и дождя войти въ дома; но нѣкоторые до разсвѣта оставались на улицахъ и площадяхъ. Въ Грузинахъ, на лугу около церкви св. Георгія Побѣдоносца, всю ночь оставалась толпа народа. „Черезъ темъ и дымъ мы напрягали зрѣніе къ Кремлю, говоритъ одинъ изъ очевидцевъ; отъ насъ съ луга былъ виденъ Иванъ Великій; но ничего нельзя было разсмотрѣть. Стало свѣтатъ; но Кремль еще не показывался. Мы не шли въ домъ, боясь новыхъ взрывовъ и рѣшились ожидать совершеннаго утра подъ открытымъ небомъ. Наконецъ взошло солнышко, а вскорѣ послѣ показала и золотая глава Ивана Великаго. Онъ стоялъ по прежнему богатыремъ, къ нашей радости и досадѣ Французовъ или, лучше сказать, ихъ предводителя, по волѣ котораго все это дѣла-

²⁵) В...ch, Hist. de la destruction de Moscou, стр. 156.

²⁶) Приказъ 9 (21) Октября. Fain, Manuscrit, т. II, стр. 214—215.

²⁷) Г-жи Толычевой, Разказы очевидцевъ, стр. 42, 54, 100.

лось²⁸⁾. Дождь, начавшійся еще наканунѣ, безъ сомнѣнія смирилъ разрушительную силу подкоповъ подъ древнія стѣны Кремля; но, дорожа человѣческимъ достоинствомъ, мы готовы вѣрить, что Мортъе отпустилъ негодный порохъ для этой цѣли, какъ показываетъ одинъ изъ офицеровъ великой арміи²⁹⁾.

Въ это время, когда войска Наполеона отъ с. Горокъ поворачивали къ селу Ооминскому, со старой Калужской дороги на новую, шелъ дождь, — тотъ дождь, который помѣшалъ Мортъе вполне привести въ исполненіе злобный умыселъ его повелителя. Движеніе войскъ было крайне медленно и затруднительно по грязнымъ проселочнымъ дорогамъ. Къ 11-му Октября едва передовыя части достигли Боровска, а авангардъ вице-короля подвигался къ Малоарославцу. Если бы въ этомъ городѣ, также какъ въ Боровскѣ, Русскія войска не успѣли преградить пути Наполеону, то конечно онъ успѣлъ бы занять Калугу; а затѣмъ свободно располагать своими движеніями, какъ онъ предполагалъ. Но это была бы счастливая случайность, которая, по его собственнымъ военнымъ правиламъ, можетъ входить въ военныя соображенія на одну треть, тогда какъ двѣ трети должны быть основаны на точномъ расчетѣ. Могъ ли онъ рассчитывать на одной случайности свои соображенія?

Онъ и не рассчитывалъ. Заботы его объ очищеніи Смоленской дороги на Можайскъ начались ранѣе выступленія изъ Москвы. Когда для многихъ цѣль уже казалась достижимою. Въ Боровскѣ Наполеонъ говорилъ вице-королю, что весьма возможно, что придется отступать на Вязьму и Смоленскъ. Туже самую мысль онъ выразилъ въ письмѣ къ герцогу Бассано, хотя и подробно описывалъ, какъ онъ займетъ зимнія квартиры въ четырехугольникѣ между Смоленскомъ, Могилевомъ, Витебскомъ и Минскомъ, и съ открытіемъ весны начнетъ снова военныя дѣйствія на Петербургъ или Кіевъ. Но этими описаніями поручалось ему воспользоваться въ дипломатической перепискѣ съ Европейскими державами; а для личнаго его свѣдѣнія Наполеонъ писалъ: „Впрочемъ въ этого рода дѣйствіяхъ то, что можетъ случиться на дѣлѣ, не всегда соответствуетъ тому, что было предположено“³⁰⁾. Попытаться обойти князя Кутузова, полагаясь исключительно на счастливую случайность, онъ рѣшился только потому, что отступление по опустошенной дорогѣ, черезъ Можайскъ и Вязьму на Смоленскъ, ужасало всѣхъ его военачальниковъ; да и самъ онъ конечно не могъ не предвидѣть необоримыхъ затрудненій на этомъ пути. Но онъ готовился на эту крайнюю мѣру, чтобы только избѣжать сраженія. Октября 12 (24), главная квартира Наполеона оставила Боровскъ рано утромъ. Пройдя нѣсколько верстъ, замѣтили въ сторонѣ казачій пикетъ изъ 10 или 12 человекъ.

²⁸⁾ Кичеева, Изъ недавней старины, стр. 52—54; Chev. d'Ysarn, relation, стр. 46; V...ch, Hist. de la destruction de Moscou, стр. 147—150.

²⁹⁾ Отвѣты майора Шмидта на вопросы графа Ростопчина, отв. 46. Русск. Архивъ 1864 г. стр. 824; Fezensac, Souvenirs milit., стр. 276.

³⁰⁾ Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 155—157.

На нихъ напали и взяли двухъ въ плѣнъ. Въ то время, какъ ихъ допрашивали, Наполеонъ завтракалъ въ полѣ съ Мюратомъ, Бертье и генераломъ Ларибуассьеромъ. Вдругъ послышалась канонада со стороны авангарда. Оставивъ завтракъ, Наполеонъ сѣлъ на коня и поскакалъ по тому направленію ³¹⁾. Ему надо было спѣшить: началось сраженіе подъ Малоярославцемъ, окончательно указавшее, по какому пути должна была отступать великая армія.

Александръ Поповъ.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

СОВРЕМЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ, ПИСЬМА, АНЕКДОТЫ, СТИХОТВОРЕНІЯ ¹⁾.

44.

Одинъ Московскій купецъ, имя котораго мнѣ неизвѣстно ²⁾, имѣлъ въ Москвѣ собственной свой домъ. Почтенный старецъ, въ тотъ самый день, въ которой разнеслась молва о приближеніи непріятеля къ столицѣ и, слѣдовательно, объ опасности оставаться въ ней, выпроводилъ многочисленное свое семейство за заставу, а самъ воротился, чтобы взять нѣкоторую забытую имъ вещь. Онъ имѣлъ при себѣ нѣсколько тысячъ денегъ, и не думалъ пробыть долго. Между тѣмъ, какъ онъ старался тамъ и сямъ отыскать нужную ему вещь, непріятельскій авангардъ, вступя въ столицу, очутился уже и на той улицѣ, на которой имѣлъ онъ домъ. Зная безчеловѣчіе Французовъ, употребляющихъ обыкновенно жестокия насилія при малѣйшемъ имъ сопротивленіи, онъ рѣшился остаться въ своемъ домѣ, препоручивъ себя въ покровительство Бога и святыхъ Его угодниковъ. Твердая его вѣра не токмо сохранила его отъ лютой враговъ, но и доставила ему утѣшеніе—спасти двухъ невинныхъ отъ предстоящей имъ бѣды.

Въ домѣ, не весьма просторномъ, сего почтеннаго старца, отведена была квартира одному непріятельскому офицеру. Хозяинъ, не смотря на сильное отвращеніе свое къ злодѣямъ, при первомъ взглядѣ на постояльца, почувствовалъ къ нему, вмѣсто ненависти, какое-то уваженіе и не могъ понять, отъ чего это случилось. Офицеръ, съ своей стороны, тоже обнаруживалъ склонность свою къ дружеству. Вскорѣ они и въ самомъ дѣлѣ открылись другъ другу въ своихъ чувствахъ. Съ тѣхъ поръ, быть часто вмѣстѣ сдѣлалось для нихъ необходимостію. Имъ сладко было, сидя самъ-другъ въ четырехъ стѣнахъ, дѣлить свое горе и оплакивать участь подобныхъ себѣ человѣковъ. Имъ обоимъ извѣстно было все, что таилось у каждаго изъ нихъ на сердцѣ. Вы вѣрно или удивляетесь, или и совѣмъ не вѣрите моимъ словамъ? Но это сущая правда.

³¹⁾ Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 243.

¹⁾ См. выше, стр. 302.

²⁾ Рассказавшій мнѣ сей достовѣрный анекдотъ, къ сожалѣнію, забылъ имя и фамилію сего почтеннаго человѣка.

Однажды офицеръ, вошедъ къ хозяину, вмѣсто обыкновеннаго привѣтствія, просилъ ссудить его заимообразно на самое короткое время нѣкоторою суммою денегъ. Не говоря ни слова, для чего ему такъ нужны деньги, увѣрялъ только, что имѣетъ въ своемъ обозѣ довольно золота, чтобы оплатить сей долгъ. Отказать ему въ его просьбѣ, вы сами согласитесь, никакъ было невозможно; ибо онъ могъ, отложивъ учтивости, отобрать у старца всѣ деньги насильственнымъ образомъ. Но мы не должны думать такъ низко о семъ офицерѣ, который кажется человѣкомъ съ честными правилами и съ совѣстію. При всемъ томъ проходятъ три дни, а заимодавецъ не удовлетворенъ еще. На четвертый является офицеръ и дѣлаетъ совсѣмъ неожиданное предложеніе, — какъ бы вы думали! — бѣжать вмѣстѣ съ нимъ изъ Москвы. Мы очень рады такому предложенію, но тутъ потребна великая осторожность, чтобы не попасться въ когти хищныхъ Франнузовъ: „И! дѣло сдѣлаемъ“, отвѣчалъ офицеръ. „Я имѣю, продолжалъ онъ, съ полсотни приверженныхъ ко мнѣ солдатъ, которые меня не оставятъ и не выдадутъ. Смотри же. Ужо ввечеру я пришлю къ тебѣ на дворъ свою фуру, а въ ночь мы должны быть на свободѣ“. Фура привезена въ свое время. Старецъ ожидаетъ лишь прибытія самого офицера. Черезъ полчаса онъ прибѣгаетъ и, озираясь во всѣ стороны, произноситъ съ робостію: „Ну братъ! пропали мы. Наше намѣреніе открылось. Спасайся бѣгствомъ, коли не хочешь быть разстрѣлянъ. Говорить теперь съ тобою болѣе не могу. Прощай!“ и ускользнулъ со двора.

Почтенный старецъ долженъ былъ, хотя и съ опасностію своей жизни, послѣдовать благоразумному его совѣту. Благодареніе судьбамъ, онъ, никѣмъ невидимый, благополучно выбрался на свѣжій воздухъ. На другой день, будучи уже верстъ за сорокъ отъ Москвы, видитъ на полѣ толпу крестьянъ. Любопытство заставило его подойти къ нимъ. Спрашиваетъ: чтѣ тутъ такое? Бездѣлица. Крестьяне поймали двухъ бусурмановъ и готовы были подчивать ихъ за ихъ ласки, какъ водится, не хлѣбомъ и солью, а напередъ дубьемъ. Старецъ всматривается прилежниѣ въ лица Франнузовъ, и что же? въ одномъ изъ нихъ узнаетъ своего бывшего постояльца. Слезы навернулись на глазахъ его. Продравшись сквозь толпу, онъ бросается къ нему въ объятія и крѣпко прижимаетъ его къ своему сердцу. Разказавъ свою исторію крестьянамъ и увѣря ихъ, что это не Французъ, а честный Испанецъ, освободилъ какъ его, такъ и другаго бывшего съ нимъ Испанца отъ побоевъ, которые легко могли бы причинить имъ и смерть.

45.

Во время пребыванія Наполеона въ Дрезденѣ, предъ начатіемъ прошлогодней кампаніи, король Саксонскій въ разговорѣ съ нимъ замѣтилъ, что предстоящая кампанія будетъ стоить множества людей. „Вѣроятно, отвѣчалъ деспотъ, но я могу ежемѣсячно *тратить* (*dépenser*) двадцать пять тысячъ человѣкъ!“ Ужасный отвѣтъ государю, извѣстному своимъ челоувѣколюбіемъ, который видѣлъ себя въ необходимости предать множество своихъ подданныхъ сей адской *тратѣ*.

46.

Положеніе Москвы послѣ непріятели.

(Писано въ Февралѣ 1813):

По желанію вашему, л. д. увѣдомляю васъ, что матушка наша Москва потерпѣла отъ нашествія Франнузовъ неменьше, какъ Лиссабонъ нѣкогда отъ землетрясенія. Теперь она представляетъ обширное пожарище, на коемъ торчатъ однѣ печныя трубы, куча камней, развалинъ и глыбъ зем-

ли, обрушенной взрывами, и сіе зрѣлище приводитъ каждого въ содроганіе. Теперь уже невозможно сказать сынамъ сей древней колыбели и гробницы Русскаго дворянства, съ любезнымъ ея стихотворцомъ:

Что матушки Москвы и краше и милѣ!

Теперь всякой скажетъ: что матушки Москвы печальнѣе, унылѣе, огорченнѣе? Что можетъ сравниться съ ея раззореніемъ? какую замѣну можно сдѣлать ея потерямъ? кто возвратитъ ей сіи гордыя башни, омытыя кровію нашихъ предковъ? кто гробы праотцевъ нашихъ, кто благолѣпные храмы наши приведетъ въ первобытную ихъ цѣлость? Все погибло невозвратно. Произведеніе *мира* и *обилія*, ненарушаемое 200 лѣтъ сряду, погубило въ одинъ мѣсяць! Все пало отъ меча и огня новыхъ Гогоевъ, новыхъ Татаръ! Но и Татары (въ 1240 г.) въ мрачныя времена, кои привыкли мы называть *непросвященными*, народы кочующіе и почти дикіе, не поступали такимъ образомъ въ Кіевъ и во Владимірѣ. Одни Французы превзошли неистовствомъ самихъ Американцовъ, Антропологовъ и дозволили себѣ все то, до чего только можетъ довести необузданность подлой черни, когда она, неся въ рукѣ мечъ или дубину, напьется по горло и не помнитъ ни Бога, ни Государя, ни чести, ни нравовъ, ни правъ народныхъ; когда сволочъ сія уподобится, такъ сказать, скотамъ, валяющимся въ тинѣ и находящимъ роскошь свою въ мерзости, сладость въ гнусности, удовольствіе въ неистовствѣ! Но станемъ говорить безъ разсужденій; ибо нѣтъ мѣста разсужденію при видѣ толикихъ беззаконій, бѣшенства, наглости, буйства. Перо обливается кровью, всякій разъ, когда примешься описывать сія бѣдствія.... Но... не будемъ тужить! Съ нами случилось по словамъ пророка: „отъ лица гнѣва Твоего, Боже, мы раста- „яли какъ воскъ; вспяты были и пали; нынѣ же возстали и исправились; „слава силѣ твоей, Господи!“ Мы несчастіемъ своимъ приобрѣли общее благополучіе; мы въ развалинахъ Москвы погребли кости враговъ нашихъ; огнемъ ея пожаровъ истнннлись нечестивые трупы ихъ; мы были поруганы, но мы одержали верхъ; мы пожертвовали миліонами столицы беззащитной, и на поляхъ славы, тамъ, гдѣ грабители могли защищаться, мы гнали ихъ, какъ стадо скотовъ, гнали безчестно отъ воротъ Москвы, чрезъ тысячу верстъ, и усѣяли поля наши ихъ трупами! Ангель-отмститель пламенникомъ своимъ погонялъ въ тылъ нечестивое войско новаго Синахериба и остатки его посѣкъ на брегахъ Нѣмана! Слава великому Спасу, коему созидается храмъ въ душахъ нашихъ и на пепелищѣ матушки Москвы. Слава юному Александру, преборовавшему стараго, посѣдѣвшаго въ козняхъ; слава Русскому храброму воинству и вождю его! Богъ возвеличилъ ихъ надъ всѣми и удивилъ вселенную. Неслыханно еще, чтобъ какой нибудь полководецъ, — естлибъ онъ былъ и прямой Донъ-Кихотъ — потерялъ сто тысячъ войска въ шесть мѣсяцовъ, для того только, чтобъ имѣть пустую славу — взять Москву; но Бонапартъ, который былъ идолъ Европы и чудо военнаго искусства, для сего только погубилъ болѣе полу-миліона храбрыхъ сыновъ Европы. Никогда не была кампанія глупѣе сей кончена; никто не упалъ свысока такъ низко; ни самъ Дарій, который гналъ Персовъ стадами, какъ овецъ на убой, не сдѣлалъ такихъ ребяческихъ ошибокъ. Что дѣлалъ Бонапартъ 40 дней въ Москвѣ? чего ожидалъ? на что надѣялся? чѣмъ занимался? Точно на него нашель нашъ Русской *столбнякъ*, послѣ такого *тумака* (извините выраженіе!), какой получилъ онъ при Бородинѣ! Говорятъ, когда льва поймаютъ въ яму, въ ту первую минуту смятенія его можно надѣть на него нарыльникъ и вести хоть за ниточку; такъ и съ Бонапартомъ; но я не хочу равнять его, сего изверга рода человѣческаго, съ великодушнымъ

царемъ звѣрей. Я поговорю съ вами о сихъ 40 дняхъ послѣ; теперь обратимся къ настоящему предмету.

Кремль, послѣ бѣгства изъ Москвы Французовъ, которые подорвали его, былъ запертъ для входа, и во все время, кромѣ гауптвахты, никто не входилъ туда. Но теперь уже пускаютъ, и я третьяго дня былъ въ ономъ. Какая печальная картина! Колокольня *Ивана Великаго*, или лучше сказать, пристройка къ высокой башнѣ, на коей висѣли самыя большіе колокола и подъ коюю находилась наспротивъ Грановитой Палаты гауптвахта, вся взорвана на воздухъ и представляетъ печальный остатокъ разрушенія. Башня хотя и устояла, но повреждена, почему необходимо нужно и ее сломать. *Арсеналъ* отъ самыхъ *Никольскихъ воротъ* и до половины собственно своихъ, съ угольною башнею, что къ *Тверской* и съ частію *Никольской башни*, также подорванъ, причѣмъ вся желѣзная крыша арсенала до самихъ *Троицкихъ воротъ* сорвана; а пушки, стоявшія вокругъ онаго, и въ томъ числѣ большая у самихъ воротъ его, по причинѣ тяжести своей, остались на мѣстахъ. Отъ *Никольскихъ воротъ* и до арсенальныхъ, все завалено взрывомъ. *Кремлевская стѣна*, отъ Москворѣцкаго моста, вдоль по набережной, взорвана въ трехъ мѣстахъ, отъ чего и желѣзная рѣшетка набережной сбита въ рѣку; угольная же башня къ Каменному мосту, такъ называемая *водозводная*, взорвана совершенно и большею частію обрушилась въ рѣку. Прочія Кремлевскія башни и стѣны цѣлы. Всего удивительнѣе, что при взрывѣ колокольни *Ивана Великаго*, всѣ соборы, которые довольно близко стоятъ, нисколько не повредились, выключая оконъ, изъ коихъ, отъ сильнаго потрясенія, даже и за *Кузнецкимъ мостомъ* не осталось ни одного цѣлаго. *Грановитая Палата* и дворецъ, гдѣ жилъ *Бонапартъ*, сожжены; архіерейской же домъ и прочее все цѣло. *Университетъ*, его пансіонъ, прекрасной *Пашкова домъ* съ фонтанами, *Апраксина* и прочіе знатнѣйшіе дома, театръ, домъ *Благороднаго Собранія*, *Англійскій клубъ*, и проч. всѣ сожжены. Изъ Кремля увезено было Французами, вмѣсто трофеевъ: крестъ съ *Ивана Великаго*, вышиною въ три сажени, обитый весь серебряными вызолоченными листами, который прошлаго года, вмѣстѣ съ главою, былъ вновь позолоченъ и стоилъ 60,000 рублей; стоявшій на *Сенатскомъ куполѣ мѣдный канъ*, изображающій Московскій гербъ и такой же *двуглавый орелъ*, снятый съ башни виннаго двора. Все сіе отбито; но гдѣ теперь находится, не знаю, равно и того— что происходило въ соборахъ, когда сіи неистовые отверзли врата ихъ: это тайна, которой здѣсь никто не знаетъ, да и они до сихъ поръ закрыты. Знаю только, что какъ всѣ сокровища царскія, подъ названіемъ *Оружейной Палаты*, такъ равно и вся *соборная ризница* съ богатѣйшими иконами Богоматери *Владимірскія*, *Иверскія* и прочими, были вывезены заблаговременно; ризница же привезена изъ Вологды на 120 подводяхъ, что я самъ своими глазами видѣлъ. *Сохранившая казна* Воспитательнаго Дома, простирающаяся до 30 милліоновъ руб., также подъ прикрытіемъ караула, была отправлена заблаговременно, равно и прочія присутственныя мѣста съ ихъ денежными суммами: слѣдственно, жадные грабители не поживились, какъ полагали. Воспитательной Домъ цѣлъ и служилъ убѣжищемъ болѣе 6 тысячъ несчастныхъ, кромѣ собственно своихъ; однако и его большіе возрасты мальчиковъ и дѣвицъ, равно и всѣ институтскія дѣвицы, вывезены благополучно. Всѣ вообще монастыри и церкви разграблены и даже сожжены; да и въ уцѣлѣвшихъ отъ пожара домахъ ничего не осталось неповрежденнаго. Говорятъ, что *Бонапартъ*, предъ выходомъ своимъ, велѣлъ не только взорвать весь Кремль и сжечь остальные дома, но и всѣхъ жителей перерѣзать до послѣдняго, что самое даже Французскіе офицеры, изъ сожалѣнія къ обывателямъ, изъясняли слова-

ми, пантоминами и даже записками; однако, когда они стѣснены были со всѣхъ сторонъ и сами, то за поспѣшностію не успѣли совершить сего послѣдняго варварства. Въ прочемъ остервенѣніе сихъ людей противъ подобныхъ себѣ до того простиралось, что они, отрѣзавъ у двухъ чело-вѣкъ головы, прикладывали ихъ попеременно съ одного туловища на другое и тѣмъ забавлялись. Старухъ 60 лѣтнихъ и 10 лѣтнихъ дѣвочекъ они хватали безъ разбору. Когда Французъ встрѣчалъ на улицѣ женщину, то останавливалъ ее, подымалъ платье на голову и обыскивалъ. Бude находилъ зашитыя въ сорочкѣ деньги, или крестъ серебряной на шеѣ, серьги, кольца на рукахъ: то все исправно обиралъ или, остановивъ и схвативъ за пазуху женщину и разорвавъ сверху до низу платье и рубаху, тоже дѣлалъ; шубы, салоны и капоты снимали безъ разбору, нисколько не заботясь о наготѣ несчастныхъ, безъ одежды и безъ куска хлѣба скитавшихся толпами по разграбленному и въ конецъ разоренному городу. Прибавьте къ сей картинѣ еще и то, что весь сей бѣснующійся народъ представлялъ изъ себя пречудный маскарадъ: здѣсь встрѣчался усатой гренадеръ въ священническихъ ризахъ и въ треугольной шляпѣ; тамъ въ женскомъ салопѣ и съ эпитрахилемъ на шеѣ; здѣсь въ женской мантиліи, въ шароварахъ и съ каскою; тамъ въ бѣломъ плащѣ и съ алымъ кокошникомъ на головѣ; вотъ еще въ дьяконскомъ стихарѣ; тутъ верхомъ въ монашеской рясѣ съ краснымъ перомъ на шляпѣ; здѣсь куча солдатъ въ женскихъ юбкахъ, завязанныхъ около шеи; и однимъ словомъ—Французы *арлекиниствовали* отъ избытка сердца своего и ругались всѣмъ на свѣтѣ. Представьте при сей пестротѣ наряда разбросанныя по улицамъ убитыя и обгорѣвшія человѣческія тѣла и мертвые лошадиныя трупы; присоедините къ тому бѣгающихъ, вагихъ женщинъ, вопль и стѣваніе, ненастную погоду, немѣнныя пристанища и голодъ: то все еще картина будетъ недостаточною! Надобно прибавить, сколько при всемъ этомъ варварствѣ народъ Французской показывалъ легкомыслія. Вотъ они грабятъ, жгутъ, убиваютъ, отягощаютъ ношами захваченныхъ ими въ плѣнъ гражданъ, глупѣйшимъ образомъ наряжаются, и въ то самое время, когда городъ со всѣхъ сторонъ объятъ пламенемъ, даютъ на театрѣ г-на Познякова Французскую комедію, и всѣ опрометью бѣгутъ наслаждаться театральнымъ зрѣлищемъ, иные пѣшкомъ, другіе верхами на лошадаяхъ! Этого мало: собираютъ церковныя свѣчи, иллюминуютъ дома и даютъ балы; вальсируютъ безъ памяти другъ съ другомъ и наконецъ пристають къ нѣкоторымъ изъ нашихъ и спрашиваютъ: *Où sont vos barines?* гдѣ ваши барыни? *Où sont vos demoiselles?* гдѣ ваши дѣвицы? и сожальютъ, что нѣтъ женщины, съ кѣмъ бы имъ можно было хорошенько поплясать.—Касательно грабежа, утонченіе Французовъ въ семъ родѣ достигло до высокой степени. Не осталось такой пытки, которой бы они не употребили, чтобы допросить, гдѣ чье имѣніе зарыто и запрятано; вездѣ рубли и копали! Ежели проносили въ гробъ мертвое тѣло для погребенія, то останавливали и осматривали оное; даже самыя могилы разрывали въ чаяніи найти сокровища. Но и въ семъ случаѣ, одинъ анекдотъ показываетъ превосходство Англійскаго твердаго ума надъ Французскимъ легкомысленнымъ. Одинъ живущій въ Москвѣ Англичанинъ, по долгому размысленіи, не зналъ, какъ спасти свое имущество. Уже во время нашествія Французовъ, онъ вырылъ глубокую яму, опустилъ на дно свои сундуки и засыпалъ землею; потомъ, оставя пустаго мѣста до поверхности на два аршина, положилъ туда мертваго Французскаго солдата. Французы, примѣтивъ, что на семъ мѣстѣ запрятано имущество, начали отрывать и, увидя тотчасъ по вскрытіи земли своего мертваго собрата, оставили работу, думая, что тутъ кромѣ мертваго ничего болѣе не было.

Такимъ образомъ Англичанинъ спасъ свое имѣніе.—Извѣстно, что Французы заняли Москву 2 Сентября и были тамъ по 11 Октября. Сіе время можно назвать глубокою осенью. Когда городъ былъ превращенъ въ пепель пожаромъ и, слѣдовательно, по утушеніи его не освѣщенъ фонарями, то въ осеннія, глубокія и темныя ночи, жители Москвы убивали Французовъ великое множество: видали ихъ въ колодези, подвалы, погребы, пруды и другія мѣста. Сіе доказывается и тѣмъ, что дѣйствительно во всѣхъ церквахъ Французы дѣлали, даже подъ самыя высокія окна, нары на подмосткахъ и, взобравшись на оныя, сидѣли по цѣлымъ ночамъ при огнѣ, не смѣя показаться на улицу. Отъ сего произошла скрытная война, такъ что Французовъ били наши по ночамъ; а днемъ либо прятались въ подземелья, либо были убиваемы въ свою очередь Французами. Только говорятъ, что Бонапартъ не досчитался въ Москвѣ болѣе 20 тысячъ чело-вѣкъ. Теперь правительство принимаетъ въ семъ случаѣ дѣятельныя мѣры; уже сожжены, говорятъ, почти всѣ мертвыя тѣла, и не можно опасаться дурныхъ послѣдствій. Повторяю: Москва не представляетъ уже первобытнаго своего блеску. Нѣтъ экипажей, нѣтъ дворянства. Монахъ Екаторины при пожарѣ упалъ, но сохраненъ въ кладовой; въ дворянствѣ же славнаго нашего Благороднаго Собранія, перваго клуба въ Россіи, теперь сдѣлана лавочка, гдѣ продаются лапти, кульки, веревки и прочее.... Охотный рядъ есть базаръ изъ возовъ; на *Красной площади*, по обѣимъ сторонамъ, построены въ два ряда деревянные лавочки, на подобіе бывшихъ хлѣбныхъ и табачныхъ. Сухопутныхъ товаровъ, также посуды, сахару, чаю и прочаго еще мало, но мѣняльщиковаго серебра и серебряныхъ денегъ очень много. Причина сему та, что всякой купецъ изъ серебрянаго ряду могъ въ одномъ мѣшкѣ унести все съ собою; по крайней мѣрѣ, я такъ думаю. Фабрикъ цѣлыхъ осталось мало; однако *Чороковыя* уже дѣйствуютъ.

47.

При вторженіи Французовъ въ предѣлы Россіи Владимірское дворянство, по примѣру всѣхъ соотчичей, собралось въ губернской городъ для составленія временнаго ополченія. Въ числѣ дворянъ Переяславской округи явился отставной гвардіи прапорщикъ *Н. И. Барыковъ*, шестидесяти трехъ лѣтъ, украшенный почтенною сѣдиною, съ сыномъ своимъ подполковникомъ *А. Н.*, служившимъ недавно въ учебныхъ гренадерскихъ батальонахъ маіоромъ и уволеннымъ отъ службы за болѣзнію. Не смотря на мучащія его жестокіе ревматизмы, принялъ онъ на себя должность батальоннаго командира; почтеннаго же отца его все дворянство единогласно освободило отъ тягостей службы, лѣтамъ его не соотвѣтствующей. Онъ выслушалъ такое уважительное опредѣленіе. Вдругъ любовь къ Отечеству воспламенила сердце и лице его. „Какъ!“ сказалъ онъ наконецъ: „развѣ я не дворянинъ! Если не могу по лѣтамъ моимъ снести службы фронтальной, то поручите мнѣ должность квартирмистра. Честность моя вамъ извѣстна. Довѣрьте мнѣ сіе: я вмѣстѣ съ другими хочу доказать неистовому врагу, что и старцы ополчаются на защиту любезнаго Отечества!“ Всѣ присутствующіе, удивляясь духу старика, поручили ему должность, которой онъ просилъ. Онъ отправляетъ ее понынѣ въ батальонѣ, состоящемъ подъ командою сына его, показывая собою примѣръ послушанія начальству и подчиненности сотоварищамъ своимъ, молодымъ офицерамъ. Почтенный старецъ не хочетъ никакъ вѣрить великодушію своего поступка и утверждаетъ, что сдѣлалъ единственно то, чему его научили сердце и привязанность къ Отечеству. Сверхъ того должно замѣтить, что онъ имѣетъ состояніе самое посредственное и обремененъ семействомъ, требующимъ отъ хозяйства его своего содержанія.

48.

Крестьяне подмосковной деревни *Планковой*, при набѣгахъ Французовъ на окрестную сторону, забрали все свое имущество и удалились съ нимъ въ лѣсъ. Тамъ пробыли они около недѣли; наконецъ соскучилось имъ сидѣть въ глуши, и они рѣшились освѣдомиться, что происходитъ въ ихъ деревнѣ. Эту комиссію препоручили они одному восьмидесятилѣтнему старику, съ примѣчаніемъ: „тебѣ, дѣдушка, и такъ не долго жить; убьютъ тебя злодѣи, не великая бѣда!“ Старикъ приблизился къ деревнѣ, увидѣвъ, что въ ней Французы и кинулся назадъ въ лѣсъ; но они его примѣтили, схватили, привели въ избу и начали допрашивать. Старикъ отговаривался тѣмъ, что не понимаетъ ихъ. Они немедленно привели переводчика, Поляка, который сталъ спрашивать: „гдѣ крестьяне, куда дѣвали они пожитки свои?“ и т. п. Въ этой крайности старикъ рѣшился притвориться глухимъ. На всѣ вопросы Поляка отвѣчалъ онъ: „я рѣшюкъ на ухо, не слышу, батюшка! изволь сказать погромче! ась? не слышу!“ Полякъ кричалъ, что есть мочи; старикъ просилъ, чтобъ онъ говорилъ громче, указывая на ухо. Начали его бить, таскать по полу; онъ не переставалъ кричать со слезами: „Воля ваша, господа! не слышу! говорите громче!“ Наконецъ поставили его въ уголь и стали колоть въ грудь штыкомъ. Старикъ пребылъ твердъ; ожидая смерти, крестился и молилъ Бога, да приметъ душу его; а непріятелей увѣрялъ, что никакъ не слышитъ ихъ. Наконецъ они ему повѣрили и, наплевавъ ему въ лицо, вытолкали изъ избы и изъ деревни. Старикъ дотащился большимъ врюкомъ до лѣсу и весьма хладнокровно сказалъ крестьянамъ: „не ходите въ деревню! тамъ злодѣи-Французы!“ — Теперь онъ выздоровѣлъ отъ ранъ своихъ, но на всемъ тѣлѣ, особливо на груди его, колотой штыкомъ, остались знаки его геройской твердости. Крестьяне показываютъ сего почтеннаго старца всѣмъ проѣзжимъ, называя его своимъ отцемъ и благодѣтелемъ.

49.

При вторженіи Французовъ въ городъ Вязьму, семнадцать человѣкъ Фр. мародеровъ вошли въ *Николы-Погорольво*. Дворовой человѣкъ господина Б., помѣщика того села, увидѣвъ приближающихся непріятелей, тотчасъ о томъ извѣстилъ находившихся тутъ женщинъ; нѣкоторымъ велѣлъ спрятаться, а другихъ послалъ собирать людей; самъ же, взявъ ружье, засѣлъ во рву въ небольшой рощѣ при самой дорогѣ, гдѣ имъ надлежало проходить; а другаго человѣка поставилъ наискось, на противной сторонѣ, за угломъ оранжереи. Едва Французы съ нимъ поровнялись, онъ выстрѣлилъ и ранилъ двухъ: Фр. смѣшались отъ неожиданнаго приѣма, и въ тоже время другой человѣкъ, не давъ имъ опомниться, также выстрѣлилъ и ранилъ одного. Съ симъ выстрѣломъ выскочили оба изъ-за своихъ засадъ и закричали на нихъ: пардонъ! Французы такъ испугались, что кинули ружья, сбросили съ себя всю тяжесть и пустились бѣжать; но храбрецы наши догнали ихъ, и при помощи подоспѣвшихъ къ тому времени крестьянъ, всѣхъ ихъ переловили. Спасенныя ими женщины собрали по возможности своей нѣсколько денегъ и предложили оныя имъ въ награду, но они ихъ не приняли, говоря: „Мы не за деньги исполняемъ долгъ свой: возьмите вилы, косы и, если покажутся Французы, послѣдуйте намъ—вотъ вся награда!“

50.

Помѣщичьи оброчные крестьяне Нижегородской губерніи, узнавъ, что баринъ ихъ (А. И. Д....ъ) принужденъ удалиться въ Нижній-Новгородъ

съ больною своею женою, чтобъ не попасться въ руки неистовыхъ Французовъ и услышавъ при томъ, что онъ въ семь городъ не имѣеть пристанища, рѣшили сами отъ себя сторговать порядочной домъ и, купивъ оный за 3000 рублей на собственные свои деньги, предложили помѣщику своему остановиться въ ономъ домѣ съ его семьею. По прогнаніи Французовъ, больная жена сего помѣщика, желая возвратиться въ Москву, не смѣла отправиться въ дорогу безъ того врача, который ее пользовалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, и который сею поѣздкою лишился бы получаемого имъ дохода отъ вольной практики. Крестьяне, узнавъ о семъ и будучи свѣдомы о недостаточномъ въ то время положеніи помѣщика ихъ, явились къ г. М...у, предложили ему довольно значительную цѣну и 12 лошадей подъ его экипажъ и семейство, и убѣдили его ѣхать съ помѣщицею ихъ, говоря ему слѣдующее: „Не оставь батюшка матери нашей въ такомъ болѣзненномъ положеніи. На тебя наша вся надежда“. Когда же пришло время къ отъѣзду, то помѣщикъ, стараясь не обременять сихъ примѣрныхъ крестьянъ излишними поборами, назначилъ съ нихъ для подъема его семьи и цѣлаго дома какъ можно менѣе лошадей. Но крестьяне, исчисливъ, что ему необходимо нужно будетъ 40 подводъ, поставили оныя, и довели такимъ образомъ помѣщика и жену его безмездно въ Москву. Здѣсь крестьяне начали новый уже споръ съ помѣщикомъ. Не думайте однакожъ, чтобъ этотъ споръ состоялъ въ тяжбѣ противъ господина, какъ то бываетъ въ *просвѣщенныхъ* земляхъ. Нѣтъ! совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, а вотъ въ чемъ. Помѣщикъ, полагая цѣны, которыя должно бы было заплатить вольно-наемнымъ извозчикамъ, насчиталъ отъ Нижняго до Москвы на 40 конныхъ подводахъ до 2200 рублей; но крестьяне не только не взяли сихъ денегъ, но и объявили помѣщику, что они было приготовились поклониться ему 20 тысячами рублей, на обзаведеніе его дома послѣ Московскаго разоренія; но какъ съ нихъ скоро очень потребовали казенныя подати и другія повинности, то они принуждены были означенныя деньги употребить на сіи предметы, примолвивъ къ сему слѣдующее: „небось, батюшка-кормилецъ, мы скоро-де другія соберемъ и ими тебѣ челомъ ударимъ!“⁴ Таковой поступокъ дѣлаетъ честь крестьянамъ и помѣщику, и сей послѣдній не иначе о томъ рассказываетъ какъ со слезами истинной благодарности и искреннимъ чувствомъ дружбы къ столь почтеннымъ и великодушнымъ крестьянамъ. Благочестивый Русскій человекъ, въ простотѣ сердца своего, слушая истинную сію, а не выдуманную повѣсть, скажетъ: вотъ плоды родительскаго семейнаго правленія! Просвѣщенный Европейецъ отнесетъ поступокъ сей къ невѣжеству, глупости и рабству нашего народа. Спрашивается: кто изъ нихъ правъ?

51.

По полученнымъ здѣсь извѣстіямъ, сожжено въ губерніяхъ *Московской, Витебской и Могилевской* 253,000 непріятельскихъ тѣлъ. Въ одномъ же городѣ Вильнѣ и окрестностяхъ его на двѣ версты 53,000.

52.

Московскій первой гильдіи купецъ *Иванъ Семеновичъ Живовъ* производилъ торговлю на многіе милліоны не только въ обѣихъ столицахъ, но и по всей имперіи Россійской. При обширныхъ занятіяхъ своихъ извѣстенъ онъ былъ всѣмъ своею честностію, праводушіемъ и благотворительностію къ ближнимъ. По твердости духа, которая отличаетъ всѣ его дѣянія, онъ негодовалъ, что многіе изъ подобныхъ ему оставляли матушку-Москву, кормилицу свою, въ то еще время, когда не было никакой

опасности, и рѣшился пробывать въ ней до послѣдней возможности. Гроза вдругъ разразилась надъ столицей. Ж. употреблялъ всѣ средства для спасенія части своего имѣнія. Тщетно! Онъ никакъ не могъ вывезти своего товара и имущества, которые цѣною составляли до 2,192,000 рублей и расположены были въ тринадцать кладовыхъ. Семейство свое отправилъ онъ въ Касимовъ, а самъ остался въ Москвѣ, ожидая, не представится ли ему удобный случай къ спасенію достоянія своего и не желая покинуть отечественнаго града прежде самой крайней опасности. Вдругъ раздается вопль: „Французы! Французы!“ Ж. съ сердцемъ, преисполненнымъ горести, поспѣшилъ въ гостиную дворъ, въ палатку свою, гдѣ производилъ всѣ дѣла, въ намѣреніи замкнуть ее и запечатать, вынувъ изъ оставшихся въ ней документовъ тѣ, которые ему необходимы для проѣзда къ своему семейству и для полученія денегъ съ находившихся на томъ пути кредиторовъ своихъ. Безпрестанно раздавался крикъ: Французы! Ж. отомкнулъ ящикъ, въ которомъ лежали бумаги, но отъ страха и поспѣшности вынималъ не тѣ, которыя ему были надобны. Опасность безпрестанно увеличивалась. Онъ былъ въ недоумѣніи, продолжать ли разборъ документовъ или бѣжать со всѣмъ ящикомъ. Минуты были дороги: онъ не смѣлъ медлить. Хотя должно было опасаться, что на улицѣ его съ ящикомъ остановятъ и ограбятъ, но онъ, взявъ ящикъ подъ мышку и замкнувъ палатку, препоручаетъ себя покрову Всевышняго и спѣшитъ въ домъ свой, пробиваясь сквозь толпу народную. Онъ благополучно дошелъ до своего дома, сѣлъ въ заложенную уже повозку и, поручивъ домъ въ охраненіе двумъ вѣрнымъ служителямъ, перекрестился, поскакалъ къ заставѣ и выѣхалъ изъ города, въ которомъ тридцать лѣтъ пользовался именемъ перваго купца, въ которомъ нынѣ оставилъ все свое имущество—на жертву хищнымъ злодѣямъ.

По прибытіи въ Касимовъ, Ж. помышлялъ, какъ бы узнать, что дѣлается въ Москвѣ, и въ половинѣ Сентября отправилъ туда служителя, препоручивъ ему принести подробное свѣдѣніе объ оставленномъ въ столицѣ имуществѣ. Въ раздранномъ рубищѣ вѣрный слуга входитъ въ Москву и въ домъ своего хозяина, который сбереженъ былъ отъ пожара оставшимися при немъ служителями и занятъ какимъ-то Французскимъ генераломъ. Кладовыя же были всѣ разграблены и сожжены. Разсмотрѣвъ все въ подробности, онъ возвращается къ своему хозяину и доноситъ ему о потерѣ всего достоянія его. Почтенный Ж., выслушавъ посланнаго со вниманіемъ, пожалъ плечми и, обративъ къ небу наполненные слезы очи свои, сказалъ: *Боже прмилосердый! Дай мнѣ крѣпость! Господь даде, Господь отъятъ: буде имя Господне благословенно во вѣки!*

Когда христілюбивое и побѣдоносное воинство принудило изверговъ бѣжать изъ Москвы, Ж. туда отправился и, прибывъ 17 Октября къ дому своему, находитъ, что онъ совершенно цѣлъ и не хочетъ вѣрить глазамъ своимъ. Възвѣщаетъ на дворъ; оставленные имъ при домѣ служители бросаются съ радостными слезами къ ногамъ его и доносятъ, что спасли домъ отъ сожженія, стараясь всячески угождать незваннымъ гостямъ своимъ, которые сначала берегли домъ для жительства своего, а при выходѣ хотѣли зажечь, но были отъ того удержаны подоспѣвшими къ тому времени козаками. Ж., помѣтившися въ опустошенномъ домѣ своемъ, поспѣшилъ узнать о прочемъ своемъ имѣніи и нашелъ, что посланный сказалъ ему всю правду. Все его имѣніе—слишкомъ на два миліона рублей—погибло.

По открытіи сообщенія съ другими городами, Ж. извѣтилъ пріѣхавшихъ въ Москву кредиторовъ своихъ словесно, а иногородныхъ письмен-

но, безъ всякаго съ ихъ стороны требованія, что онъ лишился всего собственнаго имѣнія своего, а кредиторское цѣло потому, что ему удалось спасти все свои документы; что онъ, дорожа своею честію, заплатитъ имъ все сполна и проситъ ихъ только взять терпѣніе на самое короткое время. Чтѣ общалъ, то и исполняетъ. По Январь мѣсяць успѣлъ онъ заплатить займодавцамъ своимъ до 250,000 рублей и понынѣ продолжаетъ удовлетворять ихъ всѣми силами *). Кредиторы не столько заботятся о полученіи съ него денегъ, какъ онъ печется о ихъ удовлетвореніи. Онъ подкрѣпилъ симъ многихъ купцовъ, которые, безъ его великодушія, совершенно бы разстроились; побудилъ своимъ примѣромъ многихъ къ подобному намѣренію и, можно сказать, что безъ сего благороднаго поступка И. С. Живова, торговля Московская не открылась бы и понынѣ.

53.

Неподалеку отъ Москвы, ваѣхали Французы трехъ стариковъ, которые полдничали близъ дороги. Съѣвши по куску хлѣба, старые крестьяне встали и начали креститься на все четыре стороны. Французы, увидѣвъ сіе, почли ихъ козаками, бросились на нихъ, начали бить и потомъ, связавъ руки, отвели въ свой лагерь. Сколько ни старались бѣдные старички разными знаками увѣрять Французовъ, что они не козаки, и что весь Русской народъ вѣруетъ единому Богу и одинаковымъ образомъ исповѣдуетъ Христіанскую вѣру; но можетъ ли гласъ правотѣрнаго быть внятнымъ для богоотступниковъ, освербившихъ себя несчетными злодѣянiami? Французы думали, что одни только козаки (какъ народъ дикой и варварской, по ихъ мнѣнію) принадлежать къ такой *сектѣ*, въ какой люди крестятся и благодарятъ Бога за дарованный имъ хлѣбъ насущный. Такимъ образомъ, приведя трехъ военнопленныхъ, представили ихъ своему начальству. Присланъ былъ переводчикъ, который началъ ихъ расспрашивать: кто они такіе? откуда и куда идутъ? Сбылось старое Русское повѣрье, что пожилой человекъ ни въ какой бѣдѣ не пропадетъ; наши старички нашлись отвѣчать: они объявили, что идутъ изъ Рязанской губерніи въ Русскую армію смѣнить своихъ сыновей, кои недавно отданы въ рекруты. *Разсудительные и дальновидные* Французскіе офицеры легко сдѣлали самое справедливое и даже глубокомысленное заключеніе, что весьма будетъ для нихъ полезно, когда въ Русской арміи молодые и здоровые рекруты будутъ замѣняемы дряхлыми стариками. И такъ, слѣдуя всегда въ расчетахъ своихъ самой строгой математической точности, гг. Французы постарались воспользоваться счастливымъ случаемъ уменьшить Русскую армію хоть на полтора человѣка безъ малѣйшаго кровопролитія, почему и снабдили плѣнниковъ своихъ нужными для свободнаго пропуска видами. Такимъ-то образомъ, благодаря *Французской разсудительности*, наши старички, пройдя безъ опасенія чрезъ всю непріятельскую армію, благополучно окончили свое путешествіе.

54.

Въ 9 № Журнала *Сынъ Отечества* сего 1813 года въ статьѣ *о новѣйшемъ положеніи Москвы*, между прочимъ напечатано: „Изъ Кремля увезено было Французами, вмѣсто трофеевъ: *крестъ* съ Ивана Великаго, вышиною въ 3 сажени, обитый весь серебряными вызолоченными листами, который прошлаго года вмѣстѣ съ главою былъ вновь позолоченъ и стоилъ 60,000 руб.“.

*) Доставившій сіе свѣдѣніе имѣлъ на Живова требованіе въ 100.000 рублей и получилъ уже въ уплату безъ малаго 30.000. Онъ признается, что безъ сего впалъ бы въ крайнее разстройство.

Неизвѣстно, изъ какого источника г. сочинитель почерпнулъ такое свѣдѣнiе о крестѣ Ивана Великаго. Ни въ какихъ объявленiяхъ не было сказано, что крестъ оной увезенъ. Можетъ быть, г. сочинитель подумалъ, что подлинно сей крестъ былъ весьма дорогой цѣны; можетъ быть также, и самъ Бонапартъ, повѣривъ подобнымъ рассказамъ, велѣлъ его снять. Напротивъ того, крестъ Ивана Великаго въ 1811 году вновь сдѣланъ былъ изъ *жельза* и обложенъ *мѣдью*, чрезъ огонь вызолоченною. За крестъ и за яблоко, бывшее подъ нимъ, со всѣми матерiями заплачено не болѣе 8,000 руб. Яблоко найдено въ Кремлѣ поврежденнымъ, а желѣзо изломаннымъ. Крестъ сей нынѣ находится въ Успенскомъ Соборѣ. Можетъ быть, при очищенiи Кремля равнымъ образомъ найдутся и *столѣшій на Сенатскомъ куполѣ мѣдный конь и двуглавой орелъ* съ башни виннаго двора. Конечно подстрекаемые жадностию Французы все блестящее почитали золотомъ, а гербъ съ виннаго двора знаменитымъ бы послужилъ трофеемъ для побѣдоносной Французской армiи, которая даже и винный дворъ взяла приступомъ!

Что же принадлежитъ до соборовъ, о которыхъ говоритъ г. сочинитель, и называетъ *то тайною, которой здѣсь никто не знаетъ, что происходило въ нихъ*: нынѣ это уже очень извѣстно. И въ соборахъ Французы по обыкновенiю своему дѣлали тоже, что прилично однимъ только разбойникамъ. Не пощажены ни престолы, ни св. образа, ни раки св. угодниковъ Божiихъ, кои, по особенному усердiю Христiянъ православныхъ и благочестивыхъ, были богато украшены. Но къ удивленiю, въ Успенскомъ соборѣ рака, въ которой почиваютъ святыя мощи Ионы, митрополита Московскаго, обитая чеканнымъ серебромъ и позлащенная, осталась невредимою; даже и стоящiй передъ оною серебрянный подсвѣчникъ и со свѣчею найденъ на своемъ мѣстѣ, какъ будто злодѣйскiя руки скверныхъ изверговъ челоуѣчества или не смѣли, или не могли прикоснуться къ сей святынь.

Кремлевскiй житель ¹⁾.

55.

Серединской станицы козака Ермолая Гаврильевича къ атаману своему Матвѣю Ивановичу ²⁾.

Отецъ ты нашъ, Матвѣй Ивановичъ! Давно мы отъ тебя, отца, грамотки не видѣли; ужъ не гнѣвенъ ли ты, родимой нашъ? Лишь пронеслась у насъ вѣсть веселая, что побѣдилъ ты, государь, рать-силу невѣрную, что не столько ты ихъ въ полонъ побралъ, сколько навизалъ ихъ на наши Донскiя копыя булатныя,—мы старики, государь, отъ того ожили, и Спасу со Пречистою поклонилися, за тебя и за дѣтей имъ помолилися. Даруй, Господи, побѣду царю Русскому, помогай ты его воинству, намъ козакамъ дай потѣшиться въ полѣ чистомъ со злодѣями! Вотъ тебѣ, Матвѣй Ивановичъ, наша теплая молитва; научило ей насъ сердце козацкое.

Государь ты нашъ! Есть у насъ горishко, хоть не горе, а лишь смѣхъ одинъ. Нашъ Макаръ Федорычъ ѣздилъ съ Дона въ ближнюю губернiю и привезъ намъ вѣсть, что въ какихъ-то бусурманскихъ бумагахъ писано, что дивится Хранецъ, какъ мы, мужики простые съ бородами и въ кафтанахъ долгополыхъ, завсегда ему ребра пересчитываемъ. А мои, дес-

¹⁾ Сiя статья доставлена чрезъ посредство весьма почтенной духовной особы.

²⁾ Напечатано въ главной квартирѣ Россiйской армiи, въ г. Калишѣ, Марта 22 1813 года.

каты, люди умные, изо всѣхъ народовъ самый храбрый и великій; разумѣютъ-де и постройтъ крѣпость и приодѣтся, передъ бабами задать выпляску, и мость навести, и въ цѣль стрѣлять. То-то, государь, пословица не даромъ есть: на всякаго мудреца есть много глупости. Съ крѣпостями да съ ихъ плясками недалеко залетятъ они. Мы, отецъ, и простой народъ, а бывали ужъ и въ Турціи, были въ Пруссіи и Персіи, у Цесарца и въ Швейцаріи, а что Польша — у насъ козаковъ на ладоночкѣ! Были мы и въ Тальянской землѣ; мы видали ихъ болвановъ точеныхъ. Не защититъ васъ, окаянные, идолъ пакостный, естли вы забыли Царя небеснаго! Мы съ бородками и долгополые, а Отцу Богу мы вѣруемъ; отъ Него вѣдь намъ и помощь-то! Какъ ударимъ мы на непріятели, думаешь, что не ты, Матвѣй Ивановичъ, на борзомъ конѣ впереди летишь, а что самъ насъ Богъ на войну ведетъ.

Ахъ, вы глупые люди, неразумные! Ну чему же вы дивитесь намъ, что деремса мы безъ трусости? Эка притча! Мы деремса вѣдь и за домъ, и дѣтей, за царя и вѣру православную. Вы деретеса за звѣздочку, за золото, да за Бову Королевича. Глянька, Хранцъ, какъ живемъ мы на святомъ Дону, у те волосы подымутся! Будешь ты болтать дуракамъ однимъ, что загонишь Русь во холодную Сибирь. Проговаривалъ ты, что нельзя насъ, ни нашимъ обычаевъ, ни въ какой умной землѣ терпѣть. Да земель-то вашихъ намъ не надобно: намъ мила земля козацкая; широка, длинна земля Русская! Вотъ сказалъ ты, Хранцъ, правду истину: нелюбы вамъ наши обычаи, что мы любимъ царя, вѣру и отечество. Ты привыкъ видѣть только трусовъ да измѣнниковъ, притушилось твое жало о тверду грудь закаленную!

Глянька, извергъ, какъ живутъ у насъ! Лишь, подымется парень на ноги, ужъ сидитъ онъ на конѣ борзомъ; вѣдитъ по полю, забавляется и Россійскою землею потѣшается. Ахъ, ты Господи! дай силы, крѣпости на конѣ скакать, разгуляться, Донскимъ копьемъ съ непріятеlemъ поразвѣдаться, умереть за землю Русскую. Придетъ время молодцу обабиться; дѣвки знаютъ парней всѣхъ по пальчикамъ: тотъ румянецъ идетъ, какъ маковъ цвѣтъ, тотъ лишь поступью молодецкою четырехъ Хранцовъ въ полонъ возьметъ; а подъ тѣмъ и конь его лихой слово, слово какъ осиновъ листь дрожитъ; у того копые булатное, и сѣделичко Черкасское, и подпруга шелка яркаго. Наши дѣвки парней любятъ не на день и не на ночь одну; любятъ ихъ до гробовой доски. Придетъ время молодцу, по приказу царя блага, собираться въ путь противъ изверговъ: нашъ козагъ того лишь только ждалъ! Молода жена коня его ведетъ, дѣти сабля и копые его тащатъ, а старикъ-то со старухою, Богъ избави, чтобъ заплакали! Заведутъ сына во зеленый садъ, перекрестятъ его до Троицы, и дадутъ ему Ангела-хранителя. „Ты служи, сынъ, вѣрой правдою; добывай себѣ ты почести, ты утѣшь насъ стариковъ сѣдыхъ“. У старухи все ужъ приготовлено: сшита сумочка изъ бархата, изъ того самаго, который мужъ ея сорвалъ съ плечъ паши Турецкаго, и повѣшена та сумочка на шелковомъ, тонкомъ поясѣ красной дѣвушки-Черкашени. Старикъ, взявши горсть сырой земли, кладетъ въ сумочку бархатную. „Вотъ тебѣ, „сынъ, благословеніе, вотъ тебѣ земля Дона тихаго: съ ней живи и умри на ней!“

Не прогнѣвайся, отецъ Матвѣй Ивановичъ, что пишу къ тебѣ такую рѣчь простую, козацкую! Всѣ мы знаемъ, отецъ багюшка, что и ты изволишь носить на твоей груди богатырской корешки изъ твоего сада зеленого. Корешки вѣдь съ Дона тихаго, а мы тамъ съ тобой родилися.

Эхъ, бывало во чужой землѣ, приключится немочь лютая; разведешь шепоть земли Дона-батюшки въ водѣ свѣжей, выпьешь—какъ ни въ чемъ не былъ! А другаго моряютъ разными кореньями: лечитъ насъ нашъ милый Донъ. Вспомнишь мать, отца, дѣтей своихъ, хоть изъ мертвыхъ приподынешься! Ахъ, бывало пишешь граматку: „Ты отецъ мой, родна матушка! Мнѣ ненадо злата, серебра, надо мнѣ ваше благословеніе; вы „не шлите мнѣ казны златой, вы пришлите мнѣ воды Донской; почерните вы хоть въ скляночку, поклонитесь Дону милому!“ Смотришь, ужъ летитъ гонецъ, окунулся онъ въ водѣ Донской—заросли раны тяжелыя, хоть опять за саблю острую! Вынимаетъ скляночку изъ торбы онъ: „Вотъ, Иванъ, благословеніе! Отецъ, мать и дѣти живы всѣ!“ Не повѣришь и ушамъ своимъ, не повѣришь и глазамъ своимъ! Чуть губами лишь приложишься ко святой водѣ Дона милаго—ну, иди теперь сопостать сюда! Силенъ Донъ и силенъ Русской Богъ!

Вдругъ случится замиреніе — козаки наши на Донъ пошли; въ деревняхъ имъ поклоняются, въ городахъ имъ удивляются. А намъ, батюшка, вѣдь въ зачестъ то! Вотъ и къ Дону приближаемся; пыль столбомъ, и солнце скрылося, только слышенъ стукъ саблей съ копыями. „Ѣдутъ, Ѣдутъ наши станичники! Всѣ на встрѣчу, всѣ и старъ, и младъ!“ Вотъ бывало и подѣдемъ мы, не къ родителямъ и не къ женамъ своимъ, а подѣдемъ къ храму Божьему. Тутъ стоятъ ужъ и старики-то всѣ, съ булавами и съ хоругвями. Намъ поклонъ—и мы поклонъ. Въ церкви Божьей всѣ устроено: въ патрахели и ужъ въ ризахъ попъ, а дяки стоятъ по крылосамъ, воспоютъ: *Тебе Бога хвалимъ!* Мы ко Спасу и къ угодникамъ всѣ пойдемъ да въ ноги имъ. Развернись, казна отбитая! Богу слава, ты Ему же въ даръ! А изъ церкви лишь домой иди: ужъ стоитъ мой конь у паперти, его держитъ молода жена; какъ падетъ она коню на груди, упадетъ передъ нимъ жена на землю: „ужъ спасибо тебѣ, вѣрный конь, что донесъ ко мнѣ хозяина! Тебѣ вѣсть овесъ изъ моихъ лишь рукъ, на рѣку водить тебя одной лишь мнѣ; не носить тебѣ узды ременная, я сплету коню узду шелкову.“ Смотришь! дѣти ужъ таскаются съ дротикомъ и съ булатной саблею, чистятъ ихъ, да чѣмъ же вѣдь? Чистятъ ихъ Донскимъ пескомъ! Ну, бывало, ахъ, отецъ ты нашъ! прослезимся—хоть и стыдно бы.

Отъ чегожъ все это держится, отчего мы любимъ тихой Донъ? Ты, отецъ нашъ, ты нашъ батюшка, любишь Русь и любишь Донъ святой! Вѣдь мы вѣдаемъ все, что ты ни дѣлаешь; знаемъ мы, что нѣтъ ни гонца, ни посла отъ васъ, чтобъ ему ты не приказывалъ: „поклонись Дону Ивановичу; ты напейся за меня воды его; ты скажи, что козаки его служатъ вѣрою и правдою!“ А вѣдь это-то намъ, батюшка, слаще меда, слаще сахара!

Ну, да какъ же не любить намъ нашу родину, не любить намъ Дона-батюшки? Сопостаты нечестивые, не дивитесь вы этому! Дорогова у насъ много есть: намъ земля тяжелѣ золота, намъ вода вкуснѣ вашихъ винъ! Атаманъ у насъ козакъ Донской, на землѣ нашей родился онъ, а въ водѣ нашей въ купели былъ. Не подъ стать намъ ваши норовы! Вы умнѣ насъ, ну такъ и быть! Люди умные, мы вамъ не завидуемъ. Глянька, что у насъ недавно приключилося. Молодой козакъ привезъ дьявольское стекло, что зовутъ у васъ *кларнетами*. Ну, на что намъ дрянъ эта? И безъ стеколъ цѣлится мы научены. Засадили парня въ темную, пусть-ка смотритъ онъ въ стекло свое! Не ввози ты, молкососишко, намъ Французскихъ злыхъ обычаевъ. А другаго было дернуло нарядиться въ ваше платье кургузое: старики поосерчалися, содрали съ него платье похаб-

ное, да досталось и плечамъ его! Ай спасибо, Матвѣй Ивановичъ, что ты держишься старинушки! Помогай тебѣ, государь, небесный Царь! Ты ни жи копьемъ за границую, ты шелчки давай молкососишкамъ, что задумаютъ стариковъ съдыхъ на Французской ладъ перестроивать.

Да я долго закалялся! У тебя, отецъ, дѣла куча есть. Ты злодѣевъ бьешь, а насъ милуешь; на чужой сторонѣ города берешь, а у насъ на Дону ты строишь ихъ. Такъ прости же, государь ты нашъ! Будь здоровъ и любви ты насъ.

За тѣмъ писавый Ермолай Гаврильевичъ земно кланяюсь.

56.

Будучи движимъ чувствомъ благодарности, Смоленскій помѣщикъ *Богданъ Николаевичъ Воронецъ* долгомъ себѣ поставляетъ сообщить во всеобщее извѣстiе челолюбивый поступокъ князя *Льва Александровича Шаховскаго* и супруги его княгини *Катерины Ефимовны*.

Во время вторженiя Французской армiи въ его владѣнiе, состоящее въ Красненскомъ уѣздѣ, принужденъ онъ былъ искать съ семействомъ своимъ и родственниками, всего 12 челолюбъ, спасенiя въ скоромъ удаленiи отъ своего жилища. Не зная, гдѣ найти пристанище, не вѣдалъ куда приклонить бѣдную свою голову. Но Богъ, покровитель несчастныхъ, указалъ ему путь въ Кашинской уѣздѣ и послалъ на срѣтенiе почтеннѣйшаго князя Шаховскаго. Благодарный сей челолюбъ, съ восторгомъ истинной добродѣтели, растворилъ ему свой домъ, помѣстилъ все его семейство въ свое жилище и, имѣя самъ только 60 душъ, состоянiе также весьма бѣдное, питалъ ихъ до самаго того времени, какъ всеобщiя обстоятельства перемѣнились. Три мѣсяца пользовались они его попеченiемъ; три мѣсяца раздѣлялъ онъ съ ними остатокъ своего имущества, или лучше сказать, раздѣлялъ сердце свое съ каждымъ несчастливцемъ, и три мѣсяца услаждалъ ихъ горестъ своею любезностiю и ласкою. Они забывали и свою потерю, и свое разоренiе, и свое бѣдствiе. Толико вспомошествованiе его было сладостно! Толико бесѣда его была утѣшительна!

Помѣщикъ *Воронецъ* желалъ бы возблагодарить его за такую добродѣтель, но чѣмъ? — Признательностiю: онъ ее объявляетъ всѣмъ своимъ соотчичамъ.

(Изъ Смоленска).

57.

О вшествiи Французовъ въ Москву.

(*Разказы Корбелецкаго, чиновника, бывшаго въ плѣну и на невольной службѣ у непрiятеля*).

По прибытiи Наполеона въ 2 часа по полудни къ Поклонной горѣ, отстоящей отъ Москвы въ трехъ верстахъ, авангардъ, передъ оною горою, по распоряженiю короля Неаполитанскаго, былъ уже построенъ въ боевой порядокъ. Наполеонъ съ планомъ въ рукахъ, поданнымъ ему тутъ же неизвѣстнымъ чиновникомъ, и нѣкоторые изъ сопровождавшихъ его генераловъ сходятъ съ лошадей, и въ ту же минуту начинается движенiе, показывающее приготовленiе къ сраженiю. При самомъ началѣ сего движенiя внезапно показывается изъ-за лѣса въ правой сторонѣ на Воробьевыхъ горахъ сильная конница, которую увидѣвъ первоначально шассеры (стрѣлки), составлявшiе императорскiй конвой, закричали въ одинъ голосъ: козаки! козаки!... и весь генералитетъ съ призывнымъ безпокойствомъ устремляетъ глаза свои въ ту сторону. Наполеонъ тотчасъ приказываетъ подать себѣ зрительную трубу, которую всегда особой пажъ за нимъ возилъ, смотреть и, узнавъ, что то были его

драгуны, успокоивается, и опять обратясь къ авангарду продолжаетъ дѣлать свои распоряженія; но, прождавъ тутъ съ полчаса и не видя со стороны Москвы никакого вызова, приказываетъ сдѣлать сигналъ выстрѣломъ изъ пушки, послѣ чего, спустя минутъ пять, садятся всѣ на лошадей и скачутъ во весь опоръ къ Москвѣ.

Въ тоже мгновеніе вмѣстѣ съ ними двинулся какъ авангардъ, такъ и часть стоявшей позади онаго центральной арміи съ невѣроятнымъ стремленіемъ; конница и артилерія равномерно скакали во весь опоръ, а пѣхота бѣжала бѣгомъ. Топотъ лошадей, скрипъ колесъ, трескъ оружія, смѣшавшись вмѣстѣ съ шумомъ бѣгущихъ солдатъ, составляли дикій и ужасный гулъ. Свѣтъ померкъ отъ подымавшейся густымъ столбомъ пыли. Казалось, что вся земля въ сіе мгновеніе восколебалась и застонала отъ такового страшнаго движенія, и не болѣе какъ чрезъ 12 минутъ все очутилось у Дорогомиловской заставы.

Здѣсь гордый повелитель Французовъ, упоенный надеждою своего успѣха, останавливается, и при окрипыхъ восклицаніяхъ покрытыхъ пылью и проголодавшихся солдатъ: *Vive Napoleon!* сошедъ съ лошади, занимаетъ позицію на лѣвой сторонѣ заставы у самаго Камеръ-Коллежскаго вала, и начинаетъ расхаживать взадъ и впередъ въ спокойномъ расположеніи духа, точно такъ, какъ бы ожидалъ изъ Москвы депутаціи или выноса городскихъ ключей; между тѣмъ пѣхота и артилерія, при игрانی музыки, открыли шествіе свое въ городъ.

Но спустя десять минутъ, подошелъ къ Наполеону съ лѣвой стороны у городскаго вала какой-то молодой человекъ въ синей шинели и въ круглой шляпѣ и, поговоря съ нимъ съ минуту, пошелъ въ заставу. Думать надобно, что сей молодецъ увѣдомилъ Наполеона о томъ, что изъ Москвы какъ Россійская армія, такъ и жители всѣ выѣхали и оставили оную ниусть, что подтверждается слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Едва кончилъ оной молодой человекъ свою съ Французскимъ императоромъ аудіенцію, подбѣгаетъ къ Русскимъ арестантамъ, стоявшимъ отъ Наполеона поотдалъ, саженьяхъ въ шести, адъютантъ Вельсовичъ, тотъ самый, который вчера съ свойственною Поляку надменностію предсказывалъ сегодняшнія на счетъ Москвы и всей Россіи событія, и спрашиваетъ у меня голосомъ, неудовольствія преисполненнымъ: „Г. секретарь! Что это значитъ, что въ Москвѣ ни арміи вашей, ни жителей нѣтъ?“ На сіе я отвѣтствовалъ ему: „не знаю“. Слухъ сей распространился между Французскими солдатами, и первые шассеры, ближе къ императору своему стоявшіе, поглядывая одинъ на другаго исполненными недоумѣніи глазами, спрашивали другъ у друга весьма значительнымъ тономъ: что это такое? что за дьявольщина? — И съ сей самой минуты гордый духъ Французовъ началъ во всемъ войскѣ постепенно упадать; а напротивъ того, оказалось въ немъ примѣтное уныніе и огорченіе, которое въ послѣдствіи, возрастая мало по малу, обратилось въ явный ропотъ, послушаніе и своеволие.

Таковая нечаянная вѣсть, казалось, поразила и самаго Наполеона, какъ громовымъ ударомъ. Онъ приведенъ былъ ею въ чрезвычайное изумленіе, мгновенно произшедшее въ немъ нѣкоторой родъ изступленія или забвенія самаго себя. Ровные и покойные шаги его въ ту же минуту перемѣняются въ скорые и безпорядочные. Онъ оглядывается въ разныя стороны, оправляется, останавливается, трясется, цѣпенѣтъ, шиплетъ себя за носъ, снимаетъ съ руки перчатку и опять надѣваетъ, выдергиваетъ изъ кармана платокъ, мнетъ его въ рукахъ и какъ бы ошибкою кладетъ въ

другой карманъ; потомъ снова вынимаетъ и снова кладетъ; далѣе, сдерживъ опять съ руки перчатку, надѣваетъ оную торопливо и повторяетъ тоже нѣсколько разъ, короче сказать: онъ представлялъ тогда человѣка бѣснующагося или мучимаго жестокими конвульсіями, что продолжалось битой часъ; и во все то время окружавшіе его генералы стояли предъ нимъ неподвижно, какъ бездушные истуканы, и ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ пошевелиться.

Въ продолженіе такого явленія открылось въ арміи новое движеніе. Авангардъ безостановочно шелъ въ городъ, а подходящія изъ-за горы центральныя войска, раздѣляясь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ заставы на двѣ части, начали уклоняться въ право и въ лѣво и, поворота около Камеръ-Коллежскаго вала, потянулись въ обходъ города, въ которой вступали уже другими заставами. Потомъ Наполеонъ, пришедши нѣсколько въ себя, садится на лошадь и вѣзжаетъ самъ въ Москву, въ которую послѣдовала за нимъ и конница, стоявшая до того внѣ заставы; но, проѣхавъ Дорогомилловскую Ямскую слободу и приближаясь къ берегу Москвы рѣки, останавливается паки у одной въ правой сторонѣ улицы на берегу вомъ косогоръ, сходитъ съ лошади и опять расхаживаетъ взадъ и впередъ, но токмо уже покойнѣе. Тогда авангардъ продолжалъ слѣдовать далѣе за Москву рѣку; пѣхота и артилерія тянулись по мосту, а конница шла черезъ рѣку въ бродъ, и всѣ вообще, раздѣляясь по ту сторону рѣки на нѣсколько малыхъ отрядовъ, занимали постепенно караулы по берегу, по главнымъ улицамъ и по переулкамъ.

Положеніе Кремля.

Передъ выходомъ нашимъ на волю, Кремль находился въ слѣдующемъ положеніи: Никольскіе, Троицкіе и Тайницкіе ворота были отперты и охраняемы каждые сначала четырьмя, потомъ двумя человѣками, внутри и внѣ оныхъ стоявшими, а прочіе были заперты. Также стояли часовые индѣ по одному, а индѣ по два, на Кремлевской стѣнѣ у башенъ, у дворцовыхъ подвѣздовъ, въ низу и въ верху дворца, у Архангельскаго, Благовѣщенскаго и Успенскаго соборовъ, кои были тогда заперты, и по видимому вовсе неприкосновенны *). Караулъ держали пѣшая и конная Французская гвардія и Польскіе уланы, коихъ сперва наряжалось пѣшихъ по баталіону, а конныхъ каждаго по эскадрону **) и перемѣнялись чрезъ три часа, какъ днемъ такъ и ночью; но послѣ убавлено тѣхъ и другихъ на половину; изъ армейскихъ же полковъ не токмо солдаты, но даже и офицеры ни подъ какимъ видомъ не могли входить въ Кремль иначе, какъ съ письменными пропусками отъ оберъ-коменданта, либо отъ главнокомандующаго тогда въ Москвѣ. Несчастенъ государь, который боится собственныхъ своихъ подданныхъ! Всякое утро былъ въ Кремль разводъ, и пріѣзжали во дворецъ: принцъ Невшательскій, вице-король Италіанскій и многіе неизвѣстные маршалы и генералы. Нерѣдко приходили и иностранцы, жившіе до нашествія Французовъ въ Москвѣ, и члены муниципальнаго суда или Коммуни-Комитета. На косогорѣ близъ церкви Николая Гостунскаго стояло до 10 полевыхъ орудій. Впрочемъ подкоповъ и никакихъ другихъ работъ внутри Кремля тогда не примѣчено. Въ

*) А въ церквахъ Спаса на бору и Николая Гостунскаго хранился овесъ, солома и сѣно для Наполеоновыхъ лошадей.

**) Каждый конной солдатъ, ѣдущій въ караулъ, везъ съ собою, для корму лошади, снопъ или два немолоченной ржи, которая замѣняла у нихъ сѣно и овесъ.

Кремль, также какъ и вездѣ въ Москвѣ, валялось въ то время довольное уже число издохшихъ лошадей и нѣсколько палыхъ коровъ.

Изображеніе Наполеона.

Наполеонъ, при среднемъ ростѣ, имѣетъ лицо большое, грозное; короткошея, плечистъ и корпусомъ ровенъ. Цвѣтъ лица его оливковой, волосы на головѣ черные, лобъ наклонный или навислый, глаза малые, но быстрые, щеки плоскія, носъ длинной и прямой, съ малою, едва примѣтною горбленною, губы маленькія прижатые, борода выдававшаяся въ передъ и довольно къверху поднятая. Онъ имѣетъ видъ важный, говоритъ тихо и мало, и всегда, какъ примѣтно было, погруженъ въ размышленіе. Съ маршалами и генералами своими обращается равнодушно, не только шляпы ни передъ однимъ изъ нихъ не снимаетъ, но даже и никакимъ знакомъ почести раболѣбію ихъ не отвѣтствуетъ. Во все мое трехнедѣльное при немъ пребываніе не замѣтилъ я, чтобъ онъ смѣялся или по крайней мѣрѣ улыбнулся, и никогда не видалъ я его съ открытою головою. Исключая случай, при входѣ въ Москву Наполеона поразившій, онъ всегда сохранялъ постоянное хладнокровіе и величавость.

Вѣздъ Бонапарта въ Москву и начальное въ ней пребываніе.

Наполеонъ, тщетно ожидавшій за городомъ депутатовъ съ ключами Московскими, рѣшился наконецъ ѣхать самъ ихъ взять. Онъ вѣхалъ *) въ городъ во Вторникъ, 3 числа, въ половинѣ одиннадцатаго часа утра въ Дорогомиловскую заставу. Арбатъ былъ совершенно пустъ. Первыя и единственныя лица, которыя видѣлъ на большой сей улицѣ Наполеонъ, были у окна Арбатской аптеки: содержатель оной съ своею семьею и равенный Французскій генераль, накануне къ нимъ поставленный постоємъ. Подѣхавъ ближе, Наполеонъ посмотрѣлъ на нихъ вверхъ весьма злобно, окинулъ быстро глазами весь домъ и, взглянувъ опять на бывшихъ у окна, продолжалъ путь. Онъ сидѣлъ на маленькой Арабской лошади, въ сѣромъ сертукѣ, въ простой треугольной шляпѣ, безъ всякаго знака отличія. Въ разстояніи ста сажень ѣхали передъ нимъ два эскадрона конной гвардіи. Свита маршаловъ и другихъ чиновниковъ, окружавшихъ Наполеона, была весьма многочисленна. Пестрота мундировъ, богатство оныхъ, орденскія ленты различныхъ цвѣтовъ: все сіе дѣлало картину прекрасною, а простоту Наполеонова убранства еще разительнѣйшею.—Такимъ образомъ побѣдитель Москвы доѣхалъ до Боровицкихъ воротъ, не увидя ни одинаго почти жителя. Негодованіе написано было на всѣхъ чертахъ Наполеонова лица. Онъ не бралъ даже на себя труда скрывать то, что происходило въ душѣ его; однакоже, сходя съ лошади и посмотря на Кремлевскія стѣны, онъ сказалъ съ насмѣшкою: *Voilà de fières murailles!* (какія страшныя стѣны!). Удивительно, что онъ пренебрегъ обыкновенную свою комедію и что не приказалъ поднести себѣ Московскихъ ключей, кѣмъ бы то ни было, для провозглашенія потомъ пышно церемоніи сей въ Моонтеръ; но онъ также торжественно и величаво вступивъ былъ, какъ и Мюратъ и Себастьяни.

Ожесточенный до крайности, видя ненависть и пренебреженіе, оказываемыя ему правительствомъ и народомъ Россійскимъ, рѣшившимися луч-

*) Иные увѣряютъ, что онъ былъ еще никогдѣ съ вечера въ Москвѣ, но возвратился и ночевалъ у Дорогомиловской заставы.

ше уступить древнюю свою столицу его ненасытному честолюбію и алчности его ордъ, нежели преклонить предъ нимъ выю, Наполеонъ повѣлываетъ, чтобы во всѣхъ полкахъ, по очереди къ грабежу назначенныхъ, употреблять отборныхъ солдатъ, вмѣстѣ съ офицерами, для доставленія въ Кремль съѣстныхъ припасовъ всякаго рода, и чтобы Русскихъ обоюго пола, не разбирая ни состоянія, ни лѣтъ, употреблять для сего вмѣсто лошадей. Въ церквахъ, болѣе изобилующихъ богатствомъ, приставить вѣльно было для караула жандармовъ, которые должныствовали впускать однихъ только членовъ святотатственной комиссіи, установленной по повѣлѣнію его, подъ вѣдѣніемъ генераль-интенданта и другихъ членовъ.

Наполеонъ, окруженный своими сообщниками въ Кремлѣ, взираетъ равнодушно на огонь, истребляющій мгновенно многія части города. Вездѣ Французы кричатъ: „с'est Rastoptchin qui brûle Moscou, et non pas nous.“ это Растопчинъ жжетъ Москву, а не мы *). Вездѣ изрыгались на него тьмы ругательствъ.

Почтенный Иванъ Акинѣевичъ Тутолминъ, начальствомъ оставленный въ Москвѣ и безпримѣрною своею ревностію, дѣятельностію и неустрашимостію спасшій многимъ жизнь и сохранившій обширное зданіе Воспитательнаго Дома со всѣмъ его богоугоднымъ заведеніемъ, призываетъ былъ къ Наполеону, который не токмо имѣлъ безстыдство увѣрять его, что Москва жжется по приказанію графа Растопчина, а отнюдь не Французами, но и препоручилъ ему донести о томъ своему начальству, желая

*) Пламя, коимъ графъ Растопчинъ возжегъ сердца народа Россійскаго противъ сего злодѣя, было причиною такого его остервененія. Отъ Наполеона не были скрыты, какъ выше было сказано, всѣ посланія главнокомандующаго въ Москвѣ къ народу и которыя сдѣлали впечатлѣнія во всей Россійской Имперіи. Простой, но убѣдительный ихъ слогъ успокоивалъ всѣхъ жителей. Совершенная тишина и безопасность господствовали до 2 числа. Ежели бы въ сіе время въ Москвѣ показалась малѣйшая наклонность къ беспорядкамъ или неповиновенію: ежели бы опасны для правительства особы не были изъ оной заблаговременно высланы; ежели бы довѣріе къ правительству не было неограниченно: не льзя исчислить послѣдствій, кои произойти могли бы отъ отчаянія всѣхъ жителей при видѣ приближающагося непріятеля. Глаза всѣхъ губерній обращены были на Москву. Покорность и вѣрность къ Престолу ея жителей послужили образцами для всѣхъ губерній. Все сіе не было сходственно ни съ желаніями, ни съ ожиданіями Наполеона. Онъ по большой привычкѣ долженъ быть уже равнодушенъ къ чувствамъ ненависти, питаемымъ къ нему всѣми вообще; но онъ показалъ къ графу Растопчину злобу и мщеніе, до сего еще никогда не виданныя. Ни Питтъ, ни Сидней Смитъ, ни Романа, ни Драке, ни Штейнъ, ни одинъ вообще изъ всѣхъ тѣхъ министровъ или генераловъ, кои, дѣйствуя къ гибели Бонапарта, содѣлались ему ненавистными, не навелъ на себя до такой степени бѣшенства его, какъ графъ Растопчинъ. Всѣ прочіе всеяли ненависть къ Наполеону; но Московскою градоначальникъ избралъ новую дорогу—онъ первый осмѣлился внушать совершенное презрѣніе къ славному Французскому атаману, къ его полчищамъ и къ Французамъ вообще. Графъ Растопчинъ утверждалъ (и Русскіе мужики то показали на опытъ), что подмосковный крестьянинъ съ вилою-тройчаткою въ рукахъ гораздо страшнѣе Француза съ заряженною пушкою.—Наполеону нужны Коленкуры, маркизы Галло, Лукезини, Шимельпенниаки и подобныя имъ предатели, измѣнившіе отечеству и государямъ въ пользу сего кровопійцы. Такого рода люди токмо достойны уваженія Наполеонова; но Россійская земля не свойственна ихъ производить.

такимъ образомъ честнаго человѣка мгновенно преобразить въ клеветника. Онъ притворно прибавилъ потомъ: „Я желалъ бы всѣ зданія здѣшной“ сто-
лицы видѣть въ такой же сохранности, какъ вашъ Воспитательный Домъ.“*)

Казалось, что со въѣздомъ Наполеона въ Москву самый огонь паче ожесточился и, соединясь съ сильнымъ вѣтромъ (неразлучнымъ своимъ спутникомъ), истреблялъ вдругъ то, что вѣками сооружаемо было. Пламя и ужасный вѣтръ усугубляли свои силы (особенно 4 числа, въ Среду), для поглощенія всего того, что только могло служить пищею, или добычею неистовымъ врагамъ.

58.

Шефъ Нотебургскаго пѣхотнаго полку полковникъ Полторацкій 2 Апрель, при осадѣ Торна, стоялъ съ отрядомъ своимъ въ редутъ на зайчѣй горѣ (Hasenberg). Онъ сѣлъ съ находившимися при немъ Россійскими и Прусскими офицерами за умѣренный солдатскій обѣдъ въ отдѣльномъ и, какъ думали, безопасномъ мѣстѣ. Вдругъ упала посреди ихъ одна изъ многихъ гранатъ, которыя непріятель бросалъ въ редутъ. Гренадеръ Аванасьевъ, увидѣвъ шефа своего въ опасности, подбѣжалъ, схватилъ гранату обѣими руками и бросилъ ее изо всей силы за редутъ. Она долнула, не достигнувъ земли и не причинивъ ни малѣйшаго вреда. Г. главнокомандующій второю западною арміею генералъ отъ инфантеріи Барклай де Толли наградилъ Аванасьева, по представленію шефа, знакомъ отличія военнаго ордена.

59.

Въ Журналѣ Г. Ф. Коцебу (Russisch-deutsches Volksblatt) находимъ слѣдующее извѣстіе о трудахъ знаменитаго врача дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера *фонъ Лодера* и о превосходствѣ нашихъ военныхъ госпиталей. Во время приближенія непріятеля г. ф. Лодеръ находился въ Москвѣ. Онъ предложилъ г. министру полиціи А. Д. Балашову свои услуги въ пользу отечества и, не задолго до вторженія Французовъ, получилъ приказаніе пещись объ отправленныхъ въ Москву раненыхъ, коихъ число сначала простиралось отъ 2 до 3 тысячъ, но чрезъ недѣлю возвысилось до 28,000 человѣкъ, которыхъ ему надлежало пользоваться при помощи немногихъ лекарей. 2 Сентября, за нѣсколько часовъ до вшествія Французовъ, оставилъ онъ Москву, отославъ раненыхъ со всѣми лекарями и студентами, которыхъ могъ набрать, въ Коломну. Изъ главной квартиры получилъ онъ приказаніе отправиться въ Касимовъ (Рязанской губерніи) и расположить раненыхъ въ семь городѣ, въ Елатмѣ и въ нѣкоторыхъ окрестныхъ деревняхъ. Потомъ присоединенъ былъ къ тому и городъ Меленки. Въ сихъ неважныхъ городахъ не можно было найти многихъ пособій. Вдругъ пріѣзжали цѣлыя тысячи раненыхъ, изнуренныхъ далекимъ перевозомъ или недостаткомъ хорошей пищи, пособія врачей и одежды. Г. ф. Лодеру надлежало привести въ порядокъ сей хаосъ. Мало по малу удалось ему собрать около 30 лекарей, болѣе ста студентовъ Московской Медико-Хирургической Академіи, также многихъ фельд-

*) Можно ли повѣрять, чтобы армія, составленная изъ ста тысячъ человѣкъ, утомленныхъ голодомъ, ожесточенныхъ всякими недостатками, обманутыхъ въ своихъ ожиданіяхъ, упоенныхъ безпрестанно виномъ, занимавшихся грабежемъ и всякими неистовствами, чтобы люди, переходившіе ежедневно всѣ степени буйства, лютости, безбожія, и Наполеономъ самимъ предводительствуемые, не дошли наконецъ до совершеннаго истребленія того города, гдѣ все дѣлалось вопреки ихъ желаніямъ и надеждамъ, гдѣ ожидали они найти конецъ своихъ бѣдствій и блистательный миръ?

шеровъ и учениковъ Московской военной госпиталя, и составить порядочные лазареты. Слѣдствіе превзошло его ожиданія, какъ показываетъ слѣдующій вѣрный расчетъ. Съ 14 Сентября до 1 Февраля прибыло 29,028 раненыхъ, въ томъ числѣ 575 офицеровъ. Изъ сего числа выздоровѣли и отпушены въ армию 18,829, въ томъ числѣ 244 офицера. Способныхъ къ службѣ инвалидовъ 3098, въ томъ числѣ 179 офицеровъ, уволенныхъ до излеченія. Умерло 1656, въ томъ числѣ 10 офицеровъ, слѣдственно по 6 человекъ изъ ста. 1 Февраля находилось въ госпиталяхъ 5,066 чел. (изъ коихъ выздоровѣло 2000, а умерло около 40), а 7 Марта, когда писано сіе извѣстіе, оставалось въ ней только около 3000. По мнѣнію г. ф. Лодера, въ началѣ Апрѣля останется тамъ не болѣе 1,500 чел., болѣею частью инвалидовъ, и въ то время хотѣлъ онъ просить увольненія отъ сей должности при величайшей изъ существовавшихъ когда либо въ Россіи госпиталей, которой онъ былъ единственнымъ начальникомъ. Онъ осыпаетъ величайшими похвалами своихъ подчиненныхъ. Великое число выздоровѣвшихъ и малое число умершихъ доказываетъ, что въ сей госпиталѣ воздухъ былъ чистый, присмотръ рачительный, пища здоровая. Государь императоръ наградилъ г. ф. Лодера орденомъ св. Анны 2 класса, алмазами украшеннымъ, при высочайшемъ весьма лестномъ для него рескриптѣ.

60.

Крестьянинъ одного подмосковнаго села, на осчастливленнаго еще посвещеніемъ Французовъ, наслышавшись, что непріатели, пребывающіе въ Москвѣ, терпятъ недостатокъ въ хлѣбѣ, вздумалъ симъ случаемъ воспользоваться, нагрузилъ возъ мукою, отправился тайкомъ въ Москву и продалъ товаръ свой самую дорогою цѣною. Возвратясь въ село, началъ онъ хвастать своимъ выигрышемъ, показывалъ полученные имъ *новенькія* бумажки и убѣждалъ прочихъ крестьянъ слѣдовать его примѣру. Бурмистръ, узнавъ объ этомъ, взялъ его подъ стражу, немедленно созвалъ старшихъ крестьянъ и предложилъ имъ наказать преступника по законамъ за подвозъ съѣстныхъ припасовъ непріателю, котораго-де хотятъ выморить въ Москвѣ голодомъ. Крестьяне, внемля закону правды, въ сердцахъ ихъ начертанному, безъ ссылки на указы, приговорили его къ смерти. Объявивъ виновному приговоръ, позвали священника и поручили ему приготовить къ смерти осужденнаго. Священникъ ужаснулся и представилъ бурмистру, что казнь безъ приговора судейскаго есть убійство. „Какое убійство?“ возразилъ бурмистръ: „въ Москвѣ господствуютъ враги; изъ уѣзднаго города выбрались всѣ присутственные мѣста; барина нашего нѣтъ; кто теперь начальникъ? Я! Все село въ этомъ согласно. Я буду виноватъ Богу и Государю, если не накажу преступника, измѣнника, который помогаетъ злодѣямъ!“ Священникъ, убѣжденный сими доводами, исполнилъ долгъ свой, и преступника повѣсили.

61.

Сраженіе Русскаго повара съ кирасирами Наполеоновой гвардіи.

(Истинное происшествіе).

Въ первые дни вступленія Французовъ въ Москву, большая часть сихъ знаменитыхъ грабительствомъ воиновъ Наполеоновыхъ, имѣя крайній недостатокъ въ пищѣ и одеждѣ, разгуливая по улицамъ Московскимъ, смѣло навѣщала оставленные жителями дома и грабила все то что попадалось. Двое изъ сихъ героевъ—кирасиры Наполеоновой гвардіи—опредѣлили себя предпочтительно къ собиранію съ жителей контрибуціи, но не деньгами, а печеными хлѣбами и другимъ готовымъ съѣстнымъ при-

пасомъ *). Въ такомъ упражненіи переѣзжая съ одного двора на другой и наполняя кульки и мѣшки, взятые ими для сохраненія добычи, наконецъ извѣхали они на дворъ *г. Товаръ*... состоящій близъ Кузнецкаго моста. Оставшіеся въ домѣ служители, увидѣвъ незваныхъ гостей, въ туже минуту спрятались; но храбрые *Наполеонцы*, захвативъ одного изъ оныхъ, повелительно требовали отъ него, чтобъ онъ отперъ имъ погреба, анбары, кухню и подвалы, и выдалъ безъ отговорокъ все то, что только имѣлъ съѣстнаго. Сей полоненный служитель былъ поваръ *Иванъ Семеновъ*; онъ тотъ же часъ повиновался своимъ повелителямъ, которые, путешествуемые имъ, съ жадностію вышаривали во всѣхъ углахъ, шкафахъ и на всѣхъ полкахъ, и не нашли ничего, кромѣ двухъ печеныхъ хлѣбовъ. Обманутые надеждою, они не захотѣли разстаться и съ сими хлѣбами. *Семеновъ*, чувствуя и самъ конечной недостатокъ въ провіантѣ, со слезами умолялъ своихъ грабителей, чтобъ они хотя одинъ изъ двухъ оставили для него и для другихъ товарищей. *Наполеонцы* захотали, оттолкнули просителя и оборотили лошадей со двора. Огорченный сею наглою нечувствительностію, *Семеновъ* съ отчаянною смѣлостію бросается на одного изъ кирасировъ, даетъ ему ударъ въ зубы, кирасиръ шатается; ободренный смѣлчакъ нападаетъ на другаго и старается вырвать у него палашъ. Товарищи *Семенова*, вышедши изъ сокрывавшихъ ихъ мѣстъ, начинаютъ его уговаривать, чтобъ онъ оставилъ злодѣевъ въ покоѣ. „Нѣтъ! Нѣтъ! кричалъ герой-служитель, помогите вы мнѣ, а я не отстану; мудро побить солдатъ, а разбойниковъ потузить не диво; да лучше умереть, чѣмъ отдать себя имъ на поруганіе въ живѣ: я *христіанинъ!*“ Товарищи обробѣвъ не смѣли тронуться съ мѣста; одинъ кирасиръ съ разбитыми зубами, давъ шпоры лошади, поскакалъ безъ памяти; другой успѣлъ пронзить насквозь палашемъ *Семенова*. Раненый поваръ, не чувствуя еще боли и захвативъ рану, погнался было за симъ послѣднимъ злодѣемъ, но вышедъ на улицу, палъ мертвъ.

М. к-ва.

Пронскъ.

1813 Юня 10 дня.

62.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1812 года, при вторженіи варваровъ въ Смоленскую губернію, тамошній помѣщикъ *Аванасій Авакумовичъ Каверзневъ* принужденъ былъ бѣжать, оставя домъ свой и все имущество на разхищеніе злодѣямъ. Долгое время странствовалъ онъ съ немалочисленнымъ семействомъ своимъ и наконецъ встрѣтился въ Тульской губерніи съ незнакомымъ ему дотогѣ той губерніи помѣщикомъ *Павломъ Матвѣевичемъ Тиличевымъ*, который также находился на дорогѣ, а не въ домѣ своемъ. Г. Тиличевъ, узнавъ отъ служителей г. Каверзнева о плачевномъ его состояніи, немедленно поспѣшилъ съ нимъ увидѣться и, по человѣколюбію своему, съ пролитіемъ горчайшихъ слезъ, убѣдилъ его отправиться въ помѣстье его, село *Особнякъ*, давъ туда проводника и письмо на имя

*) Изъ подобныхъ сборщиковъ подобной контрибуціи, по разсказамъ оставшихся въ Москвѣ жителей, едва ли не состояли и всѣ войска Наполеоновы, не исключая и самой гвардіи его, начиная отъ солдата до генерала; ибо *голодная и холодная разнонародица* общала спасеніе несчастному жителю или за кусокъ хлѣба, или за одежду; а сытые Французскіе *элиты*, требуя и отнимая дочерей и женъ, лучшія вещи, платье и деньги, шадилы только за сей варварскій выкупъ отцевъ, мужей и братьевъ, разумѣется, такихъ, которые лишены были способствъ имъ противиться.—Рѣдкое великодушіе!

супруги своей Авдотьи Васильевны, которую несчастное, странствующее семейство и было принято съ радостію и благотвореніемъ. На послѣдокъ самъ г. Тиличевъ, по возвращеніи въ домъ, вмѣстѣ съ добродѣтельною своею супругою, сострадавъ въ несчастіи г. Каверзнева, сопричель его со всѣмъ его семействомъ къ своему собственному, имѣя самъ небольшое имущество и осьмерыхъ малолѣтнихъ дѣтей. Г. Каверзневъ пользовался его помощію, а болѣе еще утѣшительною, дружескою бесѣдою близъ четырехъ мѣсяцевъ, доколѣ изгнаніе врага не позволило ему возвратиться въ опустошенное свое жилище.

63.

25 Марта праздновали въ Сѣверо-Американскомъ городѣ Бостонѣ торжество, которое намъ, Русскимъ, должно быть весьма важно и пріятно по предмету своему. Сверхъ того приноситъ оно честь учредителямъ своимъ и изъясляетъ мысли и чувствованія обитателей другаго полушарія, при нашихъ происшествіяхъ. Предметъ онаго было торжествованіе Русскихъ побѣдъ надъ Наполеономъ.—Празднество началось всенароднымъ богослуженіемъ. Въ церкви, предъ собраніемъ болѣе 2000 человекъ, пасторъ Ченнингъ произнесъ рѣчь, въ которой (сказано въ описаніи) съ восторгомъ и умиленіемъ Фенелона, приносилъ Богу благодареніе за спасеніе Россіи и препоручалъ Францію его—*милосердію*. За симъ дана была Генделева Ораторія съ новымъ, весьма приличнымъ сему торжеству текстомъ. Въ сей ораторіи участвовало нѣсколько сотъ музыкантовъ. Наконецъ распустили народъ съ обыкновеннымъ церковнымъ благословеніемъ.

Въ четыре часа собралось общество въ украшенной великолѣпно биржи къ обѣду, который начался и кончился молитвою.

Предъ питіемъ за здравіе, говорилъ президентъ г. Отисъ приличную сему случаю рѣчь. Съ жаромъ и краснорѣчіемъ предложилъ онъ свои патриотическія желанія, а потомъ произнесъ слѣдующіе *тосты*:

„*Александрѣ Великому, Императорѣ Всероссійскому!*“ Онъ не плачетъ о томъ, что не можетъ завоевать новаго міра, но радуется тому, что спасъ старый.“

„*Нашему народному правленію!* Нынѣ да увидитъ въ немъ народъ то, чѣмъ его признаетъ со временемъ Исторія!“

„*Русскому народу!* Онъ заплатилъ свой долгъ Югу Европы за полученныя имъ отъ него науки и искусства, научивъ его сохранять свою свободу.“

„*Русскимъ войскамъ!* Они слишкомъ храбры для Французскаго оружія, слишкомъ честны для Французскихъ уловокъ. Пусть всѣ удивляются ихъ храбрости, пусть ей и подражаютъ!“

„*Князю Смоленскому!* Побѣдителю умѣреннаго человека, которому въ Египтѣ было слишкомъ жарко, а въ Россіи слишкомъ холодно.“

Послѣ сего тоста появилось въ верхней сторонѣ стола прозрачное изображение Императора Александра въ полномъ мундирѣ съ надписью: *Освободитель Европы*, и подписью: „Я рѣшился препоясаться на брань! Непритель желаетъ войны и постраждетъ за свое высокомѣріе!“

Подъ картиною изображены были названія семи большихъ битвъ, выигранныхъ Русскими войсками до 14 Декабря, и имена многихъ Русскихъ генераловъ. Въ то же время пѣли приличную обстоятельствамъ пѣснь.

„*Патріотамъ Испанскимъ и Португальскимъ!* Пусть торжество ихъ будетъ больше ихъ страданій и столь же знаменито, какъ и справедливость ихъ дѣла!“

„Французскому сумазброду! *) Русское лекарство — мороженое и побои, по-
бою, пока не образумится.“

„Москва! Пламя ея указало угнетеннымъ народамъ путь къ свободѣ, ихъ
притѣснителямъ путь къ гибели.“

Новая прозрачная картина: изображеніе пылающей Москвы. Изъ пла-
мени поднимается увѣнчанный лаврами Россійскій орелъ съ надписью:
Потеря Москвы не есть потеря Отечества!

„Французскому народу! Да освободится онъ отъ ига, и да вкусить сча-
стіе въ отчизнѣ, не стремясь къ разоренію другихъ народовъ!“

(Изъ Paulson's American daily Advertiser).

(Извлечено изъ Сына Отечества 1812 и 1813 годовъ).

МЕДАЛЬ НА ЗАНЯТІЕ МОСКВЫ ФРАНЦУЗАМИ ВЪ 1812 ГОДУ.

Въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ хранится медаль, выбитая по случаю
занятія Наполеономъ Москвы въ 1812 году. Бронзовый экземпляръ этой
медали, вмѣстѣ съ другими медалями и монетами, поступилъ въ Музей
въ 1865 году изъ Рязанской гимназіи, куда онъ былъ пожертвованъ Рязанскимъ
губернаторомъ А. Д. Балашовымъ, о чемъ извѣстно намъ по
преданію отъ Ф. Л. Ляликова, бывшаго инспектора Рязанской гимназіи,
которому мы обязаны указаніемъ на сію достопамятность. Медаль эта
составляетъ большую рѣдкость, такъ какъ Наполеонъ, можетъ быть, не
рѣшался раздавать ея, въ виду того, что нечего было хвастать передъ
Европою занятіемъ Москвы: событія придали ироническій смыслъ изго-
товленной (вѣроятно въ Парижѣ) медали. А. Д. Балашовъ имѣлъ воз-
можность получить ея, будучи министромъ полиціи въ 1812 году.

Благодаря любезному содѣйствію г-на Гулевича (нынѣшняго директора
Рязанской гимназіи, указавшаго намъ на мѣстонахожденіе медали) и профе-
сора К. К. Герца, въ вѣдѣніи котораго находится нумизматическое собраніе
Московского Публичнаго Музея, мы получили возможность представить
читателямъ Русскаго Архива вѣжеслѣдующіе точные снимки съ лицевой и
оборотной сторонъ этого любопытнаго памятника Французскаго нашествія.

*) To the madman of France.

ПЕРЕПИСКА БРАТЬЕВЪ КОРОСТОВЦОВЫХЪ

съ барономъ Франкомъ и графомъ М. С. Воронцовымъ, по поводу сооружеія памятника императрицѣ Екатеринѣ II-й въ г. Екатеринославль.

Князь Потемкинъ долго былъ занятъ мыслию основать для Новороссійской губерніи губернскаго города. Мѣсто, имъ выбранное, селеніе Новоселицы, на устьѣ р. Кильчени, найдено неудобнымъ, и губернскаго города перекочевывалъ съ мѣста на мѣсто, какъ будто ожидая, чтобы сама Императрица положила ему основаніе. Такъ и случилось. Екатерина, плывъ по Днѣпру къ Херсону, 9-го Мая 1787 года остановилась въ осьми верстахъ отъ селенія Кайдакъ, въ селеніи Половицы. Тамъ была разбита палатка для помѣщенія полковой церкви, въ которой преосвященный архіепископъ Екатеринославскій и Херсониса Таврическаго Амвросій совершилъ божественную литургію (образа этой походной церкви неизвѣстнымъ образомъ очутились въ Новомосковскомъ уѣздѣ, въ церкви села Пальковки, принадлежавшаго помѣщику князю Мавроени ¹⁾), а теперь во владѣніи генераль-маіора П. А. Струкова). Послѣ обѣдни, для основанія новаго города, была заложена огромная соборная церковь Преображенія Господня, размѣры которой, по словамъ очевидцевъ, ничуть не были меньше Св. Петра въ Римѣ. Въ присутствіи императора Римскаго и короля Польскаго, императрица Екатерина положила первый камень, и есть преданіе, что когда очередь дошла до графа Сегюра, то онъ сказалъ: „Царица положила первый камень, а я положу послѣдній“. Фундаментъ заложенаго собора имѣлъ 560 ф. въ длину и 157¹/₂ ф. въ ширину; нынѣ на мѣстѣ его находится церковная ограда, а на мѣстѣ заложенаго престола въ 1835 г. воздвигнутъ соборъ во имя Преображенія Господня, имѣющій приблизительно шестую часть проектированнаго. Въ недалекомъ разстояніи отъ мѣста заложенаго собора построены были кн. Потемкинскимъ для пріѣзда Императрицы каменный дворецъ, и для украшенія одной изъ залъ этого дворца была заказана лучшимъ Берлинскимъ художникамъ бронзовая статуя Государыни. Статуя эта была перевезена въ С. Петербургъ весною 1798 года; но по неизвѣстнымъ причинамъ ²⁾ не выгружена и отправлена была въ Стокгольмъ, гдѣ и находилась въ неизвѣстности по 1830 годъ, и въ концѣ этого года привезена была снова въ С. Петербургъ по запросу литейнаго заводчика коммерціи совѣтника Франца Берда, который занимался литьемъ барельефовъ строящагося тогда Исаіевскаго собора ³⁾.

¹⁾ Мавроени былъ Грекъ, служившій въ Турціи при переговорахъ о Крымскихъ дѣлахъ, за измѣну Турецкому правительству былъ посаженъ въ семибашенную крѣпость и приговоренъ къ смерти; но оттуда бѣжалъ къ Потемкину и открылъ тайны Турецкаго кабинета, за что получилъ отъ Потемкина на откупъ соль и поэтому приобрѣлъ много помѣстій, а Константинопольскій патріархъ прислалъ ему титулъ князя.

²⁾ Заводчикъ Бердъ объяснялъ причину внезапной отправки статуи безъ выгрузки приказаніемъ покойнаго императора Павла I.

³⁾ История статуи едва ли не выдумана Бердомъ-сыномъ для приданія ей большей цѣнности, или можетъ быть дошла до него невѣрно. Намъ положительно извѣстно, что А. С. Пушкинъ продалъ заводчику Берду большую бронзовую статую Екатерины за три тысячи ассигнаціями (см. Деятнадцатый Вѣкъ, кв. I, стр. 395). Пушкинъ же получилъ эту статую отъ дѣда жены своей Аевасія Николаевича

Находясь на заводѣ, статуя была случайно замѣчена помѣщиками Екатеринославской губерніи дѣйст. ст. сов. Любимомъ Ив. Коростовцовымъ и братомъ его капитанъ-лейтенантомъ Глѣбомъ Ив. Коростовцовымъ, которые нашли статую на грязномъ дворѣ, среди всякаго хлама и лома, назначеннаго въ плавку для литья барельефовъ. На это произведеніе они обратили вниманіе и просили Ф. Берда объяснить имъ, какимъ образомъ такое прекрасное и неиспорченное ваяніе назначено въ ломъ, на что Бердъ объяснилъ, что эта статуя находится у него болѣе 14 лѣтъ и разсказалъ вышеупомянутую исторію, а также исторію неоднократнаго ея путешествія въ С. Петербургъ и присовокупилъ, что самъ императоръ Николай I, бывши у него на заводѣ, замѣтилъ эту статую, находилъ большое сходство съ подлинникомъ ⁴⁾ и неоднократно спрашивалъ, не продана-ли она, на что владѣлецъ отвѣчалъ, что статуя онъ цѣнитъ не ниже 7 т. р. сер., и по этой причинѣ не находится охотниковъ на покупку ея.

Принявши все это въ соображеніе, Л. И. Коростовцовъ сообщилъ объ этой случайной находкѣ бывшему тогда Новороссійскому и Бессарабскому генералъ-губернатору графу М. С. Воронцову и Екатеринославскому губернскому предводителю дворянства барону Ф. Е. Франку, предлагая имъ купить статую на счетъ дворянства и поставить на площади, или въ залѣ дворянскаго собранія, для чего она была и заказана кн. Потемкинымъ. Объ этомъ свидѣтельствуеъ прилагаемая къ сему переписка. Предложеніе было принято съ большимъ вниманіемъ и, какъ видно изъ прилагаемой переписки, поручено было Л. И. Коростовцову приобрести статую и заказать соотвѣтствующій ей пьедесталь.

По представленію дворянства Екатеринославской губерніи, графъ М. С. Воронцовъ испросилъ у императора Николая I соизволеніе поставить монументъ на площади города Екатеринослава. Дворянство Екатеринославской губерніи не замедлило приобрести монументъ чрезъ Л. И. Коростовцова съ заказаннымъ для него особеннымъ пьедесталомъ отъ заводчика Берда за 7 т. руб. сер. и кромѣ того заказало для этого памятника на заводѣ г. Соловьева, чугунную рѣшетку въ Москвѣ которая имѣла четырехъ-угольную форму, каждая сторона въ шесть аршинъ длины; четыре небольшихъ колонки на углахъ увѣнчаны двуглавыми орлами съ принадлежащими къ нимъ знаками государственнаго герба, посреди же колонки съ лицевой ихъ стороны украшены барельефными гербами восьми уѣздовъ Екатеринославской губ., на каждомъ углу по два; трости рѣшетки на верхнихъ концахъ своихъ имѣютъ по небольшому двуглавному орлу, будучи отдѣлены между собою бердышами соразмѣрной величины; на срединѣ рѣшетки, на каждой изъ четырехъ сторонъ, представленъ

Гончарова, отецъ котораго Николай Аванасьевичъ Гончаровъ, первый писчебумажный фабрикантъ въ Россіи, въ 1787 году принималъ Екатерину у себя на извѣстномъ Полотняномъ Заводѣ и въ память ея посѣщенія заказалъ въ чужихъ краяхъ колоссальное бронзовое изображеніе Государыни, но заказъ былъ привезенъ уже при Павлѣ, когда было опасно чествовать Екатерину. Правнукъ Гончарова, памятный Московскому обществу Сергій Николаевичъ Гончаровъ показывалъ намъ и современный рисунокъ этой статуи.

П. Б.

⁴⁾ Дѣйствительно, всѣ художники находили сходство съ портретомъ Императрицы работы Левицкаго, находящемся въ публичной библіотекѣ. Старикъ *Грей*, садовникъ Императрицы, часто приходилъ любоваться ею и безъ слезъ не могъ смотрѣть на нее: такъ, говорятъ, она была похожа.

старинный гербъ Екатеринославской губ., взятый со старинной губернской печати, по переименованіи губерніи изъ Новороссійской въ Екатеринославскую, съ разными по обѣ стороны герба лавровыми вѣнками, символическими атрибутами, заимствованными изъ жалованной дворянству Екатеринославской губ. грамоты и означающими воинственность, законодательство и управленіе. На самомъ памятникѣ съ лицевой стороны написано золотыми буквами: Императрицѣ Екатеринѣ II отъ благодарнаго дворянства Екатеринославской губерніи, въ 1846 году.

26-го Сентября этого года памятникъ этотъ былъ торжественно открытъ съ церемоніаломъ, предварительно составленнымъ по общему совѣщанію духовнаго, военнаго и гражданскаго начальствъ ⁵⁾.

Вослѣдствіи Екатеринославскій губернскій предводитель дворянства генераль-маіоръ П. А. Струковъ, снесясь съ Городскою Думою, убѣдилъ ее уступить часть ярмарочной площади въ длину 48, а въ ширину 53 сажени для разведенія сквера вокругъ монумента императрицы Екатерины II и обнесъ это мѣсто оградой. Покойный императоръ Николай I отдалъ дворянству Екатеринославской губерніи пришедшій въ разрушеніе Потемкинскій дворецъ съ великолѣпнымъ и рѣдкимъ для мѣстности садомъ, расположеннымъ на полугорѣ къ Дибпру; а дворянство, исправя полуразрушенный дворецъ, обратило его въ Губернское Дворянское Собраніе.

В. Л. Коростовцовъ.

Письмо Л. И. Коростовцова къ Новороссійскому и Бессарабскому генераль-губернатору графу М. С. Воронцову.

Царствованіе императрицы Екатерины Алексѣевны II составляетъ одну изъ самыхъ блистательныхъ эпохъ въ исторіи Россійской Имперіи по славѣ, пріобрѣтенной Русскимъ воинствомъ, по расширенію предѣловъ нашего любезнаго Отечества, по выгодности для него трактатовъ, заключенныхъ ею съ сосѣдними державами и по внутреннему ея устройству имперіи во всѣхъ, безъ исключенія, отрасляхъ.

Вашему сіятельству извѣстно, что большая часть такихъ благихъ дѣйствій Императрицы непосредственно касались Новороссійскаго края.

Дѣйствительно, ни на одной изъ многихъ областей Россійской имперіи не отражалась такая неисчерпаемая попечительность императрицы Екатерины II, какую Великая оказывала этому краю. Это весьма естественно: край этотъ былъ ея главнымъ твореніемъ и, какъ будущій оплотъ противъ враждебныхъ сосѣдей, составляя какъ бы любимое ея дитя, требовалъ по недавнему своему рожденію всего материнскаго ея вниманія. Трудно исчислить всѣ тѣ мѣры, которыя приняты ею къ его безопасенію, населенію и устройству. Однимъ изъ ближнихъ къ сему средствъ, конечно, было назначеніе съ 1774 года командиромъ Новороссійской губерніи генераль-поручика Потемкина, возведеннаго впоследствии въ князя Таврическаго. Съ той поры край нашъ во всѣхъ отношеніяхъ неимо-

⁵⁾ О церемоніалѣ смотри Московскія Вѣд. № 130 за 1846 г. и Сѣверную Пчелу за Сентябрь 1846 года.

вѣрно быстро сталъ уравниваться съ благосостояніемъ стародавнихъ владѣній имперіи и нынѣ, послѣ 23-хъ лѣтняго блистательнаго управленія вашего сіятельства, представляетъ одну изъ богатѣйшихъ ея частей. Вашему сіятельству не безъизвѣстно, что сама императрица Екатерина II, во время своего путешествія въ Тавриду, въ присутствіи августѣйшихъ ея спутниковъ, Римскаго императора Іосифа II и короля Польскаго, положила нашему губернскому городу Екатеринославу основной камень. Это такое событіе, какого не представляетъ ни одинъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ. Оно достойно, чтобъ его увѣковѣчить монументомъ Императрицы, и даже ежегоднымъ торжествомъ, которое напоминало бы жителямъ Екатеринослава и его губерніи, кому и съ котораго времени обязаны они настоящимъ своимъ положеніемъ.

Въ Петербургѣ на литейномъ заводѣ г. Берда находится бронзовая статуя императрицы Екатерины II-ой, отлитая въ Берлинѣ въ 1788 году, художниками Мейеромъ, Маукишемъ и Мельтцеромъ, послѣ 6 лѣтнихъ трудовъ, какъ показываетъ слѣдующая надпись:

Artsf: Berol: fecer:
Meyer tsnx. Maukisch tud: Meltzer fin.
post annos sex.
MDCCLXXXVIII.

Статуя имѣетъ 4¹/₂ аршина въ высоту и представляетъ Императрицу стоящую въ Римскомъ военномъ панцирѣ, съ малой короной на головѣ, въ длинномъ широкомъ платьѣ, съ поясомъ для меча; въ длинной тогѣ, падающей съ лѣваго плеча; съ приподнятой лѣвой рукой и правой опирающейся на низкій находящейся подлѣ налой, на которомъ лежитъ развернутая книга законовъ, ею изданныхъ, а на книгѣ медали, знаменующія великія ея дѣянія.

Работа превосходная и отчетливая. Статую можно всегда видѣть на заводѣ г. Берда. Государь императоръ Николай Павловичъ неоднократно изволилъ ее разсматривать. По отзывамъ членовъ Академіи Художествъ, отливка нынѣ такой статуи не можетъ обойтись дешевле 50 т. р. асс. Нынѣшній ея владѣлецъ проситъ за нее 7 т. р. сер., обязуясь притомъ отлить въ счетъ сей суммы соотвѣтственный чугунный пьедесталь. Мѣди въ статуѣ заключается отъ 150 до 200 пудовъ.

Нѣтъ мѣста приличнѣе для этой статуи, какъ залъ Екатеринославскаго Дворянскаго Собранія, для котораго она была предназначена, или же если вашему сіятельству будетъ угодно, то поставить ее на соборной площади нашего губернскаго города.

Приобрѣтеніе за столь сходную цѣну такого изящнаго монумента городомъ Екатеринославомъ и дворянствомъ его губерніи было бы должнымъ украшеніемъ перваго и достойнымъ доказательствомъ признательности втораго къ памяти высокой основательницы города и первой благодѣтельницы тогдашняго Новороссійскаго края.

Эту мысль обязанностію считаю представить вашему сіятельству на благоуваженіе, въ томъ убѣжденіи, что если она заслужитъ одо-

бреніе ваше, то при начальническомъ содѣйствіи вашемъ, весь Новороссійскій край, въ особенности же Екатеринославская губернія, обязаны будутъ вашему сіятельству, какъ одному изъ ревностѣйшихъ исполнителей преднамѣреній Екатерины въ отношеніи устройства того края, за достойное и вѣковое свидѣтельство вѣрноподавническаго благоговѣнія къ великой прародительницѣ нынѣ достоуважаемаго царствующаго императорскаго дома.

15-го Сентября 1844 года. С.Петербургъ.

Письмо флота капитанъ-лейтенанта Г. И. Коростовцова къ губ. предв. дворянства барону Ф. Е. Франку.

Милостивый государь Федоръ Ермолаевичъ!

Въ С.Петербургѣ, въ литейномъ заводѣ Берда, стоитъ великолѣпное бронзовое изваяніе блаженной памяти императрицы Екатерины II-ой. Изящное произведеніе художника, достойное предмета сколько по рѣдкому выполнению, столько и по драгоценному сходству съ чертами Монархини, внушаетъ уваженіе каждому наблюдателю. По словамъ Берда изваяніе сіе отлито по заказу генералъ-фельдмаршала кн. Потемкина въ 1788 году, въ Берлинѣ, и въ послѣднее время неоднократно удостоивалось вниманія Его Императорскаго Величества, посѣщавшаго его заводъ. Старикъ Бердъ купилъ случайно эту бронзу въ ломъ; но рука образованнаго хозяина не поднималась на уничтоженіе прекраснаго произведенія. Судьба какъ бы сберегала его для лучшей цѣли. Сынъ Берда, по смерти отца вступившій въ распоряженіе заводомъ, объявилъ мнѣ, что, продержавши у себя 14 л. это изваяніе безъ всякой для него пользы, онъ рѣшился наконецъ отправить его въ семь годъ для продажи въ Англію. Намѣреніе Берда ускорило мое желаніе довести о семъ изваяніи до свѣдѣнія вашего пр-ва съ тѣмъ, что не благоугодно ли вамъ будетъ въ настоящіе выборы предложить предводителю вами дворянству о приобрѣтеніи онаго для украшенія великолѣпной залы всемилостивѣйше пожалованнаго, а трудами и попеченіемъ вашего пр-ва обновленнаго, дома Екатеринославскаго Дворянскаго Собранія. Губерніи Херсонская и Таврическая, издавна раздѣляющія съ нами по земскимъ повинностямъ благородное соревнованіе къ усовершенствованію и пользамъ края, вѣроятно не преминутъ воспользоваться правомъ своего участія, столько же пріятнымъ для нихъ, сколько и для губерніи, носящей имя Екатерины. Въ такомъ случаѣ сборъ суммы будетъ для каждаго почти не чувствителенъ. Считаю излишнимъ излагать в. пр-ву о томъ, сколько осуществленіе этой мысли согласовалось бы и съ историческимъ существованіемъ дворянскаго дома, и съ историческими воспоминаніями самаго края. Полуколосьальное изображеніе отлито цѣлою массою изъ красной бронзы, отличается чистотою отдѣлки, свойственной образцовымъ произведеніямъ и при 4½ аршинахъ высоты заключаетъ въ себѣ до 200 пудовъ вѣсу. По личному моему осмотру, оно совершенно цѣло и нисколько не повреждено временемъ. Бердъ, отливавшій столько достойныхъ примѣчанія предметовъ и украшеній, оцѣняетъ его въ 7000 руб. сер. Онъ говорилъ, что на заказъ оно

стоило бы 15.000 руб. сер. Художникъ Витали, имя котораго Исакиевскіе барельефы передадутъ потомству, сказывалъ, что одна модель для отливки такого сюжета стоила бы 3000 рубл. сер. Чтобы болѣе увѣриться во всемъ этомъ, вы можете запросить строителя знаменитаго Исакиевского собора г. Монферана, знающаго это изваяніе и начертившаго на прилагаемомъ рисункѣ простой, но весьма приличный пьедесталь, каковой Бердъ беретъ отлить изъ чугуна безденежно, и съ которымъ высота изваянія составитъ 6 аршинъ, а наконецъ снести и съ самимъ Бердомъ, какъ о томъ, чтобы онъ не спѣшилъ отправленіемъ изваянія въ Англію, такъ и объ уступкѣ въ цѣнѣ, на которую, быть можетъ, при ходатайствѣ вашемъ, онъ согласится. Исполненный глубокаго уваженія къ высокимъ достоинствамъ предводимаго вами образованнаго сословія, я счелъ пріятною обязанностію довести до свѣдѣнія вашего пр-ва объ этомъ случайномъ и, можетъ быть, единственномъ въ своемъ родѣ изваяніи, приобрѣтеніе котораго столько же будетъ зависѣть отъ содѣйствія вашего, сколько и отъ средствъ дворянства, на какой конецъ полученный мною отъ Берда рисунокъ, представляющій очерки изваянія, при семъ на благоусмотрѣніе ваше представляю.

Сентября 20-го 1844. Изъ с. Уплатнаго. Павлоградскаго уѣзд. Екатеринославской губ.

Письмо Л. И. Коростовцова къ б-ну О. Е. Франку.

По счастливому открытію мною съ братомъ моимъ Глѣбомъ Ивановичемъ возможности къ приобрѣтенію дворянствомъ Екатеринославской губерніи колоссальной статуи императрицы Екатерины I, для воздвигнутія великой основательницѣ Екатеринослава монумента, о коемъ небезызвѣстно вашему превосходительству изъ сообщенныхъ дворянству записокъ, обязанностію считаю довести до свѣдѣнія вашего, м. г., что во время пребыванія здѣсь г. Новороссійскаго и Бессарабскаго генераль-губернатора графа М. С. Воронцова, я довелъ о всемъ этомъ до свѣдѣнія его сіятельства. Предположеніе было принято имъ съ особеннымъ удовольствіемъ и съ такою горячностію, что графъ безотложно пожелалъ видѣть статую и на другой же день былъ для сего на заводѣ г. Берда съ графомъ П. Д. Киселевымъ. Они нашли, что статуя отличной работы, вполне достойна назначенія и осыпали меня изъявленіями благодарности за указаніе ея.

Графъ Михаилъ Семеновичъ лично слышалъ отъ г. Берда повтореніе условій, на коихъ продаетъ онъ эту статую, пожелалъ имѣть рисунокъ ея и въ разговорѣ со мною изъяснилъ, что очень радъ этому открытію, чрезъ которое легко можетъ исполниться давнишнее намѣреніе нашего дворянства, что онъ не замедлитъ сообщить о семъ дворянству и съ удовольствіемъ приметъ участіе въ приобрѣтеніи статуи; а послѣ испросить высочайшее соизволеніе на воздвигнутіе монумента. Я не ошибся, говоривъ его сіятельству, что дворянство подъ предводительствомъ вашимъ окажетъ равную же готовность на это дѣло и что оно увѣдомлено мною и братомъ моимъ о сей статуѣ.

Нынѣ, получивъ отъ брата Глѣба Ивановича увѣдомленіе о протоколѣ дворянства, во время выборовъ по сему случаю состоявшемся, покорнѣйше прошу, м. г., поспѣшить доведеніемъ о томъ до свѣдѣнія графа М. С. Воронцова, дабы предварить предложеніе дворянства, о которомъ онъ намекалъ.

Съ своей стороны не излишнимъ нахожу препроводить записку, которую по прочтеніи моемъ графу угодно было взять къ себѣ. Касательно же составленія рисунка для отливки изъ чугуна подъ бронзу приличнаго пьедестала подъ статую, можно будетъ здѣсь посовѣтоваться съ академиками Императорской Россійской Академіи Художествъ. Я полагалъ бы, чтобъ надписи ограничились съ одной стороны: „Екатеринѣ II-ой основавшей сей градъ 9 Мая 1787 г.“, а съ другой: „Дворянство Екатеринославской губерніи 184 г.“. На другихъ двухъ фасахъ можно означить присутствіе императора Римско-Австрійскаго и короля Польскаго.

25 Октября 1844 г. С.Петербургъ.

Письмо графа Воронцова къ Павлоградскому уѣздному предводителю дворянства.

Узнавъ отъ г. Екатеринославскаго губернскаго предводителя дворянства, д. с. с. барона Франка о намѣреніи Екатеринославскаго дворянства воздвигнуть памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II-ой, я имѣю честь обратиться къ вашему высокоблагородію съ покорнѣйшею просьбою объ оказаніи вашего, м. г., содѣйствія къ успѣшнѣйшему сбору по сдѣланной по предводительствуемому вами уѣзду поземельной раскладки; ибо я не прежде могу принять на себя ходатайство у Государя Императора о дозволеніи Екатеринославскому дворянству исполнить свое намѣреніе какъ по представленіи объ имѣющейся на то наличной суммѣ. Весьма желательно, чтобы сумма эта была бы собрана къ 1-му Мая будущаго года.

Декабря 7. 1844. Алушка.

Изъ письма барона Ф. Е. Франка къ Л. И. Коростовцову.

Вы первые указали путь къ осуществленію нашихъ предположеній открытіемъ драгоцѣннаго изваянія императрицы на заводѣ г. Берда. Отъ лица предводимаго мною дворянства имѣю честь принести вамъ признательность за участіе ваше, способствовавшее намъ пріобрѣсть это высокое произведеніе и вмѣстѣ съ этимъ покорнѣйше васъ просить, согласно съ объявленнымъ условіемъ г. Берда, принять трудъ поручить лучшему изъ художниковъ сдѣлать для пьедестала рисунокъ, соотвѣтственный его назначенію.

Апрѣля 7 дня 1845 г. Екатеринославъ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, НАЧАТОЙ ВЪ 1813 ГОДУ.

Характеристики.

I.

Н. Н. можетъ казаться гордымъ, но онъ не гордъ, а скорѣе не всегда и не со всѣхъ сторонъ общедоступенъ. У него на лбу не написано: *очень радъ познакомиться съ вами*, подобно вывѣскѣ на гостинницѣ. Онъ не завѣжій домъ, открытый для всѣхъ проѣзжающихъ и проходящихъ. Онъ не бѣгаетъ на встрѣчу къ каждому съ распростертыми объятіями. Объятія его не гибки; они рѣдко настежь растворяются. Къ нему не входишь большими воротами, а потаенною, завѣтною калиткою. Если покажется ему, что ктонибудь заискиваетъ его и обращается къ нему привѣтливимъ лицомъ, онъ готовъ на двадцать шаговъ предупредить его; но если кто какъ будто сторонится и ожидаетъ отъ него заявленія и задатка, онъ на пятьдесятъ шаговъ отступаетъ. И тогда дѣло кончено: никакому сближенію во вѣки вѣковъ не бывать. Онъ въ людяхъ вообще держится подалъ, не въ наступательномъ, а въ оборонительномъ положеніи. Тутъ есть, быть можетъ, доля гордости, но есть и доля смиренія. Онъ не ставитъ себя выше другихъ, но въ немъ развилось ревнивое чувство охраненія своего достоинства; разумѣется, достоинства не личнаго, не условнаго, а просто достоинства, присущаго каждому нравственному и по чувствамъ своимъ независимому человѣку.

Это достоинство для него сокровище. Онъ охраняетъ его, какъ приставленный часовой оберегаетъ царскія регалии, ввѣренный ему подъ отвѣтственность его, какъ кустодія охраняетъ святыню.

Между тѣмъ, по какому-то разнорѣчію въ натурѣ его, онъ въ одно время и необщедоступенъ, и общежителенъ. По различнымъ обстоятельствамъ внѣшнимъ и прирожденнымъ, по движенію и переворотамъ жизни Н. Н.—такая личность, которую почти всѣ знаютъ. Назови по одному крестному имени его, и всѣ догадаются, что говорятъ именно о немъ, а не о комъ другомъ. Онъ человѣкъ улицы, толпы, всякаго сборища. Но ни онъ толпою не поглощается, ни толпа не отражается въ немъ. Кто-то изъ пріятелей его сказалъ, что онъ одна изъ плошекъ, которыя зажигаются на улицахъ по праздничнымъ днямъ. Но вообще ничего нѣтъ праздничнаго въ немъ. Онъ существо самое будничное. Когда онъ и въ средѣ своей, между равными, онъ все смотритъ какимъ-то постороннимъ: и

они какъ будто не признають его своимъ, и онъ какъ будто не признаётъ ихъ своими. Есть какая-то коренная разнородность между ними. Въ этомъ и сила и слабость его. Но онъ на эту слабость не жалуется: скорѣе онъ ею утѣшается и ею дорожить. Вотъ здѣсь, можетъ статья, и гнѣздится червякъ городости. Еще нѣтъ на землѣ человѣка, который такъ или иначе не носилъ-бы въ себѣ зародыша этой гадины. Еще одна черта: не смотря на свое *особничество*, Н. Н. бывалъ въ пріятельскихъ связяхъ своихъ мало разборчивъ. Бывали пріятелями ему не рѣдко люди очень посредственные, дюжинные, даже, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не безупречные, пожалуй, частью, и предосудительные. Въ этомъ отношеніи натура его была снослива. Одно натура его не могла вынести: соприкосновеніе съ натурами низкопробными, низкопоклонными, низкодушными.

II.

А вотъ, на примѣръ Х. Х.—совершенная противоположность съ Н. Н. Онъ его антиподъ, онъ отрицаніе его. Нельзя и представить себѣ, чтобы они были созданы изъ одной и той же персти, изъ одного и того же духа. У него на лбу отчеканено крупными буквами: *я вашъ*, не то уже, что *познакомился*. На какую и на чью сторону онъ ни повернись, все прочтешь: *я вашъ*. Ему мало знакомиться, онъ отдаетъ себя, предаетъ себя; если не продаетъ себя, то развѣ единственно потому, что никто не купитъ его. Да и за чѣмъ покупать, когда онъ даромъ весь тутъ на лицѣ? Только берите! Для него нужнѣе всего, пуще всего не быть собою, а быть чьею нибудь собственностью. Онъ томится тоскою, сгараетъ жаждою зависимости, кидается на все и на всѣхъ, чтобы къ чему нибудь прицѣпиться; гдѣ кидаться нельзя, онъ ползкомъ ползетъ, чтобы къ кому нибудь или къ чему нибудь прилипнуть, и прилипнетъ. Н. Н. боится популярности, какъ болѣзни заразной и повсемѣстно господствующей въ воздухъ: Х. Х. всячески прививаетъ себѣ эту болѣзнь. Онъ охотно, страстно записывается въ лазареты популярности, то есть въ журналы. Пьетъ съ больными изъ одного стакана, ѣстъ съ одной тарелки, ложится на кровать больного, дышетъ дыханіемъ его; согрѣвается, увлажняется его испариною. Такимъ образомъ онъ проникнуть, пропитанъ, промазанъ, промозгнутъ, прошпигованъ популярностью. — Чтò онъ за чловѣкъ? спросите вы хорошо знающихъ его, близкихъ ему. — Онъ очень популяренъ, скажутъ они вамъ, и болѣе ничего сказать о немъ не сдумаютъ и не могутъ. Онъ вѣшалка всѣхъ возможныхъ дипломовъ, всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ обществъ по всѣмъ отраслямъ науки, промышленности, художествъ, техники, благотворительности, усыпительности, говорительности, уморительности, собако и кошко-любивой попечительности и, такъ далѣе, и такъ далѣе. Онъ запѣвало, онъ юла, непремѣнный *Спичинскій* всѣхъ юбилейныхъ обѣдовъ и годовщинъ. Какъ выходецъ изъ Полинезіи, онъ словно *татуированъ* всѣми печатами и подписями президентскими, комитетскими, духовными и свѣтскими. Взглянешь на него, ажъ въ глазахъ заря-

бить. Если, паче чаянія, имя его не встрѣтилось-бы въ какомъ нибудь обществѣ, хотя въ числѣ почетныхъ членовъ, сотрудниковъ, или иногородныхъ корреспондентовъ,—то подобное общество походило-бы на человѣка, который родился безъ мизинца на лѣвой рукѣ.

III.

Имя-рѣкъ былъ въ свое время не дѣйствительный тайный, а просто дѣйствительно тайный совѣтникъ, котораго совѣты ни единой душѣ на землѣ не были извѣстны. Онъ не чванился и не тяготился званіемъ своимъ. Казалось, что онъ такъ и рожденъ тайнымъ совѣтникомъ. О жизни его сказать много не для чего и нечего. Но слѣдуетъ припомнить здѣсь поговорку: *смерть животы покажетъ*. Онъ умеръ именно своею натуральною смертю: за карточнымъ столомъ въ Англійскомъ клубѣ. Роднымъ и пріятелямъ его остается утѣшеніе сказать себѣ, что онъ до самой кончины сохранилъ всю ясность, бодрость и свѣжесть своихъ внутреннихъ и духовныхъ силъ: за двѣ минуты до смерти упрекалъ онъ партнера своего за то, что тотъ вышелъ съ бубновой десятки, когда нужно было выходить съ червоннаго валета.

*

Разговоръ характеристическій.

№ 1. (*внушительно и нѣсколько сурово*).—А ты, голубчикъ, начинаешь опять шалить! Если такъ пойдетъ, то немудрено, что и выключимъ тебя изъ своихъ.

№ 2. (*робко и съ нѣкоторою запинкою*).—А что же я такое сдѣлалъ?

№ 1. Какъ что! Ты вчера обѣдалъ у графа З., а дня за два предъ тѣмъ у генерала Ю.

№ 2. Это вовсе не отступленіе съ моей стороны, а просто лакомство. Каюсь, люблю пріятно и вкусно поѣсть и попить; а у этихъ господъ отличные повара и отличныя вина. Послѣ обѣда подають великолѣпныя, настояція Гаванскія сигары! Бери сколько хочешь. Мамонъ свой потѣшилъ я: грѣха не таю. Но впрочемъ вель я себя съ приличнымъ достоинствомъ; святости принципа не измѣнилъ; ни разу не сказалъ я графу: ваше сіятельство, а генералу: ваше превосходительство.

№ 1. Это похвально. А когда опять будешь тамъ, захвати три-четыре сигары и принеси мнѣ на пробу.

*

Кто-то, въ довольно зрѣлыхъ лѣтахъ, увѣрялъ молодую барыню, что онъ безъ ума влюбленъ въ нее. Какъ можете вы думать, отвѣчала она, что я повѣрю такой нелѣпости (*absurdité*)?—Тутъ-то и вѣрять, возразилъ онъ: припомните слова блаженнаго Августина: *credo, quia absurdum*.—Я полатынѣ не знаю, отвѣчала красавица.—*Si c'est ainsi, j'y perdrai mon latin, mais je ne vous en aimeraï pas moins*.

Неизвѣстно, чѣмъ кончился разговоръ и какія были послѣдствія его.

Молодая дѣвица общипывала розу и клала листочки въ ротъ. — Я и не зналъ, что вы изъ самоѣдонъ, сказалъ ей старый волокита.

А, если пошло на старину, такъ вотъ старосвѣтскіе мадригалы, найденные въ одномъ *разрозненномъ томъ изъ библіотеки чертей*, какъ сказалъ Пушкинъ, то есть въ Московскомъ альбомѣ. Эти мадригалы написаны, можетъ быть, княземъ Шаликовымъ; а можетъ быть и не имъ:

1.

Что написать мнѣ вамъ въ альбомъ?
У васъ есть близъ аптеки домъ;
Но гдѣ найти лекарства
Отъ вашихъ прелестей и вашего коварства?

2.

Кто старшая изъ нихъ? вопросъ сей не рѣшенъ:
Онѣ и красотой и свѣжестью двойчатки;
И какъ ни мучусь я, не разрѣшу загадки:
Влюбленъ-ли въ матушку, иль въ дочку я влюбленъ.

3.

Быль и мечтательность, поэзія и проза.
Вдоль дома вашего, въ день лютаго мороза,
Я шель,—и страсти пылъ горѣлъ въ груди моей:
Вашъ милый образъ мнѣ мечтался все живѣй.
Въ окнѣ за стеклами у васъ алѣла роза.
Я думалъ, это вы, и поклонился ей.

При старушкѣ читали оду Петрова къ графу Григ. Григ. Орлову:

Блуститель строгаго Зенонова закона
И стоякъ посреди великолѣпнй трона.

При первомъ стихѣ, старая барыня перервала чтеца: Какой вздоръ! Совсѣмъ не *Зенонова*: законная жена графа Орлова была *Зиновьева*; я очень хорошо знавала ее.

Робкой, по крайней мѣрѣ на словахъ, молодой человекъ, не смѣя выразить устно, пытался подъ столомъ выразить ногами любовь свою сосѣдкѣ, уже испытанной въ дѣлѣ любви. Если вы любите меня, сказала она, то говорите просто, а не давите мнѣ ногъ, тѣмъ болѣе что у меня на пальцахъ мозоли (исторически-вѣрно).

Въ Москвѣ допожарной жили три старыя дѣвицы, три сестрицы Лев. *** Ихъ прозвали тремя Парками. Но эти Парки никого не пугали, а развѣзжали по Москвѣ и были непремѣнными посѣтительницами всѣхъ баловъ, всѣхъ съѣздовъ и собраній. Какъ всѣ онѣ ни были стары, но все-же третья была меньшая изъ нихъ. На ней

сосредоточились любовь и заботливость старшихъ сестеръ. Онѣ ея съ глазъ не спускали, берегли съ какимъ-то материнскимъ чувствомъ и не позволяли ей выѣзжать изъ дома одной. Бывало, придутъ онѣ на балъ первыя и уѣзжаютъ послѣднія. Кто-то однажды говоритъ старшей: „Какъ это вы, въ ваши лѣта, можете выдерживать такую трудную жизнь? Не ужели вамъ весело на балахъ?“— „Чего тутъ весело, батюшка, отвѣчала она. Но надобно иногда и потѣшить нашу шалунью“. А этой шалуньѣ было уже 62 года.

*

Москва была всегда обильна дѣвицами. Въ Москвѣ также проживали три или четыре сестрицы. Домъ ихъ былъ на улицѣ—нѣтъ, не скажу на какой улицѣ. Всякій день каждая изъ нихъ сидѣла у особеннаго окна и смотрѣла на проѣзжающихъ и на проходящихъ, можетъ быть выглядывая суженаго. Какой-то злой шутникъ—можетъ быть Копьевъ—сказалъ о нихъ: на каждомъ окошкѣ по лепѣшкѣ. Такъ и помню, что въ дѣтствѣ моемъ слыхалъ я о княжнахъ-Лепѣшкахъ. Другаго имени имъ и не было.

Москва всегда славилась прозвищами и кличками своими. Впрочемъ, кажется, этотъ обычай встрѣчался и въ древней Руси. Въ новѣйшее время онъ обыкновенно выражается насмѣшкою, что также совершенно въ Русскомъ духѣ. Помню въ Москвѣ одного Гаевского, лѣтъ уже довольно пожилыхъ, котораго не звали иначе какъ *Зефиръ* Раевскій, потому что онъ вѣчно порхалъ изъ дома въ домъ. Порхалъ онъ и въ разговорѣ своемъ, ни на чемъ серьезно не останавливаясь. Одного Василя Петровича звали Василисой Петровной. Былъ король Неапольской, генералъ Бороздинъ, который ходилъ съ войскомъ въ Неаполь и имѣлъ тамъ много успѣховъ по женской части. Онъ былъ очень строенъ и красивъ. Одного изъ временщиковъ царствованія императрицы Екатерины, Ив. Ник. Корсакова, прозвали Польскимъ королемъ, потому что онъ всегда, по билету, носилъ ленту Бѣлаго Орла.

Былъ князь Долгоруковъ *балконъ*, такъ прозванный по сложенію губъ его. Былъ князь Долгоруковъ *каламбургъ*, потому что онъ каламбурами такъ и сыпалъ. Былъ князь Долгоруковъ *l'enfant prodigue*, который, въ теченіи немногихъ лѣтъ, спустилъ богатое наслѣдство, полученное отъ отца. Дочь его была прозвана:

Киргизкайсакская царица,
Владычица златой орды,

потому что въ лицѣ ея, оживленномъ и возбужденномъ, было что-то восточное, и что имѣла она много поклонниковъ. Была красавица, княгиня Масальская (домъ на Мясницкой), *la belle sauvage*—прекрасная дикарка—потому что она никуда не показывалась. Мужъ ея, *князь мощи*, потому что онъ былъ очень худощавъ. Всѣхъ кличекъ и прилагательныхъ не припомнишь. Въ Москвѣ и дома носили клички. На Покровкѣ домъ князя Трубецкаго, по странной архитектурѣ своей, слылъ *домъ-комодъ*. А по дому и семейству князя называли: *Трубецкіе-комодъ*. Домъ, кажется, не сгорѣлъ въ по-

жаръ 1812 года, и въ официальномъ донесеніи о пожарѣ упоминался онъ *домъ-комодъ*. Такъ другой князь Трубецкій извѣстенъ былъ въ обществѣ и по полицейскимъ спискамъ подъ именемъ князь-*тараръ*, потому что это была любимая и обыкновенная прибаутка его. Между прочимъ онъ прозвалъ престарѣлаго отца своего, когда и самъ былъ уже старъ: *le père éternel*.

А домъ Пашкова на Моховой? Не знаю, носилъ-ли онъ въ народѣ особую кличку, но дѣти прозвали его волшебнымъ замкомъ. На горѣ, отличающійся самобытною архитектурою, красивый и величавый, съ бельведеромъ, съ садомъ на улицу, а въ саду фонтаны, пруды, лебеди, павлины и заморскія птицы; по праздникамъ игралъ въ саду домашній оркестръ. Какъ бывало ни идешь мимо дома, такъ и прильнешь къ желѣзной рѣшеткѣ; глядишь и любишь; и всегда рѣшетка унижена дѣтьми и простымъ народомъ.

Тоже въ старое время была въ Петербургѣ графиня Головкина. Ее прозвали *мигшей*, потому что она безпрестанно мигала и моргала глазами. Другаго имени въ обществѣ ей не было. Пріѣзжій иностраннѣйшій посланникъ, наслышавшись этого имени и однажды имѣя нужду къ ней писать, преспокойно и прямо надписалъ письмо: à madame, madame la comtesse migouche.

*

Тоже старина. Въ кавалергвдскомъ полку (почему не говорится кавалергвардъ, какъ конногвардеецъ?) одного офицера прозвали *супъ*. Онъ былъ большой хлѣбосоль и встрѣчнаго и поперечнаго приглашалъ *de venir manger la soupe chez lui*, то есть порусски щей похлебать. Между тѣмъ онъ былъ очень щекотливъ, взыскателенъ, раздражителенъ. Бѣдовой онъ человекъ, съ приглашеніями своими, говаривалъ Денисъ Давыдовъ; такъ и слышишь въ приглашеніи его: покорнѣйше прошу васъ пожаловать ко мнѣ отобѣдать, а не то извольте драться со мною на шести шагахъ разстоянія. Этотъ оригиналъ и пригласитель съ пистолетомъ, приставленнымъ къ горлу, былъ впрочемъ образованный человекъ и пользовавшійся уваженіемъ. Около тридцатыхъ годовъ, онъ, изъ среды общества, изъ среды семейства, со дня на день, пропалъ безъ вѣсти. Никто не зналъ, кажется, и нынѣ не знаетъ, куда дѣвался онъ, какъ кончилъ и покончилъ-ли съ жизнью своею. Объяснительной причины къ исчезновенію его также никто придумать не могъ.

Года два-три спустя, на дѣтскомъ балѣ замѣтилъ я малолѣтняго сына его, танцовавшаго съ маленькою дочкою отца, который года два предъ тѣмъ зарѣзался. Разумѣется, эта встрѣча была дѣло случая, и вѣроятно, дѣти и не знали о злополучной участи родителей своихъ, но и въ самомъ случаѣ бываетъ иногда много трагическаго драматизма.

*

Умъ и талантъ не всегда близнецы, не всегда сросшіеся братья-Сіамцы. Напротивъ, они не рѣдко разрозненные члены. Умъ самъ по себѣ, талантъ самъ по себѣ. Такая разрозненность обыкновен-

но встрѣчается въ литературѣ: есть умъ, особенно въ поэзіи, въ стихотворствѣ, то есть внутренность; но нѣтъ приличной и красивой оболочки, чтобы облечь сырую внутренность. Есть талантъ, то есть нарядная блестящая оболочка; но подъ него нѣтъ никакого ядра, нѣтъ никакой сердцевины. Можно быть отличнымъ скрипачемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ ума весьма посредственнаго. Перо тотъ-же смычекъ.

*

Нѣкоторые, такъ называемые, свѣтскіе романы богаты блестящими и тонко обдѣланными принадлежностями. Комната красиво убрана, все въ ней разставлено въ изящномъ и щегольскомъ порядкѣ, много искусства и мастерства и вкуса въ разбросанныхъ здѣсь и тамъ издѣліяхъ, побрякушкахъ; есть и цѣнныя картины вдоль стѣнъ, есть и замѣчательныя произведенія ваянія. Одна бѣда: комната пуста. Читаешь романъ и все ждешь, чтобы въ комнату вошелъ хозяинъ, чтобы въ комнату вошла жизнь; но ни онъ, ни она ни входятъ. Прекрасное женское платье, прекрасные женскіе наряды висятъ на вѣшалкѣ и лежатъ на туалетномъ столѣ. Такъ и ждешь, вотъ придетъ красавица и придастъ жизнь и значеніе этимъ блестящимъ прелестямъ. Она облечется ими; и она ими украсится, и онѣ украсятся ею. Читаешь романъ, а все красавица не является.

*

Памятный Москвѣ оригиналъ, Василій Петровичъ Титовъ, ѣхалъ въ Хамовническія казармы къ князю Хованскому, начальствующему надъ войсками, расположенными въ Москвѣ. Ёхалъ туда-же и въ тоже время князь Долгоруковъ, не помню какъ звали его. Онъ нѣсколько разъ обгонялъ карету Титова. Наконецъ сей послѣдній, высунувшись въ окно, кричитъ ему: куда спѣшишь? Всѣ тамъ будемъ. Когда доѣхали до подъѣзда казармъ, князя Долгорукаго вытащили мертваго изъ кареты.

Около того времени умеръ въ Москвѣ Ст. Степан. Апраксинъ. Вотъ какіе слухи ходили въ городѣ по поводу смерти его. Приближенные къ нему передавали, что онъ не одинъ разъ рассказывалъ бывшій съ нимъ въ молодости случай. Онъ былъ въ пріятельскихъ связяхъ, опять не упомяну съ кѣмъ именно. По какимъ-то служебнымъ непріятностямъ, этотъ пріятель вынужденъ былъ выдти изъ военной службы. Онъ поселился въ Москвѣ. Это было въ царствованіе Екатерины II и, кажется, во время управленія Москвою князя Прозоровскаго. Увольненіе отъ службы дѣлало положеніе его въ Москвѣ нѣсколько сомнительнымъ. Онъ умираетъ. По распоряженію градоначальника, отмѣняются военныя почести, обыкновенно оказываемыя при погребеніи бывшаго военнаго лица. Апраксину показался такой отказъ неблаговиднымъ и несправедливымъ. Онъ тогда командовалъ полкомъ въ Москвѣ и прямо отъ себя и, такъ сказать, частнымъ образомъ воздалъ покойнику подобающія ему почести. Въ ночь слѣдующую за погребеньемъ является ему умершій, благодарить его за дружескій и благородный поступокъ и ис-

чезаетъ, говоря ему: до свиданія. Гораздо позднѣе вторично являет- ся онъ ему, и въ этотъ разъ, сказалъ онъ: „Теперь приду къ тебѣ, когда мнѣ суждено будетъ увѣдомить тебя, что ты долженъ го- товиться къ смерти“. Прошли многіе годы. Апраксинъ успѣлъ уста- рѣть. Вѣроятно онъ болѣе не думалъ о являвшемся ему привидѣ- ніи; по крайней мѣрѣ, изгладились первыя впечатлѣнія. Ничего мрачнаго и напуганнаго въ немъ не замѣчалось. Напротивъ, онъ пользовался и наслаждался жизнью, любилъ свѣтскія развлеченія и самъ въ теченіи многихъ лѣтъ угощалъ Москву разными увеселе- ніями и празднествами: зимою въ городскомъ домѣ, лѣтомъ въ под- московной. Наконецъ онъ легко занемогаетъ; ни докторъ его, ни домашніе не обращаютъ особеннаго вниманія на легкую простуду. Но онъ самъ, впрочемъ нрава немнительнаго, озабоченъ нездоров- вьемъ своимъ, часто задумчивъ и мраченъ. Нѣсколько дней спустя, онъ, къ удивленію врача своего, почти безъ видимой болѣзни и причины, угасаетъ. Эту неожиданную смерть объясняли третьимъ видѣніемъ, или сновидѣніемъ, котораго былъ онъ жертвою.

По кончинѣ Апраксина Москва уже не видала подобнаго барскаго и гостепріимнаго дома.

Чтобы дать понятіе о широкомъ размѣрѣ хлѣбосольтва его, ска- жемъ, что вскорѣ послѣ возрожденія Москвы онъ, не помню по ка- кому случаю, далъ въ одинъ и тотъ-же день обѣдъ въ залѣ Благо- роднаго Собранія на стопятьдесятъ человекъ, а вечеромъ въ домѣ своемъ балъ и ужинъ на пять сотъ. Это что-то Гомерическое, или просто бѣлокаменное, Московское. Впрочемъ, не слыхать было, чтобы хозяйство и дѣла его были разстроены въ слѣдствіе подоб- ныхъ Балтазарскихъ пиршествъ. Но не одними плотоядными пир- шествами отличался этотъ Московскій барски-увеселительный домъ. Болѣе возвышенныя и утонченныя развлеченія и празднества также не были забыты. Бывали въ немъ литературные вечера и чтенія, концерты, такъ называемые благородные или любительскіе спек- такли. Въ городскомъ домѣ была обширная театральная зала. Въ числѣ близкихъ Апраксину пріятелей назовемъ Ѳед. Ѳед. Кокоски- на, кажется, нѣсколько и родственника ему, и Алексѣя Михайло- вича Пушкина. Это были два соперника-impresario. Первый заи- дывалъ Русскою сценою, другой Французскою. Оба и сами были отличные актеры, каждый въ своемъ родѣ. Но преимущество было, разумѣется, на сторонѣ послѣдняго, именно отъ того, что онъ иг- ралъ пофранцузски, могъ пользоваться разнообразнымъ выборомъ въ богатой сценической литературѣ; другой же долженъ былъ долго искать въ очень скудной драматической библіотекѣ и рѣд- ко могъ что найти. Нашъ театръ держится вообще переводами и подражаніями, подъ какою-то фабричною передѣлкою *на Русскіе нравы*. И обыкновенно выходитъ, что нравы перестали быть Фран- цузскими, но въ Русскую плоть не облеклись. Старыя наши коме- діи, какъ напримѣръ Недоросль Фонъ-Визина или Хвастунъ Княж- нина, слишкомъ устарѣли по формѣ и пріемамъ своимъ для нашей публики. За немнѣніемъ комедій, Кокоскинъ любилъ обуваться въ трагическій котурнъ. Онъ хорошо зналъ театръ, изучилъ сцениче-

ское искусство; но наружность и средства его были не трагическія. Нельзя было сказать о немъ: *qu'il avait le physique de son emploi*. Именно физика измѣняла ему. Онъ былъ малаго роста, лицомъ очень некрасивъ. Ничего героическаго и энергическаго въ немъ не было. Трагическій шлемъ вовсе не былъ къ лицу ему; вязаное нижнее платье, тѣлеснаго цвѣта, также было не кстати. Голосомъ владѣлъ онъ довольно хорошо, стихъ произносилъ толково и правильно; но въ голосѣ было что-то слишкомъ зычное и напыщенное, что часто встрѣчается на театрѣ нашемъ. Роль свою понималъ онъ хорошо. Вообще былъ онъ актеръ не безъ дарованія, классикъ по убѣжденію и до мозга костей своихъ: онъ держался старинныхъ сценическихъ преданій и обычаевъ, до суевѣрія, до язычества. Но самъ-то на сценѣ никакъ быть не могъ классическимъ героемъ.

Помню въ домѣ Апраксина представленіе трагедіи Вольтера, *Альзира*, въ старинномъ переводѣ Карабанова, впрочемъ довольно близкомъ и не лишенномъ достоинства. Тутъ подвизались Кокошкинъ, двоюродный братъ его, тоже Кокошкинъ съ женою своею и поэтъ Ивановъ. Если Фед. Фед. былъ довольно сухощавъ, то два другіе дородствомъ своимъ занимали на сценѣ достаточно видное мѣсто. Это представленіе имѣло, разумѣется, свою восторженную и до ломанія рукъ хлопающую публику. И тогда уже были патріотическіе театралы, почитавшіе почти государственною измѣною болѣе любить хорошее драматическое представленіе Французское, нежели плохое отечественное. Но и тутъ въ числѣ зрителей, были, хотя и въ меньшинствѣ, нѣкоторые изъ такихъ государственныхъ преступниковъ и неблагодарныхъ сыновъ Россіи: они исподтишка улыбаются, глядя на трагическія усилія усердныхъ лицедѣевъ. Вас. Львов. Пушкинъ былъ въ числѣ такихъ злоумышленниковъ. По добрымъ свойствамъ своимъ, не очень задирчивый въ эпиграмахъ, онъ, выходя изъ театра, сказалъ довольно забавно:

Гусмана видѣлъ я, Альзиру и Замора.
Умора!

Былъ еще памятный спектакль въ лѣтописяхъ Апраксинскаго театра. Разыгрывали Цивильскаго Цырюльника. А. М. Пушкинъ былъ учредителемъ и дѣйствующимъ лицомъ представленія. Онъ тоже былъ большой любитель и большой знатокъ сценическаго искусства. На театральныхъ подмосткахъ былъ онъ какъ въ комнатѣ, какъ дома. Вообще онъ не легко смущался и никогда не рисовался. Публика для него не существовала. Онъ игралъ роль свою, какъ чувствовалъ и какъ понималъ ее, и всегда чувствовалъ и понималъ ее вѣрно: выражался непринужденно. Игра въ лицѣ его была мимическая и внѣ сцены. Разумѣется, въ комедіи Бомарше, по всѣмъ правамъ, принадлежала ему роль Фигаро. Никогда Французскій авторъ не могъ придумать себѣ лучшаго Фигаро и лучшей Розины, какъ тѣхъ, которые дала ему Москва. Молодая дѣвица Шишкина (въ послѣдствіи г-жа Геденова) была прелестная Розина. Собою миловидная, красивая, она, игрою натуральною и

смышленною, милою смѣсью дѣвической простоты и дѣвичьяго лукавства, совершенно вѣрно и превосходно выразила созданіе, вымышленное Бомарше. Къ тому-же была она отличная пѣвица: голосъ свѣжій, чистый, свѣтлый, звонкій. Вставленные въ комедію аріи, прочтѣныя ею, довершили торжество ея. Домъ Апраксина (который, въ послѣдствіи, кажется, былъ домомъ призрѣнія сиротъ, оставшихся послѣ родителей умершихъ отъ холеры — вотъ какъ судьба распоряжается, не только людьми, но и домами!) былъ предназначенъ быть храмомъ искусства. Много лѣтъ играли на его театрѣ императорскіе актеры и опера Итальянская, выписанная и учрежденная также при содѣйствіи Апраксина.

Тузы, которые въ Москвѣ *живали и умирали*, право, были не лишніе: каждый городъ могъ бы пожелать имѣть ихъ въ своей игрѣ.

Подмосковная *Льво* была достойною пристройкою къ городскому дому, и тутъ посѣтители слѣдовали за посѣтителями, праздники за праздниками, спектакли за спектаклями. Въ послѣднемъ отношеніи не довольствовались легкими комедіями и водевилями: изъ стараго Французскаго репертуара выбирали комедіи пятиактныя и перваго разряда; напримѣръ: *La Coquette Corrigée*. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, Пушкинъ явился маркизомъ самаго Версальскаго чекана; въ другой піесѣ настоящимъ Французскимъ слугою, наглымъ и плутоватымъ; а подъ конецъ Русскимъ старостою. Въ деревенской картинѣ, запросто написанной, пѣли куплеты въ честь хозяйкѣ, то есть Екатеринѣ Владиміровнѣ, которую, за нѣсколько строгую красоту ея, прозвали въ Парижѣ: *la Vénus en courroux*. На долю Пушкина палъ слѣдующій куплетъ:

Былъ я щеголемъ Французскимъ,
 Былъ обманщикомъ слугою,
 Я теперь красавцемъ Русскимъ,
 При усахъ и съ бородой.
 Малой я во всемъ послушной
 И съ другими на подхватъ,
 Для хозяйки добродушной,
 Я въ огонь и въ воду радъ.

Предъ самымъ спектаклемъ, пріѣхалъ изъ Петербурга князь Федоръ Сергѣевичъ Голицынъ. Сейчасъ завербовали и его, и онъ пропѣлъ куплетъ тутъ же написанный. Для незнавшихъ его нужно замѣтить, что онъ былъ очень толстъ.

Изъ Санктъ-Петербурга на праздникъ,
 Я нарочно прилетѣлъ.
 Багагуръ я и проказникъ,
 И пострѣлъ вездѣ поспѣлъ.
 Оцѣнить меня глазами,
 Я кажусь пудовикомъ;
 Но попраздновать съ друзьями
 Нетяжелъ я на подѣмъ.

*

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПОЛЬСКАГО ЕПИСКОПА БУТКЕВИЧА *)).

До сихъ поръ я не знаю, по чьей инициативѣ и съ какою цѣлью папа надѣлилъ меня званіемъ протонотарія: или хотѣли этимъ пустымъ титуломъ умиловить наше правительство, которое было бы слишкомъ обижено, еслибъ я возвратился ни съ чѣмъ, или же, что, какъ я думаю, гораздо вѣрнѣе,—хотѣли переманить меня на свою сторону. Институтъ протонотаріевъ восходитъ къ первымъ вѣкамъ христіанства и прежде имѣлъ большое значеніе; нынѣ онъ состоитъ изъ семи дѣйствительныхъ членовъ, которые щедро оплачиваются, и изъ многихъ почетныхъ. Чтобъ придать этому званію болѣе важности, отъ кандидатовъ требуютъ соотвѣтственнаго образованія и личной извѣстности папѣ; получающій же его долженъ былъ совершить присягу въ св. инквизиціи. Я рѣшительно отказывался принять этотъ титулъ, но г. Бутеневъ совѣтовалъ мнѣ не противиться. Конгрегація св. инквизиціи въ Римѣ первая по важности; въ ней предсѣдательствуетъ самъ папа или прелатъ, пользующійся полнымъ его довѣріемъ. Въ ту пору папу замѣнялъ Катерини—и предъ нимъ-то я изложилъ свое вѣроисповѣданіе и произнесъ клятву по старинному образцу, въ силу которой я обязывался быть шпиономъ, цензоромъ и обо всемъ доносить папѣ.

Послѣ этой церемоніи я, по совѣту Бутенева, просилъ у папы аудіенціи, чтобъ отблагодарить его за оказанную честь. Аудіенція происходила вечеромъ. Поцѣловавъ ногу папы, я сказалъ: „Хотя я прибылъ въ Римъ не для исканія почестей, но для очищенія себя отъ взводимыхъ на меня обвиненій; не смотря на то, я взысканъ милостью и возведенъ въ санъ протонотарія, за каковую милость и приношу я мою благодарность, которую питать буду до гроба“. Папа отвѣчалъ: „Ты всегда таковъ же; ты кажешься смиреннымъ и послушнымъ сыномъ церкви, но вмѣстѣ съ этимъ ты не перестаешь гордиться способностями и заслугами своими Русскому правительству. Жаль тебя; ты обладаешь всѣми качествами духовнаго и чиновника, но къ несчастью ты связался и приковался къ Русскимъ интересамъ, и готовъ жизнью пожертвовать въ угоду своему Государю и его намѣстнику. Я удовлетворилъ желанію вашего министра, котораго я очень уважаю и гораздо бы больше сдѣлалъ, еслибъ видалъ тебя на нашей, а не на противной сторонѣ. Съ чего ты взялъ такъ упорно защищать свое правительство и все изви-

*) См. выше, стр. 320.

нять, что оно дѣлаетъ въ ущербъ католикамъ? Это одно уже убѣждаетъ меня, что ты съ нимъ въ соглашеніи, и этимъ ты ослабляешь всѣ свои заслуги“ Выслушавъ этотъ выговоръ терпѣливо, я отвѣчалъ смиренно и склонившись: „Еслибъ ваше святѣйшество изволили, какъ обѣщали, судить меня по моимъ запискамъ, на составленіе которыхъ я не жалѣлъ труда, то вы получили бы о моемъ характерѣ совсѣмъ иное понятіе. Я останусь вѣрнымъ своимъ обязанностямъ до смерти, хотя я въ Римѣ и претерпѣлъ обиду. Поступая въ духовное состояніе, я думалъ только скупить Богу и человечеству; а повышеніемъ своимъ я обязанъ не своимъ заискиваніямъ, а любви ко мнѣ пастырей. Въ сердцѣ моемъ никогда не являлась мысль объ измѣнѣ, и я не думалъ искать повышенія насчетъ моихъ убѣжденій и моей совѣсти. И поэтому я переношу спокойно пониженіе, которое я усматриваю въ отказѣ епископства“. — „Даль бы Богъ, возразилъ папа, чтобъ такъ было, какъ ты говоришь; все таки это остается загадкою, по какимъ причинамъ и съ какою цѣлью отражаешь ты упреки, которые весь свѣтъ дѣлаетъ Русскому правительству“. — „Никакихъ предосудительныхъ причинъ, отвѣчалъ я, и никакой преступной цѣли у меня нѣтъ; Богъ видитъ это, и вся моя жизнь служить этому доказательствомъ. Я не такъ гордъ и не такъ глупъ, чтобъ мнѣ думать оказать услугу нашему правительству. Оно слишкомъ сильно и безгранично-самовластно, чтобъ нуждаться въ помощи простаго священника. Желаніе и воля Государя всему законъ и, для ея исполненія правительство ни передъ чѣмъ не остановится и все сдѣлаетъ, не думая давать отчетъ иноземному правительству“. — „А что говоритъ общественное мнѣніе, возразилъ папа, и что печатаютъ на всѣхъ языкахъ о вашемъ правительствѣ? Можетъ быть, скажешь, что и это клевета?“ — „Нѣтъ, не скажу этого, отвѣчалъ я; но то вѣрно, что во всѣхъ толкахъ о преслѣдованіи католиковъ въ Россіи гораздо болѣе политической ненависти и превеличенія, чѣмъ истины и справедливости. Слишкомъ извѣстны и громки факты, чтобъ ихъ отрицать или стараться ихъ оправдывать; это было бы истиннымъ безуміемъ, отъ котораго Богъ да спасетъ меня. Очувтившись, по волѣ Провидѣнія, въ Римѣ и имѣя свободный доступъ къ вашему святѣйшеству, я счелъ самою священною обязанностью представить устно и письменно сущую правду, думая, что знаніе всѣхъ обстоятельствъ не будетъ бесполезно для вѣрнѣйшаго уврачеванія ранъ нашихъ; но я ошибся: эти усилія, вытекающія изъ искренней, сыновней преданности, сочтены за заговоръ съ правительствомъ, за служеніе Россіи, и еще хуже, за стремленіе повредить вѣрѣ и собственному званію. Я ни въ чемъ не могу упрекнуть себя; я сдѣлалъ все, что долженъ былъ сдѣлать; моя карьера кончена. Отказывая мнѣ въ своемъ довѣрїи, ваше святѣйшество лишаете меня возможности служить дальше и быть полезнымъ моему отечеству въ духовномъ санѣ“. Когда я кончилъ, папа съ жаромъ воскликнулъ: „Blasfemasti, ты богохульствуешь: я не мѣшаю тебѣ употреблять свои способности и трудиться на пользу церкви и вѣрѣ, не только въ твоемъ отечествѣ, но и во всякомъ другомъ мѣстѣ, еслибъ тебѣ вздумалось покинуть родину. Оставайся

и впредь ректоромъ и предатомъ и исполняй все, что тебѣ будетъ поручено. Я не утвердилъ тебя епископомъ, потому что на тебя жаловались и обвиняли тебя въ сообщничествѣ съ правительствомъ и просили не допустить тебя до власти. Я согласился на это и слова моего не измѣню, пока не имѣю ничего такого, что могло бы дать мнѣ основаніе отвергнуть желаніе твоихъ земляковъ, извѣстныхъ мнѣ своимъ благочестіемъ и преданностью апостольской столицѣ. Оставимъ это дѣло въ покоѣ; время покажетъ, на чьей сторонѣ правда. Ты являешься добрымъ сыномъ церкви и долженъ довольствоваться этимъ и ни къ кому не питать злобы и ненависти“. Хотѣлъ я на это отвѣчать, но папа не позволилъ мнѣ говорить, повторяя нѣсколько разъ: *basta, basta*, и самъ началъ толковать о Полякахъ. Четвертый уже разъ имѣлъ я счастье разговаривать съ св. отцомъ; но никогда не показался онъ мнѣ такимъ откровеннымъ и сердечнымъ. Я зналъ объ его симпатіи къ Полякамъ, доходящей до слабости; но на этой аудіенціи я убѣдился, что онъ преданъ намъ сердцемъ и душою. Невозможно, да и неумѣстно перечислять здѣсь всѣ подробности о краѣ и людяхъ, сказанныя св. отцемъ; упомяну только о томъ, что касается меня. „Ты, говорилъ онъ, привыкъ уже къ климату Италіи и ея жизни и могъ бы спокойно и удобно провести здѣсь остатокъ дней твоихъ; мощная десница Россіи не досягла бы тебя здѣсь, никакая забота не мучила бы тебя“. Поцѣловавъ у папы ногу и руку, я сказалъ: „Правда, католику-священнику нѣтъ мѣстопробыванія пріятнѣе вѣчнаго города, столицы христіанства, гдѣ все, къ чему ни прикоснешься, на что ни взглянешь, все побуждаетъ къ созерцанію религиозному или историческому. Но для Поляка это хорошо только на нѣкоторое время; душа и сердце не наполнятся этимъ, всегда останется тоска по роднѣ и по языку отечественному. Ни къ кому болѣе, какъ къ Поляку, не идутъ слова древняго мудреца: *dulcis fumus patriae*“. Едва я договорилъ эти слова, пробило 10; папа всталъ и сказалъ: „*Basta*, мы заболтались, и уже поздно“. Простившись съ нимъ, пошелъ я еще на аудіенцію къ кардиналу Антонелли, который меня отпустилъ послѣ 11-ти, извиняясь необходимостью отправиться на засѣданіе государственнаго совѣта. Видно, Итальянцы несонливы и нелѣпны, какъ обыкновенно говорятъ.

Аудіенція эта навела меня на мысль, что папа былъ бы радъ, еслибъ я навсегда остался въ Римѣ. Аудіенція же, которую я испросилъ предъ отъѣздомъ въ Неаполь, не оставила на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Папа, спросивъ меня, что я замышляю дѣлать съ собою, прямо объявилъ, что былъ бы радъ видѣть меня постояннымъ жителемъ Рима, и что этимъ только способомъ могъ бы я очиститься отъ всѣхъ подозрѣній, которыя на мнѣ тяготѣютъ. Хотя я и ожидалъ этого предложенія, но все таки пришелъ въ неописанное смущеніе и сталъ отиѣкиваться, какъ умѣлъ. „Я уже старъ, говорилъ я, никакого состоянія не имѣю; превратиться въ дѣльнаго Итальянскаго священника мнѣ уже трудно; для этого, кромѣ языка, коимъ я не вполнѣ владѣю, нужно еще довѣріе, которое нелегко

дается, и мнѣ, привыкшему къ удобствамъ жизни, пришлось бы терпѣть нужду и умереть съ голоду“. Папа взволновался. „Какъ, воскликнулъ онъ, ты бы умеръ съ голоду, еслибъ я взялъ тебя подъ свое покровительство! Если я тебя теперь принимаю, то тогда я бы гораздо охотнѣе подавалъ тебѣ помощь во всѣхъ твоихъ нуждахъ“. Поцѣловавъ ногу за эту милость, я спросилъ: „Къ чему я буду годиться? Не зная мѣстной жизни, я сдѣлался бы бесполезнымъ дармоѣдомъ“. — „Мнѣ говорили, возразилъ папа, что ты прилеженъ и трудолюбивъ; пожелай только и найдешь занятіе соответственное твоимъ способностямъ и твоему положенію“. — „Конечно, это правда, отвѣчалъ я; но я, какъ священникъ и подданный, безъ разрѣшенія правительства, не могъ бы остаться въ Римѣ“. — „Ты, какъ я вижу, сказалъ папа съ досадою, хотѣлъ бы до смерти оставаться въ зависимости отъ Россіи; не даромъ, значить, говорятъ люди, что ты совсѣмъ предалъ себя Императору, который такъ угнетаетъ католиковъ. Не сдѣлавъ тебя епископомъ, онъ отброситъ тебя, какъ ненужнаго ему и совсѣмъ о тебѣ забудетъ“. — „Одному Богу извѣстно, отвѣчалъ я, какая судьба ожидаетъ меня; но я думаю, что не согрѣшу, питая чувство благодарности и повиновенія къ моему Монарху; законы Божескіе и человѣческіе налагаютъ на меня эту обязанность“. — „Такъ ты не желаешь, прервалъ папа, воспользоваться убѣжищемъ, которое я тебѣ предлагаю?“ и лицо его нахмурилось. „Напротивъ, продолжалъ я, безконечно за это благодаренъ; хотѣлъ бы только воспользоваться имъ, не подвергая духовенство нашего преслѣдованіямъ отъ правительства. Государь оказалъ мнѣ такую благосклонность, которую я никогда заслужить не могъ: меня одного отправилъ въ Римъ тогда, какъ другимъ и по болѣзни не позволяютъ переступать границы. Духовенство наше и теперь имѣетъ мало довѣрія; а измѣни я, то оно бы его совсѣмъ потеряло; но я думаю можно получить дозволеніе на оставленіе отечества“. Тутъ я напомнилъ папѣ, что въ Римѣ есть храмъ св. Станислава, основанный Полякомъ, кардиналомъ Гозиемъ: я бы хотѣлъ поселиться при немъ, чтобъ поддержать въ немъ пристойное служеніе Богу и исполнить волю завѣщателя, который хотѣлъ его сдѣлать разсадникомъ дѣльныхъ духовныхъ. Папа всплеснулъ руками и съ радостью воскликнулъ: „Bravissimo! ты докажешь такимъ образомъ, что ты католикъ и Полякъ; жаль этого заведенія, оно теперь осквернено и въ совершенномъ упадкѣ. Постарайся исполнить это намѣреніе, на которое я вполне согласенъ“. Распросивъ потомъ, когда и зачѣмъ я ѣду въ Неаполь и какъ долго оставаться тамъ намѣренъ, сказалъ: „По возвращеніи увидимся; а между тѣмъ даю тебѣ на дорогу мое апостольское благословеніе“.

Эта была послѣдняя моя аудіенція. На слѣдующій день отправился я въ Неаполь, и некогда мнѣ было доискиваться побужденій, заставлявшихъ папу склонять меня къ бѣгству изъ подъ власти нашего Государя. По возвращеніи въ Римъ, открылись мои глаза. Воскресенцы не преминули чрезъ Итальянскихъ духовныхъ обвинить меня въ Русскомъ посольствѣ въ томъ, будто я, описывая въ разныхъ запискахъ состояніе церкви у насъ, клевету на правительство и

измѣняю своему Монарху. Ничего въ этомъ не выигравъ, они рѣшились превратить меня въ эмигранта и въ подобнаго имъ мятежника и врага своего правительства. Они очень были увѣрены, что по возвращеніи домой, я не премину обнаружитъ всѣ ихъ козни и интриги. Для исполненія сего намѣренія, за помощью обратились они къ папѣ. Я такъ почитаю и уважаю папу, что счелъ бы себя язычникомъ и богохульникомъ, еслибъ хотя на минуту допустилъ мысль, что онъ зналъ о планахъ и козняхъ Воскресенцевъ; а тѣмъ болѣе, еслибъ я рѣшился подозрѣвать его въ заговорѣ съ ними. Я слишкомъ осязательно убѣдился, живя въ Римѣ, что все относящееся къ нашему духовенству рѣшается подъ ихъ вліяніемъ; отъ ихъ милости зависятъ всѣ повышенія; по ихъ протекціи получаютъ всякія индульгенціи и, что еще страннѣе, наперекоръ всякому приличію и дипломатическимъ обычаямъ, они представляютъ папѣ Поляковъ и Полекъ за самыхъ усердныхъ католиковъ. Неудивительно поэтому, что они могли настроить папу, какъ хотѣли, имѣя къ нему легкой доступъ сами и при посредствѣ приближенныхъ къ папѣ, купленныхъ золотомъ нашихъ благочестивыхъ дамъ. Когда всѣ ихъ замыслы погубить меня въ глазахъ папы окончательно не удались, они стали сблизаться и дружиться со мною. Я, съ разрѣшенія миссіи, не избѣгалъ этого знакомства, ходилъ въ ихъ костелъ, слушалъ Польскія проповѣди. Приписывая это моей слабости, они нарочно старались сводить меня съ лицами наиболѣе компрометированными; но отъ знакомства съ какою-то святою монахинею Василіянкою я рѣшительно отказался. Когда же они узнали, что я согласился поселиться въ Римѣ при костелѣ святаго Станислава съ разрѣшенія правительства, а не какъ эмигрантъ, то очень встревожились, и рѣшили, во что бы ни стало, помѣшать этому. Г. Бутеневъ былъ сначала очень доволенъ моими проѣздами: самъ представлялъ канцлеру, какъ будетъ удобно для миссіи имѣть въ своемъ распоряженіи преданнаго духовнаго; но послѣ началъ колебаться, и я не настаивалъ.

Покончивъ всѣ дѣла, я отплылъ чрезъ Чивитавеккію во Францію. Въ Марсели я былъ пораженъ необыкновеннымъ торговымъ движеніемъ; въ Ліонѣ—развитіемъ промышленности. Останавливаясь въ большихъ и малыхъ городахъ, я видѣлъ вездѣ чудесный порядокъ, строгое соблюденіе закона, личную безопасность, неподражаемая во всемъ облегченія въ удовлетвореніи нуждъ. На каждомъ шагу видны осмысленный трудъ и прилежаніе во всѣхъ классахъ народа; вездѣ видна свобода, благосостояніе, даже довольство. Не видно ни разваливъ, ни покинутыхъ жилищъ въ городахъ, нигдѣ не видно невоздѣланныхъ или незасѣянныхъ полей; гдѣ только возможно, каждый кусокъ земли тщательно обработанъ. Нигдѣ, ни въ городахъ, ни въ деревняхъ не видно нищихъ, протягивающихъ руку за подаеніемъ; это казалось мнѣ тѣмъ болѣе страннымъ, что я недавно покинулъ Италію, гдѣ не только нищія шатаются по улицамъ, постоянно беспокоятъ проходящихъ, но даже малыя дѣти пріучаются нищенствовать. Нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ такъ много и такихъ прекрасныхъ шосейныхъ дорогъ, нѣтъ такого правильнаго и быстрого

движенія почтъ, вагоновъ и пароходовъ. Тяжело было мнѣ, глядя на все это, вспоминать свой родной край, гдѣ наука, промышленность быстро пятятся назадъ.

Зналъ я уже немало столицъ, но, съ приближеніемъ къ нимъ, я совсѣмъ не чувствовалъ тѣхъ впечатлѣній, какія овладѣли мною съ приближеніемъ къ Парижу. Страннымъ какимъ-то случаемъ всѣ почти столицы имѣютъ самое неудобное положеніе. Къ Петербургу, Вѣнѣ, Берлину и Риму подѣвжаешь чрезъ дикія и пустынные окрестности, точно также какъ и къ нашей возлюбленной Варшавѣ; и только прибывъ въ средину города, замѣчаемъ мы, что это важный городъ. Съ Парижемъ совсѣмъ на оборотъ: за десятокъ миль онъ уже даетъ себя чувствовать. Чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ сильнѣе движеніе, тѣмъ гуще жилища, красивѣе зданія съ прекрасными садами, тѣмъ многочисленнѣе и огромнѣе фабрики и заводы; и еслибъ не нужно было проѣзжать чрезъ укрѣпленія, окружающія городъ на значительномъ отъ него разстояніи, нельзя было бы знать, гдѣ начинается городъ, тѣмъ болѣе, что тутъ нѣтъ обычая задерживать или осматривать прибывающихъ у заставъ.

Я прибылъ въ Парижъ вечеромъ въ Страстную Пятницу и, видя несмѣтныя толпы народа на бульварахъ, думалъ, что здѣсь, какъ и у насъ, народъ ходитъ изъ одного храма въ другой приложиться ко гробу Спасителя; но увы! кондукторъ объяснилъ мнѣ, что народъ стремится въ театры и указалъ мнѣ ихъ нѣсколько. У всѣхъ видѣлъ я афишки, освѣщенные газомъ; такъ въ одномъ обѣщались „чертовы пилюли“, въ другомъ „адъ и небо“, въ третьемъ „каменные дѣвки“; словомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Кондукторъ, видя мое удивленіе, мой ужасъ, смѣялся и объяснялъ: „мы свободны отъ фанатизма и не знаемъ глупостей Римскихъ“ и совѣтовалъ мнѣ, для избѣжанія насмѣшекъ, сообразоваться съ мѣстными обычаями. Поблагодаривъ его за совѣтъ, я вздохнулъ глубоко и подумалъ: вотъ она, просвѣщенная и религіозная Франція и ея столица, о которой рассказываютъ столько чудесъ! Я хотѣлъ пробыть въ Парижѣ нѣсколько недѣль, а просидѣлъ 4 мѣсяца. Попалъ я въ худую пору: было постоянно холодно, шли постоянно дожди. Изъ Парижа писалъ я къ князю, спрашивая, что мнѣ дѣлать: ѣхать ли обратно въ Римъ или возвращаться домой. Отвѣтъ пришелъ лишь въ Іюль, и я имѣлъ довольно времени дѣлать наблюденія, сколько позволяли мои силы, ослабленные морскою болѣзнію и леченіемъ, которое я, по совѣту докторовъ, предпринялъ. Парижъ совсѣмъ не можетъ называться красивымъ городомъ: за исключеніемъ бульваровъ и улицы Риволи, всѣ улицы кривыя и тѣсныя; одна только площадь Согласія пріятно поражаетъ взоръ. Немного можно насчитать здѣсь зданій великолѣпныхъ, какія видимъ въ другихъ столицахъ: столь извѣстный домъ инвалидовъ не можетъ сравниться съ послѣдними Петербургскими казармами; для храненія праха столь великаго человека, какъ Наполеонъ, Французамъ слѣдовало бы воздвигнуть нарочно особенное зданіе, достойное его имени. Важнѣйшая достопримѣчательность Парижа—Palais Royal: это настоящій городъ въ ми-

пiатюрѣ; тамъ все есть, въ чемъ только можетъ нуждаться человѣкъ для удовлетворенiя своихъ матерiальныхъ нуждъ; нѣтъ только церкви, нѣтъ ни малѣйшей часовни: нынѣшняя цивилизацiя, видно, не нуждается въ духовномъ хлѣбѣ, который прежде составлялъ главное условiе существованiя. Лучше всѣхъ другихъ зданiй — биржа; въ ней много сходства съ биржею Петербургскою, но она много теряетъ отъ дурнаго мѣстоположенiя. Важнѣйшiя Парижскiя зданiя: дворецъ и ратуша—настоящiе уроды и пародiи на архитектуру. Старанiями нынѣшняго монарха, оба зданiя значительно украсились; особенно много выигралъ дворецъ чрезъ соединенiе съ Лувромъ — единственнымъ зданiемъ, отличающимся прекрасною пропорциональною и благородствомъ стiля. Среди храмовъ первое мѣсто занимаетъ соборъ Богоматери: огромный фасадъ его безъ характера и вкуса,—внутренность же пасмурна и грязна. И всѣ другiе древнiе храмы построены въ готическомъ стилѣ, мрачны и низки; построенные же въ новѣйшее время совсѣмъ непохожи на дома Божii. Важнѣйшiй изъ нихъ—храмъ св. Магдалины, похожъ болѣе на танцевальный салонъ; внутри распределенiе чрезвычайно неудобное; у боковыхъ алтарей глаза, вознесенные къ небу, тотчасъ видятъ женщинъ, сидящихъ въ ложахъ надъ головою. Замѣчательнъ еще Пантеонъ, построенный сначала для помѣщенiя гробницъ знаменитыхъ людей, а послѣ паденiя Наполеона преобразованный въ костель; и какъ всѣ эти мудрецы были безбожники, то прахъ ихъ и изображенiя были выброшены. Чтò касается частныхъ домовъ, они хуже, чѣмъ въ другихъ столицахъ, и въ этомъ отношенiи наша Варшава стоитъ выше. Смотри на эти дома узкiе, высокiе, занятые на верхнихъ этажахъ одними окнами, а на партерахъ многочисленными дверьми, кажется, что на верху въ нихъ оранжереи, а внизу восточные базары. Парижане, видно, заботятся болѣе о матерiальной выгодѣ, чѣмъ о приличномъ видѣ своихъ домовъ; но за то дома содержатся опрятно. Не видавши Парижа, я думалъ, что нигдѣ нѣтъ лучшаго порядка, какъ въ Петербургѣ, гдѣ многочисленная и строгая полицiя сидитъ на шеѣ и не допускаетъ беззаконiй; теперь я увидѣлъ, что только въ Парижѣ есть дѣйствительный, не вынужденный порядокъ. Не нужно здѣсь, какъ у насъ, толпы блюстителей порядка изъ полицейскихъ жандармовъ и казаковъ у театра и на публичныхъ торжествахъ; въ Парижѣ всѣ знаютъ, какъ надобно себя вести и поступаютъ такъ. Но, соблюдая видъ законности, Парижане вовсе не заботятся о соблюденiи предписанiй нравственнаго чувства; они готовы съ каждаго, особенно съ иностранца, сорвать все, даже шкуру содрать и жилы вытянуть. Движенiе въ Парижѣ необычайное и удобства для жизни невообразимыя. Поѣсть можно достать на каждомъ шагѣ, за нѣсколько су и за сотни франковъ, точно также легко и одѣться. Мѣстамъ для прогулокъ нѣтъ счета; но больше всего гуляютъ по тротуарамъ и любятъя великолѣпными магазинами; они такъ обширны и богаты, что для Варшавы очень было бы достаточно и одного такого. Во время дождя или жара можно очень прiятно провести время въ безчисленныхъ пассажахъ и козейняхъ; а ѣзда такъ

дешева какъ нигдѣ: за нѣсколько су можно въ омнибусѣ объѣхать весь городъ; заплативши въ одномъ, можно пересѣдать бесплатно въ другіе, и ждать ихъ никогда не случится и пяти минутъ. Въ умственныхъ развлеченіяхъ тоже величайшій избытокъ; всѣ гастрономическія заведенія полны газетъ; театровъ большихъ слишкомъ 20, меньшихъ еще больше, и всегда всѣ полны; а сколько еще цирковъ, ипподромовъ, кофеенъ для поющихъ, гдѣ тоже даютъ небольшія представленія. Безотчетная преданность увеселеніямъ влечетъ за собою нравственную распущенность: какъ можно ожидать любви и страха Господня, когда не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на воспоминанія страстей Господнихъ наканунѣ Пасхи, когда всѣ ночи съ Суботы на Воскресенье проводятся всѣми, и особенно ремесленнымъ классомъ, въ танцахъ и забавахъ?

И при всемъ этомъ Франція стояла и стоять будетъ всегда во главѣ цивилизаціи и прогресса: никакой другой народъ не можетъ превзойти Французовъ въ просвѣщеніи, искусствахъ, промышленности и въ общепольности. Нѣмцы, погружившись въ свою сухую философію, недоступны другимъ; Англичане же всѣ выгоды своего политическаго развитія употребляютъ въ свою только пользу и для удовлетворенія лишь собственнаго эгоизма. Напротивъ, у Французовъ всѣ успѣхи служатъ общему благу; даже революціи и кровавыя войны въ результатѣ привели пользу всѣмъ. Собраніе 1789 г. уничтожило деспотизмъ; терроризмъ республиканскій ослабилъ варварскій фанатизмъ. Уничтоженіемъ преимуществъ дворянства открыта дорога всѣмъ способностямъ, вслѣдствіе чего явился Наполеонъ, котораго чтить и уважать никогда не перестанутъ. Этотъ же, упавъ, чрезъ злоупотребленіе властью и излишнее упованіе на человѣческую силу, показалъ, какіе законы обязательны управляющимъ и управляемымъ. На его развалинахъ выросли народныя собранія и конституціи, которыя обезпечили свободу народу и престолы государямъ. Нынѣшнее состояніе Франціи, не смотря на ея кажущееся могущество и хитрость Наполеона III, есть только переходное; его воцареніе не происходило изъ права божественнаго по наслѣдству и не оправдывалось никакими заслугами отечеству.

Никогда во Франціи не было такъ легко пріобрѣтать познанія въ наукахъ, искусствахъ и техникахъ: многочисленныя и драгоцѣнныя собранія по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія открыты для всѣхъ даромъ, тогда какъ въ Германіи и Италіи надобно за все платить. Но не въ этомъ одномъ заслуга Франціи; она имѣетъ и другое болѣе высокое назначеніе. Хотя она въ революціонномъ неистовствѣ замыслила искоренить вѣру въ Иисуса Христа и уничтожить церкви; но когда дурь прошла, она опять стала охранительницею обоихъ. Возстановляя религію, Наполеонъ постарался конкордатомъ устранить впредь всѣ столкновенія съ папою. Договоръ этотъ не нравится теперь Итальянцамъ, которые рады бы видѣть опять вѣка средніе, когда папа могъ пугать всѣхъ. Благодаря ему, Франція не знаетъ епископовъ, навязанныхъ ей Римомъ: самъ императоръ избираетъ ихъ. Поэтому, она имѣетъ іерархію

самую блестящую; за то правительство вовсе не вмѣшивается во внутреннiя дѣла церкви. Пользуясь этимъ, папа захотѣлъ ввести во Францію свой бревиарій, вмѣсто прежняго Галликанскаго, хотя послѣднiй гораздо лучше, такъ какъ онъ очищенъ отъ легендъ, не выдерживающихъ самой легкой критики. Папа въ этомъ случаѣ ссылается на единство, а у себя дома терпитъ однако величайшее въ этомъ отношенiи разнообразiе. Лучше бы папа подумалъ объ очищенiи обрядовъ во Франціи, изъ которыхъ многіе представляютъ настоящую арлекинаду. Мы, слѣпо вѣруя всему, что приходитъ къ намъ изъ Франціи, думаемъ, что нигдѣ нѣтъ такой живой вѣры и такого прекраснаго духовенства, какъ тамъ; но, присмотрѣвшись ближе, непременно придемъ къ противному заключенiю. Въ простомъ народѣ, особенно въ приморскихъ мѣстахъ, вѣра находится въ совершенномъ мракѣ: немногіе знаютъ Отче Нашъ и заповѣди Божіи. Какая тамъ вѣра, когда кромѣ Воскресенiя не знаютъ никакихъ праздниковъ, да и самыя Воскресенья обращаютъ не на молитву, но на забавы или на тотъ же ежедневный трудъ. Храмы посѣщаетъ только высшій классъ, увлекаемый модою; а бѣдняки и не думаютъ туда ходить, ссылаясь на то, что нѣтъ тамъ для нихъ мѣста и нѣтъ денегъ на уплату за сидѣніе и на безконечныя складчины. Во всемъ этомъ виновато духовенство, не отвѣчающее своему призванiю: его не любили прежде за союзъ съ высшимъ классомъ, теперь оно не можетъ заслужить довѣрія по причинѣ своихъ ультрамонтанскихъ тенденцiй, полагающихъ сущность вѣры въ повиновенiи папѣ. Я не знаю ничего отвратительнѣе ксендза, отрекшагося отъ своей народности, духовнаго космополита. Однимъ Іезуитамъ, при ихъ средствахъ, неразборчивости и адской хитрости, удается дурачить и обманывать свѣтъ, до тѣхъ поръ пока, проникнувъ ихъ цѣбли, не начнутъ гонять ихъ изъ одной страны въ другую и не принудятъ папу вторично уничтожить этотъ орденъ. Свѣтскому или лучше народному духовенству неприлично отрекаться отъ народности, особенно во Франціи, гдѣ любовь къ отечеству сильно развита. Не могутъ Французы равнодушно смотрѣть, какъ ихъ ксендзы корчатъ Итальянцевъ: они оставили прежнюю Галликанскую одежду и приняли Итальянскую, постоянно выдумываютъ новыя служенiя, новыя братства и новыя празднества съ индульгенціями; особенно же ихъ возмущаетъ возвѣщенiе многихъ чудесныхъ явленiй, хотя открыты многіе явные обманы. Если однако во Франціи чаще, чѣмъ въ другомъ народѣ, являются среди духовенства лица съ высшими способностями и съ высшими познанiями, то это происходитъ не отъ превосходства духовенства вообще, а отъ его многочисленности и легкости выдвинуться. Нынѣшнее духовенство во Франціи далеко уже не то, что было прежде; оно отреклось отъ своего прошедшаго, насмѣхается надъ именами, составляющими гордость Франціи и всѣхъ католиковъ. Боссюэтъ, Фенелонъ, Флешье и пр. не пользуются уже никакимъ авторитетомъ, — іезуитизмъ царствуетъ теперь нераздѣльно. По своему обращенiю, нынѣшніе Французскіе духовные совершенно походятъ на фарисеевъ, которыхъ такъ бичевалъ Спаситель: они постоянно корчатъ изъ себя

святыхъ, таскаютъ съ собою объемистые брѣвіаріи и молятся не у себя въ домѣ, а на глазахъ всѣхъ, на прогулкахъ, въ omnibusахъ. За то и достается имъ: ихъ не величаютъ иначе, какъ Лойола, лицемѣръ.

Мнѣ остается еще поговорить о нашей эмиграціи. Въ прежнее время, обильное постоянными междоусобіями, за границу удалялись обыкновенно магнаты, предводители партій, которымъ, послѣ пораженія, неудобно было оставаться въ краю. Но никогда свѣтъ не видалъ такой многочисленной и самаго смѣшаннаго состава эмиграціи, какова была наша послѣ 1831 года. Я не знаю, въ какихъ видахъ императоръ Николай дозволилъ такой огромной массѣ удалиться изъ края; но несомнѣнно, что выходцы причинили ему много хлопотъ, а намъ величайшія бѣдствія; таскаясь по свѣту, они посѣяли вездѣ за границей антипатію къ Россіи и ея Монарху. На всѣхъ языкахъ печать начала нападать на нихъ самымъ безцеремоннымъ образомъ, по наущенію мстительныхъ изгнанниковъ. Еслибъ эмиграція Польская, возбудившая сперва всеобщее сочувствіе и нашедшая во Франціи самое гостепріимное убѣжище, осталась въ приличныхъ предѣлахъ умѣренности и терпѣливости, она сократила бы время своего скитанія, ища прощенія и помилованія у своего Монарха, у котораго и другіе государи не преминули бы ходатайствовать за несчастныхъ. Увы! эмиграція выбрала совершенно обратный путь. Она скоро потеряла сочувствіе и, наконецъ, для самой Франціи сдѣлалась несноснымъ бременемъ. Дурачества ея привнесли только ту пользу, что многихъ утѣшили въ неудачномъ исходѣ революціи: ибо достаться въ управленіе такихъ господъ было гораздо хуже. Не имѣя ни куска собственной земли, выходцы наши рѣшили однако учредить особое правленіе, только никакъ не могли согласиться — какой бы дать ему видъ или характеръ: однимъ хотѣлось имѣть монархію, другимъ республику, третьи не соглашались ни на что, предпочитая революцію непрерывную. Отсюда начало споровъ, раздоровъ и смертельной другъ къ другу ненависти. Каждая партія имѣла свое изданіе, въ которомъ, забывъ совершенно о приличіи и собственномъ достоинствѣ, ругала и злословила своихъ противниковъ. Очевидное Божье поущеніе: дѣти одной матери дрались на смерть изъ-за того, что не могли согласиться, какое имя слѣдовало бы дать, еслибъ эта мать воскресла. Чтобъ уменьшить зло, правительство Франціи подчинило эмигрантовъ болѣе строгому надзору и придумало для нихъ занятіе: ихъ стали принимать въ военную службу, даже составили изъ нихъ особенные баталіоны съ назначеніемъ въ Алжиръ; не желавшимъ служить позволено было удалиться куда угодно, или сидѣть смирно. Разсѣявшись по свѣту, они стали принимать участіе во всѣхъ политическихъ беспорядкахъ и заслужили всеобщее отвращеніе и презрѣніе. Сами Французы, пользовавшіеся ихъ кровью, не стѣсняясь осмѣивали ихъ; я самъ видѣлъ одну каррикатуру, гдѣ эмигрантъ въ Калифорніи не довольствуется золотомъ, но по кучѣ его взбирается къ окну дома и спрашиваетъ, не затѣвается ли возстаніе.

Февральская революція произвела въ эмиграціи сильное волненіе и оживила ея надежды. За исключеніемъ небольшого кружка, который съ Чарторыйскимъ во главѣ остался вѣренъ монархическому началу, всѣ остальные партіи слились и провозгласили Польшу демократическою республикой, на манеръ тогдашней Франціи. Со всѣхъ концовъ свѣта стали эмигранты стекаться въ Парижъ въ увѣренности, что пришла наконецъ пора облагодѣтельствовать отечество, а оттуда потянулись къ границѣ; но тутъ, узнавъ, что въ краѣ о движеніи никто не думаетъ и что границу стерегутъ многочисленныя войска, по необходимости дѣятельность свою ограничили Галиціею и Познанью, гдѣ, при слабости тогдашняго правительства, для ихъ подвиговъ открылось широкое поприще. Въ Познани хозяйничали они недолго; Пруссаки скоро пришли въ себя и стали выживать непрошенныхъ гостей. Въ Австріи они соединились съ Венгерцами и имѣли нѣкоторое время надежду на успѣхъ; но послѣ пораженія Венгерскихъ войскъ Русскими, всѣ замѣшанные убралась въ Турцію, откуда немногимъ уже удалось вернуться въ Парижъ, гдѣ тоже обстоятельства сложились не совсемъ для нихъ благопріятно: Наполеонъ, будучи еще президентомъ, установилъ за ними строжайшій надзоръ; а вступивъ на престолъ, отнялъ казенныя субсидіи у всѣхъ замѣшанныхъ въ революціонныя происки и, благодаря только заступничеству принца Наполеона, позволилъ имъ оставаться во Франціи, съ условіемъ безъ разрѣшенія полиціи не перемѣнять мѣста жительства. Въ такомъ плачевномъ состояніи и засталъ я ихъ въ Парижѣ. Отъ нечего дѣлать, занялись религіею и раздѣлились на двѣ партіи: Воскресенцевъ и Товіанистовъ. Первые держатся за полы магнатовъ и презираютъ простыхъ изгнанниковъ. Подъ видомъ желанія помочь землякамъ, они всѣми средствами выманиваютъ деньги у путешествующихъ Поляковъ; но бѣдные получаютъ отъ нихъ мало, и то подъ самыми тяжелыми условіями. Товянскій, основатель другой секты, цѣнилъ себя очень высоко; онъ хотѣлъ не только замѣнить Христа, но превзойти Его; хотѣлъ Его Евангеліе, которое называлъ мертвою буквою, исправить и оживить. И онъ, какъ Воскресенцы, обѣщалъ спасти Польшу молитвою, съ тою только разницею, что Воскресенцы думали умилостивить Бога слѣпымъ подчиненіемъ папѣ, Товіанисты же не признавали никакой духовной власти. Недолго бы держалась эта секта сама собою, представляя одиѣ бредни, еслибъ внѣшнія обстоятельства не поддержали ея. Первое, это предсказаніе Товянскаго о воцареніи Наполеона, второе вступленіе въ секту Адама Мицкевича, пользовавшагося великимъ обаяніемъ, и третье всеобщее отвращеніе къ Воскресенцамъ. До сихъ поръ нельзя съ точностью знать сущности ученія Товянскаго: все что о немъ писано, исходитъ отъ завистливыхъ Воскресенцевъ. Одно только вѣрно, что все, что только было благороднаго и честнаго въ эмиграціи, перешло въ этотъ лагерь, не исключая многихъ лучшихъ духовныхъ, которымъ опротивило лицемѣріе и коварство Воскресенцевъ. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на безукоризненную жизнь Товіанистовъ, — каждый изъ нихъ трудился усердно, съ величайшею

точностью исполнялъ свои обязанности и безъ ропота переносилъ свою судьбу.

Нищета, въ которой находилась эмиграція въ мою бытность въ Парижѣ, была неописанная: рѣдкій не терпѣлъ голода или сильной нужды. Потерявъ казенное вспоможеніе, не имѣя средствъ зарабатывать, эмигранты сновались по улицамъ и ловили пріѣзжихъ Поляковъ; поймавъ такового, грабили безъ жалости. Они выманивали деньги всевозможными средствами: гдѣ крайнимъ униженіемъ, а гдѣ и угрозами. Счастливы были тотъ, кто имѣлъ какое нибудь образованіе или зналъ ремесло.

Въ Польской эмиграціи меня особенно поражало стремленіе ея увѣковѣчить себя и революцію, ее произведшую. Съ разрѣшенія Лудовика Филиппа и при его содѣйствіи, въ предмѣстіи Батиніоль основано была школа для воспитанія дѣтей Польскихъ эмигрантовъ. На фасадѣ красуются бѣлый Польскій орелъ гонецъ Литовскій и Польская надпись: *narodowa szkoła polska*. Скоро добровольные взносы на ея содержаніе оказались недостаточными; тогда правительство назначило ей значительную субсидію изъ бюджета. Заведеніемъ управляетъ совѣтъ изъ нѣсколькихъ эмигрантовъ и правительственнаго комиссара, подъ предсѣдательствомъ какого-нибудь богатаго Поляка. Въ мою бытность предсѣдательствовалъ докторъ Галензовскій, бывший профессоръ Варшавскаго университета и составившій въ Америкѣ значительное состояніе. До двухъ сотъ мальчиковъ содержатся въ самомъ заведеніи и на его счетѣ. Князь Адамъ Чарторыйскій можетъ по справедливости считаться основателемъ и покровителемъ этой школы; онъ исходатайствовалъ у Лудовика Филиппа казенную субсидію; онъ и при Наполеонѣ спасъ ее, когда тотъ рѣшился было прекратить субсидіи. Не смотря на неблагодарность и постоянные нападки эмигрантовъ, онъ не переставалъ о нихъ заботиться и не жалѣлъ для этого собственныхъ средствъ: учредилъ школу, гдѣ бы молодые люди могли приготовиться къ поступленію въ высшія спеціальныя заведенія, основалъ Польскую типографію и общественную бібліотеку. Въ собственномъ дворцѣ, который именуется *hôtel Lambert*, учредилъ женскій пансіонъ, гдѣ на собственный счетъ воспитываетъ до 12-ти дѣвицъ дочерей знатнѣйшихъ эмигрантовъ, которыя послѣ поступаютъ въ гувернантки въ Польскіе дома. Кромѣ того онъ поддерживалъ школу для бѣдныхъ дѣвочекъ и пріютъ для неспособныхъ къ труду эмигрантовъ, которыми завѣдывали сестры милосердія изъ уничтоженныхъ въ Литвѣ монастырей. Прекрасны всѣ эти усилія для поддержанія народнаго духа въ эмиграціи; но едва-ли эти усилія можно назвать существенно и полезными. Всѣ эти заведенія не имѣютъ будущности, да притомъ, возвратятся ли воспитанники въ отечество или останутся во Франціи, отдѣльное ихъ воспитаніе окажется мало полезнымъ; для остающихся оное окажется недостаточнымъ, для возвращающихся сдѣлается настоящею помѣхою во всякой карьерѣ. Сумѣетъ ли человѣкъ, воспитанный во Франціи, помириться съ нашими домашними порядками и съ условіями нашего существованія, выра-

ботаническими исторіею послѣднихъ временъ? Еще не важно, если онъ, по привычкѣ съ дѣтства, носитъ Костюшковскую шапочку (красную съ чернымъ барашкомъ) и мундиръ Варшавской народной гвардіи съ бѣлыми орлами на пуговицахъ, будетъ постоянно напѣвать: *jeszcze Polska nie zginieła* и мечтать о возстаніяхъ: отъ этого отучить его полиціантъ или жандармъ. Но съумѣетъ ли, или даже можетъ ли онъ освободиться отъ понятій демагогическихъ, отъ политическихъ предубѣжденій, которыми пропитался, вращаясь исключительно въ обществѣ эмигрантовъ? Въ школахъ мало обращали вниманія на общее обученіе; всѣ усилія были направлены къ одной цѣли—возбудить ненависть къ Россіи и подозрѣніе къ Полякамъ, оставшимся въ краѣ, особенно къ тѣмъ, которые находятся на службѣ. Можетъ ли человѣкъ съ такими чувствами и понятіями, вернувшись на родину, сдѣлаться хорошимъ гражданиномъ, добрымъ подданнымъ? Также невыгода отражается и на женскомъ полѣ; не смотря на это, однако дворянство наше считаетъ дѣломъ патріотическимъ брать гувернантокъ изъ Польскаго института въ Парижѣ; неудивительно поэтому, что во всѣхъ частяхъ прежней Польши у женскаго пола замѣчается усиленіе религіознаго и политическаго фанатизма. Пусть не думаютъ, что я осуждаю патріотическое чувство или духъ вѣры и благочестія, пробуждающійся у насъ нынѣ; я далеко отъ этой мысли. Но патріотизмъ не состоитъ въ словахъ, хотя самыхъ громкихъ, не поддерживается гордостью и наглостью; привязанность къ родинѣ доказывается готовностью жертвовать всѣмъ, даже своими предубѣжденіями, для ея пользы. Точно также ужимки и мелочность въ исполненіи внѣшнихъ религіозныхъ обязанностей не составляютъ благочестія въ смыслѣ христіанскомъ. Богъ требуетъ отъ насъ служенія въ духѣ и правдѣ, т. е. по внутреннему убѣжденію, въ смиреніи ума и сердца, а не для виду; и Павелъ, апостоль народовъ, ясно говоритъ: да будетъ разумно повиновеніе ваше. Чего поэтому можно ожидать отъ гувернантокъ, воспитанныхъ на началахъ совершенно противоположныхъ? На что пригодится ихъ патріотизмъ, который несогласенъ съ нашимъ положеніемъ, вызываетъ въ насъ постоянную внутреннюю борьбу и ведетъ часто къ послѣдствіямъ, гибельнымъ и для насъ и для отечества? Какая польза отъ ихъ религіозности, которая ведетъ не къ чистотѣ нравовъ и благочестію, а къ суетности и стремленію отличиться?

Дождавшись наконецъ разрѣшенія князя возвращаться домой, я поспѣшилъ оставить Парижъ, чтобъ скорѣе отдѣлаться отъ докучливыхъ эмигрантовъ, изъ коихъ одинъ грозилъ даже убить меня, если не дамъ ему денегъ, и отправился въ Брюссель. Здѣсь нечего смотрѣть, не надъ чѣмъ задумываться: городъ небольшой и некрасивый, нѣтъ даже епископа и кафедръ. Замѣчательны только цвѣтныя окна въ храмѣ св. Гудулы и карильоны почти во всѣхъ церквахъ—это колокола подобранные по тонамъ, на которыхъ, при боѣ часовъ, разыгрываются мелодіи. Какъ при господствѣ Голландцевъ католики были въ униженіи, такъ теперь не хотятъ они терпѣть никакихъ другихъ убѣжденій, хотя конституція даетъ совер-

шенную всѣмъ свободу и хотя король не католикъ: отсюда постоянные раздоры между гражданскою и духовною властью, постоянныя перемѣны кабинета. И въ Бельгiи весьма много эмигрантовъ. Въ первое время, когда Бельгiйское войско только еще образовывалось, многіе изъ нихъ занимали важныя должности; но съ 1852 г. всѣ получили отставку: это была необходимая жертва для сохраненія дружбы Русскаго правительства.

Въ дальнѣйшемъ пути я останавливался въ Люттихѣ, гдѣ видѣлъ безконечное множество фабрикъ; въ Ахенѣ, гдѣ посѣтилъ гробъ Карла Великаго; въ Кельнѣ, гдѣ не могъ налюбоваться новымъ соборомъ. Такъ какъ у меня времени было довольно, то я заѣхалъ въ Гамбургъ посмотрѣть, каковъ его видъ, послѣ пожара. Красивъ онъ по краямъ своими прекрасными домами и великолѣпными гостинницами, но внутри глухъ и къ тому еще страшно загроженъ публичнымъ развратомъ. Посмотрѣвъ Пророка, запрещеннаго во Франціи, я отправился въ Берлинъ. Здѣсь едва вышли путешественники изъ вагоновъ, какъ ихъ окружило войско: Прусаки были отпущены, а иностранцы задержаны; здѣсь ихъ рассмотрѣли, распросили и провѣрили паспорта. Это непріятно меня поразило; до сихъ поръ со мною этого не бывало; я вспомнилъ, что приближаюсь къ дому, поэтому надобно разстаться и со свободой. Берлинъ хотя великъ, но въ сравненіи съ другими столицами незанимателенъ: на широкихъ улицахъ новаго города тишина страшная; во многихъ мѣстахъ пробивается трава; но дома частные и казенные всѣ со вкусомъ. Изъ зданій наибольшаго вниманія заслуживаетъ Королевскій музей съ богатою картинною галлереею и собраніемъ рѣдкостей. На портикѣ его два образа *al fresco* на стѣнѣ: одинъ изображаетъ сотвореніе міра, другой—усовершенствованіе человѣческаго рода; но это усовершенствованіе изображено не по преданіямъ Св. Писанія, а по измышленію языческой философіи, относительно которой нынѣшняя Нѣмецкая есть ничто иное, какъ продолженіе. Она создаетъ себѣ новаго Бога, или лучше отрицаетъ совсѣмъ Бога христіанскаго, и на его мѣсто ставитъ хаосъ, изъ нѣдръ котораго выводитъ всѣ созданія. Смотри на эти проявленія гордости и самонадѣянности, я повторилъ съ царемъ Давидомъ: сказалъ глупецъ въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога!

Въ Берлинѣ весьма много храмовъ, но они и въ Воскресенья мало посѣщаются; напротивъ, единственный католическій храмъ св. Ядвиги обыкновенно переполненъ. Я пробылъ въ послѣднемъ до конца богослуженія и восхищался живою вѣрою и смиреніемъ, какое выказывали наши братья во Христѣ, живущіе среди мертвящаго лютеранства. Храмъ этотъ выстроенъ при Фридрихѣ Великомъ и освященъ епископомъ Красицкимъ, нашимъ знаменитымъ поэтомъ. Онъ далеко некрасивъ; круглая и голая крыша походитъ на Еврейскую ермолку; на немъ нѣтъ даже креста, вѣроятно, чтобъ пощадить глаза протестантовъ, которые на башняхъ своихъ храмовъ помѣщаютъ или птицу какую-нибудь или флюгеръ. На весь городъ, гдѣ съ гарнизономъ больше 50000 католиковъ, одного храма и нѣ-

сколькихъ ксендзовъ слишкомъ мало. Легко нашлись бы капиталы на возведеніе другаго храма; но правительство, непріязненное католичеству, не хочетъ и слышать объ этомъ. По настояніямъ нынѣшней королевы, экскатолочки и нѣсколькихъ другихъ княженъ царствующаго дома-піетистовъ въ философскомъ смыслѣ, король воздвигаетъ великолѣпный госпиталь и при немъ католическую часовню. Я познакомился съ Берлинскимъ настоятелемъ и нашелъ въ немъ человѣка достойнаго, просвѣщеннаго и ревностнаго распространителя истинной вѣры. Отъ него я узналъ, какъ трудно и ненадежно положеніе нашей церкви подъ Прусскимъ господствомъ, и вмѣстѣ убѣдился, что истинное желаніе, разсудительное рвеніе и постоянство въ святыхъ стремленіяхъ могутъ побѣдить все и, при помощи Божьей, достигаютъ своей цѣли. Въ доказательство этого онъ мнѣ рассказывалъ, что, при вступленіи его въ эту должность, имѣлъ только двухъ помощниковъ, одну часовню въ казармахъ и нѣсколько колоній за городомъ; теперь же, по прошествіи 6 лѣтъ, имѣетъ 5 помощниковъ, 6 часовень при казармахъ и около 50 колоній въ провинціяхъ: все это предвѣщаетъ нашей вѣрѣ прекрасную будущность.

Изъ Берлина я ѣздилъ въ Потсдамъ и осматрѣлъ тамошніе дворцы. Дворецъ Сансуси невеликъ и комнаты въ немъ небольшія, исключая галлерей картинъ, которая довольно велика. Уставши въ галлерей, я отдохнулъ въ комнатахъ, которыя занималъ Вольтеръ, а послѣ него нашъ землякъ—епископъ Красицкій. По преданію, здѣсь написалъ онъ, по просьбѣ Фридриха, извѣстное стихотвореніе: Монахомахія, которая вмѣстѣ съ его баснями останется въ устахъ народа, пока рѣчь наша будетъ существовать на землѣ. Сидя въ томъ же креслѣ, въ которомъ вѣроятно сиживалъ и Красицкій, я противъ воли задумался надъ слабостью человѣческой, отъ которой несвободны и высшія природы; всѣ подражаютъ вышнимъ и стараются имъ понравиться. Никому не покажется страннымъ, что безбожный Вольтеръ потакалъ безбожному королю; но странно, если ему льстятъ духовный и къ тому еще католическій епископъ. Вышедшая изъ-подъ его пера поэма, гдѣ онъ осмѣиваетъ монаховъ, не послужитъ къ назиданію вѣрныхъ. Для Польскаго духовенства было бы гораздо болѣе лестно, еслибъ вмѣсто легкой поэзіи, служащей только для забавы, онъ оставилъ намъ сочиненія полезныя изъ области богословской или исторіи церкви. Къ замѣчательностямъ Берлина относится близъ него находящаяся Русская деревня; она довольно велика и застроена чисто и красиво въ Русскомъ вкусѣ; но въ ней всѣ вывѣски Нѣмецкія, и вмѣсто ожидаемыхъ Ивановыхъ, Михайловыхъ, видишь все Готлибовъ, да Фрицовъ. Мнѣ рассказывали, что эта деревня построена императоромъ Николаемъ, который хотѣлъ заселить ее православными, но отказался отъ своего намѣренія, потому что тамошнее протестантское населеніе, ненавидящее православіе пуще католицизма, не дозволило строить церковь и растаскало даже кирпичи изъ готоваго уже фундамента.

Я долженъ еще сказать нѣсколько словъ о настроеніи умовъ въ Пруссіи. Хотя матеріализмъ всегда былъ божествомъ протестантовъ, не видно тутъ жизни и богатства матеріальнаго. Экономія—это евангеліе, которому безпрекословно подчиняются всѣ, начиная съ короля до послѣдняго поденщика: всѣ только и думаютъ, какъ бы меньше издержать; отъ того-то такая тишина въ Берлинѣ, отъ того во всемъ краѣ, кромѣ однообразія и педантическаго порядка, ничего нельзя встрѣтить замѣчательнаго. Какъ въ болотѣ, не имѣющемъ прилива и отлива, портится и гніетъ вода,—такъ и въ Пруссіи вездѣ видны застои и недостатокъ истинной жизни. Такое состояніе есть слѣдствіе сухихъ людскихъ измышленій, но не дѣло Провидѣнія, которое, распредѣляя земныя блага неодинаково, хотѣло, чтобъ бѣдные кормились около богачей. Въ Пруссіи уклонились отъ предначертаній Создателя и естественному чувству милосердія не дали ходу: тамъ строжайше запрещено всякое нищенствованіе; для содержанія неспособныхъ и бѣдныхъ установленъ особенный налогъ. Эту общую бережливость и вытекающую изъ нея матеріальную обеспеченность приписываютъ вліянію протестантизма. Я съ этимъ согласенъ, вся его задача ограничивается земною жизнью; но не согласенъ съ выводимымъ отсюда заключеніемъ, будто вѣра католическая, единственно думающая о будущей жизни, была несогласна съ наукою экономической, отрывала людей отъ труда и мѣшала ему достигать матеріальнаго благосостоянія. Проповѣдующіе такую теорію отсылаютъ обыкновенно читателей въ Швейцарію, гдѣ католическіе кантоны чрезвычайно бѣдны, а протестантскіе въ цвѣтущемъ находятся состояніи; также въ Италію, гдѣ, не смотря на огромныя природныя богатства, до сихъ поръ повсемѣстно царствуетъ нищета. Въ Швейцаріи я не былъ; но не думаю, чтобъ разница, если таковая и есть, происходила отъ вѣры. Чтò касается Италіи, то нужно исключить папскія владѣнія, въ которыхъ безтолковое клерикальное правительство несовмѣстимо съ хорошимъ хозяйствомъ и промышленностью; остальные же части Италіи могутъ смѣло соперничать съ протестантскими провинціями Германіи въ земледѣліи, ремеслахъ и благосостояніи; католическія же Франція и Бельгія превосходятъ ихъ рѣшительно во всемъ. Нигдѣ, какъ именно въ Пруссіи должны протестанты жить мирно съ католиками, такъ какъ послѣдніе составляютъ почти половину населенія. Между тѣмъ тамъ происходитъ наоборотъ: каждый день являются новыя придирки и преслѣдованія католической церкви и ея членовъ, особенно Польскаго происхожденія. Какъ не удивляться, если правительство, столь послѣдовательное, справедливое, даже отеческое, въ этомъ отношеніи забываетъ объ умѣренности и справедливости. Но въ этомъ виденъ перстъ Божій: церковь наша, родившаяся въ крови и мученіяхъ, укрѣпляется въ гоненіяхъ. И дѣйствительно, не смотря на гоненія, никогда католическая вѣра здѣсь такъ не процвѣтала, никогда въ ней не было столько жизни, столько усердія во всѣхъ ея членахъ. Ультрамонтанство и іезуитство, всюду теперь проникающіе, здѣсь не легко найдутъ себѣ доступъ; а если и проникнутъ, то не на

долго и отступячь предъ просвѣщеніемъ массъ и усердіемъ духовенства, отличающагося образованіемъ, опытностью и преданностью. Надобно надѣяться, что раціонализмъ и матеріальная наука разобьются о скалу Петрову, если такъ протянется лѣтъ съ десять.

Изъ Берлина я поѣхалъ въ Познань. Не взирая на великолѣпные новые базары и многочисленныя постройки, Познань все еще Польскій городъ. Разбросанный, незастроенный и обезображенный разваливающимися деревянными домами возлѣ новыхъ домовъ, онъ мнѣ совсѣмъ не понравился. Изучить этотъ городъ, какъ слѣдуетъ, мнѣ не удалось, по причинѣ ваканціоннаго времени: всѣ учебныя заведенія были закрыты, архіепископа не было дома, его подворье было въ починкѣ. Прибывъ въ Субботу, я на утро отправился въ кафедральный соборъ и не скоро его нашель: онъ почти за городомъ. Въ соборѣ я отстоялъ всю службу, выслушалъ и проповѣдь, но ни та ни другая меня не удовлетворили; въ служившихъ и помогавшихъ я не видѣлъ вѣры и убѣжденія въ святости совершаемыхъ ими обрядовъ. У алтаря и на кафедрахъ они походили на ремесленниковъ, пріодѣтыхъ къ празднику, съ высокими галстуками, съ воротничками до носу и съ завитыми волосами. Соборъ не великолѣпенъ и тѣсенъ; придѣлъ же, построенный первымъ Гнезенскимъ архіепископомъ для помѣщенія, если не ошибаюсь, памятниковъ Мечиславу и Болеславу, королямъ Польскимъ, оказался далеко не тѣмъ, какимъ я его найти ожидалъ.

Узнавъ, что архіепископъ Пржилускій находится въ мѣстечкѣ Сродѣ, въ 4 миляхъ отъ Познани, гдѣ Іезуиты отправляли миссію, я отъ нечего дѣлать поѣхалъ туда познакомиться съ орденомъ у васъ неизвѣстнымъ, также чтобъ увидѣться съ священникомъ Езерскимъ, которому, при его отъѣздѣ изъ Рима, я вручилъ многія свои работы. Мнѣ извѣстно было достоверно, что архіепископъ, какъ человѣкъ образованный и по своему высокому сану обязанный вести себя осторожно и не раздражать правительства, не раздражялъ стремленій дворянства—противудѣйствовать во всемъ правительству и не находилъ затѣянной миссіи ни своею временною, ни полезною; но не могъ совершенно отказаться отъ участія въ ней: онъ долженъ былъ считаться съ Римомъ или иначе съ іезуитизмомъ, овладѣвшимъ всѣмъ высшимъ сословіемъ въ Познанскомъ княжествѣ; поэтому и отправился въ Сродъ для произнесенія благословенія. Не обращая вниманія на воздвигнутыя въ честь его триумфальныя арки, на многочисленные флаги съ народными цвѣтами и на огромный сѣвядъ дворянства, онъ не оставался тамъ долго и уѣхалъ, отказываясь даже отъ приготовленнаго ему банкета. Я не могъ достаточно надивиться какъ страсти нашей шляхты къ демонстраціямъ, такъ и подозрительности Прусскаго правительства. Первая—думаетъ побѣдить протестантство выставкою католическихъ церемоній; другое—боится отпаденія лютеранъ, еслибы до ихъ ушей дошло слово католическаго духовнаго. Полиція, подкрѣпленная жандармами, стерегла входъ въ костель, чтобъ туда не

проскользнулъ протестантъ; когда же послѣ, по причинѣ чрезмѣрнаго наплыва народа, устроили службу въ оградѣ церковной, полиція приказала обнести ограду высокимъ досчатымъ заборомъ, дабы внѣ ея не было ничего ни слышно, ни видно. Помѣщики, хотя это было время уборки хлѣба, явились всѣ сами, заставили, вмѣсто барщины, прибыть сюда и всѣхъ своихъ крестьянъ и работниковъ. Миссією называется у католиковъ или посылка проповѣдниковъ для распространенія вѣры среди язычниковъ, или усиліе для оживленія и укрѣпленія ея тамъ, гдѣ она ослабѣла или исказилась. Но не было никакого повода отправлять миссію сюда: вѣра давно здѣсь извѣстна и тщательно оберегается усердными пастырями. Іезуиты охотно взялись за это дѣло, такъ какъ у нихъ нѣтъ отечества, и они не признаютъ надъ собою никакой гражданской власти; свѣтское духовенство принимало въ этомъ лишь самое незначительное участіе. Странно положеніе здѣшняго населенія: описывается совсѣмъ не такимъ, какимъ является въ дѣйствительности; все здѣсь идетъ къ худшему. Вѣра католическая, уже судя по тому, что она здѣсь слилась съ Польскою національностью, встрѣчаетъ гораздо большія трудности, чѣмъ во всякой другой Прусской провинціи. На всякомъ шагу встрѣчаетъ она сопротивленіе, постоянно стѣснена подозрительностью правительства и строгимъ его надзоромъ. Не можетъ поэтому развиваться истинное католическое усердіе въ возвышеніи духа вѣры и приумноженіи чести Божьей. Духовенство—это основаніе церкви, воспитывается въ зависимости отъ правительства и, безъ его соизволенія, не можетъ ни мѣста получить, ни подняться выше. По внѣшности и обхожденію оно все больше и больше походитъ на Нѣмецкое, и превращеніе этимъ не ограничится, тѣмъ болѣе, что въ семинаріи, консисторіи, капитулы насылаютъ постоянно чистыхъ Нѣмцевъ. Патриотизмъ княжества Познанскаго былъ для меня чистою загадкою, которую я никакъ разрѣшить не могъ. Неужели необходимое условіе любви къ отечеству состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть въ виду одного только себя и основывать свое благосостояніе на нищетѣ и погибели слабѣйшихъ? Между тѣмъ здѣсь такъ; мелкая только шляхта сохранила у себя Польскую услугу, магнаты же и болѣе состоятельные помѣщики, пользуясь Прусскими законами, совсѣмъ ее выжили. Тяжело на сердцѣ, когда, проѣзжая изъ Познани въ Бреславль по прекраснѣйшей странѣ, видишь однѣ мызы; а если и есть гдѣ поселокъ какой, то тамъ непременно сидитъ Нѣмецъ. Можно ли назвать патриотизмомъ такое удаленіе изъ края прежнихъ его обитателей и замѣну его иностранцами? Неудивительно поэтому, что въ полвѣка княжество такъ огерманизовалось, что скоро и слѣдъ пропадетъ, что оно когда-то было главною частью Польши; едва у границы, и то лишь народъ простой, одѣваются и говорятъ попольски. Правда, что правительство систематически всѣми силами стремится къ этой цѣли, не допускаетъ Поляка ни къ какой должности: даже почталыоны, полиціанты и разсыльные—все Нѣмцы. Но высшіе классы, не нуждающіеся въ помощи правительства, могли бы сохранить свою народность. Я жилъ въ лучшей гостин-

ницѣ, владѣлецъ ея богатый Полякъ; отецъ его носилъ еще кунтушь, а онъ ужъ и попольски худо говоритъ. Въ ресторани, гдѣ было большое собраніе оцицеровъ и дворянъ, я не слышалъ Польскаго слова, хотя большинство составляли Поляки. Тутъ я вспомнилъ о провинціяхъ, которыя уже сто лѣтъ находятся подъ властью Россіи, и еще доселѣ тамъ сохранились языкъ и обычаи Польскіе. Обстоятельствомъ, давшимъ поводъ думать, что Польская національность сильна еще въ княжествѣ, были дѣйствія графа Рачинскаго, который жертвовалъ всѣмъ своимъ достояніемъ для поддержанія Польскаго духа, и важнѣйшимъ для этого средствомъ выбралъ онъ распространеніе въ народѣ свѣдѣній и книгъ, касающихся Польской исторіи. Со смертью его прекратилась эта полезная дѣятельность; ее замѣнила другая—направленная совсѣмъ въ иную сторону. Новые благодѣтели, вмѣсто того, чтобъ по прежнему просвѣщать народъ, стали его возбуждать, внушать ненависть и месть къ чужимъ народамъ, особенно къ Русскимъ. Знакомые намъ Воскресенцы вдохнули свои идеи многимъ духовнымъ и дворянамъ и побудили основать нѣсколько періодическихъ изданій, какъ то: Газета Церковная, Богословскій Архивъ и Познанское Обзорѣніе. Архивъ, самое полезное изданіе, существовалъ нѣсколько лѣтъ. Газета, какъ сборъ лжи и обмановъ, скоро прекратилась; но Обзорѣніе, задавшееся поношеніемъ Русскаго правительства и подвластнаго ему Польскаго духовенства, до сихъ поръ поддерживается; статьи оно получаетъ прямо изъ Парижа и Рима. Такой патріотизмъ не овладѣетъ честными сердцами и не окажетъ благодѣтельнаго вліянія на народъ; источникъ его не чистъ, его девизъ—ненависть и месть; полезныхъ плодовъ поэтому онъ не принесетъ, а одно несчастіе.

Въ грустномъ настроеніи отправился я въ Бреславль. Здѣсь уже нѣтъ и слѣдовъ, что эта земля была нѣкогда Польскою. Я думалъ проѣхать въ Краковъ и провести тамъ съ недѣлю; но, къ величайшему моему огорченію, меня туда не пустили, и я поневолѣ направился въ Варшаву.

Прибывъ къ мѣсту моего служенія, я сейчасъ же представился князю намѣстнику. Онъ долго меня спрашивалъ и много разъ приглашалъ къ себѣ; наконецъ просилъ меня написать для него подробный отчетъ о ходѣ моего дѣла въ Римѣ и назвать всѣхъ въ краѣ и за границую, которые интригами своими парализовали намѣренія правительства. Описать все я согласился, но назвать всѣхъ противниковъ я считалъ несогласнымъ съ своимъ духовнымъ призваніемъ, да и для дѣла неважнымъ; поэтому просилъ князя на этомъ не настаивать. Князь однако стоялъ на своемъ. Тогда я сталъ представлять князю, что, получивъ требуемыя имена, онъ возбудитъ бурю, себѣ надѣлаетъ хлопотъ, а меня совершенно убьетъ. Въ Римѣ и Парижѣ интригу ведутъ не простые фанатики и не обыкновенныя ханжи, но знатные господа и дамы высшаго круга съ тою единственно цѣлью, чтобъ прославиться усердіемъ къ вѣрѣ, оказать услугу ультрамонтанской партіи, т. е. Іезуитамъ и Воскресенцамъ. Узнавши ихъ, пришлось бы взыскивать

съ нихъ за поведеніе, несогласное съ обязанностями подданнаго, или, по крайней мѣрѣ, отказать имъ отъ своего дома, лишить своей дружбы. Но такое состояніе долго продолжаться бы не могло: эти господа и госпожи, находясь въ близкихъ отношеніяхъ съ лицами, окружающими Монарха и его намѣстника, нашли бы тысячи способовъ испросить себѣ прощеніе. Ихъ знатное происхожденіе, богатство и соотвѣтствующее высокое положеніе въ правительствѣ и обществѣ скоро заставятъ забыть ихъ выходки, какъ слѣдствія ихъ спѣси и моднаго фанатизма. Я же остался бы навсегда доносчикомъ и шпиономъ и потерялъ бы всякое вліяніе на духовенство. Выслушавъ мои соображенія, князь задумался и долго молча ходилъ по комнатѣ. По прошествіи, по крайней мѣрѣ, четверти часа, сказалъ онъ мнѣ приблизительно слѣдующее: „Перваго въ тебѣ ксендза встрѣчаю, который предпочитаетъ общее благо своей собственной пользѣ; поздравляю тебя и себя съ одинаковымъ взглядомъ на вещи; ты правъ, не стоить затѣвать дѣла и наказывать виновныхъ: этимъ дѣла не поправимъ, а себѣ только хлопотъ надѣлаемъ. Я хотѣлъ оставить послѣ себя хорошую память, устроивъ и щедро надѣливъ вашу церковь; мнѣ позавидовали враги Государя и его правительства; они пожалѣютъ о своемъ поступкѣ, когда увидятъ его послѣдствія. Я съ тобою согласенъ; мнѣ довольно знать только причины, вызывающія неприязнь и недовѣріе у Ватиканскаго двора, чтобъ на будущее время уберечься отъ столкновеній и даромъ къ нему не обращаться. Мнѣ необходимо также знать, какое вліяніе на церковныя дѣла оказываетъ эмиграціи; поэтому прошу тебя присоединять всюду свои соображенія, какія продиктуетъ тебѣ совѣсть и желаніе общаго блага, и не бойся высказывать истину. Что касается до тебя самаго, будь спокоенъ; мы хотѣли поставить тебя во главѣ духовенства и не откажемся отъ этого намѣренія; а между тѣмъ ты будешь управлять Августовскою епархіею, какъ законно избранный капитуломъ и утвержденный правительствомъ“. Выслушавъ это, я осмѣлился сказать князю, что еъ Римѣ готовы отказать мнѣ въ необходимой благодати и что было бы безопаснѣе справиться прежде при посредствѣ миссіи. Князь отвѣчалъ гнѣвно: „Каковъ папа, такова и миссія; не стоить съ ними связываться и ждать ихъ милости; въ крайнемъ случаѣ вернешься въ Академію, завѣдываніе которою остается за тобою до окончанія дѣла; жалованье же, которое будешь получать какъ администраторъ, также останется за тобою“. Я былъ очень недоволенъ такимъ оборотомъ дѣла, но не смѣлъ противорѣчить князю, тѣмъ болѣе, что при одномъ намекѣ на переселеніе въ Римъ, онъ разсердился и запретилъ объ этомъ говорить. Не оставалось ничего болѣе какъ исполнять приказанное, и я на нѣсколько дней за сѣлъ за работу.

Въ своемъ отчетѣ князю я указалъ, что въ нашемъ посольствѣ хранится Итальянскій переводъ моего сочиненія, составленнаго по порученію Феррари; подлинныя протоколы всѣхъ моихъ конференцій съ этимъ прелатомъ; къ отчету же приложилъ

описание всѣхъ аудіенцій и двѣ записки о Воскресенцахъ, изготовленные: одна—для г. Бутенева, другая—для кардинала Антонелли. Получивъ мой отчетъ, князь былъ очень доволенъ, назначилъ мнѣ 4500 рублей жалованья, т. е. вдвое противъ того, сколько по закону слѣдовало администратору, и велѣлъ выдать мнѣ это жалованье со дня моего выбора. Деньги эти мнѣ очень пригодились на уплату долговъ, которые я сдѣлалъ за границую. Въ управление епархіею вступилъ я 30 Октября 1853 года.

Одному Богу извѣстно, какъ это случилось, что тотъ самый ксендзъ Голлякъ, который былъ первымъ моимъ врагомъ, по смерти администратора Блоцкаго первый же предложилъ капитулу выбрать меня администраторомъ. Послѣ моего избранія, по его совѣту, помощникомъ выбрали самаго неспособнаго прелата, Должковскаго. Голлякъ и Мышкель ему помогали и успѣли скомпрометировать его до такой степени, что отъ управления Домбковскій былъ устраненъ, а его мѣсто занялъ Голлякъ. Въ это несчастное время творилось много беззаконій; ксендзовъ присуждали къ тѣлесному даже наказанію; изъ Семинаріи удалили лучшаго профессора и оставили безъ куска хлѣба. Два старшихъ прелата: каноники Мышкевичъ и Маковскій получили публичный выговоръ отъ губернатора за то только, что въ частномъ разговорѣ осмѣлились осуждать Голляка и Мышкаля за ихъ безчеловѣчное обхожденіе съ ксендзами: они были представлены строптивыми и бунтовщиками. Поступокъ этотъ возбудилъ всеобщее негодованіе, тѣмъ болѣе, что всѣ догадывались, съ какою цѣлью это было сдѣлано: этихъ прелатовъ хотѣли лишить возможности быть впоследствии или помощниками въ управленіи или даже администраторами. Вотъ почему не хотѣлось мнѣ вступать въ управленіе Августовскою епархіею; но, призвавши на помощь Духа Св., я взялся за дѣло. Въ окружномъ посланіи ко всему духовенству я изложилъ свою программу и твердо ее держался. Найдя большой недостатокъ въ священникахъ, я испросилъ у начальства дозволеніе и средства на поѣздку въ Вильну нѣсколькимъ десяткамъ семинаристовъ, для полученія тамъ священства. Убѣдившись, сколь незаслуженно были очернены каноникъ Маковскій, настоятель Сувалковскій и профессоръ Залѣсскій, я постарался очистить обоихъ отъ незаслуженныхъ обвиненій и перевелъ перваго въ наилучшее настоятельство въ Замбровъ; второму далъ также приходъ. Много нужно было труда и терпѣнія, чтобы возстановить церковную дисциплину, которая была почти уничтожена излишнею снисходительностью къ однимъ и незаслуженною строгостью къ другимъ прежнихъ правителей, руководствовавшихся капризами и звѣрскимъ гнѣвомъ. Противъ расходившихся Мазуровъ нужно было употребить самыя суровыя и крутыя мѣры; Литовскіе же ксендзы, чувствуя свои прежніе противъ меня грѣхи, оказались вдругъ послушными и тихими, хотя по природѣ своей они очень грубы и задорны. Укоренившіеся прежде доносы и шпіонство быстро прекратились, какъ только первымъ ложнымъ доносчикамъ порядочно досталось.

На третьемъ году моего управленія получено было приказаніе сдѣлать самую точную опись духовнымъ имуществамъ, для передачи ихъ въ казну. Разсмотрѣвъ внимательно инструкцію, я отнесся въ Коммиссію Внутреннихъ Дѣлъ и обстоятельно изложилъ, что приведеніе въ дѣйствіе замышляемой мѣры не принесетъ правительству никакой пользы, а духовенство потеряетъ весьма въ уваженіи народа и въ средствахъ. Представленіе мое не имѣло дѣйствія, и приказано было немедленно приступить къ дѣлу. Всѣ епархіи согласились; а я, не желая принимать участіе въ дѣлѣ столь для духовенства вредномъ, счелъ за лучшее оставить управленіе епархіею и вернулся въ Академію. Враги мои радовались, считая это возвращеніе большимъ для меня униженіемъ, а я принялъ эту перемѣну съ спокойствіемъ и упованіемъ на Бога; она въ матеріальномъ отношеніи для меня очень выгодна. Сидя на ректорствѣ, котораго обязанности мнѣ хорошо знакомы, я не ломаю головы и не встрѣчаю никакой трудности; лекцій не читаю, во всякой отрасли управленія у меня есть помощники. При такой жизни я свободенъ еще отъ всякихъ издержекъ на мое содержаніе и представительство: у меня есть казенный столъ, квартира, отопленіе, освѣщеніе и прислуга; я могъ бы даже держать экипажъ, еслибъ не жалѣлъ казенныхъ денегъ; а по монаршему соизволенію, жалованье мое осталось такое же, какое получалъ, я будучи администраторомъ. Оно довольно значительно, но почти все идетъ на уплату долговъ, которые я надѣлалъ большею частью для воспомоществованія своимъ родственникамъ, чрезвычайно многочисленнымъ, бѣднымъ и ненасытнымъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Исторія Людики.

Прибывъ въ Академію, я его засталъ здѣсь профессоромъ. Пользуясь безграничнымъ довѣріемъ князя и его дружбою, Людики попиралъ рѣшительно всѣхъ; на лекціяхъ осмѣивалъ нашихъ епископовъ, подпольными интригами выжилъ изъ Академіи многихъ профессоровъ и ничьего старшинства знать не хотѣлъ. Сдѣлавшись ректоромъ, я безропотно долженъ былъ переносить его нахальство, тѣмъ болѣе, что Коммиссія, сама его опасаясь, и моему предшественнику и мнѣ сдѣлала выговоръ за то, что мы жаловались на него. Когда я ближе сошелся съ княземъ, я откровенно сталъ представлять ему, что Людики совсѣмъ не отвѣчаетъ своему назначенію, и князь наконецъ со мною согласился; но онъ не хотѣлъ сразу измѣнить замѣтно свои отношенія. Всѣ, кромѣ князя, не терпѣли Людики; онъ надѣлалъ Русскимъ, а Поляковъ не считалъ даже Божьими созданіями и обходился съ ними чрезвычайно грубо. Наконецъ и семейство князя и православный архіепископъ начали сильно жаловаться на безстыдство Нѣмца; тогда князь запретилъ ему входъ къ себѣ. При первомъ извѣстіи о немилости, поданы были жалобы отъ братства при Попаулинскомъ костелѣ, которымъ онъ завѣдывалъ, и отъ Нѣмецкаго училища, гдѣ былъ преподавателемъ.

Нарочно наряженная комиссія открыла страшныя злоупотребленія, настоящій грабёжъ. Не ожидая окончанія дѣла, Людикѣ самъ отказался отъ обоихъ мѣстъ. Онъ занималъ еще три должности: былъ профессоромъ, цензоромъ и политическимъ агентомъ для наблюденія за католическимъ движеніемъ. Зная, что Людикѣ потерялъ у князя кредитъ, я просилъ начальство понудить его представить свои документы и доказательства на право занимать мѣсто въ Академіи, въ коей онъ находился уже 10 лѣтъ, и присовокупилъ, что по слухамъ у него есть жена въ Саксоніи и что онъ не только не священникъ, но даже не христіанинъ. Главный директоръ велѣлъ ему немедленно исполнить требованіе ректора и устава. Людикѣ отвѣчалъ, что его документы за границею и что онъ ихъ привезетъ въ вакаціонное время. По наступленіи онаго, Людикѣ, какъ обыкновенно, получилъ паспортъ за границу; въ прежніе годы онъ ѣздилъ туда въ качествѣ правительственнаго агента и каждый разъ получалъ значительную сумму на издержки; теперь же въ деньгахъ ему было отказано. Поѣхалъ онъ прямо въ Римъ, гдѣ, клеветами на наше духовенство, особенно на меня, снискалъ дружбу и покровительство Воскресенцевъ.

По возвращеніи изъ Рима, Людикѣ явился ко мнѣ съ торжествующимъ видомъ, рассказывалъ о своихъ аудіенціяхъ у папы (у котораго и не думалъ быть) и будто папа сказалъ ему, что ни одного изъ нынѣ представляемыхъ прелатовъ не возведетъ въ епископскій санъ. Началъ онъ дальше рассказывать о Римѣ, но я наконецъ прервалъ его вопросомъ: привезъ ли онъ обѣщанные документы? Онъ подалъ мнѣ бумагу на бланкѣ кардинала, апостольскаго викарія, и просилъ возвратитъ ему ее немедленно. Въ этой бумагѣ значилось, что Людикѣ, оставляя 15 л. тому назадъ папскую столицу и боясь потерять въ дорогѣ свои документы, явился съ ними въ апостольскую консисторію, для явки оныхъ. Тутъ тотчасъ открылся обманъ. Подобной явки не бываетъ, да она и не нужна: въ случаѣ потери бумагъ, можно получить копии отъ тѣхъ мѣстъ, коими онъ выданы. Кромѣ того, въ бумагѣ упоминались свидѣтельства, по своей неправдоподобности очевидно выдуманная; метрическое свидѣтельство показывало, что онъ происходитъ изъ Евреевъ, не означая ни мѣста, ни времени, ни даже исповѣданія, въ которое онъ былъ окрещенъ. Онъ утверждалъ, что посвященъ въ духовный санъ въ Дрезденѣ, но удостовѣренія не представилъ. Въ бумагѣ говорилось, что онъ былъ профессоромъ семинаріи въ Италіи, руководилъ тамъ не разъ миссіями и былъ исповѣдникомъ въ одномъ женскомъ монастырѣ; а между тѣмъ онъ вовсе не зналъ Итальянскаго языка. Наконецъ, свидѣтельство о его прекрасномъ поведеніи и благочестивой жизни совсѣмъ не соотвѣтствовало его поведенію и жизни въ Варшавѣ, гдѣ онъ былъ извѣстенъ какъ безстыдный атеистъ и развратникъ. Документъ, врученный мнѣ Людикѣ, я препроводилъ въ Коммиссію и откровенно высказалъ мое объ немъ сужденіе. Вслѣдствіе этого, всѣ иностранныя миссіи приглашены были собрать свѣдѣнія о Людикѣ и доставитъ ихъ въ Варшаву; а между тѣмъ полиціи приказано было слѣдить за нимъ. По справкамъ оказалось, что родствен-

ники Людике до сихъ поръ Евреи, и что нигдѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ того, что онъ утверждалъ. Намѣстникъ приказалъ изготавить оберъ-полиціймейстеру подробный рапортъ о Людике и представить ему. Вышло, что этого Нѣмца выписалъ графъ Генрихъ Лубенскій въ себѣ въ гувернеры и, желая потомъ отъ него избавиться, рекомендовалъ его администратору Варшавской епархіи въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Сей послѣдній, желая поправиться Лубенскому, имѣвшему тогда большой вѣсъ и не спрашивая никакихъ документовъ, принялъ его охотно, поручилъ ему въ управленіе костель, оставшійся послѣ Паулиновъ и назначенный для отправленія богослуженія Нѣмецкихъ католиковъ, сдѣлалъ его профессоромъ и совѣтникомъ новоучреждаемой Академіи; наконецъ, получивъ Августовское епископство, возвелъ его въ почетные каноники. Людике скоро вошелъ въ милость къ князю, проникъ въ Совѣтъ просвѣщенія, въ цензуру и наконецъ занялъ еще нарочно для него придуманную должность политическаго агента, котораго назначеніемъ было слѣдить — какимъ образомъ католики вредятъ Православію. Въ этомъ званіи онъ каждую вакацію ѣздилъ за границу, бралъ большія суммы и тамъ предавался самому необузданному распутству. За границей, онъ вездѣ поносилъ Русское правительство, а въ Римѣ связался съ Воскресенцами и помогалъ имъ въ ихъ интригахъ. Какъ цензоръ, онъ давалъ запрещенныя книги для чтенія, и самъ же доносилъ объ этомъ, также вымогалъ взятки: болѣе крупныя бралъ онъ съ дамъ высшаго круга за доставленіе имъ приглашенія въ замокъ на балъ или за какія-нибудь услуги, которыя впрочемъ онъ всегда обѣщалъ, но никогда не исполнялъ. Свѣдѣнія о жизни Людике въ Варшавѣ тоже были неутѣшительныя: не только онъ ходилъ по всѣмъ притонамъ разврата, но и у себя дома совсѣмъ не стѣснялся, безсовѣстно пользуясь неопытностью бонъ и гувернантокъ, пріѣзжавшихъ изъ Германіи или Франціи и искавшихъ у него покровительства. Предчувствуя, что ему не сдобровать, подалъ онъ князю прошеніе, коимъ ходатайствовалъ подарить ему одинъ годъ для пополненія 15-ти лѣтъ его службы и назначить ему въ пенсіонъ четверть всѣхъ получаемыхъ окладовъ жалованья. Не получивъ удовлетворенія, осмѣлился онъ жаловаться на князя Государю, бывшему тогда въ Варшавѣ и этимъ погубилъ себя окончательно. Его лишили всѣхъ должностей и оставили при одной Академіи; онъ между тѣмъ успѣшилъ взыскать деньги съ должниковъ. Прибывъ въ Варшаву безъ копѣйки, онъ успѣлъ собрать капиталъ до 40.000 рублей. Издержки его были весьма незначительныя: онъ обѣдалъ или у князя, или у другихъ знакомыхъ, искавшихъ его милости; вообще, былъ мастеръ пользоваться всѣмъ даромъ. При отставкѣ, ему назначили единовременную выдачу въ тысячу рублей, но на эти деньги былъ кѣмъ-то наложенъ арестъ.

Оставя Польшу, Людике поселился въ герцогствѣ Баденскомъ, принялъ должность гувернера въ одномъ знатномъ домѣ, изнасило-валъ здѣсь дочь хозяина и посаженъ былъ въ тюрьму. Судъ лишилъ его всѣхъ правъ и преимуществъ и присудилъ къ уплатѣ значительнаго штрафа и къ многолѣтнему заключенію. Вслѣдствіе этого

рѣшенія, возвращены были нашему правительству ордена св. Станислава и св. Анны 2-й степени, а въ капитулы Августовскій и Келецкій—эмблемы духовнаго достоинства. Изъ тюрьмы Людиге успѣлъ бѣжать и укрылся въ Парижѣ. Здѣсь мѣняетъ онъ постоянно сожительницъ и занимается высшею политикою вмѣстѣ съ Воскресенцами.

ПОЛЬСКІЙ АНЕКДОТЪ О ПУГАЧЕВѢ.

Извѣстный Польскій писатель, покойный графъ Ржевускій превосходно зналъ всю анекдотическую исторію послѣдняго времени Польши въ прошедшемъ столѣтіи. Мицкевичъ любилъ слушать его рассказы и уговорилъ его изложить ихъ на бумагѣ. Такимъ образомъ возникла книга: „Воспоминанія стараго шляхтича“, занимающая видное мѣсто въ Польской литературѣ. Въ ней сохранилось много рассказовъ о Барской конфедераціи и между прочимъ объ отношеніяхъ Польскихъ конфедератовъ къ Пугачеву. Изъ нея мы заимствуемъ слѣдующій рассказъ.

По занятіи Казани, Пугачевъ узналъ, что въ городѣ находится нѣсколько сотъ Польскихъ конфедератовъ. Онъ сдѣлалъ имъ смотръ и тѣхъ изъ нихъ, которые были большаго роста, бралъ къ себѣ на службу, а малорослыхъ, признавая неспособными къ службѣ, отпускалъ на волю. Такимъ образомъ многіе изъ нихъ, пользуясь смятеніемъ, бывшимъ тогда по всей Россіи, успѣли пробраться въ отечество. Неизвѣстно, по какой причудѣ Пугачевъ отступилъ отъ правила, выбравъ одного изъ нихъ, шляхтича Заблоцкаго (бывшаго въ послѣдствіи Польскимъ консуломъ въ Кременчугѣ) и приказалъ ему находиться при своей особѣ. Этотъ Заблоцкій былъ такого маленькаго роста, что, глядя на него сзади, можно было принять его за тринадцатилѣтняго мальчика. Заблоцкій вошелъ въ большую силу у Пугачева. Пугачевъ былъ простой, неотесанный казакъ, не зналъ ни читать, ни писать, и когда бывало запьетъ, то приказываетъ все жечь и рѣзать. А такъ какъ Заблоцкій состоялъ при немъ въ званіи дежурнаго генерала, то ему удавалось иногда и не исполнять его приказаній. Когда же Пугачевъ протрезвлялся, припоминалъ, что онъ далъ какое-то приказаніе, которое не было исполнено, и начиналъ сердиться: то Заблоцкій доказывалъ ему въ глаза, что не получалъ отъ него никакого приказанія. Этимъ иногда и оканчивалось дѣло, потому Пугачевъ любилъ его; а любовь эту Заблоцкій заслужилъ у него ничѣмъ инымъ какъ только своею смѣлостью и присутствіемъ духа.

Пугачевъ стыдился, что онъ не умѣетъ ни читать, ни писать. Онъ желалъ прослыть за грамотнаго. Заблоцкій, будучи у него адъютантомъ, долженъ былъ записывать его приказанія. Однажды, въ началѣ этой службы, Пугачевъ позвалъ Заблоцкаго и, взявши мелъ, началъ имъ чертить что попало, а потомъ подозвалъ находившагося при немъ подъячаго и сказалъ ему, показывая на свое маранье: „Я тебя принялъ на мою службу какъ человѣка грамотнаго. Когда

ты въ самомъ дѣлѣ грамотный, читай громко то, что я здѣсь написалъ“.

— Ваше величество изволить шутить надо мною, отвѣчалъ подъячій: это не похоже на грамоту.

„Такъ ты смѣешь говорить, что я лгу! вскричалъ Пугачевъ. Я царь, такъ развѣ я не умѣю писать?“ И тутъ же приказалъ засѣчь подъячаго до смерти.

Потомъ Пугачева обратился къ Заблоцкому и сказалъ ему: „Ты мой адъютантъ, и говорятъ, что ты грамотный. Сейчасъ мнѣ прочитай что я написалъ“.

Заблоцкій находился въ незавидномъ положеніи, изъ котораго однако съумѣлъ ловко вывернуться.

„Пресвѣтлѣйшій царь! сказалъ онъ. Если бы что написалъ Богъ Отецъ, только Богъ Сынъ или Богъ Духъ святой могли бы прочесть написанное. Чтобы уразумѣть написанное вашимъ императорскимъ величествомъ, надобно, чтобъ здѣсь былъ другой такой же великій царь. Онъ только, можетъ быть, былъ бы такъ мудръ, что понялъ бы ваше писанье. А мы, прахъ земной и подданные вашего величества, мы можемъ читать только то что напишемъ сами, или другіе намъ равные“.

Этотъ отвѣтъ такъ понравился Пугачеву, что онъ тотчасъ же произвелъ Заблоцкаго въ дежурные генералы и сталъ самъ читать ему написанное имъ, именно, что онъ, по вступленіи на престолъ, заключить союзъ съ Поляками и возметъ въ свое подданство Нѣмцовъ.

Примѣчаніе. Что Пугачевъ, желая прослыть грамотнымъ, упражнялся въ подобнаго рода писаньи, какъ разказано въ прилагаемомъ отрывкѣ, видно изъ разказа въ Лѣтописи Рычкова, напечатаннаго Пушкинымъ въ его Исторіи Пугачевского Бунта. Однажды, во время осады Оренбурга, были доставлены изъ Пугачевского лагеря въ городъ три письма: одно въ видѣ указа губернатору порусски, другое—переводъ этого указа на плохой Нѣмецкій языкъ и третье „ничего незначащее, но въ однихъ только черточкахъ какъ (наподобіе того, незнающія грамотѣ дѣти пишутъ) состоящее, и такимижъ пустыми черточками въ одномъ мѣстѣ подписанное письмо, видно самимъ злодѣемъ, какъ незнающимъ грамотѣ для обмана находящихся при немъ простаковъ, написанное въ томъ видѣ, якобы онъ знаетъ грамотѣ и самъ отъ себя партикулярно къ губернатору писалъ“.

Х.

Преданность Поляковъ Пугачеву есть такое же явленіе, какъ и позднѣйшая служба ихъ Турецкимъ султанамъ. Во время Пугачевщины было еще обстоятельство, привлекавшее ихъ къ самозванцу. Любовница князя Радзивила, извѣстная княжна Тараканова, была, какъ извѣстно, орудіемъ Поляковъ противъ Екатерины. Она дѣйствовала въ одно время съ Пугачевымъ, т. е. вслѣдъ за первымъ раздѣломъ Польши (къ которому, какъ нынѣ доказано неопровержимо, Екатерина была приневолена Фридрихомъ Великимъ). Любопытно хронологическое сопоставленіе успѣховъ Пугачева и манифестовъ мнимой внуки Петра Великаго, дѣйствовавшей по приказанію Поляковъ. Вѣроятно, что князь Радзивиль имѣлъ пособниковъ между Поляками въ Россіи. И. Б.

НЕИЗДАННЫЕ ДЕСЯТЬ СТИХОВЪ А. С. ПУШКИНА.

На подлинномъ листѣ, принадлежащемъ Николаю Платоновичу Хвицкому, рукою Пушкина написано неизданное мѣсто, относящееся къ концу 4-й пѣсни Руслана и Людмилы, послѣ стиха: „Уже ли счастливъ будетъ онъ?“

Къ ея плѣнительнымъ устамъ
 Прильнувъ увядшими устами,
 Онъ мыслить хладными трудами
 Сорвать сей юный, нѣжный цвѣтъ,
 Хранимый Лелемъ для другаго.
 Уже..... но бремя позднихъ лѣтъ
 Тягчить безстыдника сѣдаго;
 Стеная, дряхлый чародѣй
 Предъ юной дѣвой упадаетъ.
 Въ немъ сердце рвется, плачетъ онъ.

Далѣе слѣдуетъ такъ, какъ во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина: „Чу... вдругъ раздался рога звонъ“ и пр.

Н. П. Хвицкій, будучи молодымъ человѣкомъ и служа въ гвардіи, встрѣчался съ Пушкинымъ въ обществѣ и на прогулкахъ и однажды выразился ему, что въ 4-й пѣсни его поэмы долженъ быть пропускъ. — „Какъ-же живо, подхватилъ Пушкинъ. Хотите, я вамъ дамъ этотъ пропускъ? Гдѣ вы живете? Какъ нибудь я найду къ вамъ и напишу“. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени, Пушкинъ пришелъ къ молодому офицеру и написалъ ему вышенапечатанные стихи, нѣкогда исключенные цензурою послѣднихъ годовъ царствованія Александра Павловича, которая даже Жуковскому не пропускала вполнѣ „Смальгольмскаго барона“. Встрѣча Пушкина съ Н. П. Хвицкимъ относится уже къ 1836 году, не задолго до кончины поэта.

П. Б.

ЗАПИСОЧКА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ А. С. ПУШКИНУ.

Возвращаю тебѣ твои прелестныя пакости: всѣмъ очень доволенъ. Напрасно сердишься на Чуму: она едва ли не лучше Каменскаго Гостя. На Моцарта и Скупяго сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія; кажется, и то и другое еще можно усилить. — Пришли Онѣгина, сказку октавами *), мелочи и прозаическія сказки всѣ, читанныя и нечитанныя. Завтра все возвращу.

Ж.

Александрѣ Сергѣевичу Пушкину.

(Съ подлинника, сообщено покойнымъ Н. А. Елагинымъ).

*) Т. е. Домикъ въ Коломнѣ.

МАТВѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КАРНІОЛИНЪ-ПИНСКІЙ.

Матвѣй Михайловичъ Карніолинъ-Пинскій пользовался въ свое время большою извѣстностію въ Сенатѣ, гдѣ онъ прошелъ всѣ ступени чиновной іерархіи, начиная съ должности секретаря. Всѣ лица, которые въ прежнее время начинали свою служебную карьеру также въ Сенатѣ и съ которыми намъ доводилось говорить о Карніолинѣ-Пинскомъ, хорошо помнятъ его и отзываются о немъ какъ о человѣкѣ дѣловомъ. Въ историческихъ памятникахъ намъ случилось два раза встрѣтить его фамилію: во 1-хъ, въ разсказѣ объ актрисахъ Семеновыхъ на дочери одной изъ которыхъ (бывшей въ замужествѣ за княземъ Гагаринымъ) онъ былъ женатъ, и во 2-хъ, въ извѣстїи о Верховномъ Уголовномъ Судѣ *), изслѣдовавшемъ покушеніе Каракозова: Карніолинъ-Пинскій былъ назначенъ, по Высочайшему указу, однимъ изъ членовъ суда. Но болѣе подробныхъ свѣдѣній о немъ не доводилось намъ встрѣчать. А такъ какъ историческія показанія о такихъ лицахъ всегда являются интересными и поучительными, то кажется, что небезполезно будетъ сообщить тѣ свѣдѣнія объ учительской дѣятельности Карніолина-Пинскаго въ Симбирской гимназіи, которые намъ удалось извлечь частію изъ дѣлъ Казанскаго университетскаго архива, при составленіи „Историческихъ очерковъ Симбирской гимназіи“, частію давалось узнать отъ лицъ хорошо знавшихъ Карніолина-Пинскаго во время пребыванія его въ Симбирскѣ.

Изъ послужныхъ списковъ учителей Симбирской гимназіи, хранящихся въ архивѣ Казанскаго университета, видно, что М. М. Карніолинъ-Пинскій былъ родомъ изъ дворянъ Черниговской губерніи, Сосницкаго уѣзда. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Смоленской гимназіи и потомъ кончилъ курсъ наукъ въ С.Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ, изъ котораго и былъ назначенъ 30 Августа 1816 года учителемъ Естественной Исторіи, Технологіи и Коммерческихъ наукъ въ Симбирскую гимназію.

Въ Симбирскѣ Карніолинъ-Пинскій пріѣхалъ еще очень молодымъ человѣкомъ: ему не было и 20 лѣтъ. По воспоминаніямъ лицъ, близко знакомыхъ съ нимъ въ Симбирскѣ, онъ былъ въ то время красивый молодой человѣкъ, высокаго роста, нѣсколько сутуловатый. Лицо у него было бѣлое и пріятное, глаза черные, волосы вьющіеся. При этомъ онъ отличался живостью, энергіей и блестящимъ даромъ слова. Обладавъ такими качествами, Карніолинъ-Пинскій скоро попалъ въ кругъ тогдашняго аристократическаго Симбирскаго общества, тѣмъ болѣе что и самъ онъ по происхожденію принадлежалъ къ дворянскому сословію. Здѣсь въ однихъ домахъ онъ давалъ уроки дѣтямъ, въ другихъ былъ принятъ какъ хорошій декламаторъ и занимательный собесѣдникъ. Живо сочувствуя вопросамъ занимавшимъ тогда умы общества, онъ былъ принятъ въ члены Симбирской франмасонской ложи, называвшейся: „Ключъ Добродѣтели“, девизомъ которой былъ небольшой, продолговатый мѣдный крестъ (этотъ крестъ хранится и донынѣ въ Симбирской Карамзинской библіотекѣ).

Свою учительскую дѣятельность въ гимназіи Карніолинъ-Пинскій также началъ весьма успѣшно. Возбуждаемый на первыхъ порахъ высокою

*) См. Обзорніе царствованія Государя Императора Александра II, стр. 499.

юношескою любовью къ просвѣдительской дѣятельности, онъ съ жаромъ и увлеченіемъ занялся тѣми предметами, преподаваніе которыхъ было на него возложено; но при этомъ онъ отличался не столько познаніями, или какими-нибудь самостоятельными изслѣдованіями, сколько даромъ слова. Предмѣтникъ его, Деметій Васильевичъ Успенскій, также кончившій курсъ въ Педагогическомъ Институтѣ, собралъ по крайней мѣрѣ для гимназіи гербаріумъ изъ мѣстной флоры, о которомъ съ похвалою отзывался въ своемъ ревізіонномъ журналѣ профессоръ Эррманъ; о трудахъ же Карніолина-Пинскаго въ такомъ родѣ нигдѣ въ дѣлахъ не упоминается, а только указывается на его даръ слова. Благодаря этой-то способности и своей юношеской энергіи, Карніолинъ-Пинскій пріобрѣлъ сначала извѣстность отличнаго учителя, какъ не одинъ разъ аттестовалъ его передъ Совѣтомъ университета директоръ Гапоновъ *). Въ одной изъ такихъ аттестацій, сдѣланныхъ уже въ то время, когда Карніолинъ-Пинскій началъ ослабѣвать въ своей учительской дѣятельности, говорится, что „онъ первый изъ учителей Симбирской гимназіи вызвался, по просьбѣ чиновниковъ Симбирской губерніи, преподавать имъ публичныя лекціи въ свободное время и, съ 1817 года, обучалъ ихъ Натуральной Исторіи и Статистикѣ, убѣдя къ тому же и другихъ учителей гимназіи своимъ примѣромъ“. Не смотря на такую популярность, Карніолинъ-Пинскій оставался не болѣе трехъ лѣтъ учителемъ Естественной Исторіи, Технологіи и Коммерческихъ наукъ. Предметы эти, какъ при нынѣшнемъ классическомъ направленіи въ гимназіяхъ, такъ и тогда, хотя преподавались, но не считались особенно важными въ развитіи юношества и потому были въ числѣ предметовъ второстепенныхъ, какъ нынѣ Исторія, Географія и новыя языки въ классическихъ гимназіяхъ. На такіе предметы обыкновенно опредѣлялись учителями люди менѣе даровитые и способные, или считавшіеся таковыми. Такъ по крайней мѣрѣ случилось въ то время. Когда, по отзыву директора Гапонова, было замѣчено, что „учитель Политической Исторіи Чашковъ не имѣетъ дара свободнаго объясненія, и оттого не преподаетъ Всемирную Исторію, а только читаетъ и заставляетъ учениковъ слово въ слово твердить прочитанное наизусть, то ему предложено было перейти на Естественную Исторію. Чашковъ изъявилъ на это свое согласіе, а Карніолинъ-Пинскій за „своей блестящей даръ слова“ былъ перемѣщенъ на классъ Всемирной Исторіи и Географіи. — Какъ Карніолинъ-Пинскій преподавалъ Исторію и Географію, въ дѣлахъ архива не сохранилось объ этомъ никакого отзыва, только преподавателемъ ихъ онъ оставался не болѣе года, и въ 1820 году былъ перемѣщенъ на классъ словесныхъ наукъ: Логикѣ и Риторикѣ, которыя были найдены учебнымъ начальствомъ болѣе соотвѣтствующими его способностямъ. Но начальство ошиблось на этотъ разъ въ своемъ расчетѣ на способности Карніолина-Пинскаго: на классѣ Логикѣ и Риторикѣ вполне обнаружилось, что онъ явно пренебрегаетъ своими учительскими обязанностями, и переводъ его съ одного предмета на другой нисколько не поддержалъ въ немъ прежней энергіи, которая начала ослабѣвать еще въ то время, когда онъ былъ учителемъ Естественной Исторіи и Статистики. Это видно изъ того, что директоръ Гапоновъ, рекомендовавшій прежде Карніолина-Пинскаго, какъ отличнаго учителя, съ 1820 года начинаетъ все чаще и чаще неодобрительно отзываться передъ начальствомъ объ его препода-

*) Александръ Ивановичъ Гапоновъ былъ директоромъ Симбирской гимназіи съ 29 Августа 1816 года и до 1830 года.

ваніи. Такимъ образомъ едва прошло четыре года учительской дѣятельности Карніолина-Пинскаго, какъ онъ, считавшійся прежде отличнымъ учителемъ, быстро начинаетъ падать въ мѣнѣи учебнаго начальства. Причины этого паденія отчасти заключались въ самомъ Карніолинѣ-Пинскомъ, отчасти въ незавидномъ учительскомъ положеніи вообще, а въ то время въ особенности, а отчасти и въ неумѣнн начальства поддерживать даровитыхъ учителей въ ихъ дѣятельности.

Выше мы видѣли, что Карніолинъ-Пинскій поступилъ на учительскую службу очень молодымъ. Поступилъ онъ, какъ и всѣ молодые учителя, съ любовію къ труду и съ пылкими надеждами осчастливить Русское юношество, сдѣлавъ его умнѣе и образованнѣе. И вотъ, при его дарѣ слова, онъ тотчасъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе: его съ восторгомъ стали слушать ученики, которые и разнесли славу о немъ по городу; потомъ заявили желаніе его послушать Симбирскіе чиновники; наконецъ его стали приглашать къ себѣ тогдашніе аристократы Симбирскіе, какъ напр. Кротковы, Ивашевы и т. д. Такіе блестящіе успѣхи на учительскомъ поприщѣ сначала возбуждали и поддерживали энергію Карніолина-Пинскаго. Поэтому, въ первые годы его службы, начальство обыкновенно отзывалось съ похвалою объ его дѣятельности. Но извѣстно, что учительская должность въ гимназіи не профессорская; на ней трудно возбуждать постоянный восторгъ и поддерживать вниманіе еще неразвитыхъ слушателей, а необходимо спускаться къ обыкновенной, будничной дѣятельности и вознѣ съ непонятливостію, разсѣянностію и апатіей учениковъ, которыя нерѣдко заставляютъ проклинать свою службу людей, уже свыкшихся съ чернорабочей учительской дѣятельностію. Когда Карніолинъ-Пинскій долженъ былъ перейти къ такой дѣятельности, энергія его мало по малу стала ослабѣвать, и онъ начинаетъ пропускать уроки, и за это получать выговоры и замѣчанія. Мѣра эта оказала бы свое дѣйствіе на поддержаніе энергіи Карніолина-Пинскаго, если бы онъ только дорожилъ мѣстомъ своей службы. Но дорожить своимъ мѣстомъ онъ не могъ, при томъ незначительномъ жалованьи, какое получали въ то время учителя гимназіи. Жалованье это состояло изъ 549 руб. 99 коп. ассигнаціями. Правда, что въ то время учителя пользовались еще казенными квартирами въ гимназіи, но квартиры эти были тѣсны, сыры и грязны до того, что могли охладить въ молодомъ человѣкѣ всякую энергію къ ученымъ трудамъ, тѣмъ болѣе, что въ домахъ тогдашней аристократіи Симбирской Карніолинъ-Пинскій имѣлъ случаи видѣть довольство и роскошь, которыми пользовались люди не умнѣе и не образованнѣе его. Того нравственнаго утѣшенія сознаниемъ высоты своего учительскаго служенія, того презрѣнія къ внѣшнимъ благамъ, какимъ отличались древніе философы Греціи Антисѣенъ и ученикъ его Діогенъ, невозможно требовать отъ молодаго Карніолина-Пинскаго. Да онъ этими качествами и не отличался. Что же могло поддержать его учительскую дѣятельность? Одно начальство учебнаго вѣдомства. Оно и старалось поддерживать его, отмѣчая въ послужномъ спискѣ: „способенъ и по познаніямъ награжденія достоинъ“. Но изъ дѣлъ архива не видно, чтобы Карніолинъ-Пинскій получалъ какую-нибудь награду на службѣ въ Симбирской гимназіи, а сохранились одни только выговоры и замѣчанія за небреженіе его къ своимъ обязанностямъ.

Эти выговоры и замѣчанія посыпались на Карніолина-Пинскаго съ 1820 года, когда въ качествѣ визитатора пріѣзжалъ въ Симбирскую гимназію коллежскій ассессоръ Макшеевъ, который первый обратилъ вниманіе на упущеніе уроковъ Карніолинымъ-Пинскимъ, за что по-

слѣдному и былъ присланъ отъ Совѣта университета выговоръ. Но выговоръ этотъ, къ удивленію, не только не побудилъ его посѣщать классы, но произвелъ совершенно обратное дѣйствіе. Вотъ что, вскорѣ послѣ этого выговора, доносилъ Совѣту Казанскаго университета о Карніолинъ-Пинскомъ и объ его сослуживцѣ Чашковѣ директоръ Гапоновъ въ своемъ рапортѣ отъ 30 Апрѣля 1820 года: „Еще до осмотра училищъ Симбирской губерніи коллежскимъ ассесоромъ Макшеевымъ, были мною замѣнены неисправности со стороны гимназическихъ учителей Пинскаго и Чашкова; нынѣ же, послѣ сдѣланнаго имъ замѣчанія, они не только не исправляются, но уцущенія со стороны ихъ превышаютъ всякое вѣроятіе. Пинскій о Логикѣ и Риторикѣ, кажется, и не думаетъ. Чашковъ хотя и ходитъ къ должности, но чувствительнаго плода не приноситъ: онъ заставляеть учениковъ зубрить уроки на память, а самъ только ходитъ молча по классной комнатѣ. Не замѣтилъ я также, чтобы оба сіи учителя когда-либо готовились къ урокамъ. При столь худомъ расположеніи учителей Пинскаго и Чашкова, на коихъ мало дѣйствовали мои кроткія уговориванья, а надлежащія взысканія только усугубляли ихъ нерадѣніе, не можно ожидать впередъ ни самаго малѣйшихъ успѣховъ отъ нихъ. Строгость начальства и достоинство Симбирской гимназіи требуютъ лучшихъ наставниковъ для поддержанія того добраго мнѣнія, которое она имѣла въ теченіи предъидущихъ двухъ лѣтъ у начальства Казанскаго университета и у публики Симбирской. Посему прошу на мѣсто ихъ прислать новыхъ учителей“. Въ слѣдъ за этимъ донесеніемъ директора послѣдовало въ Совѣтъ Казанскаго университета прошеніе самаго Карніолина-Пинскаго, который, желая предупредить грозившую ему опасность—быть уволеннымъ съ худой аттестаціей, просилъ уволить его по болѣзни. Въ своемъ прошеніи онъ такъ писалъ о своей болѣзни: „Съ 1816 года вступивъ на должность, я въ теченіи трехъ слишкомъ лѣтъ, отъ перемѣны климата и природно-слабаго тѣлосложенія, терю постепенно жизненные свои силы. Сильная боль въ груди, вмѣстѣ съ слабымъ зрѣніемъ, препятствуетъ мнѣ продолжать служеніе въ учебномъ заведеніи, а потому я и прошу меня уволить“. Но попечитель Казанскаго округа, извѣстный М. Л. Магницкій нашель причины, выставленныя К. Пинскимъ недостаточными для его увольненія, тѣмъ болѣе, что онъ еще не выслужилъ всѣхъ лѣтъ, и потому не согласился его уволить, а приказалъ только объявить ему, чтобы онъ рачительнѣе посѣщалъ классы, въ противномъ же случаѣ грозилъ уволить его съ худымъ аттестатомъ.

Едва только кончилось это дѣло, какъ Карніолинъ-Пинскій подвергся снова ответственности за плохое содержаніе имъ физическаго и минералогическаго кабинетовъ въ Симбирской гимназіи, о чемъ довелъ до свѣдѣнія Совѣта университета тотъ же визитаторъ Макшеевъ. Совѣтъ университета предписалъ директору Гапонову озаботиться приведеніемъ въ лучший порядокъ означенныхъ кабинетовъ, что исполнить возложено было директоромъ на Карніолина-Пинскаго. Но онъ, состоя уже въ это время учителемъ Логики и Риторики, не считалъ этого своею обязанностію и не хотѣлъ приводить въ порядокъ вещей и сдѣлать имъ опись, какъ требовалъ директоръ. Вслѣдствіе этого послѣдній донесъ Совѣту университета, что Карніолинъ-Пинскій, завѣдывая библіотекой, физическимъ и минералогическимъ кабинетами и учебными пособіями, не взирая на многократныя его словесныя и письменныя приказанія, не приводитъ ихъ въ порядокъ и не хочетъ составлять имъ описей. Совѣтъ университета велѣлъ объявить Карніолину-Пинскому, что онъ будетъ преданъ суду, если не исполнитъ приказанія директора. Эта угроза подѣйствовала на

него, и онъ, какъ доносилъ потомъ директоръ, въ двѣ недѣли привелъ въ порядокъ и кабинеты и библіотеку и, составивъ имъ описи, все это сдалъ въ лучшемъ видѣ старшему учителю Телешеву.

Въ 1821 году Карниолинъ-Пинскій, окончивъ срокъ обязательной службы въ гимназіи, подалъ опять прошеніе объ увольненіи. Начальство Казанскаго учебнаго округа на это разъ изъявило согласіе на его желаніе и вскорѣ прислало на его мѣсто кандидата Казанскаго университета Базилева. Но какъ формальнаго приказа на это долго не высылалось, то учительское жалованье получалъ Карниолинъ-Пинскій, а Базилевъ на новомъ мѣстѣ принужденъ былъ довольствоваться однимъ своимъ кандидатскимъ окладомъ. Во время затнувшейся по этому случаю переписки между директоромъ Гапоновымъ и Совѣтомъ Казанскаго университета, Карниолинъ-Пинскій, вѣроятно вслѣдствіе обыкновеннаго учительскаго бездежья, опять заявилъ директору желаніе остаться учителемъ Симбирской гимназіи по философски-словеснымъ наукамъ. Директоръ Гапоновъ, доводя объ этомъ желаніи до свѣдѣнія Совѣта университета, старается зарекомендовать его съ хорошей стороны и между прочимъ пишетъ: „Пинскій за неперемѣнное правило себѣ положилъ исправлять сію должность наилучшимъ образомъ и можетъ быть тѣмъ болѣе полезенъ, что владѣетъ прекраснѣйшею способностію изъясненія.“ Совѣтъ университета представилъ это ходатайство Гапонова на усмотрѣніе попечителя Магницкаго, который также изъявилъ свое согласіе на оставленіе Карниолина-Пинскаго учителемъ Симбирской гимназіи, но вмѣстѣ съ этимъ приказалъ объявить ему, что при первомъ донесеніи объ его нерадѣніи къ своимъ обязанностямъ онъ будетъ уволенъ. Въ слѣдующемъ году донесеніе на Карниолина-Пинскаго, хотя не прямое, а косвенное, дѣйствительно опять послѣдовало.

Въ 1822 году попечитель Магницкій находился въ С. Петербургѣ, куда ему высылались изъ Казани вмѣстѣ съ другими дѣлами такъ называемыя меморіи или журналы Училищнаго Комитета. Просматривая одну изъ такихъ меморій за Январскую треть, Магницкій встрѣтилъ о Карниолинъ-Пинскомъ замѣтку, что „онъ позволяетъ себѣ въ донесеніяхъ начальству неопредѣленности, похожія на небрежность.“ Вслѣдствіе этого Магницкій потребовалъ отъ Совѣта университета доставить ему свѣдѣнія о томъ, въ чемъ состоитъ небреженіе Пинскаго? Совѣтъ университета сдѣлалъ по этому случаю запросъ какъ Училищному Комитету, такъ и директору Симбирской гимназіи. Училищный Комитетъ отвѣчалъ, что „небреженіе Пинскаго видно изъ показанія пройденнаго имъ. Такъ онъ пишетъ, что ученики 1-го класса занимались цѣлый мѣсяцъ повтореніемъ Логики Карпе, а 4-го класса-Риторики Рижскаго, изъ чего Комитетъ и заключаетъ, что онъ заставляетъ только учениковъ зубрить.“ Въ заключеніи своего донесенія Комитетъ впрочемъ прибавляетъ, что „нѣкоторые ученическія упражненія, какъ напр. ученика 4-го класса Евграфа Зубова, онъ нашелъ весьма хорошими и прочиталъ съ удовольствіемъ.“ Директоръ Гапоновъ въ своемъ отвѣтѣ Совѣту университета старается на этотъ разъ защитить краснорѣчиваго учителя своей гимназіи и между прочимъ пишетъ, что онъ рекомендовалъ Пинскому пріучать учениковъ своихъ къ выбору логическихъ предложеній изъ лучшихъ образцовыхъ сочиненій, замѣчать тропы и фигуры и заставлять самихъ учениковъ сочинять. Карниолинъ-Пинскій, по отзыву директора, принялъ этотъ методъ съ готовностію, и директоръ не рѣдко видѣлъ предложенія, заданныя имъ ученикамъ для силлогизмовъ, періодовъ, хрій или писемъ. Въ заключеніи своего отвѣта Гапоновъ пишетъ, что „Пинскій употребляетъ

свою опытность въ словесныхъ наукахъ къ пользѣ учащихся, а что Училищный Комитетъ сдѣлалъ свой отзывъ о немъ вѣроятно потому, что принялъ краткія его выраженія о пройденномъ за небрежность“. Этимъ все дѣло и кончилось.

Наконецъ въ 1823 году Карніолинъ-Пинскій, видя, что учительская его репутація сильно пострадала во мнѣніи начальства и убѣдясь, что на службѣ въ гимназіи ожидать ему болѣе нечего, какъ только перемѣщенія съ одного предмета на другой за свою „прекраснѣйшую способность изъясненія“, рѣшился выдти въ отставку и въ концѣ Іюня подалъ прошеніе объ увольненіи, которое вскорѣ и получилъ вмѣстѣ съ чиномъ коллежскаго секретаря, слѣдовавшимъ ему за службу въ гимназіи.

По выходѣ изъ гимназіи, Карніолинъ-Пинскій поселился въ домѣ генеральши Бѣляковой, въ качествѣ домашняго учителя ея дѣтей. Живя здѣсь въ семейномъ кругу, Матвѣй Михайловичъ любилъ по временамъ представлять въ каррикатурномъ видѣ бывшаго своего начальника, директора Гапонова, съ которымъ жила въ частыя не въ ладахъ и которому, еще на службѣ въ гимназіи, позволялъ себѣ при ученикахъ дѣлать изъподъ-гишка носы, когда тотъ обращался къ нему съ какими-нибудь замѣчаніями. Въ это же время Карніолину-Пинскому довелось испытать страданія первой любви, по сказанію однихъ, къ своей ученицѣ, дочери генеральши Бѣляковой, а по сказанію другихъ, къ г-жѣ Ивашевой. Только любовь бѣднаго учителя въ отставку не нашла сочувствія ни отъ генеральши Бѣляковой, ни отъ г-жи Ивашевой и заставила Карніолина-Пинскаго серьезно взглянуть на жизнь и подумать о томъ, какъ бы ему выбиться изъ своего незавиднаго положенія и выдти, что называется, въ люди. Поэтому, когда онъ узналъ, что помѣщикъ Кротковъ отправляется съ сыномъ за границу, то оставилъ домъ Бѣляковой и перешелъ къ Кроткову въ качествѣ гувернера его сына. Но Кротковъ, пріѣхавъ въ Москву, сдѣлался боленъ и отложилъ повѣзку за границу. Тогда Карніолинъ-Пинскій, не оставляя помѣщенія своего у Кроткова на Тверской, взялся еще преподавать уроки словесности въ Лефортовскомъ кадетскомъ корпусѣ. Но этимъ онъ нисколько не улучшилъ своего положенія, такъ какъ получаемого имъ въ это время жалованья ему едва доставало на одежду и обувь. Въ домѣ же у Кроткова Карніолинъ-Пинскій познакомился съ павѣстнымъ въ свое время драматическимъ писателемъ и директоромъ Московскихъ театровъ, княземъ Шаховскимъ, который, узнавъ объ его декламаторскомъ талантѣ, пригласилъ его къ преподаванію словесности и декламации въ театральную школу. Эту должность Карніолинъ-Пинскій занималъ недолгое время и при директорѣ Московскихъ театровъ Кошкинѣ. Наконецъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, Карніолинъ-Пинскій рѣшился оставить свою педагогическую дѣятельность и сначала поступилъ на службу въ канцелярію Московскаго генераль-губернатора, а затѣмъ перѣѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ Сенатъ.

Такъ-то начиналъ свое житейское поприще будущій оберъ-прокуроръ Сената, достигшій впоследствии высокаго служебнаго положенія и громкой извѣстности въ правительственныхъ сферахъ.

И. Христофоровъ.

ЗАМѢТКА О КАРНІОЛІНЬ-ПІНСКОМЪ.

Карніолинъ-Пинскій былъ умный, весьма даровитый, энциклопедически образованный человекъ. Никакихъ ступеней чиновничьей іерархіи въ Сенатѣ онъ не проходилъ. Пріѣхавъ въ Москву, можетъ быть дѣйствительно съ г. Кротковымъ, онъ вскорѣ поступилъ на службу въ канцелярію г. военнаго генераль-губернатора, тогда князя Дм. Вл. Голицына, и отсюда перешелъ въ вѣдомство Министерства Юстиціи, на должность губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго. Въ этомъ званіи онъ пользовался безукоризненною репутаціею дѣловаго и честнаго чиновника, стоялъ среди сослуживцевъ особнякомъ, обращался преимущественно въ тогдашнемъ обществѣ литераторовъ и самъ въ свободное время занимался съ успѣхомъ литературою. Статей своихъ въ журналахъ онъ не подписывалъ, но кругъ читателей зналъ ихъ автора. Это было въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Состоянія Карніолинъ-Пинскій не имѣлъ, жалованье стряпчаго было ничтожно, взятки онъ не бралъ; чѣмъ же было жить? Пинскій, стряпчий и литераторъ, давалъ частные уроки.

А вотъ исторія переселенія его на службу въ П.бургъ. По волю Государя Николая Павловича прибылъ въ Москву министръ Юстиціи Дм. Вас. Дашковъ и ордеромъ прокурору потребовалъ командировать къ себѣ для занятій чиновника. Выборъ палъ на Пинскаго. Даровитый министръ съ разу замѣтилъ даровитость своего докладчика и предложилъ ему перейти къ себѣ на службу въ П.бургъ. Тамъ Пинскій, съ хорошимъ по тогдашнему окладомъ жалованья, былъ помѣщенъ въ канцелярію министра и вскорѣ назначенъ былъ ея директоромъ, а потомъ и сенаторомъ. Дѣятельность его въ этихъ послѣднихъ званіяхъ общеизвѣстна съ отличной стороны.

Статья г. Христофорова типично свидѣтельствуетъ, что Пинскій въ средѣ Симбирской педагогіи былъ, такъ сказать, пришлецъ изъ другаго міра: его не могли понять директоръ гимназіи и товарищи; не поняло и высшее начальство. Да и самъ онъ, тогда молодой человекъ едва двадцати лѣтъ, былъ ли въ состояніи отбыть безъ борьбы эпитимью шестилѣтней обязательной службы, во всемъ положительно несоотвѣтствовавшей природнымъ его наклонностямъ и призванію? Думаемъ, что это было для него невозможно, такъ какъ и намъ теперь было бы странно ставить ему въ укоръ ненаходчивость пылкой молодости. *Sapienti sat.*

А. Томашевскій.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ ПО ПОВОДУ „ВОСПОМИНАНІЙ“

г-на Пржецлавскаго.

Въ „Русской Старинѣ“ 1875 г., томъ XIV, помѣщена статья: „Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго—„Цензура 1830—1865 г.“.

Какъ эти воспоминанія, такъ равно и другія того же автора, напечатанныя въ послѣдніе годы, заключаютъ въ себѣ много занимательнаго, и читаются съ удовольствіемъ.... но намъ, *Русскимъ людямъ*, не слѣдуетъ поддаваться поверхностному впечатлѣнію, производимому разсказами, взглядами и сужденіями автора.

Самъ г. Пржецлавскій говоритъ въ настоящей части своихъ воспоминаній, что онъ издавалъ въ Петербургѣ на Польскомъ языкѣ политико-литературную газету „Тигодникъ“ (Еженедѣльникъ) въ теченіи 29 лѣтъ, съ 1829 по 1858 г. и, не смотря на то, что „по возникновеніи Польскаго мятежа, положеніе редакціи, особенно при тогдашней взыскательной ценсурѣ, сдѣлалось крайне деликатнымъ“, изданіе продолжалось не только безпрепятственно, но даже „въ наиболѣе щекотливомъ положеніи Польской газеты въ Петербургѣ, не подвергшись ни разу взысканію“ (стр. 136—137). Это обстоятельство дѣйствительно составляетъ замѣчательное явленіе, которое убѣдительно свидѣтельствуетъ о необыкновенной ловкости редактора; но именно по этой самой причинѣ и надлежитъ съ соотвѣтственною осторожностію читать и понимать сочиненія такого искуснаго писателя. На это заключеніе наводитъ даже самъ г. Пржецлавскій, который говоритъ слѣдующее относительно „крайне деликатной“ трудности издавать „Тигодникъ“ въ тридцатыхъ годахъ: „Одно, о чемъ я молилъ Провидѣніе, это, чтобы моимъ цензоромъ былъ умный человѣкъ, такой, который понималъ бы все въ томъ прямомъ смыслѣ, въ какомъ написано; не искалъ бы, какъ Французы говорятъ, полдня въ четырнадцатомъ часу, и на бѣлой бумагѣ между строкъ не усиливался читать того, чего тамъ нѣтъ“. Согласиться безусловно съ этимъ желаніемъ г. Пржецлавскаго — никакъ нельзя. Не отвергая практическаго смысла приведеннаго здѣсь Французскаго изрѣченія, можно указать на другую пословицу, Русскую, не менѣе вѣрную: „бумага все терпитъ“. Изъ нея вытекаетъ, между прочимъ, то заключеніе, что *умный* цензоръ, какъ вообще и всякій умный человѣкъ, долженъ не только понимать все написанное „въ томъ прямомъ смыслѣ, въ какомъ написано“, но вмѣстѣ съ тѣмъ и уразумѣть тотъ затаенный смыслъ, который иногда можетъ скрываться не въ прямомъ значеніи отдѣльных словъ и фразъ, а въ цѣломъ содержаніи и общемъ духѣ сочиненія, ловко направленнаго къ извѣстной цѣли, которая прямо нигдѣ въ немъ не высказывается; это обыкновенно и встрѣчается въ тѣхъ именно случаяхъ, когда о чемъ нибудь высказываться откровенно, въ томъ духѣ и смыслѣ какъ хотѣлось бы, представляется неудобнымъ и даже невозможнымъ.

Такого рода мысли приходятъ на умъ именно относительно литературной дѣятельности г. Пржецлавскаго. Я не знаю Польскаго языка, и къ тому же никогда мнѣ не попадалась на глаза газета „Тигодникъ“, а потому никакого собственнаго мнѣнія о ней я имѣть не могу; но самъ г. Пржецлавскій рассказываетъ, что съ конца 1830 года его газета не могла нравиться Польской публикѣ, сдѣлавшись органомъ энергическаго осужденія „преступнаго Варшавскаго движенія“ (замѣчу мимоходомъ, что на правильномъ Русскомъ языкѣ, которымъ авторъ отлично владѣетъ, слѣдовало бы здѣсь употребить не слово *движеніе*, а выраженіе *возстаніе* или *возмущеніе*), вслѣдствіе чего ея редакторъ былъ приговоренъ Парижскимъ эмигрантскимъ трибуналомъ къ смерти и казни, по портрету, на Батиньольскомъ полѣ (стр. 136). Между тѣмъ, въ настоящее время всѣ мы видимъ, что этотъ самый авторъ пишетъ и печатаетъ въ разныхъ повременихъ изданіяхъ такого рода статьи, за которыя Польская публика могла бы нынѣ возродить изъ пепла сожженный на Батиньольскомъ полѣ его портретъ, для возданія ему почестей сочувствія и признательности. Сопоставленіе такихъ, по видимому, совершенно противоположныхъ направленій въ произведеніяхъ одного и того же писателя невольно вынуждаетъ относиться къ нимъ съ осмотрительностію. Дѣйствительно, въ произведеніяхъ, или гораздо правильнѣе сказать, въ *сочиненіяхъ*, г. Пржецлавскаго событія и люди изображаются далеко не въ вѣрномъ свѣтѣ.

Вотъ, напримѣръ, въ воспоминаніяхъ о цензурѣ въ 1830—1865 годахъ, авторъ рассказываетъ нѣсколько случаевъ о дѣятельности главнаго цензурнаго учрежденія и его членовъ; но при этомъ, въ ущербъ полноты своихъ очерковъ, упускаетъ изъ памяти нѣкоторые наиболѣе интересные и характеричные эпизоды для правильной оцѣнки тогдашняго образа дѣйствій цензуры.

Приведу въ доказательство одинъ мнѣ извѣстный примѣръ, относящійся къ указываемому періоду времени. Въ концѣ 1864 года, когда со времени Польскаго возстанія 1863 года „Московскія Вѣдомости“ (тогдашнія, а не нынѣшнія) достойно служили всѣмъ Русскимъ интересамъ, однимъ изъ членовъ Совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія (замѣнившаго главное управленіе цензуры) было возбуждено обвиненіе противъ направленія, духа, тона и приемовъ этой газеты, которая, по словамъ обвиненія, будто бы составляла „аномалію въ общемъ строѣ нашего государственнаго склада и вредъ для общества, прямо и косвенно поселая въ немъ свои собственныя мнѣнія“, при чемъ будто дѣятельность газеты не остановилась на точкѣ „популярности естественной“, приобретенной ею по поводу Польскаго мятежа, но, съ подавленіемъ сего послѣдняго, „стала уже переходить въ искусственную“, и даже осмѣлилась неуважительно обсуждать дѣйствія нѣкоторыхъ высшихъ правительственныхъ лицъ, между прочимъ, одного изъ нихъ, по случаю изданія брошюры Скедо-Ферроти. Предъявляя эти обвиненія, авторъ ихъ даже не ссылался на цитаты изъ газеты, какъ это всегда дѣлается, но объявилъ, что онъ находитъ это излишнимъ, потому что „пришлось бы сослаться едва-ли не на всѣ нумера за какіе-нибудь полтора года“ (т. е. какъ разъ выходитъ, за весь тотъ періодъ времени 1863—1864 гг., когда „Московскія Вѣдомости“ твердо и съ успѣхомъ ратовали противъ Польскихъ козней, интригъ и обмановъ). Всѣ прочіе пять членовъ совѣта, каждый въ отдѣльности, протестовали письменно противъ этого подлога подъ „Московскія Вѣдомости“, и въ своемъ заключеніи Совѣтъ постановилъ оставить это дѣло безъ всякихъ послѣдствій, при чемъ выразилъ справедливую похвалу многими заслугамъ этой газеты, „а всего болѣе по Польскому вопросу“. Такимъ образомъ, подлогъ не достигнулъ своей цѣли.

Правдивость моего разсказа можетъ быть засвидѣтельствована тогдашними членами Совѣта, которые всѣ шесть и понынѣ живы: А. В. Никитенко, И. А. Гончаровъ, Н. В. Варадиновъ, М. Н. Туруновъ, А. Н. Тихомандритскій и самъ О. А. Пржецлавскій. Только скончался одинъ А. Г. Тройницкій, который, по званію предсѣдателя Совѣта, не подавалъ своего отдѣльнаго мнѣнія, но согласился и подписался вмѣстѣ со всѣми прочими членами подъ общимъ заключеніемъ Совѣта.

Я, впрочемъ, не имѣю намѣренія входить въ разборъ и оцѣнку общаго направленія, духа и значенія всѣхъ доселѣ напечатанныхъ воспоминаній г. Пржецлавскаго,—читатель ссумѣетъ самъ оцѣнить ихъ по достоинству и сдѣлать изъ нихъ надлежащіе выводы. Но такъ какъ въ своихъ воспоминаніяхъ о „цензурѣ“, авторъ, между прочимъ, коснулся одного предмета священнаго и въ высшей степени важнаго для членовъ православной церкви, то я считаю своимъ долгомъ сказать нѣсколько словъ собственно по одному этому предмету. Вотъ что написалъ г. Пржецлавскій:

„Когда въ Римѣ состоялся догматъ о непорочномъ зачатіи Божіей Матери и була о немъ была напечатана, то возникъ въ комитетѣ цензуры иностранной вопросъ: можетъ-ли она быть пропущена? Въ главномъ управленіи, гдѣ вопросъ разсматривался, спросили моего мнѣнія, и я отвѣчалъ, что такъ какъ католическая вѣра

въ Россійской имперіи терпима, а новый догматъ со времени установленія его вошелъ въ число статей этой вѣры (*article de foi*), то запрещеніемъ буллы нарушена была бы вѣротерпимость въ ея полнотѣ. Этимъ доводомъ присутствіе убѣдилось, и булла была пропущена. Затѣмъ нѣкоторые члены пожелали знать, въ чемъ заключается новый догматъ. Я объяснилъ, что, по сущности его, въ зачатіи Богородицы не признается никакого различія отъ обыкновеннаго физиологическаго процесса, но въ виду назначенія Пресвятой Дѣвы быть Матерью Сына Божія, церковь вѣруетъ, что для нея сдѣлано было исключеніе и снята та скверна первороднаго грѣха, съ которою рождаются всѣ человѣки. До послѣдняго собора позволялось не раздѣлять этого вѣрованія, хотя оно было личнымъ убѣжденіемъ всѣхъ папъ, и поэтому Пій IX пожелалъ рѣшить единожды и этотъ сомнительный пунктъ; теперь же, когда вопросъ о непорочности рѣшенъ соборомъ утвердительно, то прежнее вѣрованіе обращено въ канонически-обязательное. Члены благодарили меня за ясное опредѣленіе предмета и прибавили, что до того имѣли о немъ темное и даже ошибочное понятіе. Я же, обращаясь къ министру Норову, сенатору Митусову и генералу Дубельту, сказалъ:

— „Не мнѣ бы вамъ, господа, объяснять значеніе догмата, а отъ васъ получить: вѣдъ вы кавалеры ордена непорочнаго зачатія“.

— „Какъ такъ?“ спросили они, крайне удивленные.

Тутъ я объяснилъ, что такое было первоначальное названіе ордена „Бѣлаго Орла“, учрежденнаго королемъ Владиславомъ. Кавалеровъ было всего двѣнадцать, и каждый давалъ присягу, что вѣруетъ, какъ и самъ учредитель, въ непорочное зачатіе Богородицы и обязывается вѣрованіе это защищать до послѣдней капли крови. Никто изъ нашихъ кавалеровъ Бѣлаго Орла не зналъ о такомъ происхожденіи ордена; со временемъ онъ и перемѣнилъ форму, и утратилъ первоначальное значеніе“ (стр. 156—157).

Вполнѣ правдоподобно и понятно, что гг. Норовъ, Митусовъ, Дубельтъ и прочіе члены главнаго управленія цензуры согласились съ мнѣніемъ г. Пржецлавскаго относительно необходимости пропустить буллу съ новымъ догматомъ, въ видахъ соблюденія вѣротерпимости въ ея полнотѣ, и всякій благоразумный человѣкъ поступилъ бы точно также. Но правдоподобность дальнѣйшаго разсказа представляется весьма сомнительною: трудно повѣрить, чтобы члены управленія могли убѣдиться вышеприведеннымъ богословскимъ толкованіемъ г. Пржецлавскаго и, въ добавокъ, до такой степени, что даже благодарили его „за ясное опредѣленіе предмета, о которомъ до того они имѣли темное и ошибочное понятіе“. Названные три лица, а равно и другіе тогдашніе члены управленія, въ числѣ коихъ г. Пржецлавскій называетъ (стр. 147) К. С. Сербиновича и А. Г. Тройницкаго, къ сожалѣнію, всѣ уже скончались, и спросить ихъ объ описываемомъ здѣсь обстоятельствѣ — сдѣлалось невозможнымъ; но, во всякомъ случаѣ, я никогда не повѣрю, чтобы такіе люди, какъ А. С. Норовъ, К. С. Сербиновичъ и А. Г. Тройницкій, извѣстные своимъ умомъ и высокою образованностію, могли поддаться подобнаго рода легкому и полному явнымъ противорѣчій толкованію, а тѣмъ болѣе, чтобы А. С. Норовъ и К. С. Сербиновичъ, которые, сверхъ того, отличались глубокою, твердою привязанностію къ православною вѣрѣ, могли признать ошибочнымъ то ученіе, которое излагаетъ православная церковь о зачатіи Пресвятой Дѣвы.

Основанія къ столь рѣшительному съ моей стороны утвержденію заключаются въ слѣдующемъ.

Церковь апостольская, канолическая и единая истинная, въ послѣдствіи времени присоединившая къ этимъ наименованіямъ еще и названіе православной (для отличія отъ церкви Римской, неправильно про-

должавшей именоваться католическою и апостольскою, послѣ своего отпаденія въ схизму, т. е. отдѣленія ея отъ вѣры апостольской), приняла залогъ вѣры Христовой и все догматическое ученіе непосредственно отъ самихъ св. апостоловъ, по завѣщанію которыхъ она никогда, до самого скончанія вѣка, не можетъ прибавить никакого новаго догмата къ этому залогу божественнаго откровенія, преданному ей для неприкосновеннаго храненія. Всѣмъ православнымъ хорошо извѣстны наставленія св. апостола Павла по этому предмету: „храни преданное тебѣ, отвращаясь пустословія и прекословія ложнаго знанія, которому предавшись, нѣкоторые уклонились отъ вѣры“ (1-е посл. къ Тимое., VI, 20—21) „Есть люди, смущающіе васъ и желающіе превратить благовѣствованіе Христово. Но если бы даже мы, или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаема“ (Галат., I, 7—8). Твердо стоя на непоколебимомъ основаніи этого священнаго завѣта, каждый изъ знакомыхъ съ Св. Писаніемъ членовъ православной церкви, которому будутъ говорить, что въ Римѣ „состоялся новый догматъ“, прямо его отвергнетъ, даже не входя въ разсмотрѣніе его содержанія, а по одному тому, что онъ „новый“. Норовъ и Сербиновичъ поступить не могли иначе—я это говорю съ твердою увѣренностью и въ защиту ихъ памяти *). Затѣмъ, въ новомъ благовѣствованіи г. Пржецлавскаго самое наивное противорѣчіе и отсутствіе логики. Съ одной стороны, онъ объясняетъ, что, „по сущности“ новаго догмата, въ зачатіи Богородицы „не признается никакого различія отъ обыкновеннаго физиологическаго процесса“, т. е., говоря словами болѣе опредѣлительными, отъ обыкновеннаго естественнаго и для всего человѣчества общаго порядка плотскаго зачатія; но, съ другой стороны, онъ утверждаетъ, что для Пресвятой Дѣвы было сдѣлано исключеніе и бы-

*) Вообще, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ г. Пржецлавскій имѣетъ обыкновеніе говорить лишь о тѣхъ Русскихъ дѣятеляхъ, которые уже скончались и ничего возразить ему не могутъ; но его невѣрные и большею частью всегда оскорбительные отзывы о нихъ почти постоянно вызываютъ опроверженія и обличенія въ неправдѣ со стороны Русскаго общества. Такъ, напримѣръ, въ защиту Пушкина было напечатано нѣсколько статей въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ; въ защиту графа Н. Н. Новосильцова написалъ статью П. В. Кукольникъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872 года; здѣсь же въ 1873 г. была помѣщена статья издателя о Воспоминаніяхъ г. Пржецлавскаго; въ № 3 настоящаго 1876 года этого же изданія, появилась статья графа Д. Н. Толстаго въ защиту покойнаго Скрипицына. Хотя графъ Дмитрій Николаевичъ отнесся чрезвычайно мягко къ повѣствованію г. Пржецлавскаго, однако это ему не воспрепятствовало высказать слѣдующія общія заключенія о направленіи и духѣ воспоминаній сего писателя о Русскихъ людяхъ: „Г. Пржецлавскій невѣрно характеризуетъ тѣ личности, къ которымъ онъ не чувствуетъ расположенія; дѣлаемая ему въ печати возраженія онъ оставляетъ безъ отвѣта. Не считая себя въ правѣ обвинять его въ вымыслахъ, можно думать, что въ известныхъ случаяхъ ему измѣняетъ память или что рассказы его не вполне точны; дѣйствія Русскихъ дѣятелей въ интересахъ и на пользу Русскаго государства раздражаютъ тѣхъ изъ иноплеменныхъ Русскихъ подданныхъ, которые руководствуются иными тенденціями и стремятся къ другимъ цѣлямъ“.—Къ этой хотя и мягко выраженной, но тѣмъ не менѣе для каждаго читателя вполне ясной и притомъ совершенно справедливой оцѣнкѣ произведеній г. Пржецлавскаго, я съ своей стороны присовокуплю, что если бы В. В. Скрипицынъ былъ живъ, никогда г. Пржецлавскій не рискнулъ бы затронуть его не только въ печати, но даже на словахъ въ такомъ кружкѣ общества, изъ котораго его рѣчи могли бы дойти до Валерія Валеріевича.

ла снята съ нея „та скверна первороднаго грѣха, съ которою родятся всѣ человѣки“. Вотъ, послѣ этого, и извольте доискиваться смысла въ этихъ двухъ противоположныхъ понятіяхъ, совершенно исключаютъ одно другое! Въ одномъ изъ нихъ говорится, что не было сдѣлано никакого различія, т. е. исключенія, а въ другомъ, что было сдѣлано исключеніе. Совмѣстить эти два утвержденія невозможно. И выходитъ въ этомъ новомъ благовѣствованіи — путаница полнѣйшая, безъпсиходная.

Употребленное здѣсь выраженіе, на которомъ построена вся система объясненія новоизобрѣтеннаго Римскаго догмата, а именно, что скверна первороднаго грѣха была „снята“, заключаетъ въ себѣ прямое изобличеніе несостоятельности этого ученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и полное его опроверженіе. Снять можно только то, что есть; слѣдовательно, это выраженіе составляетъ признаніе, что въ зачатіи Пресвятой Дѣвы и къ ней перешло, преемственно отъ Ея родителей, общее наслѣдіе грѣха первороднаго.

Сочинители и поборники этого новаго Римскаго догмата сами хорошо чувствуютъ слабость и шаткость своихъ ложныхъ мудрствованій: никто изъ нихъ не рѣшается сказать, что при зачатіи Пресвятой Дѣвы могъ быть и былъ отмѣненъ общій законъ природы о передачѣ скверны первороднаго грѣха, т. е. высказать именно то единственное утвержденіе, которое составляетъ безусловную необходимость для поддержанія логичности ихъ тезиса. Нѣтъ, они не осмѣливаются этого сказать; но вмѣсто того, они придумали употребленіе уклончиваго и ровно ничего не опредѣляющаго выраженія—снята, а затѣмъ, далѣе, для поддержанія хотякакъ-нибудь своего „негоднаго пустословія“ (по выраженію св. апостола Павла), они вдаются въ излюбленную ими и обычную у нихъ казуистику, самую утонченную, самую бессмысленную, усиливаясь истолковывать свое измышленіе посредствомъ соединенія почти въ одинъ нераздѣльный моментъ двухъ совершенно между собою разнородныхъ, отдѣльныхъ и несомвѣстимыхъ дѣйствій—естественнаго зачатія и снятія свойственной поврежденному естеству скверны грѣховной. Они объясняютъ, будто бы эти два одновременныя дѣйствія, изъ которыхъ одно, очевидно, должно предшествовать другому, могли почти слиться въ одинъ моментъ и совершиться почти вмѣстѣ. Жалкое покушеніе лжи и безумія! Жалкое тѣмъ болѣе, что оно направлено къ разрушенію ученія Божественнаго откровенія.

Римское лжеученіе о непогрѣшимомъ зачатіи Пресвятой Богородицы составляетъ заблужденіе существенное.

Божественное искупленіе и возрожденіе рода человѣческаго утверждаетъ на двухъ основныхъ началахъ.

Во первыхъ, искупленіе грѣхопаденія человѣка требовало принесенія Богу жертвы чистой, непорочной. Но въ родѣ Адама не могло родиться ни одинаго человѣка непорочнаго, потому что послѣ оскверненія грѣхомъ естества первыхъ двухъ человѣковъ, по преемству отъ нихъ, уже всѣ человѣки рождаются въ сквернѣ первороднаго грѣха. Измѣнить этотъ законъ природы было невозможно, ибо всѣ Богомъ созданные законы совершенны и вѣчны.

Во вторыхъ, требовалось принесеніе искупительной жертвы не за грѣхи только людей, жившихъ до времени принесенія жертвы, но вообще всѣхъ людей, которые будутъ жить на землѣ до самаго скончанія вѣка; а для выполненія сего условія было нужно, чтобы этотъ человѣкъ-иску-

питель не подлежалъ закону смерти, но обладалъ бы плотскою жизнію вѣчною, какъ и Самъ Богъ вѣчный, которому онъ приносилъ себя въ жертву для удовлетворенія Его правосудія за грѣхи цѣлаго рода человѣческаго. Но отъ Адама не могъ родиться человѣкъ плотью безсмертный, ибо вмѣстѣ съ грѣхомъ вошла въ человѣчество и смерть.

И вотъ, при этихъ условіяхъ, не измѣняя того вѣчнаго закона, по которому „Ева стала матерью всѣхъ живущихъ“ (Быт. III, 20), всемогущій Богъ, по Своей неизреченной благодати и любви къ человѣку, предупредѣлилъ воплотить Своего едиnorodнаго сына отъ Духа Святаго во чревѣ дѣвственной дщери человѣческой, дабы могъ родиться въ цѣломъ родѣ человѣческомъ одинъ человѣкъ непорочный и плотію безсмертный, въ условіи непорочнаго зачатія, для принесенія себя въ жертву искупленія за грѣхи всего человѣчества.

Объ этомъ предвѣчномъ опредѣленіи милосердой премудрости Божіей было сказано змѣю тотчасъ же послѣ грѣхопаденія соблазненныхъ имъ первыхъ двухъ человѣковъ: „и сказалъ Господь Богъ змѣю: вражду положу между тобою и между женою, и между сѣменемъ твоимъ и между сѣменемъ ея; оно будетъ поражать тебя въ голову“ (Быт., III. 14—15). Это сѣмя жены, которое должно было поразить змѣя, т. е. уничтожить дѣйствіе имъ порожденнаго въ мірѣ зла, есть Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій, вочеловѣчившійся отъ Пресвятой Дѣвы Маріи.

О причинѣ и цѣли воплощенія Сына Божіаго мы имѣемъ въ Св. Писаніи множество самыхъ ясныхъ и положительныхъ указаній, изъ которыхъ приведемъ слѣдующія:

Св. апостолъ Павелъ говоритъ: „Богъ во Христѣ примирилъ съ Собою міръ, не вмѣняя людямъ преступленій ихъ. Ибо незнавшаго грѣха Онъ сдѣлалъ для насъ жертвою за грѣхъ, чтобы мы въ Немъ сдѣлались праведными предъ Богомъ (2-е Коринѣ., V, 19—21). Какъ смерть чрезъ человѣка, такъ чрезъ человѣка и воскресеніе мертвыхъ. Какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ. Первый человѣкъ изъ земли перстный, второй человѣкъ Господь съ неба. Кровь и плоть не могутъ наследовать царствія Божія, и тлѣніе не наследуетъ нетлѣнія (1-е Коринѣ., XV, 20, 22, 47 и 50). Аврааму даны были обѣтованія и сѣмени его (Быт. XXII, 17). Не сказано: и потомкамъ, какъ бы о многихъ, но какъ объ одномъ, и сѣмени твоему, которое есть Христосъ“ (Галат., III, 16).

Св. апостолъ Петръ говоритъ, что искупленіе рода человѣческаго совершилось „драгоцѣнною кровію Христа, какъ непорочнаго и чистаго агнца“, и что наше возрожденіе совершилось „не отъ тлѣннаго сѣмени, но отъ нетлѣннаго“, отъ Слова Божія, „живаго и пребывающаго во вѣкъ“ (1-е Посл., I, 19 и 23).

Св. апостолъ Іоаннъ говоритъ: „Иисусъ Христосъ, праведникъ, есть умилостивленіе за грѣхи всего міра“ (1-е посл., II, 1—2). Онъ явился для того, чтобы взять грѣхи наши, и въ Немъ нѣтъ грѣха (III, 5).

Тотъ же апостолъ, говоря о людяхъ, которые чрезъ вѣру во Христа сдѣлались чадами Божіими, уподобляетъ это ихъ духовное возрожденіе—плотскому непорочному рожденію Сына Божія и объясняетъ, что они „не отъ крови, ни отъ хотѣнія плоти, ни отъ хотѣнія мужа, но отъ Бога родились“ (Еванг. I, 12—13).

Изъ соединенія приведенныхъ свидѣтельствъ Св. Писанія мы получаемъ самое точное и полное Божественное откровеніе по разсматриваемому на-

ми предмету. Какъ смерть вошла въ міръ чрезъ одного человѣка, такъ и воскресеніе мертвыхъ совершилось также чрезъ одного человѣка; въ Адамѣ всѣ умирають, во Христѣ всѣ оживуть. Искупленіе рода человѣческаго должно было совершиться принесеніемъ Богу въ жертву агнца непорочнаго, чистаго, въ которомъ нѣтъ грѣха. Рожденіе этого агнца не могло совершиться отъ сѣмени тлѣннаго, ни отъ крови, ни отъ хотѣнія плоти, ни отъ хотѣнія мужа, ибо тлѣніе не наследуетъ нетлѣнія, но это рожденіе совершилось отъ Самого Бога. Аврааму было дано обѣтованіе о рожденіи въ его родѣ сего непорочнаго Искупителя, при чемъ обѣтованіе объ этомъ безгрѣшномъ рожденіи относилось не до многихъ лицъ, но исключительно только до одного, которое есть Христосъ. Первый человѣкъ, Адамъ, былъ изъ земли перстный, а второй человѣкъ Господь съ неба—Бого-человѣкъ, живой и пребывающій во вѣкъ. Иисусъ Христосъ для того явился на землю, чтобы взять на себя грѣхи наши и быть умиловленіемъ предъ Богомъ за грѣхи всего міра: потому что только одинъ Онъ праведникъ, въ Немъ нѣтъ грѣха, и въ Немъ мы можемъ сдѣлаться праведными предъ Богомъ.

Такимъ образомъ, въ подлинныхъ словахъ Св. Писанія мы имѣемъ прямое разъясненіе, что въ родѣ Адама, отъ плоти и крови, отъ сѣмени мужа, никогда не могло произойти рожденіе человѣка непорочнаго и что именно по этой причинѣ Богъ предопредѣлилъ воплотить Своего Сына непосредственно отъ Духа Святаго. Изъ сего вытекаетъ, что въ цѣломъ родѣ человѣческомъ должно было совершиться безгрѣшное зачатіе только одного человѣка, т. е. не отъ тлѣннаго сѣмени, оскверненнаго грѣхомъ и зараженнаго смертію, но, сверхъестественнымъ образомъ, составляющимъ исключеніе изъ общаго для всего человѣчества закона природы. Это сверхъестественное явленіе не могло совершиться иначе, какъ непосредственнымъ дѣйствіемъ естества Божія, а потому и воплощенный Духомъ Святымъ человѣкъ долженъ былъ, по своему зачатію, совмѣстить въ себѣ оба естества Бога и человѣка: Бога — потому что Сынъ Божій, по божеству, принялъ бытіе отъ Бога Отца, и человѣка—по зачатію, потому что Духъ Святой произвелъ человѣческую природу Иисуса Христа въ утробѣ Маріи. Это и возвѣстилъ Маріи ангелъ Гавріилъ: „Духъ Святой найдетъ на тебя, и сила Всевышняго осѣнитъ тебя; посему и рожденное Святое наречется Сыномъ Божиимъ“ (Луки, I, 35).

Изъ всего вышеизложеннаго вытекаютъ слѣдующія основныя, совершенно ясныя и твердыя положенія:

По происхожденію отъ Адама и Евы, всѣ ихъ потомки, безъ всякаго исключенія, родятся въ сквернѣ грѣха первороднаго и смертными.

Преемство грѣховнаго оскверненія и смерти, передаваемое въ плоти и крови, изъ которыхъ производится человѣкъ, происходитъ въ самомъ зачатіи его плоти, отъ плоти родителей.

Безгрѣшное зачатіе человѣка, въ смыслѣ его зачатія непорочнымъ, освобожденнымъ отъ первороднаго грѣха и не подверженнымъ смерти—есть явленіе невозможное.

Грѣховное оскверненіе и смерть вошли и входятъ въ плоть человѣка вмѣстѣ, одновременно, между собою нераздѣльно и неразрывно.

На этихъ для всего человѣчества общихъ и неизмѣнныхъ основаніяхъ, зачатіе Пресвятой Дѣвы Маріи, отъ плоти ея отца и матери, не могло составлять и не составило никакого исключенія. Мы даже имѣ-

емъ тому слѣдующія фактическія удостовѣренія: во-первыхъ, Пресвятая Богоматерь, какъ и всѣ прочіе люди, „умерла въ Адамѣ“, своею естественною смертію; во-вторыхъ, если по свидѣтельству Св. Писанія, Матерь Господа дѣйствительно была одарена благодатью Духа Святаго, то мы знаемъ изъ тогоже Св. Писанія, что и нѣкоторые избранники Божіи были освящены особою благодатью Духа Святаго прежде ихъ рожденія и еще во время ихъ нахождения во чревѣ матери; но это совершалось не иначе, какъ послѣ ихъ зачатія, послѣ того, какъ они получили бытіе и, притомъ, это освященіе не равнялось освобожденію ихъ ни отъ первороднаго грѣха, ни отъ смерти, унаслѣдуемыхъ всѣми людьми отъ Адама.

Такъ были освящены прежде ихъ рожденія пророкъ Іеремія и Іоаннъ Креститель. Первому изъ нихъ Господь сказалъ: „прежде нежели Я образовалъ тебя во чревѣ, Я позналъ тебя, и прежде нежели ты вышелъ изъ утробы, Я освятить тебя“ (Іер. I, 5). Объ Іоаннѣ Крестителѣ возвѣстилъ ангелъ Гавріилъ отцу его, Захарію, что Іоаннъ „исполнится Духа Святаго еще отъ чрева матери“, и это совершилось, когда младенцу было шесть мѣсяцевъ, при входѣ въ домъ Захаріи Пресвятой Дѣвы: „когда Елисавета услышала привѣтствіе Маріи, възгласилъ младенецъ во чревѣ ея, и Елисавета исполнилась Святаго Духа“ (Луки, I, 15, 26, 41).

Въ виду этихъ примѣровъ, церковь вѣруетъ, что Св. Дѣва Марія удостоилась быть освященною еще во чревѣ Ея матери особенною, великою, благодатью, но только послѣ Ея зачатія, и что Она родилась чистою. Величіе Божіей Матери, этого избраннаго, святѣйшаго и чистѣйшаго сосуда, носившаго въ себѣ девять мѣсяцевъ Самого Бога—превышаетъ всякое понятіе разума и не можетъ быть выражено на языкѣ человѣческаго. Она сама, при всемъ смиреніи Своемъ, сказала, по вдохновенію Святаго Духа, въ отвѣтъ на привѣтствіе Елисаветы: „отнынѣ будутъ ублажать Меня всѣ роды“ (Луки, I, 47—48).

Но дагѣ этихъ предѣловъ не можетъ идти прославленіе и ублаженіе Пресвятой Дѣвы. Приравнивать же самое Ея зачатіе къ божественному и непорочному зачатію Сына Божіи—составляетъ верхъ безумія и самое богохульное дерзновеніе. Установленіе Римскою церковію новаго догмата о безпорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы—является разрушеніемъ всѣхъ основъ христіанскаго вѣроученія объ искупленіи рода человѣческаго. Если Пресвятая Дѣва была зачата непорочною, то, значитъ, что скверна первороднаго грѣха передается не всѣмъ потомкамъ Адама и, слѣдовательно, свидѣтельство Св. Писанія о томъ, что въ Адамѣ осквернились грѣхомъ и умерли всѣ люди—не вѣрно, ошибочно, ложно; значитъ, что изобрѣтатели новаго Римскаго догмата заслуживаютъ болѣе вѣры, нежели всѣ святые пророки, евангелисты и апостолы, начертавшіе завѣтъ Божественнаго откровенія по непосредственному вдохновенію Духа Святаго.

На этомъ я окончу мое возраженіе г. Пржецлавскому противъ значенія и сущности имъ распространяемой ереси. Но такъ какъ, кромѣ того, онъ рѣшился еще утверждать, будто бы это заблужденіе было личнымъ убѣжденіемъ „всѣхъ папъ“, иначе сказать, всѣхъ главныхъ предстоятелей, учителей и богослововъ Римской церкви во всѣ времена, съ самаго начала ея существованія, то и эта смѣлая, крупная неправда вызывается опроверженіемъ. Я это сдѣлаю съ особенною охотою, потому что при этомъ случаѣ выразится совершенное согласіе, по разсматриваемому предмету, между ученіемъ и вѣрованіемъ православной церкви, выше

мною изложенными, и учениемъ и вѣрованіемъ одного изъ самыхъ авторитетныхъ св. отцовъ западной церкви.

Въ „Исторіи Христіанства“ аббата Флери, этой всѣмъ извѣстной, замѣчательной и по своей полнотѣ, учености и добросовѣстному изложенію, лучшей изъ всѣхъ церковныхъ исторій, вышедшихъ изъ подъ пера западныхъ писателей, достоуважаемый ея авторъ повѣствуетъ въ книгѣ 68-й, главѣ LXX, слѣдующее:

„Ко времени около 1140 года относятся знаменитое письмо св. Бернарда къ каноникамъ Лионскаго капитула касательно новоустановленнаго у нихъ празднованія Зачатія Пресвятой Дѣвы.

„Удивляюсь—говоритъ онъ—о чемъ думаютъ нѣкоторые между вами, предпринимая установленіе новаго праздника, невѣдомаго церкви и недопускаемаго ни разсудкомъ, ни преданіемъ. Но, скажете вы, Матерь Божія достойна великихъ почестей. Вы правы, однако слѣдуетъ воздавать почестъ съ разсужденіемъ: Матерь Божія не нуждается въ ложной почести, будучи прославлена въ высшей степени величаніями и достоинствами истинными. Я научился отъ церкви чтить день Ея усненія и день Ея рожденія, твердо вѣруя съ церковью, что Она воспріяла во чревѣ своей матери благодать родиться чистою“. Далѣе, св. Бернардъ приводитъ изъ Священнаго Писанія тѣ мѣста, въ которыхъ говорится, что пророкъ Іеремія и Іоаннъ Креститель были освящены прежде ихъ рожденія, а за тѣмъ присовокупляетъ: „Я не хотѣлъ бы легкомысленно рѣшать, какое было въ этихъ двухъ пророкахъ дѣйствіе сего освященія противъ скверны грѣха первороднаго; но я не опасаясь сказать, что воспринятое ими оскверненіе, при зачатіи, не могло ихъ лишить при рожденіи той благодати, которую уже они получили. Какъ бы то ни было, совершенно справедливо, что церковь чествуетъ рожденіе св. Іоанна, и недозволительно мыслить, чтобы Богъ отказалъ Пресвятой Дѣвѣ въ томъ, что Онъ даровалъ нѣкоторымъ смертнымъ. Она получила даже то особенное преимущество, что провела свою жизнь безъ всякаго грѣха. Что же можемъ мы еще присовокупить къ этимъ почестямъ? Говорятъ: должно чествовать даже самое зачатіе, которое предшествовало столь достопамятному рожденію и было его источникомъ. Но гдѣ же тутъ послѣдовательность мысли: зачатіе предшествовало святому рожденію, а потому и оно должно быть святое. Можно съ достовѣрностью сдѣлать заключеніе, что, будучи освящена послѣ своего зачатія, Марія была святою при рожденіи; но это освященіе не могло имѣть дѣйствія обратнаго.—Откуда же происходить святость Ея зачатія? Марія не могла быть освящена прежде, нежели получила бытіе, и Она не имѣла бытія прежде, нежели была зачата. Не скажутъ ли, что Она была освящена въ самую мигнуту Ея зачатія? Но разумъ этого не допускаетъ, потому что Святой Духъ несовмѣстенъ съ грѣхомъ, т. е. съ похотью плотскою, нераздѣльною съ этимъ дѣйствіемъ. Развѣ захотятъ сказать, что Марія была зачата отъ Святаго Духа безъ содѣйствія мужа: это было неслыхано до настоящаго времени. У Іисуса Христа отнимается исключительное Его преимущество, чрезъ предоставленіе онаго также и Его матери, слѣдовательно, этимъ умаляется слава Пресвятой Дѣвы, ничего къ ней не прибавляя. Преимущество безгрѣшнаго зачатія было предоставлено только одному Тому, Кто долженъ былъ освободить всѣхъ прочихъ, то есть Іисусу Христу, Который одинъ былъ святъ даже прежде Своего зачатія.—Для Пресвятой Дѣвы не можетъ быть пріятнымъ нововведеніе, установленное противно обычаю церкви; нововведеніе—мать дерзновенія, сестра суевѣрія, дочь легкомыслія. Я уже имѣлъ случай замѣтить это

заблужденіе у нѣкоторыхъ, но притворился, будто не замѣчаю, извиняя чувство благочестія, происходившее отъ простоты сердца и отъ любви къ Пресвятой Дѣвѣ; но, найдя это самое суевѣріе у людей разумныхъ и въ церкви столь знаменитой, которой я состою сыномъ *), я не могъ бы промолчать, не впадая въ большой проступокъ, даже предъ вами самими“.

Аббатъ Флери рассказываетъ, что „церковь чтитъ память св. Бернарда въ день его кончины, а за ученіе, рвеніе и благочестіе, которыми отличаются его богословскія творенія, онъ почитается послѣднимъ изъ отцовъ западной церкви“ (кн. 69, гл. LXVII). Онъ былъ погребенъ въ церкви монастыря (въ 1153 г.), въ предѣлѣ Пресвятой Дѣвы, „къ которой онъ всегда питалъ большое благоговѣніе“.

И такъ, въ словахъ св. Бернарда, этого послѣдняго изъ отцовъ западной церкви и къ тому же всегда питавшаго особенное благоговѣніе къ Матери Божіей, мы находимъ самое ясное, подробное и рѣшительное осужденіе ереси, заключающейся въ Римскомъ новомъ догматѣ о безгрѣшномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ содержится полное опроверженіе легкомысленныхъ и неосновательныхъ толкованій аматѣра-богослова г. Пржецлавскаго. Этотъ послѣдній смѣло заявляетъ, что вѣрованіе въ непогрѣшное зачатіе Богоматери составляло убѣжденіе „всѣхъ папъ“; а св. Бернардъ свидѣтельствуетъ, что до его времени, т. е. до половины XII-го вѣка, такое ученіе было невѣдомо церкви и не допускалось ея преданіемъ. Г. Пржецлавскій находитъ это вѣрованіе правильнымъ, а свое собственное объясненіе о немъ весьма яснымъ и понятнымъ; а св. Бернардъ называетъ это вѣрованіе заблужденіемъ и суевѣріемъ, котораго разумъ допустить не можетъ. Г. Пржецлавскій не замѣчаетъ никакого противорѣчія, никакого отсутствія логики въ своихъ разсужденіяхъ; а св. Бернардъ объявляетъ, что въ подобнаго рода разсужденіяхъ нѣтъ никакой послѣдовательности мысли. Г. Пржецлавскій учительски внушаетъ, что установленіемъ этого новаго догмата воздается надлежащая почеть Матери Божіей; а св. Бернардъ, который въ продолженіе цѣлой своей жизни питалъ особенное благоговѣніе къ Пресвятой Дѣвѣ и пожелалъ быть погребеннымъ у подножія престола въ предѣлѣ, посвященномъ Ея имени, утверждаетъ, что такое ложное чествованіе не можетъ быть пріятнымъ Богоматери, потому что отнимаетъ у Ея Сына исключительно Ему одному принадлежащее преимущество, и что этимъ не увеличивается, но уменьшается слава Матери Божіей, которая не нуждается въ ложныхъ почестяхъ, будучи въ высшей степени прославлена величаніями и достоинствами истинными.

Вотъ совершенно противоположныя одно другому ученія, которыя мы слышимъ изъ устъ двухъ учителей—древняго и новѣйшаго, признаннаго и непризнаннаго. Отъ собственнаго выбора каждаго читателя будетъ зависѣть сдѣлать заключеніе, который изъ этихъ двухъ оппонентовъ заслуживаетъ болѣе довѣрія, на сторонѣ котораго изъ нихъ находится истина и логика и на долю котораго остается одно легкомысленное пустословіе и непростительная самоувѣренность говорить поучительно о предметахъ ему совершенно незнакомыхъ.

Въ заключеніе мы поставимъ вопросъ: чтò можетъ и обязанъ отвѣтить православный христіанинъ тѣмъ защитникамъ ереси о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы, которые покушаются на совращеніе и другихъ

*) Мѣсто рожденія св. Бернарда и монастырь Клерво, гдѣ онъ былъ настоятелемъ, находились въ епархіи Лионской.

въ свое пагубное заблужденіе? Если св. Павелъ завѣщаетъ предавать ана-
темъ, т. е. отлучать отъ церкви даже апостола, или ангела съ неба, ко-
торый сталъ бы извращать благовѣствованіе Христово, преданное апо-
столами, то, конечно, ни составитель новаго догмата, Римскій папа Пій
IX, съ его соборомъ раболѣпныхъ епископовъ, отрекшихся въ угожденіе
ему отъ истиннаго ученія вѣры, ни тѣмъ менѣе новый благовѣститель,
г. Пржецлавскій не могутъ имѣть притязанія на признаніе за ними до-
стоянства и авторитета выше апостоловъ или самихъ ангеловъ. Поэтому,
каждый православный христіанинъ скажетъ имъ въ отвѣтъ одно: вы
отреклись отъ истинной вѣры; но мы не желаемъ быть вмѣстѣ съ вами
отлученными отъ истинной церкви, утвержденной на томъ камнѣ вѣры,
который вы отвергли.

Сергій Сушковъ.

ПОПРАВКА.

Къ письму графини Разумовской на имя В. А. Жуковскаго, напечатан-
ному въ 11-й книжкѣ „Русскаго Архива“ 1875 года, на страницѣ 331-й,
гдѣ говорится о графѣ Орловѣ, сдѣлано подстрочное примѣчаніе: „Вѣроят-
но, проживавшій за границею графъ Григорій Владиміровичъ. П. Б.“

Считаю долгомъ сообщить, что предположеніе это опровергается слѣ-
дующими, вполне достовѣрными данными.

Графъ Григорій Владиміровичъ Орловъ возвратился изъ за границы въ
Петербургъ между 9 и 13 Сентября 1825 года (о чемъ было напечатано
въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“); затѣмъ, 23-го Іюня 1826 года,
графъ, состоявшій присутствующимъ въ Правительствующемъ Сенатѣ,
умеръ скоропостижно во время самаго засѣданія въ Сенатѣ *).

Такъ какъ вышеприведенное письмо графини Разумовской писано изъ
Парижа отъ 27-го Августа 1827 года, т. е. слишкомъ черезъ годъ послѣ
кончины графа Григорія Владиміровича, то обстоятельства, упоминаемыя
въ письмѣ графини, не могли относиться къ нему.

Григорьевъ.

*

Петрозаводскъ.

27 Апрѣля 1876 г.

Надо думать, что графиня Генріета Разумовская по ошибкѣ назвала
графомъ Григорія Федоровича Орлова, проживавшаго въ Парижѣ въ по-
мянутое время. П. Б.

*) Говорили, будто смертный ударъ постигъ графа Орлова вслѣдъ за тѣмъ, какъ
ему сообщили о тяжелой карѣ, которая присуждена была наполнявшимъ въ то
время Петропавловскую крѣпость декабристамъ. П. Б.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВО ВТОРОЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА 1876 ГОДА.

- Адауровъ, Вас. Евд., 29, 30.
 Александра Павловна, в. кн. 89.
 Александра Θεодоровна, имп. 321; пис. къ ней Жуковск., 92, 93, 96.
 Александръ I, имп., въ пис. Ростопч. 87; пис. его къ кн. С. Θ. Голиц. 147 — 152; даетъ согласіе на бракъ кн. Θ. С. Голиц. съ кн. Прозоровск. 156; 1812 г., 54, 64, 71, 72, 181, 187, 194, 198, 286—293, 313, 319; 369, 377; рассказы о немъ 218, Польша 334; упом. 145, 155, 159, 200; тостъ за него въ Бостонѣ, 408,
 Александръ II, имп. 96, 343.
 Александровъ, Гр. Ник., сообщ.: пис. гр. А. Орл. къ Потем. 5, 6; о сношен. Россіи съ Черногор. 257; о содерж. умалишен. 360.
 Америкъ, ген. 317.
 Алопеусъ (Макс. Макс.) разск. о немъ 211, 212.
 Альбрехтъ, герц. Саксенъ-Тешенскій, 46—48, 50, 51.
 Амвросій, архіеп. Екатериносл., 410.
 Аникѣевъ, 312.
 Анненковъ, 311.
 Антонелли, кардиналъ, 429.
 Апраксина, Ек. Влад. 426.
 Апраксинъ, Ст. Ст., свѣдѣн. о немъ 312; 423—426.
 Апраксинъ, гр. Фед. Алексѣев., 10.
 Аракчеевъ, Ал—й Андр., 149; пис. къ кн. С. Θ. Голиц. 153.
 Арсеній, еписк. Тамбовскій и Шацкій (впоследствии митр. Кіевскій и Галицкій), разгов. его съ молоканиномъ 237, 238; архіепископъ Варшавскій 448.
 Артибани, 345.
 Аршеневскій, Ил. Як., 141.
 Аршеневскій, 311.
 Афанасьевъ, гренад., 405.
 Ахматовъ, 136.
 Ашъ, докт., 13.
 *
 Багратионъ, кн. Петръ Ив., 66, 71.
 Базилевъ, учит. Симб. гимн. 458.
 Баняъ, Марко, пис. къ кн. Д. М. Голиц. 281, 282.
 Балашовъ, А-ъ Дм., 409.
 Бараге д'Илье, ген., 166, 299, 300, 370.
 Барановы, 311.
 Баратынскій, Евг. Абр., разск. о немъ, 201, 202; отз. о литерат. произвед. А. Н. Муравьева, 357, 358.
 Барклай де Толли, кн. 405.
 Барнабо, прелать, 347.
 Барсуковъ, Ник-й Плат., пис. его къ издателю о Дневн. Храповицк. 104.
 Бартелеми, полк., 378.
 Барыковъ, Н. И., 392.
 Бассано, герц. 175, 180, 181, 373.
 Батавъ, бей, 134.
 Бахметева (рожд. Панина), Ан. Ал—др., 26.
 Безбородко, кн. Ал—дръ Андр., въ пис. Ростопч. 82, 84 — 87, 89, 90; пис. къ кн. С. Θ. Голиц. 144.
 Белиардъ, ген., 317.
 Бенакки, 282, 283.
 Бенжаменъ-Констанъ, 95, 99.
 Бенкендорфъ, Конст., 383.
 Бенкендорфъ, Христоф., полк. 47.
 Беранже, адъют. Неаполит. короля, 301.
 Бердъ, литейщ. 410, 411, 413—416.
 Беркель, грав., 48.
 Бернадотъ, 53, 64, 65.
 Бертъе. марш., 61, 161 — 164, 147,

- 172, 173, 180, 181, 183, 293, 297,
300, 370, 373, 387.
- Бестужевъ-Рюминъ, чиновн. Вотчин. Де-
партамента, 60, 170, 380.
- Бессьеръ, марш. 165, 167, 168.
- Бецкій, Ив. Ив., Воспит. Домъ 219—
—221, 224; пис. къ нему кн. Д. М.
Голиц. 275.
- Бибиковъ, Ал-ъ Ил., 15, 38.
- Бибиковъ, Юр. Богд. 28, 31.
- Бибиковъ, бригад., 221.
- Бламонъ, ген. 317.
- Бонами, ген. 317.
- Блюцкій, администр., 328.
- Богдановъ, поруч., молоканинъ, арестъ
и ссылка его, 237—240.
- Бороздинъ, ген. (кор. Неапольскій), 421.
- Бородаевскій, поруч., 43.
- Борстель, ген., 317.
- Боссе, 189, 191.
- Бравдтъ, офиц., 164.
- Браницкій, гр., 155.
- Брусье, 379.
- Брюловъ, разск. о немъ, 216, 217.
- Буковала, капит., 283.
- Буксгевденъ, (Өед. Өед.) 87.
- Бунина, Ан. Петр., о спасеніи семей-
ства въ 1812 г., 317—319.
- Бунина, Наст. Петр., свѣд. о ней 317—
319.
- Бутевевъ, (Аполли. Петр.), послан. въ
Римъ, свѣдѣн. о немъ, 345—349, 352,
427, 431.
- Бутеновъ, домъ его на Мясницк. принад-
леж. гр. П. И. Панину, 7.
- Буткевичъ, еп-пъ Польскій, записки его
321—353, 427—451.
- Бутурлинъ, гр. (Дм. Петр.), библиотека
его, 303.
- Бутурлинъ, авт., 73, 74, 76.
- Бутурлины, 311.
- Бухгольцъ, 270.
- Бѣлинскій, Вас. Гр., пис. къ И. И.
Х., 359, 360.
- Бѣлосельская-Бѣлозерская, кн. Авд., 140.
- Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, кн. (Ал-ъ
Мих.), пис. къ кн. С. Ө. Голиц., 141.
- Бѣлякова, генеральша, 459.
- Бюрсе, начальн. труппы въ Москвѣ, 189—
191.
- Бюртъ, ген. 317.
- *
- Валансень, ген. 317.
- Валуевъ, Ал-ъ Петр., 201.
- Вандернотъ, лейтен., 188.
- Ванъ-Деденгъ, ген., 171.
- Ванъ-Свитенъ, Голландск. пос. въ Вѣнѣ,
271.
- Варадиновъ Н. В., 462.
- Василій, архіер. Черногорскій, свѣдѣн.
о немъ, 262—269.
- Василевскій, ген., 317.
- Васильевъ, гр. Ал-й Ив., 87.
- Васильчиковы, 34.
- Вельсовичъ, адъют., 401.
- Веревкинъ, 311.
- Верленковъ, въ пис. Бѣлинск., 359.
- Вивье, ген., 317.
- Викторъ, марш., 180, 184, 185, 195,
300, 370.
- Виллель, 95, 99.
- Виллерсъ, полицм. Московскій, 295.
- Вильмень, 96.
- Вильсонъ, 74.
- Винценгероде, бар. 165; освобожд. его
изъ плѣна, 310, 311, 382—384.
- Витали, худож., 415.
- Витвортъ, 85.
- Витгенштейнъ, ген., 181, 183, 288, 304,
310, 312, 319, 354.
- Висковатовъ, переводч. Кребильона, 97.
- Владиславъ король Польскій, 463.
- Волкова (рожден. Кошелева), Марг. Але-
ксандр., пис. къ С. Ө. Голиц., 153,
154.
- Волковъ, Ал-дръ Ал-др., 218.
- Волковъ, Дм. Вас., 29.
- Волковъ, ген., 39, 40.
- Волконскій, кн. Мих. Никит., 7, 8, 19.
- Волконскій, кн. Петръ Мих., 219.
- Вольтеръ, 441.
- Вольфъ, Адамъ, историкъ, 50.
- Воотъ, прикаш. Гоппа, 88.
- Вороненко, полиц. чиновн., 68, 72,
77, 78.
- Воронецъ, Богд. Ник., 400.
- Воронцовъ, кн. Мих. Сем., сооружен.
статуи Екатер. въ Екатеринославѣ
411—416.
- Воронцовъ, гр. Сем. Ром., переписка съ
Росточ., 72, 73, 81—90.
- Воскресенцы, свѣдѣн. о нихъ, 328, 329,
333, 344, 345, 346, 430, 431, 437,
445, 449—451.

- Вреде, 183.
 Вреде, ген. 317.
 Всеволожскій, Ник. Серг. 312.
 Вуколовъ, 42.
 Высоцкій, 311.
 Вяземскій, кн. Ал-дръ Алексѣев., 8, 31.
 Вяземскій, кн. Петръ Андр., о Жуковскомъ 101.
 Вязмитиновъ, (Серг. Козм.) 67, 87.
 *
- Гагаринъ, кн. Гавр., 90.
 Гагаринъ, кн. Никол. Серг., 311.
 Гагаринъ, кн. Ѳед., Ѳед. 200, 201.
 Гагаринъ, кн. (іезуитъ), 212.
 Галаховъ, капит., 16, 17.
 Галензовскій, проф., 438.
 Гапововъ, А-ъ Ив. 455.
 Гашаръ, о пребыв. гр. и гр. Сѣверныхъ въ Нидерландахъ, 45.
 Геденова (рожд. Шипкина), свѣдѣн. о ней, 425, 426.
 Гейденъ, гр. 51.
 Георгій Скандербергъ, 259.
 Герасмусъ, докт., 13.
 Герздорфъ, маіоръ, 152, 270, 284.
 Германъ, об. кварт. 35.
 Германъ, ген., 134.
 Герценъ, Ал-др Ив., имущество его, 234—236.
 Герценъ, Ег. Ив., 231—235.
 Герцъ, К. К., 409.
 Гессенъ-Гомбургская, пр., сестра Бецкаго, 221.
 Гидъ де Невиль, 95.
 Гизо, свѣдѣн. о немъ, 93, 94, 96, 99.
 Гильомъ, ген., 317.
 Глетчевъ, Ник-й Филат., куп., 172.
 Глинка, Ѳед. Ник., отз. о немъ Бѣлинск., 359, 360.
 Глѣбовы, 312.
 Гнѣдичъ, свѣдѣн. о немъ, 213, 214.
 Гогендорфъ, губерн. Виленскій, 296.
 Гогенлоэ, кн., 330.
 Гозій, кардин., 345.
 Голициевъ-Кутузовъ, кн. Смоленскій 27, 134; 1812 г. 66, 67, 71, 72, 77, 78, 164, 166, 167, 168, 181, 185, 187, 188, 195; 291, 292, 298, 313, 370—373, 378, 379; гость за него въ Бостонъ, 408.
 Голициевъ-Кутузовъ, Пв. Ив., разск. о немъ, 217.
 Голициевы-Кутузовы, 311.
 Голицына (рожд. гр. Чернышова), кн. Ан. Гр. 129.
 Голицына, (рожден. гр. Чернышова), кн. Нат. Петр., 140.
 Голицына (рожд. Энгельгардтъ), кн. Варв. Вас. 129—131, 153.
 Голицына, кн. 221.
 Голицынская больница, въ Москвѣ 196.
 Голицынъ, кн. Ал-дръ Мих., фельд. 276.
 Голицынъ, кн. Ал-дръ Мих. вице-канцл. 8; циркул. его 270; пис. къ нему кн. Д. М. Голиц. 271—275; гр. А. Орл. 276—279; С. К. Нарышк. 279; пис. его къ гр. А. Орлов. 279, 280; пис. къ нему И. И. Шувал. 281; Тамары, 282—284.
 Голицынъ, кн. Вл. (Бор.), пис. къ кн. Ѳ. С. Голиц. 142.
 Голицынъ, кн. Гр. Серг., сообщ. бумаги кн. С. Ѳ. Голиц., 129.
 Голицынъ, кн. Гр. Серг., ген. ад., пользов. милостію имп. Павла I-го 144, 145.
 Голицынъ, кн. Дм. Алексѣев., 52.
 Голицынъ, кн. Дм. Вл., 78, 236, 237.
 Голицынъ, кн. Дм. Мих., посолъ въ Вѣнѣ, пис. его къ кн. А. М. Голиц. 271—275; Бецкому 275, 276; пис. къ нему Марка Байны, 281, 282.
 Голицынъ, кн. Мих. Петр., 311.
 Голицынъ, кн. Ник-й Борисов., его запiski, 70, 71.
 Голицынъ, кн. Серг. Мих., 221, 223, 224.
 Голицынъ, кн. Серг. Ѳед. 89; бумаги его, 129—160.
 Голицынъ, кн. Ѳед. Никол., 311.
 Голицынъ, кн. Ѳед. Серг., женится на кн. Прозоровской, 155—157; свѣд. о немъ, 426.
 Голицынъ, кн., участв. въ усмиреніи Пугачевщины, 24.
 Голякъ, ксендзъ, 447.
 Головинскій, рект. Спб. Католич. Академіи, 325, 326.
 Головинъ, 139.
 Головкина, гр. (Мигуша), 422.
 Головкинъ, гр., 311.
 Голохвастова (рожд. Яковлева), Елиз. Алексѣевна, 232.

- Голохвастовъ, Дм. Дм., замѣч., на Воспом. Пассекъ, 231—236.
 Голохвастовъ, Дм. Пв. 234; пис. къ нему И. А. Яковл., 235, 236.
 Голохвастовъ, Ник-й Пв., 233, 234.
 Голохвастовъ, 312.
 Гончаровъ, Аѳ. Ник., 410, 411.
 Гончаровъ, И. А., 462.
 Гончаровъ, Ник. Аѳ., 411.
 Гончаровъ, Серг. Ник. 411.
 Гопе, бар., 51.
 Готрель, ген., 317.
 Готшезандъ, остр. близъ Готланда 104.
 Грабовскій, мнв. нар. просвѣщ. въ Польшѣ, 342.
 Гравертъ, ген., 182.
 Гратинскій, протоіерей, свѣдѣн. о немъ, 198.
 Гречь, Ник-й Ив., 204.
 Григорій XVI, папа, 334, 338, 342.
 Григорьевъ, Г. Г., 471.
 Гротъ, Як. Карл., пис. къ нему Протопопова о Сперанск., 225—230.
 Губе, ксендзъ, 329, 332.
 Губе, сенат., 329.
 Гудовичъ, гр. Ив. Вас., 133, 137, 311.
 Гулевичъ, директ. Рязанск. гимназій, 409.
 Гутковский, 334.
 Гюго, Викт., 97.
 Гюссень, ген., 317.
 *
 Даву, марш., 161, 162, 185, 188.
 Давыдовъ, Дев. Вас., 422.
 Давыдовъ, губернат. Курскій, 140.
 Дамаскинъ, еп-пъ Нижегородскій, 221.
 Дамасъ, 99.
 Даниилъ, митр. Черногорскій, 262, 267.
 Дарю, гр. 171, 194, 195, 296.
 Дашкова, кн. Ек. Ром., 221, 312.
 Дашковъ, Дм. Вас., 460.
 Дежерандо, 95.
 Делетръ, ген., 317.
 Деликатти, 346.
 Делорнь, 60.
 Дельвигъ, бар. Ант. Ант., свѣдѣн. о немъ, 204—207.
 Демидовъ, Ив. Ив. 312.
 Демидовъ, Прок. Акинф., 221.
 Демидовъ, 265, 311.
 Де Рошъ, Іоаннъ, непремѣн. секр. Бельг. Академіи, 49.
 Дершау, Слб. об. полицм., 236.
 Джаферъ, бей, 273.
 Джуревскій, игум. 221.
 Дзивановскій, ген., 317.
 Дидрихштейнъ, кн., пис. къ кн. С. Ѳ. Голицыну, 159, 160.
 Дидро, 221.
 Дмитриевъ, Ив. Ив., разск. о немъ, 214.
 Дмоховскій, еп-пъ, 324.
 Долгорукая, (рожден. кн. Барятинская, кн. Екат. Ѳед), 140.
 Долгорукиѳ, кн., 296, 312.
 Долгорукій, кн. Вас. Вас., 139, 140.
 Долгорукій, кн. (Вас. Мих.), 22, 233.
 Долгорукій, кн. Юр. Вл., 258, 259, 277, 284, 312.
 Долгорукій, кн. (Балконъ), 421.
 Долгорукій, кн. (Каламбуръ), 421.
 Долгорукій, кн. (l'enfant prodigue), 421.
 Долгорукій, кн., 99.
 Долгорукій, кн., 221.
 Домашневъ, курьеръ, 278.
 Домьковскій, 447.
 Домергъ, Арманъ, 189, 191.
 Дороховъ, ген., 164, 167, 299.
 Д'Оргеръ, поруч., свѣдѣн. о немъ, 171.
 Д'Орсанъ, ген. 317.
 Дрозъ, Гюбертъ, прист. Басман. части, 172.
 Дуве, маіоръ, 25.
 Дупельтъ, Л. В., 463.
 Дурасова, полкъ, 146.
 Дурасовъ, 312.
 Дюма, Фр. ген. интенд. 161, 174, 195, 286, 293.
 Дюма-сынъ, 97.
 Дюпоръ, танц., 189.
 Дюрокъ, 301.
 Дюровель, ген., 286, 295.
 Дюфуръ, 96.
 Дюженуа, 97, 98.
 Д-ъ, А. И., 393.
 *
 Евгений, пр. Виртембергскій 67.
 Евла св. церковь, въ Москвѣ 198.
 (Евсевій, еписк. Иркутскій, нынѣ архіеп. Могилевскій), его вечерняя молитва въ Бурятской юртѣ, 239.
 Езерскій, священ., 443.
 Ейбожинскій, капит., 43.
 Екатерина I, содерж. умалиш. 360.
 Екатерина II, импер., въ пис. гр. А. Орлова, 5, 6; Пугачевщина 7—9,

- 14—16, 19—21, 23, 24, 27, 28, 38—40; податн. система 82; въ пис. Ростопч. 84, 87; въ бумагахъ кн. С. Ѳ. Голиц., 130, 131, 141, 157; кредит. учред. 220, 221; отношен. къ Черногоріи, 257—261, 269, 270; памяти. ей въ Екатеринославѣ, 410—416.
- Елисавета Петровна, ип. 260, 261.
Елиашевичъ, сенат., 323, 327.
Ермолаевъ, серж., 31.
Ермоловъ, Ал-й Петр., 67.
*
- Ждановъ, купецъ, 188.
ЖЕРЕБЦОВЪ, 311.
Живовъ, Ив. Сем., куп. Московскій 394—396.
Жоржъ, актриса, 98, 189.
Жуковский, въ Парижѣ, 91—101; рассказы о немъ, 209, 214; поправл. драму А. Н. Мурав. 355; записочка Пушкину, 453.
Жюно, марш., 166, 299, 378, 379.
*
- Заблоцкий, на службѣ у Пугачова, 451.
Заборовскій, 311.
ЗАВАДОВСКІЙ, гр. Петръ Вас., 90.
ЗАГРЯЖСКАЯ, Ѳедос. Дмит., 312.
Зальскій, проф., 447.
Залончекъ, ген., 317.
Запасной Дворецъ, 311.
ЗАХАРОВЪ, капит., 307, 380.
ЗАЧАТЕЕВСКІЙ монаст., 196, 197.
Зейдль-Нивельтъ, 60.
ЗИЛЬБЕРГАРНИШЪ, об. провіант., 144.
Златоустовская церк. въ Москвѣ, 196.
Змевъ, офиц. 21, 22.
Зубова, гр., 153.
Зубовъ, гр. Вал. Ал-др., 153.
Зубовъ, 458.
Зубовъ, гр. Ник-й Ал-др., 81., 153.
Зубовъ, кн. Пл. Ал-др., при имп. Павлѣ, 81.
Зубриловка, село 130.
*
- Ивановскій, ген., 317.
Ивановъ, Петръ Ив., 224.
Ивановъ, поэтъ, 425.
Иванъ Великій, колокольня въ Москвѣ 293, 385, 390, 396, 397.
Иванъ Петровичъ, сердаръ Черногор. 257, 259, 261, 266, 267, 269.
- Ивашева, Елис. Петр., 459.
Ивашевы, 456.
Ивашкинъ, Московск. об. полиц., донесеніе Вязмитин. 67, 68.
Иловайскій, 42.
*
- Юсифъ Симашко, митр. Литовскій, 328.
Юсифъ II, имп. 275; о путешеств. в. кн. Павла 46—48.
*
- КАВАЛЬКАВО, маркизъ, 273.
КАВЕРЗНЕВЪ, Аѳ. Авак., 407, 408.
КАМЕНСКІЙ, гр. Мих. Ѳедот., 88.
КАМИНСКІЙ, ген. 317.
КАМШЕНГАУЗЕНЪ, Балт. Балт., 217.
КАМУСЪ, ген., 317.
КАНТЕМИРЪ, кн. Дм. Конст., 37.
КАНТЕМИРЪ, кн. 221.
КАПУЦИНЫ, 335.
КАРАБАНОВЪ, переводч. Альзіры, 425.
КАРАКОЗОВЪ, преступникъ, 454.
КАРАМИЗЪ, 92, 213.
КАРАТЫГИНЪ, акт., 355.
КАРЛЪ XII, 193.
КАРПОЛИНЪ-Пинскій, Матвѣй Михайлов.
КАРОЛИНА, кор. Неаполит., 47.
454—460.
КАРПОВЫ, 312.
КАТЕРИНИ, 427.
КАУНИЦЪ, кн., 275.
КАХОВСКІЙ, (Мих. Вас.), ген., 135.
КЕМПЕДЕНЪ, 46.
КЕРЪ, канит., 132.
КИСЕЛЕВЪ, гр. Пв. Дм., 415.
КИСЕЛЕВЪ, Ѳед. Ив., ипс. къ кн. С. Ѳ. Голиц., 139.
КЛАПЕРЕДЪ, ген., 294.
КЛЕРМОНЪ-ТОННЕРЪ, 99.
КЛИНГЕЛЬ, ген., 317.
КОВАНЬКО, Ив., его солдатск. пѣснь, 302, 303.
КОЗЛЯЕВЪ, ген., 148.
КОКОРЕВЪ, Вас. Ал-др., 102, 103.
КОКОШКИНЪ, Ѳед. Ѳед., свидѣн. о немъ, 424, 425.
КОЛЕНКУРЪ, 158, 291, 292.
КОЛОГРИВОВЪ, братъ кн. А. Н. Голиц., 99.
КОЛОРЕДО, гр. 275.
КОЛЬЧУГИНЪ, Грнг. Никит., записки его, 170, 175.
КОЛЬЧУГИНЪ, Ив. Ив., книгопрод. Московскій, 170.

- Конде, пр. 88.
 Конопка, ген. 367.
 Константинъ Павловичъ, цесарев., пис. къ кн. С. Ѳ. Голиц. 148; Польша, 334.
 Кончеловъ, Е. А., 353.
 Копьевъ, 424.
 Корьберъ, 95, 99.
 Корделье, ген., 317.
 Корнель, 192.
 Коробовъ, Петръ, купецъ, 170.
 Коростовцовъ, В. Л., сообщ. переписку Коростовцовыхъ, 410—416.
 Коростовцовъ, Глѣбъ Ив., 411; къ бар. Франку, 414, 415.
 Коростовцовъ, Любимъ Ив., 411; пис. къ кн. М. С. Воронцову, 412—414; къ бар. Франку, 415, 416.
 Корсаковъ, Ив. Ник. (Польскій король). 424.
 Косиковскій, ген., 139.
 Костинъ, капит., 279.
 Кочубей, кн. Вик. Павл., въ пис. Ростопч., 86, 88—90.
 Косицельвъ, Род. Алек.—др., 154.
 Красицкій, Польск. епископъ—поэтъ, 440, 441.
 Краснощоконъ, ген., 44,
 Кречетниковъ, Мих. Никит.; пис. къ кн. С. Ѳ. Голиц., 138.
 Кроссаръ, полк., 78.
 Кротковы, 456, 459.
 Крумпиненъ, презид. Бельг. Академіи, 49, 50.
 Крыловъ, свѣдѣн. о немъ, 212—214.
 Куприяновъ, капит. поруч., 147.
 Куракина (рожд. Панина), кн. Ал-дра Ив., 11.
 Куракина, кн., 311.
 Куракинъ, кн. Ал-ъ Бор., пис. къ нему гр. П. И. Панина, 24; сопроводж. в. кн. Павла въ путешествіи, 47; отз. о немъ Ростопч., 86, 87; домъ въ Москвѣ, 312.
 Куракинъ, кн. Ал-ъ Бор., 86—88, 90.
 Куракинъ, кн. Степ. Борис., 16.
 Куракины, 8, 221.
 Кусовникова, домъ 312.
 Кучина, Н. П., 231.
 Кушелевъ, адмир., 87.
 Кювье, 93.
 Кушниковъ, 312.
 К-й, кн. въ пис. Бѣльск., 359—360.
 Лалансъ, 172.
 Ламартинъ, 94.
 Ламбергъ, маіоръ, 139.
 Ламбъ, (Ив. Варс.), ген., 87.
 Ламираль, актрисы, 190.
 Ланфантенъ, ген. 317.
 Ларивуасьеръ, ген., 168, 373, 387.
 Ларионовъ, капит.-поруч., 39.
 Ласунскій, 311.
 Лауеръ, ген., 61.
 Лафайетъ, 99.
 Лафитъ, 99.
 Лебедевъ, о Паниныхъ, 7.
 Левизъ, 183.
 Лелорнъ, переводч. Наполеона I-го, 60, 286, 288.
 Лентовскій, еп-пъ, свѣдѣн. о немъ, 326, 327, 329.
 Леопольдъ, в. герц. Тосканскій, 46, 47.
 Леппихъ, 70, 71, 78.
 Лермонтовъ, 356; его Демонъ, 360.
 Лесепсъ, начальникъ муницип. управл. въ Москвѣ, 168—170, 172, 175, 176, 196, 302.
 Леторъ, маіоръ 166.
 Лефевюръ, ген., 317.
 Лефевръ, марш., 176, 177.
 Ливенъ, ген.-ад., 146.
 Липранди, Ив. Петр., ген., 78.
 Литта, гр. 132.
 Лобановы-Ростовскіе, кн., 8.
 Лобанова-Ростовская (рожд. кн. Куракина), кн. Ек. Ал-дра., 11.
 Лобановъ-Ростовскій, кн. Ал-ъ Ив., 10, 12, 16, 18, 24, 39, 311.
 Лобановъ-Ростовскій, кн. Д. И. 311.
 Лобановъ-Ростовскій, кн. Ив. Ив., 11.
 Лобановъ-Ростовскій, кн. библиоф. 99.
 Лодеръ, свѣдѣн. о немъ, 405, 406.
 Лопухина, 312.
 Лопухинъ, кн. Петръ Вас., 90.
 Лористонъ, 99, 291, 292, 378.
 Лошаковъ, Ив. Ник., 318.
 Лошилинъ, 42.
 Лувянский, гр., епископъ—суфраганъ, 323, 334, 351.
 Лувенскій, гр. Генрихъ, 450.
 Луковкинъ, полк., 42.
 Лунина, Авд., пис. къ кн. С. Ѳ. Голиц., 139, 140.
 Лувинъ, капит., 14; Петръ Мих., 24, 39.

Лупандинъ, флота капит., 272.
 Львицкій, Ив. Льв., 234.
 Львицкій, Серг. Льв., 234.
 Львовъ, женится на Замятиной, 140.
 Льгово, подмосковная С. С. Апракс., 426.
 Любомірская, кн., 346.
 Людике, свѣдѣн. о немъ, 322, 328, 350, 351, 448—451.
 Людовикъ XVIII, 88.
 Людовикъ Филиппъ, кор. Фр., 438.
 Ляликовъ, Ф. Л., 409.
 Л.*** 84.

*

Магницкій М. Л. 457, 458.
 Майковъ, Леонидъ Никол., о путешеств. в. кн. Павла въ Нидерланды, 45.
 Макдональдъ, 182—184, 194.
 Маковский, каноникъ, 447.
 Максимилянъ, герц. Лейхтенбергскій 324, 346.
 Макшеевъ 456.
 Малый, Степ., 277.
 Мальтицъ, бар., 211.
 Марія Антуанета, кор., 47.
 Марія Христина, эрцъ-герц., 47, 48, 50, 51.
 Марія Θεодоровна, имп. 87, 88, путешеств. 45—52.
 Марковъ, гр. Арк. Ив., донесен. о пребыван. в. кн. Павла въ Нидерл. 45, 51, 52; бумаги его опечатаны, 82.
 Марковъ, гр. 312.
 Мартини, пьянисть, 191.
 Мартодъ, маіоръ, 166.
 Маруци, маркизъ, 281, 283, 284.
 Масальская, кн. (la belle sauvage), ея домъ на Мясницкой, 421.
 Масальскій, кн. (Моши), 421.
 Матушевичъ, ген. 317.
 Меллеръ, Ив. Ив., 133, 134.
 Мелиссино, 204.
 Мельгуновъ, 312.
 Мериажъ, ген. 317.
 Мещерская, кн. Ан. Бор., 233.
 Мещерская (рожден. Всеволожская), Соф. Серг., 318.
 Мещерская (рожд. гр. Панина), кн. Мар. Ал-др., ея архивъ, 7.
 Мещерская, кн. 312.
 Мещерскій, кн. Ив. Серг., 318.
 Мещерскій, кн. А. П. 312.
 Милорадовичъ, гр. Мих. Андр. 65, 188.

Мильо, гр. 170, 198.
 Минихъ, гр., 220.
 Митусовъ, сенат., 463.
 Михаилъ Павловичъ, в. кн., 87.
 Михалково, подмосковная гр. П. И. Панина, 7.
 Михельсонъ, Ив. Ив., ген., 20, 21, 33.
 Мицкевичъ, 437, 451.
 Мишель, Маркъ, 172.
 Молоканы, 240.
 Монтионъ, 164.
 Моро, ген., 203.
 Мортъе, марш., 55, 65, 161, 163, 168, 170, 173, 191, 288, 295, 298, 370, 373—377, 380, 382—386.
 Московская Духов. типографія, 312, университетъ, 312.
 Мосоловъ, 312.
 Мочениго, диплом., 216.
 Муравьевъ, Андр. Ник., воспомин. о немъ, 353—358.
 Муравьевъ, гр. Мих. Ник., 13.
 Муравьевъ, Серг. Никол., 357.
 Муромцова, Екат. Александр., 153.
 Муромцовъ, прапор., 154.
 (Мусинъ) Пушкинъ, гр. (Валент. Пл.). 88.
 Мышкевичъ, 447.
 Мышкель, 447.
 Мъщаниновъ, 311.
 Мюратъ, 60, 65, 73, 165—167, 185, 291, 300, 309, 372, 379, 387.
 Мясовдовъ, 312.

*

Надеждинъ, Ник-й Ив., свѣдѣн. о немъ, 229.
 Нансути, ген., 295.
 Наполеонъ I, 215; въ пис. Прозоровск. 157, 158; въ Москвѣ 53, 55—58, 61, 64, 65, 68, 70, 73, 75, 77, 80, 161—199, 285—302, 306, 307, 311, 369—387, 390, 400, 403—405, сравн. его съ Фридр. II-мъ, 308; въ Дрезденѣ 388; наружность его, 403; торжество въ Бостонѣ, 408; медаль, 409; уп., 434.
 Наполеонъ III, 434, 437, 438.
 Наполеонъ, пр. 437.
 Нарвонъ, гр., 179, 192, 193, 301.
 Нарышкинъ, Сем. Кир., пис. его къ кн. А. М. Голиц., 279.
 Нарышкинъ, 312.
 Нарышкинъ, маіоръ, освобожд. изъ плѣна, 310, 383, 384.

- НАССАУ-Зигенъ, пр., 132, 133.
 Находкинъ, куп., 170.
 Нашокинъ, П. О., 221.
 Негри, Ос., 208.
 Ней, марш. 185.
 Нелидова (Ек. Ив.), 86.
 Неплюева (рожд. Панина), Ан. Ив., 29, 30.
 Неплюевъ, И. И., 29, 30.
 Нероновъ, Вас. Вас., 320.
 Нессельроде, канцл. 344, 349.
 Нечаевъ, 311.
 Никитенко, А. В., 462.
 Николай I, имп., въ воспитатели ему прочили гр. С. Р. Воронц. 84; пис. къ нему Жуковск. 92; дѣла Польскія 322, 323, 328, 332, 334, 341—343, 350—352, 427, 430, 436, 446; даетъ аудіенцію еп-пу Буткевичу 324—326; памяти. Екатер. въ Екатеринославск-дворянству Потемкинскій дворецъ, 412. уп., 441, 450.
 Николай Петровичъ, подполк. Черногорскій, 266, 267, 269.
 Николай, 88.
 Никольская, улица въ Москвѣ, 294.
 Никонъ, патр., 238.
 Новодѣвичій мон. въ Москвѣ, 196, 381.
 Новосильцовъ, Серг. Серг., 200, 201.
 Норманъ, ген., 317.
 Норовъ, А. С. 463.
 Нумсеиъ, ген., 149.
 Нѣмецкая слобода, 311.
 Н. 207.
- *
- ОБЕРКИРХЪ, баронеса, 45.
 Оверъ-Шальме, Моск. магазинщица, разговоръ съ Наполеономъ, 55, 56.
 Оболевскій, кн. Мих. Андр. 52.
 Обольяниновъ, Петръ Хрис., пис. къ кн. С. Θ. Голиц. 146, 147.
 Обръсковъ, губер., 311.
 Обръсковъ, 266.
 Одоевского дома въ Москвѣ, 170.
 Ожеро, ген., 317.
 Оленинъ, Ал-й Никол., 214.
 Оржевскій, свѣдѣн. о немъ, 229.
 Ориоли, кардин., 347.
 Орловъ, гр. Ал-й Гр., 12, 258, 259; пис. къ Потемк., 5, 6; матер. для его біограф., 270—284.
 Орловъ, гр. Гр. Влад., 471.
 Орловъ, кн. Гр. Гр., 8.
 Орловъ, Гр. Фед., 471.
 Орловъ, Мих. Фед., рассказы его, 203.
 Орловъ, гр. Фед. Гр., свѣдѣн. о немъ, 270—272, 274, 276, 277, 280—284.
 Орловъ, гр., 312.
 Осолинскій, рект. Варшавск. Академіи, 321.
 Останкино, село, 175, 176.
 Остерманъ, гр. Ив. Андр., пис. къ кн. С. Θ. Голиц. 142.
 Острововы, подъ симъ именемъ путешествовали по Европѣ гр. А. и Θ. Орловы, 270.
 Отисъ, презид. Сѣверо-Американск. Штатовъ, 408.
- *
- Павелъ I, импер., 7, 23; путешеств. въ Нидерланды, 45—52; въ пис. Ростопч. 81—90; царствованіе 144—150; благотворит., 221; памяти. Екатер. въ Екатеринославѣ, 410, 411.
 Павловскій, администр., 324, 334.
 Паленъ, бар. (Петръ Алексѣев.), имп. Александръ выразилъ желаніе, чтобы на время пребыванія его въ Ригѣ онъ выѣхалъ изъ этого города, 151; пис. къ кн. С. Θ. Голиц. 145, 149, 150.
 Панина, (рожд. Вейдель), гр. Мар. Родіон., 13, 14, 17, 18, 38, 39.
 Панинъ, Алек. Вас. 312.
 Панинъ, Ив., 31.
 Панинъ, гр. Никита Иван., 7—9; пис. къ нему брата, 10—38; упом. 220, 280.
 Панинъ, гр. Петръ Иван., Пугачевщина, 7—44; его дѣти, 18.
 Панкратьевъ, губернат. Кіевскій, 155.
 Папазоглу, 282.
 Папстъ, К. П., 231.
 Партоно, ген., 317.
 Паскевичъ, кн. Ив. Фед., намѣстн. Ц. Польск., 322, 323, 326, 327, 332, 350, 352, 427, 445, 446, 448, 450.
 Паскевичъ, Степ. Федор., губернат. Тамбовскій, 237, 238.
 Пашковъ, 311.
 Перфильевъ, 6, 44.
 Пассекъ, Т. П., замѣч. на ея воспомин. 231—236.
 Пассекъ, Натал., 7.

- Пассекъ, Петръ, пис. къ кн. С. О. Голиц., 141.
 Паулисты, 338.
 Пашкова, домъ въ Москвѣ, 312, 422.
 Пелтъе, ген., 317.
 Перовскій, Ал-й Алексѣев., 208.
 Петропавловская ц. въ Москвѣ, 188, 197, 199.
 Петропавловское кладбище, въ Тамбовѣ, 240.
 Петръ Великій, 45, 51; отношен. къ Черногоріи, 257, 258, 260, 261; сужденіе о немъ Напол. I-го, 192, 193.
 Петръ III, 8, 23, 24, 30, 257, 269.
 Петръ, герц. Курляндскій, пис. къ кн. С. О. Голиц. 142—144.
 Петръ, Петровичъ, архим. Черногорск. 257, 259, 261, 269.
 Пино, ген., 173.
 Пій IX, свѣдѣн. о немъ, 328—332, 343—353. 427—430, 449, 463, 471.
 Пламевецъ, капит., 258.
 Платовъ, гр. Матв. Ив., посланіе къ нему казака Ерм. Гавр., 397—400.
 Познякова, домъ въ Москвѣ, 189, 190.
 Полетика, повѣр. въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, 274.
 Полторацкій, полк., 405.
 Полуценскій, Петръ Семен., 223, 224.
 Польнова (рожден. Львицкая), Соф. Льв., 234, 235.
 Поляковъ, его Московск. театръ, 190.
 Понятовскій, кн., 165, 187, 296.
 Поповъ, Александръ Никол., о Москвѣ въ 1812 году, 53, 161, 285, 387.
 Поповъ, (Вас. Ст?), 140.
 Потемкинъ, кн. Товричскій, пис. къ нему гр. А. Г. Орл., 5, 6; пис. къ гр. П. И. Панину, 38—44; Пугачевщина, 7—9, 13, 14, 16, 19, 20, 22, 24, 28, 34, 36, 37; отз. о немъ Ростопч. 82; пис. къ кн. С. О. Голиц. 130; въ пис. П. С. Потемк. 135—138; Луниной 140; Черногоріи 257; упом. 410, 412.
 Потемкинъ, Мих. Серг., 136, 138.
 Потемкинъ, Пв. Серг., 9, 33, 38, 140; пис. его къ кн. С. О. Голиц., 131—138; уп., 138.
 Потоцкій, гр. 99.
 Пугачевъ, 311.
 Прейсингъ, ген., 317.
 Пржецлавскій, О. А. 460—471.
 Пржилускій, еписк., 443.
 Прозоровскій, кн. Ал-дръ Ал-др., пис. къ кн. С. О. Голиц. 154—160.
 Протопоповъ, Дм. С., о Спераиск., 225—230.
 Пугачовъ, свѣдѣн. о немъ 6—44; его планами интересов. Наполеонъ, 296, 451, 452.
 Пуже, ген., 317.
 Пулавскій, 33.
 Путята, Ник-й Вас., замѣтка объ А. Н. Муравьевѣ, 357, 358.
 Пучковъ, донесен. о Черногорск. дѣлахъ, 264—266, 269.
 Пушкина, гр., 312.
 Пушкина, Нат. Абр. 311.
 Пушкинъ, Ал-дръ Серг., 99; замѣчаніе, о Французахъ, 100; дружба съ Дельвигомъ, 204, 205; подъ надзоромъ полиціи, 236, 237; принималъ участіе въ литературныхъ начаткахъ А. Н. Мурав., 355; о Московск. альбомахъ, 420; его новые стихи, 453.
 Пушкинъ, Ал-й Мих., свѣдѣн. о немъ, 205, 424—426.
 Пушкинъ, Вас. Льв., 425.
 Пэроне, 95.
 Пювюскъ, ген., 317.
 *
 Равель, 94.
 Радзивилъ, кн., 452.
 Радоницъ, Ив., гвернат. Черногорск., 257, 259, 261, 263, 269.
 Раевскій, Ник-й Никол., ген., 313.
 Раевскій, (Зефиръ), 421.
 Разумовскій, гр. Андр. Кир., 89, 311.
 Разумовскій, гр. Кир. Гр., 8, 140.
 Разумовскій, гр. Лев. Кир., 311, 377.
 Разумовскій, гр., 139.
 Рачъ, С. Е., 357.
 Раппъ, ген., 377.
 Рахмановъ, 139.
 Рачинскій, гр. 445.
 Рачинскій, А. В., воспомн. о Хомяковѣ, 101—104; матер. для біографіи гр. А. Орлова, 284.
 Ребуль, 93.
 Редоръ, ген. 317.
 Ренье, 180.
 Репнинъ, кн. Ник. Вас., 16, 25, 82, 133, 135, 141; отз. о немъ Ростопч. 86, 88.

- Репнины, кн., 8.
 Ржевуская (рожд. кн. Любомірская), гр.,
 свѣдѣн. о ней, 352.
 Ржевусскій, гр. писатель, 451.
 Рибасъ, Юсифъ Мих., 136, 137.
 Рибасъ, подполк., 135.
 Рождественскій монаст., въ Москвѣ,
 196, 381.
 Роже, ген., 374.
 Рожерсонъ, Ив. Сам., докт., 84, 144.
 Розенбергъ, Андр. Гр., 275.
 Розерманъ, поруч., свѣдѣн. о немъ, 148.
 Ронге, учен. его, 325.
 Ростопчинъ, гр. Фед. Вас.; письма къ
 С. О. Голиц. 144—146; гр. С. Р.
 Воронцову 81—90; въ 1812 г., 57,
 61, 62, 64, 66—77, 80, 288, 289,
 295, 311, 313, 377, 385, 404.
 Румянцовъ, гр. Ник-й Петр., 154, 155;
 отз. о немъ кн. Прозоровск., 157, 158.
 Румянцовъ, гр. Петръ Александр., 8, 22;
 кончина его, 83.
 Румянцовъ, гр. Серг. Петр., 90, 312.
 Рѣшетниковъ, 311.
 *
- Савва, митр. Черногорск. 261, 262, 264,
 266—268.
 Салтыкова, 140.
 Салтыковъ, гр. Ив. Петр. 141; отз. о
 немъ Ростопч., 88.
 Салтыковъ, (кн.) Ник-й Ив., 82, 88;
 сопровод. в. кн. Павла въ путеше-
 ствіи 47; пис. къ кн. С. О. Голиц. 141.
 Салтыковъ, гр., 312.
 Самаринъ, Юр. Фед., 229.
 Самойловъ, гр. Ал-дръ Никол., 6, 9,
 131, 134, 136, 137, 140.
 Самуилъ, митр. Кіевскій и Галицкій, 221.
 Сансонъ, ген. 317.
 Свѣчина, 99.
 Свѣчинъ, ген., 148.
 Себастьяни, ген., 94, 164, 165.
 Семеновъ, протоіер. Московск., свѣдѣн.
 о немъ, 197.
 Семеновъ, поварь, 406, 407.
 Сенъ-Жюнье, ген., 317.
 Сенъ-Сиръ, марш., 182—184. 194, 288.
 Сенъ-Сюльписъ, ген., 166.
 Серанъ, ген. 317.
 Сервиновичъ, К. С. 463.
 Скарятинъ, повѣрен. въ дѣлахъ въ Римѣ
 329, 332.
 П. 31.
- Скедо-Феротти, 462.
 Скрипичинъ, В. В. 464.
 Смолянъ, Е. П., 231.
 Соколовъ, 312.
 Сокольниковъ, ген., 187, 188.
 Солововъ, А. А., 311.
 Солтыкъ, гр., 187.
 Спасо-Преображенская, ц. на Глинисахъ
 въ Москвѣ, 197.
 Спасскія, казармы, 311.
 Сперанскій, пис. къ кн. С. О. Голиц.,
 152; воспитаніе его, 225—230.
 Спиридовъ, Гр. Андр., адмир., свѣдѣн. о
 немъ, 274, 277.
 Станиславъ Августъ Понятовскій, кор.
 Польск., 88.
 Станкевичъ, 329.
 Стороженко, сенат., 326.
 Страшинскій, свѣдѣн. о немъ, 327, 334,
 351.
 Строганова (рожд. кн. Голицына, Соф.
 Вл.), гр., 140.
 Строгановъ, гр. Пв. Ан-др., 78, 140.
 Струковъ, П. А., ген., 410, 412.
 Ступининъ, 311.
 Суворовъ, 43, 135, 137, 290; отз. о
 немъ Ростопч., 83; пис. къ кн. С. О.
 Голиц., 139.
 Сулима, Сем., ген., воспом. объ А. Н.
 Мурав., 353—356.
 Сутерландъ, банк. 146.
 Сухарева, башня, 311.
 Сушковъ, Н. В., 471.
 Сычевка, гор., 309, 310.
 Сюригъ, аббатъ, 76.
 С., 208.
 *
- Талейрашъ, 99.
 Тальма, 98.
 Тамара, 87; пис. къ кн. А. М. Голиц.
 282—284; къ гр. А. Орл., 284;
 родств. Безбородки, 144.
 Тараканова, княжна, 452.
 Тарквинію, пѣвецъ, 191.
 Татариновой секта, 237.
 Татариновъ, віолончелистъ, 190.
 Татищева, Мар. Як., 141.
 Татищевъ, Дм. Пв., 140, 141, 212.
 Татищевъ, Петръ Алексѣев., мартин. 11.
 Татищевъ, Серг. Пв., 140, 141.
 Телегинъ, куп. 221.
 Телешевъ учит. Симб. гимн., 458.
 РУССКІЙ АРХИВЪ 1876.

- Тяличеевъ, Пв. Матв., 407, 408.
Тимковский, протоіерей, 221.
Титовъ, Вол. Петр., 423.
Тихомавдритскій, А. Н., 462.
Тишкевичъ, ген. 317.
Толля, ген., 311.
Товіанисты, 437.
Толстой, гр. Ник-й Алек-др., 289.
Толстой, гр. Фед. Ів. (Американецъ), 218.
Томашевскій Антонъ Францовичъ, 460.
Тормасовъ, (Ал-ъ Петр.), 180, 181.
Трифоновъ, куп. 17.
Троицкая ц. на Хохловкѣ, въ Москвѣ, 197.
Троцкий, А. Г. 462.
Трошинскій, Дм. Прок., пис. къ кн. С. О. Голиц. 150.
Трубецкаго домъ, на Покровкѣ 312, 421, 422.
Трубецкой, кн. Ник-й Ів., 221.
Трубецкой, кн. (le père éternel) 422.
Тургеневъ, Ал-ъ Ів., свид. о немъ 91—93, 95, 99—101.
Тургеневъ, Ник-й Ів., 91, 92.
Тургеневъ, Серг. Ів., 91—93.
Туркуль, ст. секр. подъламъ Ц. Поль. 325.
Туруновъ, М. Н. 462.
Туссенъ, ген. 317.
Тутолмина (рожд. гр. Панина). Соф. Петр. 18.
Тутолминъ, Ів. Ак, нач. Восп. дома, разговоръ съ Напол. 286, 287, 404, 405.
Тучкова полкъ 146.
(Тьеръ), 94.
Тютчевъ, Фед. Ів., 100, 211.
Тюфякинъ, кн., 99.
*
- Уварова, 311.
Уваровъ, (гр) Серг. Сем., 212.
Уваровъ, Фед. Петр., Французск. языкъ, 215.
Удино, марш. 182, 312.
Успенскій, Дометій Васильев. 455.
Успенскій Соборъ, въ Москвѣ, 293.
Ушаковъ, мичм., 279.
*
- Фарнгагенъ фонъ Евзе, 74.
Фелькерзамъ, 142.
Фердинандъ, эрцъ-герц. 47.
Феррари, прел., свидѣн. о немъ, 332—334, 344, 345.
Феррьеръ, ген. 307.
Фигнеръ, капит., 78.
- Филаретъ, митр. Московскій и Коломенскій, 230.
Филимоновъ, Дм. Дм., о кредитн. учред. Воспит. Дома, 224.
Фіалковскій, администр. 328.
Фіеве. 53, 54.
Флоріановичъ, Ельвира, 321.
Фонъ-Визинъ, Ден. Ів., въ переп. гр. П. И. Панина, 20, 29.
Фракманъ, 170.
Франкенбергъ, кардин. 48.
Франкъ, бар. Ф. Е., переписка о со- оруженіи памяти. Екатерины въ Екате- ринославѣ, 410, 411, 414—416.
Фрейръ-Пеги, ген., 317.
Фридрихъ Вильгельмъ II, кор. Пр. 87, 132.
Фридрихъ-Вильгельмъ III, кор. Пр. 86, 89, 151.
Фридрихъ II, 7; сравн. его съ Напол. 308.
Вольтеръ, 441.
Фридрихъ, живоп. 95.
Фюзиль, 191.
*
- Ханыковъ, Н. Д., 221.
Хвицкій, Николай Платов., 453.
Хлѣбникова, дсмъ ся въ Москвѣ, 311.
Ховринъ, офиц., 21.
Хомяковъ, Ал-й Степ., воспом. о немъ, 101—104.
Хороманскій, архіеп., 334.
Храповицкая, Мар. Юр., 319.
Христофоръ, Н, 459.
Хрущовъ, ген. 147.
Х., И. И., пис. къ нему Бѣлинск., 359, 360.
*
- Чарторыйскій, кн. Адамъ, 437, 438.
Чашковъ, учит. Симбирск. гимн., 455.
Черкесова, Лис. Мих., 140.
Чернышовъ, гр. Гр. Ів., 129.
Чернышовъ, гр. Зах. Гр., 129.
Чернышовъ, гр. Ів. Гр. 8.
Чернышозъ, полк., 310.
Чеховичъ, художн., 345.
Чичаговъ, (Ів. Вас.), 180, 310.
Чичаговъ, 99.
Чоголова, 153.
Чорба, ген., 43.
*
- Шаброль, 95.
Шаликовъ, кн. Петръ Ів., 215, 420.

- Шамбре, маркизъ, 75, 374.
 Шатилова, Ел. Ник., 236.
 Шагобрианъ, 93, 94.
 Шаховская, кн. Ек. Еф., 400.
 Шаховской, кн. Левъ Александр., 400.
 Шаховской, кн. А. А., писат., его
 воспомин., 383, 459.
 Шаховской, кн., 220.
 Шварценбергъ, кн. 180, 181, 182,
 184, 194.
 Шевичъ, маіоръ, 42.
 Шереметевъ, бригад., 133, 134.
 Шереметевская больница 311, домъ, 312.
 Шишковъ, Ал-ъ Сем., 212, 213, 319.
 Шиндтъ докт., 61, 62, 287.
 Шмуслевицъ, художн., 345.
 Штаренбергъ, гр. 47—49.
 Штейнгель, 184.
 Шгеричъ, маіоръ, 39, 41.
 Штеръ, Матв. Петр., 223, 224.
 Шуазель-Гуфье, 86.
 Шувалова, гр., деревни, 27.
 Шуваловъ, гр. Ал-ъ Ив., 281.
 Шуваловъ, Ив. Ив. 272; пис. къ кн.
 А. М. Голиц., 281.
 Шуваловъ, женится надочер. Бръса, 140.
 Шульгинъ, А. С., об. полицм. Мо-
 сковск., 236.
- *
- Щевальскій, Петръ Карл., сообщ. зап.
 Буткев. 321.
- Щербатовъ, кн. Фед. Фед., 13.
 Щуровъ, куп. 221.
- *
- Экмюльскій герц., 172.
 Элизеръ, ген., 317.
 Эльфинстонъ, адмир. 273, 274, 278.
 Энгельгардтъ, Вас. Вас., 134, 139.
 Энгельгардтъ, Тат. Вас., 134, 138.
 Энгельгардтъ, полк., 320.
 Эрманъ, профес. 455.
 Эстергази, гр. Валентинъ, въ пис.
 Росточ. 83.
- *
- Юрковскій, 135.
 Юсуповъ, кн. Н-й Бор., сопровод. в.
 кн. Павла въ путешеств., 47.
- *
- Яковлева, Ек. Мих., 233.
 Яковлева, Нат. Бор., 233.
 Яковлевъ, Ал-й Александр., 233—235.
 Яковлевъ, Ив. Алексѣев., 231—234;
 пис. къ Голохваст., 235; разгов. съ
 Наполеон., 287—290.
 Яковлевъ, Левъ Алексѣев., 321—324.
 Яковлевъ, Н-й Петр., 231.
 Яковлевъ, Петр. Алексѣев., 231, 232.
 Якунинъ, Ив., о молокан. Богдановъ,
 237—240.
 Яловъ, 42.
 Ясная Гора, въ Ченстоховъ, 337, 338.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
ДЕВЯТАЯ КНИГА
АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

(Письма графа С. Р. Воронцова).

СЪ ГРАВИРОВАННЫМЪ ПОРТРЕТОМЪ.

БОЛЬШОЙ ТОМЪ ВЪ 528 СТР.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1876 ГОДА.

Умалишенные при Екатеринѣ Первой. Стр. 360.

Историческія свѣдѣнія о сношеніяхъ Россіи съ Черногоріею. (Просьба Черногорцевъ 1778 года. Записка о Черногорцахъ, посылка советника Пучкова, денежные выдачи Черногорцамъ). Изъ дѣлъ князя Потемкина извлечено *Г. Н. Александровымъ*. Стр. 257.

Пугачевщина: Письма графа П. И. Панина къ брату его графу Никитѣ Ивановичу и письма князя Потемкина къ графу П. И. Панину. Съ предисловіемъ издателя. (Сообщено *княгиней М. А. Мещерскою*). Стр. 7.

Поликъ на службѣ у Пугачева. Стр. 451.

Къ біографіи графа А. Г. Орлова-Чесменскаго. Письма его и о немъ во время Морейской экспедиціи, извлеченныя изъ бумагъ вице-канцлера князя Голицына *А. В. Рачинскимъ*. Стр. 270.

Письмо изъ Пизы въ Петербургъ отъ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго къ князю Потемкину. 1774. Сообщено *Г. Н. Александровымъ*. Стр. 5.

Графъ и графиня Сѣверные въ Нидерландахъ. Статья *г-на Гашара* и донесеніе Екатеринѣ II-й *А. И. Маркова*, съ предисловіемъ *Л. Н. Майкова*. Стр. 45.

Бумаги князя Сергія Ѳеодоровича Голицына (Письма и рескрипты Екатеринѣ II-й, Павла и Александра I-го; письма Потемкинскихъ, Суворова, князя Прозоровскаго и др.). Стр. 129.

Вѣсти изъ Россіи въ Англію, въ царствованіе Павла Петровича. Письма графа Ѳ. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову. (Дѣятельность графа Рос-

топчина при Павлѣ. — Князь Безбородко. — Кочубей. — Принцъ Конде. — Князь Лопухинъ). Стр. 81.

Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе *А. И. Попова*. Глава IV. (Магазинщица Оберъ-Шальме. — Намѣреніе Наполеона идти на Петербургъ. — Возвращеніе его въ Кремлевскій дворецъ. — Комиссія о поджигателяхъ. — Отзывы Бернадота — Донесеніе Ивашкина. — Письма графа Росточина къ Государю. — Кто сжегъ Москву?) Стр. 53. Глава V. (Усилія Наполеона прекратить грабежъ. — Французы не знаютъ, гдѣ Русская армія. — Опасеніе Наполеона. — Управленіе городомъ — Д'Орреръ. — Скудость продовольствія. — Г. Н. Кольчугинъ. — Смотры войскъ въ Кремль. — Маршалъ Викторъ. — Сень-Сиръ и Макдональдъ. — Планъ отступленія. — Поляки-шпіоны. — Театральныя представленія. — Времяпровожденіе Наполеона. — Сужденія его о Петрѣ Великомъ. — Богослуженіе въ Московскихъ церквахъ). Стр. 161. Глава VII-я (Разговоры Наполеона съ Тутолминнымъ и Яковлевымъ. — Наполеонъ грабитъ Кремль. — Молодечество казаковъ. — Дѣйствія партизановъ. — Тайныя распоряженія къ выстуленію). Стр. 285. Глава VIII (Тьеръ объ отступленіи Наполеона. — Распоряженіе къ выходу. — Тревога Москвичей. — Попытка отстоять Кремль. — Взрывъ Кремля.) Стр. 369.

Дѣвѣнадцатый годъ. Современные рассказы, письма, анекдоты, стихотворенія и пр. Стр. 302 и 387.

О медали на занятіе Москвы Французами въ 1812 году, Стр. 409. Съ изображеніемъ медали.

Нѣсколько словъ о Сперанскомъ. Изъ письма къ академику Гроту *Д. С. Протопопова*. Стр. 225.

Еще о кредитныхъ учрежденіяхъ Воспитательнаго Дома (Присяга опекуновъ. — Служба безъ жалованья. — Сохранная Казна передъ ея закрытіемъ). *Д. Д. Филимонова*. Стр. 219.

Выдержки изъ Старой Записной Книжки, начатой въ 1813 году (Пикникъ въ Царицынѣ. — Воспоминанія о Палестинѣ. — Дельвигъ и планъ его повѣсти. — Затѣйливый помѣщикъ. — Крыловъ и Гвидичъ. — Искаженія Французской рѣчи. — П. И. Кутузовъ. — Заставы). Стр. 200.

(Характеристики. — Мадригалы. — Прозвища. — С. С. Апраксинъ. — Спектакль въ Львовѣ.) Стр. 417.

Записки Польскаго епископа *Буткевича* (Переводъ съ Польской рукописи). Квизъ Паскевичъ и графъ Лубенскій. — Разговоръ съ императоромъ Николаемъ. — Побѣдка въ Римѣ. — Разговоры съ папою Пиемъ IX. — Монсиньоръ Феррари. — Записка о Польской церкви. — Ченстохово. — Варшавская Духовная Академія. — Папскій нунцій въ Москвѣ. — Воскресенцы. — Августовское епископство и пр.) Стр. 321. (Разговоръ съ папою Пиемъ IX-мъ. — Воскресенцы. — Французская церковь. — Эмигранты. — Католичество въ Пруссіи. Онѣмеченіе Поляковъ. — Августовское епископство. — Исторія Людике). Стр. 427.

М. М. Карніолинъ-Пинскій въ Симбирскѣ. Статья *Н. Н. Христофорова*. Стр. 454.

Замѣтка о Карніолинѣ-Пинскомъ. *А. Ф. Томашевскаго*. Стр. 460.

О Воспоминаніяхъ О. А. Пржецлавскаго. Статья *С. П. Сушкова*. Стр. 460.

Переписка братьевъ Коростовцовыхъ о памятникѣ Екатеринѣ II-й въ Екатеринославѣ. Стр. 410.

Еще о дневникѣ Храповицкаго: письмо къ издателю Русскаго Архива *Н. П. Барсукова*. Стр. 104.

Поправка о графѣ Г. В. Орловѣ. *Г. Г. Григорьева*. Стр. 471.

Жуковскій въ Парижѣ. Статья князя *П. А. Вяземскаго* (съ выдержками изъ Записокъ Жуковскаго). Стр. 91.

Изъ воспоминаній объ А. С. Хомяковѣ. *А. В. Рачинскаго*. Стр. 101.

Неизданные десять стиховъ *А. С. Пушкина*. (Сообщены *Н. В. Хвиздумъ*). Стр. 453.

Черта изъ жизни А. С. Пушкина. (Полицейскій надзоръ). Стр. 236.

Записочка *Жуковскаго* къ А. С. Пушкину. Стр. 453.

Письмо *Бѣлинскаго* къ пріятелю его *И. И. Х.* Стр. 359.

Андрей Николаевичъ Муравьевъ. Замѣтки о немъ генерала *Сулیمی* и *Н. В. Пугачы*. Стр. 353.

Арестъ и ссылка поручика Богданова. Извлечено изъ подлиннаго дѣла *И. Якушкинъ*. Стр. 237.

По поводу воспоминаній *Т. П. Пасекъ*. Замѣчанія *Д. Д. Голохвастова*. Стр. 231.

Пятьдесят писемъ *А. С. Пушкина* къ князю *П. А. Вяземскому* (1816—1831) съ новыми стихами *А. С. Пушкина*.—Записки *Мессельера* о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759.—Письма *лорда Мальмсбюри* о Россіи въ царствованіе *Екатерины II*. Записки *князя Федора Николаевича Голицына*.—Записки *Хршотцевскаго* (1770 — 1820). Переводъ съ Польской рукописи.—Записки *Ильи Федоровича Тимковскаго*.—Изъ Записокъ *Николая Ивановича Лорера* (Декабристы на Кавказѣ).—Воспоминанія *графини А. Д. Блудовой*. 1831 годъ. Польскій мятежъ и первая холера.—Уроки исторіи: двѣ статьи *Д. П. Иловайскаго* (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя *В. О. Одоевскаго*.

1874 ГОДЪ. *Книга вторая.* Кончина и духовное завѣщаніе графа *М. П. Бестужева-Рюмина*.—Два письма *Д. В. Волкова* къ *Г. Г. Орлову* о *Петрѣ Третьемъ*.—Секретные рескрипты *Екатерины Второй* князю *Потемкину*.—Предположенія *князя Потемкина* о Польскихъ дѣлахъ съ замѣтками *Екатерины Второй*.—Планъ *князя Потемкина* о наборѣ національныхъ войскъ въ Польшѣ съ замѣтками *Екатерины Второй*.—Канцлеръ князь *Безбородко* (Опытъ разработкы матеріаловъ для его біографіи) *И. П. Григоревича*.—Черта Русской политики въ послѣдніе дни *XVIII вѣка*. Письмо *императора Павла* къ *С. А. Кольчову* и тайный наказъ о переговорахъ съ *Бонапартомъ*.—Два письма *графа И. П. Панина* къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія *Александра Павловича*.—Два письма изъ Лондона отъ *графа С. Р. Воронцова* къ графу *И. П. Панину* и къ императору *Александру*.—Изъ Записокъ *И. П. Лорера* (Декабристы на Кавказѣ). Съ приложеніями стиховъ *А. С. Пушкина*, *князя А. П. Одоевскаго* и письма *А. О. фонъ-деръ Бриггена* о Минихѣ въ Сибирѣ.—Статья *И. В. Кирьевскаго* о *Баратынскомъ* съ предисл. *И. А. Елагина*.—Семь шуточныхъ стихотвореній *С. А. Соболевскаго*.—Незданные стихи *О. П. Тютчева*.—Еще стихи *О. П. Тютчева* (Какъ ни бѣсплоса злорѣчье).—*Федоръ Ивановичъ Тютчевъ*. Статья *И. С. Аксакова*. Съ гравированнымъ портретомъ *Тютчева*.

ПЕРЕСЫЛКА КАЖДОЙ КНИГИ ЗА ТРИ ФУНТА, СМОТЯ ПО РАЗСТОЯНІЯМЪ.
ВЫПИСЫВАЮЩІЕ НЕ МЕНѢЕ ДВУХЪ КНИГЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ
ПРЕПЛАГАЮТЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1876 ГОДА

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1876 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получить Русскій Архивъ въ 1876 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ чегко написаннаго мѣста своего жительства, въ *Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Лица, подписавшіяся до Февраля мѣсяца сего года на Русскій Архивъ въ книжномъ магазинѣ Базунова въ Петербургѣ, благоволятъ доставить въ Контору Русскаго Архива подписныя квитанціи вмѣстѣ съ своими адресами.

Въ С.-Петербургѣ можно подписываться на Русскій Архивъ въ Гостинномъ Дворѣ, въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя годовыя изданія Русскаго Архива 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 годовъ. Прежніе годы Русскаго Архива (1864—1870) можно получать въ С.-Петербургѣ, на Апраксиномъ дворѣ, у книгопродавца Виганова.

Отдѣльныя тетради Русскаго Архива 1876 г. не продаются, но отдѣльные томы (въ каждомъ по четыре тетради) можно получать, платя по **три** рубля за каждый томъ.

Заграничные подписчики къ вышеозначенной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгій—**2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи **2** р. **50** к.

Контора Русскаго Архива отзываетъ вполне за точную и своевременную доставку изданія городскимъ подписчикамъ и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали или доставили подписную сумму въ Контору Русскаго Архива (Москва, Никитскій бульваръ, домъ Дюгамеля), съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ или станція.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается—**64** к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—**50** к., и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ. За перемѣну городского адреса на городской или иногородный на иногородный платится **10** коп. Иначе адреса не мѣняются.

Жалобы высылаются исключительно въ Контору, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанномъ мѣстѣ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующей тетради изданія.